

К.И. ЗАРОДОВ

**Три
революции
в России**
и
наше
время

К.И. ЗАРОДОВ

ТРИ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И НАШЕ ВРЕМЯ

Издание третье, переработанное
и дополненное

МОСКВА · «МЫСЛЬ» · 1983

ББК 66.017

З-35

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Зародов К. И.

З-35 Три революции в России и наше время. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Мысль, 1983. — 640 с.
В пер.: 3 р. 10 к.

В книге рассматриваются стратегия и тактика большевистской партии в ходе трех революций в России, находящиеся в центре современных теоретических дискуссий между коммунистами-ленинцами и их противниками. 80-летний юбилей II съезда РСДРП придает этим дискуссиям особо острый характер, так как привлекает внимание к тем чертам и урокам революций в России, которые отражают наиболее общие объективные закономерности борьбы за социализм.

Третье издание автор дополнил новыми документальными материалами.

3 0900000000-099 2-83
004(01)-83

ББК 66.017
ИМЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга — об уроках трех революций в России в свете современности и о международном значении ленинской теории социалистической революции. Ряд обстоятельств побудил автора взяться за анализ этой очень многогранной и исключительно важной темы.

Во-первых, глубокие социально-экономические сдвиги, происходящие в мире сегодня, неразрывно связаны с революционной деятельностью Коммунистической партии Советского Союза, 80-летний юбилей которой отмечало все прогрессивное человечество, с победой Октября — главного события XX века, коренным образом изменившего ход развития всего человечества. Социализм стал решающим фактором общественного прогресса нашего времени. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии подчеркивалось: «Нет такой страны или группы стран, такого идейного или политического течения, которое не испытало бы на себе в той или иной мере влияния социализма. Такова реальность конца двадцатого века»¹.

События последних лет убедительно подтвердили вывод нашей партии о том, что общий кризис капитализма продолжает углубляться, его коренные противоречия проявляются со все большей силой. Сама жизнь все более настойчиво ставит вопрос о революционном переходе от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Поэтому ленинская теория социалистической революции, научный анализ международного значения опыта трех российских революций имеют неоценимое значение для нынешней борьбы за революционное преобразование общества.

Во-вторых, в международном коммунистическом и рабочем движении заметно возрос интерес к коренным вопросам теории и практики социалистической революции, идет их интенсивная разработка. Мощными стимулами для этого служат сами объективные потребности дальнейшего развития мирового революционного процесса. XXV и XXVI съезды КПСС, съезды других братских партий, региональные встречи представителей коммунистических и рабочих партий, в которых нашла отражение тяга к коллективному анализу новых актуальных проблем, подтвердили необходимость и пользу широких творческих обсуждений вопросов марксистско-ленинской теории, и особенно вопросов, связанных с теорией революции.

Жизнь идет вперед и постоянно учит, что революция — дело сложное. На ее пути бывают не только выдающиеся успехи, но и горькие поражения. И одним из кардинальных условий победы

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 79.

носного развития борьбы рабочего класса за социальное преобразование мира было и остается глубокое освоение и умелое использование коммунистами всего опыта международного революционного движения. Эта мысль была четко сформулирована КПСС на Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы (июнь 1976 года): «С большим вниманием относясь к творчеству своих товарищей по коммунистической семье, мы исходим из того, что критерием верности или, напротив, ошибочности тех или иных положений может быть только практический опыт, но еще до того, как практика вынесет свой окончательный приговор, есть возможность и необходимость проверить эти положения в товарищеской дискуссии, путем широкого сопоставления точек зрения и опыта разных партий. Очевидно, что в результате выиграют и теория, и практика, выиграет наше общее дело»¹.

Понятно, что теоретические дискуссии и обмены мнениями между коммунистами являются тем более плодотворными, чем полнее учитывается в них революционный опыт, уже всесторонне проверенный практикой, а именно такой опыт и дали три революции в России.

В-третьих, за последние годы буржуазные политики и идеологи, реформисты и «левые» авантюристы предпринимают отчаянные попытки «изыскать» новые методы борьбы с силами революции и ее наукой — ленинизмом. С одной стороны, они разрабатывают «стратегию и тактику» «удержания» быстро нарастающего революционного процесса, включая в свой арсенал все (вплоть до вооруженных) средства контрреволюции. С другой — доказывают, что мир вступил в такую стадию, когда возможно или только эволюционное преобразование, так как революции, мол, могут привести к развязыванию мировой войны, или, наоборот, как утверждают левачи, путь к революции лежит только через мировую войну, что принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем «сдерживает» классовую борьбу и является чуть ли не «изменой» делу революции.

По-своему многие наши идейные противники пытаются истолковать и социальное содержание развернувшегося в начале 80-х годов мощного антивоенного движения. Их главный тезис — люди должны построить будущее общество без революционного насилия, взяв все положительное от капитализма и даже «кое-что» (на это они уже теперь «соглашаются!») от социализма. Понятно, что эти взгляды, пропагандируемые при помощи гигантских империалистических «фабрик мнений», действуют на умы немалой части людей в капиталистическом мире.

Во всех подобных идеологических схемах замалчивается либо извращается суть ленинского учения о диалектике войны, мира

¹ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1976, с. 19.

и революции, полностью игнорируется важнейший аспект революционного опыта нашей партии, нашей страны, впервые на деле подтвердивших ту истину, что социализм и мир — понятия нерасторжимые.

В-четвертых, опыт, уроки трех революций в России являются предметом непрерывных фальсификаций буржуазных, реформистских и ревизионистских теоретиков (как правого, так и «левого» толка). Критика теории и практического опыта осуществления социалистической революции в России ведется сразу по нескольким направлениям. По-прежнему в ходу аргумент, что Октябрьская революция — это, мол, чисто русское явление, что победа ее — дело случайное, что условия, существующие в наше время, в корне изменились и поэтому, мол, опыт русских революций не имеет значения, он устарел¹.

В-пятых, у нас написано много глубоких исследований, анализирующих историческое значение ленинской теории революции, историю трех русских революций². В последние годы вышло

¹ Подобного рода идеи проводятся, например, во многих книгах, вышедших в США, Англии, ФРГ, Франции, Японии, Испании и других капиталистических странах (см. *Dias de Villegas. La guerra politica.* Madrid, 1966; *Daniels R. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917.* New York, 1967; *Colvert P. A Study of Revolution.* London, 1970; *Fischer E. Die Revolution ist anders.* Hamburg, 1971; *Kernig C. Marxism, Communism and Western Society, a Comparative Encyclopedia.* New York, 1973; *Keep J. L. H. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization.* New York, 1976; *Rabinowitch A. The Bolsheviks Come to Power. The Revolution of 1917 in Petrograd.* New York, 1976; *Harding N. Lenins Political Thought, Vol. 1. Theory and Practice in the Democratic Revolution.* London, 1977; *Vol. 2. Theory and Practice in the Socialist Revolution.* London, 1981; *Lübbe P. Kommunismus und Sozialdemokratie. Eine Streitschrift.* Berlin—Bonn, 1978; *Ulam A. The Unfinished Revolution. Marxism and Communism in the Modern World.* London, 1979; *Carrérs d'Encausse H. Lénine. La révolution et le pouvoir.* Paris, 1979; *Rauch G. Zarenreich und Sowjetstaat im Spiegel der Geschichte.* Göttingen, 1980; *Malia M. Comprendre la Révolution russe.* Paris, 1980; *Elleinstein J. Histoire du communisme. 1917—1945.* Paris, 1980; *Wesson R. The Aging of Communism.* New York, 1980; *Westwood J. N. Russia Since 1917.* London, 1980; *Des Soviets au communisme bureaucratique.* Présenté par M. Ferro. Paris, 1980; *Ferro M. October 1917. A Social History of the Russian Revolution.* London, 1980; *Sotelo I. El socialismo democrático.* Madrid, 1980; *Gostony R. Die Rote Armee. Geschichte und Aufbau der Sowjetischen Streitkräfte seit 1917.* Wien, 1980; *Lane D. Leninism. A Sociological Interpretation.* Cambridge, 1981; *Venner D. L'Histoire de l'Armée Rouge. La Révolution et la guerre civile. 1917—1924.* Paris, 1981; *Hill R. and Frank P. The Soviet Communist Party.* London, 1981; *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union.* Cambridge, 1982.

² Назовем прежде всего такие фундаментальные исследования, как История Коммунистической партии Советского Союза. В шести томах. М., 1964—1971; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1982; *Мицц И. И. История Великого Октября.* В трех томах. М., 1967—1973 (изд. 2-е. М., 1977—1979); Гегемония пролетариата в трех русских революциях. М., 1975; Первая русская революция и ее историческое значение. М., 1975; Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905—1917 гг.). М., 1975; Из истории трех русских революций. Ред. колл.: Иванов Н. Я. и др. Л., 1976; *Голуб П. А. Большевики и армия в трех револю-*

немало трудов по тем или иным важным аспектам современной революционной борьбы¹. Но среди них мало исследований, посвященных значению русских революций непосредственно в свете современности.

Под международным значением Октябрьской революции В. И. Ленин, как известно, понимал неизбежность повторения некоторых ее весьма существенных черт во всех странах, вступающих на путь борьбы за социализм². Он не раз говорил, что мы никому не навязываем опыта нашей революции³. Однако Ленин считал, что нет ничего более прискорбного для революционеров, чем отказываться от имеющегося опыта, пытаться изобретать то, что уже было известно десятилетия назад, более того, прошло проверку в горниле революционной борьбы. Подобный подход к вопросам стратегии и тактики противоречит интернациональ-

циях. М., 1977; *Баева Л. К.* Социальная политика Октябрьской революции. М., 1977; *Голиков А. Г.* В канун Октября: нарастание общенационального кризиса. М., 1977; *Гапоненко Л. С.* Решающая сила Великого Октября. М., 1977; *Старцев В. И.* Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте — апреле 1917 г. М., 1978; *Трофимов А. С.* Пролетариат России и его борьба против царизма. М., 1979; Генеральная репетиция Великого Октября. М., 1980; *Якунов Н. М.* Революция и мир. Солдатские массы против империалистической войны, 1917 — март 1918 г. М., 1980; Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. Ред. колл.: Бovyкин В. И. и др. М., 1981.

¹ Среди них такие работы, как: *Федосеев П. П.* Марксизм в XX веке. М., 1972; *Иноземцев Н. Н.* Современный капитализм: новые явления и противоречия. М., 1972; *Бругенц К. Н.* Современные национально-освободительные революции (некоторые вопросы теории). М., 1974; *Розенталь М. М.* Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976; *Красин Ю. А.* Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М., 1977; *Красин Ю. А.* Революционный процесс современности. М., 1981; *Красин Ю. А., Лейбзон Б. М.* Революционная теория и революционная политика. М., 1979; *Гаврилов Ю. Н.* Национально-освободительное движение: перспективы развития. М., 1981; *Коваль Б. И.* Латинская Америка: революция и современность. М., 1981; Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973; Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1975; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 4—6. М., 1976—1981; Революционный процесс: общее и особенное. М., 1981; Проблемы мирового революционного процесса, вып. I. М., 1981. В международном издательстве «Мир и социализм» (Прага) вышли: Империализм 70-х годов: углубление общего кризиса, 1974; Международное единство коммунистов, 1974; Коммунисты в борьбе за демократическое единство, 1975; Великий Октябрь и современный мир. Международная научно-теоретическая конференция, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 1977; Некоторые проблемы национально-освободительной борьбы в Латинской Америке, 1977; Перспективы и трудности борьбы в Африке, 1977; 1000 дней революции. Руководители КПЧ об уроках событий в Чили, 1978; Кризис капитализма и классовая борьба, 1979; Коммунистическое движение. Проблемы теории и практики, 1980; Коммунисты в борьбе за антимонополистический демократический фронт, 1981; Роль КПСС в мировом революционном процессе, 1981; Национально-освободительное движение на пороге 80-х годов. С кем оно? 1982.

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 3—4.

³ См., например, *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 18, 19, 21.

ному характеру марксистско-ленинских партий, основам научной теории, необходимости бережного сохранения и умножения революционных традиций, коренным потребностям борьбы рабочего класса. «Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран»¹, — указывал В. И. Ленин.

История последних десятилетий знает потерпевшие поражение революционные движения, которые не умели правильно, творчески применить опыт большевиков, игнорировали советы Ленина. Уроки этих неудач весьма поучительны.

Ни в одной стране, как в России, указывал Ленин, «не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы *всех* классов современного общества...»². Эти слова и сегодня звучат актуально, что подчеркивается во многих документах братских партий, статьях и выступлениях руководящих деятелей международного коммунистического движения.

Разумеется, использование по-ленински опыта революционных битв в России 1905—1907 и 1917 годов ничего общего не имеет с его «копированием». Напротив, такое использование расширяет подлинную свободу революционного творчества, ибо, как известно, свобода начинается там, где осознается необходимость — в данном случае необходимость считаться с некоторыми объективными, ни от чьей воли не зависящими законами революции.

Все эти обстоятельства и определили выбор темы монографии. Они определили и некоторые особенности ее содержания и структуры.

Автор, учитывая, что избрал многоплановую тему, пытался найти к ней свой подход, свой ключ, который он видел в стремлении раскрыть проблему в широком плане, сосредоточив внимание на некоторых моментах, имеющих прежде всего методологический характер. Именно этим объясняется то, что в работе сравнительно ограниченное количество исторических фактов и приводятся они только по мере необходимости, для выяснения соответствующих общетеоретических, методологических проблем или в связи с критикой буржуазных и ревизионистских установок. Этим же объясняется отказ автора от чисто хронологического анализа отдельных проблем и явлений, хотя он и стремился проследить — хотя бы в общих чертах — историю избранного вопроса.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 182.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

Далее. В книге содержится попытка проанализировать прежде всего те уроки российских революций, которые, по мнению автора, не только имели решающее значение для победы большевиков, не только были полностью подтверждены в ходе последующих победоносных революций, но и не утратили принципиального значения в нынешних и грядущих классовых боях с капиталом. Именно эти стороны опыта большевиков и находятся ныне в фокусе идейно-теоретической полемики как в рамках международного коммунистического и рабочего движения, так и вне его.

О каких уроках, о каком опыте большевиков-ленинцев идет речь?

— О ленинском учении о соотношении революции и эволюции в общественном развитии, которое утверждалось и утверждается в острой борьбе с буржуазными идеологами и ренегатами рабочего движения; о значении ленинского положения о возможности в эпоху империализма победы революции первоначально в одной, отдельно взятой, стране; о его влиянии на общую теорию революции, на стратегию и тактику коммунистических партий, на развитие мирового революционного процесса. К этому тесно примыкает вопрос об объективных условиях и субъективных факторах победы революции.

— О диалектике экономики и политики в революционном преобразовании общества.

— О строгом соблюдении специфики и выявлении взаимосвязи различных этапов революционного развития, характерных для каждого из них общих закономерностей и особенностей, непрерывном характере развития революции.

— О точном определении и учете движущих сил революции, их изменении и развитии на различных этапах, о гегемонии пролетариата.

— О правильном сочетании различных средств революционных преобразований, творческом использовании возможностей мирного (невооруженного) и немирного (вооруженного) пути, роли классового насилия в революции.

— О необходимости особых мер по закреплению политической победы социалистической революции, о диктатуре пролетариата, обеспечивающей гарантию от реставрации власти эксплуататоров.

— О решающей роли партии нового типа, марксистско-ленинской партии нашей эпохи, единственного инструмента, способного создать единый фронт борцов за демократию и социализм, обеспечить победу социалистической революции, ее закрепление и развитие.

— О значении пролетарского интернационализма в борьбе за мир, социализм, национальную независимость и свободу народов.

Указанные выше проблемы легли в основу восьми глав книги. При этом мы стремились расположить их так, чтобы не только раскрыть тему с разных сторон, но и постепенно переходить от рассмотрения более общих вопросов к более частным, от абстракт-

ного к конкретному. Так что в известном смысле каждый последующий раздел (и в рамках всей книги, и внутри отдельных глав) опирается на предыдущие как на методологические по отношению к нему. Это позволяет, на наш взгляд, анализируя порой одни и те же по существу исторические события, находить в них новые грани, оттенки, избегая ненужных повторов.

В книге прослеживается постановка рассматриваемых проблем К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. Это важно было сделать потому, что именно теоретическая деятельность классиков марксизма-ленинизма создала научную основу этих проблем, осветила путь их решения. И не случайно, что по данным проблемам идут ныне нападки на основоположников научного коммунизма со стороны наших противников. При этом не существенно, делается ли это под предлогом так называемого «нового прочтения» трудов Маркса, Энгельса, Ленина, идет ли противопоставление проблем, данных Марксом, постановке этих проблем, содержащихся у Энгельса и позднее у Ленина, или по другим причинам.

Поэтому автор не просто подверг критике антимарксистские концепции, их научную несостоятельность, но пытался прежде всего показать, что вся история международного коммунистического движения, вся история борьбы за осуществление социалистической революции наглядно убеждает каждого непредвзятого исследователя в том, что нет и не было никакого разрыва или противоречия во взглядах Маркса, с одной стороны, и Энгельса, а затем Ленина — с другой, что их труды составляют единое интернациональное учение рабочего класса.

Естественно, что при рассмотрении опыта трех российских революций в свете современности предметом специального исследования является исключительный по своей теоретической и практической значимости вклад В. И. Ленина в марксистскую науку и практику социалистической революции. И это понятно. Именно Ленин впервые дал анализ эпохи империализма и всесторонне разработал в новых условиях теорию социалистической революции и строительства социализма. Именно под руководством Ленина эта теория впервые была осуществлена на практике в такой огромной и своеобразной стране, как Россия. И именно Ленин, опираясь на опыт трех революций в России и первых лет социалистического строительства, указал пути революционного перехода от капитализма к социализму в других странах.

Ленинизм — высшее достижение научной мысли человечества, социалистической практики, великое интернациональное учение рабочего класса. «Порою кажется почти непостижимым, выходящим за рамки человеческих возможностей, что один человек — пусть даже гениальный — мог проделать всю ту гигантскую работу, которую проделал Ленин. Это был великий, неутомимый труженик, человек поразительной работоспособности. Чтобы стать коммунистом, говорил Ленин, надо усвоить то, что накоплено

человеческим знанием. И этому правилу Ленин следовал всю жизнь. В сибирском селе Шушенском и в Британском музее, в царской тюрьме, в Мюнхене и Поронине, в библиотеках Парижа и Жене-вы он учился, штудировал работы по философии и естествозна-нию, экономике и социологии, по истории, по военным вопросам и международным отношениям. И все это богатство человеческого знания Ленин обратил на пользу революционному делу. Десятки книг и брошюр, тысячи статей, докладов и речей, писем и заме-ток — таково необъятное литературное наследие Ленина, вобрав-шее в себя его политический, революционный опыт, его мысли и наблюдения»¹.

Подчеркнуть во всей полноте величие подвига В. И. Ленина автор считал необходимым и потому, что сегодня приходится не-редко сталкиваться с попытками принизить значение ленинского наследия, с конъюнктурным, выборочным отношением к нему. (Мы не говорим уж о прямых напаках на Ленина, о фальсифи-кации ленинизма со стороны апологетов капитализма.) Утверж-дается, например, что предпочтительнее пользоваться термином «марксизм», а не «марксизм-ленинизм», так как, мол, ленинизм — одно из ответвлений марксизма и о нем надо говорить, когда речь заходит только о наиболее важных открытиях, сделанных Лени-ным. Иные идеологи заявляют, что главное в ленинизме — метод, а ленинская теория не имеет якобы существенного значения. Однако марксизм-ленинизм — цельное революционное учение, единый организм, ленинский метод анализа действительности не-отделим от всего богатства теоретических идей Ленина, от его важнейших конкретных советов и указаний по коренным вопро-сам стратегии и тактики классовой борьбы.

Бескомпромиссное отстаивание теории Маркса и Энгельса, острейшая борьба с оппортунистическим отступничеством от нее, глубокое ознакомление с накопленным опытом революционной борьбы во всех странах, его использование и применение в усло-виях России, творческое развитие марксизма как великого интер-национального учения — вот что характеризовало Ленина на протяжении всей его революционной и научной деятельности. Лени-низм — это марксизм современной эпохи. «Верность марксизму-ленинизму — великому интернациональному учению, — подчерк-нуло международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 года, — залог дальнейших успехов коммунистическо-го движения»². Наше время полностью подтверждает этот вывод.

Автор стремился вовлечь в поле исследования и самые све-жие, актуальные события, волнующие всех коммунистов, всех интересующихся теорией научного социализма. При этом он ста-рался по возможности осветить ценный опыт братских партий, ознакомить читателя с теми теоретическими выводами и обобще-

¹ Брежнев Л. И. Лениным курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 563.

² Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969. Прага, 1969, с. 45.

ниями, которые они делают из этого опыта. Расширение такого рода материалов и соответственно более подробный анализ некоторых общетеоретических и особенно актуальных сегодня аспектов революционного опыта нашей страны — это основное, что отличает настоящее, третье издание книги от предыдущих.

Излагая те или иные соображения по проблемам, касающимся новых явлений в революционном движении, автор вполне осознавал, что некоторые из этих соображений носят дискуссионный характер, что в рабочем движении существуют и другие точки зрения.

Необходимо особо отметить еще одно обстоятельство, оказавшее большое влияние и на замысел книги, и во многом на ее содержание. В течение ряда лет автору довелось встречаться с руководящими деятелями многих коммунистических и рабочих партий, советоваться с ними по актуальным проблемам истории и современной практики революционного движения. Он участвовал также в многочисленных международных конференциях, семинарах, симпозиумах политических и теоретических работников братских партий. При работе над книгой все эти формы непосредственного контакта с коллективной интернациональной творческой мыслью марксистов-ленинцев имели неоценимое значение.

ИМПЕРИАЛИЗМ, РЕВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЭПОХА

На рубеже XIX—XX веков мировой капитализм претерпел глубокие качественные изменения, вступив в высшую, империалистическую стадию, «когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»¹. На этой стадии усилились все противоречия капитализма, прежде всего главное из них — между трудом и капиталом. Массовое пролетарское движение выросло в мощную силу, которая стала решающим фактором социального прогресса. Именно с целями и задачами этого движения все больше передовых людей из самых различных классов и слоев начинало связывать выход из лабиринта острейших социальных противоречий, в который завел общество капитализм, надежды на коренное переустройство всей общественной жизни, уничтожение эксплуатации человека человеком.

В международном рабочем движении возникла настоятельная потребность в дальнейшем развитии марксистской теории, в разработке — на основе всестороннего научного анализа особенностей нового этапа мировой истории — революционной стратегии и тактики пролетариата, соответствующих изменившимся условиям. Эту задачу блестяще выполнил В. И. Ленин.

Вооруженный ленинскими идеями, российский рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством, под руководством партии большевиков сумел первым прорвать цепь империализма в октябре 1917 года и, закрепив свои революционные завоевания, открыть новую эпоху всемирной истории — эпоху перехода от капитализма к социализму.

Таким образом, не прошло и двух десятилетий со времени превращения домонополистического капитализма в империализм в международном масштабе, как в результате победоносной Октябрьской революции мир качественно преобразился: характер и основное содержание мирового развития во все большей степени стали определять не существование и политика империализма, а революционные преобразования. Это главное, решающее остается в силе и в наши дни. Мировая ситуация последних десятилетий XX века остро ставит (разумеется, в своеобразной форме) практически все те главные вопросы, принципиальные ответы на ко-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 387.

которые были в свое время даны В. И. Лениным и которые решались в ходе трех революций в России и последующих революционных событий в других странах.

Это делает особенно актуальным рассмотрение кардинальных аспектов и составных частей общей теории революции, творчески разработанной Лениным и проверенной опытом российских революций,— соотношения революции и эволюции в общественном развитии в нашу эпоху; победы революции в одной стране и ее влияние на ход и характер развития мирового революционного процесса; учения о предпосылках и законах возникновения революций. Без предварительного разбора этих вопросов невозможно, на наш взгляд, уяснение уроков революций в России в свете современности.

Ленинизм и реформизм о роли эволюции и революции в общественном прогрессе

Обращаясь к прошлому, мы невольно задумываемся, в чем заключаются те решающие предпосылки, которые обеспечили ленинизму успех в невероятно трудном деле подготовки первой победоносной социалистической революции, строительства первого в мире социалистического государства? Если связать этот вопрос с конкретно-историческими условиями возникновения и развития ленинизма, то прежде всего следует обратить внимание на последовательную, бескомпромиссную борьбу Ленина против оппортунизма, которым, особенно в период, последовавший за смертью Энгельса, оказались заражены практически все социал-демократические партии мира. Несмотря на устоявшиеся авторитеты официальных лидеров и теоретиков II Интернационала, многие из которых лично знали Маркса и Энгельса и на основании этого претендовали на роль преемников и продолжателей дела пролетарской революции, Ленин с самого начала своей деятельности смело выступил против взглядов, искажающих марксизм, выхолащивающих его революционное содержание, склоняющих рабочий класс к соглашательству с буржуазией.

Почему в исключительно богатом, многогранном опыте трех революций в России, их взаимодействия с мировым революционным процессом мы в первую очередь выделяем именно данную сторону, связанную с обострением идейно-теоретической борьбы в рабочем движении в начале XX века?

Отметим главное: эта борьба, отразив объективные общественные процессы новой эпохи, предварила и в значительной мере обусловила глубокие сдвиги в развитии рабочего движения, которые предопределили и его нынешнюю идейно-политическую структуру, основные направления современной стратегии и тактики рабочих партий; в ней, в этой борьбе завязались тугие узлы не

разрешенных по сию пору идеологических противоречий, в которых невозможно разобраться, не обращаясь к изучению их истоков; наконец, актуализированные ею теоретические вопросы и сегодня остаются в центре дискуссий, ведущихся с тех принципиальных позиций, которые оформились в полемике начала века. Эти дискуссии идут по таким не теряющим своего злободневного характера вопросам, как соотношение реформы и революции, взаимодействие экономики и политики, объективных факторов и субъективных условий в революции, значение общих закономерностей и специфических особенностей при переходе к социализму, формы и методы борьбы за социалистическое преобразование общества, проблемы, связанные с революционным преобразованием отношений собственности, изменением классового характера государственной власти, ролью и местом демократии, марксистско-ленинской партии в борьбе за социализм, значением международного опыта братских партий, интернациональной солидарности демократических сил и многим другим. Все эти вопросы будут подробно рассматриваться в последующих главах книги. Сейчас отметим лишь совершенно закономерный, острый интерес теоретиков самых различных направлений к этой полемике, из анализа которой делаются выводы, имеющие прямое отношение к современному этапу рабочего движения, и которая сама стала одним из объектов происходящей ныне идейной борьбы¹.

Если говорить о сути дела, то речь, собственно, идет о длящемся почти столетие историческом споре между научным социализмом и реформизмом, между ленинизмом и оппортунизмом. Он разворачивается как в сфере идеологии, воплощаясь в теоретические дискуссии по проблемам общественных преобразований, так и в области политики, преломляясь через борьбу марксистов-ленинцев и реформистов за влияние на массы, через столкновение их позиций при решении внутри- и внешнеполитических вопросов. Не вдаваясь в исторические перипетии этого спора, обстоятельно исследованные в марксистской историографии², рассмотрим основную, «стержневую» его линию, протянувшуюся с конца XIX века до наших дней и отчетливо обозначаемую дискуссиями

¹ В этих отношениях показателен второй том издаваемой в Италии коллективной международной работы История марксизма, авторы которой придерживаются разных идеологических ориентаций (см. *Storia del marxismo*, vol. secondo. Il marxismo nell'eta della Secondo Internazionale. Torino, 1979).

² См., например: История Второго Интернационала, т. I—II. М., 1965—1966; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 2—6; Окулов А. Ф. Борьба В. И. Ленина против философии реформизма и ревизионизма. М., 1959; Чагин Б. А. Борьба марксизма-ленинизма против философского ревизионизма (конец XIX — начало XX в.). Л., 1959; Чернецовский Ю. М. Ленин и борьба против международного ревизионизма. Л., 1970; Фостер У. З. История трех Интернационалов. М., 1959; Виллар К. Социалистическое движение во Франции. 1893—1905. М., 1969; Овчаренко Н. Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М., 1975, и др.

вокруг центрального вопроса классовой борьбы — о роли эволюции и революции в общественном прогрессе.

Эта линия наметилась еще в 90-х годах прошлого века, когда марксизм одержал в целом победу в рабочем движении и когда «призрак коммунизма» бродил не только по Европе, а перешагнул и на другие континенты. Уже в то время у марксизма появился новый идейный противник — ревизионизм, который под видом «развития» марксистского учения протаскивал в рабочее движение оппортунизм. Поначалу оппортунизм развивался лишь в национальных масштабах, в конце XIX — начале XX века он уже стал интернациональным явлением. В международной социал-демократии, у истоков которой стояли К. Маркс и Ф. Энгельс, образовалось два направления — ревизионистско-оппортунистическое и революционное.

В Германии — Э. Бернштейн, Г. Фольмар, К. Шмидт, Э. Давид, Л. Вольтман и др.; во Франции — так называемые независимые социалисты во главе с А. Мильераном; в Бельгии — Э. Вандервельде, Э. Ансель; в Швеции — Я. Брантинг; в Италии — С. Мерлино, Ф. Турати; в России — «легальные марксисты», «экономисты», а за ними и меньшевики — все они в различных формах пытались пересмотреть марксистский тезис об исторической неизбежности революционного ниспровержения капитализма, противопоставляя ему эволюционистские концепции социального прогресса.

Такого рода попытки предпринимались еще при жизни Ф. Энгельса, который вопреки утверждениям прежних и нынешних реформистов не только не относился к ним терпимо, но, напротив, давал им самый решительный отпор, неизменно отстаивая революционную теорию рабочего класса. Так, 30 марта 1895 года в газете Социал-демократической партии Германии «Форвертс» была помещена передовая статья «Как делают ныне революции», представлявшая собой произвольно вырванные из контекста абзацы написанного Энгельсом «Введения» к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». Речь в нем, в частности, шла о необходимости учитывать изменившиеся условия при реализации обоснованных Марксом положений революционной теории в тактике рабочего движения в Германии. Статья же, опубликованная без согласования с Энгельсом, создавала, по его выражению, «позорное впечатление»¹, будто он превратился в сторонника исключительно мирного, законного пути перехода власти к рабочему классу. Ее появление на свет вызвало возмущение Энгельса. «К своему изумлению, — писал он на следующий день после выхода из печати газеты с этой статьей, — нахожу сегодня в «Vorwärts» напечатанное без моего ведома извлечение из моего «Введения», приглашенное таким образом, что я предстаю в нем в виде миролюбивого поклонника законности во что бы то

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 373.

ни стало»¹. Как подчеркивал Энгельс, тактику, безоговорочным сторонником которой его изобразила газета, он рекомендовал «лишь для *Германии сегодняшнего дня*, да и то со *значительной оговоркой*», добавив, что и «для Германии она уже завтра может стать неприемлемой»². Известно, что после его смерти Э. Бернштейн, фальсифицируя содержание «Введения», подлинный текст которого находился в его руках, приписал Энгельсу пересмотр революционных взглядов, переход на эволюционистские позиции реформизма.

Это отнюдь не случайный эпизод в идейной борьбе конца XIX века. В нем проявилось действие двух нараставших тенденций: с одной стороны, стремление к творческому применению и развитию революционной теории марксизма в соответствии с новыми условиями, примером чему служит «Введение» Энгельса; с другой стороны, тенденция к ее ревизии, приспособления к реформистским идеям, получившим систематизированное выражение в бернштейнианстве. В работах, написанных на рубеже веков, Бернштейн утверждал, что революционная теория Маркса неприменима в новых условиях, что марксизм нуждается в «развитии» и «усовершенствовании», которые должны «начаться с его критики»³. Главным объектом ревизионистской критики стало учение Маркса о социалистической революции, необходимость и даже возможность которой снимается якобы развитием капитализма в наступившую эпоху. Ревизионисты пытались доказать, что в ходе этого развития в недрах капитализма вызревают будто бы социалистические общественные отношения, в силу чего происходит постепенное «врастание современного общества в социализм»⁴.

Реформистская ревизия марксизма первоначально сосредоточивалась на вопросе о средствах борьбы рабочего класса, цель которой — социализм — по крайней мере в идеале, на словах, не ставилась под сомнение. Даже пресловутая формула Бернштейна «движение — все, конечная цель — ничто» не отрицала конечную цель вовсе, хотя и отодвигала ее в бесконечно далекое будущее. Главное, принципиальное отличие выраженной этой формулой концепции, как и оппортунизма вообще, от революционного марксизма заключалось в установке на классовый мир. В соответствии с этой установкой не борьба, а сотрудничество классов является двигателем исторического прогресса. «Я отрицаю, — писал Бернштейн

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 373.

² Там же, с. 379.

³ См. Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901, с. 46. Характерно, что в правящих кругах различных стран ревизионистские работы Бернштейна получили положительный резонанс. В России, например, цитируемая книга была трижды издана с одобрения цензуры, а глава царской охранки генерал Зубатов включил ее в список литературы, рекомендованной для чтения рабочим.

⁴ Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. СПб., 1902, с. 160.

тейн, — неизбежность обострения классовых противоречий, которое должно повести рано или поздно к катастрофе»¹.

Как реакция на правый ревизионизм распространились и различные рода догматические извращения марксизма, на которых в свою очередь спекулировали оппортунисты. В разной степени догматизм и сектантство поразили руководство английской Социал-демократической федерации, Социалистической рабочей партии США, Рабочей партии Франции². Ф. Энгельс писал, что «те люди, которые более или менее овладели правильной теорией, в смысле усвоения догматической стороны ее, становятся простой сектой, потому что не в состоянии понять эту живую теорию действия, работы вместе с рабочим классом на всех возможных этапах его развития, иначе как собрание догм, которые следует заучить наизусть и повторять вслух, подобно формулам заклинания или католической молитвы»³.

Однако в тот период главную опасность для рабочего движения представлял правый оппортунизм. Вопрос стоял так: либо стихийно пробуждающийся к классовой борьбе пролетариат подпадет под влияние оппортунизма и будет долго блуждать в потемках реформистских иллюзий, либо оппортунизм будет идейно разбит и рабочее движение пойдет по революционному пути.

Опасность оппортунизма видели многие выдающиеся теоретики и пропагандисты марксизма того времени.

В 1898 году на очередном съезде Социал-демократической партии Германии в Штутгарте с резкой критикой идеи, провозглашенных Бернштейном, выступили такие видные теоретики немецкого революционного марксизма, как Р. Люксембург, К. Цеткин, В. Либкнехт. В 1899 году вышла в свет книга Р. Люксембург «Социальная реформа или революция», в которой были подвергнуты обстоятельной критике оппортунистические взгляды, навязывавшиеся Бернштейном международному рабочему движению. Р. Люксембург показала, что, пропагандируя отказ от революционных методов борьбы, он тем самым превращает в некую несбыточную абстракцию ее цель, ибо тот, кто высказывается за путь реформ вместо и в противоположность революционному пути, писала Р. Люксембург, «преследует не осуществление *социалистического* строя, а только преобразование *капиталистического*... стремится к уничтожению только наростов капитализма, а не самого капитализма»⁴. Одним из первых против бернштейнства выступил также видный русский марксист того времени Г. В. Плеханов, уделивший особое внимание борьбе против философского ревизионизма. Разоблачая ревизионизм как результат влияния

¹ Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма, с. 372.

² См. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 2. М., 1976, с. 308.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 82.

⁴ Люксембург Р. Социальная реформа или революция. М., 1959, с. 70—71.

буржуазной идеологии на рабочее движение, он опроверг попытки Бернштейна и его последователей заменить марксизм «экономическим материализмом», показал, что отказ Бернштейна от теории классовой борьбы и революции Маркса порожден «его нежеланием пугать... буржуазию *«ужасами насильственной революции»*¹.

Взгляды Бернштейна и его последователей подвергли критике видные деятели германской социал-демократии А. Бебель, Ф. Меринг, руководители Рабочей партии Франции Ж. Гед и П. Лафарг, представитель революционного направления в Итальянской социалистической партии А. Лабриола, теоретик левого крыла Болгарской социал-демократической рабочей партии Д. Благоев и многие другие видные деятели международной социал-демократии. Нельзя не указать, что немалую роль в разоблачении ревизионизма сыграл в конце XIX — начале XX века К. Каутский. В книге «Бернштейн и социал-демократическая программа. Анти-критика» он писал, что реализация социально-политических доктрин бернштейнианцев неизбежно привела бы только к укреплению «существующего социального строя, частной собственности на средства производства, свободы частного производства»². Однако критика Каутского, принадлежавшего, как отмечал К. Маркс, «от природы к племени филистеров»³, носила соглашательский характер. Обходя вопрос о классовой сущности ревизионизма Бернштейна, он зачислял бернштейнианство в разряд одного из течений марксизма, что представляло крупную уступку реформизму. Недооценивали опасность ревизионизма и многие другие его критики. Так, тот же А. Бебель, с тревогой отмечавший еще в 1898 году, что в Германии «делает бурные успехи самый опасный оппортунизм»⁴, тем не менее в течение ряда лет сдерживал принятия решительных мер против ревизионистов. А по снисходительной оценке Ф. Меринга, в Германии ревизионизм никогда не был больше, чем настроением⁵. Такое примиренческое отношение к ревизионизму способствовало тому, что его сторонники получили возможность свободно пропагандировать свои концепции, навязывать их рабочему движению не только в Германии, но и других стран.

Решающий удар по оппортунизму был нанесен В. И. Лениным. Последовательно отстаивая принципы марксизма в новых условиях, он неустанно боролся с противниками революционной теории и политики рабочего класса, с разного рода реформистами и

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. II, М., 1956, с. 392.

² Kautsky K. Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik. Stuttgart, 1899, S. 179.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 146.

⁴ August Bebel's Briefwechsel mit Karl Kautsky. Assen, 1971, S. 103.

⁵ См. Меринг Ф. История германской социал-демократии, т. IV. М.: Изд., 1924, с. 302.

«левыми» фразерами в международном социалистическом и рабочем движении. В одном из писем, оглядываясь на пройденный путь, Ленин писал: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками»¹.

Ленинизм родился, вырос и закалился в боевых кампаниях. Великий продолжатель дела Маркса и Энгельса — Ленин не знает себе равных не только по масштабам творческого вклада в сокровищницу марксистской мысли, но и как непобедимый революционер-полемист, страстно сражавшийся в течение всей своей героической, подвижнической жизни с оппортунизмом.

Следует подчеркнуть несостоятельность утверждений некоторых противников ленинизма, будто о начале решительной борьбы Ленина с оппортунизмом, вообще о становлении ленинизма как целостного международного учения можно говорить лишь применительно к периоду первой мировой войны. Так, американский политолог, профессор Гарвардского университета А. Улам пытается противопоставить Ленина — «образцового социал-демократа», каким-де он был до 1914 года, Ленину — борцу против оппортунизма, каким он будто бы стал только в годы первой мировой войны². В этой связи выдвигается аргумент, что будто в предшествующие годы Ленин, занимаясь российской проблематикой, «не поднимался» на международный уровень и не вмешивался в идейную борьбу против бернштейнианства. Типично в данном отношении утверждение английского историка Н. Хардинга, что до войны Ленин «уделял сравнительно мало внимания развитию международных событий...»³.

Подобные взгляды находятся в вопиющем противоречии и с фактической историей становления и развития ленинизма, и с логикой развития ленинской теоретической мысли. Всякому, кто мало-мальски знаком с жизнью и деятельностью Ленина, хорошо известно, что в борьбу против оппортунистов II Интернационала, и в частности Бернштейна, он включился еще в последние годы прошлого столетия.

Уже своими первыми произведениями, которые, чему есть немало свидетельств, изучались зарубежными марксистами⁴, Ленин выдвинулся в первый ряд последователей революционного марксизма. В 1899 г. Ленин, прочитав книгу Бернштейна «Предпосылки социализма», дал ей следующую глубоко принципиальную

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 340.

² См. Улам А. Op. cit., p. 168.

³ Harding N. Lenin's Political Thought, Vol. 2. Theory and Practice in the Socialist Revolution. London, 1981, p. 6.

⁴ Так, выдающийся болгарский революционер Д. Благоев в 1902 г. опирался на книгу В. И. Ленина «Что делать?» в борьбе с болгарской разновидностью оппортунизма (см. В. И. Ленин и международное коммунистическое движение. М., 1970, с. 51—52).

оценку: «Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей. Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически — оппортунизм (фабианизм, вернее: оригинал массы утверждений и идей Бернштейна находится у Webb'ов в их последних книгах), безграничный оппортунизм и поппилизм, и притом все же *трусливый* оппортунизм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет. Вряд ли можно сомневаться в его фиаско. Указания Бернштейна на солидарность с ним многих русских... совсем возмутили нас»¹.

Будучи в ссылке, Ленин тем не менее находил возможность внимательнейшим образом следить за идеологической борьбой в международном рабочем движении. Это находит отражение в его письмах той поры. Так, касаясь первых выступлений Г. В. Плеханова против бернштейнианства, он пишет: «Полемика его с Бернштейном и Конрадом Шмидтом меня интересует в высшей степени»².

Написанные Лениным работы «Протест российских социал-демократов», «Наша программа», «Попытное направление в русской социал-демократии» и прежде всего труд «Что делать?» не только сыграли огромную роль в разоблачении бернштейнианства и иных разновидностей реформизма начала XX века, но и дали животворные импульсы той борьбе, которую на протяжении многих десятилетий ведет международный рабочий класс против оппортунизма.

В чем сила ленинской критики социал-реформизма?

Жизнеспособность и эффективность ленинской критики оппортунизма коренятся в ее подлинно научной объективности. Даже в самых отвлеченных теоретических спорах Ленин последовательно исходил из конкретного анализа социальных реальностей эпохи, основывая на них критическую аргументацию и выявляя в них истоки идейных ошибок своих оппонентов. Уже в ранних произведениях он подчеркивал, что марксистская критика не должна сводиться к сопоставлению критикуемых идей с теорией марксизма, что необходимо еще показать их материальное основание в современных общественно-экономических отношениях³. Именно потому, что в ленинской критике раскрыты объективные, характерные для всей эпохи империализма причины, порождающие оппортунизм в рабочем движении, она и сегодня сохраняет всю свою актуальность. В чем же состоят эти причины?

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 176.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 16. Кстати, в Шушенском В. И. Ленин ознакомился с книгами Вандервельде, читал журнал «Социалистическое движение» («Le Mouvement socialiste»), редактируемый Лонге и выходивший в Париже, протоколы Штутгартского съезда Германской социал-демократической партии (3—8 октября 1898 года) и т. п. (см. Любящий тебя В. Ульянов. Письма В. И. Ленина матери. М., 1972, с. 109—112).

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 238.

Отмечая продолжительность существования в рабочем движении реформистских и других отступлений от марксизма, Ленин писал: «Уже из одного этого факта явствует, что нельзя объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран и постоянно порождающие эти отступления»¹. Неравномерность развития рабочего класса, разных его слоев и групп, как указывал Ленин, неодинаковый уровень их политического сознания и организованности уже являются основой для неоднозначного восприятия рабочими социальных реальностей, возникновения у них различных по глубине потребностей в преобразованиях. Вместе с тем перед рабочим движением неизбежно встает задача соединения защиты непосредственных, текущих интересов трудящихся с борьбой за социалистическую перспективу. В результате возникают противоречия между конечной и промежуточными целями, между общеклассовыми и групповыми интересами. Эти различия и противоречия и служат объективными предпосылками, на базе которых под воздействием противоположных классовых идеологий формируются различные идейно-политические течения, ориентирующиеся на тот или иной способ общественных преобразований — революционный или реформистский. Первый из них всегда означает коренное переустройство социально-экономической и политической системы, второй же, не затрагивая основы существующего общественного порядка, направлен на постепенную его эволюцию.

Таким образом, революционность одной части рабочего класса и его организаций и реформизм другой части детерминированы глубокими социально-историческими причинами, связанными с антагонизмами капитализма и объективными условиями классовой борьбы. На это неоднократно обращал внимание Ленин, подчеркивая, что постоянным источником разногласий в рабочем движении «является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий»².

Самое возникновение ленинизма, превращение его в главную силу, противодействующую оппортунизму, суть закономерные результаты этого диалектического процесса. Нельзя поэтому согласиться с мнением, что учение Ленина возникло лишь как ответ на активизацию оппортунизма в российской и международной социал-демократии, явилось, по оценке французского буржуазного социолога Р. Арона, продуктом «полемики Ленина против философского уклона» ревизионистов³. Такой односторонний подход

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 62.

² Там же, с. 65.

³ См. Aron R. In Defence of Decadent Europe. South Bend (Ind.), 1979, p. 31.

к вопросу крайне упрощает суть дела, выдвигает на первый план хотя и важный, но в конечном счете субъективный фактор. В ленинизме необходимо видеть прежде всего реализацию объективно назревшей общественной потребности в дальнейшей разработке научной революционной теории в новых исторических условиях.

Ленинизм, развивавшийся в острой борьбе с оппортунизмом, действительно пронизан полемичностью. Это одно из проявлений революционности творческого гения Ленина, черта, столь же органично присущая и основоположникам научного социализма. Но полемичность революционных теоретиков неотделима от научности, от позитивного анализа реальной действительности. В ходе полемики с противниками революционного марксизма ленинская мысль охватывала все более широкие сферы социальной жизни, все глубже проникала в суть происходивших общественных перемен, развивая марксистский диалектический метод и открывая новые закономерности революционного процесса, мирового прогресса.

Особое значение в обстановке, сложившейся в мире в канун первой мировой войны, имел осуществленный В. И. Лениным глубокий научный анализ исторического места империализма в развитии капиталистического способа производства, всестороннее раскрытие тенденций его развития. При этом Ленин обращался к исследованию империализма не только как ученый, но и как революционер. Вот почему, открыв новый этап в развитии марксистской политэкономии, его работы по империализму в то же время чрезвычайно обогатили науку революции.

Противники ленинизма, отрицая научное значение этих работ, издавна пытаются доказать, что теория империализма будто бы «заимствована» Лениным у других авторов и не представляет собой целостной концепции. Так, американский «ленинолог» А. Мейер писал, что многие теоретики социал-демократии «значительно раньше выступили авторами некоторых основных положений этой теории», которая, по его словам, к тому же не имеет в ленинизме «ясной систематизированной формы»¹. Западногерманский интерпретатор ленинизма Б. Вольф идет дальше, уверяя, что вообще «не существует никакой ленинской теории империализма»².

Что можно сказать в связи с этими утверждениями?

Во-первых, Ленин совершенно самостоятельно, независимо от других теоретиков уже в ранних своих работах, написанных в 1896—1899 годах, выявил такие характерные черты новой стадии развития капитализма, как тенденция к монополизации капитала, проявлявшаяся в усиливавшейся «с громадной быстротой» концентрации производства на все более крупных предприятиях, повышение роли финансового капитала, возрастание «власти денег», сосредотачивавшейся «в небольшом числе гигантских учреждений

¹ Meyer A. Leninism. Cambridge (Mass.), 1957, p. 252.

² Wolf B. Marx und die Marxisten. 100 Jahre Theorie und Praxis einer Doktrin. Frankfurt a. M.—Berlin, 1968, S. 14.

(банков)» и все теснее связывавшейся «непосредственно с крупным общественным производством»¹. В последующем Ленин развивает эти идеи, дополняет их новыми положениями и еще до создания специального, ставшего классическим, труда по империализму выделяет две эпохи в истории буржуазного строя, делая принципиально важный вывод, что вторую, новую эпоху «можно назвать кануном краха капитализма»².

Во-вторых, Ленин никогда не претендовал на первенство в изучении империализма. Простудировав колоссальный фактический материал, многочисленные работы, посвященные новым явлениям в развитии капитализма, он объективно оценил научные заслуги их авторов. Ленин, например, характеризовал исследование Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910 год) как «в высшей степени ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма»»³. Так что нет никаких оснований поднимать в данном случае вопрос о приоритете.

Что же касается попыток приписать Ленину, великому мыслителю, каждая идея которого отмечена оригинальностью и новизной, некие «заимствования», то они попросту абсурдны. В чем же тогда дело? Почему противники ленинизма используют недостойные приемы, стремясь во что бы то ни стало принизить значение ленинского учения об империализме?

Ответ на эти вопросы проясняют их же писания. Цитировавшийся выше Мейер констатирует: «...попытка Ленина дать оценку основным особенностям современного мира является, возможно, самой интересной, волнующей и значительной частью его трудов. Речь идет о его теории империализма... Здесь нужно лишь указать, что в этой теории после долгих поисков он нашел путь к подлинному воплощению трудов всей своей жизни, как в самых конкретных, так и в самых абстрактных аспектах. В своей теории об империализме он наметил грандиозную новую схему, которая должна была охватить все революционные события XX века, а также определить место марксиста-борца в этих событиях»⁴.

Как видим, американский профессор опровергает сам себя, в сущности признавая широту, емкость, стройность ленинской теории империализма, отдавая должное и ее оригинальности, и ее значению для революционной борьбы. Именно потому, что эта теория явилась эпохальным достижением общественной мысли, обогатившим не только марксистскую политэкономию, но и науку революции, что она дала единственно верные ориентиры практической борьбе трудящихся за социальное и национальное освобождение в современную эпоху, идеологи антиленинизма, противореча подчас собственным оценкам, и стремятся преуменьшить

¹ См., например, Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 515, 585—586.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 309.

⁴ Meyer A. Op. cit., p. 14—15.

ее научное и практическое значение, объявить вовсе несуществующей, заслонить ее оппортунистическими концепциями империализма.

Спору нет, теоретики II Интернационала не обошли вниманием тот факт, что капитализм свободной конкуренции уступил место капитализму монополистическому. Гильфердинг, Каутский, Вандервельде и другие пытались освоить этот новый социальный материал. Но они оказались способными лишь на регистрацию внешних проявлений монополистического капитализма, образно говоря, на перечисление деревьев, за которыми не видели леса. Так, Каутский, отвергая идею о том, что империализм представляет собой особую фазу общественно-экономического развития капитализма, фактически сводил империализм всего лишь к временной «тенденции каждого капиталистического промышленного государства к подчинению и аннексии гораздо более обширной и аграрной зоны...»¹. По Каутскому получалось, что война и насилие — не результат присущих капитализму противоречий, а продукт просчетов и ошибок политических деятелей. Их будто бы в состоянии исправить сами капиталисты разных стран, когда они в конце концов осознают общность своих классовых интересов и провозгласят лозунг: «Капиталисты всех стран, соединяйтесь!»² После этого капитализм вступит, мол, в новую фазу своего развития, «фазу ультраимпериализма»³. В соответствии с каутскианскими пророчествами на этой фазе произойдет объединение магнатов капитала в единый всемирный трест, война будет исключена из политики и откроются невиданные до того возможности для борьбы международного пролетариата и подготовки в отдаленном будущем социалистической революции. Рабочему классу оставалось, таким образом, только терпеливо ждать наступления этой новой фазы империализма и не предпринимать никаких усилий для приближения социалистической революции.

Разразившаяся в 1914 г. первая мировая война не оставила камня на камне от каутскианских пророчеств относительно капитализма без конкуренции, без жестокой, принимающей различные формы борьбы буржуазных государств за передел мира, за сферы экономического и политического влияния. Наоборот, именно в эпоху империализма эти органически присущие капитализму особенности становятся господствующими.

Как указывал В. И. Ленин, «Каутский всеми своими писаниями во время войны *угашал* революционный дух вместо того, чтобы поддерживать, развивать его»⁴. Но дело не ограничивалось тем, что Каутский отвлекал рабочих от революции. Он сеял к то-

¹ Kautsky K. Der Imperialismus. — Die Neue Zeit, 32. Jg., 1913—1914, Bd. II, S. 909.

² Ibid., S. 920.

³ Ibid., S. 921.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 303.

му же несбыточные иллюзии относительно всего последующего развития мирового империализма, уводил в сторону от научного его анализа, открывавшего действительно реальную и исторически близкую перспективу победоносной социалистической революции. Ленин квалифицировал это как полное отступление Каутского от революционной теории рабочего класса, поскольку в его статьях «вместо марксизма подается мелкобуржуазное и глубоко реакционное стремление притупить противоречия»¹.

Величие научного подвига В. И. Ленина состоит в том, что, разработав теорию империализма, творчески развив в ней Марксов анализ домонополистического капитализма, он не только вскрыл свойства империализма как особой исторической стадии капитализма с присущими ей экономическими, политическими и идеологическими противоречиями, но и выявил тенденции неизбежного революционного превращения монополистического капитализма в социализм.

«Не подлежит сомнению,— писал В. И. Ленин,— что развитие идет в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях,— отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр.,— что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»².

Показав, что империализм представляет собой умирающий капитализм, канун социалистической революции³, Ленин решительно отверг утверждения мелкобуржуазных, реформистских идеологов о том, что монополистический капитализм в силу этого уже не является капитализмом, что от бедствий империализма можно избавиться без революционных потрясений, с помощью разного рода проектов «улучшения» капитализма.

Жизнь полностью подтвердила ленинское учение, посрамив псевдонаучные, реформистские выкладки каутскианства. Империализм, являвшийся еще в начале века доминирующей и всеохватывающей системой, навязав человечеству первую мировую войну, «лопнул», применяя ленинский термин; уже в октябре 1917 года мир раскололся на две противоположные системы. Капитализм вопреки пророчеству Каутского навсегда лишился перспективы превращения в «единый всемирный трест», «ультраимпериализм».

Характерно, что в наши дни даже те реформистские идеологи, которые охотно берут под защиту многие каутскианские тезисы,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 97.

² Там же, с. 98.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 165.

пытаясь порой приписать Ленину чуть ли не «упрощенческое толкование» или недопонимание Каутского, вынуждены тем не менее признавать историческую правоту ленинской оценки теории «ультраимпериализма» и вытекавших из нее эволюционистских концепций общественного развития. Так, итальянский социалист М. Сальвадори отмечает: «Нет сомнения, что определение Каутским «ультраимпериалистического» будущего для капитализма... было политически несостоятельным и противоречивым»¹.

Можно ли считать теоретическую помощь социал-реформизма лишь промахами незрелой мысли, интеллектуальными заблуждениями, аналитическими просчетами? Нет, в ней проявились совершенно определенные, враждебные революционному пролетариату классовые интересы буржуазии, за которыми плелись эти мнимые преемники Маркса, изменившие его учению. В конечном счете корыстные интересы буржуазии, а не просто теоретические заблуждения мешали лидерам оппортунизма формулировать революционные выводы. Именно с учетом этой классовой сущности социал-реформистской идеологии, а не с какой-либо умозрительной академической позиции следует определять отношение тогдашнего оппортунизма к марксизму. Оппортунизм был отрицанием не столько теоретической буквы марксизма, сколько его революционной сущности.

Продолжением марксизма могло стать только учение, в котором должны были органически, неразрывно слиться научность и революционность. Таким учением и предстает ленинизм. Заслуги Ленина в защите и творческом развитии марксизма столь велики, что мы с полным основанием называем пролетарское революционное учение марксизмом-ленинизмом.

Самой историей доказано: роль Ленина в развитии марксизма несоизмеримо выше, чем роль любого другого теоретика марксизма XX века. Сквозь призму этой неопровержимой истины ясно видна несостоятельность распространяемых ныне некоторыми деятелями рабочего движения взглядов, согласно которым ленинизм представляет собой «наставления и ничего более», что он является лишь одним из ответвлений марксизма, якобы не более и не менее значительным, чем другие, связанные с творчеством выдающихся революционеров. В этой связи ссылаются на большие заслуги в развитии и распространении марксистской мысли Р. Люксембург, Г. В. Плеханова, а из более близких нам по времени теоретиков — А. Грамши (в Европе), Х. К. Мариатеги (в Латинской Америке) и других видных идеологов международного рабочего движения, искусственно объединяя порой воззрения того или иного из них в особые «измы» и отделяя их от целостного учения марксизма-ленинизма.

¹ *Salvadori M.* Karl Kautsky and the Socialist Revolution. 1880—1938. London, 1979, p. 203.

Было бы недостойно марксистов-ленинцев проявлять сколько-нибудь неуважительное отношение к позитивному вкладу любого отдельного отряда, любой партии, как и любой личности, в общее дело революционной борьбы, в том числе и борьбы идейно-теоретической. Поэтому когда мы говорим о ленинизме как преемнике марксизма, то тем самым отнюдь не пытаемся умалить значение большой и плодотворной работы тех, кто посвятил себя творческому освоению духовного наследия Маркса и Энгельса, а затем Ленина, развитию этого наследия, применению их теоретических концепций к анализу новой конкретной действительности и на этой базе к раскрытию, обобщению новых явлений, закономерностей.

И все же факт остается фактом: только Ленин сумел истинно по-марксистски решить фундаментальные проблемы, поставленные новой эпохой, новой исторической действительностью XX века. Только В. И. Ленин смог своей теоретической и практической деятельностью дать ответы на вопросы, вставшие перед революционным движением в современную эпоху.

Противники ленинизма весьма изобретательны в своих попытках принизить его историческую роль в развитии революционной теории и практики. Не удается вообще «отлучить» ленинизм от марксизма — изображают его сугубо «национальной версией» учения Маркса, имеющей лишь прикладное значение. Оказывается несостоятельной такая трактовка — искажают роль Ленина уже в рамках истории самой большевистской партии. Так, на состоявшихся в последние годы на Западе конференциях и симпозиумах некоторые историки рабочего движения пытались противопоставить ленинизму социал-демократию, уклоны «левого» и правого толка, имевшие место в большевистской партии. Причем в некоторых статьях эти уклоны даже трактовались как «подлинно марксистские» и потому, мол, и сегодня сохраняющие значение для коммунистического движения, тогда как ленинизм интерпретировался как идейно-политическое направление, будто бы чуждое объективным закономерностям развития революции в России.

В последующих разделах книги читатель найдет обширный конкретно-исторический материал, который убедительно свидетельствует о полной несостоятельности подобных интерпретаций ленинизма, показывает глубоко органичные его связи с процессом социалистической революции и строительства нового общества, явившимся в сущности не чем иным, как практическим воплощением ленинского учения. Здесь же подчеркнем следующее.

Именно претворение в жизнь большевиками ленинских идей, разработанной Лениным стратегии и тактики привело к победе Октября, а затем и нового общественного строя, и именно оппортунистические, волюнтаристские отступления от них вели к негативным последствиям. История подтвердила ленинский вывод, что в новых условиях социализм стал практически осуществимой целью, требовавшей применения соответствующих ей — револю-

ционных — средств борьбы рабочего класса. Выполнить эти требования могло только движение последовательно революционное, принципиально отличное по своей идеологии, организации, тактике и стратегии от социал-реформизма. Сами условия становления международного коммунизма в качестве самостоятельного политического движения требовали полного разрыва со всяким оппортунизмом, без чего, как указывал В. И. Ленин, «невозможна последовательная коммунистическая политика»¹.

Такой подход не имеет ничего общего с субъективизмом, который пытались и пытаются приписать Ленину буржуазные и социал-реформистские идеологи, возлагающие на Ленина, его соратников и последователей вину за раскол международного рабочего движения. В действительности острота противоречий между ленинизмом и оппортунизмом в годы революционного подъема, вызванного победой Октября, отражала остроту объективной ситуации в международном рабочем движении и на мировой арене в целом. В этой ситуации во всей неприглядности обнаружилось контрреволюционные потенции, заключенные в социал-шовинизме и находившие себе выход в антибольшевизме его представителей и в непосредственном, порой даже руководящем участии их в подавлении революционного движения. В Германии, например, Ф. Шейдеман, заявлявший в канун Ноябрьской революции 1918 года, что «сегодня большевизм — большая опасность, чем Антанта»², явился одним из инициаторов и руководителей контрреволюционного террора. Правая социал-демократия помогла предотвратить революционный взрыв и в Австрии. «Никакое буржуазное правительство, — хвастливо писал ведущий теоретик австромарксизма О. Бауэр, — не могло бы справиться с такой задачей. Оно не смогло бы найти защиты от недоверия и ненависти пролетарских масс. Оно было бы в течение восьми дней свергнуто уличным восстанием, арестовано собственными солдатами. Только социал-демократы могли справиться с такой беспримерно трудной задачей»³.

Когда марксисты-ленинцы говорят о большой опасности реформизма для рабочего и демократического движения, то это отнюдь не полемический, пропагандистский прием, а суждение, отражающее реальные факты истории. Эволюция под влиянием идей реформизма крупнейшей в прошлом революционной рабочей партии — Социал-демократической партии Германии — особенно наглядно подтверждает это. В СДПГ, как известно, правые оппортунисты и центристы заняли ключевые позиции еще задолго до первой мировой войны. Партия, созданная некогда при непосредственном участии и руководящем влиянии К. Маркса и Ф. Энгельса, утратила боевые, революционные черты, превратилась в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 207.

² Vorwärts, 5. XI. 1918.

³ Bauer O. Die österreichische Revolution. Wien, 1923, S. 128.

реформистскую организацию. В результате в ответственный, переломный для истории Германии момент, когда в стране созрела революционная ситуация и вспыхнуло мощное движение масс, вдохновляемых победой Октябрьской революции, рабочий класс Германии оказался без сильной и влиятельной революционной, марксистской партии, способной повести его в решительный бой за социализм, за осуществление его исторической миссии. Поражение революции в Германии явилось ударом не только по революционной борьбе в этой стране, но и по всему международному рабочему движению.

Оппортунистическое перерождение германской социал-демократии с горечью воспринимали коммунисты многих стран. Если бы вожди германской социал-демократии, говорил в беседе с автором этих строк один из руководителей Французской коммунистической партии, ныне покойный Жак Дюкло, не вступили после смерти Энгельса на наклонную плоскость предательства, если бы партия осталась верной принципам марксизма и привела революцию в Германии к победе, то мировая революция несомненно развивалась бы более быстрыми темпами.

Историческая практика показывает, что реализация эволюционистских концепций социал-реформизма не только не ведет к социалистическим преобразованиям, но и обезоруживает рабочий класс — идейно и политически — перед лицом фашизма и реакции, ослабляет его борьбу за мир и демократию. Это поняли, к сожалению слишком поздно, и отдельные лидеры II Интернационала. В середине 30-х годов, когда в Германии торжествовал гитлеризм и над человечеством нависла угроза новой мировой войны, О. Бауэр, в прошлом положивший много сил на пропаганду реформистских идей, на борьбу с революционным течением в международном рабочем движении, круто пересмотрел свои былые оценки. В книге «Между двумя мировыми войнами? Кризис мировой экономики, демократии и социализма» он признал, что «история вынесла свой приговор» отнюдь не в пользу социал-демократии. Бауэр понял, что в Германии и Австрии, где рабочий класс в 1918 году завоевал только буржуазную демократию, «классовая борьба взорвала ее; здесь господствует фашизм», а в России, где «пролетариат несколькими месяцами раньше установил свою диктатуру, классовая борьба уничтожила классы; здесь происходит становление социализма»¹.

Признания весьма знаменательные. Они, однако, не получили широкого резонанса в руководящих кругах западной социал-демократии. Как известно, последние не извлекли уроков ни из исторической практики победоносных революций, ни из горького опыта революций, потерпевших поражение. И сегодня в социал-

¹ *Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Kriese der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. Bratislava, 1936, S. 162—163.*

демократических проектах общественных преобразований движение к социализму мыслится не иначе как постепенный, плавный процесс, из которого заранее исключаются какие-либо переломные рубежи. Лидер Социалистической партии Австрии Б. Крайский призывает, например, к ожиданию, что когда-нибудь количество реформ превратится в новое качество и капитализм сам собой превратится в социализм¹.

На протяжении последних десятилетий такого рода идеи постоянно развиваются реформистами, причем преподносятся они в качестве «истинного марксизма», сопровождаются утверждениями вроде того, что, как заявляет В. Брандт, Председатель западногерманской Социал-демократической партии, будто бы Маркс «своими аргументами... расчистил и обосновал реформистский путь к социалистической цели»². Сегодня идеологи социал-реформизма повторяют все это с той же настойчивостью, с какой в начале столетия аналогичные взгляды проповедовали лидеры II Интернационала. Например, глава Итальянской социалистической партии Б. Кракси провозглашает со ссылкой на Каутского, что-де «главная стратегическая идея, выдвинутая в «Капитале», заключается в том, чтобы ждать, пока души и вещи созреют для перехода к социализму...»³. Поясняя свою мысль, Кракси напоминает, что в результате исследований Маркса «революция перестала выглядеть плодом прихоти каких-нибудь доктринеров, а предстала логичным и неизбежным следствием внутренних противоречий рыночной системы»⁴, и отсюда заключает, что революцию не надо делать, она сделается сама. Революционная партия, но не партия, совершающая революцию, — вот политическая рекомендация, которую он дает современному рабочему движению, повторяя в этой многозначительной словесной эквилибристике опять-таки Каутского и призывая следовать историческому примеру германской социал-демократии⁵.

Итак, исторический спор между научным социализмом и реформизмом продолжается в наши дни. Опасно то, что в последние годы социал-реформисты стремятся вести его наступательно, что прежде всего проявляется в их активных попытках «втиснуть» в реформистское русло национально-освободительные, антиимпериалистические движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Более того, теоретики социал-демократии претендуют и на роль идеологических наставников коммунистов. Так, один из видных британских лейбористов, Э. Хеффер, рекомендует коммунистам вернуться к «концепциям, существовав-

¹ См. *Kreisky B. Aspekte des demokratischen Sozialismus*. München, 1974.

² *Brandt W. Karl Marx — ein demokratischen Revolutioner*. — *Zukunft*, 1978, Hf. 2, S. 43.

³ *Socialist Affairs*, July—August 1977, p. 87.

⁴ *Ibidem*

⁵ *Ibidem*.

шим до Октябрьской революции в России»¹, т. е. к идейно-политическим позициям социал-демократии II Интернационала. Не может не обратить на себя внимание и следующий факт. Социал-реформисты усматривают обнадеживающий для себя признак в том, что «бернштейновская манера проглядывает в концепции еврокоммунизма»². Фактически таково же отношение к этой концепции и буржуазных идеологов, уповающих на то, что она будет содействовать смещению баланса сил в рабочем движении в пользу реформистов³.

Имеют ли под собой какое-либо реальное основание подобные расчеты?

История неоднократно демонстрировала, что победам научного социализма, росту массовости рабочего движения сопутствует опасность снижения его теоретического уровня, на которую еще в начале XX века указывал В. И. Ленин⁴. Думается, что такая опасность существует и в наше время, когда идея замены капиталистического строя социализмом стала господствующей в духовном климате мировой политической, общественной жизни, когда активизировались реакционные силы в странах и оппортунизм получил более широкую, чем в прошлом, социальную базу в лице многочисленных непролетарских слоев, вливающих в революционное движение, а также более значительную поддержку буржуазии. Эта опасность ощущается и в отдельных звеньях международного коммунистического движения в форме попыток «преодолеть» ленинизм, противопоставить ему доморощенные, сильно окрашенные национализмом концепции перехода к социализму, «теории» некоего «третьего пути» общественного развития, что, несомненно, воодушевляет антикоммунистов разного толка.

В чем суть этих «теорий»? Справедливо критикуя исторический опыт социал-демократии, не сумевшей, как известно, вывести общество за пределы капиталистической системы, ничего не

¹ The Times, 9. XI. 1977.

² Jüttner W. Die Reaktivierung Eduard Bernsteins — ein Beitrag zur Entwicklung sozialistischer Theorie und Praxis? — Neue Gesellschaft, 1977, N 12, S. 1025.

³ См., например: Fonvielle—Alquier F. L'Eurocommunisme. Paris, 1977; Steinkühler M. Eurokommunismus im Widerspruch. Köln, 1977; Vogt H. Eurokommunismus — Ein Reader. West Berlin, 1978; Godson R., Haseler S. «Eurocommunism». Implications for East and West. New York, 1978; Tökes R. Eurocommunism and Détente. New York, 1978; Bensi G. Mosca e l'eurocomunismo. Milano, 1978; Kriegel A. Un autre communisme. Paris, 1978; Eurocommunism and Eurosociatism. The Left Confronts Modernity. Ed. by B. Brown. New York, London, 1979; Stent-Yergin A. European Perspectives on Eurocommunism. — Problems of Communism, May—June 1979; Marcou L. Le mouvement communiste internationale depuis 1945. Paris, 1980; Middlemas K. Power and the Party: Changing Faces of Communism in Western Europe. London, 1980; Whetten L. New International Communism. Lexington (Mass.), 1982.

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 23.

сделавшей для установления социалистического строя, для обеспечения трудящимся основных социальных гарантий; проповедники «третьего пути» одновременно пытаются отвергнуть и исторический опыт реального социализма — единственный опыт, который на деле, на практике принес сотням миллионов людей действительное освобождение от гнета капитала. Тем самым между этими двумя типами опыта исторического развития, имеющими, как это совершенно очевидно, противоположный характер, ставится знак равенства.

Ясно, что такой подход наносит ущерб всем революционным, прогрессивным силам, дезориентирует и ослабляет идейную сопротивляемость рабочего движения, сеет в массах сомнения в целесообразности борьбы за социализм, каким бы он ни представлялся идеологам «третьего пути».

В свое время термин «третий путь» был пущен в оборот социал-демократией с единственной целью — оправдать некий средний путь между капитализмом и социализмом, выдать свою политику за некую особую, «социалистическую модель». В стараниях отыскать мифический «третий путь» проявляется неизжитая до конца мелкобуржуазная ограниченность тех, кто занят этим обреченным на провал как в теории, так и на практике делом, их стремление добиться недостижимого, примирить непримиримое. «...В обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом... — писал Ленин, — *не может быть «средней» линии. А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, т. е. как раз к такой «средней линии»*»¹.

Поэтому и в наши дни, так же как и на рубеже XIX—XX веков, внесение социалистического сознания в массы, развитие революционной теории происходят в острой борьбе с идейными противниками научного социализма. Националистические предрассудки и амбиции, стремление во что бы то ни стало доказать свою «самобытность» и «оригинальность» порой мешают пользоваться всем богатством идей, накопленных и накапливаемых мировым коммунистическим движением. И сегодня есть, как проницательно писал В. И. Ленин, «социал-демократические Ломоносовы», которые склонны доходить непременно «своим умом» до «великих» истин, игнорируя при этом «все то, что дало уже предыдущее развитие революционной мысли и революционного движения»².

Нападки на ленинскую теорию о путях и формах революционного преобразования идут по линии доказательств ее несоответствия изменившейся ситуации в мире. Соглашаясь с тем, что в прошлом развитие борьбы за социализм шло по Ленину, некоторые теоретики и деятели рабочего движения за рубежом утверж-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 344.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 65.

дают, что ныне, мол, его теория устарела, поскольку-де она перестала отвечать новым условиям и потребностям этой борьбы. Такой подход несостоятелен в двух отношениях. С одной стороны, он предлагает относиться к ленинскому учению о революции и переходе к социализму как к некоему застывшему своду законов; в действительности же это живая, развивающаяся теория, которая открыта для всего нового, постоянно обогащается практикой, опытом классовой борьбы и потому всегда остается на уровне требований эпохи, запросов нашего времени. С другой стороны, несостоятельность указанного подхода связана с поверхностной, субъективистской оценкой перемен, происходящих в капиталистическом обществе и на мировой арене: они абсолютизируются, трактуются в отрыве от коренных противоречий современного мира — между буржуазией и рабочим классом, капитализмом и социализмом, империализмом и всеми демократическими, миролюбивыми силами, противоречий, характерных для всей эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Именно на основе их анализа сформировалась и продолжает развиваться ленинская теория о революционном преобразовании общества, которая поэтому сохраняет свою действительность и актуальность на всем протяжении этой эпохи.

В данной связи следует подчеркнуть необходимость строго отличать всемирно-историческую эпоху перехода от капитализма к социализму в целом от различных ее периодов. Случающаяся порой подмена эпохи тем или иным периодом ведет не только к терминологической путанице, но и к искажению содержания исторического процесса. Так, утверждения, что образование мировой системы социализма означает вступление человечества в качественно новую историческую эпоху, сопряжены с неверными представлениями, будто эпоха революций отошла в прошлое и началась эпоха эволюционного перехода к социализму. Между тем возникновение мировой социалистической системы не изменило существа открытой Октябрем эпохи мировой истории, а явилось лишь одним из этапов всемирной социальной революции; противоречие между социализмом и капитализмом, ставшее основным противоречием эпохи, отнюдь не снято антагонистического характера противоречия между трудом и капиталом, разрешение которого по-прежнему возможно лишь революционным путем.

Марксисты-ленинцы постоянно проверяют уроки прошлого революционного движения общественной практикой, осмысливая их в диалектической связи с новыми условиями и рассматривая чередование его периодов и этапов в рамках современной эпохи как единый поступательный процесс. Для идеологов же реформизма характерна механическая трактовка социальной революции, не учитывающая диалектику преемственности различных ее ступеней. Такой подход вытекает из самой природы реформизма. Постоянно замкнутый на решении непосредственных, конъюнк-

турных задач, он абсолютизирует их значение, оценивая с точки зрения этих задач отнюдь не адекватные им общие проблемы мирового общественного прогресса, решение которых ему видится лишь на путях постепенного, не прерываемого крутыми общественными сдвигами развития.

Не в этом ли заключается одна из причин того, что уроки истории не идут впрок реформизму, идеологи которого пронесли установку на отказ от революции, веру во всецелие реформы, в сотрудничество классов через все социальные бури и политические потрясения XX века?

Другой причиной, обуславливающей живучесть эволюционистских доктрин реформизма, является научно-технический фетишизм реформистских идеологов, которые, пытаясь опровергнуть марксистско-ленинское учение о закономерностях и неизбежности революционной смены общественно-экономических формаций, сводят в своих концепциях всю сложность и многообразие процесса исторического развития к производственно-техническим факторам.

Причем теоретики социал-демократии широко используют буржуазно-реформистские теории научно-технического прогресса, которые в последние годы стали занимать заметное место в ее идеологическом арсенале. Таково одно из проявлений общего сближения социал-демократического и буржуазного реформизма, границы между которыми, как отмечается в специальных исследованиях, в наше время зачастую бывает трудно определить¹.

Учитывая это, рассмотрим вкратце некоторые наиболее популярные на Западе буржуазно-реформистские доктрины общественного прогресса.

Характерным для всех этих доктрин является извращение взаимодействия производительных сил с социально-экономическими и политическими отношениями. Значение процесса развития производительных сил абсолютизируется, он провозглашается главной, определяющей силой общественного прогресса, не только преобразующей капитализм и чуть ли не автоматически, мимоходом решающей все его противоречия, но и знаменующей открытие некоей новой эпохи мировой истории. Одним из родоначальников данного направления в буржуазном обществоведении явился американский политолог У. Ростоу, выдвинувший в начале 60-х годов теорию, которая, отрицая классовую борьбу, сводила противоречия между капитализмом и социализмом всего лишь к различиям в уровнях экономического и научно-технического развития². Несколько позже с «технотронной» концепцией

¹ См., например, Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М., 1980.

² См. *Rostow W. The Stages of Economic Growth*. Cambridge (Mass.), 1960.

прогресса выступил известный американский политолог профессор З. Бжезинский. Он характеризовал нашу эпоху как «переход из индустриального века в век технотроники», когда «технология, и особенно электроника в возрастающей степени становятся главными детерминантами социального изменения, преобразуя нравы, социальную структуру, ценности и мировоззрение общества»¹. Естественно, страной, открывающей новую эпоху, объявлялись США, естественно, в ней, по Бжезинскому, «нет места» классовой борьбе — этой движущей силе развития любого эксплуататорского общества. Аналогичные идеи выдвигались американскими социологами Г. Каном, А. Винером, Д. Беллом и другими идеологами буржуазного реформизма, пытавшимися доказать, что в будущем капиталистическом обществе в результате соединения науки с производством будут-де устранены «явные противоречия, из которых, по-видимому, возникает революция»².

Как видим, «сверхзадача» этих концепций — «исключить» социальную революцию пролетариата из истории, отвлечь его внимание от глубочайших антагонизмов, раздирающих буржуазное общество, в частности цитадель империализма — США.

Аналогичным целям служит и другая, тоже весьма модная доктрина, внешне как будто противоположная вышеизложенным теориям. Она выдает противоречия современного капитализма за противоречия «технической цивилизации» вообще, сводит все социальные противоречия и антагонизмы, порожденные капитализмом, к издержкам спонтанного развития техники, не поддающегося контролю человека. Техника, а не ее использование в целях наживы в современном буржуазном обществе объявляется причиной и экологического кризиса, и прогрессирующего отчуждения, и катастрофического падения моральных ценностей. Под влиянием кризисных потрясений 70-х годов на Западе возникли концепции, авторы которых фактически признают, что буржуазное общество оказалось в тупике, откуда невозможно выйти с помощью привычного набора антикризисных мер. Например, О. Тоффлер в книге «Третья волна», исходя из предпосылки о «крушении индустриализма», доказывает, что крушение это связано с «народждением новой цивилизации»³. Он призывает отбросить бессодержательные, по его мнению, лозунги борьбы за демократию, за революционное обновление общества, за социализм и вместо этого стать «участниками поражающего воображение процесса перестройки не просто наших устаревших политических структур, но самой цивилизации»⁴.

¹ Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1970, p. XIV.

² Kahn H., Winer A. The Year 2000. New York, 1968, p. 379; см. также: Bell D. Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973, p. 378.

³ Toffler A. The Third Wave. New York, 1980, p. 18.

⁴ Ibid., p. 459.

За этими высокопарными рассуждениями, за обещаниями чудес, которые-де вот-вот принесет человечеству, избавив его от мук и страданий, научно-техническая революция, скрывается все то же стремление буржуазно-реформистских идеологов отвлечь внимание народных масс от активной борьбы за действительное преобразование общества, возложить ответственность за социальный прогресс в мире на автоматическое воздействие последствий научно-технической революции. Перед нами, таким образом, еще одна попытка с помощью витиеватой, наукообразной фразеологии обосновать обветшавший тезис о возможности возникновения в будущем бескризисного, «гуманного» капитализма.

Интересно, однако, отметить тот чрезвычайно важный сам по себе факт, что растущее число реформистских идеологов вынуждены в наши дни так или иначе признавать углубление кризиса, переживаемого капитализмом, настоятельную необходимость выдвижения некоей «альтернативы» ему, но, разумеется, только не подлинно социалистической. Так, например, один из них, английский публицист Г. Гастингс, предлагает преодолеть кризис капитализма с помощью перехода от массового производства к «экономике потребления», при которой потребности индивида будет представлять государство, оплачивающее их в обмен на услуги индивида. Осуществление таких туманно сформулированных предложений должно, по мысли Гастингса, не только дать новый импульс развитию западной цивилизации, но и снять мирным, эволюционным путем противоположность между капитализмом и социализмом¹. Несколько иначе мыслит «альтернативу» капитализму западногерманский социолог В. Хольштейн, принадлежавший ранее к радикальному студенческому движению в ФРГ. Отвергая капитализм, он одновременно ставит под сомнение и те «понятия, с которыми прежде связывались все надежды,— прогресс, эмансипация, революция»². Констатируя глобальное разрушение окружающей среды, совершенствование оружия массового уничтожения, гибель прогрессивных режимов и упрочение в ряде стран кровавых диктатур, он приходит к выводу о крахе самой идеи прогресса, о всеобщем разочаровании и развенчании всех идеологов и идеологий. Хольштейн ставит вопрос так, будто речь отныне должна идти не о создании в противовес капитализму социалистического общества, а об утверждении на капиталистическом Западе неких новых, эгалитарных форм жизни, «альтернативных» как капитализму, так и социализму и состоящих в «индивидуальности, солидарности, плюрализме мнений, творчества и самоорганизации потребностей»³. Как видим, и здесь «альтернатива» при ближайшем рассмотрении оказывается набо-

¹ См. *Hastings de Cronin H. The Alternative Society: Software for the Nineteen—Eighties*. Newton Abbot, 1980, p. 159—160.

² *Hollstein W. Die Gegengesellschaft: Alternative Lebensformen*. Bonn, 1980, S. 147.

³ *Hollstein W. Op. cit.*, S. 150.

ром мало или ничего не значащих, трескучих фраз, призванных сбить с толку неискушенных читателей.

Можно ли, учитывая отвлеченный, умозрительный характер подавляющего большинства всех этих теорий, утверждать, что они лежат в стороне от современной классовой борьбы пролетариата и буржуазии?

Нет, ни в коей мере. Именно на базе этих антинаучных и реакционно-утопических доктрин давно создаются конкретные социологические рецепты, предписывающие, как уже сегодня следует осуществлять классовое сотрудничество с целью интеграции пролетариата в социально-политическую структуру государственно-монополистического капитализма. Реформистские политологи и социологи прекрасно отдают себе отчет в том, что и в современных условиях классовая борьба продолжает существовать, что ее нельзя «ликвидировать» с помощью деклараций или трудового законодательства. Однако они упорно конструируют механизмы, способные, по их мнению, помочь смягчить и регулировать в интересах правящего класса не утихающую в мире капитала социальную борьбу, вырабатывают все новые программы экономического и социального развития, которые создавали бы видимость мирного, отвечающего чуть ли не интересам всего «народа» улаживания конфликтов между различными классами и слоями населения и исключали бы необходимость прибегать к забастовкам, демонстрациям, восстаниям и т. д.

В качестве иллюстрации сошлемся на программу, выдвигаемую профессором экономики Массачусетского технологического института Л. Туроу, назначенного, кстати сказать, ответственным за разработку предвыборной платформы демократической партии США на 1984 год. Признавая наличие острейшего кризиса капитализма и даже то, что «дни экономического триумфа США миновали»¹, он выдвигает теорию «безостаточного общества», которая предполагает решение существующих проблем на основе «распределения потерь» между всеми членами общества и примирения с «мыслью о неизбежности жертв со стороны каждого»². Такая общая жертвенность, обещает Туроу, постепенно приведет к «сокращению неравенства между богатыми и бедными, отдельной личностью и нацией». Итогом будет-де «новый экономический подъем», «оздоровление» всей жизни американского общества³.

Что это — утопия? Да, но эти различные варианты утопии отражают вполне реальные попытки буржуазии с помощью реформ контролировать классовую борьбу и управлять ею так, чтобы она не переходила рамок, угрожающих самому строю.

¹ *Thurow L. The Zero—Sum Society. New York, 1980, p. 9; см. также: Thurow L., Heilbroner R. Five Economic Challenges. New York, 1981.*

² *Le Monde, 5.VII.1981.*

³ *Ibidem.*

И именно в русле этой политики — хотя бы они того или нет — оказываются и реформистские проекты правых социал-демократов добиваться социального прогресса не на основе развития классовой борьбы, высшей формой которой является социальная революция, не посредством мер, ограничивающих засилье монополий, а затем и ликвидирующих их господство, а пропагандой сотрудничества рабочих и предпринимателей, наступления эры «классовой гармонии» да задабриванием рабочих отдельными улучшениями материальных условий жизни.

Видный деятель шведской социал-демократии К. Лидбом сравнил реформистский подход с движением улитки: она, мол, «движется медленно, но уверенно»¹. Позволительно, однако, спросить, далеко ли эта медленно ползущая «улитка» социал-демократии продвинулась в создании социализма с тех пор, как шведские социал-демократы впервые пришли к власти в своей стране четыре десятилетия назад?

Нет, повсюду, где в до- или послевоенный период социал-демократы — самостоятельно или в коалиции с другими партиями — приходили к власти и осуществляли свои реформистские начинания, на практике не было сделано ни одного реального, действительно серьезного шага в направлении социализма. Кризис капиталистической системы, потрясавший на протяжении всех 70-х и начала 80-х годов сами основы мира капитала и вновь убедительно продемонстрировавший историческую несостоятельность буржуазного строя, опроверг теоретические установки социал-реформизма, разоблачил бесплодность концепций, предусматривающих устранение пороков капитала с помощью реформистской косметики. Конечно, социал-демократическим правительствам, неоднократно в послевоенный период стоявшим у власти в ряде развитых стран капитализма, удалось добиться определенного улучшения материального положения трудящихся масс. Но эти частичные достижения не идут ни в какое сравнение с теми выгодами, которые выпали на долю крупного капитала, процветавшего в условиях «мирного востания капитализма в социализм».

«Социал-демократия оказалась на мертвой точке... Ее цели остаются прежними... однако уже никто не может с уверенностью сказать, что ему известно, как реализовать эти идеалы»². Таково безапелляционное заключение, к которому пришел английский буржуазный журнал, по традиции благосклонно настроенный к социал-реформистам. Характерно и признание, сделанное видным деятелем лейбористской партии Великобритании профессором Дж. Вэйзи, которого печатный орган Социтерна именует «выдающейся фигурой на арене социал-демократии»³. Отмечая

¹ L'Unité, 20—26. X.1978, p. 14

² The Economist, July 7, 1979, p. 127.

³ См. Socialist Affairs, 1981, N 4, p. 153.

в своей книге «Капитализм и социализм» «парадоксальность социал-демократии», Вэйзи пишет, что, «когда социал-демократы приходили к власти, ровным счетом ничего не происходило. Ничего не происходило, так как они не могли предложить другой политики...»¹.

В свете идейного и практического банкротства реформистского пути к социализму особенно беспомощно выглядят теоретические построения современных ревизионистов типа Р. Гароди, Ж. Элленштейна и других, по существу перепевающих тезисы, выдвинутые и разработанные буржуазными и правореформистскими теоретиками. Они на все лады повторяют слово «революция», но только не в ее марксистско-ленинском понимании, как социальной революции пролетариата, утверждающего свою государственную власть. Они все ближе подходят к технократическому толкованию революционных процессов, подменяя классовую борьбу пролетариата с буржуазией развертыванием научно-технической революции, которая-де сама преобразует социальные отношения, и огульно приписывая марксистам-ленинцам механическое противопоставление реформы и революции.

В качестве иллюстрации сошлемся на высказывание французского ренегата от марксизма Ж. Элленштейна, который в одном из своих опусов призывает в условиях сегодняшней Франции «развивать новую концепцию революции и ее соотношения с реформой». В чем же он видит новизну своей концепции? Оказывается, «революция должна пониматься как длительный процесс, который через серию структурных реформ ведет к установлению социализма». «Революция,— заявляет далее Элленштейн вполне в духе всех реформистов, начиная с Бернштейна,— должна быть демократической, мирной, легальной и постепенной... Надо не противопоставлять реформу и революцию, а объединить их в какую-то радикально новую общность современной истории»².

Как видим, Элленштейн (равно как и реформисты и ревизионисты любых иных оттенков) допускает возможность осуществления коренных преобразований «изнутри» существующей буржуазно-демократической системы. Объявляя по сути несущественным, второстепенным преобразование социально-экономических отношений, он выдвигает на первый план в качестве основного условия перехода к социализму не качественный скачок, а мирные и постепенные количественные изменения в рамках легальной «демократизации» буржуазного государства.

Как доказывает марксистско-ленинская наука и подтверждает весь опыт мировой истории, коренные изменения в классовой сущности общества не могут произойти в результате плавной эво-

¹ Vaizey J. Capitalism and Socialism. London, 1981, p. 52.

² Ellenstein J. Lettre ouverte aux Français sur la République du Programme commune. Paris, 1977, p. 43.

люции. Эти изменения предполагают как раз нарушение эволюционного развития, «скачок», т. е. революцию. Говоря ленинскими словами, «капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей...»¹. Словом, с капиталистической системой не происходит того, что некогда иные люди, считавшие себя революционерами, выдавали за невозможность восстановления капиталистического строя ввиду «лопающихся капиталистических отношений». Как известно, Ленин, отвечая на такую постановку вопроса Бухариным, указывал: «Это зависит от того, насколько пролетариат сумеет *«на базе»* лопающихся отношений...» довести до того, чтобы они совсем лопнули»².

В этом-то и заключается коренное отличие коммунистов и реформистов в подходе к антиномии «революция — реформа». Для марксистов-ленинцев является очевидным, что стирание грани между революцией и реформой, «растворение» революции в той или иной сумме реформ, т. е. отрицание решающего качественного скачка при переходе к социализму, представляет собой измену делу революции, скатывание в болото оппортунизма.

Не меньшая опасность заключается и в прямо противоположной позиции — отрицании всякого значения реформы как средства борьбы за социализм, противопоставлении реформы и революции, т. е. в конечном счете промежуточных задач и конечных целей пролетариата. Такая позиция характерна для «левых» оппортунистов, пытающихся обосновать возможность крушения мирового капитализма в самом ближайшем будущем. Отвергая всякую борьбу за непосредственные задачи трудящихся, которая, по их утверждениям, ведет лишь к утрате пролетариатом революционного духа, к его «врастанию» в госмонополистические структуры, идеологи «левых» оппортунистов делают ставку на немедленное свержение капитализма в мировом масштабе.

В противоположность этому коммунисты не отрицают реформы как средство борьбы. Ленин отмечал, что оппортунисты «были бы только рады, если бы мы предоставили им одним борьбу за реформы, а сами удалились в заоблачные выси... спасаясь бегством из печальной действительности»³. Вместе с тем коммунисты решительно отвергали и отвергают стремление оппортунистов свести к реформам цели пролетарского движения.

В. И. Ленин, партия большевиков подходили всегда к рассмотрению вопроса о месте реформ в общественном развитии и их соотношении с революциями с классовых, конкретно-исторических, диалектико-материалистических позиций. «Понятие реформы,— писал Ленин,— несомненно, противоположно понятию

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 65—66.

² Ленинский сборник XI, с. 359.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 140.

революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях. Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае»¹. Как видим, Ленин демонстрирует чрезвычайно тонкий, диалектический подход к вопросу.

Что означает этот подход в практике реальной классовой борьбы пролетариата? Прежде всего то, что революционеры ни в коей мере не должны отказываться от борьбы за такие реформы, которые улучшают положение трудящихся, вытягивают их в массовую политическую борьбу, ослабляют власть капитала, а следовательно, приближают революцию. В то же время Ленин учитывал, что нередко с помощью частичных реформ правящие классы стремятся затормозить революцию, так сказать, откупиться от нее. Следовательно, значение и последствия реформ для пролетариата отнюдь не однозначны, они противоречивы.

Как же разрешал Ленин это противоречие? Он писал, что революционеры борются за реформы «только по-революционному», а именно подчиняя такую борьбу, «как часть целому, революционной борьбе за свободу и за социализм»². Иначе говоря, чтобы добиться подлинных реформ, необходимо не сворачивать, а расширять и углублять революционное движение пролетариата, побочным продуктом которого и являются такие реформы. «...Исторический опыт,— писал Ленин,— опыт Англии, Франции, Германии, России, опыт всей новейшей истории человечества в Европе и в Азии, показывает, что серьезные реформы бывали лишь побочным результатом движения совершенно свободного от узости реформизма...»³ Разъясняя ту же мысль, Ленин отмечал в другой работе: «Это кажется парадоксом, но этот парадокс подтверждает вся история международной социал-демократии: тактика реформистов *хуже* всего обеспечивает проведение реформ и их реальность. Тактика революционной классовой борьбы всего лучше обеспечивает и то и другое»⁴.

Ленинский подход к реформам включает в себя, далее, строгий учет того, на какой конкретно стадии находится рабочее движение: подъема или временного спада, при наличии или отсутствии революционной ситуации и т. д. Известно, что, анализируя ситуацию, сложившуюся в России, в мире в целом в период первой мировой войны, обострившей все противоречия империализма, Ленин констатировал: «...объективное положение в мировой политике революционно, из него реформами не *выйдешь*»⁵, «...буржуазный реформизм во всем мире потерпел крах...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 167.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 368—369, 62.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 420—421.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 263—264.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 386.

война создала революционную ситуацию»¹. Февраль и особенно Октябрь 1917 года в России, последовавшие за этим события со всей очевидностью подтвердили правильность ленинских оценок.

Вместе с тем Ленин отнюдь не разделял идей «левых коммунистов» о том, что революционеры всегда и во всех случаях должны действовать «революционно». Имея в виду период не только до, но и после политической победы революции, Ленин писал, что коммунисты должны «самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому»². Именно такая продуманная тактика обеспечила победу Октябрьской революции, закрепление и развитие ее завоеваний.

Таким образом, безусловно признавая в определенных условиях необходимость и целесообразность реформ как метода борьбы пролетариата, как способа подвода масс к социалистической революции, коммунисты не теряют из виду главного, того, что путь к освобождению пролетариата, к социализму только один — решительная классовая борьба, уничтожение политической и экономической власти буржуазии, диктатура пролетариата, т. е. осуществление социалистической революции.

Конкретная картина всемирного перехода от капитализма к социализму обогащается все новыми красками. Формы революционно-преобразующей деятельности трудящихся, целых народов, формы созидания социализма становятся все более многообразными. И именно ленинизм в большей мере, чем какая-либо иная теория, ориентирует на понимание неизбежности этого возрастающего обновления конкретных форм и конкретного содержания перехода к социализму на каждом новом этапе исторического отступления капитализма и становления коммунистической формации. Но значит ли это, что возникновение новых форм зачеркивает общие закономерности перехода к социализму? Разумеется, нет. Рост многообразия революционного процесса отнюдь не идет за счет изменения его сущности, раскрытой ленинизмом.

Одним из исторических подтверждений этой истины является неуклонное увеличение числа развивающихся стран, выходящих на путь социалистической ориентации. Как бы ни пытались реформистские идеологи опорочить ленинскую идею о возможности перехода народов к социализму, минуя капитализм, современная практика классовой борьбы вновь и вновь демонстрирует ее жизненность и актуальность.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 492.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 223.

Профессор Гарвардского университета Дж. К. Гэлбрейт, догматически толкуя некоторые положения Марксовой теории, относящиеся к иной исторической эпохе, пишет, что в развивающихся странах «социализм становится альтернативой тогда, когда они достигнут капитализма», что «социализм должен наступить после организующего и обобществляющего опыта капитализма»¹. Ссылаясь на специфику социальной структуры, на особую объединяющую роль общенациональных задач и лозунгов, и некоторые лидеры афро-азиатских стран заявляют, что в их условиях возможно построить социализм без классовой борьбы, без социалистической революции. Они заверяют массы, что нашли некий «третий путь», отвергающий капитализм, но не принимающий и марксистско-ленинскую концепцию общественного развития, коммунизм как конечную цель борьбы.

Но разве можно построить общество без эксплуатации, не уничтожая тем или иным путем эксплуататорских классов? Разве можно утвердить в обществе власть трудящихся, не уничтожив старый, колониальный и буржуазно-бюрократический государственный аппарат? Разве можно установить отношения сотрудничества и взаимопомощи в процессе производства, не заменяя частную собственность на средства и предметы труда общественной, т. е. не совершая и здесь революционно-социалистического переворота? Практика показывает, что тот, кто говорит о социализме как цели, но отвергает единственный путь, ведущий к нему,— путь социалистической революции, на деле отказывается и от провозглашаемой цели. Выше мы уже говорили о несостоятельности концепций «третьего пути», получивших в последнее время распространение в отдельных звеньях международного коммунистического движения. Здесь отметим, что разговоры о «третьем пути» в зоне национально-освободительного движения в условиях, когда объективно там стоит вопрос о постепенном переходе от общедемократического этапа борьбы к борьбе за социализм, представляют с классовой точки зрения не что иное, как своеобразную попытку навязать массам реформистский путь, остановить развитие революции.

Взять хотя бы такую разновидность концепции «третьего пути», как так называемый африканский социализм. Как отмечалось в документе, принятом континентальным Соещанием африканских коммунистов, «некоторые реакционные африканские идеологи, поддерживаемые империалистическими кругами, используют доктрину «африканского социализма», чтобы под предлогом «национальной исключительности» увести африканские народы с революционного пути — единственно возможного пути к социализму и изолировать их от прогрессивных сил во всем мире, в особенности от международного коммунистического дви-

¹ International Herald Tribune, 20.III; 4—5.IX.1981.

жения»¹. ««Африканский социализм», — указывалось далее в документе, — возник на волне антиколониализма и был в свое время прогрессивной националистической концепцией. Но по мере углубления социального содержания революционного процесса в Африке он переродился в региональный вариант социал-реформизма и используется социал-демократией для усиления своего влияния в Африке... удержания континента в рамках системы империалистической и неоколониалистской эксплуатации»².

Как показал опыт общественного развития последних двух десятилетий, в ходе решения политических и социально-экономических проблем прогрессивные силы в развивающихся странах все более убеждаются, что даже для осуществления общедемократических требований рамки капитализма оказываются слишком тесными и не дают народным массам воспользоваться плодами хозяйственного прогресса. Лишь став на путь социалистического развития, бывшие колонии и полуколонии могут преодолеть свою отсталость и превратиться в экономически развитые современные, независимые государства. Не случайно поэтому повсюду, где народные массы пришли в движение, магистральный путь национально-освободительных революций — это путь борьбы не только против докапиталистических отношений, но и буржуазного строя. Отсюда неизбежность перерастания национальных революций в революции социальные. Отсюда же и сокрушительный провал всех попыток отыскать мифический «третий путь» общественного развития в зоне национально-освободительного движения.

Закономерность качественного перелома в освободительной борьбе народов была вскрыта Лениным, который поистине пророчески говорил, что движение против чужеземного ига (подъем которого он непосредственно наблюдал и анализировал) непременно должно будет обратиться против системы классово-капиталистической эксплуатации. И именно в наши дни в мировом национально-освободительном движении произошел тот качественный сдвиг, который вновь подтвердил научную глубину и прозорливость ленинизма: борьба за национальное освобождение стала приобретать отчетливо выраженное социальное содержание.

Переход целой группы стран на путь социалистической ориентации — наиболее веское подтверждение того, что и в зоне национально-освободительного движения революционные идеи марксизма-ленинизма берут верх над эволюционистскими доктринами социал-реформизма.

Наша эпоха — эпоха классовых битв трудящихся, эпоха социалистических революций. Основные проблемы буржуазного

¹ For the Freedom, Independence, National Revival and Social Progress of the Peoples of Tropical and Southern Africa. — Information Bulletin, 1978, Vol. 16, N 16—17, p. 28—29.

² Information Bulletin, 1978, vol. 16, N 16—17, p. 29.

общества решаются не путем реформ, а активными революционными преобразованиями. Это, конечно, не значит, что для общественного развития сегодня характерны лишь скачкообразные, революционные формы. Революция есть завершение эволюционного процесса — это известное положение диалектического материализма одинаково применимо как к истории вообще, так и к развитию капитализма в частности. Верно и то, что в рамках капиталистической формации происходят не только постепенные, непрерывные, количественные изменения, но и скачкообразные, качественные, затрагивающие в той или иной мере весь комплекс общественных отношений, как это было, например, при переходе от домонополистического капитализма к империализму. Но в этом случае речь шла о существенном, качественном изменении в рамках одного и того же строя.

Коммунистическая формация рождается в остром, непримиримом противоборстве между силами реакции, империализма и силами прогресса, социализма. Для победы в этой борьбе необходимы коренные изменения, коренная ломка всей структуры эксплуататорского общества. «...Социализм не может быть осуществлен без революции»¹, — говорил Маркс. Все попытки реформистов доказать возможность иного, эволюционного пути превращения буржуазного общества в свою противоположность (которые обычно активизируются в периоды временного спада революционного движения или при переходе от одного его этапа к другому), постепенной «трансформации» капитализма в социализм терпели и будут терпеть крах, точно так же как обречены на фиаско все попытки приглушить классовую борьбу пролетариата, исключить ее из жизни капиталистического общества.

Революционный переход от капитализма к социализму как во внутринациональном, так и во всемирном масштабе — не гладкий, прямолинейный процесс. В нем, как отмечал Ленин, бываю- т и приливы и отливы. Не все народные революции завершались победой революционных сил, временами они терпели поражения, которые приводили к черным дням разгула реакции, временному упадку революционного рабочего движения (как это было, например, после поражения революции в России 1905—1907 годов). Случалось, что революции побеждали, но, не сумев по тем или иным причинам (мы их будем анализировать в дальнейшем) закрепить победу, после более или менее продолжительного существования народной власти терпели поражение, не устояв перед объединенными силами внутренней и внешней реакции (так было, например, во Франции в 1871 году, в Венгрии, Финляндии и Баварии в 1918—1919 годах, в Чили в 1973 году и т. д.).

Однако временные неудачи и поражения не могут остановить неумолимого поступательного хода истории, неуклонного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 448.

развития вширь и вглубь мирового революционного процесса, конечным итогом которого явится полная победа коммунистического общества. Лишь с того момента, когда будут уничтожены все классовые антагонизмы, создана бесклассовая, а затем и социально однородная структура общества, исчезнут и причины для совершения как политических, так и социальных революций. Это, конечно, не будет означать «конец» скачкообразным, качественным изменениям в истории человеческого общества и утверждения лишь эволюционных, количественных изменений. Революции в будущем коммунистическом обществе будут означать прежде всего и главным образом скачки, наиболее существенные, качественные вехи на пути овладения стихийными силами природы, ибо с полным уничтожением капитализма и всех его следов человек будет господствовать над социальными отношениями, контролировать и планомерно развивать их в соответствии с требованиями объективных законов, сознательно преодолевая возникающие в процессе развития неантагонистические противоречия коммунистического общества. Но человечеству предстоит еще пройти значительный отрезок пути, насыщенного острыми, бескомпромиссными классовыми битвами рабочего класса с буржуазией как внутри капиталистических стран, так и на международной арене, прежде чем коммунизм утвердится на всей планете. И в этих битвах путеводной звездой по-прежнему будет великое марксистско-ленинское учение.

Победа революции в одной стране и мировой революционный процесс

Вывод о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, стране относится к тем выдающимся научным открытиям Ленина, которыми в первую очередь измеряется его творческий вклад в развитие марксистской теории революции. Вместе с тем совершенно очевидно, что чисто исторически этот вывод представляет собой следствие, а не предпосылку длительных научных изысканий Ленина в области теории революции, изысканий, отмеченных целым рядом других крупных открытий. Эту оговорку необходимо сделать, во-первых, потому, что ряд западных интерпретаторов ленинизма, как, например, английский социолог Д. Лэйн¹, предпринимают попытки свести развитие Лениным теории социалистической революции чуть ли не только к данному выводу; во-вторых, потому, что некоторые авторы, упуская вопрос, не замечают или обрывают те ясные теоретические нити, которые связывают вывод о возможности победы в

¹ Lane D. Op. cit., p. 41.

одной стране (окончательно сформулированный в 1915 году) с другими, ранее или позднее высказанными Лениным идеями¹.

В соответствующих разделах книги мы рассмотрим подробнее эти вопросы. Но уже здесь следует отметить, что суть историзма как важнейшего научного принципа марксизма проявляется при их исследовании в том, чтобы, с одной стороны, не отрывать указанный тезис от предшествующих и последующих ленинских положений, видеть, как постепенно шел к нему Ленин, а затем развивал его; с другой стороны, не игнорировать той конкретно-исторической обстановки, тех непосредственных причин, которые, стимулируя ленинскую мысль, способствовали ее оформлению в логически стройную, не допускающую двояких толкований концепцию о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране.

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс, исходя из анализа особенностей развития домонополистического капитализма, из обусловленного этими особенностями опыта классовой борьбы, возможностей буржуазии одних стран приходить на помощь свергнутой буржуазии других стран, выдвинули в середине XIX века тезис о том, что социалистическая революция может победить лишь в нескольких капиталистических странах одновременно, свершившись, следовательно, только как результат совокупных усилий рабочего класса ряда стран.

Это положение в течение десятков лет лежало в основе стратегии пролетарского движения. Более того, нередко оно истолковывалось социал-демократами так, будто победа социалистической революции возможна лишь как следствие более или менее одновременных усилий пролетариев всех стран, т. е. как единовременный акт, совершаемый сразу в мировом масштабе.

В новых исторических условиях, в эпоху империализма данный тезис требовал пересмотра. Отныне он не соответствовал экономическим и политическим законам общественного развития, объективным тенденциям классовой борьбы. Более того, он начинал скрываться революционной энергией пролетариата, особенно тех отрядов рабочего движения, которые шли в авангарде борьбы против капитализма; его к тому же активно использовали оппортунисты для оправдания своей тактики «выжидания» того момента, когда повсеместно возникнут революционные ситуации, иначе говоря, для сдерживания борьбы пролетариата в странах, где вызревали такие ситуации.

¹ Здесь можно было бы отметить прежде всего всесторонне разработанную в произведении «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905 год) идею об основных условиях и факторах перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В послеоктябрьский период ленинская теория революции получила дальнейшее развитие в таких, например, работах, как «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 год), «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920 год), «О нашей революции» (1923 год), «Лучше меньше, да лучше» (1923 год), и др.

Ленин показал, что ожидать в эпоху империализма одновременной победы социалистической революции — значит встать на путь обманчивых иллюзий. Остановимся кратко на истории этого вывода, имеющей большое значение для правильного применения его в современных условиях.

В окончательном и развернутом виде положение о возможности победы социалистической революции первоначально в одной стране было сформулировано Лениным в связи с анализом лозунга о создании Соединенных Штатов Европы (СШЕ), который, напомним, выражал в самой общей форме демократические устремления европейской общественности накануне первой мировой войны и в ее начале. Учитывая это, на короткое время его приняли и большевики. В написанном В. И. Лениным осенью 1914 года манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» говорилось, что этот лозунг должен стать «ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы...»¹. Одновременно подчеркивалось, что необходимо «разъяснить всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской»².

Речь, таким образом, шла о ближайшей задаче, о своего рода программе-минимум, соответствовавшей, как это очевидно, одному из требований буржуазно-демократической революции (свержение монархических режимов). Вскоре, однако, большевики отказались от лозунга СШЕ, ибо даже такое ограниченное общедемократическое требование, если оно оговаривается необходимостью быть осуществленным в форме совместной международной акции, рождает неверные представления, будто каждая национальная революция в своих действиях должна полностью зависеть от революций в других странах. Поэтому Ленин вынужден был вновь и вновь возвращаться к этой проблеме. Ее полный и всесторонний разбор он дал в выдающихся работах — «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и «Военная программа пролетарской революции».

Отвечая тем, кто критиковал идею СШЕ потому, что она, мол, заслоняет лозунг социалистической революции, Ленин подчеркивал, что как раз в этом смысле призыв к созданию Соединенных Штатов Европы при свержении монархии неуязвим. «Политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции, ни в коем случае, никогда, ни при каких условиях не могут ни заслонить, ни ослабить лозунга социалистической революции»³. И тем не менее Ленин решительно выступил за отказ от идеи СШЕ. Почему? Потому что помимо чисто политической стороны дела оставался еще вопрос о капиталистической основе этих демократических европейских «Соединенных Штатов». Сохранение же этой осно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 21.

² Там же.

³ Там же, с. 351.

вы неизбежно вело и ведет к тому, что независимо от любых успехов политической демократии США станут оплотом реакции, соглашением европейских капиталистов о том, «как бы сообща дать социализм в Европе», как бы сообща противостоять Америке и Японии¹. Такова первая и главная причина отказа от идеи США.

Другая состояла в том, что даже призыв к созданию Соединенных Штатов Мира (а не Европы), который в общем соответствует идеалам коммунистов о государственной форме объединения и свободе наций при социализме, выдвинутый как самостоятельный, мог бы «породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране...»². Это и был вопрос вопросов, который в то время, в тех условиях являлся чрезвычайно актуальным и от ответа на который зависело, насколько активными будут позиции революционеров, станут ли они действовать, опираясь на внутренние силы в своей собственной стране, или же будут ждать созревания революции, которая произошла бы одновременно во многих странах.

Вывод В. И. Ленина о возможности победы социализма первоначально даже в одной, отдельно взятой, стране вытекал из открытого им закона неравномерности экономического и политического развития при империализме. «Развитие капитализма,— писал он,— совершается в высшей степени неравномерно в различных странах... Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»³.

В. И. Ленин понимал неравномерность экономического и политического развития при капитализме в самом широком смысле: с одной стороны, как неравномерность развития различных капиталистических стран, с другой — как неравномерность, неодинаковость вызревания в каждой из них объективных и субъективных условий социалистической революции. В. И. Ленин указывал, что непрерывные противоречия и столкновения антагонистических сил расшатывают и ослабляют фронт империализма. Цепь мирового империализма должна быть прорвана в ее самых слабых звеньях — в странах, где созрели объективные и субъективные условия революции. При этом, как мы увидим ниже, речь идет о совокупности всех условий.

Сформулированные Лениным идеи представляли без преувеличения подлинный переворот во взглядах на революционные возможности рабочего класса в эпоху империализма. Они давали пролетариату всех стран научно обоснованную уверенность в том,

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 133.

что его борьба против «своей» буржуазии может реально завершиться победой. Это решение развязывало энергию и инициативу революционеров. Практика подтвердила правильность ленинского предвидения.

Возникает вопрос: есть ли основания говорить о сегодняшней актуальности этих выдающихся достижений теоретической мысли марксизма-ленинизма, сыгравших не поддающуюся переоценке роль в революционных завоеваниях прошлого? На наш взгляд, ответ может быть только утвердительным. Суть основной проблемы, возникающей ныне при выработке коммунистами стратегии и тактики, полностью соответствует содержанию того вопроса, который в свое время встал в связи с идеей Соединенных Штатов Европы. А как мы видели, это был вопрос о возможностях развертывания революционной борьбы в отдельно взятой стране. Его ленинское решение направило силы рабочего класса на путь победоносной социалистической революции. Его противоположное решение, как своевременно показала научная марксистско-ленинская мысль, означало бы, с одной стороны, ограничение революционной инициативы и энергии пролетариата, трудящихся в результате принятия линии на «взаимное ожидание», а с другой — развитие их борьбы оказалось бы втиснуто в рамки определенной международной структуры, объективно подчиненной интересам господствующего капитала.

Для большевиков, самых последовательных интернационалистов, ленинское понимание проблемы послужило руководством к всемерному сосредоточению усилий партии на развитии революционного движения внутри России, тем более что именно сюда переместился центр международного революционного движения.

Среди факторов, определяющих ленинский выбор момента для Октябрьского вооруженного восстания, значительное внимание, как известно, было уделено и международной обстановке. Революционный подъем в мире был палицо, и это благоприятствовало восстанию. Но действительно мощной, массовой революции, отвлекающей на себя все силы буржуазии, в тот момент не было ни в Германии, ни в других империалистических государствах, и оттуда восставшему российскому пролетариату могла угрожать карательная интервенция. На это и напирали такие сторонники тактики «выжидания», как Каменев и Зиновьев. Свой страх перед революцией они прикрывали доводами, представлявшими собой типичное проявление оппортунистического псевдоинтернационализма. Если, мол, нас раздавят, «мы скорее повредим делу социалистической революции на Западе...»¹. Дождавшись-де восстания пролетариата за границей и поддержав его, сможем вернее обеспечить дело мировой революции. Разоблачая этот вздор, В. И. Ленин с уничтожающей иронией восклицал: «...как

¹ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 406.

быстро процветет международный интернационализм, если *повсюду* восторжествует такая же мудрая политика!..»¹

Отрицали возможность победы социализма в одной стране также Троцкий, Пятаков. Последний, например, определял социалистическую революцию как «объединенное действие пролетариев *всех* стран»². Что касается позиции Троцкого, то, критикуя его выступления, отрицавшие возможность победоносной социалистической революции в отдельной стране, Ленин охарактеризовал его как каутскианца и напомнил, что еще в 1902 году даже либерал Гобсон сумел лучше, чем Троцкий, разобраться в сущности лозунга Соединенных Штатов Европы³. Между тем и поныне троцкисты всех мастей продолжают твердить, что «подлинная» «революция рабочего класса» должна, мол, была «материализоваться в Западной Европе»⁴. А потому-де, оказавшись якобы без интернациональной поддержки, Октябрьская революция вообще не имела права на существование.

Этот последний тезис является совершенно падающим и не соответствует действительности. В. И. Ленин и его сторонники не только непоколебимо верили в поддержку со стороны международного пролетариата, но и видели в ней одно из решающих условий победы революции в России. В декабре 1919 года Ленин отмечал: «С самого начала революции мы говорили, что мы представляем из себя партию интернационального пролетариата, и, как бы ни велики были трудности революции, придет время,— и в самый решительный момент скажется сочувствие, солидарность рабочих, угнетенных международным империализмом. Нас за это обвиняли в утопизме. Но опыт нам показал, что если не всегда и не на все выступления пролетариата можно рассчитывать, то можно сказать, что за эти два года всемирной истории мы оказались тысячу раз правы»⁵. Возвращаясь к этой мысли спустя два года, он подчеркнул, что именно поддержка и сочувствие трудящихся масс всего мира явились «решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом»⁶.

С победой революции партии большевиков пришлось еще в течение длительного времени преодолевать в собственных рядах течения, которые догматизировали положение о неизбежности реставрации капитализма, если социалистическая революция на длительное время останется революцией в одной стране. «Сверхпролетарские», «сверхреволюционные», «сверхинтернационалистские»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 407.

² Цит. по: Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1970, с. 296.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 168.

⁴ Knei-Paz B. The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford, 1978, p. 437.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 390.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 293.

течения толкали партию на путь, губительный для социалистической революции.

Опыт победоносной революции, первые успехи в отражении натиска международной реакции окончательно убедили партию большевиков в правильности ленинского вывода о том, что «было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит»¹. И сегодня марксисты-ленинцы всех стран убеждены, что не мировую революцию надо рассматривать как условие успешного развития своей, национальной революции, а, наоборот, в умении закреплять и поднимать на новую ступень собственные революционные победы следует видеть реальный прогресс мировой революции. Ибо, как подчеркивал В. И. Ленин еще задолго до Октября 1917 года, «победивший пролетариат... экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран...»².

Буржуазные теоретики, извращая генезис теории победы социализма первоначально в одной стране, утверждают, что она принадлежит не В. И. Ленину, а И. В. Сталину. Именно таков, например, смысл высказываний, содержащихся в книге американского «советолога» Р. Такера³. Того же тезиса о «выборе Сталиным концепции социализма в одной стране»⁴ придерживается и французская специалистка по истории СССР Э. Каррер д'Анкосс. Сталин действительно уделял немалое внимание этой теории, пропагандировал ее, защищал от нападков троцкистов и других оппортунистов. Однако разработана она была В. И. Лениным. Об этом не раз говорил сам Сталин⁵.

Немало написано и о том, что Ленин считал возможной победу революции только в самой развитой стране. Одно время В. И. Ленин действительно полагал, что первой страной, совершившей социалистическую революцию, будет одна из самых развитых стран капиталистического мира. Особенно много надежд он возлагал на Германию. Однако, будучи верным конкретно-историческому подходу, он пришел к выводу, что реальный ход

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 245.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.

³ См. Tucker R. C. Stalinism: Essays in Historical Interpretations. New York, 1977, p. 78, 95.

⁴ Carrère d'Encausse H. Staline: l'ordre par la terreur. Paris, 1979, p. 249.

⁵ Так, в статье «К вопросам ленинизма», цитируя статью Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», он указывал, в частности, что в ней говорится о возможности для пролетариата победившей страны организовать социалистическое производство. «А что значит «организовать социалистическое производство»? Это значит построить социалистическое общество. Едва ли нужно доказывать, что это ясное и определенное положение Ленина не нуждается в дальнейших комментариях» (Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1953, с. 147).

истории ведет к тому, что такой страной неизбежно должна стать Россия. Именно поэтому В. И. Ленин направлял всю деятельность партии большевиков и революционных масс на подготовку социалистической революции, которая и победила в нашей стране в Октябре 1917 года.

В. И. Ленин считал, что за Россией последуют другие государства. Но он не указывал никаких конкретных сроков революций. В. И. Ленин отмечал, что «западноевропейские революции, может быть, пройдут более гладко, но все же для реорганизации всего мира, для реорганизации большинства стран потребуется много и много лет»¹. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» В. И. Ленин писал: «Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца, — вопрос несущественный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана»². Более того, Ленин признавал, что темпы развития революции на Западе оказались ниже предполагавшихся. «...В действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других крупных, капиталистически наиболее развитых, странах революция еще до сих пор не наступила... — говорил Ленин на III конгрессе Коминтерна. — Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах»³.

В. И. Ленин, анализируя специфику Запада, отмечал, что социалистическую революцию труднее начать именно в индустриально развитых капиталистических государствах, в том числе и потому, что рабочий класс стран высокоразвитого капитализма имеет перед собой врага, который не только располагает мощным арсеналом экономических, политических и идеологических средств воздействия на массы, но и благодаря огромному опыту научился искусно пользоваться различными приемами для раскола рабочего класса. Ленин отмечал, что монополистическая буржуазия стран Запада по искусству обманывать, развращать и подкупать рабочих не имеет себе равной на свете. Он призывал коммунистов этих стран искать пути приступа, подхода к социалистической революции.

Этот призыв Ленина сегодня звучит особенно актуально. За прошедшие десятилетия монополистическая буржуазия еще более усовершенствовала свое искусство развращать трудящихся. В ее руках гораздо более мощный аппарат идеологического давления на массы, научно-техническая революция расширила возможности для социального лавирования. Поэтому можно сказать, что и сегодня начать социалистическую революцию в промышленно развитых капиталистических странах — дело трудное. Но фак-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 155.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 150.

³ Там же, с. 36, 37.

том является и то, что в настоящее время чрезвычайно выросли силы рабочего класса, других антимонаполистических сил в странах капитала, что существует и крепнет мировая система социализма, широчайшее развитие получило национально-освободительное движение. К тому же нельзя забывать об ослаблении самого капитализма, общий кризис которого принял небывалые размеры, а также (что особенно важно) о росте силы, активности компартий, борющихся за власть. Все это облегчает подвод масс к революции, о чем речь будет идти дальше.

Итак, процесс перехода от капитализма к социализму, неизбежность которого была научно обоснована и предсказана еще Марксом и Энгельсом, начался, как это предвидел Ленин, с победы социалистической революции и социалистического строительства в одной, отдельно взятой, стране, в России. Однако Октябрьская революция не была поддержана, как ожидалось, победоносными революциями на Западе. Иногда этот факт истолковывается в том духе, что, мол, поскольку вопреки надеждам «русская революция не распространилась стремительно на Европу и они оказались изолированными»¹, Ленин, большевики вынуждены были отказаться от старого лозунга мировой пролетарской революции. Так ставит вопрос, например, упомянутая выше Э. Каррер д'Анкокс. Американский историк, профессор Калифорнийского университета (Беркли) М. Малья пытается доказать, будто Ленин, большевики были вынуждены импровизировать и строить «социализм в одной отдельно взятой стране»... лишь «в силу обстоятельств, из-за отсутствия революции на Западе (особенно в Германии)»...². Такие утверждения не имеют ничего общего ни с реальной практикой, ни с конкретными представлениями марксистов-ленинцев как в прошлом, так и в настоящем.

Ход истории, подтвердив истинность ленинского вывода о том, что одновременная победа социалистической революции в большинстве развитых капиталистических стран невозможна, внес существенные коррективы в представления марксистов о содержании, характере и сроках осуществления мировой революции, без учета которых нельзя понять во всей полноте значение рассматриваемого ленинского вывода для развития теории революции.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала первым победоносным актом мировой революции, исходным пунктом революционного обновления общества. Вслед за Советской Россией по пути социализма пошла Монголия, которая благодаря тесному союзу с СССР сумела миновать капиталистическую стадию развития, укрепить народную власть, создать условия для постепенного перехода от средневековой отсталости к строительству нового общества. После второй мировой войны, в условиях,

¹ Carrère d'Encausse H. Lénine. La révolution et le pouvoir. Paris, 1979, p. 256.

² Mاليا M. Op. cit., p. 215.

когда Советская Армия разгромила фашистские войска в Европе и японских милитаристов в Азии, от капиталистической системы отпала целая группа стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Азии, вставших на путь социализма. Сложилась мировая система социализма. В конце 50-х годов к братской семье социалистических стран присоединилась революционная Куба. Одержанная в 1975 году вьетнамским народом победа над империалистическими агрессорами и их пособниками открыла путь к воссоединению страны, и ныне весь Вьетнам в условиях независимости и национального единства идет к социализму. По социалистическому пути развивается и Лаос.

Выдающихся побед в послевоенный период добилося национально-освободительное движение, которое, как и предвидел Ленин, выявило не только мощные антиимпериалистические, но и антикапиталистические потенции. Об этом убедительно свидетельствует опыт государств социалистической ориентации, стран, избравших путь социалистического развития.

Практика, таким образом, показала, во-первых, правильность ленинского предвидения, что революционный переход от капитализма к социализму во всемирном масштабе — это не единовременный исторический акт, осуществляющийся в короткий период времени, а целая более или менее длительная, историческая эпоха постепенного и одновременного отпадения от капиталистической системы отдельных стран или группы стран, в которых побеждают революции. Практика также показала, во-вторых, что мировая социалистическая революция представляет совокупность самых различных, а не только непосредственно социалистических, революционных изменений, ведущих к общему ослаблению мирового империализма, подрывающих его экономически, политически и идеологически, способствующих прямо или косвенно утверждению социализма во всемирном масштабе.

Известное положение Ленина о том, что «чистой» социальной революции быть не может, что в ней — при главной, доминирующей направленности — переплетаются неоднородные социальные движения, полностью применимо к развитию мировой социалистической революции. Она разворачивается сегодня и через укрепление мировой социалистической системы, главной антиимпериалистической силы, и через революционную классовую борьбу в цитаделях империализма, и через национально-освободительное движение народов в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В борьбе против империализма объединяются три великие силы современности: мировая система социализма, международный рабочий класс и национально-освободительное движение. Вокруг этих главных революционных потоков, сливающихся в единый мировой революционный процесс, подрывающий и разрушающий мировой капитализм, сплачиваются все силы, которые ведут борьбу за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс.

В задачу автора не входит подробная характеристика каждой из основных революционных сил, подтачивающих империализм. Однако на некоторых вопросах, связанных с их историческими задачами, необходимо хотя бы вкратце остановиться, ибо эти вопросы составляют неотъемлемую часть ленинской теории революции.

В авангарде сил мировой революции идет государственно организованный рабочий класс. Его передовым отрядом стал в Октябре 1917 года российский рабочий класс. Социалистическая революция в России, первое социалистическое государство оказали сразу глубочайшее революционизирующее воздействие на весь ход мировых событий, на развитие революционной борьбы в странах капитала. И не только притягательной силой своего социалистического примера, но прежде всего тем, что отныне все мировое освободительное движение было поставлено в качественно новые объективные условия. Раскол мира на две противоположные системы, сам факт возникновения и существования социалистического государства, отвлекавшего на себя главные силы империалистических держав, создавали неизмеримо более благоприятные внешние условия для борьбы рабочего класса капиталистических государств, народов колониальных и зависимых стран, служили мощным материальным опорным пунктом мировой революции, ее маяком.

С победой Октября противоречие между капитализмом и социализмом стало определяющим во всей глобальной системе международных отношений, роль которых в возникновении и победе революций также резко возросла. Выступая на II конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин подчеркивал: «...при теперешнем мировом положении, после империалистской войны, взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистских наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира»¹.

Возникновение мировой социалистической системы, немалые социальные уступки, вырванные в ходе классовых сражений трудящимися развитых капиталистических стран, исторические успехи национально-освободительного движения — все это имело чрезвычайно важное значение для укрепления позиций социализма в его противоборстве с силами капитализма.

Ныне мировая система социализма представляет собой мощную, динамично развивающуюся силу. В 70-х годах темпы экономического роста стран-членов СЭВ, например, были вдвое выше, чем у развитых стран капитала. В Отчетном докладе XXVI

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 242.

съезду КПСС отмечалось: «В развитии экономики, культуры, в совершенствовании общественных отношений, социалистической демократии — буквально во всех областях мировой социализм уверенно идет вперед»¹.

Следует подчеркнуть, что образование и укрепление мировой социалистической системы — исторические явления, далеко выходящие за рамки чисто количественных показателей, как бы ни велико было их значение. Речь идет прежде всего о существенном качественном сдвиге, расстановке классовых сил в мире, в развитии мировой революции. Социально-экономическое и идейно-политическое развитие мировой системы социалистических государств во всех ее основных звеньях означало реализацию предвиденного В. И. Лениным процесса превращения диктатуры пролетариата из национальной силы в интернациональную, т. е. силу, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику².

Конечно, следует избегать упрощенного толкования этого ленинского положения или переоценивать достигнутую стадию развития названного процесса. Нельзя не учитывать, что социалистические государства и страны, продвигающиеся к социализму, находятся на разных уровнях созревания нового строя, в том числе и на таких, где еще не решен вопрос «кто — кого?» и где поэтому не исключены попятные процессы. Как показывает опыт, и страны с достаточно развитым социалистическим строем могут столкнуться с серьезными трудностями, не обязательно унаследованными от прошлого или привнесенными извне (хотя эти причины полностью не исчезают), а возникшими на внутренней почве. Опасность этого неоднократно отмечал Ленин, особенно в последних своих работах, пронизанных заботой о том, чтобы предостеречь коммунистов, всех трудящихся от самоуспокоенности и пассивности, от иллюзий, что победа революции автоматически приведет к победе социализма³.

Даже в тех случаях, когда созданы основы социализма, они отнюдь не предохраняют от попыток реставрации капитализма. А сами такие попытки могут создавать — и в ряде случаев создают — препятствия на пути социалистического строительства и даже приводят к явным его деформациям. Речь идет о таких деформациях, как отступление от социалистических принципов политики и фактическое смыкание с империализмом, вооруженные и невооруженные выступления антисоциалистических сил (в Венгрии — в 1956 году, в Чехословакии — в 1968—1969 годах;

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 11.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 165.

³ См. в этой связи, например, такие ленинские произведения, созданные в 1923 году, как «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 363—406).

в Польше — в 1980—1981 годах). Конечно, каждое из этих выступлений имело свою специфику, размеры и причины. Это не может, однако, нарушить закономерный ход истории, общий баланс сил, неуклонно изменяющийся в пользу мира и социализма.

Образование и укрепление международного содружества социалистических государств вносят определенные коррективы в понимание привычных, традиционных категорий марксистско-ленинской теории развития мировой революции. Возьмем, например, такое важное понятие, как «центр мирового революционного движения». Выше отмечалось, что в конце XIX — начале XX века он переместился в Россию. Этот факт подтвердили три русские революции, и особенно победоносная пролетарская революция, совершенная в октябре 1917 года. После победы Октября — и это не вызывало и не вызывает сомнений у всех подлинных революционеров — центром мирового революционного движения в течение многих лет оставался Советский Союз.

Возникает иногда вопрос: а какая сегодня страна является таким центром? На наш взгляд, сама постановка такого вопроса ошибочна, ибо не учитывает образования и роли качественно нового фактора современного революционного процесса, каким является ныне мировая система социализма. Не одна страна, а международное содружество социалистических государств, которое не только укрепляется и постепенно расширяется, стало в современных условиях и будет оставаться вплоть до полной победы коммунизма во всемирном масштабе центром мирового революционного движения. Всякие иные трактовки этого вопроса были бы теоретически антинаучны и политически вредны.

Сказанное, конечно, не противоречит тому известному факту, что страны, входящие в социалистическую систему, в силу своего объективного положения несут неодинаковую ответственность за судьбы мира и революции. Многие руководители коммунистических партий, видные деятели национально-освободительного движения отмечают в этой связи особую, передовую роль, которую играет в рамках социалистической системы и всего антиимпериалистического фронта Советский Союз.

Выдающийся вклад КПСС и Советского государства в дело революционного обновления мира подчеркивали многие зарубежные гости XXVI съезда КПСС. Успехи СССР, заявил, обращаясь к делегатам съезда Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер, «имеют историческое значение не только для самой страны Ленина, но и для всего социалистического содружества, для нашей совместной борьбы за мир и прогресс. Советский Союз выступает перед всем человечеством как могучий бастион этой борьбы, как гарант ее победоносных перспектив»¹. «...Именно на Москву — столицу первой на земле страны социализма, — говорилось в приветствии

¹ Приветствия XXVI съезду КПСС, М., 1981, с. 17—18.

ЦК Компартии США XXVI съезду КПСС,— большинство человечества смотрит как на столицу мира всей планеты, как на центр воплощения надежд народов, стремящихся разрешить стоящие перед ними задачи развития и избавления от нищеты, отсталости, расового унижения и империалистического господства»¹. По словам Председателя Комиссии по организации Партии трудящихся Эфиопии, Председателя Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариам, «долгий и славный путь Коммунистической партии Советского Союза — это школа коммунистов всего мира, в которой они изучают законы политической борьбы, опыт осуществления социальных преобразований»².

Роль, которую наша партия, Советское государство играют в международном движении, объясняется отнюдь не гегемонистскими претензиями, а объективными факторами, и в частности экономической и оборонной мощью Советского Союза, самой сильной державы в социалистическом содружестве; богатейшим опытом и авторитетом нашей партии и народа, являющихся первопроходцами в деле социалистического и коммунистического строительства; огромными усилиями, зачастую сопряженными с лишениями и жертвами, которые КПСС и советский народ посвящают делу революции, коммунизма, свободы народов, предотвращения мировой термоядерной войны во имя счастливого будущего человечества.

В условиях обострения классовых противоречий в странах капитала, подъема национально-освободительной борьбы значение Советского Союза, всех других стран социалистического содружества как центра и оплота мирового революционного движения существенно возрастает.

Содружество стран, строящих социализм и коммунизм, будучи главной силой мирового революционного движения, оказывает на него самое разностороннее влияние. Еще В. И. Ленин, вставший во главе первого социалистического государства, четко определил взаимосвязь между социалистическим строительством в стране, оказавшейся во враждебном капиталистическом окружении, и мировым революционным процессом. Она выражена прежде всего в следующих словах: «...главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»³.

Старые и «новые» левооппортунистические теоретики не видят теснейшей связи между ленинским курсом на победу социализма в экономическом соревновании с капитализмом и дальней-

¹ Приветствия XXVI съезду КПСС, с. 238.

² Там же, с. 413.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 341.

шим развитием мировой революции. Более того, они заявляют, что такая политика является «предательством» ее интересов, ибо якобы, во-первых, содействует стабилизации капитализма, во-вторых, деформирует социализм и ведет в конце концов к конвергенции двух систем.

Характерными в этом отношении являются позиции, занимаемые, например, идеологами левого радикализма в странах Латинской Америки. Вопреки реальным фактам они усматривают в политике социалистических стран, направленной на подъем жизненного уровня населения, равно как и в борьбе рабочего класса капиталистических и развивающихся стран за улучшение условий своей жизни, отказ от революционной политики, проявление «реформизма», переход с наступательных на «оборонительные позиции»¹. Все это, по мнению бразильских леворадикальных идеологов С. Фуртадо и Ф. Кардозо, якобы укрепляет «господствующую культуру капиталистического общества», способствует — де проводимой буржуазией политике экономического роста². Такого рода надуманные тезисы полностью опровергаются действительностью.

В самом деле, как подтвердил весь ход развития минувших шести с лишним десятилетий, с Октября 1917 года реальный социализм неизменно выступает как ведущая сила мирового общественного прогресса. Но именно в наше время, когда глубоко и всесторонне проявились преимущества нового социального строя, когда укрепилось единство стран социалистического содружества, выросла их роль в мировых событиях, — именно сейчас с наибольшей силой раскрылся и продолжает раскрываться гигантский потенциал воздействия реального социализма на ход мировой революции, на борьбу против империализма, за мир и демократию. Сейчас все подлинно революционные, передовые силы отчетливо сознают, что от мощи и влияния социалистического содружества самым непосредственным образом зависит процесс революционного обновления мира. В чем конкретно состоит значение реального социализма?

Во-первых, социализм является главной, решающей силой, обеспечивающей мир на нашей планете — коренное условие общественных преобразований, вообще дальнейшего развития общества. «Ибо нет сейчас ни для одного народа вопроса более существенного, более важного, чем сохранение мира, чем обеспечение первейшего права каждого человека — права на жизнь»³, — подчеркивалось в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС.

¹ См. *Dos Santos T. Socialismo o fascismo*. Buenos Aires, 1972, p. 244—245; *idem*. *Imperialismo y dependencia*. México, 1978, p. 410—411.

² *Furtado C. Sous-développement et dependance*. — *Les Temps modernes*, 1974, N 339, p. 115; *Cardoso F. H. O modelo brasileiro e outros ensayos*. Rio de Janeiro — São Paulo, 1977, p. 203.

³ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 5.

Во-вторых, огромный материальный потенциал стран социалистического содружества служит расширению экономических, политических и оборонных возможностей всех мировых революционных сил, располагающих в лице реального социализма организованной в государственном и международном масштабе мощью. Социалистические страны обеспечивают необратимость мирового революционного процесса, сковывая силы империализма, препятствуя его попыткам осуществлять экспорт контрреволюции, помогая прогрессивным режимам отражать агрессивные происки международной реакции. Рост мощи и влияния социалистического содружества создает благоприятные условия для свободного выбора народами империалистических и освободившихся стран путей и форм общественного развития, для продвижения их к социализму.

В-третьих, социально-экономические, политические, культурные успехи социализма усиливают революционизирующее воздействие на народы мира примера новой организации общества, которая исключает любые формы эксплуатации и угнетения, обеспечивает подлинное социальное и политическое равенство людей, гарантирует трудящимся широчайшие демократические права, создает условия для экономического и культурного прогресса.

Выяснение роли мирового социализма в революционном процессе жизненно необходимо для выработки каждой пролетарской партией несоциалистического мира стратегии и тактики, для понимания тенденций всемирной антиимпериалистической борьбы, правильного определения ее путей в конкретных условиях той или иной страны. Это необходимо также для того, чтобы эффективно бороться против буржуазных и оппортунистических фальсификаций роли социалистического содружества в революционном процессе, равно как и для того, чтобы убедительно разъяснять суть данного вопроса тем представителям рабочего движения, которые еще не овладели классовым подходом к его теоретическому и практическому решению.

Таким образом, воздействие всего социалистического содружества на положение в мире — существенный фактор мировой революции. В будущем его значение будет непрерывно возрастать.

Но значит ли это, что ныне падает (абсолютно или относительно) значение революционной классовой борьбы, которую ведут под руководством пролетариата трудящиеся капиталистических стран? Нет, ни в коей мере. Во-первых, нельзя противопоставлять противоречие между трудом и капиталом, порождающее эту борьбу и пронизывающее все отношения буржуазного общества, противоречию между капитализмом и социализмом, которое является основным, глобальным противоречием современной эпохи. Мировой социализм — это тоже труд, только освобожденный от эксплуатации и объединенный в масштабах социалистического общества, а прямо или опосредованно и в рамках всего мирового социалистического содружества. Во-вторых, капитали-

стический строй в цитаделях империализма будет уничтожен лишь тогда, когда в них произойдут социалистические революции. Выход социализма на мировую арену, его укрепление повышают революционные возможности пролетариата капиталистических стран. Однако совершить революции в этих странах могут только трудящиеся; именно они — субъекты своего социального освобождения, творцы собственной судьбы. Так что одинаково ошибочны и вредны как ослабление активной борьбы за власть в странах капитала в надежде, что этот вопрос может быть решен в ходе международной классовой борьбы между капитализмом и социализмом, так и стремление вести революционную борьбу против капиталистов лишь при опоре на «собственные силы», недооценивая главное противоречие эпохи и обособливаясь от борьбы двух систем на международной арене¹.

Рабочий класс развитых капиталистических стран, его политический авангард — компартии, сплачивая вокруг себя все антимонополистические силы, ведут в наши дни трудную борьбу против последней, но самой мощной из всех существовавших эксплуататорских систем, вписывая новые славные страницы в летопись классовых битв. Экономический кризис, охвативший к началу 80-х годов практически все развитые капиталистические страны, привел к резкому обострению классовой борьбы. В развернувшихся социальных схватках рабочий класс доказал свое значение ведущей революционной силы. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду анализировались итоги борьбы рабочего класса капиталистических стран в 70-е годы и отмечалось, что применение в производстве в этих странах новейших научно-технических достижений оборачивается против трудящихся, ведет к заметному обострению социальных противоречий: «Попытки спизить пакал классовой борьбы путем кое-каких социальных реформ также не имеют успеха. Число участников забастовок выросло за десятилетие более чем на треть, достигнув, только по официальным данным, четверти миллиарда человек»².

В ходе современных классовых боев в странах капитала все чаще проявляется та их характерная черта, что, защищая свои насущные интересы, трудящиеся в то же время борются за социальные права и демократические свободы. Их требования все в большей мере направляются непосредственно против системы господства монополистического капитала, против его политической власти. Именно в такую, вполне развитую классовую борьбу стремятся превратить марксистско-ленинские партии все формы

¹ Более подробно вопрос о роли различных классовых противоречий современной эпохи рассматривался нами в работе: *Зародов К. И.* Ленинизм и современные проблемы перехода от капитализма к социализму. М., 1981, с. 107—124. К ней мы и отсылаем читателя, интересующегося специально этими вопросами.

² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

социального протеста против засилья капитала, ибо только коренное изменение существующего устройства государственной власти способно удовлетворить главный социально-экономический интерес пролетариата, освободить труд от ига капитала, избавить всех трудящихся от эксплуатации и духовного гнета, обеспечить реальную свободу.

В последние десятилетия существенный отпечаток на условия жизни и борьбы рабочего класса в цитаделях империализма накладывает развитие интеграционных процессов, особенно в Западной Европе, принимающих все более устойчивый, в определенном смысле необратимый характер, а также рост многонациональных кампаний. Усиление интернационального гнета пролетариата со стороны международной буржуазии требует, безусловно, подъема на новый уровень интернационального единства пролетариев капиталистических стран, их боевого авангарда — компартий.

Глубокий подход к оценке международных объединений, созданных и контролируемых буржуазией, мы находим, например, в Программе Германской коммунистической партии. «Национальные интересы Федеративной Республики, — говорится в ней, — требуют, чтобы наша страна отказалась от односторонней связи с империализмом США и империалистическими блоками. ГКП выступает против принесения в жертву суверенных прав в угоду НАТО и ЕЭС. Она — за полную национальную независимость»¹.

Курс на бескомпромиссную борьбу с интеграционной группировкой монополистической буржуазии, на ограждение от нее экономической и политической независимости своих стран является закономерным и естественным для революционного рабочего движения. Следует ли отсюда, что для революционеров внутри подобных интернациональных структур вообще не может быть никакого поля деятельности в интересах демократии, трудящихся? Напротив. Как отмечалось выше, и в ленинском подходе к лозунгу США выделялись потенциально связанные с его реализацией возможности укрепления позиций демократических сил. Поэтому надо, конечно, приветствовать борьбу за демократизацию «Общего рынка».

Компартиям приходится считаться с реальностями интеграционного процесса в Западной Европе, с уже свершившимся фактом образования сложного и развивающегося механизма интернациональных экономических и политических связей в рамках ЕЭС. В этой связи проблема усложняется. Она превращается в вопрос о том, каково должно быть соотношение между национальным и интернациональным уровнями борьбы против буржуазии, классовые позиции которой, несомненно, укрепляются. Целью ставится превратить «Европу монополий» в «Европу трудящихся»,

¹ Мангеймский съезд Германской коммунистической партии. 20—22 октября 1978 г. М., 1979, с. 293.

что, безусловно, нельзя не приветствовать. Но вопрос в том, каким образом, на какой основе может быть это достигнуто?

Существует такой ответ, что ключом к успеху является развертывание активности компартий внутри политических институтов ЕЭС, прежде всего в «европейском парламенте». Более того, при этом предполагается, что демократизированная на базе этих действий «малая Европа» в свою очередь станет двигателем радикальных преобразований социалистического направления в составляющих ее странах. Таковы аргументация и установка, постоянно фигурирующие в концепции, сторонники которой полагают, что интеграционные организации буржуазии могут стать международным рычагом революционного движения и превратиться в интернациональное оружие рабочего класса.

У марксистов-ленинцев есть и теоретическая база, и практический революционный опыт, необходимые для выработки хорошо обоснованной позиции по отношению к межнациональным объединениям, и в частности для оценки упомянутой выше концепции, ориентирующей на перестройку их изнутри и на использование в качестве рычагов революционного преобразования.

Принципиально важным здесь является, на наш взгляд, именно четкое понимание социальных границ, до которых объективно могут дойти успехи политической борьбы рабочего класса внутри интернациональных учреждений, организаций буржуазии. Но если даже допустить, что революционным, левым силам удалось добиться контроля над политическими институтами той или иной интеграционной группировки капиталистических государств, разве это обеспечит им господствующее в ней положение? Не реалистичнее ли предположить, что буржуазия, сохраняя в своих руках весь аппарат и ресурсы экономики, либо превратит эту политическую победу левых в пустышку, либо просто разрушит механизмы интеграции, переставшие служить ее интересам. Ведь, несмотря на все перемены, ЕЭС и ныне представляет собой соглашение европейских капиталистов, договаривающихся — повторим ленинские слова, — «как бы сообща давить социализм в Европе».

Другая сторона вопроса состоит в следующем. Где лежит источник силы, необходимой для укрепления позиций, повышения влияния левых сил в интеграционных объединениях? Понятно, что не внутри этих объединений, а в национальных условиях отдельных стран. Реальная возможность стать преобладающей или хотя бы крупной политической величиной в интернациональных межгосударственных организациях целиком зависит от того, в какой мере этим силам удастся сначала добиться аналогичного положения в собственных странах. Здесь-то, как видим, и оказывается главная, решающая арена борьбы, исход которой определяет каждый шаг по пути к возможной демократизации интеграционных структур в мире капитала.

Это позволяет понять, в каком смысле и в каком плане сохраняет непреходящую актуальность марксистско-ленинский тезис о возможности победы социалистической революции первоначально в одной или немногих странах. Разумеется, сегодня акцент в этой формулировке не может стоять на слове «первоначально», ибо начало практическому переходу мира от капитализма к социализму было положено десятилетия назад. Для революционеров нашего времени это вопрос о расширении прорыва, о дальнейшем развитии успеха международных сил социализма в условиях упрочения нового строя на огромной территории нашей планеты. Но суть дела в том, что и продолжение процесса подчинения той же закономерности, которая не допускает революционных побед по некоему международно согласованному расписанию. И ныне основа объективного приоритета национальных усилий революционеров над международными факторами борьбы за социализм лежит в неравномерности экономического и политического развития капитализма.

В еще большей мере, чем к индустриально развитым странам капитализма, это относится к зоне национально-освободительного движения, где, как уже отмечалось выше, проблемы упрочения национальной независимости и суверенитета продолжают доминировать в революционной борьбе народов. Для понимания и практического решения этих проблем исключительно большое значение имеют обоснованные в ленинском анализе национального вопроса в России и в других странах положения о праве всех наций «на самоопределение», т. е. на отделение и образование самостоятельного государства¹. Как известно, Ленину пришлось отстаивать правильность данных положений в полемике с Р. Люксембург и «левыми» в собственной партии — Бухариным, Пятаковым, выступавшими против лозунга самоопределения². Ленин доказал, что наличие в колониях чужеземного гнета выдвигает демократическую задачу освобождения от него на основе политических действий против угнетающей нации национально-угнетенных пролетариата, крестьянства и буржуазии, что лозунг самоопределения верен для всех колониальных стран. Он указывал, что социалисты не могут ограничиваться лишь формальным признанием права наций на самоопределение, но должны самым решительным образом на деле поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических, национально-освободительных движений в борьбе против империализма³.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 59.

² Р. Люксембург считала «национальное государство» фразой «из сокровищницы трухлявого буржуазного либерализма»; Бухарин полагал, что пролетариату должны быть совершенно безразличны понятия «отечество» и «нация»; Пятаков считал лозунг самоопределения, как лозунг рабочей партии, чуждым для колоний, где нет рабочего класса (см. Века первой борьбы. М., 1967, с. 437, 438, 441—442).

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 261.

Эти мысли Ленина легли в основу деятельности большевистской партии по сплочению угнетенных народов России в революционном движении. Их совместная борьба привела к победе Октябрьской революции, а затем и к созданию объединенного многонационального государства — Союза Советских Социалистических Республик. Ленинские идеи национально-освободительной борьбы определили впоследствии и стратегическую линию Коминтерна в национально-колониальном вопросе.

В наши дни вопрос о национально-освободительном движении, о роли освободившихся стран как важной антимпериалистической силе имеет огромное значение. «Сейчас мир государств, завоевавших национальную независимость, представляет собой впечатляющую и многоликую картину», — отмечал, выступая на международной научной конференции «Совместная борьба рабочего и национально-освободительного движений против империализма, за социальный прогресс» (Берлин, 1980 г.), кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. — Процессы, которые там происходят, оказывают огромное воздействие на жизнь и судьбы многих десятков народов, составляющих в целом более 50 процентов населения земного шара»¹.

Главной ареной национально-освободительной борьбы являются Азиатский, Африканский и Латиноамериканский континенты. Следует заметить, однако, что национальный вопрос в той или иной форме остро стоит и в ряде развитых капиталистических стран, таких, как Англия, Бельгия, США, Канада. Для многих капиталистических стран жизненно важен вопрос о защите их национальных интересов, о сохранении независимости в условиях непрекращающегося наступления гигантских международных монополий, и прежде всего монополий США, на экономическую и политическую жизнь менее крупных государств.

Хотя и сегодня позиции неокOLONиализма еще весьма сильны во многих освободившихся странах, невозможно переоценить основное завоевание национально-освободительного движения, ставшее необратимым, — разрушение огромных колониальных империй, избавление многих сотен миллионов людей от прямого иностранного господства. «В 70-е годы, — отмечалось на XXVI съезде КПСС, — фактически завершилась ликвидация колониальных империй»².

Развал колониальной системы — важный революционный сдвиг всемирно-исторического масштаба, крупное поражение мирового империализма. Борьба за упрочение политической и завоевание экономической независимости, представляющая важнейшую задачу современного этапа в развивающихся странах, отход целого

¹ Совместная борьба рабочего и национально-освободительного движений против империализма, за социальный прогресс. Материалы международной научной конференции. Берлин, 20—24 октября 1980 года. М., 1981, с. 26—27.

² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 4.

ряда из них от капиталистической ориентации развития, укрепление союза стран, освободившихся от колониального гнета, с мировым социализмом свидетельствуют о том, что революционный потенциал национально-освободительного движения не исчезает. Свидетельства тому — революции в Эфиопии, Афганистане, Никарагуа, свержение антинародного, монархического режима в Иране.

В свете современных событий особенно ясна дальновидность и глубина ленинских слов, сказанных более чем полвека назад. «Движение в колониальных странах,— подчеркивал В. И. Ленин,— все еще рассматривается, как незначительное национальное и совершенно мирное движение. Но это не так. С начала XX столетия в этом отношении произошли большие изменения, а именно: миллионы и сотни миллионов,— фактически громаднейшее большинство населения земного шара,— сейчас выступают как самостоятельные активные революционные факторы. И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»¹. Сегодня гениальное предвидение вождя мировой революции осуществляется в полной мере.

Вывод Ленина, подтвержденный жизнью, означал, что в целом борьба за национальное освобождение, сохраняя в основном свою непролетарскую, социально разнородную природу, перестала быть лишь второстепенной, вспомогательной силой мировой социалистической революции, а объективно стала составной частью всемирного перехода от капитализма к социализму.

Одной из наиболее важных в современных условиях тенденций в зоне национально-освободительного движения (а как показывает опыт, значение этой тенденции постоянно возрастает) является переход на позиции рабочего класса, на позиции научного социализма значительного числа революционно-демократических партий. Один из руководителей Фронта освобождения Мозамбика, С. Виейра, отмечал: «Суровые классовые сражения требуют, чтобы пролетариат, выступающий в тесном единении с крестьянством — своим основным союзником и с прогрессивными представителями других слоев трудящихся, располагал авангардной партией, которая руководствуется научной идеологией. Создание партии — потребность революционного развития»².

Значение данной тенденции трудно переоценить. Изменение содержания национально-освободительной борьбы, ее растущая антикапиталистическая и в конечном счете социалистическая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.

² Совместная борьба рабочего и национально-освободительного движений против империализма, за социальный прогресс, с. 67.

ориентация, а также строительство основ социализма во многом по-новому ставят вопрос о будущем развитии освободившихся стран. Опыт показал, что провозглашение некоторыми из них линии на социализм, минуя капиталистический путь развития, оказалось своего рода ширмой, пропагандистским маневром, прикрытием националистической, шовинистической, а порой и антикоммунистической политики. Ясно, что такая опасность повышает значение авангардных партий в борьбе за социализм. Однако это отнюдь не означает, что из состава ее участников полностью вытесняются промежуточные или средние слои и группы населения, в том числе революционные демократы, и к руководству ею обязательно приходит организованный промышленный пролетариат с его главным союзником — крестьянством, хотя, конечно, такое развитие революции является более радикальным и именно на него ориентируются компартии ряда стран Латинской Америки и Африки. Рассматривая, например, положение в большинстве афро-азиатских государств, нельзя не принимать во внимание их промышленную отсталость, относительно малочисленность пролетариата. Поэтому представляется вполне закономерным, что на этапе радикальных общественных преобразований национально-освободительное движение часто выступает здесь под руководством политических сил, выражающих интересы не только трудовых, но и мелкобуржуазных слоев населения. На наших глазах в немалом числе стран Азии, Африки и Латинской Америки из рядов прогрессивно настроенных военных, патриотической интеллигенции, социальные корни которых уходят в самую толщу народа, вышли деятели, образовавшие революционное ядро национально-освободительного движения и сумевшие придать ему антикапиталистическую направленность. В условиях усиления общего кризиса капитализма, расширения влияния идей научного социализма передовая часть средних слоев способна и в дальнейшем — под давлением снизу и при опоре на страны с прогрессивными режимами, на мировое революционное и национально-освободительное движение — эволюционировать влево, идти на союз с рабочим классом, активно включаться в антиимпериалистическую борьбу.

Поэтому неправильно было бы считать, что тенденция к переходу народов освободившихся стран на социалистический путь ведет к отмиранию общедемократического начала национально-освободительной революции. Напротив, политически оно не только сохраняется, но и получает свое наиболее полное развитие, но уже на иной, новой социальной базе. Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, даже в социалистической революции, непосредственно совершаемой пролетариатом против буржуазии, сливаются движения общедемократические, национальные, представляющие интересы самых различных групп. Ясно, что социальная революция, вырастающая из национального движения, тем более не может превратиться в чисто социалистический переворот, огорваться от своей общедемократической первоосновы. Однако это

ни в коей мере не мешает ей вплотную подводить страны и народы к рубежам, за которыми открывается прямой путь к социализму.

Из сказанного вытекает, что, говоря о национально-освободительном движении как о составной части мировой революции, мы должны учитывать сложность, противоречивость его развития. Национальное движение успешно служит делу социального прогресса тогда, когда оно учитывает интересы мировой революции. Если же его идеи перерастают в узкий своекорыстный национализм, то оно может стать препятствием на пути прогресса. Опыт российских революций убедительно доказывает, какими сложными могут быть отношения, возникающие между коммунистами-революционерами и силами, выступающими за национальное освобождение. Вспомним, например, события времен гражданской войны, когда революционные войска Советской России, готовившиеся поддержать борющихся трудящихся Польши, не встретили поддержки с их стороны. Уроки этих событий показали, что, когда в стране нет революционной ситуации, реакция может сплотить на националистической основе не только городские средние слои и крестьянство, но и значительную часть рабочих. Польские коммунисты надеялись на помощь делу революции со стороны советских войск. Но они недооценивали национальный вопрос, не выдвинули ясных лозунгов о независимости Польши. Буржуазия, напавшая на Советскую республику, изобразила переход Красной Армии в наступление как стремление поглотить Польшу¹.

Надо сказать, что на современном этапе развития национально-освободительных революций, когда во весь рост встает проблема их перерастания в революции социальные, особенно возрастает значение союза сил национального освобождения с мировой системой социализма. Это убедительно подтверждает, в частности, опыт развития стран социалистической ориентации. Для них классовый союз со странами социалистического содружества выступает в качестве важнейшего объективного условия, обеспечивающего

¹ Клара Цеткин вспоминает, что она осенью 1920 г. рассказывала Ленину, какое впечатление произвели в Германии красноармейцы, появившиеся у самой немецкой границы. В связи с этим зашел разговор и о Польше: «Несколько минут сидел он (Ленин. — К. З.) молча, погруженный в раздумье.

— Да, — сказал он, наконец, — в Польше случилось то, что должно было, пожалуй, случиться». Ленин объяснил, как получилось, что польские крестьяне и мелкая буржуазия «готовы были видеть в красноармейцах врагов, а не братьев — освободителей. Конечно, нет нужды говорить, что они чувствовали, думали и действовали при этом отнюдь не социалистически, не революционно, а националистически, шовинистически, империалистически. Крестьяне и рабочие, одураченные сторонниками Пилсудского и Дашинского, защищали своих классовых врагов, давали умирать с голоду нашим храбрым красноармейцам, завлекали их в засаду и убивали» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 5. М., 1979, с. 17—18).

самую возможность продвижения по пути социалистического развития в условиях крайне отсталой экономики, неразвитости социальных отношений. Поэтому концепция союза стран социализма и национально-освободительного движения — составная часть ленинской стратегии широких классовых союзов пролетариата, идущего в авангарде мировой революции, со всеми антиимпериалистическими силами, стратегии, не замыкающейся в национально-государственных рамках, а распространяемой на весь мировой революционный процесс. Принципиальная интернационалистская позиция нашей партии в этом вопросе особо отмечалась на XXVI съезде КПСС: «КПСС и впредь, — говорилось в Отчетном докладе съезду, — будет последовательно проводить курс на развитие сотрудничества СССР с освободившимися странами, на укрепление союза мирового социализма и национально-освободительного движения»¹.

Мировая система социализма, оказав решающее воздействие на распад колониальной системы империализма, способствуя прямо и косвенно борьбе освободившихся стран за экономическую независимость и социальный прогресс, решительно поддерживая антикапиталистическую ориентацию многих из них, в свою очередь приобрела в лице десятков молодых государств новых важных союзников, наносящих удары по системе империалистического господства и создающих тем самым дополнительные предпосылки для усиления революционного натиска сил социализма на капитал. Такая связь между развитием и укреплением государственно оформленного социализма и прогрессом национально-освободительного движения — не случайное совпадение, а естественное следствие объективно и закономерно складывающегося взаимодействия составных частей единого мирового революционного процесса, результат объективной общности интересов мирового социализма и сил национального освобождения.

Из изложенного выше нетрудно заключить, что магистральная тенденция в современных условиях состоит в углублении взаимозависимости революционных движений в различных странах при одновременном возрастании масштабов этих движений. Под натиском основных революционных сил современности, мирового социализма, международного рабочего и национально-освободительного движений подтачиваются устои империализма, в цепи его господства обнаруживаются новые слабые звенья. Это ведет к дальнейшему отпадению от капиталистической системы новых стран и народов, которые пойдут по пути, предсказанному В. И. Лениным и открытому Октябрьской революцией.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 15.

Как и когда возникает революция

Вопрос о том, где и когда произойдут дальнейшие прорывы цепи капиталистического господства, будут ли это отдельно взятые страны (как это было, например, в России в октябре 1917 года, на Кубе в конце 50-х годов) или целые группы стран (как это произошло после второй мировой войны), находится в центре современных дискуссий. За этими дискуссиями стоит по существу один главный вопрос: что нужно для наступления революции, при каких обстоятельствах она возникает? Это, конечно, не новый для международного коммунистического и рабочего движения вопрос, и принципиальные ответы на него даны марксистско-ленинской теорией, опытом революционной борьбы. Но разумеется, с развитием исторических событий, с изменением условий классовой борьбы пролетариата на первый план выступают то одни, то другие грани этой большой проблемы, что требует постоянного внимания к ней марксистов-ленинцев.

Известно, что с давних пор буржуазные и реформистские идеологи главные причины социалистических революций увязывают с войнами. Через неделю после победы Октября Каутский, например, уверял, будто большевики пришли к власти лишь потому, что смогли воспользоваться специфическими условиями военного времени¹. Современные противники ленинизма также пытаются представить победу Октября как результат автоматического воздействия первой мировой войны. Так, американский историк М. Малья утверждает, что, поскольку воздействие войны на Россию было «неизбежно катастрофическим», то «в течение 1917 года русское гражданское общество начало распадаться совершенно независимо от воли большевиков», которым таким образом и был-де расчищен путь к власти². Французский ренегат от коммунизма Ж. Элленштейн вслед за буржуазными идеологами заявляет: «Революция родилась из войны»³.

Учитывая широкое распространение в западной историографии подобных интерпретаций, искажающих вопрос о соотношении между социалистической революцией и войной, и, разумеется, прежде всего теоретическую и практическую важность самого этого вопроса, именно с него и начнем рассмотрение причин, законов возникновения революции.

Исторически сложилось так, что и Великая Октябрьская социалистическая революция в России, и революции в ряде европейских и азиатских стран совпали по времени с мировыми войнами. Эта кажущаяся связь служит для буржуазных и реформистских идеологов решающим аргументом в пользу милитаристской

¹ *Kautsky K.* Die Erhebung der Bolschewiki. — *Leipziger Volkszeitung*, 15. XI. 1917.

² *Malia M.* Op. cit., p. 213.

³ *Elleinstein J.* Op. cit., p. 22.

трактовки предпосылок социалистической революции. «Война принесла коммунизм в Россию, Китай, Восточную Европу... — утверждает американский историк и политолог Р. Уэссон. — Коммунизм по большей части является движением военной мобилизации»¹.

Первая брешь в теоретических построениях антикоммунистов была пробита кубинской народной революцией, переросшей в начале 60-х годов в социалистическую и уж никак не связанной с мировой войной. Но это не смущает упомянутых идеологов, рассматривающих ее лишь как «единичный случай», не влияющий на общую глобальную взаимосвязь, существующую, по их мнению, между мировой войной и революцией.

В кампании, направленной на то, чтобы отвлечь массы от борьбы за насущные интересы, за общественные преобразования различного рода, активное участие принимают левацкие группировки. Они, например, пропагандируют такую «теорию»: поскольку капитализм переживает кризис, а две предыдущие мировые войны вытекали из кризиса, то и сейчас, мол, надо ждать мировую войну и нечего искать революционного выхода из кризиса: все-де решит война. На самом деле рассматривать войну как необходимое условие для победы революции, как мост, по которому «человечество перейдет в новую историческую эпоху» (выражение Мао Цзэдуна), — это значит сводить на нет роль борьбы рабочего класса, трудящихся масс, способствовать распространению лжи антикоммунистов об «экспорте революции», о кознях «международного коммунизма». Ведь стремясь оклеветать Советский Союз и другие социалистические страны, представить их в качестве агрессоров, буржуазные идеологи вместе с тем стараются оправдать свои лженаучные утверждения о неизбежности капитализма, о том, что угроза ему исходит не от внутренних сил, а только извне, со стороны стран социализма.

Указанный подход к проблеме соотношения войны и революции, понятно, не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Значит ли это, что марксисты-ленинцы вообще отрицают наличие каких-либо причинно-следственных связей между мировыми войнами и социалистическими революциями? Ответить утвердительно на этот вопрос — значит пойти против истории, против ленинских взглядов. Напомним некоторые из них.

Так, говоря о факторах, способствовавших возникновению Февральской революции 1917 года и удивительно быстрому (6—8 дней) развалу царской монархии, Ленин прежде всего указывает на то, что это было бы невозможно «без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов», «без контрреволюции 1907—1914 годов», которая окончательно раскрыла всю гнилость, гнусность и цинизм самодержавия. Именно в этих, как говорил Ленин, репе-

¹ Wesson R. Op. cit., p. 12.

тициях и была «разыграна» восьмидневная февральско-мартовская революция 1917 года, обеспечив ее успех¹. Отметив названные условия, Ленин подчеркивал далее, что для столь быстрого завершения начального этапа революции «необходим был еще великий, могучий, всесильный «режиссер», который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные. Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории пужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*.

Этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война»².

В. И. Ленин отмечал, что всемирная империалистическая война была фактором «первейшей силы», породившим революционный кризис, неудержимо росший во всех капиталистических странах, начиная от Германии и кончая Англией и Францией³. Отвечая на вопрос, почему этот кризис разразился прежде всего в России, он писал: «Естественно, что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям «пятого года»), — революционный кризис разразился *раньше всего*. Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые были нанесены России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным. Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против «пораженчества», поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой и самой варварской царской монархии и *начала* революционного пожара»⁴. Несомненно и то, что продолжение Временным правительством империалистической войны, усилившей голод и разруху, недовольство и озлобление масс, не желавших воевать за интересы грабителей-империалистов, ускорили вызревание условий и для победы социалистической революции в октябре 1917 года.

Тезис о том, что мировые войны — это один из важных объективных факторов, могущих породить революционный кризис, ибо они сопровождаются «такими разрушениями, взваливают такие

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 11, 12.

² Там же, с. 13.

³ См. там же, с. 14—15.

⁴ Там же, с. 15.

тяжести на плечи рабочего класса и миллионы колониальных пролетариев и крестьян, что капитализм... должен неизбежно погибнуть под ударами пролетарской революции»¹, подчеркивался и в Программе Коминтерна. Это положение подтвердилось впоследствии. Вторая мировая война обострила все классовые противоречия капиталистической системы, помогла сплочению революционных сил. Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии способствовал победам народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии.

Таким образом, марксисты не отрицают наличие связи между теми или иными войнами и возникновением революций. Они отрицают, что войны являются обязательным и главным фактором их возникновения и победы. И это относится не только к современным и будущим условиям, но и ко всем революциям в прошлом.

Действительно, начнем с самого простого — с элементарных, никем не оспариваемых фактов. Известно, что в первой мировой войне участвовало 33 государства, однако социалистическая революция победила только в России. Во вторую мировую войну было втянуто 61 государство, а после ее окончания на путь социализма в результате победы народно-демократических революций встало 11 стран.

Конечно, это простое арифметическое сопоставление само по себе еще ничего не говорит о причинах революций. Но и его достаточно, чтобы уловить, что не существует никакой автоматической или тем более однозначной связи между мировой войной и революцией в той или иной конкретной стране.

Что же касается колоссального революционизирующего воздействия на мир краха фашистской Германии и милитаристской Японии, в разгром которых Советский Союз внес решающий вклад, то оно очевидно. Вступление Советской Армии в пределы Центральной и Юго-Восточной Европы стало катализатором процесса народно-освободительной борьбы, заострило ее социальную направленность и в то же время содействовало ослаблению внутренней реакции, явилось гарантией от вмешательства империалистов. Фактом является также то, что Советский Союз оказал странам народной демократии большую экономическую, политическую, дипломатическую, военную и моральную поддержку.

Буржуазные идеологи, как мы уже говорили выше, постоянно фальсифицируют этот факт в целях обоснования возникшего еще в годы «холодной войны» мифа, согласно которому социализм в европейские страны будто бы был принесен на советских штыках. «В большинстве случаев, — утверждает, например, американский политолог А. Улам, — новые коммунистические режимы были навязаны Красной Армией, и их способность оставаться у власти

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932 гг. М., 1933, с. 8.

зависела, в конечном счете, от Советского Союза»¹. Руководитель Восточноевропейской библиотеки в Берне Р. Гостони, специализирующийся по новейшей военной истории, тоже уверяет, что установление социалистического строя в восточноевропейских странах базировалось-де на присутствии Советской Армии².

Никто, конечно, не отрицает значения присутствия Советской Армии в консолидации антифашистских сил, предотвращении вооруженных действий внешней реакции против народов этих стран. Однако такое присутствие не было решающим фактором.

Напомним, что Советская Армия находилась в связи с освобождением Европы от фашизма в ряде стран. Однако не все они стали на путь социализма. Так, в Австрии, Норвегии, Дании, Финляндии, несмотря на все потрясения, вызванные войной, и присутствие Советской Армии, социалистической революции не произошло. В то же время она победила в странах, где не было советских войск (например, в Албании). Таким образом, историческим фактом является то, что социалистические революции произошли в тех странах, где в период войны оказались дискредитированными буржуазные социально-политические концепции, а народные массы оказали решительную поддержку левым силам, коммунистическим и рабочим партиям, возглавившим освободительную, антифашистскую борьбу. Приход Советской Армии создал лишь благоприятные внешние условия для борьбы прогрессивных сил, тогда как внутренние, объективные и субъективные предпосылки для их победы созрели задолго до освобождения.

Сказанное полностью относится и к национально-освободительным, народным, антиимпериалистическим революциям современной эпохи. Их совокупный опыт, равно как и конкретный опыт каждой из них, свидетельствует о том, что они побеждают или, напротив, терпят поражение прежде всего в силу внутренних причин, обусловленных содержанием и уровнем развития освободительной борьбы. Именно от них зависят и возможности, эффективность внешней помощи, включая и военную, которая оказывается бесполезной, если она не соответствует социально-политическому характеру тех или иных национальных движений. Выше это было показано в иной связи на примере Польши из времен гражданской войны. С другой стороны, практика освободительной борьбы народов Кавказа, Средней Азии, Монголии, а в наше время — народов ряда стран Азии и Африки дает неоспоримые доказательства необходимости и действительности всесторонней поддержки социализмом тех национальных движений, которые, преодолевая буржуазный национализм, приобретают подлинно народный, революционно-демократический, антиимпериалистический характер, которые сознательно стремятся к союзу с победившим

¹ *Ulam A. Op. cit.*, p. 252.

² *См. Gostony R. Op. cit.*, S. 260, 262, 308.

социализмом в целях отражения внутренней и внешней контрреволюции. И эта поддержка, разумеется, не имеет ничего общего с «экспортом революции», на чем мы еще специально остановимся в заключительной главе книги.

Известно, далее, что после победы Октября в связи с необходимостью подписания Брестского мира с немецкими империалистами Ленин вел очень напряженную борьбу с «левыми коммунистами» (Бухарин, Ломов, Урицкий, Бубнов, Осинский и др.), идеологами той части большевиков, которые, догматически искажая марксизм, утверждали, что всякие соглашения пролетарского государства с империалистами ведут к реставрации капитализма, являются изменой пролетарскому интернационализму. В конкретной ситуации конца 1917 — начала 1918 года они требовали, чтобы Россия повела революционную войну против империалистической Германии, заявляли, что такая война разбудит пролетарскую революцию во всех воюющих капиталистических странах. Однако «теория» подталкивания революции, тем более с помощью войны, не имеет ничего общего с научным социализмом. Еще Маркс говорил, что «англичане, при всем желании, не могут сделать эту революцию за прландцев...»¹.

Критикуя «левых коммунистов», на позициях которых одно время стояло, в частности, Московское областное бюро РКП(б), принявшее 24 февраля 1918 года резолюцию недоверия ЦК партии, решившему подписать Брестский мир, и заявлявшее, что «в интересах международной революции» целесообразно идти на «возможность утраты Советской власти», становящейся теперь чисто формальной, Ленин писал: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции... На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазную страну, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам»².

В. И. Ленин подчеркивал, что «теория» подталкивания революции с помощью войны не только противоречит объективным законам развития общества, но и не соответствует интересам рабочего класса, всех трудящихся³. И не в последнюю очередь потому, что революция, совершаемая в ходе войны или связанная с ней, как правило, проходит с неимоверными трудностями и му-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 338.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 403.

³ Любопытной в этом отношении является беседа видного американского экономиста А. Таннера, посетившего весной 1926 года СССР, с М. И. Калининым. А. Таннер спросил М. И. Калинина:

чениями, выпадающими на долю масс, сопровождается дополнительными жертвами, большими разрушениями материальных производительных сил общества. Поясняя эту мысль, Ленин писал: «Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках родов*, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму. И Энгельс, анализируя последствия всемирной войны, просто и ясно описывает тот бесспорный и очевидный факт, что революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше — добавим от себя — вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть *особенно тяжелый* случай родов»¹.

Ясно, что сказанное о войнах, которые велись обычным оружием, еще более справедливо сейчас, когда применение государствами противоположных систем современного термоядерного оружия может поставить под вопрос сами физические основы существования и нормального функционирования человеческого общества, отбросить его далеко назад.

Теория «революционной войны» в целях подталкивания революции, выдвинутая «левыми коммунистами» и фактически поддержанная Троцким, была разбита Лениным и отброшена прочь партий. Эту теорию Ленин образно и точно называл «чесоткой» революционной фразы. Он говорил, что любой мужик сказал бы автору такой теории: «...тебе, барин, не государством управлять, а в словесные клоуны записаться или просто в баньку сходить попариться, чесотку прогнать»².

Следует подчеркнуть, что острота и сравнительная длительность борьбы Ленина в партии против любителей «революционной фразы» объяснялась и тем, что «левые коммунисты» демагогически апеллировали к патриотическим и революционным настроениям рабочих, готовых отдать свою жизнь ради дела революции, паразитировали на этих настроениях. Об этом нужно напомнить, чтобы правильно представлять весь комплекс причин живучести теорий «революционной войны» в целях «ускорения» мировой революции.

Наконец, и это главное, тезис о военном факторе как главной предпосылке революции идет вразрез с всесторонне разработанным

— В Америке существует понятие, что будто бы Россия, СССР, желает всюду привести к коммунизму через посредство войны. Действительно ли у вас такие желания?

Михаил Иванович ответил:

— Конечно, у нас есть желание укрепить коммунизм, но вот за восемь, а скоро уже девять, лет существования Советской власти мы ни разу не выявили своей международной агрессивности, в то время как ни одно крупное капиталистическое государство не оставило своих захватнических замашек (цит. по: Толмачев А. Михаил Иванович Калинин. М., 1970, с. 103).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 476.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 362, 364.

ным в марксизме-ленинизме и проверенным практическим опытом масс учением об основных условиях возникновения революций. В соответствующих разделах других глав книги на конкретно-историческом материале дается развернутый анализ этого учения, его реализации в практике трех революций в России, в последующем развитии мирового революционного процесса. Здесь же рассмотрим его в общих чертах, акцентируя внимание на положениях о материальных и организационных предпосылках социалистической революции, складывающихся в недрах старого общества, об объективных причинах вызревания и основных признаках революционной ситуации, о роли в возникновении и победе революции субъективного фактора.

Созревание основных предпосылок революции определяется закономерностями, не подвластными воле и сознанию людей. В этом смысле «революцию нельзя учить, революцию нельзя предсказать, она является сама собой»¹. Однако, как это убедительно демонстрирует марксизм-ленинизм, научный анализ социально-экономических, политических, идеологических, социально-психологических аспектов общественного развития позволяет во многом предвидеть основные черты, направления будущей революции, ее движущие силы, формы революционной борьбы, делать необходимые выводы для революционной стратегии и тактики компартий.

При анализе материальных условий любой социальной революции исходным является положение о том, что предпосылки нового строя создаются в недрах старого. Это полностью применимо и по отношению к социализму. В. И. Ленин называл государственно-монополистический капитализм полной материальной подготовкой социализма, его преддверием. В связи с этим он глубоко исследовал развивавшиеся в России процессы расширения старых и создания новых отраслей производства, роста промышленности и транспорта, формирования крупных монополий, концентрации и централизации капитала, эволюции монополистического капитализма к государственно-монополистическому. Сегодня в индустриально развитых капиталистических странах аналогичные процессы достигли исключительно высокой степени развития. Однако, как и на заре империализма, они служат не общественному прогрессу, а интересам сохранения господства эксплуататорского класса, и прежде всего интересам узкого слоя монополистов. Вот несколько статистических примеров. Элиту промышленной олигархии США составляют всего 10—12 супермонополий, каждая с годовым оборотом, превышающим 10 млрд. долларов. В Великобритании доля 100 крупнейших монополий в чистой продукции обрабатывающей промышленности возросла с 24 проц. в 1935 году почти до 40 проц. в 70-х годах. Во Франции 50 монополий контролировали в минувшем десятилетии почти пятую часть

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 70.

промышленного производства. Еще выше этот показатель в ФРГ, где под контролем нескольких десятков концернов находится около 50 проц. промышленного производства¹.

Государственно-монополистический капитализм, гигантски обобществляя производство, централизуя управление им, углубляет основное противоречие буржуазного строя — между общественным характером производства и частным способом присвоения. Все более очевидной для трудящихся становится противоестественность положения, при котором производственные комплексы, обслуживающие нередко не одну страну, остаются частной собственностью небольшой группы монополистов. Необходимость замены капиталистических производственных отношений социалистическими становится требованием времени.

Важнейшая предпосылка социальной революции состоит в наличии пролетариата, являющегося носителем общественного характера труда. Массы пролетариата, т. е. преобладающая часть лишенных средств производства лиц наемного труда, подготавливается самим развитием капиталистического производства к осуществлению глубоких демократических, антимонаполистических преобразований, открывающих путь социализму. В России к началу 1917 года было примерно 15 млн. рабочих², которые, хотя и не составляли большинства населения, сыграли решающую роль в проведении буржуазно-демократической и социалистической революций.

В настоящее время доля лиц наемного труда в составе самостоятельного населения стран капитала неуклонно возрастает, подтверждая марксистское положение о растущей пролетаризации буржуазного общества. Если в 1950 году, согласно данным Международной организации труда, в развитых капиталистических странах насчитывалось 154 млн. наемных работников, то в 1960 году — 186 млн., а в 1970 году — 218 млн.; к концу 70-х годов численность рабочих и служащих в этих странах превышала 240 млн. человек³.

Еще одна предпосылка социалистических преобразований — формирование разветвленной системы организации и управления в сферах производства и распределения. Монополистические объединения, стимулируемые конкурентной борьбой, вынуждены вести производство на основе строгого программирования и прогнозирования, регулировать технологические и управленческие процессы в соответствии с требованиями науки. Рабочий класс, овладев механизмами экономического регулирования, применяемыми монополиями, а в последние десятилетия и буржуазными

¹ См. Западная Европа. Экономика. Политика. Классовая борьба, т. I. М., 1979, с. 91—92.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 11—12.

³ Подсчитано по: Year Book of Labour Statistics. 1979. International Labour Office. Geneva, p. 38—80.

государствами, с их помощью мог бы ускоренными темпами решать задачи социалистического строительства.

Большую организационную роль в подготовке и проведении революции играет деятельность рабочих организаций, которые могут стать остовом администрации при социализме. В России эту роль сыграли молодые профсоюзные организации, фабрично-заводские комитеты¹. В. И. Ленин указывал, что профсоюзы призваны объединять все слои рабочих, в том числе и политически отсталые, понимающие лишь «необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством»². Однако при этом он видел в профсоюзах не только организации, борющиеся за более выгодные условия продажи рабочей силы, но и помощников революционной партии в борьбе за свержение капитализма. В отличие от меньшевиков и эсеров, настаивавших на «независимости» профсоюзов от революционной партии рабочего класса и тем самым толкавших их на путь чисто экономической борьбы, Ленин указывал на буржуазный характер принципа нейтральности профессиональных союзов, считал важнейшим условием их успешной деятельности руководство ими со стороны марксистской партии. «Классовые интересы буржуазии, — писал он, — неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений»³.

Ныне в большинстве капиталистических стран существуют многочисленные и хорошо организованные профсоюзы, кооперативные и другие организации лиц наемного труда, которые по многим вопросам связаны с процессами организации и управления производством. Рабочие организации готовят специальные кадры, разбирающиеся в производственных вопросах и способные защищать интересы рабочих в тех или иных областях жизни. Благодаря борьбе рабочего класса профсоюзы во многих странах добились определенных прав в контроле над некоторыми сторонами деятельности администрации предприятий. Правда, этот контроль касается лишь технологических, организационных, са-

¹ Фабрично-заводские комитеты получили большое распространение в России после свержения царизма. Вызванные к жизни крайне тяжелым положением рабочих, они стали органами рабочего представительства на предприятиях. Деятельность ФЗК касалась всех сторон рабочего движения: борьбы за 8-часовой рабочий день и повышение заработной платы, за рабочий контроль над производством и распределением продуктов, против саботажа, локаутов капиталистов, за создание вооруженных сил пролетариата, проведение стачек, митингов и демонстраций. По данным Всесоюзной промышленной переписи 1918 года, в предоктябрьский период фабзавкомы действовали на 2151 предприятии, в том числе на 68,7 проц. крупных и средних фабрик и заводов (с числом рабочих более 200). Центры фабзавкомов возглавляли видные деятели большевистской партии (см. Вопросы истории, 1974, № 2, с. 24—35).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 114.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 434.

питарно-гигиенических аспектов производства и нигде не привел к ограничению принципа частной собственности. Но участие в контроле и управлении помогает рабочим лучше понять пороки капиталистической системы управления, в частности увидеть неосуществимость при капитализме подлинной ее демократизации, что превращает борьбу за участие в управлении в важный фактор формирования революционного сознания пролетариата.

В условиях научно-технической революции и укрепления государственно-монополистического капитализма все указанные элементы развиваются особенно быстро, их значение в общественной жизни возрастает. Рабочий класс, трудящиеся, интересы которых в своей основе глубоко враждебны интересам класса капиталистов, представляют собой ту социальную силу, которую объединяет стремление к ликвидации капиталистических производственных отношений и проведению социалистических преобразований. Их деятельность в период революции — фактор, цементирующий революционный лагерь, обеспечивающий преемственность и последовательность основного курса на всех этапах преобразований.

Итак, с точки зрения марксизма-ленинизма созревание материально-технических и организационных предпосылок — один из необходимых объективных факторов возникновения революции, который, однако, стимулирует ее созревание лишь при определенных социальных и политических условиях. Чтобы раскрыть это, следует проанализировать другой объективный фактор революции, а именно формирование революционной ситуации, вне которой невозможна победа рабочего класса и учение о которой составляет исключительно важную часть ленинской теории революции.

Как известно, В. И. Ленин выделял три главных признака революционной ситуации: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению».

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией»¹.

Таким образом, революционная ситуация, порожденная рез-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218—219.

ким обострением всех социальных противоречий, охватывает и экономику данного общества, и его политические отношения, и, наконец, область социальной психологии (в частности, настроения масс). Причем, как это явствует из ленинского определения, по отношению к революции вся совокупность происходящих в названных сферах перемен объективна, а ее возникновение обусловлено противоречиями, характерными для любого эксплуататорского общества. Это объясняет, почему ленинская концепция революционной ситуации стала классической, применяющейся марксистами как в исторических исследованиях, так и при анализе современного этапа классовой борьбы, как в теории, так и в революционной практике.

Разумеется, в своих конкретных проявлениях революционные ситуации в различные периоды, в разных обществах и регионах отличаются специфическими особенностями. Сегодня они во многом отличаются от того положения, которое сложилось в России в 1905—1907 или в 1917 годах и которое в свою очередь разнилось, например, от ситуации, породившей Парижскую коммуну. В чем же состоят особенности возникновения революционных ситуаций в наше время? К ним прежде всего относятся явления, порождаемые обострением общего кризиса капитализма, такие, как углубление экономической и политической неустойчивости в мире капитала, постоянно чреватой кризисными потрясениями; рост масштабов социальных конфликтов; повышение уровня массовости антимонополистических движений, степени готовности «низов» к схватке с «верхами» и т. д. Следует отметить также и углубление тенденции к внезапному возникновению и скоротечному развитию революционных ситуаций, на которую в свое время обращал внимание В. И. Ленин¹. Об этом свидетельствует, в частности, сложившаяся в апреле 1974 года в считанные дни революционная обстановка в Португалии, где тогда рухнул существовавший почти полвека фашистский режим.

Расширение возможностей возникновения революционных ситуаций повышает требования к деятельности авангардной партии рабочего класса, которая, как указывал Ленин, должна быть на уровне задач момента, знать настроения масс, не допускать отставания от темпа массового движения, в котором накапливается революционный заряд.

Активизация правых, реакционных сил, фактическое ограничение в условиях буржуазной демократии социальных и политических прав больших групп населения, внешнеполитические просчеты и ошибки правящих кругов, промышленный, финансовый, а с начала 70-х годов и энергетический кризисы, истощение запасов сырья ввиду варварского, беспланового его использования, загрязнение окружающей среды и т. д. — вот лишь некоторые из тех серьезных факторов повседневной действительности многих

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 280.

капиталистических стран, которые ведут к обострению политической напряженности в обществе, к столкновениям между трудящимися и властями, конфликтам, способным перерасти в революционную ситуацию.

Далее. Положение больших групп населения в странах капитала по-прежнему определяется классовым угнетением со стороны буржуазии. Марксистский анализ условий жизни трудящихся в капиталистических странах показывает, что эксплуатация не уменьшилась, изменились лишь ее формы. Если раньше она основывалась прежде всего на чрезмерном использовании физических сил рабочего, то в настоящее время все более возрастает нагрузка и на нервную систему. И этого не могут компенсировать прибавки к зарплате, к тому же быстро «съедаемые» инфляцией, ростом цен. Такие социальные проблемы, как безработица, национальная или расовая дискриминация и т. п., остаются нерешенными, а в большинстве развивающихся государств голод и нищета приобретают катастрофические размеры.

Статистика показывает, что даже в самой богатой капиталистической стране мира — Соединенных Штатах в последние годы происходит сокращение реальных доходов трудящихся. Так, по официальным, публикуемым на страницах буржуазной печати сведениям, в 1969—1970 годах они снизились на 1,1 проц., в 1973—1975 годах — на 3 проц., в 1980 году — на 1,8 проц.¹ «В лучшем случае — перспектива роста «зигзагами»»² — таков прогноз ведущих американских экономистов относительно хозяйственного развития США на ближайшие годы. В соответствии даже с самыми оптимистическими оценками экспертов, инфляция в США, в 1981 году составившая 8,25 проц., в 1982—1983 годах удержится на уровне не менее 7,5 проц., а безработица, достигшая в 1981 году 8,1 млн. человек, в 1982—1983 годах возрастет до 9,5 млн. человек³. Ожидается также, что бюджетный дефицит в США в период пребывания в Белом доме администрации Рейгана (т. е. в 1981—1984 годах) достигнет 481,3 млрд. долларов, тогда как при правительстве Никсона он составлял 68,7 млрд. долларов, при администрации Форда — 124,5 млрд., а в период президентства Картера — 181 млрд. долларов⁴.

Не менее мрачны прогнозы для Англии. Согласно расчетам группы «Сент-Джеймс», в которую входят ведущие британские промышленники, коммерсанты и финансовые магнаты, безработица, составлявшая в 1980 году 6,8 проц. рабочей силы и достигшая 10,6 проц. в 1981 году, должна была вырасти до 12 проц. в 1982 году и остановиться на уровне 12,2 проц. в 1983 году⁵. Однако действительность превзошла даже эти далеко не радост-

¹ См. U. S. News and World Report, December 21, 1981, p. 28—29.

² Newsweek, January 25, 1982, p. 46.

³ Ibid., p. 46—47.

⁴ U. S. News and World Report, January 18, 1982, p. 49.

⁵ The Economist, January 30, 1982, p. 41.

ные для британских трудящихся прогнозы. Уже в феврале 1982 года численность безработных в Англии превысила 3 млн. человек, т. е. достигла 12,7 проц. рабочей силы страны¹. В большинстве других развитых стран капитализма положение трудящихся еще хуже. По данным МОТ, в 24 развитых капиталистических странах-членах ОЭСР 60 млн. человек живут в условиях бедности. Вот что говорил, например, в выступлении на XXVI съезде КПСС Генеральный секретарь Компартии Канады У. Каштан: «В такой богатой стране, как Канада, мы видим застой, инфляцию, выражающуюся двузначной цифрой, рост безработицы, закрытие заводов... снижение жизненного уровня»².

Характерное признание полной бесперспективности попыток капитализма справиться с экономическими и социальными проблемами, решить их с помощью достижений научно-технической революции сделал в начале 1982 года видный американский экономист, лауреат Нобелевской премии В. Леонтьев. Говоря о колоссальном росте безработицы в капиталистических странах, он саркастически заметил: «Если бы можно было отправить безработных на Луну, система функционировала бы очень хорошо. Нынешний кризис — не только кризис экономики, но и ее организации. Это кризис институтов. В США наши экономические институты не способны управлять современной экономикой с современной техникой, с современными социальными вопросами, с нынешними социальными тенденциями»³.

Все это опровергает утверждения буржуазных и реформистских идеологов о том, что определенное повышение в послевоенный период жизненного уровня трудящихся в развитых капиталистических странах привело якобы к тому, что экономическая заинтересованность рабочего класса в революции исчезает, что такой признак революционной ситуации, как обострение нужды и бедствий угнетенных классов, теряет свое значение. Эти несостоятельные утверждения связаны со столь же ошибочным постулатом, что революционность пролетариата якобы выводится Марксом, Энгельсом, Лениным лишь из «закона абсолютного обнищания пролетариата». Однако классики марксизма никогда не идеализировали нищету как фактор, способствующий революционизированию трудящихся. Тезис безусловной «благотворности» бедности и нищеты масс с точки зрения интересов революции — это не марксистская идея.

В. И. Ленин еще в конце прошлого века решительно выступал против предпринимаемых уже тогда попыток оппортунистов вульгаризировать положение Маркса относительно обнищания пролетариата и тем самым дискредитировать его как «устаревшее» в новых условиях. При анализе этого вопроса он прежде

¹ International Herald Tribune, 8. II. 1982.

² Приветствия XXVI съезду КПСС, с. 152.

³ Le Matin, 5. I. 1982.

всего исходил из разработанного Марксом и Энгельсом положения о постоянном ухудшении условий существования рабочего, о растущей «необеспеченности существования» (что не равнозначно абсолютному росту нищеты)¹. Растущая же необеспеченность пролетариата объясняется прежде всего его положением как лишнего собственника, эксплуатируемого класса капиталистического общества, а оно принципиально не меняется ни при каком увеличении зарплаты, на которое порой вынуждены идти капиталисты. Ленин подчеркивал, что нищете при капитализме следует повиноваться не только в «физическом», но и «в социальном смысле, т. е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс»².

Наконец, сравнивая степень удовлетворения тех или иных материальных потребностей современного пролетария и рабочего в начале XX века, следует учитывать и разные уровни развития общественных производительных сил в эти периоды, а следовательно, и разные возможности, объективно предоставляемые обществом человеку. Опыт же показывает, что причины стремления трудящихся к общественным преобразованиям коренятся в противоречии между, с одной стороны, наличными возможностями удовлетворения потребностей и, с другой стороны, фактическими условиями жизни масс. К тому же важно иметь в виду, что некоторое улучшение материального благосостояния пролетариата по сравнению с прошлыми временами «нейтрализуется» появлением у него новых неудовлетворяемых потребностей, порожденных прежде всего изменением объективных условий функционирования пролетариата как эксплуатируемой рабочей силы. Эти потребности выступают не как показатель его «обуржуазивания» (о чем твердят «леваки»), а как необходимое условие функционирования рабочей силы в условиях научно-технической революции, как компенсация потерь в связи с усилившейся эксплуатацией, принимающей к тому же все новые формы. Как отмечал Ленин, на смену одним более или менее удовлетворенным потребностям приходят с развитием капитализма другие, новые, как правило, более высокие³. И их неудовлетворенность играет не менее революционизирующую роль, чем прежде.

Все это ни в коей мере не исключает того, что в современной обстановке в конкретных условиях тех или иных стран могут измениться роль, место, соотношение различных факторов революционной ситуации в процессе превращения ее в революцию.

К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем, но и из сказанного ясно: изменяться с течением времени при капитализме могут лишь конкретные формы обострения экономической нужды

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 660; т. 22, с. 233.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 208.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 101—102.

и бедствий пролетарских масс, но исчезнуть или сойти на нет эти факторы не могут, ибо развитие капитализма не ослабляет, а, напротив, усиливает эксплуатацию трудящихся. Это закон капитализма. Другое дело, что в современных условиях повышается роль политических стимулов к антикапиталистической борьбе, поскольку все большая часть пролетариата на опыте убеждается, что удовлетворить свои коренные экономические интересы она может, только изменив характер существующей политической власти.

В современную эпоху подъем рабочего, общедемократического движений нередко до крайней степени обостряет обстановку в тех или иных капиталистических странах. В этих случаях левацкие элементы пытаются навязать трудящимся скоропалительные выводы о необходимости немедленного захвата власти. Так, во время майско-июньских событий 1968 года во Франции они утверждали, будто в стране возникла революционная ситуация и надо непосредственно бороться за власть. Однако, как заявляли руководители Французской коммунистической партии, бросить в тех условиях авангард рабочего класса на штурм власти означало бы обречь его на поражение, дать реакции повод разгромить его лучшие силы.

Несмотря на остроту социального взрыва, большинство рабочего класса, трудящихся Франции не было готово пойти на социалистическую революцию. Основной упор бастовавшие рабочие, студенты делали на требования преимущественно экономического характера и на расширении прав профсоюзов на предприятиях. Переход от экономической борьбы непосредственно к политической был затруднен и тем, что многие лозунги переходного характера (например, демократизация управления предприятиями), которые могли бы стимулировать политическую активность масс, не использовались, в частности, потому, что были скомпрометированы левацкими элементами. Последние провозглашали их в целях агитации за немедленный вооруженный захват власти, что представляло в тех условиях прямую авантюру и провокацию. Утверждения леваков, что во время майско-июньских событий армия была готова поддержать восставших, а полицейский корпус обессилен борьбой со студентами, не соответствовали действительности. Это убедительно показал анализ событий, данный ФКП¹.

Следует отметить, что положение в лагере французских правящих классов в 1968 году также не привело их правительство к тому бессилию, которое, по словам Ленина, «делает возможным для революционеров быстрое свержение его»². Наконец, шансы на успешную политическую борьбу рабочего класса во Франции

¹ См., например, материалы июльского (1968 г.) Пленума ЦК ФКП, а также книгу: *Роше В.* Избранные статьи и речи (1940—1969 гг.) М., 1972, с. 365—411.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 70.

в 1968 году, как указывала ФКП, резко уменьшились из-за глубокого раскола в лагере левых демократических сил.

В связи с дискуссией об особенностях развития революционного процесса на современном этапе нельзя не сказать и о следующем. Существует мнение, согласно которому в нынешних условиях, когда социальная база революции расширилась, революционная ситуация может и не приобрести острых форм. Однако представление о спокойной, тихой, незаметной революционной ситуации, не подтверждаемое опытом истории, на деле открывает путь к тому, чтобы под категорию революционной ситуации подводить неревolutionное состояние общества. Попытки обогнать ход событий, провести революцию без наличия революционной ситуации, без учета степени развития того или иного этапа революции обрекают коммунистов на поражение, а в случае победы делают ее непрочной, временной.

В. И. Ленин в работе «Крах II Интернационала», отмечая, что революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы налицо, писал: «Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только *опыт* развития революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата»¹. Далее В. И. Ленин подчеркивал: «...ни один социалист нигде и никогда не брал на себя ручательства за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация. Тут идет речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении»².

История знает немало примеров, когда возникавшая революционная ситуация не была использована, не завершалась революцией. Можно сослаться, например, на революционные ситуации в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861 годах, а затем в 1878—1880 годах в России и т. д. Можно вспомнить и более близкие к нам по времени события, например политический кризис в Греции 1965 года, когда массовое демократическое движение привело к изменению соотношения сил в стране, к возникновению революционной ситуации. Почему не произошла в этих случаях революция?

«Потому, что не из всякой революционной ситуации,— говорил В. И. Ленин,— возникает революция, а лишь из такой ситуации,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 221.

² Там же.

когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»¹.

Обоснование и разработка В. И. Лениным учения о роли субъективного фактора, о его взаимодействии в процессе революционных преобразований с объективными условиями социально-политического развития — одно из крупнейших достижений революционной мысли, решающим образом повлиявшее на выработку международным коммунистическим движением стратегии и тактики борьбы, что нашло отражение во многих документах Коминтерна. «Объективные условия для победы социализма в Европе все больше созревают. Все большее значение приобретает субъективный фактор, т. е. вопрос о том, насколько сплотится рабочий класс, насколько окрепнут коммунистические партии, насколько станут они подлинно большевистскими партиями, насколько окажутся на высоте исторической ситуации»², — говорилось, например, в решении VI расширенного Пленума Исполкома Коминтерна (1926 год).

Значение субъективного фактора еще более возросло в настоящее время, когда объективные предпосылки перехода к социализму достигли высокого уровня зрелости во всех развитых капиталистических государствах, а перед освободившимися от колониальной зависимости странами открылись широкие возможности развития по некапиталистическому пути.

В современных условиях возрастание роли субъективного фактора проявляется, в частности, в том, что возможно возникновение острого политического кризиса, перерастающего в революционную ситуацию, не в связи с действием каких-либо чрезвычайных событий (войны, экономические кризисы и т. д.), а благодаря сплочению, консолидации рабочего и демократического движений, выставляющих конкретные революционные требования, росту уровня сознательности и организованности масс. Ясно, что в конечном счете в основе такого подъема масс, способного стать главным импульсом возникновения революционного кризиса, лежат объективные факторы. Однако от политики революционной партии во многом зависит то, чтобы они были приведены в движение.

Усиление роли субъективного фактора, определяемое ростом сознательности трудящихся, укреплением их революционного авангарда, возрастающим влиянием социалистических стран, может, таким образом, способствовать становлению некоторых объективных предпосылок социалистической революции. Марксистско-ленинская наука ясно показывает, что вообще грань между объ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

² Коммунистический Интернационал в документах, с. 546—547.

ективным и субъективным в революционном развитии весьма подвижна. Вызревание объективных предпосылок революции является одним из важных условий формирования ее субъективных факторов. Но исключительно важна и обратная тенденция, которую можно было бы определить как возрастающую в условиях высокой социально-политической активности масс материализацию, объективизацию явлений, первоначально возникающих в области субъективного. Эти обстоятельства накладывают существенный отпечаток на развитие стратегии и тактики братских партий. Приведем лишь один пример.

В свое время в Программе Коминтерна отмечалось, что «коммунистические партии не должны выставлять таких *переходных* лозунгов, которые рассчитаны специально на наличие революционной ситуации и вне ее превращаются в лозунги вращивания в систему капиталистических организаций (напр., лозунг рабочего контроля и т. д.)»¹. Однако дальнейшее обострение общего кризиса капитализма, возросшая зрелость марксистско-ленинских партий, ускоренное созревание не только материальных, но и социально-политических предпосылок для социалистических революций поставили коммунистов перед необходимостью отказаться от этой установки. «В прошлом, — отмечал П. Тольятти, — мы всегда считали, что лозунги переходного характера могут использоваться только в периоды острого революционного кризиса. Ныне мы изменили эту позицию. Мы пришли к выводу, что в нынешний период перехода от капитализма к социализму и прежде всего там, где движение масс продвинулось далеко вперед по пути демократических завоеваний и обладает большой силой, можно и в такой ситуации, как теперешняя, пользоваться лозунгами переходного характера как экономического, так и политического содержания»².

Сегодня лозунги переходного типа довольно широко используются коммунистами для активизации революционного рабочего и демократического движений.

Следует отметить, что революционная ситуация в отдельной стране может не превратиться в революцию и под влиянием внешнеполитических факторов. В условиях развития революции в мировом масштабе ее международные аспекты играют все большую роль. В новейший период было несколько случаев возникновения революционной ситуации, которая не превратилась в революцию, либо начавшаяся революция не вышла за пределы первого этапа только потому, что «верхи», переживавшие кризис, были спасены с помощью империалистов других стран. Разумеется, факты такой «взаимопомощи» не означают исчезновения противоречий между отдельными капиталистическими странами. Нынешняя политическая действительность дает много примеров таких противоре-

¹ Коммунистический Интернационал в документах, с. 44.

² Тольятти П. Избранные статьи и речи, т. 2. М., 1965, с. 109—110.

чий, которые, однако, отступают на дальний план, когда речь заходит о судьбе капиталистического строя.

Примерами того, какую важную роль играет внешнеполитический фактор, могут служить интервенция империалистов в Россию после Октябрьской революции, вмешательство германских и итальянских фашистов в гражданскую войну в Испании во второй половине 30-х годов, интриги империалистов после второй мировой войны в ряде стран Западной Европы. Во Франции и Италии после их освобождения от фашистов возможность развития революции была подорвана в связи с введением в эти страны войск Соединенных Штатов. Характерен в этом отношении такой пример. В Италии летом 1948 года было совершено покушение на П. Тольятти. Вся страна контролировалась в то время коммунистами. «...Всеобщая забастовка, которая развернулась после событий 14 июля, не могла бы иметь такого широкого размаха и таких последствий, если бы в ней не участвовало большинство народа всей страны — по крайней мере, своей поддержкой и симпатиями»¹, — отмечал П. Тольятти. Однако в итальянских портах стояли американские корабли, американские войска могли задушить революцию. Поэтому коммунисты сдержали превращение революционной ситуации в революцию. «...Если бы не поддержка и угроза Америки, нынешнее итальянское правительство не продержалось бы и 48 часов»², — приводил П. Тольятти в парламенте слова одного из американских журналистов.

Революция в Греции, которая превратилась в гражданскую войну, была подавлена реакцией с помощью английских и американских войск. В последующие годы с помощью американских войск были задушены революции в Гватемале и Доминиканской Республике.

Империализм не скрывает претензий на роль защитника капиталистических порядков во всем мире. Реакционные деятели обосновывают свое право на осуществление контрреволюции в любой капиталистической и даже социалистической стране, прикрываясь, как правило, лозунгом защиты демократии, которая на деле означает защиту интересов капиталистов в ущерб интересам рабочего класса, сохранение империалистического господства.

Всего за послевоенные годы, по данным американского Института Брукингса, США 215 раз использовали свои вооруженные силы или прибегали к угрозе их использования. Кроме прямых военных акций США идут и по пути активного применения средств закулисного маневрирования, проведения политики «дестабилизации» и др. Особенно показательна в этом отношении политика вмешательства США в дела Чили, создания в этой стране в 1970—1973 годах обстановки экономического хаоса, благоприятствовавшего осуществлению фашистского переворота.

¹ Тольятти П. Избранные статьи и речи, т. 1. М., 1965, с. 526.

² Там же, с. 525.

После событий в Чили мы были свидетелями попыток империалистических сил пресечь революционные процессы в Португалии, Анголе, Иране, Сальвадоре и других странах. США откровенно оказывают нажим на своих западноевропейских союзников, стремясь не допустить участия коммунистов в правительствах.

«Опыт революционного движения последних лет наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов попрасть и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности. Клевета, одурманивание общественности, экономическая блокада, саботаж, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле — таков арсенал современной контрреволюции, которая всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией»¹.

В связи с важностью внешнеполитического фактора в революции революционная стратегия и тактика должны, видимо, больше учитывать такие моменты, как взаимоотношения отдельных стран, их положение в международных блоках и организациях, с тем чтобы использовать трещины в империалистических союзах. «С точки зрения марксизма, — подчеркивал Ленин, — нелепо останавливаться на положении только одной страны, говоря об империализме, тогда как капиталистические страны так тесно связаны друг с другом»². Исключительно важно учитывать и то, сможет ли пролетариат империалистических стран, как говорил Ленин, схватить за руку империалистов своих государств, воспрепятствовать вооруженной контрреволюции³, а ныне сможет ли социалистическое содружество именно в данное время, при данных обстоятельствах, оказать необходимую помощь борющимся народам.

Опыт революций в России и других странах показывает, что действенность революционной стратегии и тактики зависит от способности революционеров в строгом соответствии с меняющимися условиями социально-политической жизни, с коренными интересами широких народных масс брать инициативу в свои руки, проводить активную революционную политику. Учитывая этот опыт, марксистско-ленинские партии не ждут возникновения идеальной, завершенной, во всех отношениях зрелой революционной ситуации. В конкретных условиях социально-экономического

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 30.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 353.

³ Интернациональная помощь пролетариата других стран в борьбе против интервенции империалистов была важным фактором успешного развития революции в России. «...Мы смогли победить врага, потому что в самый трудный момент сочувствие рабочих всего мира показало себя», — говорил В. И. Ленин на VIII Всероссийской конференции РКП(б) (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 346).

развития одни элементы революционного процесса развиваются быстрее, чем другие. Возможно появление благоприятных внешнеполитических факторов до того, как четко проявятся все элементы революционного кризиса, как все слои трудящихся до конца поймут необходимость революционных преобразований, а правящие круги окончательно потеряют способность управлять по-старому. Задача революционного авангарда как раз и заключается в том, чтобы правильно определить, достаточно ли существующих условий для начала успешной борьбы за победу революции.

Таким образом, субъективный фактор революции не связан намертво, неподвижно с конкретными объективными условиями. Он обладает известной самостоятельностью и независимостью по отношению к этим условиям и в рамках действия более или менее зрелых объективных факторов имеет возможности широкого маневра, творческого использования особенностей сложившейся ситуации. Если субъективный фактор в известной степени может воздействовать на развитие объективных условий, то тем более следует учитывать возможности их изменения и готовить к этому массы.

Тип революции, уничтожающей капиталистический строй и создающей условия для строительства нового общества,— один, и только один. Это социальная революция пролетариата, возглавляемого марксистско-ленинской партией, который увлекает за собой всех эксплуатируемых, всех трудящихся. Точно так же возможен один, и только один, социализм как качественно определенный тип общественного строя. Отсюда вытекает общность основных законов социалистической революции, строительства социализма независимо от того, о какой конкретно стране или регионе идет речь.

Иногда приходится сталкиваться с мнением, что настаивание на таких методологических категориях, как «общие закономерности революции», ведет якобы к теоретическому застою. Желая подтвердить эту точку зрения, ее сторонники говорят о разных типах буржуазных революций в Англии, Франции, Германии, Нидерландах и разных типах буржуазных обществ в этих странах. Действительно, буржуазные революции в этих странах отличались большим своеобразием, но в конечном счете они решали (с разной степенью последовательности) одну задачу — задачу ликвидации феодального строя и его остатков. Поэтому все эти революции именуются буржуазными, т. е. относятся к одному и тому же типу и, следовательно, имеют определенные общие закономерности. Верно, конечно, и то, что общества, которые возникли в результате этих революций, различаются по формам организации политической жизни, особенностям социальной структуры и т. д. Но никто не отрицает, что в Англии и во Франции, в ФРГ и Нидерландах существует один и тот же общественный строй — капитализм с присущими ему общими чертами, которые

подчас весьма различно проявляются во всех этих странах. Точно так же существуют общие закономерности социалистической революции и социализма как общественного строя.

Правильному пониманию существа этих вопросов помогает анализ опыта трех русских революций, и особенно Октябрьской социалистической революции. Указывая на это, В. И. Ленин подчеркивал, что революция в России идет «по общей линии мирового развития», что «основные соотношения основных классов», имевшиеся в России, характерны для всех капиталистических стран¹.

Наличие общих законов революции, в конечном счете детерминирующих ее развитие, конечно, не означает, что все революции осуществляются в единой форме, протекают по одному и тому же плану, похожи друг на друга как две капли воды. Имея одну и ту же сущность, одно и то же содержание, указывал В. И. Ленин, «развитие революции в разных странах идет в различных формах, различным темпом (и не может идти иначе)»².

Историческая практика полностью подтвердила марксистско-ленинское положение о многообразии путей и форм перехода от капитализма к социализму и возможном своеобразии черт нового общества в той или иной стране, обусловленном культурно-историческими традициями этой страны и другими факторами. Но столь же очевидно и то, что исторический прогресс, смена общественных формаций подчиняются тенденциям, действующим и осуществляющимся с железной необходимостью³, что в процессе перехода от капитализма к социализму действуют, проявляясь в конкретных условиях всегда по-своему, закономерности этого процесса, которые, как всякие объективные законы, нельзя игнорировать.

Именно теперь, когда научный идеал марксистов-ленинцев превратился в реальность во многих странах, само понятие «социализм» стало подлинно теоретическим обобщением, ибо «наиболее всеобщие абстракции, — как писал Маркс, — возникают вообще только в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме»⁴. Именно теперь стали наиболее отчетливыми те главные черты, которые характеризуют социализм как новый строй, как особую общественно-экономическую формацию, отличную от исторически предшествовавших общественных формаций.

Почему, рассматривая условия возникновения революций, мы заостряем внимание на вопросе о соотношении социалистического идеала и той реальности, в которую он воплощается сегодня?

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 379, 380.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 63.

³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 41.

Потому, что массы, партии, отдельные личности, вступая на путь борьбы за социализм, соизмеряют свои идеалы, свои представления о нем с существующим социализмом; потому, что от качества, характера этих представлений зависит их политическое поведение и в ходе возникновения революционной ситуации, и в самой революции; потому, наконец, что классовый противник, оппортунисты с чрезвычайной активностью пытаются дискредитировать идеалы научного социализма, доказать их несбыточность, их несоответствие реальному социализму с тем, чтобы увести массы от борьбы за преобразование общества, предотвратить новые революции. Словом, речь идет о важнейшей идеологической предпосылке революции — необходимости правильного, т. е. научного, понимания ее исторической цели.

Идея социализма все прочнее овладевает сегодня умами миллионов людей на всех континентах. Там, где еще господствует капитал, широкие слои трудящихся, народные массы все настойчивее ищут пути к социалистическому обществу. Этого не могут не видеть и апологеты капитализма. Выражающий их взгляды американский журнал «Тайм» следующим образом описывает положение «политической идеологии социализма» в современном мире: «Ныне те, кто причисляет себя к той или иной разновидности социалистов, управляют 53 суверенными государствами, контролируют 39 проц. территории и 42 проц. населения земли... Социализм — это удобный флаг, которым прикрываются и технократы, и приверженцы рыночной экономики; им пользуются, чтобы удержаться у власти, диктаторы фашистского типа и временщики — бонапарты. Политическая мода состоит в том, чтобы щеголять в социалистических одеждах...»¹ Этими подсчетами и оценками редакторы «Тайма» подкрепляют свой вывод, что социализм «стал наиболее распространенной политической идеологией — или лозунгом — XX столетия»².

Хотя подсчеты и рассуждения вокруг них сомнительны, вывод сделан в целом правильный. Он, несомненно, отражает важную черту нашего времени, но отражает ее однобоко, ибо указывает лишь на то, что буржуазные взгляды и представления все более вытесняются из сознания человечества. Классовые причины такого вытеснения — тот факт, что капитализм как строй изжил себя, — не раскрываются. Вместе с тем затушевывается важное обстоятельство: буржуазия давно научилась защищать свои интересы «социалистическим» оружием, поставила себе на службу то, что в академических кругах Запада с легкой руки американского социолога С. Липсета обычно именуется «социалистической символикой»³.

¹ Time, March 13, 1978, p. 12.

² Ibidem.

³ Lipset S. Political Cleavages in «Developed» and «Emerging» Politics. — Cleavages, Ideologies and Party Systems. Helsinki, 1964, p. 44.

Учитывая, что критика идеи социализма с традиционных, чуждых собственнических позиций теряет популярность, т. е. все менее можно рассчитывать на ее восприятие массами, буржуазные и реформистские идеологи ныне делают главную ставку на то, чтобы разъединить, разделить в сознании масс понятия «социалистический идеал», «научный социализм», «социалистическая реальность».

Естественно, что эти понятия не идентичны. Известно, скажем, что социалистический идеал возник исторически раньше, чем научный социализм. Но мы хотели бы обратить внимание на попытку противопоставить эти понятия и повернуть движение сторонников социализма вспять, от науки к утопии, побудить это движение начать все сначала, с нуля. Так же и понятие «реальный социализм» не исчерпывает социалистического идеала. Социализм, как подчеркивал еще Ф. Энгельс, не есть нечто застывшее, неизменное, «его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям»¹. Любое сегодняшнее социалистическое общество является лишь этапом, определенной ступенью на пути к цели, оно есть первая фаза коммунизма. И более того, сам идеал в процессе продвижения по пути его реализации обогащается и конкретизируется. Но мы хотели бы обратить внимание на стремление противопоставить, развести и данные понятия, использовать все средства для дискредитации реального социализма, с тем чтобы выбить эту материальную основу из-под ног сторонников социалистического движения, лишить их возможности опираться на опыт идущих впереди, сделать цель — социализм — возможно более туманным, расплывчатым понятием.

Известно, что среди марксистов-ленинцев никто и никогда не отрицал возможности совершенствоваться социализм на практике, так как научный социализм предполагает творчество, социальное воображение. Ленин не раз подчеркивал плодотворность мечты, опережающей ход событий², возвышающейся над реальностью. Но это не имеет ничего общего с попытками увести социалистическое движение от реальности, от объективных законов экономического и социального развития, действие которых подтверждено историей и пренебрежение которыми, как и любыми объективно действующими законами (скажем, в естествознании), чревато большими опасностями.

Если все это суммировать, то мы обнаружим за попытками «улучшить» социализм стремление выхолостить его суть. При этом обращает на себя внимание то, что в стремлении противопоставить свои взгляды теории научного социализма приверженцы всех прочих «социалистических» концепций непременно характе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 380.

² См., например, Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 172.

ризуют их каким-либо ограничительным определением. Идет ли речь о социализме «национальном», «демократическом», «основанном на политическом плюрализме», «без разрыва с историческими традициями», «истинном», «новом» и т. д. — во всех случаях на первый план выдвигается некий признак, снимающий акцент с главного и основного — с определения существа производственных отношений в социалистическом обществе.

Могут возразить, что-де эти отношения определены уже самим понятием «социализм», а добавляемые к нему эпитеты лишь уточняют некоторые существенные черты его политической и идеологической надстройки. Но ведь это не случайность, что во всех концепциях такого рода исчезает четкая характеристика социализма как определенного способа производства.

Вряд ли можно согласиться и с тезисом, что в историческом процессе смены капитализма социализмом «эволюция является не линейной, а разветвленной», что необходимо «выделить господствующую черту, характеризующую отдельный случай в данную эпоху». Такой «господствующей чертой» «отдельного случая» чаще всего называют демократизм. Отсюда, видимо, следует, что в других случаях допустимы варианты социализма, для которого каждый раз «господствующей чертой» будет нечто иное. Но где же такие «господствующие черты» социализма, как определенный общественный строй, как способ производства?

Если руководствоваться изложенным выше взглядом, то на революционный процесс, на борьбу за социализм необходимо смотреть не как на результаты действия законов истории, неподвластных чьей бы то ни было воле, а как на продукт некоей политической фабрики, которая способна работать по заранее составленным чертежам и производственным планам. Подобный подход к делу обычно следует той же схеме, которая лежала в основе мировоззрения великих социалистов-утопистов. Они рисовали идеал, а затем пытались осуществлять его на практике, откуда и появлялись их недолговечные, обреченные на гибель фаланстеры, коммуны и пр.

Наука о социализме с момента своего появления восстала против такого понимания революционной борьбы, которое сводило ее к осуществлению идеала. Маркс категорически отвергал, высмеивал подобную точку зрения. Он подчеркивал: «Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого...»¹ Усвоения этой истины политическим авангардом пролетариата настойчиво добивался Ленин. На пути к Октябрю он не раз и в разных вариантах повторял, что перед революционными силами стоит задача, которая предполагает «не осуществление каких-нибудь «теорий» (об этом нет и речи, и от этой на-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 347.

люзии всегда предостерегал Маркс социалистов), а проведение самых крайних, практически возможных мер...»¹.

Выдающиеся деятели революционного движения многих стран неоднократно возвращались к той же мысли, подчеркивали ее. Р. Люксембург писала, например, в конце 1918 года, что пролетарская революция — «это не отчаянная попытка группы революционеров перекроить мир соответственно их идеалам, а дело многомиллионной массы трудящихся, призванных... превратить историческую необходимость в реальность»².

Вот те положения революционной теории, которые служат незыблемыми ориентирами, если признается, что борьба за социализм должна иметь в основе своей стратегии науку, а не утопию.

Широкое признание идеалов социализма даже его заведомыми противниками, множественность толкований социалистических целей и путей их достижения — все это неотъемлемые черты нашего времени. Но возникли они не сегодня; по существу они присутствуют на всех этапах революционного движения XX века. Еще в 1916 году Ленин отмечал: ««Социализм» вообще, как цель, в противопоставлении капитализму (или империализму), признается теперь не только каутскианцами и социал-шовинистами, но и многими буржуазными социальными политиками»³. В дальнейшем в идеологической борьбе, сопровождавшей каждый революционный взрыв классовых противоречий, споры разгорались главным образом не по вопросу о том, надо ли в принципе стремиться к социализму, а вокруг различных представлений о социализме, вокруг выбора путей к социалистическому будущему, которое, как желаемая цель, прямо и открыто мало кем отрицалось.

Вновь обратимся к историческим фактам.

На свершение Октябрьской революции рабочий класс, трудящиеся массы России подняла партия большевиков — партия научного социализма. Но социалистические идеи не были чужды и противникам этой революции. На социализм как на конечную цель своей политической борьбы указывали, например, меньшевики. По-своему понимаемый социализм выдвигала как идеал партия социалистов-революционеров, после Февральского буржуазно-демократического переворота оказавшаяся на определенный период самой многочисленной в стране. Близко к эсерам стояли народные социалисты, самим своим названием показывавшие, что и они намерены вести дело к перестройке общества на неких соответствующих их представлениям социалистических началах.

Все это были партии, причислявшие себя к левым, к «революционной демократии». Но с идеей социализма заигрывали и кадеты — основная политическая сила правого фланга. Кадеты пред-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 45.

² Luxemburg R. *Gesammelte Werke*, Bd. 4. Berlin, 1970, S. 445.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 214.

ставляли собой партию буржуазную по составу, по духу, по всем параметрам, которые позволяют судить о классовой сущности политической партии. Тем не менее после Февраля в их рядах образовалось заметное течение в пользу признания социализма в качестве «возможного этического идеала».

Один из кадетских авторов, Изгоев, писал, например, в то время: «Партия народной свободы не отрицает социализма как идеала, к которому идет и придет человечество... повинувась свободному голосу своей совести и разума»¹. В летние месяцы 1917 года кадеты даже приложили руку к тому, чтобы вместе с другими буржуазными деятелями создать Союз эволюционного социализма. В предоктябрьской России, таким образом, классовая, политическая борьба развивалась в условиях, когда внешне за социализм как за конечную цель выступали представители многих политических сил.

Эта особенность общественно-политического климата XX века в той или иной форме, в той или иной национальной окраске проявилась впоследствии и в предреволюционной обстановке других стран, где с развитием классовой и демократической борьбы вопрос о будущем устройстве общества вставал непосредственно в повестку дня. В Чехословакии, например, ядром Национального фронта, созданного в сентябре 1945 года, было сотрудничество коммунистов, социал-демократов и национальных социалистов — трех партий, заявлявших о социализме как о своей программной цели. Каким влиянием в массах пользовались эти партии, говорит тот факт, что на долю их приходилось свыше 70 проц. всего состава городских и областных национальных комитетов Чехии и Моравии. Разумеется, понимание социализма у каждой из этих партий было свое. Коммунисты следовали марксистско-ленинским взглядам. Социал-демократы при определенных внутренних разногласиях тяготели к реформизму. Что касается Национально-социалистической партии, то ее буржуазная и мелкобуржуазная сущность выражалась в бесклассовой трактовке социализма, который — по известной формуле первого президента буржуазной Чехословакии Т. Масарика — изображался как некий очень далекий еще от созревания плод «революции сердца и мысли»². Тем не менее о социализме говорили опять-таки представители всех главных политических сил, в том числе и те, кто явно не имел к социализму никакого отношения, но стремился таким путем сохранить влияние в массах, инстинктивно тянувшихся к социалистическому переустройству жизни.

Или взять пример Румынии, где непосредственно после свержения фашистского режима Антонеску основными участницами политической жизни страны выступили четыре партии — комму-

¹ Изгоев А. С. Наши политические партии. Пг., 1917, с. 39—40.

² См. об этом: Československá společnost a komunisté v letech 1945—1948. Praha, 1967, s. 31; Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1968, s. 28.

нисты, социал-демократы, национал-либералы и национал-царанисты. Две последние — «исторические» партии выражали интересы буржуазии, помещиков, богатой верхушки крестьянства. Их намерение всеми силами противиться движению Румынии к социализму не подлежало ни малейшему сомнению. Однако в идейном багаже и этих партий присутствовали концепции, окрашенные в социалистические тона. Национал-либералы выставляли себя сторонниками взглядов, которые еще в 20-х годах развивали социолог Ш. Зелетип и несколько позднее Д. Дрэгическу, проповедовавшие «обновление капитализма» на основах «либерального социализма». Национал-царанистская партия традиционно отстаивала создание путем «революционных преобразований», а именно аграрных реформ, «крестьянского государства». Идеологи национал-царанистов подчеркивали «антикапиталистическую» направленность своей позиции, которая во многом была сродни народническому социализму российских эсеров¹.

На наш взгляд, этот опыт прошлого весьма важен. Учитывая, как далеко разошлись пути партий и движений, «одинаково» провозглашавших себя приверженцами социалистических идеалов, нельзя не сделать вывода, что в политической практике, особенно в периоды решающих классовых сражений, различия в трактовке социализма и форм, способов, средств его достижения имеют порой даже более существенное значение, нежели признание социалистического устройства общества в качестве желаемой конечной цели. И это верно не только в том смысле, что защитники интересов капитала, внутренние враждебные социализму, но вынужденные прибегать к «социалистической» демагогии, закономерно оказываются в лагере реакции. Это верно и потому, что участники демократических движений, искренне стремящиеся к социалистическим преобразованиям, но замороженные иллюзиями, далекими от реальностей классовой борьбы, терпят идейный и политический крах, сходят с общественной сцены, а порой скатываются к прямому пособничеству буржуазии.

Последний случай представляется особенно заслуживающим внимания, ибо нельзя, конечно, представлять себе дело так, будто все прошлые и нынешние сторонники социализма, толкующие его иначе, чем научная теория коммунистов, понимающие пути к нему иначе, чем марксисты-ленинцы, заведомо являются противниками социальных идеалов рабочего класса и лишены честных стремлений бороться за социалистическое будущее. Едва ли можно, например, сомневаться, что в рядах социал-демократических партий достаточно широко представлены люди, искренне преданные социалистическим идеалам и целям. Не может быть и речи о том, чтобы бросить в их адрес упрек, будто они готовы сознательно поддерживать политику империализма или защищать интересы капитала. Но когда, скажем, рабочие западноевропейских

¹ См. История Румынии. 1918—1970. М., 1971, с. 289—291.

стран следуют установкам правого социал-демократического руководства, его рецептам «классового сотрудничества», ясно обнаруживается, что они находятся во власти заблуждений, уводящих в сторону от социалистических целей.

Вот почему идейно-теоретическая борьба марксистов-ленинцев за научный социализм, против всевозможных «демократических», «этических», «национальных» и прочих концепций социализма, против самой идеи, допускающей «плюралистичность», множественность толкований социализма, — это не только борьба против врагов рабочего класса, против антикоммунистов. Это также борьба за рабочий класс, за трудящиеся массы, за демократов, за всех тех, кто сегодня, не будучи коммунистом, не разделяя марксистско-ленинских взглядов или не усвоив их, искренне стремится к социалистическому переустройству общественной жизни.

В современную эпоху революционеры-ленинцы строят всю свою политическую стратегию на осознании и учете объективных законов социалистического преобразования общества, которые раскрываются уже не только теорией, но и практикой. Любые попытки пренебречь объективными законами революции являются уступкой субъективизму, чем-то, граничащим с возвратом социализма от науки к утопии. Именно из таких уступок, на наш взгляд, и произрастают концепции, авторы и сторонники которых пытаются подогнать борьбу пролетариата, трудящихся за социализм под заранее заданные схемы. В этих схемах все рисуется гораздо проще, чем в жизни, где законы революции постоянно вносят поправки в самые привлекательные конструкции и замыслы теоретиков.

Но если революционная борьба не есть осуществление произвольно сформулированного идеала, если она является реализацией объективных законов, которым и подчиняется, то тем более не выдерживает критики такой подход к решению вопроса, который предполагает отказ от единого теоретического представления о социализме, т. е. от признания закономерно необходимых черт социалистического строя. Это уже отказ от определения самой цели борьбы. Будем, мол, бороться, а что получится — посмотрим. Не может, разумеется, быть никакой схемы, способной заранее определить во всех деталях социалистическое общество, которому предстоит возникнуть в ходе и результате самостоятельного социально-политического, революционного творчества широчайших народных масс. Но тем самым уточняется суть встающей в этой связи проблемы. Она может и должна решаться научным анализом, который устанавливает главную цель революции, служащую постоянным ориентиром борьбы при всем возможном многообразии конкретных, особенных, неповторимых форм и проявлений процесса рождения нового общества.

И наука, и исторический опыт со всей неопровержимостью говорят: такой целью может быть только коренное преобразование капиталистического строя на базе общественной собственности на

средства производства и замены буржуазного государства системой народовластия, именно то, что достигнуто в результате Октябрьской революции в СССР, что рождено революционной практикой в других странах реального социализма. Конечно, конкретные пути к этой цели различны. Ни в одной из стран социализма способы, пути социалистической революции не были механическим повторением чужого опыта. В каждой из них революции осуществлялись по-своему, в формах, которые диктовались соотношением классовых сил внутри каждой из этих стран, национальным укладом, внешней обстановкой. Как отмечалось на XXVI съезде, «была и вооруженная борьба, были и мирные формы перехода к новой общественной системе; быстрый приход к власти трудящихся классов и процессы, растянувшиеся по времени. В одних странах революции пришлось защищаться от иностранной интервенции, в других обошлось без вторжения извне»¹.

Опыт трех российских революций, народно-демократических и затем социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в Азии, на Кубе, других революционных движений XX века с огромной силой подтвердил истинность обоих тесно взаимосвязанных положений марксистско-ленинского учения о революции: об общих ее законах и специфике их осуществления в условиях разных стран.

Изучая опыт российских революций, применяя на практике, в конкретных условиях своих стран ленинскую науку революции, коммунисты ускоряют общественный прогресс, неуклонно ведущий к полной победе мировой социалистической революции.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 17.

ДИАЛЕКТИКА ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ В РЕВОЛЮЦИИ

Стратегия и тактика ленинской партии в трех российских революциях представляла собой марксизм в действии, практическое применение идей научного социализма в конкретной исторической и национальной обстановке. Среди ключевых вопросов, на которые партия должна была иметь ясный ответ, чтобы дать правильные ориентиры борьбе рабочего класса, трудящихся, народных масс, был вопрос о том, достигло ли социально-экономическое развитие России того рубежа, на котором ее общество можно было бы считать объективно созревшим для социалистического переворота. Сразу же, в непосредственной связи с этим вставал и другой вопрос: если объективные условия для социалистической революции подготовлены, то какой политической линии должна следовать революционная партия рабочего класса? Ответить на оба этих вопроса необходимо было и теоретически и практически, организационными и политическими действиями. Перед Лениным и большевиками стояла задача углубить, обогатить и уточнить применительно к новому этапу мирового развития основополагающие идеи марксизма о соотношении экономики и политики в революционно-преобразующей деятельности передового класса эпохи. Решение, которое дал ей ленинизм в теории и которое воплотилось в опыте революционной борьбы российского пролетариата, сохраняет непреходящее значение.

Жизнь показывает, что всякие попытки упрощенно, механически толковать перемены в экономической и политической жизни стран капитала ведут к заблуждениям и ошибкам, крайне опасным для революционных сил. В одних случаях это происходит тогда, когда на щит поднимается примитивно понимаемый экономический детерминизм, выражающийся в различных концепциях, вовсе отрицающих либо недопустимо принижающих роль революционной политики в угоду идеям о «саморазрушении» и «социалистической самотрансформации» экономики капитализма. В других, наоборот, когда законы экономики, сила и значение экономических интересов сбрасываются со счетов и социалистическое переустройство общества трактуется единственно как воплощение в жизнь определенных политических идей и намерений. Стараниями буржуазных и реформистских идеологов такого рода взгляды получают весьма широкое распространение. Приходится с сожалением отмечать, что в какой-то мере они оказывают влияние и на теоретическую мысль в некоторых поли-

тических кругах, связанных с революционным рабочим движением.

Поэтому вопросы взаимодействия экономики и политики в борьбе за революционное преобразование общества в последнее время все более привлекают внимание марксистско-ленинской науки, которая при их исследовании постоянно обращается к российскому революционному опыту. Они также становятся объектом специального анализа в коммунистических и рабочих партиях мира, считающих, что правильное решение данных проблем необходимо и для повышения действенности революционной стратегии и тактики, и для отпора идеологическим противникам.

К вопросу о методе

Основы познания диалектики экономики и политики заложили К. Маркс и Ф. Энгельс. Они доказали, что в буржуазном обществе всякая политическая борьба есть борьба классовая, которая «ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического*», что государство, политический строй определяются характером экономических отношений¹. Вместе с тем основоположники марксизма были далеки от механистического, прямолинейного понимания этой связи. Энгельс разъяснял: «...экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически, как это для удобства кое-кто себе представляет, а люди сами делают свою историю, однако в данной, их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в конечном счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пошманию»².

Основоположники марксизма указывали на многоплановость тех интересов, которые находят свое выражение в политике, и отнюдь не сводили эти интересы исключительно к экономическим. Они видели все их многообразие, связывали их и с культурой, и с национальными особенностями, и с мировоззрением, религией и т. д. Заметим, что если бы в политике однозначно проявлялся только экономический интерес, то мы никак не могли бы объяснить такие, например, явления, когда определенная часть рабочих в острой революционной ситуации идет за буржуазией, за буржуазными партиями и в самый трудный момент может оказаться в лагере противников передовой части рабочего класса и других прогрессивных сил общества. Экономический интерес, связанный с системой отношений собственности, действуя

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 309—310.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 175.

как единственный фактор, четко поставил бы весь рабочий класс и всю буржуазию по разные стороны баррикад. Но реальная расстановка классовых и политических сил всегда оказывается значительно более сложной. И происходит это именно потому, что сознание и поведение как владельцев средств производства, так и тех, кто их лишен, как покупателей рабочей силы, так и продавцов ее определяются отнюдь не одними экономическими интересами. В конечном счете влияние экономики на политику сказывается и здесь, но оно проявляется не непосредственно, не прямолинейно, а через массу других форм общественных отношений и общественного сознания.

И все-таки основоположники марксизма исходили из примата производственных отношений в системе общественных отношений.

Опираясь на идеи основоположников марксизма, В. И. Ленин продолжил и углубил разработку проблем взаимоотношения экономики и политики, связал их анализ с практическими потребностями революционной борьбы. Уже в одной из самых ранних своих работ, формулируя задачи российских марксистов, Ленин указывал, что их теоретическая деятельность должна «направиться на конкретное изучение *всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития... Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие*»¹. И в то же время именно Ленину принадлежит выдающаяся заслуга теоретического разгрома российского «экономизма» и международного «бернштейнштанства» с их попытками ограничить классовую борьбу пролетариата сферой экономики, «отлучить» трудящихся от активного участия в политике.

Если попытаться обобщить основные методологические положения, выведенные Лениным на основе изучения взаимодействия экономики и политики в революциях в России и в других странах, то можно, на наш взгляд, представить их следующим образом:

— политика есть «концентрированное выражение экономики»², т. е. ее корни в экономических интересах и экономических отношениях, представленных в данном обществе; обладая в свою очередь определенной самостоятельностью, политика активно воздействует на экономику, причем особенно заметно в пору глубоких социальных потрясений, либо поддерживая и охраняя существующий социально-экономический строй (политика правящих классов), либо содействуя его ниспровержению, коренному

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 307.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 216, 278; т. 45, с. 123.

преобразованию экономических отношений (политика эксплуатируемых классов);

— исследование экономических интересов служит основой для выявления конкретно-исторической роли различных классов и социальных слоев данного общества в революционном процессе;

— классовая борьба, начинаясь в экономической сфере, «становится настоящей, последовательной, развитой, лишь тогда, когда она охватывает область политики... и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти»¹; в свою очередь политическая борьба, как борьба за власть, теряет свой смысл, если становится самоцелью, если не имеет в виду коренной перестройки экономических отношений и реализации тем самым в ходе революционного процесса классовых интересов трудящихся;

— экономические предпосылки революционного преобразования общества имеют решающее значение, и «никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически»². Но переход от капитализма к социализму на основе перемен, происходящих только в экономике и не затрагивающих прямо и непосредственно систему политической власти, невозможен;

— в революции и создании основ нового общества «политика не может не иметь первенства над экономикой»³; только сознательная деятельность миллионов масс, руководимых рабочим классом и его политическим авангардом, способна преобразовать экономический базис общества.

Эти ленинские положения — не плод чисто умозрительной работы. Они отражают объективную диалектику общественного развития. Задача в том, чтобы понять и правильно отразить ее как в теории, так и в политической стратегии.

Известно, что в своем наступлении на марксистско-ленинскую теорию буржуазная идеология на каждом шагу выдвигает тезис о «беспредметности» революционной науки коммунистов, поскольку, мол, она стремится исследовать «несуществующее», т. е. якобы отсутствующие объективные законы общественного развития. Марксистов-ленинцев «уличают» в том, что они-де прикрывают понятную им самим «бесплодность» этих усилий постоянными ссылками на диалектику. Диалектический метод, согласно обычным утверждениям многочисленных критиков марксизма, избавляет, мол, от обязанности приходить к точным, четким выводам и оценкам, ибо он всегда позволяет сказать «с одной стороны... с другой стороны». За этим умышленным упрощением кроются, как правило, попытки и опорочить сам диалектический метод, и затруднить, исказить понимание конкретной проблемы,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 239.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

в частности марксистско-ленинское понимание диалектики взаимосвязи экономики и политики.

Дело представляется так: раз, мол, речь идет о диалектике, о взаимном влиянии то экономики на политику, то политики на экономику, значит, здесь открывается такой простор для не подпадающих учету комбинаций, случайностей, неповторимых вариантов их взаимодействия, что не остается места ни для каких закономерностей, которые могли бы регулировать всю эту неупорядоченную стихию.

Образчик такого подхода к проблеме дают рассуждения буржуазного историка-социолога Э. Нольте, снискавшего в последние годы известность у себя на родине, в ФРГ, исследованиями о фашизме. Для Нольте вся история человечества — подтверждение того, что экономика и политика представляют собой в общественной жизни нерасчленимое целое и что тщетно было бы пытаться вывести одну из другой. «Во всех высокоразвитых культурах вплоть до начала европейского нового времени эта общественная взаимосвязь не является ни чисто политической, ни чисто экономической, а представляет собой совокупный экономико-политико-идеолого-эстетический комплекс, из которого не выпал даже самый бедный и презируемый и над которым вряд ли возвысился когда-либо даже самый богатый и мудрый»¹. Отсюда, по мнению Нольте, следует, что стремление «авторов и студентов», придерживающихся левых взглядов, искать корень политических явлений в экономике, «является не актом познания, а выражением воли»².

Такое академически отвлеченное представление о «непознаваемости» закономерностей, определяющих взаимодействие экономики и политики, позволяет, оказывается, делать далеко не безобидные с точки зрения классовых интересов и позиций выводы. У самого Нольте один из таких выводов состоит в том, что за «насквозь эмоциональным массовым движением национал-социализма» не следует искать экономического фактора в виде «финансовой поддержки со стороны некоторых капиталистов». Другой его вывод таков: стремление левых сил к созданию общества, предполагающего «равномерное удовлетворение потребностей всех», есть ненужная и вредная «утопия», недостижимая, поскольку она ставит во главу угла экономические интересы и тем самым противоречит действительности, в которой политические факторы играют не меньшую роль³. В данной буржуазной концепции как в фокусе отражена одна из основных методологических позиций защитников капитализма по вопросу о взаимодействии экономики и политики — установка на непознаваемость

¹ Nolte F. *Ökonomie und Politik*. — *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 1. X. 1977.

² *Ibidem*.

³ *Ibidem*.

законов этого взаимодействия. Эта установка нужна им для того, чтобы оправдать обычный прагматизм буржуазии, навязываемый ею в качестве высшей мудрости обществу, в котором она господствует. Такая позиция очень удобна, когда требуется снять с монополий ответственность за преступления фашизма, равно как и для того, чтобы заполучить идейную опору в попытках дискредитировать левые силы, их социальные идеалы.

С точки зрения представленной нами типичной для выразителей интересов капитала концепции идея социализма вообще является продуктом ложного «экономического мышления», неспособного якобы принять во внимание значение всех обстоятельств и движущих сил общественного развития, относящихся к области политики.

Сплошь и рядом, однако, буржуазная идеология плодит методологические схемы и иного рода. В них упор делается как раз на экономику, а политике не отводится никакой активной роли. Ее дело лишь регистрировать экономическую эволюцию к «постиндустриальному обществу», к «смешанной» хозяйственной системе, в которой предвидится сосуществование частного предпринимательства и «социализированного» сектора.

В социал-демократических и близких к ним доктринах, как правило, признаются наличие классовых противоречий в капиталистическом обществе, необходимость их устранения в ходе социалистических преобразований. Однако и в экономике, и в политике движение к социализму изображается не как путь классовой борьбы, а, напротив, как путь классового сотрудничества. Политика решительно отрывается от экономики, поскольку ее высшей задачей объявляются «общенародные интересы и ценности», обеспечению и соблюдению которых не должны мешать никакие классовые конфликты, порождаемые господствующей системой экономических отношений. С другой стороны, во имя поддержания экономической эффективности, в чем, мол, также заинтересовано общество в целом, допустимо лишь осторожное, ограниченное вторжение политики в сферу экономики, и именно в тех пределах, в каких это соответствует задачам совершенствования существующего хозяйственного механизма, а не принципиального изменения его основ. Так, например, лидер американских социал-реформистов М. Харрингтон признает, что экономические противоречия «не являются более умозрительной областью футурологов, философов и радикальных социальных критиков. Они являются неотложной проблемой политиков и людей с улицы»¹. Но формулируя предлагаемые им принципы решения кризиса, раздирающего современные Соединенные Штаты, Харрингтон не находит ничего лучшего, как рекомендовать «преобразование корпоративной власти» с помощью «демократизации

¹ Harrington M. Decade of Decision. The Crisis of American System. New York, 1981, p. 11.

инвестиционных функций»¹, т. е. как раз путем совершенствования хозяйственно-финансового аппарата монополий.

Общая социал-демократическая концепция движения к социализму предполагает в политике сохранение того, что уже достигнуто, а в экономике поощрение того, что уже появилось. Это значит, что государство и все другие институты и формы политической системы буржуазного общества объявляются пригодными для социализма. А эволюция, происходящая в экономике частично на базе национализации, частично на основе расширяющегося участия рабочих в управлении предприятиями, сама приведет, мол, в конечном счете к полной «социалистической трансформации» хозяйственной системы. Таким образом, с социал-реформистской точки зрения определяющее воздействие экономических отношений и интересов на политику отрицается, а радикальное воздействие политики на экономику «запрещается».

Социал-реформистская теоретическая «взаимоизоляция» экономики и политики служит основой для далеко идущих практических выводов, которые вполне устраивают буржуазию. Например, Г. Неннинг, видный публицист, близкий к Социалистической партии Австрии, видит стратегическую формулу прогресса Западной Европы в том, что политикой в ней будут заниматься социал-демократы, а экономикой — буржуазия, капиталисты². Эта позиция вполне устраивает буржуазию. Капитал всегда готов поддержать любую власть, которая будет заботиться о его интересах. Вспомним хотя бы знаменитую формулу из обращения Совета съезда горнопромышленников юга России к Временному правительству: «Дайте нам хорошую политику, и мы вам дадим хорошую экономику...»³ Далее, кстати, эта мысль расшифровывалась указанием на то, что экономического подъема «возможно ожидать только в связи с общим политическим оздоровлением страны и введением действительно правового строя при наличии сильной власти и обеспечения неприкосновенности личности и собственности»⁴.

Добиваясь для себя единственно «хорошей политики», российская буржуазия сравнительно легко мирилась в период от Февраля к Октябрю с самыми различными вариантами партийного состава кабинета министров, с сокращением до минимума своего прямого представительства в нем. Она отлично понимала, что сможет стать полновластным хозяином страны только при условии, если политическая власть гарантирует ей свободу действий в области экономики. В таком случае она без особого сопротивле-

¹ Harrington M. Op. cit.

² См. *Nenning G. Realisten oder Verräter? Die Zukunft der Sozialdemokratie.* München, 1976.

³ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы, ч. 1. М., 1957, с. 193.

⁴ Там же, с. 195.

ния смирилась бы с «социалистическим» правительством, как в последующие десятилетия и поступала на практике в подобных ситуациях буржуазия многих стран.

Если, таким образом, перевести проблему соотношения экономики и политики в революции из сферы теории в область общественной практики, если перенести центр тяжести с метода ее исследования на метод ее практического решения, то станет ясно, что она является ключевой для стратегии борьбы за социализм. Следует ли полагаться в стремлении к этой цели на действие объективных экономических законов, неизбежных структурных изменений и реформ в хозяйственной системе капитализма или направлять усилия на развитие активных политических действий, целеустремленной политической борьбы, исходя из того, что только таким образом может быть свергнута власть капитала и открыта дорога социалистическому строительству?

Мы видели, как отвечают на этот вопрос идеологи социал-реформизма. В противоположность им марксистско-ленинские партии в своих программных установках и политической практике подчеркивают, что перелом в общественном развитии, открывающий путь к социализму, может быть результатом только активной политической борьбы рабочего класса, трудящихся, причем борьбы, доводимой до отстранения буржуазии от государственной власти.

Очевидно, в этом плане различие между реформистской и революционной концепциями нельзя, однако, представлять себе таким образом, будто одна из них ставит экономику над политикой, а другая — политику над экономикой. Разве, выдвигая положение о приоритете политики в условиях, когда общество переживает революционный подъем, приближается к порогу социалистической революции, марксисты-ленинцы говорят только о своей политике? Нет, речь в этом случае идет о политике вообще, о том, что в критические предреволюционные и революционные периоды судьбы общества оказываются в гораздо большей зависимости от политических решений и действий, нежели от процессов, происходящих в сфере экономики. Это означает также, что в обстановке, когда политика приобретает первостепенное значение, резко возрастает политическая активность представителей всех классов и слоев общества.

При этом, в частности, обнаруживается, что реформистские установки на пассивное ожидание социализма отнюдь не равнозначны политической пассивности самих реформистских партий.

Действительно, сегодня мы ясно видим, что в условиях глубокого кризиса, охватившего капитализм, в условиях небывало возросшей тяги трудящихся масс к социалистическим идеалам и целям социал-демократия и другие реформистские силы вовсе не предаются политическому бездействию. Они исключительно активны, как были активны и родственные им политические партии во всех революционных кризисах прошлого. Так что неверно

полагать, будто выдвижение политики на ведущее место по отношению к экономике в обстановке подъема борьбы за социализм — это тезис коммунистов, обязательный лишь для них самих. Другие партии и течения вольны, мол, его разделять или не разделять. Вольны, конечно, но только в теории или на словах. На деле же они в силу объективной закономерности революционного процесса сами вынуждены концентрировать свои усилия прежде всего на вопросах политики. Следовательно, положение марксистско-ленинской теории о том, что в классовой борьбе, составляющей содержание процесса непосредственного перехода общества от капитализма к социализму, политика — революционная, контрреволюционная, соглашательская — имеет приоритет над экономикой, есть положение, выражающее не субъективный взгляд коммунистов, а реальность, не зависящую от чьей бы то ни было воли.

Пытаясь дискредитировать принцип революционности в стратегии компартий, противники марксизма-ленинизма трактуют его не иначе как «волютаристское начало», вытекающее, мол, из «чрезмерного» увлечения политикой и соответствующего пренебрежения экономическими реальностями. При этом они всячески стремятся представить дело так, будто в грех «волютаризма» коммунистов вводит их верность идейно-теоретическим заветам Ленина. Разработана целая система аргументов, рассчитанных на доказательство очевидного в своей политической предвзятости тезиса: мол, в современных условиях следовать ленинским идеям — значит отрывать от действительности, не считаться с требованиями жизни, подменять объективные оценки реальной обстановки борьбы за социализм субъективистскими и волютаристскими решениями.

Ленинизм изображается как некая идеалистическая система взглядов, якобы провозглашающая полную свободу политической воли революционной партии. На страницах социал-демократического еженедельника «Форвертс» (ФРГ) находим, например, заявления, что в ленинизме «разрыв с доктриной Маркса очевиден, так как согласно этой доктрине социализм — неизбежный продукт классовой борьбы, исторического развития. Никакой кадровой партии не требуется, чтобы вводить его в рабочее движение «извне»...»¹. Можно также вновь сослаться на Кракси, который, подобно всем своим многочисленным единомышленникам в рядах социал-демократии, видит в «марксизме Ленина» не более чем «сгусток волютаризма и экстремизма»².

Ставшая шаблоном буржуазной и реформистской литературы формула «ленинизм — чисто российское явление» разрабатывается далее, перерастая в утверждения, будто ленинизм игнорировал экономическую отсталость России, «неподготовленность» ее для

¹ Vorwärts, 27. I. 1977, S. 29.

² Socialist Affairs, July—August 1977, p. 88.

социализма. Эти взгляды, весьма типичные для буржуазной историографии, настойчиво пропагандирует, например, один из видных идеологов социал-реформизма в ФРГ — Ю. Браунталь. Он заявляет, что социально-экономические отношения в России не были капиталистическими, а потому для победы социализма в России не было-де тех материальных условий, о которых говорил Маркс¹. И далее, что, мол, Ленин «со всей ясностью видел отсутствие в России материальных условий для социалистического общественного строя», но как «волютарист», «бланкист», «якобинец» форсировал революцию...»². В писаниях английского историка Р. Конкуэста Ленин тоже предстает как «волютарист», увлеченный, мол, «идеей преобразования общества сверху авторитарными методами»³. Американский буржуазный политолог О. Гоулднер приписывает ленинизму «волютаристскую политику» в области создания «модели экономического развития, делающей упор на промышленное развитие»⁴.

Тот же политический «волютаризм» буржуазные авторы обнаруживают и в позициях коммунистических партий, руководствовавшихся ленинскими идеями и возглавивших впоследствии социалистические революции в своих странах. Например, канадский буржуазный «специалист» по русской истории Дж. Кип заявляет, что ленинская революционная стратегия 1917 года имела для коммунистов восточноевропейских стран лишь то значение, что «она подстегивала волютаризм» в их действиях⁵. Точно в тех же выражениях французский социолог Р. Арон клеветнически обвиняет в волютаризме и бланкизме «марксистско-ленинские партии, захватившие власть... в восточноевропейских странах, освобожденных Красной Армией»⁶.

Таков арсенал самой современной, самой модной критики, с которой обрушиваются на ленинизм, на коммунистов их противники. Надо, однако, не знать истории, чтобы увидеть в этих доводах нечто действительно новое и оригинальное, ибо буквально те же аргументы выдвигались против ленинизма, против большевистской партии, против революционеров-ленинцев на протяжении всего XX века, с самого его начала. Поэтому о несостоятельности этой критики можно судить не только на основании теоретических рассуждений и заключений, но и в свете исторической практики.

Напомним, что уже в самый ранний период становления теории и практики ленинизма его противники утверждали, будто

¹ См. *Braunthal J.* Marx und Gegenwart. — Zukunft, 1968, Hf. 8; Die Neue Gesellschaft, 1974, Hf. 1, S. 77.

² *Braunthal J.* Die Geschichte der Internationale, Bd. 2. Hannover, 1963, S. 82, 105.

³ *Conquest R.* Lenin. London, 1972, p. 132—133.

⁴ *Gouldner A.* Stalinism: A Study of International Colonialism. — Telos, 1978, N 34, p. 38.

⁵ См. *Keep J.* The Bolshevik Revolution. Prototype or Myth? — The Anatomy of Communist Takeovers. New Haven, 1975, p. 60.

⁶ *Aron R.* Op. cit., p. 94.

ленинские идеи означают «разрыв с фундаментальными положениями марксизма». Так, извращенно толкуя историю революционного движения в России, видный деятель меньшевизма Ф. Дан утверждал, что своей последовательной и непримиримой борьбой против всяческих разновидностей оппортунизма, за победу социалистической революции в нашей стране Ленин якобы «круто порывал с четвертьвековыми традициями русского марксизма»¹. Известный меньшевик А. Мартынов еще в начале 1905 года заявлял, что-де Ленин «стал на точку зрения «субъективной школы социологии»... на точку зрения домарковского материализма, оборотной стороной которого является исторический идеализм»². В таком духе против Ленина и большевиков выступали оппортунисты в российском и международном движении в течение всего периода, предшествовавшего революционным событиям 1917 года.

После Февраля 1917 года, когда вопрос о социальных перспективах начавшейся в России революции практически встал на повестку дня, политическая острота проблемы, порождавшей эту идейную конфронтацию ленинизма и оппортунизма, многократно возросла. Политический курс большевиков, конкретно разработанный Лениным, был курсом на переход власти в руки рабочего класса, трудящихся, на социалистическую революцию. В аргументации всех классовых и политических противников ленинской партии центральное место опять-таки заняли утверждения, что позиция большевиков есть «волютаризм», «субъективистский произвол», стремление совершить революцию «силами партии», «групилищ» и т. д. В адрес Ленина и ленинцев посыпались обвинения в том, что их революционная политика якобы совершенно отрывается от экономических реальностей страны. Характерной в этом отношении была позиция известного меньшевистского деятеля А. Потресова, который представлял большевизм не иначе как «якобинизм на истинно русской бунтарской подкладке»³.

Г. Плеханов в ответ на ленинские Апрельские тезисы заявлял: «Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, и беднейшую часть крестьянства к его низвержению»⁴. Печать меньшевиков на все лады повторяла ту же формулу.

К аргументации меньшевиков охотно обращались и видные деятели партий, находившихся на правом крыле российской политики. Летом 1917 года в недрах чиновничьего аппарата Временного правительства родился проект декларации об экономической политике. Ее автором был кадет В. Степанов, временно

¹ Дан Ф. И. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946, с. 365.

² Мартынов А. Две диктатуры. Пг., 1918, с. 9—10.

³ День, 1917, 18 июля (цит. по: Потресов А. И. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937, с. 246).

⁴ Единство, 1917, 12 апреля (цит. по: Плеханов Г. В. Год на родине, т. I. Париж, 1921, с. 28).

управляющий министерством торговли и промышленности, товарищ, т. е. заместитель, министра А. Коновалова, фабриканта, принадлежавшего к партии прогрессистов. В этом документе говорилось: «...Временное правительство определенно заявляет о невозможности изменения существующего хозяйственного строя на социалистический ни сейчас, ни в ближайшее за войной время. Социализм должен покоиться на мощном фундаменте всеобщей организованности, чего в России нет; на полном развитии производительных сил, к надлежащему использованию которых Россия, в сущности, еще не приступала...»¹ Свой вклад в обоснование той же позиции активно вносили крупнейшие светила буржуазной экономической мысли Туган-Барановский, Бернацкий, Загорский. Они единодушно приходили к выводу, что «время социализма в России еще не пришло»². Несколько позднее политический лидер кадетов П. Миллюков обобщил эти взгляды в собственной «критике» ленинизма, в заявлениях, что будто Ленин произвольно наметил «социалистический переворот в стране, которая даже не перешла еще из вполне натурального хозяйства в индустриальный период»³, и что-де под руководством Ленина большевики стремились «насильственно вводить социализм без соответственных экономических условий»⁴. «...Из первобытных граждан не создать социалистического государства, как из дикарей не сделаешь парламентариев»⁵, — с циничным презрением к народам России вещал другой видный деятель кадетской партии, А. Шингарев.

Представители буржуазии, таким образом, легко находили общий язык с реформистами из «революционной демократии». При этом во имя защиты классовых интересов капитала они энергично брались за решение таких, казалось бы, чуждых им идеологических задач, как выяснение «подлинной сущности» марксизма. Так, тот же Миллюков старательно доказывал, что если бы, мол, большевики обладали ясным теоретическим видением, какое «предполагает истинный... марксизм, то, может быть, не было бы и самой Октябрьской революции»⁶. С его точки зрения, основной «порок» ленинизма — это «преобладание политики и революционного бланкизма над экономикой и революционной «научностью»»⁷. Под научностью Миллюков подразумевает Марксову теорию, но, разумеется, ему, буржуазному профессору и политическому деятелю, марксизм представляется научным лишь в кавычках. Марксизм доленевского периода для него так же непримлем, как и

¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 1, с. 226.

² Биржевые ведомости, 1917, 20 апреля; Русское слово, 1917, 3 мая; День, 1917, 4 мая.

³ Миллюков П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции, т. 1. Париж, 1927, с. 130.

⁴ Там же, с. 132.

⁵ Как это было. Дневник А. И. Шингарева. М., 1918, с. 21.

⁶ Миллюков П. Н. Россия на переломе, т. 1, с. 134.

⁷ Там же, с. 125.

ленинизм. Тем не менее он понимает, как важно для политических целей буржуазии противопоставить Ленина Марксу, создать впечатление, что в ленинских идеях «отклонение от марксизма настолько велико», что они, мол, не могут считаться марксистскими¹.

Сегодняшние нападки на теорию и практику марксистско-ленинских партий постоянно делаются со ссылкой на особенные черты современности, в свете которых ленинизм выступает якобы как учение, «преодоленное историей». Но из нашего небольшого экскурса в прошлое читателю нетрудно заключить, что нынешние противники ленинизма фактически только повторяют зады изречений своих теперь уже довольно далеких предшественников, несостоятельность взглядов которых была вскрыта Лениным и подтверждена исторической практикой. Ленинский анализ диалектики экономики и политики позволяет, в частности, понять, что объективные условия социалистической революции не сводятся к условиям исключительно материального, «базисного» порядка. Политика, указывал Ленин, имеет «свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц или партий»².

Из этого ясно, что ленинское утверждение приоритета политики над экономикой в революционной борьбе за социализм не дает никаких оснований для выводов, которые делают «критики» ленинизма, усматривая в данном тезисе пренебрежение к объективным реальностям и теоретическую основу для политического «волюнтаризма».

Но пойдем дальше. Означает ли это преимущественное внимание к политике, к ее объективным законам и воздействующим на нее субъективным факторам, что, когда дело касается революционного перехода от капитализма к социализму, реальности экономики, уровень ее развития, особенности ее структуры — все это теряет значение и может быть хотя бы на время сброшено со счетов? Выше мы показали, что противники ленинизма пытаются приписать ему именно такую позицию и оправдание своим доводам ищут в истории Октябрьской революции. Ссылками на стратегию большевиков России в 1917 году они стремятся также противопоставить марксизм ленинизму, доказать, что, поскольку Ленин, мол, «отверг» Марксову идею о всеопределяющем значении экономики, постольку и революция, совершенная под руководством ленинской партии, «не была марксистской». Нового, конечно, в подобных рассуждениях ничего нет. Напомним, что еще один из лидеров меньшевизма, А. Потресов, заявлял, что Октябрьская революция, мол, совершена «не по Марксу», а стала результатом «якобинско-сектантских мотивов Ленина...»³.

К материалам, которые мы уже привели для характеристики этих взглядов, можно добавить примеры, показывающие, как не-

¹ См. Миллюков П. Н. Россия на переломе, т. 1, с. 132.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 190.

³ Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений, с. 303.

укоснительно современные «критики» ленинизма следуют по стопам идейно-политических лидеров российской буржуазии и оппортунистов вроде Милюкова. Для английского буржуазного историка Дж. Данна Октябрьская революция была «не очень-то марксистской»¹. Признанный в буржуазных кругах Запада авторитет по революционной истории России Фр. Фейто заявляет: «Великий парадокс ленинизма и России вообще как раз и состоит в том, что, посвятив все свои силы тому, чтобы любой ценой применять «закон» Маркса, большевики в момент, когда столь желанная революция надвигалась на них, нарушили «закон», опрокинули доктрину, выбросили за борт модель Маркса. Они бросились, увлекая за собой наиболее решительных борцов, навстречу социалистической революции, для которой — а им это было известно лучше всех — их страна еще не созрела, по крайней мере в марксистском понимании зрелости социально-экономической формации»². Другой аспект того же «парадокса» усматривает в истории Октября упоминавшийся уже нами Дж. Кип: «Поразительный парадокс русской революции состоял в том, что противники большевиков были во всяком случае в большей степени марксистами, чем большевики»³.

Надо сказать, что в свое время эти «в большей степени марксисты», т. е. российские меньшевики, также делали далеко идущие выводы из усвоенных ими представлений, будто именно они, а не ленинская партия владеют научным, марксистским пониманием законов развития общества и его социалистических преобразований. Именно с таких позиций они уверенно предрекали скорый крах Советской власти после Октября. В начале 1921 года, например, меньшевистская эмиграция решительно заявляла, что «большевистская диктатура», мол, «быстро приближается к моменту апогея своих исторических успехов, если уже не перешла через него», и неминуемо рухнет, ибо «в конечном счете должны победить объективные тенденции хозяйственного развития»⁴.

История опровергла подобные нелепые прогнозы, вместе с ними она опровергла и логику тех идеологических конструкций, на которых они держались. Почему же и по сей день противники революционного рабочего класса находят основания утверждать, что, мол, коммунисты-ленинцы действуют «не по-марксистски» сейчас, так же как большевики якобы «не по-марксистски» пошли на свершение Октябрьской революции? Потому, на наш взгляд, что они продолжают спекулировать на примитивном, не только немарксистском, но прямо-таки антимарксистском толковании Марксова учения о примате экономики над политикой в общественном развитии.

¹ *Dunn J.* Modern Revolutions. An Introduction to Analysis of a Political Phenomenon. London, 1972, p. 48.

² *Feitö Fr.* L'héritage de Lénine. Paris, 1973.

³ *Keep J.* Op. cit., p. 53.

⁴ Социалистический вестник (Берлин), 1921, № 2, с. 1—2.

В самом деле, какую именно характеристику капиталистической экономики выставляют на передний план те, кто утверждает, что, «по марксизму», социализм должен явиться закономерным результатом ее саморазвития, без политического вмешательства «извне»? Это преимущественно уровень развития производительных сил, организационная и производственно-техническая структура народного хозяйства, определяемые этим черты социального состава, квалификации, «культуры» экономически активного населения. Слов нет, все это входит в понятие экономики, и все эти элементы хозяйственной жизни имеют отношение к формированию материальных предпосылок социалистической революции. Но марксистская наука никогда не сводила понятие объективной экономической подготовки социализма к развитию только материальных, вещественных факторов. С тех пор как Маркс разъяснил, что «капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер»¹, научная, истинно марксистская политэкономия сделала центром анализа капиталистической экономики именно развитие составляющих ее основу производственных отношений. А коль скоро исследуются эти отношения, основной вопрос, подлежащий решению, состоит в том, какой остроты достигли заложенные в них экономические, классовые противоречия.

Именно под таким углом зрения К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали данную проблематику, обращаясь и непосредственно к анализу революционных возможностей России. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее, учитывая, что он имеет отнюдь не частное значение, а связан с принципиально важными проблемами взаимодействия революционных движений разных стран, применимости марксистской теории в регионах с неодинаковыми уровнями социально-экономического развития. Буржуазные идеологи пытаются замолчать взгляды основоположников марксизма по данному вопросу либо исказить их, заявляя, например, будто Маркс «отрицал революционную роль именно России» вследствие отсутствия там «экономической основы капиталистического производства»². Типичным в этом отношении является и утверждение американского буржуазного публициста С. Тэлбота, будто «Россия была той европейской страной, относительно которой Маркс и Энгельс меньше всего рассчитывали на то, что их призыв к восстанию будет услышан»³. К подобным оценкам склонны и реформистски настроенные теоретики рабочего движения,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 380—381.

² Wesson R. G. Why Marxism? The Continuing Success of a Failed Theory. New York, 1976, p. 43.

³ Talbott S. The Specter and the Struggle. — Time, January 4, 1982, p. 29.

трактующие революционную теорию марксизма как отражение сугубо западной специфики социального развития, не имеющей якобы ничего существенно общего с социальными процессами в России.

Всякий непредвзятый исследователь творчества К. Маркса и Ф. Энгельса без труда убедится, что они глубоко анализировали возможности и перспективы развития революционного движения в России, рассматривали положение в ней в свете открытых ими общих закономерностей классовой борьбы, учитывая специфику российской действительности. Они указывали на революционное значение борьбы за отмену крепостного права, за национальные права поработенных царизмом народов. В 1858 году К. Маркс писал, что в России «накопился горячий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно вспламениться»¹. В связи с польским национально-освободительным восстанием 1863 года Маркс делает вывод, что «в Европе снова широко открылась эра революций»².

Позднее, в середине 80-х годов, Ф. Энгельс неоднократно отмечал ключевое значение нашей страны для успешного осуществления революции в Европе и возможность того, что первая революция произойдет в России. В письме А. Бебелю в декабре 1884 года он указывал, что «при нынешнем положении толчок извне едва ли может быть дан откуда бы то ни было, кроме России»³. «То, что я знаю или думаю, что знаю, о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что страна приближается к своему 1789 году. Революция *должна* разразиться в течение определенного времени; она *может* разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль»⁴. «...Если бы в России вспыхнула революция, она создала бы совокупность самых благоприятных условий»⁵, — писал Ф. Энгельс П. Лафаргу в октябре 1886 года. А еще через несколько месяцев Ф. Энгельс высказал предположение, что «дело действительно похоже на начало конца в России, а это было бы началом конца и в Европе»⁶. «...Революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и положила бы начало всемирной социальной революции»⁷, — отмечал он в начале 1888 года.

К. Маркс и Ф. Энгельс не считали, что надвигающаяся в России революция будет социалистической или перерастет в нее: условия эпохи не давали им достаточных оснований для такого вывода, который позднее, на базе изучения условий повой, империа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 520.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 266.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 218.

⁴ Там же, с. 260.

⁵ Там же, с. 477.

⁶ Там же, с. 536.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 5—6.

листической стадии развития капитализма, делает В. И. Ленин. Они связывали российскую революцию с необходимостью глубоких буржуазно-демократических преобразований и потому уподобляли ее французской буржуазной революции конца XVIII века, наиболее радикальной из всех буржуазных революций. Однако приведенные высказывания со всей очевидностью показывают, что основоположники научного социализма рассматривали революционное движение в России как составную часть международного революционного процесса, более того, как фактор, который к концу XIX века стал приобретать решающую роль в этом процессе. И, что особенно показательно, такие оценки делались в то время, когда Россия в экономическом развитии отставала от ведущих стран Запада значительно больше, чем, скажем, в 1917 году. И тем не менее, характеризуя цели революций в России и на Западе как разнородные, К. Маркс и Ф. Энгельс оценивали возможности реализации этих целей в свете общих закономерностей всемирного процесса перехода от капитализма к социализму.

Что же касается российской специфики, ссылки на которую сегодня составляют основную аргументацию приверженцев регионалистских схем, противопоставляющих друг другу пути социалистического преобразования общества в России и на Западе, то она тщательно учитывалась основоположниками научного социализма, так же, впрочем, как и специфика любой другой изучавшейся ими страны. «По-моему, — писал, например, Энгельс в 1885 году, — самое важное — чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подает ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, для меня не столь важно. Пусть это будет дворцовый заговор, он будет сметен на другой же день. В стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится из дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — стоит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год»¹.

Таким образом, действительное отношение основоположников марксизма к проблеме революционных преобразований в России не только не подтверждает взглядов тех, кто трактует эту проблему как чисто «русский феномен», но и, напротив, опровергает их. Важен и другой момент: Маркс и Энгельс, анализируя на основе своего учения, с учетом открытых ими общих закономерностей революции особенности российского освободительного движения,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 263.

тем самым по сути дела впервые успешно применили революционную теорию марксизма к исследованию и объяснению общественных процессов в нашей стране. Уже одно это доказывает несостоятельность попыток ограничить сферу применения марксизма странами классического развития капитализма. Но главное доказательство заключается в том, что марксистская теория перехода к социализму, созданная в значительной мере на базе обобщения социально-экономической практики «классической страны капитализма» — Великобритании, а также Германии с ее незавершенной буржуазной революцией, была успешно реализована в процессе буржуазно-демократической, а затем и социалистической революций в России, где условия общественного развития сильно отличались от любых западноевропейских образцов. В свою очередь опыт социалистических преобразований в нашей стране, обогатив революционную теорию марксизма, расширил возможности ее практического применения в последние десятилетия в странах с самыми различными уровнями социально-экономического развития.

Конечно, Ленин, большевистская партия, поднимая рабочий класс, трудящихся на Октябрьскую революцию, не закрывали глаза на относительную, по сравнению с США и рядом западноевропейских стран, экономическую отсталость России. Но это вовсе не было равнозначно выводу об отсутствии в России экономических предпосылок для социалистической революции. Знаменитое положение Ленина, что «социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»¹, — это положение обобщало глубокий ленинский анализ, показавший и то, что экономика капитализма на империалистической стадии его развития создала объективные условия для социалистического прорыва власти капитала, и то, что определяющие в этом смысле черты российской экономики, несмотря на всю ее отсталость и структурное своеобразие, также свидетельствовали об экономической зрелости условий для решительного поворота нашей страны на путь практического перехода к социализму.

Эти условия определялись не только и не главным образом уровнем развития производства, объемом выпускаемой промышленной продукции (Россия в этом отношении занимала пятое место в мире), вообще не технико-хозяйственными показателями, на которых целиком строили свои концепции об «экономической неподготовленности социализма» меньшевики и которыми оперируют в своих схемах нынешние буржуазные и реформистские толкователи марксизма. Эти условия решающим образом определялись масштабами и глубиной противоречий капиталистической системы производственных отношений на стадии империализма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

Общая хозяйственная отсталость России не только не была помехой для обострения этих противоречий, но, напротив, способствовала ему, придавала особо нетерпимый, грубый характер социально-экономическим антагонизмам капиталистического строя, достигшего стадии господства монополий, стадии империализма.

Неверно и то распространяемое современными буржуазными идеологами представление, будто политическая стратегия ленинизма хотя и учитывала экономические условия революции в России, но учитывала их якобы в том смысле, что именно в хозяйственной отсталости страны видела благоприятный фактор для свержения старой власти. На такого рода тезисах возводятся сегодня концепции о ленинизме как о «доктрине, пригодной исключительно для экономически неразвитых обществ». Сам Ленин, однако, неоднократно подвергал беспощадной критике тех горе-революционеров и горе-коммунистов, которые пытались в борьбе за социализм делать ставку на экономическую отсталость как таковую. Известно, как решительно он выступил против Бухарина, утверждавшего, ссылаясь на опыт России, будто социалистический прорыв цепи всемирного господства капитализма закономерно должен был начаться в его самых неразвитых хозяйственных системах. Ленинское замечание по этому поводу имеет принципиальное теоретическое и методологическое значение. Ленин подчеркнул, что «без известной высоты кап[итали]зма у нас бы ничего не вышло»¹. Иными словами, необходимым условием революции в России явилась не экономическая отсталость, с которой была тесно связана нищета народных масс, а, наоборот, тот факт, что капиталистическое развитие страны уже достигло значительных высот и втянуло эти массы в водоворот острейших общественных противоречий.

Понятно, что если при оценке степени зрелости общества для социалистических преобразований опираться только или преимущественно на производственно-технические и организационно-структурные характеристики его экономики, то вопрос о наличии или отсутствии экономических предпосылок для перехода к социализму становится попросту неразрешимым. Ибо кто может установить, при каком именно объеме производства, при каких пропорциях между промышленностью, сельским хозяйством и сферой услуг, при каком соотношении государственно-капиталистической и частнокапиталистической форм собственности обеспечиваются необходимые экономические условия для перехода к социализму? Если ставить вопрос только в такой плоскости, то всякий ответ на него неизбежно будет произвольным, волюнтаристским.

В действительности всякое суждение о том, подготовлено ли данное общество для начала социалистических преобразований развитием своей экономики, непременно должно строиться прежде всего на выяснении характера, глубины, остроты классовых, по-

¹ Ленинский сборник XI, с. 397.

литических, национальных и иных антагонизмов, которые вырастают в нем на базе развертывания основного, многократно усугубляемого господством монополий противоречия экономического строя капитализма — противоречия между трудом и капиталом, между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения продуктов этого производства.

Россия 1917 года была, как известно, средоточием общественных антагонизмов, выросших на почве одновременно и самых передовых для того времени, и чрезвычайно отсталых форм ее экономического развития. Буржуазные и реформистские историки любят подчеркивать, что сфера классовых противоречий между трудом и капиталом была в народнохозяйственных масштабах России очень узкой. Подтверждают это обычно указаниями на сравнительно небольшой удельный вес промышленности в экономике. Но этот количественный показатель скрывает тот бесспорный факт, что промышленность была самым динамичным сектором экономики и что крупная буржуазия стала фактически хозяином страны. А это в свою очередь означало, что коренное противоречие капиталистической системы — между общественным характером производства и частным способом присвоения — быстро становилось определяющим стержнем экономической жизни всего общества. Монополистический капитал притягивал к себе, концентрировал, объединял вокруг себя все эксплуататорские классы страны. И точно так же все угнетенные, эксплуатируемые классы, социальные слои и группы населения тянулись к пролетариату. Социальный инстинкт и опыт, быстро возраставший в периоды революционных приливов (1905 год, Февраль 1917 года), помогали им обнаруживать коренную общность своих экономических интересов с интересами рабочего класса.

С главными чертами российской экономической действительности большевики не просто считались, а на них они опирались во всей своей революционной политике. И именно такое, подлинно марксистское понимание экономических условий борьбы за социализм отсутствовало у соглашателей, реформистов. Они, а не Ленин и ленинцы были догматиками, когда в обстановке предельно обостренных коренных классовых антагонизмов, всех общественных противоречий пытались, как указывал Ленин, рабски подражать прошлому¹, навязывать стране политические решения, основывавшиеся на их идеалистически прекраснотушных схемах «общенациональных интересов», не соответствовавших новым условиям.

Это, впрочем, не значит, что их политика была оторвана от экономики, не имела своих именно экономических корней. Напротив, она была экономически детерминирована от «а» до «я» реальным, противоречивым в своей сущности положением мелкой буржуазии в системе хозяйственных связей общества. Характеризуя

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 378.

политическое поведение эсеров и меньшевиков в месяцы, следовавшие за Февральским переворотом, Ленин писал: «С точки зрения марксизма, «соглашательство» народнических и меньшевистских вождей есть проявление колебаний мелкой буржуазии, боящейся довериться рабочим, боящейся порвать с капиталистами»¹. И в другом месте: «Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле места в общественном производстве), и в образе мыслей она идет за буржуазией»². И в этом состояла суть вопроса. Соглашатели в отличие от большевиков выступали против перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, считали, что революция должна закончиться установлением господства буржуазии, после чего начнется, мол, период мирного развития, который займет не одно десятилетие, прежде чем можно будет осуществить непосредственный переход к социализму.

Таким образом, опыт Октября вопреки всем домыслам противников ленинизма — и прошлым, и нынешним — свидетельствует о том, что курс большевиков на социалистическую революцию был выработан, продолжен в жизнь и завершился блестящим успехом среди прочих причин именно потому, что ленинская партия опиралась на истинно марксистский анализ экономических условий, сложившихся в стране. С другой стороны, реформистская политика активного противодействия социалистической революции, борьбы с ней, политика, объективно также вытекавшая из экономических реальностей России, но субъективно не понимавшая и искажавшая их, закономерно потерпела крах.

Сегодня, разрабатывая свою революционную стратегию, коммунистические и рабочие партии несоциалистической части мира уделяют первостепенное внимание вопросам общего состояния экономики капитализма, ее отличительным чертам на нынешнем уровне развития, ее коренным противоречиям. Один из основополагающих выводов, к которым в результате такого анализа приходят марксистско-ленинские партии, заключается в том, что эволюция мирового капитализма в XX веке убедительно подтверждает ленинское положение об империализме как последней стадии капиталистического развития, как стадии предельного обострения присущих буржуазному обществу антагонизмов и созревания материальных предпосылок для социализма.

Учитывая должным образом производственно-технические, организационные, структурные особенности национальной экономики, компартии, однако, основной упор делают на анализ тех противоречий, которые развиваются в обществе на базе столкновения экономических интересов. Как подчеркивают компартии развитых стран капитализма, сегодня во всех сферах их экономической,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 130.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.

социальной, политической, духовной жизни острейшим образом проявляется противоречие между достигнутым уровнем производительных сил и сохраняющейся системой производственных отношений, между растущим экономическим обобществлением производства и частнокапиталистическим способом присвоения его результатов. «Время крупных изменений в общественном развитии, — отмечается, например, в Программе Компартии Дании, — наступает тогда, когда существующие производственные отношения становятся оковами для использования производительных сил на благо прогресса. Мы живем именно в такое время»¹. *«Противоречие между трудовым народом и крупным капиталом — вот основное социальное противоречие капиталистического общества в Федеративной Республике, которое обостряется и порождает новые конфликты и противоречия»*² — такой вывод формулирует в своей Программе Германская коммунистическая партия.

Здесь перед нами вновь раскрывается та принципиальная черта марксистско-ленинского подхода к пониманию взаимосвязи политики и экономики, которая состоит в том, что за решающие ориентиры политической стратегии принимаются не только и не столько технико-экономические показатели, сколько в первую очередь классовые характеристики производственных отношений и всех вырастающих из этих отношений конфликтов.

В целом, таким образом, теория, прошлая и сегодняшняя практика марксистов-ленинцев, революционеров-коммунистов в полном соответствии с исходными положениями Марксова учения отражают объективные реальности социально-экономического базиса общественной жизни в мировых и национальных масштабах, причем прежде всего и главным образом реальности производственных отношений и коренных классовых интересов.

Не стоило бы так подробно обсуждать и опровергать измышления о «волютаризме» коммунистов только ради вывода «оборонительного» характера: нет, мол, революционеры-ленинцы не являются волютаристами. Вывод здесь должен быть наступательный, а именно: быть марксистом-ленинцем — значит выступать непримиримым противником любых субъективистских взглядов и позиций, и не может быть более последовательных борцов против волютаризма, чем коммунисты, считающие для себя святым правилом обращаться с социализмом как с наукой.

В самом деле, борьба против волютаризма — одно из самых заметных направлений в истории революционного рабочего движения, в организации, становлении и разворачивании деятельности компартий, в их прошлой и современной идейно-политической жизни.

В наше время бунтарский революционаризм, хотя он и представляется порой мелким явлением общественной жизни несоциа-

¹ XXV съезд Коммунистической партии Дании. Копенгаген, 23—26 сентября 1976 года. М., 1978, с. 72—73.

² Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 260.

листической части мира, постоянно напоминает о себе актами террора, шумными кампаниями. В ряде случаев на протяжении последних полутора десятилетий его роль оказывалась весьма значительной. Неизгладимый отпечаток он наложил на майские события 1968 года во Франции. В Чили он подыграл контрреволюции. В Португалии осенью 1975 года он немало поспособствовал оживлению и определенному восставлению сил реакции. В Италии и Испании терроризм леваков нередко прямо смыкается по своей направленности с действиями крайне правых, неофашистских сил.

Волюнтаризм, воплощенный в практике левацкого течения, объективно выгоден буржуазии, монополиям. Интересам капитала вполне соответствует положение, при котором на левом фланге политики присутствует, пусть в ничтожной дозе, некий безумствующий экстремизм. Это удобно для господствующих классов и тем, что помогает их попыткам скомпрометировать в общественном мнении левое движение в целом, и тем, что всегда предоставляет к их услугам поводы для «закручивания гаек», свертывания демократии, укрепления в существующих режимах тенденций к полицейско-тоталитаристским методам правления.

Жизнь показывает, что волюнтаризм в подходе к проблемам революционной борьбы против власти капитала, за социалистическое переустройство общества — не монополия бунтарей «слева». Типично волюнтаристское предпочтение желаемого вместо внимательного учета необходимого порождает и такие идейно-политические течения, которые следует отнести скорее к отклонениям от революционной линии вправо.

Нам представляется, что вообще неправильно связывать волюнтаризм лишь с бунтарским революционаризмом, поскольку это означало бы делать акцент на конкретных идейных и политических проявлениях без предварительного выяснения его социальной природы. А природа волюнтаризма, как давно и убедительно показано марксистско-ленинской наукой, мелкобуржуазная. Промежуточное положение мелкой буржуазии между трудом и капиталом постоянно толкает ее к ложному восприятию классовых противоречий и классовой борьбы. Одним этот путь видится в энергичном, всеокрушающем бунте узкой революционной секты, способной якобы одним ударом разрушить мир господства капитала. Другие склоняются к тому, что разрешение коренного антагонизма между трудом и капиталом будет сопряжено с минимумом жертв и издержек, если последовательно принимать меры к тому, чтобы считаться не столько со специфическими классовыми интересами обеих сторон, сколько с интересами, которые объединяют их как составные части единого общества, единой нации.

В первом случае на арене появляется фигура «взбесившегося мелкого буржуа». Во втором — тот же мелкий буржуа, предающийся милой его сердцу надежде на благополучное, не нарушаю-

щее его спокойствия развитие классовой борьбы. Если оба этих представителя одной социальной среды не понимают и ненавидят друг друга, то тем самым вовсе не исключается, а только подчеркивается их принадлежность к одному «промежуточному» слою, для которого шарахаться из стороны в сторону, впадать в крайности — социально-психологическая норма.

В последнее время в связи с небывалым расширением социального состава участников мирового революционного движения возникла почва для более широкого распространения в его рядах идей, взглядов именно такого мелкобуржуазного пропихивания и волюнтаристской окраски. Часто их посетители по своим убеждениям отнюдь не являются противниками революции, ее идеалов. Напротив, они, как и, скажем, народники в России, готовы отдать и действительно отдают борьбе за них все силы. Но беда их в том, что они не хотят мириться с неумолимой логикой этой борьбы, с ее объективными законами, пытаются быть ее участниками на условиях, которые сами заранее ей предписывают. В этом-то и проявляется их волюнтаризм.

Проблема волюнтаризма, таким образом, серьезная проблема для сегодняшнего революционного движения. Волюнтаристские ошибки обходятся дорого. Жизнь постоянно напоминает об этом. Анализируя уроки чилийской революции 1970—1973 годов, Генеральный секретарь Компартии Чили Л. Корвалан отмечает, например: «В специфической обстановке, преобладавшей в ходе чилийского революционного процесса, недостаточно было лишь нестигаемой решимости партии, дабы с честью выйти из той или иной критической ситуации. Инициатива и революционная решимость имеют существенное, а иногда жизненно важное значение, однако лишь в преломлении к объективным, конкретным условиям. Иначе существует опасность скатиться к волюнтаризму, стремлению выдать желаемое за действительное...»¹

Теоретическая суть проблемы волюнтаризма в конце концов сводится к вопросу об отношении к объективным законам революции. Волюнтаризм есть не что иное, как отрицание этих законов, попытка подменить их пожеланиями, произвольными конструкциями, «моделями». В этом смысле волюнтаризм — родной брат утопии.

Опыт революций в России и других странах убеждает, что преодоление всякого волюнтаризма является непременным условием правильного, соответствующего законам общественного развития, решения проблемы взаимодействия экономики и политики в революции. Надо твердо помнить слова Маркса и Энгельса, что «установление коммунизма имеет по существу экономический характер...»². Вслед за Лениным следует глубже вникнуть в диалектическую взаимосвязь экономических и политических факторов в

¹ 1000 дней революции. Руководители КПЧ об уроках событий в Чили. Прага, 1978, с. 164.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 71.

процессе перехода от капитализма к социализму и понять, что, хотя политике принадлежит главенствующая роль в революции, ее высшей целью, однако, является новая экономическая организация общества¹.

Отсюда естественно вытекает вопрос: какая же именно генеральная экономическая задача решается социалистической революцией? Подъем народного хозяйства? Его техническое перевооружение? Перераспределение доходов, материальных благ в пользу трудящихся? Опыт победоносных социалистических революций показывает, что их результатом действительно явилось достижение этих и других аналогичных целей экономического и социального прогресса. Но ведь это следствие, а не суть социалистических преобразований. Это достижения, касающиеся, с одной стороны, производительных сил, а с другой — сферы распределения. Они мало что говорят о главном — о характере производственных отношений. Между тем, как установила марксистская наука, именно этот аспект организации общества является определяющим. Вот почему экономическая задача социалистической революции — преобразование производственных отношений и составляющих их сердцевину отношений собственности.

На пути к экономическому освобождению

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что коммунисты, повсюду поддерживая всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя, «во всех этих движениях... выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения, независимо от того, принял ли он более или менее развитую форму»². Общественная собственность на средства производства составляет экономическую основу социализма. Это положение марксистско-ленинской теории подтверждено всем опытом социалистического строительства в странах Европы, Азии, Латинской Америки. Обобществление основных средств производства является программным требованием коммунистов в борьбе за освобождение труда от гнета капитала.

Почему мы ныне возвращаемся к этим теоретически обоснованным и проверенным практикой положениям? Потому, что они вновь, как это было уже не раз в истории, оказываются в самом центре дискуссий и научного, и идеологического характера. Марксистско-ленинское учение об экономической основе социализма постоянно используется буржуазными и многими реформистскими идеологами в качестве одного из поводов для обвинений компартий в приверженности «догматическим принципам», от которых

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 130.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 459.

они должны отказаться, чтобы быть признанными в современном «демократическом обществе».

Типичны заявления, что-де марксистско-ленинская концепция социализма, которой следуют коммунисты, определяется их «догматической решимостью отменить частную собственность и национализировать средства производства в качестве первых шагов по пути к конечной цели — созданию бесклассового общества»¹. Такого рода утверждениями подводится база под систематические нападки на революционеров-коммунистов, которые, мол, не видят, насколько качественно изменилась и усложнилась капиталистическая экономика и как «неуместно» при всех ее недугах предлагать для ее оздоровления «единственный» рецепт — обобществление средств производства. Коммунистов обвиняют в том, что в своей экономической программе они будто бы пренебрегают реальными проблемами современной экономики, реальными нуждами трудящихся и возможностями удовлетворять их уже сегодня, не хотят и не умеют должным образом исследовать эти проблемы и возможности. Коммунистам бросают упрек в том, будто бы их революционная стратегия, нацеленная на коренное преобразование экономических отношений, порождает только хаос и насилие, грозит экономической разрухой. Наконец, и сам вопрос о собственности объявляется непринципиальным, не имеющим-де того значения, которое ему придают коммунисты; удовлетворение всех чаяний трудящихся представляется якобы возможным без перехода средств производства в общественную собственность, оно достигается будто бы лишь осуществлением ряда мер по демократизации экономики.

Рассмотрим эти вопросы по существу.

Экономическая политика коммунистов всегда органически сочетала в себе защиту сегодняшних интересов трудящихся, меры, направленные на более полное удовлетворение их неотложных требований, с программой осуществления их коренных интересов и перспективных целей. Попытки идеологических противников дискредитировать эту вторую, чрезвычайно существенную составную часть путем критики первой, путем обвинения коммунистов в игнорировании экономической реальности дня имеют давнюю историю.

В буржуазной и реформистской историографии то и дело встречаются утверждения, будто при подготовке социалистической революции в России Ленин и большевики проявляли безразличие к насущным экономическим интересам людей труда, поскольку-де все их мысли и действия были поглощены «стремлением к власти». Родоначальниками этих домыслов были политические противники большевиков в России 1917 года, прежде всего представители соглашательских партий. И. Церетели, например, писал, что, мол, суть большевистской политики в отношении экономических требований трудящихся «заключалась в том, что она

¹ Time, March 13, 1978, p. 12.

отвергала возможность каких бы то ни было улучшений в положении рабочего класса до установления в стране «рабоче-крестьянской диктатуры»»¹.

Фальшь этого заявления, его несоответствие исторической правде определяются словечками «каких бы то ни было», ибо в действительности партия большевиков активнейшим образом боролась за эти улучшения и помогала рабочим реально добиваться их.

Известно, что в месяцы, непосредственно предшествовавшие Октябрю, центральным требованием, касавшимся социально-экономического положения российского пролетариата, было требование о 8-часовом рабочем дне. Закона, который устанавливал бы такой предел рабочего времени при сохранении прежних заработков трудящихся, не было тогда почти нигде в мире. Не было его и в России. Буржуазное правительство и соглашательские лидеры Советов целиком встали на сторону капиталистов, настаивавших, чтобы в любой документации, подтверждавшей установление 8-часового рабочего дня, оно рассматривалось исключительно как временная мера, вводимая впредь до вступления в силу соответствующего закона. Вопрос о том, каков будет этот закон, если дело когда-нибудь дойдет до его разработки и принятия, оставался открытым. Точнее, он становился предметом все более острой классовой и политической борьбы.

Буржуазная печать уже в марте 1917 года развернула кампанию, в ходе которой обвиняла рабочих в антипатриотизме, в подрыве общенациональных экономических интересов. Тем самым было положено начало реакционному контрпреступлению на экономические права трудящихся. В дальнейшем — поздней весной и летом 1917 года — в него активно включились меньшевики и другие представители соглашательского крыла Советов. Не выступая прямо против 8-часового рабочего дня, они подхватили существо мартовской аргументации буржуазной печати и подняли ее до уровня целой концепции необходимого «самоограничения рабочего класса».

Представление о том, как рассуждали по этому поводу соглашатели, дает следующий отрывок из выступления министра продовольствия, народного социалиста Пешехонова на I Всероссийском съезде Советов. Высказавшись в том духе, что, мол, дело приближается к лишению капиталистов «почти» всех прибылей, Пешехонов продолжал: «Но, товарищи, этого одного мало. Нужно вместе с тем, чтобы и масса населения поняла, сознала, почувствовала, что сейчас вопрос идет и о том, чтобы и ее призвать тоже к жертвам, чтобы она сознала, что в тех условиях, в которых мы находимся, удовлетворить потребности полностью невозможно... что идти и добиваться улучшения сейчас нельзя...»²

¹ *Церетели Н. Г.* Воспоминания о Февральской революции, кн. II, с. 282.

² Цит. по: *Церетели Н. Г.* Воспоминания о Февральской революции, кн. I. Париж, 1963, с. 444.

Подобные разглагольствования были направлены непосредственно на то, чтобы добиться свертывания поднявшегося к этому времени забастовочного движения рабочих, требовавших повышения заработной платы, борьбы с дороговизной, прекращения капиталистической политики локаутов и саботажа. Но в более общем плане проповеди «самоограничения рабочего класса» создавали общественную атмосферу, в которой проведение какого-либо трудового законодательства в интересах пролетариата попросту исключалось.

Рабочие массы на собственном опыте убеждались, что их борьба за улучшение своего положения объективно поднималась до уровня большой политики. Ход событий ставил их перед все более очевидным выбором: либо в обществе восторжествуют порядки, при которых осуществление экономических прав рабочего класса будет рассматриваться как нечто противоречащее общенациональным интересам, либо, наоборот, защита этих прав будет признана нормой общественной жизни и утверждена государственным законом.

Позиция большевистской партии состояла в следующем. Режим строгой экономии является действительно необходимым. Учет наличных ресурсов, контроль над производством и распределением стали непременным условием спасения от экономической катастрофы, от массового голода. Однако заявления министров и соглашательских лидеров Советов, будто капиталисты внесли свою долю в «общенациональную экономию средств» и дело остается теперь за трудящимися, — сплошная ложь. Ленин в многочисленных работах того времени — статьях, брошюрах, речах, коротких заметках — рисует убедительную картину продолжающегося расширения народных богатств капиталом, указывает на дальнейший рост прибылей капиталистов за счет военных поставок, отмечает разгул казнокрадства. Ясно, что в таких условиях призывать к «самоограничению рабочего класса» — значит издеваться над рабочим классом. И большевики продолжали последовательно поддерживать требование о мерах, направленных на немедленное улучшение экономического положения трудящихся. Это неопровержимый факт.

Как же обстоит дело ныне, каковы основные направления конструктивной экономической деятельности компартий? Каков круг выдвигаемых ими требований, предлагаемых ими решений, насколько реально влияние их на положение дел в экономике?

Единообразного во всех деталях ответа на эти вопросы нет и быть не может. Многое зависит от конкретной обстановки, в которой действуют коммунисты, от особенностей переживаемых их странами этапов общественного развития. Естественно, например, что партия, ведущая борьбу в условиях жестокого авторитарного режима, вынужденная уходить в подполье, озабочена прежде всего решением политических задач, связанных с ликвидацией такого режима и созданием хотя бы элементарных условий для

собственной деятельности, для деятельности других прогрессивных сил. Этим определяется и ее подход к экономическим вопросам. Выдвигая проблемы национальной экономики, партия в этом случае имеет мало возможностей сколько-нибудь заметно воздействовать на их конструктивное решение. Хотя, разумеется, она часто оказывает влияние на экономическую борьбу рабочего класса, главным образом в рамках профсоюзной деятельности.

Иной подход к вопросам экономики в странах, где коммунисты работают легально, занимают определенные позиции в парламенте, местных органах власти, в муниципалитетах или даже входят в состав правительства. Здесь экономические вопросы приобретают самостоятельное значение в том смысле, что партия, выдвигая свои требования и предложения, имеет большую возможность реально способствовать успехам трудящихся в борьбе за улучшение их материального и социального положения. Если не в общенациональном масштабе, то во всяком случае в местных, региональных рамках.

Если иметь в виду национальный масштаб, то, как хорошо известно, коммунисты, входившие в первые послевоенные годы в правительства Франции, Италии, Бельгии, Люксембурга, Австрии, Дании, Норвегии, Финляндии, доказали свою способность при всей сложности и противоречивости положения добиваться важных решений в интересах трудящихся¹. И ныне парламентская, а также правительственная деятельность ряда компартий может дать, и в ряде случаев дает, позитивные для народа результаты. Как указывалось на XXIV съезде Французской компартии (февраль 1982 года), участвуя совместно с социалистами в правительстве и парламентском большинстве, коммунисты Франции делают это с целью «ответить на ожидания страны, которые были выражены во время выборов...»². Тем самым ФКП, подчеркивалось на съезде, стремится способствовать решению острых социально-экономических проблем страны. «Мы делаем это в правительстве... — говорилось на съезде. — Мы стремимся делать это также в парламенте... Те же усилия практически, конкретно мы предпринимаем повсюду в стране, используя все новые возможности, открывшиеся перед народным движением, чтобы вмешиваться и содействовать достижению всяческих улучшений»³.

Классовая борьба во всех ее формах — экономической, политической, идеологической — была и остается в центре внимания коммунистов, в каких бы условиях им ни приходилось действовать. Мы не говорим об этом подробно, потому что это само собой разумеется. В данном случае мы хотели бы подчеркнуть значение конструктивно-практического направления в экономической рабо-

¹ См., например: *Бийу Ф.* Когда мы были министрами. М., 1974; *Урбани Д.* 30 лет в парламенте. Воспоминания. — Проблемы мира и социализма, 1976, № 1.

² *L'Humanité*, 4. II. 1982.

³ *Ibidem*.

те революционной партии. Оно закономерно возрастает под воздействием двух факторов. Во-первых, как мы уже отметили, оно растет по мере того, как партия набирает силу и влияние, укрепляет свои позиции и авторитет в политической жизни страны. Во-вторых, оно увеличивается в обстановке обострения кризисных явлений в экономике, в условиях расстройств деятельности «нормальных» хозяйственных механизмов, связей, процессов. История подтверждает эту закономерность.

В России, например, партия большевиков, с первых своих шагов уделявшая пристальное внимание экономическим проблемам, всегда вела последовательную борьбу за осуществление ряда важнейших преобразований в экономике (касавшихся прежде всего условий труда и системы аграрных отношений). Труды Ленина, далеко вперед двинувшие марксистскую политэкономия, ясно определяли экономическую цель большевиков, неизменно укрепляли теоретическую основу их политики. Но с развернутой конструктивной программой конкретных экономических мероприятий и преобразований, с программой, которая указывала решение накопившихся, по общему признанию, хозяйственных проблем страны, Ленин и ленинская партия впервые выступили после Февральской революции. Это произошло в обстановке, когда, с одной стороны, встал вопрос о руководстве непосредственным переходом к социалистической революции, а с другой — когда хозяйственная разруха, вызванная хищнической деятельностью крупной буржуазии, войной и казнькрадством, превратила экономические вопросы в горячую злобу дня, сделала их предметом всеобщего обостренного интереса.

Заботы о дальнейших судьбах национальной экономики, разработка конструктивных программ послевоенного восстановления и демократических преобразований основ хозяйственной жизни оказались в центре экономической работы компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Азии, а также на Кубе в период нарастания и осуществления демократических, а затем и социалистических революций.

Обращаясь к современности, мы видим, что в своих программных документах партии стремятся ответить на те вопросы, которые встают перед массами. В 70-х — начале 80-х годов нагромождение кризисных явлений в экономике капиталистических стран болезненно отразилось на положении трудового народа. Кризис сильно ударил по экономическим интересам трудящихся и вызвал бурю в массовом сознании, породил смятение. Оптимистические прогнозы, которыми время от времени пытались успокоить людей, чаще всего не оправдывались. И если спады в производстве сменялись относительным оживлением, то главное, что волнует массы трудящихся, — безработица и инфляция оставались и остаются на постоянно высоком уровне. И дело теперь даже не в конкретных показателях, а именно в постоянстве этих явлений — инфляции и безработицы, наблюдающихся на всех стадиях кризисного

цикла, в отсутствии сколько-нибудь обнадеживающей перспективы. Проблема выхода из кризиса заняла одно из центральных мест в общественной жизни капиталистических стран, и политический авторитет любой партии во многом зависит от того, насколько основательно она занимается этой проблемой.

Коммунисты не были бы марксистами, если бы они не отвечали на эту общественную потребность. Они не были бы авангардом рабочего класса, если бы не жили его интересами, нуждами и заботами всех трудящихся. Они оторвались бы от народа, если бы уже сейчас не делали всего возможного, чтобы помочь ему перенести тяготы кризиса. А помочь — значит предложить реальные меры.

В декларации Брюссельской конференции коммунистических и рабочих партий стран Западной Европы (26—28 января 1974 года) подчеркивалась решимость коммунистов бороться за осуществление собственной программы экономических мероприятий, которую они противопоставляют экономическому курсу буржуазии, стремящейся переложить на плечи трудящихся всю тяжесть кризисных недугов капиталистической хозяйственной системы¹. С аналогичной постановкой вопроса мы встречаемся и в документах коммунистического движения в других регионах несоциалистической части мира, что нашло, например, отражение на состоявшейся в Праге в 1978 году международной научно-теоретической конференции «Диалектика экономики и политики в период борьбы за революционное преобразование общества»².

Как подчеркивал, анализируя опыт деятельности Германской компартии, Председатель ГКП Г. Мис, «по мере того как партия укреплялась и развивалась, осваивалась со своими задачами и находила свое место в политической жизни Федеративной республики, в ее деятельности все больше усиливалось стремление разработать максимально конструктивную и конкретную политику. Партия стремилась действовать не только как критическая, но в большей степени как позитивная сила, выступающая в интересах Федеративной республики и ее трудового народа»³. При этом Г. Мис особо указывает на стремление западногерманских коммунистов «в максимальной мере отстаивать конкретные интересы трудового народа, выдвинуть наиболее реалистичную и конструктивную альтернативу политике представленных в парламенте партий, ориентированной на защиту интересов крупного капитала...»⁴. Здесь, таким образом, та же мысль о большом политическом значении конструктивной экономической программы получает свое дальнейшее развитие.

Коммунисты капиталистических стран не уходят от острых экономических вопросов, ищут пути их решения, исходя из кон-

¹ См. Рабочий класс и современный мир, 1974, № 3, с. 149—158.

² См. Проблемы мира и социализма, 1978, № 5, с. 21.

³ Мис Г. Избранные статьи и речи (1968—1981 годы). М., 1981, с. 398.

⁴ Мис Г. Указ. соч., с. 398.

кретных условий своих стран, регионов. Компартии видят важную задачу в том, чтобы содействовать борьбе масс за сохранение рабочих мест, повышение или по меньшей мере сохранение достигнутого уровня заработной платы, улучшение условий труда, за удовлетворение других чисто материальных и социальных нужд. Компартии выступают инициаторами мер, способных оградить трудящиеся массы от новых лишений, и решительно поддерживают такие меры, когда они предлагаются профсоюзами, другими организациями, представляющими интересы труда.

В борьбе за конкретные экономические интересы трудящихся коммунистам приходится сталкиваться со сложной проблемой: не обладая полной власти, они, с одной стороны, оказываются перед необходимостью развертывать конструктивную экономическую деятельность, но не выходящую за рамки капитализма, а с другой — стремятся все же направить эту деятельность в русло борьбы за социалистическую в перспективе перестройку экономики. Это требует разработки хорошо взвешенной, учитывающей все экономические и политические обстоятельства стратегии. При поиске правильной линии, которая позволила бы преодолеть это противоречие, возникает опасность реакции как правого, так и левацкого толка, ибо важно не допустить уступок социал-демократической рецептуре лечения капитализма, равно как и скатывания на сектантские позиции «революционаризма».

В некоторых политических кругах революционного рабочего движения не всегда существует необходимая ясность относительно взаимосвязи между демократическими преобразованиями экономики и перспективной целью уничтожения эксплуатации труда капиталом. Выдвигается, скажем, программа, осуществление которой должно обеспечить планомерность, стабильность хозяйственного развития, значительное перераспределение доходов в пользу трудового большинства и действенный демократический контроль над экономическими процессами. Это меры, предполагающие, конечно, серьезные структурные изменения в капиталистической экономике. Но порой эти структурные изменения объявляются достаточными, чтобы хозяйственная система приняла социалистический характер и чтобы тем самым был положен конец эксплуатации труда. Экономический строй социализма представляется здесь в таких формах, которые допускают и сохранение в широких масштабах частнособственнических производственных отношений, «свободного рыночного хозяйства». Таким образом, радикальные экономические реформы общедемократического характера как бы подменяют конечную, собственно социалистическую цель преобразования экономики.

Не спасает дела, если к этим представлениям об экономическом облике социализма добавляются слова насчет осуществления в нем «реальных демократических прав», «преодоления классовой эксплуатации и неравноправия», «обеспечения равных возможностей для утверждения личности», ибо остается открытым вопрос:

чем принципиально экономическая система такого общества будет отличаться от капитализма, который, по характеристике одного авторитетного буржуазного автора, представляет собой сегодня следующее: «Это — плюралистическое общество с многопартийной системой управления, сравнительно высоким уровнем промышленного развития и выпуска продукции на душу населения, с внутренне присущей ему способностью стабильного роста, значительным, но не подавляющим государственным сектором, развитым частным рынком и современными экономическими институтами»¹. Не вступая в полемику с автором, подчеркнем, что от революционной мысли требуется больше ясности и точности, поскольку речь идет о необходимости вооружить рабочий класс, трудящихся программой экономической борьбы, открывающей перспективу действительно социалистической перестройки общества, а не создания «улучшенного» капитализма.

Вопрос о соотношении конструктивной экономической деятельности в рамках капитализма и борьбы за социалистическое преобразование экономики вставал и прежде, например на подступах к Великому Октябрю в России. Посмотрим, как его решали большевики.

Прежде всего напомним, что ленинская партия отвергала левачьи установки на самоустранение революционного пролетариата от участия в решении текущих хозяйственных проблем страны. Показательна в этом смысле полемика, которая имела место на VI съезде РСДРП (б) в связи с тем, что некоторые делегаты (главным образом Н. Осинский) подвергли сомнению целесообразность участия рабочего класса в борьбе за оздоровление хозяйственной обстановки, когда власть утвердилась в руках буржуазии. Высказывалось мнение, что в этой новой ситуации капиталисты сами и уже в своих интересах поставят дело экономического регулирования. «...У буржуазии, — говорил Осинский, — будут меры для борьбы с разрухой... Теперь буржуазия проведет эти меры: она начнет организовывать производство...»² Съезд эту точку зрения отверг, а дальнейшие события подтвердили несостоятельность ее исходной посылки. Буржуазия оказалась не в состоянии обеспечить необходимые для преодоления кризиса организацию и регулирование производства. Вместе с тем съезд осудил саму идею отдать заботы о судьбах пока еще буржуазной экономики на откуп самой буржуазии.

Даже в канун Октября, когда развитие революции вплотную подвело рабочий класс и большевистскую партию к взятию государственной власти, Ленин и ленинцы не считали возможным отказаться от экономической программы, выработанной применительно к условиям буржуазной России. Известно, какую отповедь

¹ *Reinolds L. The Three Worlds in Economics. New Haven and London, 1971, p. 39.*

² *Протоколы VI съезда РСДРП (большевиков). 26 июля — 3 августа 1917 года. М., 1919, с. 137.*

по этому поводу Ленин дал предложениям отбросить общедемократическую часть партийной программы (программу-минимум) и вести речь лишь о мерах, непосредственно связанных с социалистическими преобразованиями. Ленин указывал на неприемлемость для революционного пролетариата этой левацкой позиции¹.

Революционный характер экономической программы большевиков на подступах к социалистическому перевороту определялся не тем, что она включала в себя некие особые, оригинальные, самой лишь партии понятные и ею одной разделяемые требования. Напротив, говоря о мерах, предусматривавшихся этой программой, Ленин подчеркивал: «Мероприятия такого рода, в таком именно направлении, всеми признаны за неизбежные, они начаты во многих местах и с самых разных сторон»². Что же в таком случае делало большевистскую программу в области экономики революционной и отличало ее в этом плане от экономических установок других социально-политических сил?

Чтобы подойти к ответу на этот вопрос, приведем одно документальное свидетельство истории. Мы уже видели, что среди мероприятий, которые, как отмечал Ленин, были «всеми приняты за неизбежные», видное место занимало ограничение частнокапиталистической стихии. А среди тех, кто признавал необходимость такого рода мер, были и прямые ставленники буржуазии во Временном правительстве. И вот как они себе это представляли. В докладной записке, приложенной к декларации Временного правительства об экономической политике, говорилось: «Для настоящего времени правительство, отрицая возможность водворения социализма, не может, однако, рекомендовать стране возврата к свободной экономике, как этого настойчиво желали еще недавно представители главным образом торгового капитала... Остается один путь государственного регулирования важнейших отраслей народного хозяйства при помощи тех сил, которые им самим выдвигаются, без колебания принципа частной собственности и без отстранения личной инициативы, но с подчинением той и другой интересу общественному»³. Из приведенного отрывка ясно, что, принимая за необходимость государственный контроль над экономикой и преодоление разрушительного разгула частнопредпринимательской стихии, буржуазия решительно настаивала на том, что все меры этого контроля и регулирования должны осуществляться ею, и только ею самой⁴.

И в этом суть дела. Проблема состояла не в том, вводить контроль или не вводить, бороться с разрухой или не бороться.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 373.

² Там же, с. 206.

³ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 1, с. 222.

⁴ Аналогичные идеи и почти в тех же выражениях излагали в своих резолюциях эсеро-меньшевистские ЦИК и Исполком Петроградского Совета (см., например, Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 11 мая).

Проблема была в том, в руках какого класса сосредоточится этот контроль и кто будет руководить наступлением на разруху. Именно потому, что проблема стояла так, и только так, в конкретных условиях послефевральской, дооктябрьской России она почти не нашла практического решения. Эти условия помешали и тому, чтобы государственное руководство экономикой было организовано в строгом соответствии с требованиями и интересами буржуазии, и тому, чтобы в полную силу развернулся демократический, рабочий контроль, как того требовали трудящиеся.

Ленин показал, что «оздоровительные» экономические меры приобретают характер либо реакционно-бюрократический, если они осуществляются в интересах капитала и под руководством его представителей, либо революционно-демократический, если они подчинены интересам трудящихся и проводятся в жизнь с решающим участием самих трудящихся¹.

Правильность этой ленинской постановки вопроса подтверждена всем опытом революционной, демократической борьбы XX века. Действительно, из этого опыта следует, что критерий революционности в проведении экономических преобразований, «всеми принятых за неизбежные», всегда и обязательно состоит в том, и только в том, какой класс оказывается на положении социально-политической силы, руководящей их осуществлением.

В странах Центральной и Юго-Восточной Европы демократизация национальной экономики и восстановление разрушенного войной народного хозяйства приняли революционный характер именно потому, что они проводились в жизнь в условиях беспспорной гегемонии рабочего класса. Показательно, что при подготовке к решению задач послевоенной экономической реконструкции компартии этих стран обращались к предоктябрьскому опыту революционного пролетариата России, к его обобщению в трудах Ленина. Чехословацкие коммунисты, например, как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, «находили ценные мысли для реализации своих экономических представлений о развитии освобожденной родины в ленинской работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»»².

Если иметь в виду более близкое нам время, то ту же решающую роль классово-определенной позиции в осуществлении общедемократических преобразований экономики по-своему подтвердила история чилийской революции 1970—1973 годов. Анализируя ее достижения и промахи, руководители Компартии Чили подчеркивают, что успешное развитие революции прямо зависело от утверждения контроля трудящихся над экономическими процессами, от их участия в управлении экономикой. При этом отмечается, что именно просчеты и неудачи в этой области ограни-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.

² Гусак Г. Избранные статьи и речи. Октябрь 1969 г. — июль 1973 г. М., 1973, с. 158—159.

чивали возможность «использовать на благо народа преимущества первых структурных изменений, происходивших в стране». Говоря о причинах, по которым «в ходе чилийской революции не удалось создать собственно переходную ситуацию, то есть полностью осуществить демократические и антиимпериалистические цели и открыть путь социализму», коммунисты Чили отмечают в их числе и то, что революционные силы не смогли «провести глубокую демократизацию руководства экономикой», что в этой сфере буржуазия, монополии сохранили значительные позиции и свои классовые привилегии¹.

В Португалии после апрельской революции 1974 года демократические преобразования в экономике приняли революционный характер благодаря тому, что инициатива их осуществления и руководство их практическим проведением в жизнь с самого начала оказались в руках рабочего класса, трудящихся.

Португальские коммунисты прилагают максимум усилий, чтобы содействовать дальнейшему экономическому прогрессу страны, преодолению испытываемых ею серьезных хозяйственных трудностей. Какое условие считает ПКП решающим для того, чтобы успешно двигаться к выполнению указанных задач? Это условие определено VIII съездом партии, указавшим, что цели социально-экономического прогресса страны могут «осуществиться на практике только тогда, когда действия правительства совпадут с активным участием трудящихся в реорганизации и развитии экономики»². IX съезд ПКП (май — июнь 1979 года) подтвердил правильность такого подхода³. Нетрудно видеть, что и в этом случае ключевое значение в экономической программе коммунистов приобретает определение классовой силы, которая должна обеспечить ее выполнение.

Экономические программы коммунистических и рабочих партий строятся не только на основе анализа конкретных условий тех или иных стран, но и опираются на теорию, которая ставит обобщение средств производства во главу угла социально-экономических преобразований, необходимых для замены капитализма социализмом.

Противники марксизма-ленинизма, рассуждая в духе рассмотренных выше обвинений коммунистов в «волютаризме», утверждают, что, по Ленину, ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства, перестройка всей системы производственных отношений представляют собой якобы чисто политический акт, «посаждение социализма» с помощью «тотальной ликвидации

¹ См. 1000 дней революции. Руководители КПЧ об уроках событий в Чили, с. 97, 69.

² VIII съезд Португальской коммунистической партии (Лиссабон, 11—14 ноября 1976 года). М., 1977, с. 146.

³ См. *Cunhal A. Relatório da actividade do Comité Central ao IX Congresso de PCP. Lisboa, 1979, p. 49—50.*

частной собственности». Они ставят знак равенства между таким мнимым «насаждением» и действительным стремлением коммунистов открыть путь к социализму на основе демократических, антимонополистических, антиолигархических или антифеодальных перемен¹.

В действительности же ленинизм ориентирует на принципиально иной курс экономических преобразований. В. И. Ленин подчеркивал, что немедленно вслед за переходом власти в руки рабочего класса «политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим»², что перед социалистической революцией во весь рост встает неизвестная для иных революций «задача созидательная — построить новые экономические отношения, показать пример того, как это делается»³.

Переход государственной власти в руки революционных сил создает ситуацию, в которой политика не только приобретает решительно преобладающую, ведущую роль по отношению к экономике, но и уходит далеко вперед, как бы отрывается от экономики. В самом деле, политика определяется отныне принципиально новой классовой сущностью государства, тогда как экономика в своей структуре, функциях и проявлениях еще остается прежней, буржуазной, эксплуататорской. Даже декреты революции, направленные именно к социально-экономическим преобразованиям, на первых порах имеют лишь политическое значение, не выходят и не могут выйти за рамки политики, пока они не воплотятся в реальных переменах хозяйственной и общественной системы.

Если на пути к революционному перевороту экономика толкает, поддерживает, питает политику, программирующую смену классового характера государственной власти, то после этого переворота между экономикой и политикой может возникнуть несоответствие, противоречие. Из двигателя революции экономика нередко превращается даже не в нейтральную силу, а в опору контрреволюционных тенденций. И это понятно. Отстранение буржуазии от власти само по себе не ликвидирует экономического господства капитала. Более того, даже национализация крупнейших банков, концернов, трестов еще не разрушает всеохватывающей системы частнособственнических отношений, которая неизбежно и в массовом порядке рождает социальные и экономические интересы, враждебные социализму. Известно, что В. И. Ленин именно на этом основании и в этом смысле говорил об экономике как о главном внутреннем враге свершившейся революции⁴.

¹ См., например, *Seton—Watson H. The Imperialist Revolutionaries. Friends in World Communism in the 1960s and 1970s. Stanford, 1979, p. 11, 137.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 130.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 27—28.

⁴ См., например, Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 461.

Вместе с тем он резко критиковал любые попытки «перескочить через промежуточные станции». Он давал решительный отпор политическим противникам революции, которые усиленно приписывали большевикам стремление «ввести социализм», что неизбежно, мол, развалит народное хозяйство, подорвет его производительные силы. Такова была одна из главных линий буржуазной и соглашательской пропаганды, рассчитанной на дискредитацию большевиков в массах. Разоблачая эти домыслы, Ленин писал: «Все это сплошная ложь... Ни одна партия, ни один человек «вводить социализм» указом не собирался»¹. Большевики хорошо сознавали и неизменно подчеркивали, что социалистическое преобразование общественно-экономического строя России не может быть осуществлено «в один прием», что для выполнения этой задачи не годится никакая политика, которая не считалась бы «ни с уровнем техники, ни с обилием мелких предприятий, ни с привычками и с волею большинства населения»².

Ленин и большевики неизменно подчеркивали необходимость для революционного пролетариата, трудящихся масс самым внимательным образом относиться к организационно-производственным нуждам экономики. Принципиальная ленинская позиция в этом вопросе ясно раскрывается в хорошо известном положении о том, что составляет ядро революционной экономической программы: «Не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела, а именно во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками. Одной конфискацией ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения»³.

Не штурмовая атака, а очень тяжелая задача длительной осады, осторожного и постепенного овладения старым общественно-экономическим укладом и построения нового уклада — вот курс ленинской партии, разработанный на период перехода от капитализма к социализму. Как показал опыт, этот курс, безусловно, сохраняет свое значение при своеобразных условиях и в период социализма. Суть подлинно революционной экономической политики состоит не в скоропалительных действиях, равно как и не в оппортунистическом осторожничаньи, а в развитии и завершении преобразований общественно-экономических отношений на социалистических основах, в приобщении к сознательному и активному участию в социалистическом строительстве всех заинтересованных в этом классов и социальных групп, в доведении всех этих преобразований до окончательной победы социализма.

Ленин неоднократно указывал на то, что даже развитым капиталистическим странам после победы социалистической революции предстоит пройти длительный период, связанный, в частности, с наличием значительной прослойки мелкобуржуазных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 132.

² Там же.

³ Там же, с. 309.

элементов города и деревни, относил приобщение этих элементов к социализму к числу труднейших задач. Ее решение еще более усложняется в условиях освободившихся стран Азии и Африки, государств Латинской Америки, где прогрессивным силам, выступающим за социалистическую ориентацию развития, приходится решать не только задачи строительства материального фундамента нового общества, но зачастую и проблемы преодоления докапиталистических пережитков в производственных отношениях. В этих странах со всей остротой стоит, говоря ленинскими словами, вопрос о подготовке тех кирпичей, из которых в будущем сложится социализм. Здесь, как и повсюду, общество не может ни миновать закономерные фазы развития, ни отменить их декретами.

В этой связи следует указать на давно разоблаченную несостоятельность попыток противников ленинизма представить политику «военного коммунизма» как характерные будто бы способ и форму перехода к социализму. Дело в том, что в некоторых дискуссиях, ведущихся ныне в рабочем движении ряда западных стран, «военный коммунизм» снова стал трактоваться в качестве одного из способов построения социализма, якобы предложенного Лениным. Подобные трактовки полностью ложатся в русло расхожих интерпретаций «военного коммунизма» буржуазными идеологами. Так, например, уже цитировавшийся французский социолог Р. Арон пытается представить «военный коммунизм» как результат «ошибочных идей» Ленина, который будто бы «рассматривал его в качестве прообраза социалистической экономики»¹. А американский историк М. Малья объявляет «военный коммунизм» воплощением «основополагающего тезиса советской ленинской формулы», отказ же от этой политики квалифицирует как «поражение партии»². Вряд ли люди, пишущие об этом, не знают истинной правды о введении в России «военного коммунизма». Видимо, знают, но намеренно искажают его суть. Что же, напомним факты того времени.

«Военный коммунизм», как известно, был навязан большевикам контрреволюцией, он «был вынужден войной и разорением», «был временной мерой»³. Ленин никогда не возводил «военный коммунизм» в способ, а тем более во всеобщий принцип перехода к социализму, указывая на ошибочность попыток теоретически представить «военный коммунизм» как неизбежную фазу в процессе социалистических преобразований⁴. Не «военный коммунизм», а именно политика, оформившаяся впоследствии в нэп, разрабатывалась Лениным и до Октября и в первые месяцы после Октября. Положительная, созидательная работа, экономное хозяйничанье, трудовая дисциплина — вот что называл он после

¹ *Aron R.* *Op. cit.*, p. 85.

² *Malia M.* *Op. cit.*, p. 216.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 220.

⁴ См. там же, с. 30, 63, 372; т. 44, с. 157.

взятия рабочим классом власти «очередными и главными лозунгами момента»¹.

Нэп был призван обеспечить построение экономического фундамента социализма на основе преимущественного развития обобществленного сектора народного хозяйства, укрепления смычки рабочего класса и крестьянства, постепенного кооперирования мелкотоварного производства, использования под контролем государства хозяйственных потенций частнокапиталистического уклада. Как показал Ленин, реализация новой экономической политики — не узкая проблема, а один из важнейших вопросов развития мировой революции, ибо целью нэпа в конечном счете было обеспечить полную победу социализма над капитализмом².

История и современная действительность убедительно подтверждают это предвидение. Вот показательный пример: определяя стратегию перехода к социализму в Лаосе, Генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Лаоса, премьер-министр ЛНДР К. Фомвихан писал, что она «по сути дела представляет собой специфическое, преломленное через лаосскую действительность выражение общих принципов нэпа, сформулированных Лениным»³.

История оставила бесспорные свидетельства того, что после всех политических мер, немедленно принятых для победы Октябрьской революции, ленинская партия отнюдь не ставила и не собиралась ставить вопрос о всеобщей «социализации» собственности. Спустя три года, после завершения гражданской войны, Ленин писал, что еще весной 1918 года (т. е. всего лишь через полгода после Октября) «коммунисты провозгласили и защищали идею блока, союза с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии», что «трезвость была у большевиков уже тогда»⁴.

Иные буржуазные идеологи пытаются представить это в виде некоего «исторического парадокса». Относительно Октября в России утверждается, например, что «парадоксальным образом социалистическая революция победила с помощью обещаний частной собственности»⁵. Это, конечно, передержка. Никаких подобных «обещаний» революционный пролетариат и партия большевиков в России не давали. Но бесспорной исторической правдой является то, что экономическая программа большевиков на пути к Октябрю не намечала мероприятий, непосредственно направленных к немедленной ликвидации частнособственнических отношений. Предусматривавшаяся ею и действительно осуществленная сразу же после Октября национализация касалась лишь

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 174.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 6.

³ Проблемы мира и социализма, 1981, № 9, с. 23.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 105.

⁵ Fetscher J. Von Marx zur Sowjetideologie. Frankfurt a. M., 1972, S. 81.

ее «командных высот» — банков и крупнейших предприятий монополистического характера.

Известно, что на этой почве родились многообразные домыслы буржуазных и реформистских идеологов насчет «нерешительности» большевиков, их «неподготовленности» к осуществлению собственных теоретических идей о социалистической организации экономики. У большевиков, согласно одной из таких типичных оценок, «не было никакого конкретного плана практического осуществления социализма»¹. Подобные суждения, высказываемые в наши дни, являются лишь повторением того, что твердили после Октября его противники — от меньшевиков до кадетов. Тогда меньшевик Суханов говорил, например, будто «большевики не знали, что они будут делать»². Милюков объяснял «нерешительность, с которой большевики приступили к осуществлению социалистической (или «коммунистической») стороны своей доктрины», тем, что среди них царила, мол, «неясность представления об экономической стороне предпринятой... социальной революции»³.

В наше время аналогичную трактовку пытается обосновать, например, американский экономист У. Лимэн, утверждающий, что, «когда большевики пришли к власти, не существовало рабочего плана построения социализма... Красные могли рассчитывать единственно на импровизацию на основе текущего дня»⁴. Ему вторит его соотечественник, цитировавшийся выше американский историк М. Малья, представляющий дело так, что Ленин импровизировал как революционную борьбу, так и строительство социализма⁵.

Что же, собственно, давало и дает пищу для подобных суждений? Очевидно, они основываются на ложном толковании двух моментов в истории революционной перестройки экономики в послеоктябрьской России.

Первый момент касается предварительных программных установок большевиков. Нет нужды особо доказывать, что в качестве конечной цели они ясно намечали социалистическую организацию экономики на базе обобществления средств производства. Но достижение этой цели никогда ими не представлялось, как мы уже видели, нелепым революционаристским «введением социализма». Впоследствии Ленин подчеркивал, что после революции предполагалось сделать «переход к новым общественно-экономическим отношениям возможно более постепенным»⁶, «с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям,

¹ Osteuropa, 1962, Hf. 1/2, S. 40.

² Суханов Ник. Записки о революции, кн. 7. Берлин — Пб. — М., 1922, с. 50.

³ Милюков П. И. Россия на переломе, т. 1, с. 134.

⁴ Leeman W. Centralized and Decentralized Economic Systems. The Soviet Type Economy, Market Socialism and Capitalism. Chicago, 1977, p. 4.

⁵ См. Малья М. Опр. cit., p. 215.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 200.

по возможности постепенно и без особой ломки»¹. Было ли это отступлением, хотя бы временным, от «доктрины»? Ни в малейшей степени, ибо сама «доктрина» в изложении одного из ее основателей, Энгельса, гласила: уничтожить частную собственность сразу «невозможно, точно так же, как нельзя *сразу* увеличить имеющиеся производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйства. Поэтому... революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать нынешнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства»².

Далее. Нисколько не отступая от «доктрины», большевистская партия решительно отменяла, однако, доктринерский путь ее осуществления. Ленин писал накануне Октября: «*После* основных мер нового типа, *после* национализации банков, *после* приступа к рабочему контролю многое будет виднее, и опыт подскажет *массу* нового, ибо это будет опыт миллионов, опыт строительства новых порядков экономики сознательным участием миллионов... В программу вносить чрезмерную детализацию преждевременно и может даже повредить, связав нам руки в частностях»³.

Совершенно очевидно, что такой подход к задаче социалистического преобразования экономики выражал, с одной стороны, созидательную направленность и сущность пролетарской революции, а с другой — ее подлинно народный, демократический характер. В хозяйственной политике вставшей у власти коммунистической партии не было и тени намерения навязать трудящимся свою «доктрину». Наоборот, осуществление «доктрины» ставилось в прямую зависимость от собственного опыта рабочего класса, всех людей труда. Однако это вовсе не означает, что такой поворот дела вообще не укладывается в теоретические рамки марксистско-ленинской науки о социалистической революции. Напротив, еще основоположники марксизма подчеркивали, что конкретные формы, методы, сроки обобществления средств производства — все это «будет зависеть от обстоятельств, при которых наша партия захватит власть, от момента, когда это произойдет и от способа достижения этого»⁴. Исключительно важна в этой связи и такая мысль Энгельса: «Стоит только произвести первую радикальную атаку на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать в руках государства весь капитал, все сельское хозяйство, всю промышленность, весь транспорт и весь обмен»⁵. Ленин, исходя из того что социализм нельзя декретировать, что экономику не перестроить в один день, разработал ряд принципиальных положений,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 202.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 332.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 376.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 287.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 333.

целиком сохраняющих актуальность и сегодня. Он подчеркивал, что решающее значение на начальном этапе революционных преобразований имеет не широта охвата экономики, а умение взять под контроль, превратить в государственную собственность основные узлы народнохозяйственного организма, «командные высоты» экономики, что позволяет определять все ее развитие в новом направлении, в интересах трудящихся, в целях создания нового строя.

Мы видим, следовательно, что марксистская теория в вопросе об обобществлении средств производства выделяет по меньшей мере три его различных аспекта, каждый из которых играет серьезную роль в революционной практике. Во-первых, это смена форм собственности, раскрываемая как объективный закон общественного развития. Во-вторых, это ее последовательное, но осмотрительное осуществление, без опасного забегания вперед, при целенаправленном управлении этим процессом с помощью овладения «командными высотами» экономики. И в-третьих, это необходимость соотносить конкретные меры с конкретными обстоятельствами, не только экономическими, но и политическими.

Этими положениями марксистской теории и определяется тот единственно правильный угол зрения, под которым должна рассматриваться историческая практика обобществления собственности в революционной борьбе за социализм. Характерные черты этой практики, проявившиеся в послеоктябрьской России, обладали, как показал опыт последующих революций, качествами повторяемости, закономерностью.

Так, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, руководя разворачивавшимся революционным обновлением форм общественной жизни своих стран, коммунистические и рабочие партии ориентировались на определенную постепенность перестройки системы производственных отношений, на сохранение более или менее значительного частнобизнесного сектора в экономике при овладении ключевыми позициями народного хозяйства. В Болгарии, например, где сентябрьская революция 1944 года сразу, как указывает БКП, приняла социалистический характер, опубликованный год спустя документ об экономической политике партии подчеркивал, что частное начало и частная инициатива должны развиваться и при государственном регулировании экономики¹. В Румынии в октябре 1945 года коммунисты ставили задачу: «Нужно поощрять и заинтересовывать частное предпринимательство и обеспечить ему возможность развития и получения умеренных прибылей»². В Югославии в заявлении Антифа-

¹ Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК, т. IV. 1944—1945. София, 1955, с. 31.

² Георгиу-Деж Г. Статьи и речи, т. 1 (Октябрь 1945 — сентябрь 1952 года). М., 1956, с. 66.

пштетского веча народного освобождения и Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии (ноябрь 1943 года) выражалась установка на «неприкосновенность частной собственности и полную возможность проявления инициативы в торговле, промышленности и хозяйственной деятельности»¹.

К концу 40-х годов, однако, социалистический (национализированный и кооперативный) сектор уже составил в промышленности Болгарии 93 проц., Чехословакии — 95, Венгрии — 92, Югославии — свыше 90, Польши — более 96 проц. К этому привела сама логика революционной борьбы.

В самом деле, масштабы и темпы обобществления собственности на средства производства в огромной степени определялись тем, что, как и в России, это обобществление приняло в значительной мере «карательный» характер. Оно прежде всего проводилось как реализация четко выраженного общедемократического, общенародного требования не только политически, но и экономически лишить власти тех, кто служил гитлеровским оккупантам и местным фашистским режимам. Не одним трудящимся, но всем патриотическим силам, включая часть буржуазии, были, например, близки и понятны шаги, которые Социалистическая единая партия Германии характеризовала как «устранение *монополистического капитала*, передачу предприятий виновников войны, фашистов и лиг, нажившихся на войне, в руки органов самоуправления»². Показательно в этом отношении заявление одного из тогдашних лидеров буржуазного Христианско-демократического союза (ХДС) в советской зоне оккупации Германии — Я. Кайзера. «ХДС убежден... — говорил он, — что те круги, которые повергли немецкий народ и весь мир в несчастье войны, должны быть лишены экономических средств власти»³.

В Восточной Германии, еще до образования ГДР, в результате этого «карательного обобществления» (предусмотренного, кстати, Потсдамским соглашением) в собственность народа перешли предприятия, дававшие 40 проц. промышленной продукции. В Чехословакии после изъятия собственности германских и венгерских капиталистов и местных коллаборационистов уже в мае 1945 года «в национальное управление» перешли 47 проц. всех предприятий чешских земель. По выражению К. Готвальда, это было равносильно ликвидации «внутреннего Мюнхена»⁴.

С развитием революций менялось социальное содержание «карательного обобществления». Из меры антифашистского, национально-освободительного, общедемократического характера оно превращалось в орудие, которым власть трудящихся вынуждена была воспользоваться для подавления контрреволюционного са-

¹ Борба, 15. XI. 1943.

² Dokumente und Materialien zum 30. Jahrestag des Volksentscheids in Sachsen. Berlin, 1976, S. 72.

³ Цит. по: ГДР: становление и рост. М., 1977, с. 76.

⁴ Gottwald K. Spisy, t. XII. Praha, 1955, s. 174.

ботажа буржуазии. При этом нередко приходилось идти гораздо дальше, чем того требовали непосредственные условия и нужды организации нового порядка в экономике. Как отмечает, например, Компартия Кубы, проведенная в стране национализация мелких предприятий (1968 год) «вовсе не была принципиальным вопросом строительства социализма на данном этапе»: она явилась «ответом на враждебные политические действия со стороны определенных слоев городских капиталистов, которые препятствовали развитию нашего процесса»¹.

Часто возникающий в этой связи вопрос об «оправданности» обобществления, выходящего за рамки действительных экономических потребностей, является достаточно сложным. На практике для его решения каждый раз необходим учет множества факторов. Не исключаются при этом субъективные просчеты либо дорогостоящие увлечения. Известно, что, скажем, в Румынии компартия выдвинула в сентябре 1944 года требование национализации крупных банков и картелей, но уже в январе 1945 года вынуждена была признать эту позицию ошибочной, преждевременной и отказалась от включения такой меры в Программу Национально-демократического фронта. С другой стороны, в Чили при правительстве Народного единства коммунистам приходилось настойчиво, и в основном безуспешно, заниматься сдерживанием не в меру ретивой левацкой группы МИР, которая причинила немалый вред революции нарушениями границ разумного и необходимого на пути обобществления производства.

В наше время пример необходимого для революции «рывка вперед» в области обобществления дало развитие событий в Португалии. А. Куньял пишет по этому поводу: «Есть люди, которые считают, что революционные силы, особенно Португальская коммунистическая партия, придали революции ритм, несовместимый с реальным соотношением сил. Но истина такова, что в Португалии уже давно был бы реставрирован фашизм, не имей революционные силы Португалии смелости нанести монополистическому капиталу и крупному землевладению тяжелого удара, не перейди рабочий класс к эффективному контролю над жизнью на многочисленных предприятиях важнейших отраслей экономики»². Действительно, именно тот факт, что трудящимся Португалии удалось далеко продвинуть свои передовые позиции на фронте экономики, сыграл и продолжает играть важнейшую роль в ограничении сил и возможностей политической контрреволюции в стране.

Таким образом, не может быть универсального ответа на вопрос о том, когда обобществление заходит «слишком далеко», а когда — «недостаточно далеко».

¹ I съезд Коммунистической партии Кубы (Гавана, 17—22 декабря 1975 года). М., 1976, с. 53.

² Куньял А. Страницы борьбы. М., 1977, с. 351.

Важный аспект исторической практики революционного обобществления, как уже отмечалось, состоит в том, что она неизменно опиралась на собственный опыт масс, на требования самих трудящихся. В Чехословакии, например, обобществление вышло за рамки чисто антифашистского мероприятия, когда летом 1945 года этого потребовало развернувшееся тогда массовое движение с участием не только рабочего класса, но и мелкой буржуазии¹. На территории нынешней ГДР вопрос о безвозмездной конфискации предприятий активных нацистов и военных преступников и передаче их в руки народа решался в 1946 году путем всенародного референдума, и за эту меру высказались 77,6 проц. принимавших участие в голосовании². Показательно, что примерно тогда же и по тому же вопросу проходил референдум в западногерманской земле Гессен. И 72 проц. его участников также проголосовали за обобществление ключевых отраслей промышленности. Однако там, в Западной Германии, эта ясно выраженная воля большинства так и не поколебала экономического господства монополий, крупного капитала.

К чему мы приходим? К тому, очевидно, что выясняется сущность того самого «соединительного звена», которое в развитии революционной борьбы связывает между собой экономические интересы трудящихся и теоретические представления коммунистов об общественной собственности как основе социалистического способа производства. Этим «соединительным звеном» является реальная практика классовой борьбы. Именно она учит трудящиеся массы, поднимает их ко все более ясному осознанию своих коренных классовых интересов, властно влечет к замене всей капиталистической системы собственности новой, социалистической.

Из сказанного вытекают, как представляется, следующие выводы.

Есть логика научной теории коммунистов. Уже основоположники марксизма пришли к заключению, что социалистическая революция будет означать не что иное, как утверждение общественной собственности на средства производства.

Но есть логика революционной практики, которая всегда богаче и разнообразнее теоретической концепции. Отсюда извечный, но в сущности ложно формулируемый вопрос: пытаться ли направлять революцию, подгоняя ее под схему, заданную теорией, или следовать конкретным требованиям каждого очередного дня революционного развития, не заботясь о том, соответствует ли это сложившимся теоретическим представлениям? Нетрудно видеть, что это вопрос о соотношении общего и частного, закономерного и случайного в революции. И он действительно ставится ложно, когда одно противопоставляется другому, когда навязыв-

¹ См. История Чехословакии, т. III. М., 1960, с. 153.

² См. История Германской Демократической Республики. М., 1979, с. 65.

вается жесткий выбор — «либо общая теория, либо конкретная практика». Пример с проблемой собственности в революции наглядно показывает неправомочность такой конфронтации теории, которая вскрывает общие закономерности, и практики, через которую они воплощаются в жизнь.

В самом деле, в чем смысл позиции коммунистов, когда они выступают с программным требованием обобществления средств производства? Не в том, как мы видели, чтобы «навязать» свою доктрину участникам массового демократического, революционного движения. А единственно в том, чтобы определить перспективный рубеж — социализм, к которому закономерно придет это движение, повинаясь логике собственного последовательного развития. Почему же в своих текущих экономических программах марксистско-ленинские партии не выдвигают непосредственно задачи немедленной ликвидации всей системы частнособственнических отношений? Как раз потому, что возможность практического решения этой задачи, его конкретные методы и формы не могут сложиться иначе как в результате накопления собственного опыта масс по мере развертывания их революционного движения.

Рассмотрим в качестве примера Францию наших дней. Возглавляющие нынешнее французское правительство социалисты, проводя национализацию ряда частных компаний и банков, выступая за контроль над кредитами и главными отраслями промышленности, исходят из того, что социалистические «цели могут быть достигнуты в условиях смешанной экономики»¹. ФКП на своем XXIV съезде указывала, что стране необходим новый тип экономического развития. А его осуществление предполагает передачу крупных средств производства и обмена в собственность всего общества, требует «развития общественного сектора экономики и обеспечения его ведущей роли». «Национализация, — подчеркивалось на съезде, — это не выдумка коммунистов. Если мы считаем национализацию жизненно важным делом, то потому, что она необходима для того, чтобы эффективно ответить на потребности такой развитой страны, как наша. Думать, что можно обеспечить новый экономический рост в условиях, когда у командных рычагов находится крупный капитал, — это абсурд»². Вместе с тем ФКП не требует немедленной и полной национализации всех отраслей экономики, указывая на неизбежность «существования рядом с государственным сектором других форм общественной собственности... и сектора экономики, основанного на частной собственности»³.

Таким образом, когда марксистская теория утверждает, что вопрос о собственности есть главный вопрос, к решению которого

¹ См. интервью Ф. Миттерана в: *Chief Executive*, December 1981 — February 1982.

² *L'Humanité*, 4. II. 1982.

³ *Ibidem*.

обязательно должно прийти революционное движение, ставящее себе целью социалистическое преобразование общества, то тем самым она указывает на непреложную закономерность, которая нисколько не ограничивает своеобразие конкретных путей и форм классовой борьбы в области экономики.

Исходя именно из того, что экономическую основу перехода от капитализма к социализму составляют коренные преобразования в сфере собственности, учитывая тесную взаимозависимость классового характера экономического и политического господства, классики марксизма-ленинизма связывали рождение нового строя с неизбежным революционным насилием. История подтвердила их предположение во всех социалистических революциях и не дала пока ни одного примера иного рода.

Рассмотрим проблему революционного насилия применительно к экономическим отношениям, оставив другие ее аспекты для соответствующих разделов работы.

О роли насилия в социальных преобразованиях

Давними противниками революционного насилия в области экономики являются реформисты. Одна из основных доктрин реформизма вытекает из представлений о недопустимости насильственного вмешательства в социально-экономические структуры общества. Иной раз сторонники таких представлений даже ссылаются на марксистские выводы, что экономика насилия не терпит. Содержится ли такое положение в марксизме? Несомненно. Марксисты-ленинцы считают, что игнорирование законов экономики, уровня ее зрелости ведет к политическому авантюризму. Но в ходе революционного преобразования общества совершается насилие не над экономикой, а над теми классами, социальными слоями, институтами, которые искусственно сохраняют старые производственные отношения. Именно они осуществляют насилие над экономикой, а революционное насилие направлено к тому, чтобы «освободить» экономику, приведя производственные отношения в возможно большее соответствие с уровнем развития производительных сил.

Революционное насилие, вмешательство в экономические отношения пытаются ныне осудить и с позиций иного рода. Один из постоянно выдвигаемых тезисов состоит в том, что-де экономика сегодняшнего капитализма — очень сложный организм и всякое революционное и даже просто радикальное вмешательство в существующую систему хозяйственных отношений недопустимо ввиду его «неминуемых» разрушительных последствий. Из этого утверждения следует, что недуги капиталистической экономики ни в коей мере не могут быть доводом в пользу ее революционных преобразований, ибо, мол, такие преобразования лишь

подорвут эффективность общественного хозяйства. Типичны в этом смысле рассуждения одного из крупнейших авторитетов буржуазной политэкономии США — П. Самуэльсона. Несмотря на признаваемые им самим кризисные судороги экономики Соединенных Штатов и других стран капитала, он не находит никаких оснований считать, что «время уже пришло» для решительных мер по ограничению частнопредпринимательской стихии, которые, по его мнению, только внесут разлад в сложившиеся хозяйственные связи и процессы, тогда как-де «система имеет достаточно пара в котлах», чтобы самостоятельно излечиться от кризиса¹.

Дело изображается, стало быть, таким образом, что при достигнутом ныне уровне развития капитализма противоречие между эффективностью экономики и революционным преобразованием ее социальных основ приобрело абсолютный характер. Либо одно, либо другое. И в этом смысле рабочее движение стоит, мол, перед совершенно новой ситуацией, в корне отличной от той, какая имела место, скажем, в России 1917 года. Почему? Потому-де, что, поскольку страна в хозяйственном отношении была отсталая, революция в ней явилась экономически «оправданной», так как позволяла на базе обобществления средств производства направить концентрированные усилия государства на развитие ключевых, ведущих отраслей. Благодаря этому она могла, мол, сыграть и сыграла роль рычага, обеспечившего преодоление застоя, могла создать и создала предпосылки для «рывка» в экономическом росте. Американский социолог Д. Белл, крупнейший представитель того течения буржуазной мысли, которое занимается разработкой концепций индустриального и постиндустриального общества, утверждает, будто большевики «сами» рассматривали и использовали Советскую власть исключительно «технократически», т. е. считали целью ее существования не построение социализма и коммунизма, а «просто эффективность и выпуск продукции»². Тем самым, мол, Советская власть выполняла не более чем исторически predeterminedную ей миссию превращения России в страну с «современной», «соответствующей западному образцу» экономикой.

Из всех рассуждений такого рода делается вывод, что-де особенности современной высокоразвитой капиталистической экономики требуют от коммунистов пересмотра революционной стратегии, которой рабочий класс в прошлом руководствовался в борьбе за свержение власти капитала, за социализм. Всячески подчеркивается, что индустриальные капиталистические страны достигли ныне таких экономических рубежей, на которых революционные преобразования попросту теряют, мол, смысл и в хо-

¹ См. *Newsweek*, 11. IX. 1978.

² См. *Bell D. Op. cit.*, p. 354.

зяйственном плане не могут принести с собой ничего, кроме разрушений и хаоса.

Понятно, что такая трактовка перемен в экономической действительности капитализма создает основу и для соответствующих далеко идущих выводов, касающихся политики рабочего движения. Приведем некоторые из них. Директор парижского Центра исследований социальных движений А. Турэн полагает, что для «западного общества» прошло время, когда его проблемы требовали для своего решения революционной борьбы, ибо, мол, сами эти проблемы «следует рассматривать не в связи с формой собственности, а в связи со способностью использовать ресурсы, способностью технократов или технобюрократов управлять огромными централизованными ресурсами, а также в связи с существующей оппозицией определенным способам использования науки, технологий, информации и т. д.»¹. По оценке представителя американской буржуазной политэкономии Д. Уилхелма, высокий уровень социально-экономического развития Запада делает революционные концепции коммунистов «устаревшими», а сама идея «социалистической революции утрачивает свой динамизм и в конце концов окажется вытесненной»². По мнению французского буржуазного автора Ревеля, компартиям не остается, мол, ничего иного, как отказаться от своей революционности, если они хотят «адаптироваться» в условиях «растущей сложности социальной структуры обществ, обогащенных индустриальным или постиндустриальным развитием»³.

Так говорят представители буржуазии, им вторят реформисты. Это критика революционной стратегии коммунистов справа. Но рабочему движению приходится иметь дело и с левачьими течениями, в которых преобладают взгляды, что-де революционерам «не пристало» проявлять какую бы то ни было заботу о состоянии буржуазной экономики, предпринимать какие бы то ни было шаги для преобразований, не затрагивающих ее основы. В этом случае в нападках на сегодняшнюю стратегию компартий опять-таки нередко фигурируют ссылки на революционную историю прошлого, особенно на события 1917 года в России. И здесь «левые» идут по стопам правых, заявляя, что, мол, прежде в стратегии революционеров-коммунистов не придавалось такого, как ныне, значения текущим проблемам экономики, конструктивным поискам их решения до перехода власти в руки трудящихся, т. е. еще в рамках буржуазного строя.

И справа и «слева», таким образом, распространяются представления, будто в социалистических революциях прошлого экономическая эффективность производства вообще не принималась в расчет, отодвигалась на задний план. Для правых это служит

¹ Cuadernos para el diálogo, 13 de mayo de 1978, p. 54.

² Wilhelm D. Creative Alternatives to Communism. Guidelines for Tomorrow's World. London, 1977, p. IX.

³ Foreign Affairs, January 1978, p. 305.

аргументом в их попытках навязать революционному движению мысль о необходимости сдержанности, умеренности реформистского толка в подходе к проблемам социальной перестройки хозяйственной жизни. «Левые» же, наоборот, пытаются представить опыт прежних революций как пример, якобы ориентирующий на пренебрежение к вопросам собственно экономического развития, производства и производительности труда, к вопросам материального благосостояния масс, когда на повестке дня стоят проблемы высшего порядка, связанные с борьбой за коренную перестройку социально-экономических отношений¹. Посмотрим, однако, о чем действительно свидетельствует опыт прошлых революций, причем не только социалистических, но и буржуазных.

Когда-то в разрушении экономической жизни обвиняли английских революционеров XVII века. Противники французской буржуазной революции конца XVIII века взваливали на нее тот же грех. Враги Парижской коммуны не останавливались перед тем, чтобы объявить ее виновницей тяжелых лишений, голода в революционном городе. В списке «обвиняемых» оказался и Великий Октябрь. Не стоит, впрочем, забывать, что этому предшествовали вопли монархистов, которые всячески стремились возложить ответственность за хозяйственную разруху в России 1917 года на Февральскую революцию.

Конечно, революционные события могут создавать определенные трудности в хозяйственной жизни. Напомним несколькими штрихами, каков был непосредственный «экономический эффект» буржуазных революций. В Англии «...1648 год был особенно годлым. Цены на продовольственные товары сильно выросли. В связи с неопределенностью политического положения возникла почти полная торговая депрессия»². Во Франции после казни короля 21 апреля 1793 года «бумажные деньги, не переставая, обесценивались, в июле они едва составляли 30 % своей номинальной стоимости. Падение доверия к этим деньгам повлекло за собой утечку капиталов за границу, развитие спекуляции, скупку товаров, усиление роста цен»³. Революционная война за независимость, положившая начало существованию Соединенных Штатов Америки, одним из экономических результатов имела, в частности, то, что «за тележку, полную денег, можно было купить такую же тележку с продуктами»⁴.

Нет нужды вновь повторять, что и послефевральская Россия оказалась в очень тяжелом экономическом положении. Общезве-

¹ Такого рода взгляды развиваются, например, на страницах книги французского автора Ш. Бетельхейма, полагающего, что тем самым он защищает «подлинную революционность» от чуждых ей наслоений «экономизма» (см. *Bettelheim Ch. Les luttes de classes en URSS*. Paris, 1974).

² *Татарниова К. И.* Очерки по истории Англии. 1640—1815 гг. М., 1958, с. 99.

³ *Собуль А.* Первая республика. М., 1974, с. 70.

⁴ *Jameson J.* The American Revolution Considered as a Social Movement. Boston, 1956, p. 62.

стно также, что непосредственно после Октября хозяйственные тяготы страны не уменьшились, но, наоборот, возросли, и значительно. Можно пойти дальше и отметить, что отнюдь не радужной была картина экономической жизни в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период, когда в них совершались народно-демократические и социалистические революции. Годы развития революции на Кубе, во Вьетнаме, Лаосе, в ряде переходящих к социализму стран Азии и Африки также не отмечаются гладким и неуклонным подъемом экономики.

Вопрос о том, какие отсюда следуют выводы. Правы ли те, кто утверждает, что революция и экономический хаос неразделимы?

Обратим прежде всего внимание на то, что подобные заявления неизменно исходят из лагеря противников революции, причем часто не революции вообще, а каждой данной, конкретной революции. Вот один из примеров. Эсеры и меньшевики в России до 1917 года не считали, что революция (они, безусловно, имели в виду буржуазную демократическую революцию) опасна разрушительными последствиями для экономики. Но *после* Октября свершившаяся социалистическая революция представляла в их изображении не иначе как носительницей экономического хаоса и одновременно не более чем следствием его. Некоторые деятели всерьез усваивали эту нелепую концепцию. В качестве исторического курьеза можно отметить, что, например, А. Керенский, злейший враг Советской власти, одно время оказался в ряду самых страстных борцов против империалистической блокады Страны Советов. Судя по его статьям начала двадцатых годов, он действительно верил в открытый им «закон», будто «в стране, затронутой большевизмом, число его сторонников среди рабочих уменьшается вместе с восстановлением промышленности и с усилением классовой организованности рабочих масс», а также что в силу этого «закона» снятие хозяйственной блокады с Советской России приведет к «падению большевизма»¹. Тот факт, что надежды Керенского и его единомышленников не оправдались, что падения Советской власти и краха большевизма не произошло не только после прорыва блокады, но и после преодоления разрухи, в обстановке начавшегося экономического подъема, сам по себе многое говорит о том, чего стоят попытки ставить знак равенства между революцией и хозяйственным хаосом.

Марксистско-ленинские партии ведут многогранную работу, направленную к тому, чтобы на всех этапах революционной борьбы добиваться максимально возможного сохранения производственных ресурсов общества, бесперебойного функционирования его хозяйственных механизмов. Кстати, история показала, что в этом плане со стороны пролетариата проявляется гораздо более

¹ Керенский А. Издалека. Сборник статей (1920—1921 гг.). Париж, 1922, с. 44, 40.

ответственное отношение к своей революции, чем у буржуазии. Ведущие политические силы рабочего класса действительно заранее думают и заботятся о том, чтобы революционная борьба не выливалась в анархию и расстройство экономической жизни. Напротив, буржуазия неизменно вступала в *свои* революции без каких бы то ни было представлений и установок насчет мер, необходимых для предотвращения возможных разрушительных последствий революционного переворота.

Обратимся снова к опыту России. На пути к социалистической революции в России, в ходе ее свершения и после ее победы разработка и проведение в жизнь организационно-хозяйственных мероприятий, направленных к сохранению и максимально эффективному использованию производственного потенциала страны, составляли важное направление деятельности большевистской партии. Историческим фактом является то, что никакая другая партия, выступавшая на политической арене России 1917 года, не дала такого всестороннего и глубокого анализа экономики страны, ее проблем и путей их решения, как это сделали большевики. Этими вопросами специально занимался VI съезд РСДРП(б) в июле — августе 1917 года. В его выводах и конкретных требованиях воплотились идеи и основные положения ленинских работ, раскрывавших последовательно созидательную направленность экономической программы пролетарской революции. Эта программа получила дальнейшие теоретические обоснования и конкретизацию в классических трудах Ленина, созданных в сентябре — октябре 1917 года, среди которых «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Задачи революции», «Удержат ли большевики государственную власть?», «К пересмотру партийной программы» и др.

Каждый, кто обратится к этим ленинским произведениям, к документам большевистской партии предоктябрьского периода, без труда обнаружит, насколько фальшивый образ русских революционеров рисуют идеологи, утверждающие, будто в борьбе за свои политические цели они не считались с интересами общественного производства, с экономическими потребностями страны.

Если организация экономики, стремление поднять ее производительность составляют, следовательно, задачу, важность которой революционеры сознают и к решению которой направлены их мысли и усилия, то почему же сами революции сопровождаются серьезными нарушениями и расстройствами хозяйственной жизни? Может быть, все же существует объективно неразрешимое противоречие между революционными социальными преобразованиями и экономической эффективностью общественного производства?

Нет, самостоятельно, само по себе такое противоречие не существует. Наоборот, как уже отмечалось, перестройка основ экономики в интересах передового класса имеет своим наиболее глубоким и реальным содержанием раскрепощение производительных сил, их освобождение от устаревшей системы производ-

ственных отношений. Осуществляемое революцией вмешательство в экономику приобретает, таким образом, значение мощного фактора повышения производительности общественного труда. Действительно, разве буржуазные революции со всеми их разрушительными хозяйственными последствиями не проложили дорогу к небывалому по сравнению с прежними, феодальными временами подъему производительных сил при капитализме? И разве к числу бесспорных свершений социалистических революций в области экономики не относятся стремительный подъем народного хозяйства, его ускоренная техническая модернизация, выдвигание сильно отстававших в своем развитии стран на уровень государств с передовой, по мировым меркам, экономикой? Так что революционное «вмешательство в экономику» не разрушитель, а источник экономической эффективности.

Дело вовсе не в том, как иногда приходится читать в буржуазной литературе, что данный вывод можно считать верным лишь «в конечном счете» и что первоначально, мол, революция все-таки не может не вступить в конфликт с интересами производства. То, что выдается за этот конфликт, на деле есть противоречие не между экономикой и революцией, а между экономикой и контрреволюцией.

Действительно, основным социальным источником расстройств хозяйственных процессов во всех революциях прямо или косвенно были господствовавшие, привилегированные классы. Именно они развешивали экономический саботаж революционных мероприятий, именно они своим сопротивлением революции создавали обстановку гражданской войны, провоцировали и организовывали интервенцию извне, поглощавшие огромные материальные ресурсы и, естественно, нарушавшие нормальное течение хозяйственной жизни.

Опыт всех социалистических революций прошлого показал, что на радикальные перемены в экономике, угрожающие интересам капитала, эксплуататорские классы, пока они остаются хозяевами этой экономики, стремятся ответить тем, что прибегают к сознательному развалу производства, к саботажу, к дезорганизации контролируемых ими экономических механизмов. Когда революция делает шаг вперед в области перестройки социальных отношений, реакция стремится взять реванш в сфере экономики, добивается, чтобы та сделала два шага назад по сравнению с достигнутым уровнем производительности и эффективности.

В России буржуазия ответила на Октябрьскую революцию организованным экономическим саботажем. И до Октября, в обстановке нараставшего революционного подъема, она прибегала к массовому закрытию предприятий, свертыванию производства, сознательной дезорганизации транспорта и снабжения. Однако в полную силу эта кампания, лозунгом которой была известная угроза фабриканта Рябушинского задушить революцию «костля-

вой рукой голода», развернулась именно после перехода власти к революционному пролетариату и крестьянству.

С экономическими формами сопротивления буржуазии столкнулись народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в Азии, на Кубе. В Румынии, например, как отмечал Г. Георгиу-Деж, против экономических мероприятий государства народной демократии выступили капиталисты, «которые понимают, что они, будучи предпринимателями, должны стремиться производить как можно больше, но, движимые политическими соображениями, ненавистью к демократическому строю... предпочитают не получать прибылей и даже терпеть убытки»¹.

Во Вьетнаме после победы в войне против американских агрессоров и распространения революционных преобразований на южную часть страны экономический саботаж со стороны буржуазии принял специфический оборот в связи со своеобразием ее этнического состава. Значительная часть буржуазии была здесь китайского происхождения.

Словом, все социалистические революции встречали бешеное сопротивление эксплуататоров, которое, как подчеркивал Ленин, «начинается раньше их свержения...»². И в этом плане со стороны революционных сил не может быть какой бы то ни было недооценки классового чужда, «оперативности», проявляемых капиталом. Укажем, например, на резкое увеличение нелегальных операций буржуазии по перемещению ценностей из Франции (главным образом в «безопасную» Швейцарию), после того как в 1981 году к власти в стране пришли социалисты и было сформировано правительство с участием коммунистов. В течение 1981 года из страны было вывезено около 60 млрд. франков, а общая сумма французских вкладов в банки Швейцарии к началу 1982 года превысила 500 млрд. франков, т. е. составляла почти 10 проц. всего национального богатства Франции³. В условиях, когда новая программа французского правительства, направленная на борьбу с кризисом и безработицей, потребовала больших дополнительных капиталовложений в промышленность, утечка капиталов за границу нанесла стране огромный ущерб.

Все это, на наш взгляд, в полной мере раскрывает суть вопроса о соотношении радикальных, революционных преобразований хозяйственной системы и экономической эффективности производства. Мы видим, что решение его в ходе социалистической революции заключается в том, чтобы, как говорили еще основоположники марксизма, «возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»⁴. Однако выполнение этой созидательной,

¹ Георгиу-Деж Г. Статьи и речи, т. I, с. 55.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 458.

³ L'Humanité, 11. II. 1982.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 446.

организационно-производственной задачи революции наталкивается на противодействие эксплуататорских классов. Поэтому революционная забота об эффективности экономики объективно не может принимать чисто «технократический» характер. Действенность любых решений и мер, направленных к лучшей организации и повышению производительности народного хозяйства, оказывается в прямой зависимости от успешного подавления саботажа контрреволюции. Рабочий класс, марксистско-ленинские партии делают отсюда тот практический вывод, что непременным условием наиболее полного и быстреешего выполнения революцией созидательной экономической функции является решительное и последовательное ограничение возможностей буржуазии дезорганизовать экономику.

Среди аргументов против революционных методов преобразования общества все более значительное место занимают ссылки на степень и особенности развития современной капиталистической экономики. Главное внимание в связи с этим привлекают, во-первых, значительный рост государственного сектора в экономике и, во-вторых, существенное распространение различных форм непосредственного или через представителей, через профсоюзы участия трудящихся в управлении производством, в контроле над определенными звеньями хозяйственного механизма, во владении акциями, то есть капиталом. В какой связи это рассматривается? Если экономическая активизация государства сокращает сферу частнокапиталистических отношений, то не означает ли это, что дело идет к социалистическому решению проблем собственности путем эволюции самого капитализма? Если рабочий класс, трудящиеся получают право голоса в решении ряда хозяйственных вопросов, то не означает ли это, что в недрах самой капиталистической системы постепенно изменяется статус людей труда в производственных отношениях и тем самым изживается их эксплуатация? Понятно, что ответ на эти вопросы приобретает решающее значение для выбора позиции политической партии пролетариата по отношению к формам преобразования общества.

Посмотрим, что представляют собой на деле указанные сдвиги в современной капиталистической системе. В подавляющем большинстве развитых капиталистических стран полностью или почти полностью национализированы железнодорожный транспорт, электроэнергетика, газовая промышленность, воздушное сообщение, телевидение, добыча угля, выплавка стали. Значительных масштабов национализация достигла в автомобилестроении и судостроении. В 70-х годах доля государства в общей массе воспроизводимого материального богатства развитых стран капитализма составляла (без военного имущества) в среднем около 20 проц. при существенных колебаниях этого показателя от страны к стране. Доля государственных предприятий, составляющих производительную часть государственного сектора, в общих капи-

таловложениях достигла уровня, равного 15—20 проц. в Бельгии, ФРГ, Голландии и 26—35 проц. в Люксембурге, Италии, Австрии. Позиции государства в кредитно-финансовой сфере измерялись (по активам) 10—20 проц. в Швеции, США, Японии, 50—70 проц. в ФРГ, Италии, превышали 80 проц. в Австрии. Если взять 50 фирм, которые в 1977 году возглавляли список крупнейших компаний, действовавших в Западной Европе, то в их совокупном обороте на долю государственных корпораций приходилось 18,8 проц., а еще 18,6 проц. — на долю монополистических объединений, в капитале которых государство имеет в среднем половинное участие. В государственном секторе развитых стран капитализма в конце 70-х годов была занята пятая часть экономически активного населения (от 12,9 проц. в Японии до 33 проц. в Австрии), а на государственных предприятиях — примерно 7 проц. промышленной рабочей силы (1,5 проц. в США, 13,7 — в Австрии) ¹.

Так с внешней стороны обстоит дело с вторжением государства в сферу отношений собственности, составляющих основу экономики современного капитализма.

Было бы, разумеется, нелепо считать, что отмеченные перемены в соотношении юридических форм собственности, т. е. частной и государственной, равно как и определенное развитие «производственной демократии», не вносят ничего нового в проблематику классовой борьбы, в стратегию и тактику рабочего движения. Задача, однако, состоит в том, чтобы четко определить место и значение этих явлений в рамках основной структуры производственных и классовых отношений капитализма и коренных закономерностей его развития. Как же она решается представителями различных идейно-политических течений?

В реформистских кругах рабочего движения, связанных главным образом с социал-демократией, наибольшее распространение получил тезис, что всевозрастающее огосударствление хозяйственной жизни представляет собой процесс преодоления господства частнособственнических отношений и свойственной капитализму экономической стилизации. Происходит, мол, неуклонная «социализация» экономики, сопровождающаяся и обобществлением собственности на средства производства, и перераспределением доходов в пользу непосредственных производителей, т. е. трудящихся, о чем мы уже упоминали. Это расценивается как естественный, чуть ли не самопроизвольный процесс, поэтому, как пишет видный идеолог Социалистической партии Австрии, профессор Инсбрукского университета А. Пелинка, «нынешние социал-демокра-

¹ Данные взяты непосредственно или получены расчетным путем из: Политическая экономия современного монополистического капитализма. Отв. ред.: Н. Н. Иноземцев, А. Г. Милейковский, В. А. Мартынов, т. I. М., 1975, с. 370—375; Мировая экономика и международные отношения, 1974, № 3, с. 46; The Economist, 30. XII. 1978.

тические партии ни в коем случае не считают социализацию средств производства частью своей экономической теории»¹.

Марксистская оценка этой точки зрения известна еще с прошлого века. Она весьма выразительно представлена, например, в следующих знаменитых словах Энгельса: «...с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим *всякое* огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма»².

Значит ли это, однако, что, по мнению марксистов-ленинцев, капиталистическое огосударствление, рост государственной формы собственности в буржуазном обществе, развитие государственно-монополистического капитализма не имеют никакого отношения к делу социалистического преобразования социального строя? Нет, напротив. При разработке революционной стратегии рабочего класса марксизм-ленинизм придает указанным процессам исключительно большое значение. В научной теории коммунистов они рассматриваются как один из важнейших аспектов вызревания объективных предпосылок социалистической революции. Напомним в этой связи классическое ленинское положение о том, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»³. Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса исключает какое бы то ни было пренебрежение к самому внимательному анализу всех явлений и сдвигов, из которых сплетается конкретная ткань развития государственно-монополистического капитализма в тех или иных национальных или исторических условиях.

В наше время коммунистические и рабочие партии, анализируя государственно-монополистические черты социальной и экономической действительности своих стран, ставят задачей найти правильный ответ на вопросы, практически возникающие в их повседневной борьбе. Один из таких вопросов закономерно касается отношения революционного рабочего класса к огосударствлению экономики в условиях капитализма, к капиталистической национализации. Покажем на конкретном примере, как он решается марксистско-ленинскими партиями. Сошлемся в этой связи на позицию австрийских коммунистов. В документах КПА неоднократно указывалось на то, что национализированная собствен-

¹ Pelinka A. Sozialdemokratie in Europa: Macht ohne Grundsätze oder Grundsätze ohne Macht? Wien — München, 1980, S. 165.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 289.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

ность — предприятия и банки — стала рычагом для укрепления государственно-монополистического капитализма в Австрии¹. Между тем австрийские коммунисты всегда были активными сторонниками расширения государственного сектора. Нет ли здесь противоречия? Как явствует из документов КПА, австрийские коммунисты и сегодня считают необходимым добиваться национализации местных и иностранных монополистических концернов, удаления ставленников монополий из руководства государственных предприятий и обеспечения трудящимся участия в управлении новыми и вновь национализированными предприятиями, права контроля над их деятельностью. Все это рассматривается австрийскими коммунистами в качестве одной из задач борьбы за антимонополистическую демократию, представляющую в свою очередь переходную ступень к социализму. Как отмечается в Программе КПА «Путь Австрии к социализму», принятой XXIV съездом партии (январь 1982 года), революционно-демократическая власть, какой будет государство антимонополистической демократии, «дала бы возможность осуществить широкие политические и экономические преобразования: путем вывода государственного сектора из системы погони за прибылью и его преобразования в опору рабочего класса, путем национализации всех монополистических предприятий, сельскохозяйственных монополий, банков, страховых обществ и торговых концернов...»².

Мы видим, что проблема национализации, огосударствления экономики при капитализме решается коммунистами с учетом ее диалектической сложности. С одной стороны, передача средств производства из рук частного капитала в руки государства имеет прогрессивное содержание, так как наносится определенный удар по частнособственническим отношениям. В свое время К. Маркс отмечал, что уже появление капитала в акционерной форме представляло собой «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»³. Национализацию при капитализме следует, очевидно, рассматривать в том же плане. Причем она гораздо ощутимее, рельефнее, чем акционерное предпринимательство, выражает историческую бесперспективность экономики, основанной на частнособственнических отношениях, все большую ограниченность возможности частного капитала по мере развития производительных сил. Капиталистическая национализация делает и то полезное дело, что она просвещает массовое сознание, разрушает миф о незаменимой роли частного предпринимателя в хозяйственной жизни.

Но с другой стороны, национализированный сектор буржуазной экономики, каковы бы ни были причины его образования и роста, остается все-таки целиком привязанным к капиталистической системе хозяйства, обслуживает ее, подчиняется ее интере-

¹ См. Проблемы мира и социализма, 1975, № 2, с. 9—10.

² Информационный бюллетень (Прага), 1981, № 5, с. 16.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 479.

сам. Продолжая ту же аналогию с акционерной формой капитала, можно и здесь с полным основанием сказать словами Маркса, что «капиталистическое производство по существу своему является частным производством, даже в том случае, если вместо отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный»¹.

Пример той же Австрии убеждает в этом как нельзя лучше. При рекордно высоком для капитализма уровне огосударствления экономики господствующей в стране остается хозяйственная система, основанная на частнособственнических отношениях и интересах. Прежде всего частный монополистический капитал сохраняет за собой сильнейшие позиции в руководстве национализированным сектором, поскольку представители крупных компаний и корпораций занимают влиятельные посты в наблюдательном совете Австрийского промышленного общества — учреждения, контролирующего деятельность государственных предприятий. Далее, управление банками и предприятиями национализированного сектора организовано на тех же точно основах, на каких обычно действуют частные капиталистические фирмы. К этому следует добавить, что национализированные предприятия являются для частного капитала источником финансовой поддержки. Например, подсчитано, что только угольная промышленность, находящаяся в руках государства, обеспечила к концу 70-х годов дополнительные финансовые вливания в ненационализированные отрасли экономики на общую сумму, близкую к 5 млрд. шиллингов². Естественно, что при таком положении не только не изживаются, но, напротив, укрепляются частнособственнические производственные отношения в негосударственной части экономики, на долю которой приходится более двух третей валового общественного продукта и примерно 70 проц. экономически активного населения. В целом эта картина позволяет видеть, как далеки от истины традиционные утверждения реформистской Социалистической партии Австрии, будто национализация создала в стране «зародышевые клетки социализма».

Спрашивается: при каких же условиях национализация частной собственности может выйти за пределы процесса вызревания объективных предпосылок социализма и стать непосредственно орудием и элементом социалистических преобразований? Ф. Энгельс говорил, что, хотя государственная собственность при капитализме не разрешает конфликта между трудом и капиталом, все же она «содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения»³. Что же необходимо для превращения этого средства из формального в реальное, этой возможности в действительность? Посмотрим прежде всего, каким опытом на этот счет вооружает революционная история.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 275.

² См., например, Weg und Ziel, März 1977.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 290.

В дооктябрьской России «государствление» производства не достигло того рубежа, на котором дело могло дойти до мер капиталистической национализации. Развитие государственно-монополистического капитализма шло по линии экономического обобществления производства крупными трестами, синдикатами, картелями и их сращивания с государственно-бюрократическими учреждениями. После Февраля 1917 года буржуазия и соглашатели выдвигали программу определенного регулирования государством частнопредпринимательской деятельности, особо подчеркивая при этом незыблемость принципа частной собственности.

С другой стороны, национализация банков и крупнейших объединений монополистического капитала стала непременным требованием революционного рабочего класса. В ленинском проекте предложений к пересмотру партийной программы большевиков говорилось: «Высокая ступень развития капитализма, уже достигнутая в банковом деле и в трестированных отраслях промышленности, с одной стороны, а с другой стороны, разруха, созданная империалистской войной и отовсюду вызывающая требование государственного и общественного контроля за производством и распределением важнейших продуктов, побуждает партию требовать национализации банков, синдикатов (трестов) и т. п.»¹.

Как и другие требования общедемократических преобразований в экономике, намечавшиеся большевиками меры национализации подпадали под общую ленинскую характеристику: «...это еще не социализм, но это уже не капитализм»². Такое определение социальной сущности национализации вытекало из того факта, что возможность ее осуществления связывалась с заменой власти буржуазии революционно-демократической властью трудящихся. Ленин указывал, что деятельность государственного, национализированного предприятия может направляться:

«— либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистскую республику,

— либо в интересах революционной демократии; тогда это и есть шаг к социализму»³.

Для России последний случай остался лишь теоретическим предположением, ибо революционная практика сразу пошла значительно дальше, как бы «перешагнула» через соответствующую ему ситуацию в развитии классовой борьбы. Зато именно так, на наш взгляд, сложилась обстановка, например, в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы при развертывании их послевоенных народно-демократических революций. Здесь национализация, проводившаяся при руководящей роли рабочего класса, но первоначально еще не при полном его господстве, означала

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 155—156.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 194.

³ Там же, с. 192.

именно шаг к социализму, хотя и «еще не социализм». Во всяком случае это уже не была обычная капиталистическая национализация. Причем ясно, что ее иное, чем при капитализме, социальное содержание определялось изменением характера политической власти.

Из всего этого следует, что положение и роль государственного сектора в системе отношений собственности, то есть его социальная сущность, в принципе мало зависят от его чисто экономических характеристик (например, от отраслевой структуры составляющих его предприятий, от удельного веса в национальном производстве и т. д.). Зато решающую роль здесь играют классовые интересы юридического собственника национализированных средств производства, то есть государства. Класс, который находится у государственной власти, определяет, руководствуясь своими экономическими интересами, социальную функцию обобщественного сектора в экономике.

Говоря это, мы не делаем никакого открытия. Мы лишь воспроизводим классическое положение марксистско-ленинской теории о том, что классовая сущность национализации, как и любой коллективной формы собственности, определяется классовым характером государственно-политической власти¹.

На этих положениях марксистско-ленинской теории представляется необходимым заострить внимание, в частности, и потому, что сегодня в международном рабочем движении возникают дискуссии, выдвигаются точки зрения, в которых этот важнейший вопрос взаимодействия экономики и политики в революционной борьбе освещается, на наш взгляд, без необходимой четкости.

Выдвигается, например, задача переориентации экономики с погони за прибылью на непосредственное достижение общественно полезных целей производства и потребления. И к тому же предполагается сочетать это с сохранением системы свободного рыночного хозяйства. Такая концепция кажется нам внутренне противоречивой и недостаточно обоснованной. Во-первых, упор на непосредственное удовлетворение общественных потребностей не согласуется со ставкой на свободное рыночное хозяйство, для которого главным регулятором является только прибыль. Но предположим, что это рыночное хозяйство не будет таким уж свободным, что его свобода будет существенно ограничена государственным программированием и регулированием в соответствии с установкой на необходимость подчинения экономики непосредственно общественным потребностям. Тогда встает вопрос: при каких условиях государство пойдет на осуществление таких мер? Обычно отвечают, что достаточным для этого условием является общенациональный компромисс и согласие различных социально-политических сил сотрудничать в осуществлении указанной

¹ См., например, Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 287.

экономической политики. При этом не возникает и речи о радикальном изменении самой классовой природы государства.

Проблема взаимоотношений государства и экономики в борьбе за социализм — проблема сложная, и вполне понятно, что революционное движение возвращается к ней вновь и вновь. Разумеется, всегда будет поле для новых подходов к ней и творческих ее решений. Сегодня к тому же компартии стран капитала имеют то преимущество, что они могут с большой пользой для себя использовать опыт уже свершившихся революций, не тратя силы на «изобретение велосипедов», тем более таких, которые в прошлом не выдержали дорожных испытаний.

Марксистско-ленинские партии, действующие в условиях современного капитализма, находят в исторической практике победивших революций бесспорные подтверждения той истины, что любые, пусть самые революционные призывы к социальной перестройке структур и развития экономики останутся пустым звуком, если предварительно не будет изменена классовая сущность политической власти. Они не дают сбить себя той, говоря словами Ленина, «самой распространенной ошибкой», какой «является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное»¹. Но коммунистическая критика государственного капитализма, не признающая в нем никаких социалистических черт, не имеет ничего общего с идеями и настроениями, вырастающими из традиционного для буржуазного либерализма страха перед государством-молохом. Тем самым определяется и подход марксистов-ленинцев к попыткам вообще «отлучить» государство от социалистического преобразования экономических, производственных отношений.

Обратимся теперь к тому, что происходит в области «приобщения» трудящихся к управлению хозяйственными механизмами, к тому, что в буржуазном мире чаще всего именуется сегодня «процессом расширения производственной демократии».

Начиная примерно с 60-х годов борьба за участие трудящихся в организации производства, в контроле над ним стала важнейшим направлением рабочего, профсоюзного движения. Итогом классовых конфликтов, развернувшихся вокруг этой проблемы, явилось то, что, например, в западноевропейских странах капитала «участие» стало заметным фактором социально-экономической жизни. На практике, конечно, оно приобрело разный смысл: в Португалии, например, рабочий контроль родился в ходе и в результате демократической революции, а в Австрии существующая система «социального партнерства» была внедрена реформистским путем, на основе соглашения профсоюзов и Социалистической партии с буржуазией и в пользу буржуазии. Специфи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 68.

ческие особенности имеет в сущности одновременное, по историческим меркам, образование и советов директоров с «паритетным» участием рабочих в ФРГ, аналогичных форм «производственной демократии» в Нидерландах и Скандинавских странах, рабочих комиссий в Испании, института рабочих делегатов в бригадах, цехах в итальянской промышленности, комитетов предприятий во Франции.

Особенно важно то, что борьба в этой области продолжается, и общая тенденция состоит в расширении и закреплении форм участия рабочих, их представителей, профсоюзов в различных организационных звеньях экономики.

Сам по себе вопрос о соотношении государственно-организованного и непосредственного участия трудящихся в социалистическом преобразовании экономики не нов ни для марксистско-ленинской теории, ни для практики революционного движения. Прямое отношение к нему имеет, например, вся история борьбы за рабочий контроль в России 1917 года. Большевицкая партия добивалась, чтобы рабочий контроль не ограничивался простым участием трудящихся в надзоре за производственными процессами. Большевики считали, что органы рабочего контроля должны быть орудиями классовой борьбы, служить школой практической подготовки пролетариата для перехода от контроля над предприятиями, от участия в управлении ими к безраздельному распоряжению их деятельностью. Органы рабочего контроля прокладывали, таким образом, путь к утверждению пролетариата в роли класса — руководителя будущей социалистической экономики.

Введение рабочего контроля сыграло важную роль в социально-экономических преобразованиях, осуществлявшихся в ходе народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Например, в Чехословакии органы рабочего контроля на промышленных предприятиях возникли буквально в первые дни народно-демократической революции, хотя соответствующее законодательное оформление они получили лишь осенью 1945 года. Заводские советы стали фактическими носителями системы «национальных управлений», созданных в качестве администрации предприятий, реквизированных у германских собственников и местных коллаборационистов. В Польше аналогичная ситуация складывалась в 1944 году на территориях, освобожденных от оккупантов.

Важно подчеркнуть, что законодательное введение рабочего контроля революционной властью повсеместно служило переходной ступенью к социалистической организации управления народным хозяйством. Само по себе, однако, оно никогда не означало изменения социальной природы экономики. Напротив, понятия «контроль» и «участие» рабочих недвусмысленно напоминали, что эти формы деятельности пролетариата еще не решали вопроса о том, в чьей собственности находятся средства произ-

водства. Более того, имели место случаи, когда при узкопроизводственном, на манер российских меньшевиков, толкований функций рабочего контроля трудовой коллектив данного предприятия заведомо противопоставлялся его собственнику, хотя этим собственником была уже не частная фирма, а революционный народ.

В целом, однако, в ходе социалистических революций коммунистические партии успешно добивались превращения рабочего контроля в действенное орудие классовой борьбы, причем орудия, находящегося в руках государственно-организованного рабочего класса. Рост сознательности пролетарских масс, их обогащение революционным опытом способствовали тому, что с началом непосредственно социалистических преобразований экономики они активно поддерживали перенесение центра тяжести в системе управления ею на общегосударственную организацию. По отношению к этой системе государственного руководства экономикой органы рабочего контроля, складывавшиеся в период революционного перехода от капитализма к социализму, выступали как необходимые, но все же недостаточные и в известном смысле только как «промежуточно-подготовительные» институты. Разумеется, они не утратили значения и в дальнейшем, в ходе развернутого социалистического строительства.

Порой реформисты разных мастей стремятся навязать рабочему классу представления, будто его стратегия борьбы за социализм должна ориентироваться прежде всего на «производственную демократию» и исходить из того, что государство в любом случае враждебно ей и будет стремиться к ее подавлению. Нередко эти рассуждения дополняются оговоркой, что, мол, в условиях буржуазного государства можно даже скорее добиться «производственной демократии», «участия», чем при государственном обобществлении средств производства, как того требует «ортодоксальная доктрина социализма». Немало, мол, сделано в этой области, например, в ФРГ, и не только благодаря профсоюзам, проявившим настойчивость в требованиях «экономической демократии», но и социал-демократической партии, которая держит в руках рычаги государственной власти. Однако надо ли в современных условиях обязательно быть социал-демократом, социалистом, чтобы признавать ценность «участия» и добиваться его внедрения в жизнь? Вот что говорил об «участии» трудящихся в управлении производством человек, представлявший отнюдь не «социалистическое», а вполне респектабельное буржуазное правительство: трудящимся, особенно трудовой молодежи, необходимо предоставить право «самовыражения в работе и по поводу работы. Если наше общество не сумеет ответить на это их желание, то отчаяние перерастет во взрыв. Нужно поэтому уже сейчас готовить будущее — без спешки, но с решимостью»¹.

¹ Le Monde, 1—2. X. 1978.

Это слова Л. Столерю, чиновника, занимавшего при Жискар д'Эстэне высокий пост государственного секретаря при министерстве, которое, кстати, из министерства труда было в свое время переименовано в министерство труда и участия.

Вместе с тем согласие буржуазии на рабочее «участие» и даже определенная, как мы только что видели, заинтересованность в нем имеют свои достаточно четко вырисовывающиеся пределы. Это со всей очевидностью обнаруживается в той же ФРГ, где капитал явно мобилизует силы не для расширения, а для ограничения «экономической демократии». Именно в этом духе обрабатывается общественное мнение. Одна из ведущих буржуазных газет пишет, например: «В начале 20-х годов Нафтали, принадлежавший к числу выдающихся теоретиков социализма, провозгласил идею экономической демократии как неперемennого условия для достижений «идеала социализма».

Сегодня профсоюзные лидеры, выдвигая требование об участии в управлении, ссылаются на эти идеи экономической демократии. Тем самым они демонстрируют, что их социалистическая идеология совершенно не учитывает изменившихся исторических условий¹. Чего же она не учитывает? Оказывается, того, что «в условиях нашего демократического строя... капитализм давно преодолен», и «преодолен» именно тем, что уже обеспечено достаточное участие трудящихся, профсоюзов в руководстве экономикой, в управлении предприятиями². Далее делается по-своему очень показательное заявление: «Если большинство какого-либо народа желает социализма, тогда оно поручит его осуществление политической партии социализма. Но для демократии невыносимо, когда этот социализм навязывается как бы с черного хода политики — профсоюзами...»³

Мысль здесь ясна. Она подсказана глубоким классовым инстинктом буржуазии, которая говорит: если «экономическая демократия» заходит слишком далеко, то дальнейшая ее судьба должна уже решаться на уровне государственной власти, а там, мол, посмотрим, кто возьмет верх. Кстати, буржуазия в ФРГ именно так и ставит вопрос: требования профсоюзов о «паритетном участии» в руководстве экономикой должны быть переданы объединениями предпринимателей в Верховный суд на предмет выяснения, соответствуют ли эти требования конституционным гарантиям собственности.

Вспомним в этой связи следующий эпизод из истории революционного 1917 года в России. Весной в Петроград в числе других многочисленных представителей западноевропейского социал-реформизма прибыл из Бельгии социалист Де Брукер. Он познакомился с ситуацией в петроградской промышленности и, по

¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 21. XI. 1973.

² Ibidem.

³ Ibidem.

свидетельству меньшевика Церетели, «отметил ненормальность положения, при котором на многих заводах администрация была совершенно устранена от управления и ее функции выполнялись заводскими комитетами, не имеющими подготовленного к этому делу персонала и не несущими никакой ответственности за результаты производства. Де Брукера особенно поражало пассивное отношение к этому делу большинства предпринимателей. Если бы у нас, в Бельгии, говорил он, произошло что-нибудь подобное, союзы хозяев подняли бы против рабочих общественное мнение всех остальных слоев населения. А здесь, в Петрограде, большинство предпринимателей, с которыми мне пришлось говорить, относятся к создавшемуся положению с поразительным благодушием...»¹.

К мнению Де Брукера присоединялся и находившийся тогда в Петрограде лидер Рабочей партии Бельгии Э. Вандервельде. Оба они «характеризовали развитие промышленной демократии в западных странах и выражали убеждение, что только вступление на этот путь поможет русской революции...»². Все это Церетели передал министру Коновалову, бывшему опорой «торгово-промышленного класса» во Временном правительстве. Тот «сказал с озабоченным видом: да, наши предприниматели большей частью пассивно отнеслись к хозяйничанью рабочих на заводах. Но это потому, что они считают такое явление временным и преходящим. Тут даже крайности их не очень пугают. Когда же дело дойдет до законодательного контроля и ограничения их прав, боюсь, что мы встретим гораздо более сильное сопротивление, чем предполагают наши бельгийские друзья»³.

Ясно, что представитель и выразитель интересов буржуазии схватил суть дела гораздо вернее, чем приезжие и местные социал-соглашатели. Может быть, действительно, как утверждает Церетели, Коновалов еще «не предвидел, что сопротивление предпринимательских организаций демократическим реформам в промышленности будет так интенсивно, что увлечет в свою работу и его, лично очень благожелательно настроенного к этим реформам»⁴. Но он, безусловно, предвидел, понимал, сознавал, что вопрос о «производственной демократии» неотделим от вопроса о власти. Буржуазия, как неоднократно указывал Ленин, всегда оказывается умнее соглашателей в понимании того, что ставится на карту в классовой борьбе и к чему эта борьба по необходимости ведет.

Как о том свидетельствуют многочисленные документы, российской буржуазию тревожили не столько требования о повышении зарплаты, сколько явные намерения и прямые действия

¹ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции, кн. II, с. 431—432.

² Там же, с. 432.

³ Там же.

⁴ Там же.

рабочих, направленные к установлению своего контроля над предприятиями, к самостоятельному решению ключевых вопросов хозяйственной деятельности, вплоть до захвата в свои руки всего управления производством. Вот только один пример. В июле 1917 года Совет съездов металлообрабатывающей промышленности (объединение хозяев этой отрасли производства) обратился с письмом к министрам торговли и промышленности. В нем отмечалось: «Общее собрание рабочих завода П. В. Барановского в заседаниях от 11 и 16 мая т. г. постановило избрать контрольно-хозяйственную комиссию над всем предприятием П. В. Барановского, а именно для контроля: 1) прихода и расхода сырья (уголь, латунь, медь и пр.), 2) отправки готовых продуктов: гильзы, трубок и др., 3) прихода и расхода всех денежных сумм, как то: платы рабочим, служащим, техническому персоналу и др. и 4) продовольственного дела». По этому поводу авторы обращения заявляли, что «такого рода требования представляют собою акт незаконного вторжения в сферу чисто предпринимательских интересов». И далее: «...дело не в отдельных предприятиях. Дело в коренном нарушении принципа частной собственности на капитал...»¹

Точно так же крестьянское движение ясно показывало, что его участники ничуть не собираются ограничиться перераспределением в свою пользу урожая, конечных продуктов сельскохозяйственного труда, изменением норм арендной платы, введением более выгодного для них режима землепользования. Нет, для них единственным приемлемым решением была передача всей помещичьей земли в руки крестьян. Красноречивейшим фактом является борьба широчайших крестьянских масс за запрет купли-продажи земли впредь до проведения аграрной реформы. Это была борьба за сохранение земельного фонда, борьба против разбазаривания, уничтожения основных ресурсов сельскохозяйственной экономики, ее главного средства производства.

Рабочий класс России добивался, таким образом, положения хозяйственного организатора промышленности, крестьянство — такого же положения в сельскохозяйственном секторе национальной экономики. В сознании самих трудящихся масс их экономические интересы неразрывно связывались, следовательно, уже не просто с заработками, доходами, куском хлеба, а с радикальными изменениями их статуса в системе производственных отношений.

Опыт последующих социалистических революций в полной мере подтвердил, что трудящиеся массы участвовали в них, движимые прежде всего стремлением покончить со своим бесправно-подчиненным положением в системе хозяйственных связей и отношений. Хорошо известно, что в народных массах стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы борьбы против фашизма

¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 1, с. 184, 185.

одним из важнейших элементов общественной психологии стало убеждение, что после войны «жизнь не может и не должна идти по-старому». Это были революционные в своей сути настроения, и коммунистические партии четко выражали их в документах, требовавших кардинальных изменений социально-экономических структур своих стран. Народ не желает и не допустит возвращения к прошлому в этой области, подчеркивали они¹.

Это стремление трудящихся масс стать хозяевами своих судеб, добиваться своего участия в управлении хозяйственными и общественными процессами улавливается, как мы видели, идеологами и политическими представителями буржуазии, реформизма. При этом в некоторых теоретических схемах, облакаемых в подчеркнuto социалистическую терминологию, оно нередко становится основой для утверждений, что, мол, некий «подлинный социализм» должен устранить государство как «излишнего» посредника между трудом и средствами производства.

Выдвигается, стало быть, тезис о том, что социализму надлежит основываться на непосредственной собственности трудящихся, на принципах их самоуправления. Если говорить о перспективе (о коммунистической перспективе), то возражать против этого не приходится, разве что могут быть уточнены и понятия и термины. Однако данная точка зрения потому и вызывает возражение, что она не учитывает определенного периода, длительность которого, кстати, определяется не на основе произвольных решений или пожеланий, а обусловлена многими объективными обстоятельствами, в частности периода, когда государство необходимо. К. Маркс и Ф. Энгельс, будучи, как известно, теоретиками, обосновавшими неизбежность отмирания государства, сознавали потребность в нем до определенного времени и, полемизируя с прудонистами и представителями других течений мелкобуржуазного и утопического социализма, в «Манифесте Коммунистической партии» твердо заявляли, что пролетариат после своей революционной победы должен «централизовать все орудия производства в руках государства...»².

Кстати, болезнь анархо-синдикалистского отвращения к государству — болезнь заразная. От мелкой буржуазии она проникла в реформистское крыло рабочего движения. Оттуда ее вирусы проникли и в более широкие ряды пролетариата, включая, как показали, например, события в Польше в 1980—1981 годах, и некоторые слои рабочего класса отдельных социалистических стран. Так случилось на заре социалистического строительства и в нашей стране, когда коммунистам-ленинцам пришлось вести борьбу с «рабочей оппозицией» в рядах собственной партии.

¹ См., например, *Готвальд К.* Избранные статьи и речи. М., 1970, с. 33.

² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 446.

В развернувшейся тогда дискуссии в теоретическом плане центральное место занял вопрос о том, что же должно стать структурной основой социалистической экономики: «рабочее самоуправление» или общегосударственная организация хозяйственных процессов и централизованное руководство ими. Речь шла именно об основополагающем принципе, ибо и сторонники «рабочего самоуправления» высказывались за централизацию руководства (в руках предлагавшегося ими всероссийского съезда производителей), и ленинское большинство партии, выступавшее за приоритет государства, решительно стояло за развитие демократических начал в организации производства и за активное непосредственное участие трудящихся в управлении им.

Какие же аргументы были у «рабочей оппозиции»? Ее лидеры обращались к основоположникам марксизма и настойчиво цитировали Энгельса: «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»¹. Вопрос, следовательно, предлагалось решить очень просто: раз мы строим новую экономику нового общества, раз мы за полное освобождение труда, за свободную и равную ассоциацию производителей, то будем же последовательными — устраним из хозяйственной системы государство, которое всему этому только помеха.

Ленину и ленинцам приходилось в ответ разъяснять азбучные истины: «Энгельс говорит о коммунистическом обществе. Там не останется классов,— там будут производители. А сейчас у нас есть классы? Есть. Сейчас у нас есть борьба классов? Самая бешеная»². Ленин подчеркивал, что «величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти...»³.

Ныне с уничтожением государства торопят революционеров и представители левых течений, и некоторые социал-реформисты (например, лидер итальянских социалистов Б. Кракси), об этом говорят даже представители правых буржуазных партий, якобы ловя коммунистов на недостаточной последовательности по отношению к учению основоположников марксизма. Но не только теоретические выводы марксизма-ленинизма, а вся практика революционного движения от Октября и до наших дней, не только политические, но прежде всего экономические потреб-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 173.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 55.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 481.

пости разрушения старого и создания нового общества, как мы постарались выше показать, предостерегают от следования пожеланиям этих «советчиков».

Ассоциация свободных производителей, как и общественное самоуправление,— неугасаемый идеал коммунистов. Но, как уже отмечалось, марксисты-ленинцы видят задачу революционного рабочего класса не в немедленном (с сегодня на завтра) «осуществлении идеала», а в реализации объективных законов общественного развития, действительно ведущих к этому идеалу в многоэтапном процессе развития революционной борьбы трудящихся.

3

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Продвижение народов к освобождению от господства капитала представляет собой единый поступательный процесс, каждая ступень которого неотделима от предыдущей и последующей. Великая Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным завершением долголетнего революционного развития в России. Хотя буржуазно-демократическая революция 1905—1907 годов окончилась поражением, она стала генеральной репетицией тех событий всемирно-исторического значения, которые, начавшись в феврале 1917 года падением самодержавия, в октябре того же года сделали российский пролетариат правящим классом общества. Так впервые на практике подтвердилось положение марксизма-ленинизма о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о возможности перехода от одного этапа революции к другому.

В сжатой, концентрированной форме идея такого перехода была выражена в учении В. И. Ленина о тесной, органической взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм, вытекающих в условиях империализма как два этапа единого процесса революционного развития. Создавая это учение, В. И. Ленин опирался на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако В. И. Ленину, творчески развившему их взгляды в стройную концепцию непрерывной революции, пришлось отстаивать ее в острой борьбе с ревизионистами различного толка, обвинявшими его в «отходе» от марксизма.

Опыт последующих успешных революций в Европе, Азии и на Кубе подтвердил, что в эпоху империализма, перехода от капитализма к социализму общими для всех стран являются борьба за утверждение последовательной демократии как важнейшего шага на пути к социалистическим целям, отсутствие барьера между демократической и социалистической революциями, тенденция к сокращению сроков перерастания первой революции во вторую, тесное диалектическое сочетание и растущее переплетение демократических и социалистических задач, совершенствование путей и методов их осуществления.

Этот закономерный процесс характерен и для последних десятилетий XX века. Исходя из анализа действительности, компартии определяют многие существенные черты своей стратегии

и тактики, причем не только в тех странах, где еще не решены (или решены не до конца) задачи буржуазно-демократического характера, но (конечно, в своеобразной форме) и в развитых капиталистических странах, где уже давно совершились буржуазно-демократические революции. Последнее обстоятельство никак не могут осознать нынешние буржуазные и ревизионистские «интерпретаторы» теории научного социализма. Они либо разглагольствуют о том, что история развивается ни по Марксу, ни по Ленину и что теперь, мол, требуются такие исследования, такие поиски, какие еще никогда и никем не проводились, либо (это типично для «левых» экстремистов), не понимая роли и масштабности общедемократических задач в революционном процессе, обвиняют компартии в измене революционному марксизму.

Конечно, если сводить ленинское учение о перерастании к концепции, пригодной лишь для стран, разрешающих при гегемонии пролетариата противоречие между феодализмом и капитализмом, то трудно нащупать связь между положением, существующим ныне в наиболее развитых капиталистических странах, и ленинскими идеями о переходе к социализму. Однако соль этого учения не только и даже не столько в поисках форм преодоления феодализма и его пережитков (хотя эта сторона для многих стран имеет и сегодня актуальное значение), сколько, как мы увидим, в отыскании наиболее характерных форм подхода к социалистической революции с различных ступеней общественно-экономического развития в условиях капитализма в целом, как строя, исторически созревшего для революционной замены его новой общественной системой. Иначе говоря, ленинское учение о непрерывной революции, взятое в его сути и в развитии, есть *теория и метод переходных к социализму революционных процессов, путей (форм) подвода масс к социалистической революции и ее победоносного осуществления в эпоху империализма и перехода от капитализма к социализму.*

Разумеется, сегодня существует еще много недостаточно разработанных вопросов в этой области, связанных с углублением социального содержания современной эпохи, с дальнейшим развитием государственно-монополистического капитализма в условиях борьбы двух мировых систем и развертывания научно-технического прогресса. Мы выделим из них три группы проблем, которые рассмотрим в свете ленинского учения о непрерывной революции и опыта его практической реализации в России и других странах.

Во-первых, проблемы, связанные с выяснением сущности и форм проявления непрерывности революции в современных условиях, в частности применительно к борьбе за антимонополистическую демократию в странах развитого капитализма и к революционным процессам в зоне национально-освободительного движения.

Во-вторых, вопросы, порождаемые сегодня диалектикой демократических и социалистических задач на различных этапах революции.

В-третьих, проблемы функционирования механизмов перерастания демократической революции в социалистическую и перегруппировки классовых сил на этапах революции в наше время.

Эти вопросы встают перед коммунистами стран несоциалистического мира, перед всеми интересующимися теорией научного социализма. Можно, конечно, сказать, что ответ на них даст и дает история; она же решит и спорные вопросы, для всеобъемлющего ответа на которые еще нет достаточного практического опыта. Однако без встречного продвижения революционной теории к развивающейся революционной практике невозможен их подлинно научный синтез. Поэтому коммунисты, разрабатывая с учетом современной обстановки проблемы борьбы за демократию и социализм, вновь и вновь обращаются к трудам Ленина, к его теории перерастания демократической революции в социалистическую, к российскому опыту борьбы за ее реализацию. Ценность данного опыта определяется не только тем, что в нашей стране впервые в истории был пройден путь такого перерастания, но и тем, что на различных этапах этого пути решались многие конкретные вопросы, которые и сейчас в том или ином виде стоят перед революционными силами в капиталистическом мире. И не случайно, с другой стороны, наши идейные противники всячески стремятся исказить или замолчать российский опыт революции, воплотивший в жизнь общедемократические и социалистические цели.

В данной главе мы попытаемся раскрыть актуальные аспекты этого опыта прежде всего с точки зрения некоторых, наиболее существенных для сегодняшнего дня вопросов теории и практики перерастания демократической революции в социалистическую.

Непрерывность революции

Известно, что мысль о непрерывном развитии революции высказали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, выдвинув положение о ее трех основных стадиях: первая «есть ограбление абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая — завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т. е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья — социалистический переворот, который один только способен удовлетворить пролетариат»¹.

Маркс и Энгельс видели много общего между различными фазами революционного процесса — и в расстановке борющихся сил, и в решаемых на каждом этапе задачах. Они считали, что пролетариат добивается своей цели на последнем этапе револю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 231—232.

ционного процесса, но он отнюдь не играет роль статиста на предшествующих его стадиях. Он заинтересован в последовательном и глубоком осуществлении социальных преобразований. Отсюда его задача — сделать революцию непрерывной, не дать ей остановиться, не дойдя до социалистического переворота.

Разъясняя свою точку зрения, К. Маркс в одной из статей, направленной против немецкого мелкобуржуазного демократа К. Гейнца, писал: рабочие «могут и должны участвовать в *буржуазной революции*, поскольку она является предпосылкой *рабочей революции*. Но рабочие ни одного мгновения не могут рассматривать буржуазную революцию как свою *конечную цель*»¹. В «Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов» Маркс и Энгельс с новой силой подчеркнули ту же мысль. Они указывали: «В то время как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию... наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти...»² Боевой лозунг рабочего класса должен гласить: «Непрерывная революция».

Положение Маркса и Энгельса о непрерывной революции имело важное значение. Однако оно лишь в самом общем виде содержало концепцию перерастания.

Опираясь на идеи основоположников научного социализма, В. И. Ленин создал цельную теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, сформулировал принципы практического применения ее в деятельности рабочего класса и его революционного авангарда. При этом он выдвинул и всесторонне обосновал ряд принципиально новых положений. В чем они заключаются?

Во-первых, если К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали указанные проблемы в эпоху, когда капитализм еще развивался по восходящей линии, и в соответствии с историческим опытом той эпохи считали, что роль гегемона в буржуазно-демократической революции объективно принадлежит буржуазии, то В. И. Ленин показал, что при империализме, когда капитализм вступил в стадию упадка и разложения, а буржуазия стала реакционным классом, только пролетариат способен последовательно выполнить эту роль, объединив под своим руководством широкие народные массы. Положение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции — ключевое в ленинской теории перерастания, поскольку именно гегемония пролетариата создает предпосылки и условия социалистической ориентации демократических преобразований.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 313.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 261.

Во-вторых, развивая идею основоположников научного коммунизма о непрерывности революции, В. И. Ленин доказал, что в новых исторических условиях осуществление отдельных социалистических преобразований возможно уже в ходе буржуазно-демократической революции, до ее полного завершения. В ленинской теории перерастания обе революции рассматриваются как нераздельные фазы единого революционного процесса.

В-третьих, В. И. Ленин показал, что в современную эпоху гегемония рабочего класса в буржуазно-демократической революции делает возможным развитие буржуазно-демократической революции в социалистическую при активной поддержке пролетариата этих стран и до того, как в них произойдут социалистические революции. Еще один существеннейший аспект того нового, что внес В. И. Ленин в марксистскую теорию непрерывной революции, обнаруживается, если эти сопоставления рассмотреть с точки зрения развития революционного движения в России и его взаимодействия с мировым революционным процессом. Как отмечалось в предыдущей главе, еще К. Маркс и Ф. Энгельс выявили тенденцию к усилению роли России в международном революционном движении, предсказав, что грядущая революция здесь явится «поворотным пунктом во всемирной истории»¹. Анализируя эту тенденцию в новых условиях, В. И. Ленин сделал вывод, что центр международного революционного движения переместился в Россию. На каком основании базируется этот вывод? Является ли он простым завершением развития взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса или содержит нечто принципиально новое?

Чтобы разобраться в существе этих вопросов, необходимо, на наш взгляд, прежде всего учитывать, что перемещение центра революционного движения в Россию происходило в качественно новую эпоху и что поэтому для оценки этого явления недостаточны те критерии, по которым оценивались аналогичные процессы в эпоху восходящего капитализма. К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя в соответствии с условиями своего времени надвигающуюся российскую революцию как буржуазно-демократическую, подчеркивали, во-первых, неизбежность ее огромного размаха и, во-вторых, неотвратимость ее колоссального влияния на мировое развитие, из чего и следовал вывод о возрастании роли России в революционном процессе. В новую эпоху, когда условия круто изменились, оппортунисты, как мы покажем далее, механически воспроизводя эти оценки, сравнивали российскую Февральскую революцию 1917 года с буржуазной революцией во Франции конца XVIII века.

Принципиально иначе подошел к данной проблематике В. И. Ленин, рассматривавший ее с точки зрения теории непрерывности, с учетом того, что при империализме пролетариат мо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 344.

жет и должен завоевать роль гегемона на всех этапах революции. Поэтому он увидел в перемещении центра революционного движения в Россию не просто географический, а глубокий качественный сдвиг, сопровождавшийся не только резким возрастанием мощи революционного процесса, но и существенной перестройкой его внутренней структуры, изменением соотношения его движущих сил, их места и роли в революции. Отсюда следовало, что буржуазно-демократическая революция в России явится этапом развертывания революции социалистической не только в нашей стране, но и во всемирном масштабе. Вот в чем, по Ленину, всемирно-исторический смысл перемещения центра революционного движения в Россию. Вот в чем раскрывается еще одно творческое достижение ленинского гения в развитии революционной теории марксизма.

Рассмотрим теперь более подробно ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Думается, такое рассмотрение представляет большой интерес не только в историческом плане, но и с точки зрения сегодняшнего дня. Ведь ныне в мире существует немало стран, где задачи завершения демократической революции, ее перерастания в революцию социалистическую являются первостепенными для коммунистов, других прогрессивных сил. Это многие освободившиеся страны со слабым развитием капитализма, в которых идет острая борьба против докапиталистических отношений, за демократические преобразования социальных и политических структур. Это государства социалистической ориентации, где происходит процесс перерастания демократических, национально-освободительных движений в движения с антикапиталистической направленностью. Да и в развитых капиталистических странах общедемократические задачи стоят весьма остро, а их решение все более тесно увязывается трудящимися с социалистической перспективой. Вполне закономерно поэтому, что ленинская теория перерастания, ее положения об этапах революционного процесса, о взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм вызывают широкий интерес в рядах революционных и демократических движений.

К разработке вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин, как известно, приступил еще в 90-х годах прошлого века. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин впервые указал на союз рабочего класса и крестьянства как на необходимое условие победы революции.

В своих последующих произведениях, и в частности таких, как «Задачи русских социал-демократов», «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари», «К деревенской бедноте» и др., Ленин, исследуя конкретный опыт революционной борьбы в России, показал, что пролетариат, победив в буржуазно-демократической революции, должен вести трудящихся к социалистической рево-

люции, что русским революционерам неминуемо придется решать как демократические, так и социалистические задачи. Решительно опрокидывая традиционную догму, утвердившуюся в тогдашней социал-демократии, будто после буржуазной революции непременно должен наступить период длительного господства капитализма, Ленин провозгласил: «...от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»¹.

Теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую всесторонне и наиболее полно была впервые разработана и изложена В. И. Лениным в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», получила свое развитие в других произведениях, написанных в годы первой русской революции и после нее. Ленинские установки по вопросам стратегии и тактики в буржуазно-демократической революции и ее перерастания в революцию социалистическую закрепил III большевистский съезд партии, проходивший в 1905 году. Эти установки большевики развивали на IV Объединительном, V и VI съездах партии.

Сущность и характер теории перерастания революции глубоко и емко характеризует следующее высказывание В. И. Ленина: *«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»*².

Возможен вопрос: шел ли Ленин в своей концепции непрерывной революции против взглядов Маркса и Энгельса? Безусловно, нет. Его положения развивали и конкретизировали марксистский тезис о непрерывности революции. Ленин подчеркивал, что его идея перерастания революции полностью соответствует схеме, предложенной Марксом. В то же время Ленин отмечал, что к этой схеме надо относиться творчески. Он решительно критиковал догматическую трактовку ее Г. В. Плехановым и другими меньшевиками, которые отрицали возможность скачков в успешном развитии революции, утверждая, что лишь постепенное ее развертывание, соответствующее процессу французской революции конца XVIII века, может совершить «максимум полезной исторической работы»³. Показывая несостоя-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 222.

² Там же, с. 90.

³ См. Плеханов Г. В. Соч., т. XIII. М. — Л., 1926, с. 285.

тельность такого подхода, В. И. Ленин писал: «Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков» в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией — уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией — демократическая республика, наконец за пролетариатом — социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна «на долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (напр., для Франции с 1789 по 1905 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, — для этого надо быть виртуозом филистерства»¹.

Актуальна ли эта ленинская критика сегодня? Опыт идейной борьбы в современном рабочем движении со всей очевидностью говорит: да, в высшей степени актуальна. И ныне марксистам-ленинцам приходится бороться с попытками оппортунистов навязать пролетариату те же по существу взгляды по данному вопросу, которые критиковал В. И. Ленин. «Они (т. е. оппортунисты. — К. З.) заявляют, — писал Генеральный секретарь ЦК Компартии Греции Х. Флоракис, — что на современном этапе цели антимонополистического движения следует ограничить строго демократическими задачами и только на следующем этапе, после их выполнения, можно, мол, приступить к задачам социалистического преобразования.

Для нас принципиально неприемлем такой подход, по сути ограничивающий цели антимонополистического движения буржуазно-демократическими рамками. Мы рассматриваем борьбу за демократию и борьбу за социализм в качестве единого процесса»².

Современные оппортунисты зачастую строят аргументацию для обоснования своих концепций постепенности процесса общественных преобразований на соответствующих трактовках революций нашего времени, потерпевших поражение на пути радикальных изменений социально-политических порядков, как, например, в Чили. В этом плане они также следуют традиции, заложенной оппортунизмом еще в начале века. Российские меньшевики именно в поражении революции 1905—1907 годов видели неотразимый аргумент для «опровержения» ленинской теории перерастания. Как известно, на определенном этапе исход революции прямо зависел от успешного вооруженного восстания, и большевики без колебаний призвали народ к оружию. Но восстание потерпело поражение, и меньшевики усмотрели в этом доказательство своей правоты. Они обвиняли большевиков в игнорировании «объективного хода развития», пытались изобразить

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 26.

² Флоракис Х. Наша концепция демократических перемен. — Проблемы мира и социализма, 1982, № 5, с. 14.

Декабрьское восстание «исторической ошибкой». Один из их идеологов, Л. Мартов, доказывая необходимость для социал-демократии отказаться от руководства революционным движением, утверждал, что это диктовалось «интересами развития самого движения как такового, объективно-историческое содержание которого носит не пролетарски-классовый, не социалистический, а только буржуазно-демократический характер»¹. Анализируя много лет спустя первую русскую революцию, известный деятель меньшевизма Ф. Дан констатировал: «Завоевание пролетариатом все новых политических позиций в классово враждебном ему обществе, укрепление его массовой организованности, развитие его классового сознания в процессе буржуазной революции должны были готовить рабочий класс к наиболее успешной борьбе за социализм в будущей, буржуазной, но политически свободной России. Руководство чисто политическим переворотом меньшевизм фактически предоставлял самой буржуазии»². Эти интерпретации первой революции в России поднимаются на щит в современной буржуазной историографии. Так, цитировавшаяся выше французская специалистка по истории СССР Э. Каррер д'Анкосе пытается изобразить обоснованным вывод меньшевиков, что «в условиях России начала XX века социалистическая революция невозможна и что революционные движения должны вести страну к революции буржуазной»³.

Ленинский анализ, основанный на исследовании конкретно-исторических условий развития первой революции в России, показал, что этот вывод несостоятелен, что буржуазно-демократическая революция 1905—1907 годов имела необходимые объективные предпосылки для победы, а затем и перерастания в революцию социалистическую, что ее поражение — временное. И если она не победила, то прежде всего потому, что не был достаточно зрелым субъективный фактор, обеспечивающий ее успех. Царизму удалось расколоть выступавшие против него силы. Предательство либеральной буржуазии, а главное, отсутствие прочного союза рабочего класса с крестьянством были важными причинами неудач революции 1905—1907 годов. Однако ее поражение означало лишь, что произошла отсрочка новых боев, но отнюдь не устранение причин, ведущих к буржуазно-демократической революции и ее перерастанию в революцию социалистическую. Первая народная революция эпохи империализма показала, что начался новый период всемирной истории, период политических потрясений и революционных битв.

Вот почему Ленин имел все основания говорить, что революционерам надо решительнее браться за оружие; он показал оши-

¹ Мартов Л. Социал-демократия 1905—1907 гг. — Общественное движение в России в начале XX века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. III, кн. 5. СПб., 1914, с. 549.

² Дан Ф. И. Происхождение большевизма, с. 366.

³ Carrère d'Encausse H. Lénine. La révolution et le pouvoir, p. 38.

бочность утверждений о наступлении длительного этапа господства самодержавия в союзе с крупной буржуазией. «Декабрьской борьбой,— писал В. И. Ленин,— пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений»¹. После поражения Декабрьского вооруженного восстания 1905 года были отливы и приливы революционного движения, но непрестанно велась подготовка к возобновлению решительной борьбы. Одним из важнейших факторов этой подготовки и явилась сама первая русская революция, поскольку, писал В. И. Ленин, «без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны»². В чем конкретно выразилась сформулированная в ленинской характеристике роль первой революции в развитии освободительного движения в России?

В ходе революции 1905—1907 годов сплотился и окреп многонациональный российский пролетариат, завоевав *«себе роль гегемона в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм»*³.

Первая русская революция разбудила массы — в центре и на окраинах, в городе и в деревне,— дала им уверенность в своих силах, в возможности победы над самодержавием, политически воспитала их, подготовила для активного участия на последующих этапах борьбы.

Революция на практике раскрыла огромное значение революционной, марксистской партии в народном движении, показала, что в противоположность либерализму, оппортунизму, догматизму, подрывающим дело революции, большевизм является ее двигателем, ее авангардной силой, указывает адекватные потребностям ее развития формы организации и политики рабочего класса.

В процессе революции были «прорепетированы» остающиеся и поныне в революционном арсенале такие важные способы и методы борьбы, как массовая политическая забастовка и соединение ее с вооруженным восстанием, тактика революционной партизанской войны, «левоблокизм» и другие; пролетариат «завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России *уменьше вести революционную массовую борьбу...*»⁴.

Наконец, события 1905—1907 годов породили ставшую затем основой организации государства победившего социализма форму власти трудящихся — Советы, «нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции»⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 215.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 306.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 371.

⁴ Там же.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 238.

Таким образом в ходе первой русской революции были практически испытаны все основные, решающие элементы последующего процесса революционной борьбы. Одно дело, однако, давать ретроспективную оценку драме подавленной революции, смотреть на нее издали, с высоты исторического опыта, выявившего подлинное значение происходивших событий, и совсем другое дело оценивать их по горячим следам, когда драма только что завершилась, когда одни ее участники погибли, брошены в застенки, а другие запуганы, пали духом, отходят от активной борьбы либо растеряны, не знают, что делать, куда идти дальше. Не могут поэтому не вызывать восхищения великий оптимизм, негибаемая воля, мощь научного предвидения Ленина, который, оставаясь в центре катастрофических для революции событий, не только сумел разглядеть их исторический смысл, указав, что поражение — не последний акт борьбы, а пролог ее победоносного развития, но и продолжил, более того, развил практическую и теоретическую деятельность по собиранию и организации сил разгромленной революции, по их воспитанию и подготовке к грядущим битвам.

Разоблачая попытки либералов и оппортунистов отвлечь пролетариат от революционной борьбы, увести его на реформистский путь, большевики под руководством Ленина в годы реакции неуклонно следовали стратегическим курсом, проводившимся ими в период революции и соответствовавшим «той линии политической размежевки классов, которая *одинакова* и при буре и без бури»¹. Ленин указывал, что первая русская революция не привела к осуществлению коренных буржуазно-демократических преобразований, но она никоим образом не говорила о бесперспективности линии на такие преобразования. «...Насчет того, что пора «ликвидировать веру во второе пришествие общедемократического натиска», решительно с Вами не согласен, — писал он большевику И. И. Скворцову-Степанову 2 декабря 1909 года. — Этим Вы сыграли бы только на руку отзовистам (очень склонным к такому «максимализму»: буржуазная революция позади, — впереди — «чисто пролетарская») и крайним правым меньшевикам-ликвидаторам»². Ленин подчеркивал, что общедемократическая борьба не снимается с повестки дня до тех пор, пока не будут достигнуты ее цели. Он подтверждал это примерами из истории Франции и Германии, где конец «общедемократического натиска» наступил после десятилетий революционной борьбы.

Трезвая и в то же время оптимистическая позиция и оценка Лениным итогов первой русской революции, подавленной царизмом, и сегодня вселяет уверенность в свои силы тем отрядам революционеров, которые потерпели временное поражение, показывает пример в борьбе с оппортунистическим пессимизмом. «В ча-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 405.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 223.

сы неудач,— писал член Политической комиссии ЦК Компартии Чили В. Тейтельбойм в статье, посвященной анализу чилийских событий 1973 года,— появляются, словно грибы после дождя, ма-ловеры и нытики. Ленин дал им отпор в политическом и фило-софском плане после первой русской революции. Полемизируя с Плехановым, он утверждал, что поражение в 1905 г. не озна-чает, что в России закончен революционный период, и призывал готовиться к новым сражениям. В Чили открывается новый этап революционной, патриотической борьбы — этап национального сопротивления фашистской диктатуре»¹.

Главное же в обобщении Лениным опыта первой русской ре-волюции, что продвинуло вперед революционную теорию и прак-тику и что сохраняет все свое значение в наше время,— это, не-сомненно, развитие учения о перерастании буржуазно-демокра-тической революции в социалистическую. Однако ленинские идеи о перерастании отнюдь не сразу и не везде нашли дорогу к ши-роким слоям участников рабочего движения. Серьезным препят-ствием на этом пути был правый оппортунизм, идеологи кото-рого уверяли рабочих, что «русский опыт», как писал Бернштейн, неприемлем для западного пролетариата². Рабочее движение дезориентировали также анархо-синдикалисты, отрицавшие зна-чение политической борьбы, любую форму которой они трети-ровали как «политиканство». Один из теоретиков этого учения, Г. Лагардель, утверждая, что, поскольку революция есть дело самого пролетариата, призывал рабочих осуществлять ее «непо-средственно», «прямым действием», без руководства политиче-ской партии³. Как отмечал Ленин, подобного рода призывы вели «к дезорганизации и подмене широкой и всесторонней работы выкрикиванием «лозунгов», бессильных в своей оторванности»⁴.

Полемику с Лениным вели и «левые» оппортунисты. Они твердили, что пролетариат не может возглавить революцию в Рос-сии без победы революции на Западе. Эту идею пропагандиро-вал, в частности, Парвус (А. Л. Гельфанд), подвизавшийся не-которое время в социал-демократическом движении Германии и России и сотрудничавший с Троцким в создании основ пресло-вutoй теории «перманентной революции». Он писал, что росси-йская революция открывает возможности лишь для демократии,

¹ Проблемы мира и социализма, 1973, № 11, с. 10. Возвращаясь вновь к опыту революции 1905—1907 годов и сопоставляя его с современной по-литической ситуацией в Чили, В. Тейтельбойм отмечал: «Мы идем вперед, освещая себе путь бессмертными ленинскими идеями, применяя их к на-шей действительности. Подобно поражению русской революции 1905 г., по-ражение в Чили — это прелюдия грядущих побед, которые будут завое-ваны народом на трудной дороге борьбы» (Проблемы мира и социализма, 1974, № 3, с. 60).

² См. Sozialistische Monatshefte, 1906, Hf. I, S. 12.

³ См. Лагардель Г. Всеобщая стачка и социализм. СПб., 1907, с. 277.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 405.

а не для построения социализма, «в настоящее время неосуществимого при отсутствии социальной революции в Западной Европе»¹.

В первые годы после революции ленинские идеи перерастания с трудом усваивались и многими представителями революционного марксизма. Так, по оценке Г. Димитрова, болгарские марксисты не осознали тогда полностью руководящую роль рабочего класса в буржуазно-демократической революции². Новое слово в революционной теории не «схватывается» на лету. Оно должно пройти испытание практикой, выдержать идейные схватки с косностью мысли, с различными видами оппортунизма, прежде чем стать живым руководством к действию в революционном движении. Именно такую проверку прошло в период между первой русской революцией и Октябрем 1917 года ленинское учение о перерастании. Развивая его в этот период в соответствии с меняющимися условиями, В. И. Ленин воплотил концепцию непрерывности революции в практическую программу рабочего движения в России, в тактику и стратегию борьбы за демократию и социализм.

Какие же, по Ленину, условия предопределяли возможность и необходимость непрерывной революции в России, перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, а также каковы те критерии, которые позволяют сделать вывод о завершении первого этапа и перехода ко второму?

Ответим сначала на первую часть вопроса. При определении факторов победы любой социальной революции исходным является положение марксизма-ленинизма о том, что материальные предпосылки нового общества создаются в недрах старого. Этот вывод сохраняет свое методологическое значение при анализе условий, подготавливающих возможность и необходимость непрерывной революции, которая, начиная с решения задач демократического этапа, сразу нацеливает пролетариат на осуществление в ближайшем будущем и проблем социалистической революции.

В. И. Ленин отмечал, что острейшая необходимость и возможность демократического переворота в России и его перерастания в социалистический назрела при резко обострившемся противоречии между трудом и капиталом, достаточно высокой степени развития капитализма с явно выраженными империалистическими чертами, при наличии мощного рабочего движения в масштабе всей страны. Уже поэтому нельзя ставить знак равенства между буржуазно-демократическими революциями конца XVIII — первой половины XIX века на Западе и революцией в России. Говоря о причинах, сближающих буржуазно-демократическую и социалистическую революции, следовало учитывать и

¹ *Парвус*. Россия и революция. СПб., 1906, с. 195.

² См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. II. М., 1957, с. 581—582.

то, что в борьбе против пролетариата, ставшего центром притяжения всех оппозиционных сил, крупная буржуазия и феодалы являлись союзниками. Следовательно, последовательная ликвидация всех феодально-помещичьих пережитков в жизни страны была просто-напросто невозможна без революционной борьбы в той или иной форме против крупного капитала уже на демократическом этапе революции. Несмотря на буржуазно-демократический характер революции, указывал В. И. Ленин, вождь ее может и должен быть только пролетариат как единственный до конца революционный класс. Естественный союзник пролетариата — крестьянство. Либеральная буржуазия, как сила контрреволюционная, должна быть изолирована.

Наконец, в обстановке первой мировой войны, когда Россия подошла вплотную к буржуазно-демократической и социалистической революциям, в стране происходило ускоренное вызревание государственно-монополистического капитализма, который Ленин считал полной материальной подготовкой социализма.

Таковы, кратко говоря, условия, возникшие в недрах российского общества и объективно связавшие демократический этап с социалистическим в рамках единого революционного процесса.

После победы буржуазно-демократической революции в феврале 1917 года Ленин в своих работах, написанных еще в эмиграции, а затем в знаменитых Апрельских тезисах наметил четкую политическую линию на переход от буржуазно-демократической революции к социалистической. Уже в пункте втором Апрельских тезисов Ленин констатировал с глубочайшей научной точностью и определенностью: «Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»¹. С точки зрения современного марксиста-ленинца, этот вывод, проверенный и подтвержденный далее ходом событий, кажется самоочевидным. Он, однако, не был таким для многих современников Ленина, в том числе и для некоторых большевиков, в момент, когда события только разгорались, а политическая ситуация в России оставалась чрезвычайно сложной². Известно, например, что в первые дни после возвращения Ленина в Россию его тезисы и их центральный (вышеприведенный) вывод вызвали разногласия в среде большевиков и редакции «Правды». «Нам, революционным социал-демократам, — безапелляционно заявлял в «Правде» Каменев, — нет надобности даже и говорить о том, что, поскольку это Временное правительство действительно борется с остатками старого режима, постоль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 114.

² См. там же, с. 131—132.

ку ему обеспечена решительная поддержка революционного пролетариата»¹.

Что касается меньшевиков, то для них, кичившихся своим знанием марксизма, Апрельские тезисы Ленина казались не только неверными, но и лишенными всякой перспективы на завоевание умонастроений масс. Что ж, тем большее разочарование постигло их уже в ближайшее время, тем с большей силой перед трудящимися была продемонстрирована сила ленинского гения, глубина его проникновения в самую суть текущего момента, знание чувств и настроений революционных рабочих, солдат и крестьян, умение предвидеть и направить эволюцию этих настроений в правильное русло. Меньшевик Суханов в воспоминаниях о революции пишет об этом весьма выразительно: «Мы не допускали, чтобы Ленин остался при своих «абстракциях». Тем более мы не допускали, чтобы этими абстракциями Ленин мог победить не только революцию, не только все ее активные массы, не только весь Совет,— но чтобы он мог победить ими даже своих собственных большевиков. Мы жестоко ошиблись...»²

С теоретической точки зрения существо дискуссии, возникшей в партии в апреле 1917 года, вращалось вокруг вопроса: каков критерий завершения буржуазно-демократической революции? Оппоненты Ленина в партии, охотно называвшие себя «старыми большевиками», ссылались при этом не только на нерешенность аграрного вопроса, но и на ленинскую формулу «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», полное установление которой в стране являлось, по их мнению, главным признаком завершения первого этапа революции. Они, как говорил Ленин, не вникая в особенности подтверждения историй в общем виде большевистских лозунгов, ограничивались простым повторением бессмысленно заученной формулы вместо изучения своеобразия новой, живой действительности³. Они не видели и не хотели видеть того, что Февральская революция 1917 года не была точной копией революции 1905—1907 годов, она пошла дальше ее.

Ленин решительно выступил против абстрактной, простой, «одноцветной», как он выражался, постановки вопроса, которая не дает «возможности понять чрезвычайно сложную, по меньшей мере «двухцветную» действительность... В самом деле. Действительность показывает нам и переход власти к буржуазии («заключенная» буржуазно-демократическая революция обычного ти-

¹ Правда, 1917, 14 марта.

² Суханов Ник. Записки о революции, кн. 3. Берлин — Пг. — М., 1922, с. 48—49. Кстати, в этой же книге Суханов вспоминает, с какой радостью меньшевики встретили статьи Каменева в «Правде». Он даже признает, что если бы все большевики разделяли взгляды Каменева, то он, Суханов, также был бы большевиком (см. там же, кн. 2, с. 393). Лучшей характеристики оппортунистической линии Каменева, пожалуй, не придумаешь.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.

па) и существование рядом с настоящим правительством побочного, которое представляет из себя «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже-правительство» *само* уступило власть буржуазии, *само* привязало себя к буржуазному правительству»¹.

Возвращаясь к этому вопросу 14 апреля 1917 года на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), одоблившей Апрельские тезисы, Ленин подчеркивал: «Движущие силы революции мы определили совершенно верно. События оправдали наши старые большевистские положения, но наша беда в том, что товарищи хотели остаться «старыми» большевиками... Буржуазная революция в России закончена, поскольку власть оказалась в руках буржуазии. Здесь «старые большевики» опровергают: «она не закончена — нет диктатуры пролетариата и крестьян». Но Совет Р. и С. Д. и есть эта диктатура»².

Именно этого «изумительно своеобразного», пользуясь словами Ленина, положения не могли понять доктринеры. Суть положения заключалась в том, что старый, разработанный Лениным, большевиками курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую необходимо было осуществлять в ситуации, которой никто заранее не предвидел: в условиях двоевластия. И партия с победой вышла из столь оригинальной ситуации. Оценивая значение этого опыта, не следует забывать: то, что в апреле 1917 года Ленин называл «изумительно своеобразным» положением (двоевластие), впоследствии (разумеется, в специфической форме) возникало во многих народных революциях XX века, как победоносных, так и потерпевших поражение.

Сходная с двоевластием ситуация существовала, например, до февраля 1948 года во время революции в Чехословакии. «Мы одни править не можем, — говорил К. Готвальд в апреле 1945 года, — и они (т. е. представители буржуазии. — К. З.) одни также не могут править. Они не могут править без нас, а мы — без них, при этом они в большей степени не могут без нас, чем мы — без них»³. Двоевластие как результат шаткого и временного «равновесия сил» между буржуазией и революционными массами возникало и в последующих революциях. Такая ситуация характеризовала, например, определенный период в развитии кубинской революции — от 1 января до середины февраля 1959 года. Ее своеобразие заключалось в том, что хотя в это время правительство возглавил М. Кардона (представитель буржуазных кругов страны, впоследствии организатор вторжения на Плайя-Хирон), но параллельно существовала другая, реальная власть — Повстанческая народная армия во главе с Фиделем Кастро. Двое-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 139—140.

² Там же, с. 239—241.

³ Готвальд К. Избранные произведения, т. II. М., 1957, с. 85.

властные закончилось 16 февраля 1959 года, когда Фидель Кастро стал премьер-министром. По существу два центра власти сохранились в течение всего трехлетнего периода развития чилийской революции. Часть власти принадлежала правительству Альянде, опиравшемуся на революционные слои народа. Другая часть власти была в руках парламента, где преобладали правые буржуазные партии, реакционного суда и других органов старого государственного аппарата.

Очевидно, таким образом, что здесь речь идет уже не о «случае», а о повторяющемся при определенных обстоятельствах явлении, порождаемом революцией. И это актуализирует опыт большевиков, побуждает братские партии капиталистических стран внимательно анализировать не только стратегию, но и тактику социалистической революции в России.

Ленинское учение о предпосылках и сущности непрерывной революции, о ее поэтапном характере блестяще осуществилось в России, оно сыграло исключительно важную роль в истории всего революционного движения. Оппортунисты, ополчившиеся в международном масштабе против стратегии и тактики большевиков, делали все для того, чтобы воспрепятствовать ее повторению в революционном движении, получившем особый размах под влиянием русских революций, победы Октября.

После Октября лидеры западной социал-демократии, русские меньшевики с новой силой начали обвинять Ленина в том, что он хочет-де перескочить через этап развития капитализма в России, который хотя и был свергнут, но имел глубокие корни в городе и деревне. Особенно оппортунистов «беспокоило» то, что в России не «созрел» пролетариат для социалистической революции. Так, Э. Бернштейн, имея в виду Октябрьскую революцию, указывал, будто большевики хотят «перескочить» важную фазу социального развития¹. А К. Каутский считал, что для осуществления социализма в России отсутствуют «все предпосылки»². Больше того, когда в нашей стране основы социализма были построены, меньшевик А. Потресов в 30-х годах, не желая считаться с этим, твердил, что невозможно «превращение в социалистическую такой во всех отношениях отсталой страны, как Россия с ее ничтожно развитой промышленностью и подавляющим большинством крестьянского населения...»³. То же самое, почти слово в слово, утверждал и немецкий оппортунист Штрёбель, считавший, что «незаконной» является социалистическая революция в стране, где крестьянство составляет большинство населения⁴. А русский меньшевик Д. Далин шел еще дальше, заявляя, что

¹ Leipziger Volkszeitung, 27. XII. 1917.

² Каутский К. Социалистический Интернационал и Советская Россия. Берлин, 1925, с. 6.

³ Потресов А. И. Посмертный сборник произведений, с. 313.

⁴ Ströbel H. Nicht Gewalt, sondern Organisation der Grundirrtum des Bolschewismus. Berlin, 1924, S. 13.

Октябрьская революция с начала и до конца была революцией буржуазной¹.

С иных позиций пытался опровергнуть теорию непрерывности революции другой деятель меньшевизма — Г. Аронсон. Признавая, что «за время между двумя революциями, точнее — между 1905 годом и войной 1914 года, Россия стремительно шла вперед по пути общественной эволюции, экономического расцвета и культурного подъема», он, ставя факты с ног на голову, приходил к выводу, что, мол, не приходится считать фатально неизбежной для нее, после Февраля, как считали большевики, перспективу новой революции².

Современные антикоммунисты, реформисты и правые оппортунисты продолжают, как это делали меньшевики и лидеры II Интернационала, повторять аргументы о «незаконности» Октябрьской революции, а значит, отрицать непрерывность революции, закономерность непосредственного перехода ее от демократического этапа к социалистическому. Например, в статье, опубликованной австрийским социалистическим журналом «Цукунфт», Г. Шойер утверждает, что Ленин и его соратники «пытались якобы «обхитрить» установленные Марксом и Энгельсом объективные законы развития и «перескочить» в феодальной России неизбежную эпоху капитализма»³. Революция в России «с ее громадным населением сельской бедноты и одновременно обанкротившейся и полуиндустриальной экономикой, — утверждает американский публицист С. Тэлботт, — противоречила основным принципам предписаний и прогнозов Маркса...»⁴. Фактически к отрицанию ленинских взглядов на непрерывность революции ведут и рассуждения тех, кто, совершенно правильно заявляя о борьбе за демократию как о первоочередной задаче, заранее объявляет, что вопрос о социалистических преобразованиях будет поставлен лишь в отдаленной перспективе, что для этого нужно ждать того времени, когда весь народ сам придет к убеждению в необходимости их осуществления и «свободным волеизъявлением выскажется за социализм».

Другими аргументами пользовались «левые». Они фактически отождествляли буржуазно-демократический и социалистический этапы революции, стремились перескочить через первый этап. Одной из разновидностей «левого» оппортунизма была теория «перманентной революции» Троцкого. Он отрицал революционные способности крестьянства и считал, что рабочий класс не может им руководить, а должен опираться лишь на поддержку пролетариата других стран. Троцкий видел единственный путь к победе революции в России в превращении революции

¹ Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922, с. 7.

² См. Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды, Нью-Йорк, 1962, с. 64.

³ См. Zukunft, 1976, N 6—7, S. 9.

⁴ Talbott S. Op. cit. — Time, January 4, 1982, p. 29.

в мировую. Постановку вопроса о строительстве социализма в России до завершения мировой революции он считал абсурдной.

В противовес ленинской теории установления на этапе буржуазной революции демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, составляющего большинство населения, Троцкий считал возможным выступить против царизма путем создания «рабочего правительства». Согласно схеме Троцкого, после победы с помощью крестьянства над царизмом рабочее правительство вступит в конфликт с крестьянскими массами, которые, по Троцкому, в целом являются реакционной силой, и победит лишь в том случае, если ему поможет пролетарская революция на Западе. Этого взгляда Троцкий придерживался и после победы Великой Октябрьской социалистической революции, неоднократно заявляя, что успешный рост социалистической экономики в России невозможен до тех пор, пока пролетариат главных стран Европы не добьется победы.

Позиция Троцкого была псевдореволюционной, пораженческой. Она выражала неверие в силу русской революции, российского пролетариата. Ветеран международного коммунистического движения Палм Датт в связи с этим писал: «...вместо «поддержки государства со стороны европейского пролетариата», который должен был прийти на помощь в противном случае обреченной на поражение русской революции, что, по мнению Троцкого, являлось единственным путем к спасению, на деле произошло обратное: Советскому Союзу, ставшему мощным социалистическим государством, пришлось спасать западноевропейский пролетариат, который, последовав в свое время за социал-демократами, оказался под пятой фашизма»¹.

Позже псевдореволюционность позиции Троцкого проявлялась в отрицательном отношении к стратегии союзов, разработанной Коминтерном. Он нападал на решения VII конгресса Коминтерна, предусматривавшие создание широкого антифашистского фронта. Троцкизм твердолобо противопоставлял борьбу за социализм борьбе за демократию.

Позиция Троцкого логически привела его к борьбе против Советского государства. Его деятельность, а затем и деятельность его последователей была направлена на ослабление Советского Союза, на осуществление контрреволюционного переворота. Троцкизм стал пособником мирового империализма. Падение Троцкого особенно ярко характеризуют следующие слова, написанные им в 1936 году: «Можем ли мы ожидать, что Советский Союз выйдет из предстоящей великой войны без поражения? На этот откровенно поставленный вопрос мы ответим тоже откровенно. Если война останется только войной, поражение Советского Союза неизбежно. В техническом, экономическом и военном отношении империализм

¹ Палм Датт Р. Интернационал. Очерки истории коммунистического движения. 1848—1963. М., 1966, с. 192.

несравненно сильнее. Если он не будет парализован революцией на Западе, то он сметет социалистический строй, рожденный Октябрьской революцией»¹.

Идею «перманентной революции» и сейчас пытаются гальванизировать наши идейные противники. Например, известный теоретик троцкизма И. Дойчер в книге «Незавершенная революция 1917—1967 гг.» пытается дать оценку Октябрьской революции с точки зрения троцкистской теории «перманентной революции». Как и другие троцкисты, он отрицает социалистический характер Октябрьской революции. Тезис Дойчера состоит в том, что Советский Союз задержал «перманентную революцию», вызвал якобы застой международной классовой борьбы, в результате чего происходит де-конвергенция двух социальных систем². Эта же аргументация повторяется и некоторыми идеологами «новых левых». Так, например, близкий к ним по своим воззрениям английский историк Э. Карр проводит мысль о том, будто «мировая революция, первым этапом которой был 1917 год и которая должна была завершиться падением капитализма, оказалась в большей степени восстанием колониальных народов против капитализма, имевшего личину империализма, чем восстанием пролетариата передовых капиталистических стран»³.

В период, непосредственно последовавший после Октября, действительно ни одна из революций, вспыхнувших в Европе, не дошла до социалистического этапа либо не смогла закрепиться на нем. Однако в ходе острых классовых битв в странах Запада и тогда четко обозначались тенденции соединения двух революционных этапов. Трудящиеся подходили к решению многих не только демократических, но и социалистических задач, как было в Венгрии в 1919 году. Показателен и пример Германии, где революционное движение вплотную приблизилось к социалистическому этапу. Однако Ноябрьская революция 1918 года в Германии осталась буржуазно-демократической. Она устранила лишь монархию, в ходе ее трудящимися были завоеваны отдельные демократические и социальные права. Сравнивая ее с Февральской буржуазно-демократической революцией в России, Ленин говорил, что Ноябрьская революция в Германии застряла на Феврале. Основная причина этого заключалась в отсутствии сильной революционной партии рабочего класса, партии нового типа⁴. Социал-демократия, слепо придерживавшаяся схем II Интернационала, уступила власть буржуазии, предала революционный пролетариат.

¹ *Trotsky L.* The Revolution Betrayed. New York, 1937, p. 216.

² См. *Deutscher I.* The Unfinished Revolution. 1917—1967. London, 1968.

³ *Carr E.* The Russian Revolution and the West. — New Left Review, September—October 1978, p. 35.

⁴ Коммунистическая партия Германии создавалась в ходе Ноябрьской революции. Ее Учредительный съезд состоялся 30 декабря 1918 — 1 января 1919 года.

В отличие от российской германская буржуазия была более опытной и организованной, ей удалось расколоть рабочее движение. Некоторый спад революционного движения в начале 20-х годов на Западе ни в коей мере не означал, что ленинская концепция перерастания демократической революции в революцию социалистическую утрачивает свою актуальность. Напротив, именно она помогла внести необходимые коррективы в тактико-стратегические установки пролетарской борьбы, учитывающие своеобразие обстановки в капиталистических странах, в том числе в высокоразвитых. И они были внесены самими партиями, международным коммунистическим движением, причем конкретные советы Ленина сыграли здесь выдающуюся роль. При его прямом участии, в острой полемике с «левыми» (призывавшими к «немедленному» штурму капитализма, игнорируя роль общедемократического этапа борьбы) Коминтерн выдвинул идею «рабочего (позже рабоче-крестьянского) правительства»¹ как способа подвода масс через общедемократическую фазу к социалистической революции. Учитывалось, что на пути к диктатуре пролетариата стоят долговременные задачи политической консолидации большинства рабочего класса и привлечения на его сторону основной массы трудящихся. IV конгресс Коминтерна, подтверждая в 1922 году ленинскую стратегию поэтапной революции, отмечал: «Между настоящим периодом господства открытой буржуазной реакции и полной победы революционного пролетариата над буржуазией лежат различные этапы...»²

Благоприятные условия для развития и перерастания демократического этапа революции в социалистический сложились вновь после победоносного окончания второй мировой войны. Во многих странах, принявших участие в борьбе против фашизма, развернулось национально-освободительное демократическое движение, которое в большинстве случаев проходило под лозунгами глубоких социальных изменений. Это вплотную подвело пролетариат к взятию власти и переходу к социалистическим преобразованиям в некоторых странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Однако не везде революционное движение завершилось успехом. Например, крупных демократических преобразований добились в ходе освободительного движения трудящиеся Италии, Франции и ряда других европейских стран. Но империалистам этих стран, опиравшимся на поддержку США, удалось воспрепятствовать дальнейшему развитию революционного процесса и во многих случаях даже оттеснить рабочий класс с завоеванных позиций. П. Тольятти говорил, что «после окончания войны в Италии

¹ См. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 172—194.

² Коммунистический Интернационал в документах, с. 298.

создалось такое положение, благодаря которому мы могли бы сравнительно легко завоевать власть и вступить на путь строительства социалистического общества. Нас поддержало бы и за нами последовало бы преобладающее большинство народа. Но страна была оккупирована американскими и английскими вооруженными силами, и поэтому вступить на этот путь было невозможно, ибо вооруженное восстание против англо-американских сил явилось бы в тот момент в Италии не только нелепостью, но... оно потерпело бы поражение»¹.

Итак, несмотря на сложный путь развития революционного движения, ленинская теория перерастания была подтверждена на опыте многих стран. Однако наши противники продолжают отрицать это. Они говорят, что мысль Ленина о сближении двух революций не подтвердилась, поскольку в большинстве нынешних развитых капиталистических стран после буржуазных революций прошли уже многие десятилетия, а социалистические революции так и не наступили. «Практически ни в одном случае история не последовала... этому плану борьбы»², — заявляет уже цитировавшийся американский буржуазный публицист С. Тэлботт. Второй «довод» сегодняшних критиков ленинской теории непрерывности, поэтапности революции состоит в утверждении, что сами коммунистические партии якобы не приняли эту теорию, поскольку вместо того, чтобы следовать курсу на социалистическую революцию, они-де сейчас продолжают выдвигать лишь демократические лозунги. Испанский журнал «Калье», например, вменяет в вину коммунистам то, что для них «социализм — это исторический горизонт, а не радикальное и полное преобразование в кратчайшие сроки существующего общества»³. По мнению таких критиков, именно об этом свидетельствуют нынешние программы компартий Франции, Канады, ФРГ и других развитых капиталистических стран. Разберемся в этом.

Действительно, в развитых капиталистических странах, где буржуазные и буржуазно-демократические революции прошли многие десятки лет назад, капитализм продолжает господствовать. Более того, в некоторых из этих стран подобные революции произошли уже в эпоху империализма, после первой русской революции. Все это так. Но ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую вовсе не утверждает, что при всех обстоятельствах во всех странах оно обязательно должно произойти. Для этого надо, чтобы имелись не только объективные, но и субъективные факторы. История XX века наглядно подтвердила это. Сошлемся в качестве примера на Португалию, привлекающую к себе пристальное внимание мировой общественности после происшедшей в ней в 1974 году демократической революции. Еще в 1910 году буржуазная революция

¹ Paese Sera, 7. XI. 1959.

² Time, January 4, 1982, p. 30.

³ La Calle, 23—29 de junio de 1981, p. 17.

в этой стране привела к свержению монархии и существенным социальным сдвигам. Однако она не была народной революцией, как в России в 1905—1907 годах, так как громадное большинство народа в ней не участвовало, пролетариат не был гегемоном, коммунистической партии не существовало. Поэтому революция застряла на первом этапе, и народ мучительно и долго боролся за свои права в условиях буржуазного строя, в том числе 48 лет — в условиях жестокой фашистской диктатуры. 25 апреля 1974 года Португалия в результате акции Движения вооруженных сил встала на путь демократического развития. Это Движение было неотъемлемой частью португальского демократического революционного движения, отличавшегося от революции 1910 года тем, что в нем активное участие принял народ, что коммунистическая партия, несмотря на 48-летнее пребывание в глубоком подполье, стала активной силой демократических изменений в стране. Однако в последующие годы правым силам удалось в значительной мере восстановить свои позиции и перейти в наступление на демократические завоевания народа. В этих условиях, как отмечалось в Политической резолюции IX съезда Португальской компартии (май — июнь 1979 года), «ПКП — единственная крупная политическая сила, которая сосредоточивает свои силы на защите завоеваний революции и демократического строя, закрепленного в конституции республики»¹.

Подобные примеры можно привести и по многим другим странам, где революция «застряла» на буржуазно-демократическом этапе. Однако это ни в коей мере не ставит под сомнение правильность ленинских взглядов о непрерывности революции, подтвержденных опытом не только России, но и других государств мира.

Теперь рассмотрим второй «довод» наших критиков. Программы братских партий, творчески анализирующие сложившуюся в их странах ситуацию и нацеливающие массы на борьбу за демократию, не отрицают, а, наоборот, подтверждают ленинские взгляды по данному вопросу.

Концентрация экономической и политической власти в руках монополий, все более широкое вмешательство сросшегося с ними буржуазного государства во все сферы жизни общества в развитых капиталистических странах ведут к урезыванию демократических прав и свобод, что препятствует использованию их массами в своих интересах. Вот почему братские партии развитых капиталистических государств вынуждены прежде всего разрабатывать стратегию демократического этапа. Однако при этом они исходят из того, что эта стратегия подготавливает почву для социалистических преобразований, стимулирует, приближает их, что многие демократические требования могут быть ныне удовлетворены только на основе их социалистического решения.

¹ IX съезд Португальской коммунистической партии (Баррейро, 31 мая — 3 июня 1979 года). М., 1980, с. 295.

«В условиях нашей страны и нашей эпохи,— подчеркивалось на XXIV съезде ФКП (февраль 1982 года),— продвижение Франции к социализму было и остается делом большинства народа, создание такого большинства с ясными целями и задачами должно быть осуществлено демократическим путем. Но этот путь ни у кого не должен порождать иллюзий... Утверждение, что продвижение к социализму должно происходить демократическим, мирным путем, означает просто-напросто, что эти перемены во Франции могут осуществляться в каждый данный момент только при таком соотношении сил, которое не позволит буржуазии прибегнуть к насилию и принуждению»¹.

Формулируя программу демократической, антимонополистической борьбы, Компартия Великобритании видит начало изменений в соотношении экономических и классовых сил в проведении глубоких демократических мер по преодолению кризиса, в котором находится страна. В принятой XXXV съездом Компартии Великобритании в 1977 году программе «Путь Британии к социализму» намечена целая серия переходных экономических мероприятий для первого этапа революции. В их числе — национализация наиболее крупных ключевых фирм, решение проблем выравнивания платежного баланса, увеличения расходов на социальные нужды и т. д. Их осуществление откроет возможность перехода к новому этапу революционных изменений².

Много внимания уделяют проблемам борьбы за требования переходного этапа, расчищающие путь к социализму, коммунисты ФРГ. Как отмечается в Программе ГКП, принятой Мангеймским съездом партии (октябрь 1978 года), конкретный путь к социализму в ФРГ в решающей степени будет зависеть от силы рабочего класса, от стабильности его союза с другими демократическими силами, от силы его революционной партии, а также и от форм сопротивления реакции. «Исходя из современных условий,— говорится далее в Программе Германской компартии,— ГКП считает, что борьба рабочего класса и других демократических сил за антимонополистическую демократию лучше всего пригодна для того, чтобы проложить путь к социализму. Она рассматривает антимонополистические и социалистические преобразования как связанные между собой стадии развития единого революционного процесса перехода от капитализма к социализму»³.

А вот как ставит вопрос о проблемах переходного этапа, открывающего путь к социализму, Компартия Греции. В Программе партии, принятой X съездом КПГ (май 1978 года), указывается, что в Греции революционный процесс будет состоять из двух этапов, которые тесно связаны друг с другом, хотя каждый из них имеет свои явные, определенные характерные черты — антиимпе-

¹ L'Humanité, 4. II. 1982.

² См. The British Road to Socialism. London, 1978.

³ Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 306.

риалистический, антимонополистический, демократический этап и социалистический. «И по мере завершения в ходе классовых столкновений решающих политических изменений в пользу сил социализма и их продвижения вширь и вглубь, решения экономико-социальных проблем будет осуществляться переход ко второму, социалистическому этапу»¹.

В той или иной форме концепция антимонополистической (передовой) демократии как шага, этапа на пути к социализму находит отражение в программных документах почти всех компартий развитых капиталистических стран.

Эти идеи утверждаются в острой идейной борьбе как с правыми, так и с «левыми» оппортунистами. Правые из факта выдвижения на первый план широкого комплекса общедемократических проблем стараются сделать вывод о том, что отпадает нужда в социалистической революции. Тягу масс к созданию широких антимонополистических коалиций они пытаются использовать для отрицания ведущей роли рабочего класса, необходимости установления его власти. Таким образом, в создании режима передовой демократии они видят не этап на пути к социализму, а по существу конечную цель, ибо, по логике их рассуждений, дальнейшее развитие будет проходить гладким эволюционным путем, без острых классовых столкновений.

Именно такой логике подчинялось в свое время политическое поведение российских оппортунистов. Летом 1917 года, когда в России восторжествовала самая передовая для того времени демократия и страна быстро продвигалась к социалистической революции, у Ленина состоялся разговор с богатым инженером, в прошлом революционером и даже большевиком. Ленин рассказывает, как на пороге исторического перелома выглядел его собеседник: «Теперь весь он — один испуг, одна злоба на бушующих и неукротимых рабочих... Он готов бы признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцы вагона и провозглашает: «станция социальная революция. Alle aussteigen (всем выходить)!»².

Пусть никому не покажется, что, приведя «маленькое личное воспоминание» Ленина, появившееся в его предоктябрьской работе «Удержат ли большевики государственную власть?», мы уклонились от темы. Вовсе нет. Какую мысль подчеркивает Ленин своим рассказом? Очевидно, ту, что недорого стоит признание идеи социализма без готовности разделить трудности, жертвы и прочие «неудобства» классовой борьбы, без решимости продвигать вперед к социалистической революции дело пролетариата и в

¹ X съезд Коммунистической партии Греции. 15—20 мая 1978 года. М., 1979, с. 177—178.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 321.

ситуации, когда демократия уже завоевана в максимально допустимых в буржуазном обществе пределах.

Это, разумеется, ничего общего не имеет со взглядами левых, различного рода экстремистов, которые игнорируют необходимость осуществления демократического этапа революции, утверждая, что будто сегодня повсюду возможен «непосредственный штурм» твердынь капитала. Так, один из идеологов троцкистского «IV Интернационала», Э. Мандель, заявляет, что ввиду существования в современной капиталистической экономике «централизующей тенденции», ведущей-де к качественному преобразованию самого способа производства, рабочий класс развитых капиталистических стран может, мол, уже сегодня перейти к «строительству социализма», минуя всякие переходные стадии¹. Французский неотроцкист Д. Бенсайд ратует за захват рабочими власти на предприятиях, который якобы автоматически приведет к переходу от капитализма к социализму².

Не делая различий между условиями, существующими в разных странах, на разных континентах, «левые» экстремисты считают, что повсеместно созрели и объективные и субъективные предпосылки социалистической революции и ее надо «немедленно» и повсеместно «проводить». Передко в обстановке развернувшейся революционной борьбы в той или иной стране левачество с его стремлением перескакивать через необходимые этапы борьбы объективно ведет к активизации крайне правых, к расколам в лагере демократических сил, препятствует непрерывному развитию революции, сохранению и углублению достигнутых завоеваний рабочего класса, всех трудящихся. О необходимости самой решительной борьбы с подобными взглядами и действиями еще раз напоминает развитие событий в Португалии после демократического переворота, совершенного 25 апреля 1974 года.

Так, в этой стране правые силы использовали в своих интересах события 25 ноября 1975 года, когда предприняли выступление отдельные воинские части, попавшие под влияние левацких псевдореволюционеров. В результате с командных постов в вооруженных силах и из государственного аппарата были уволены не только леваки, но и многие последовательные демократы, борцы за дальнейшее развитие революционного процесса. Генеральный секретарь ПКП А. Куньял, оценивая эти события, подчеркнул, что из них можно извлечь несколько уроков: «Первый состоит в том, что подтвердились все прогнозы ПКП относительно опасности раскола в Движении вооруженных сил, а также... о необходимости достижения политического урегулирования с помощью переговоров и компромиссов... Второй урок заключается в том, что ход событий продемонстрировал как опасность политики союза с правыми силами, так и опасности, связанные с сектантством, ради-

¹ См. *Mandel E.* Le troisième âge du capitalisme. Paris, 1976, p. 391.

² См. *Bensaid D.* La révolution et pouvoir. Paris, 1976, p. 242.

кализмом, псевдореволюционной фразой, которые приводят к изоляции левых сил, толкают их на авантюры, обреченные на поражение.

Третий урок состоит в том, что взаимопонимание и единство действий демократических и прогрессивных сил, как военных, так и гражданских, единство всех тех, кто хочет воспрепятствовать возвращению фашистского прошлого... являются настоящим требованием текущего момента, поскольку только такое взаимопонимание и единство обеспечивают возможность дать отпор реальной угрозе контрреволюции...»¹

Все это ясно показывает: и сегодня стратегия и тактика коммунистических партий в империалистических странах базируются на ленинском анализе особенностей борьбы пролетариата в эпоху империализма, предполагающей, в частности, выделение в качестве относительно самостоятельного этапа борьбы за последовательную демократию, перерастающую в социализм. Разумеется, условия, характерные для России и ряда других государств в период разработки Лениным теории перерастания демократической революции в социалистическую, теперь такими же в точности быть не могут. А это ведет и к определенному изменению характера демократической борьбы. В частности, общедемократические задачи рабочего движения в развитых капиталистических странах сегодня вытекают прежде всего из *антимонополистического* содержания борьбы трудящихся, а не из антифеодального, как это было, например, во время первой русской революции. При этом на первый план выдвигаются такие задачи, как ограничение, а затем и ликвидация власти монополистического капитала, передача в государственную собственность ведущих отраслей экономики, обеспечение участия трудящихся в управлении на всех уровнях, осуществление действенных мер в защиту жизненных интересов трудящихся, против инфляции и безработицы, защита и расширение демократических прав и т. д. Решение всех этих задач может проходить не одновременно, а в определенной последовательности, поэтому многие марксисты считают, что демократический этап революции в современных условиях будет состоять из нескольких фаз. Такая «многоступенчатость» демократического этапа позволит постепенно подвести массы к задачам социалистического преобразования общества, сохранить широкий демократический союз (разумеется, при неизбежной внутри его перегруппировке сил) и на социалистическом этапе. Но с другой стороны, зрелость (и даже «перезрелость») объективных условий для социалистической революции при наличии соответствующих субъективных факторов создает возможность сближения двух этапов революции и не исключает их совпадения. В той или иной стране может сложиться ситуация, когда братские партии смогут призвать и повести рабочий класс и его союзников непосредственно

¹ Avante!, 8. I. 1976.

на борьбу за победу социалистической революции. Конечно, такая революция будет чем-то отличаться от социалистической революции в России. Однако в главном — в замене власти эксплуататоров властью эксплуатируемых: пролетариата, всех трудящихся — она будет повторять Великий Октябрь.

На основе научного анализа многочисленных факторов, определяющих современную ситуацию в развивающихся странах, разрабатывают стратегию и тактику непрерывной революции компартии стран Азии, Африки и Латинской Америки, где еще далеко не решены задачи буржуазно-демократических преобразований (хотя и в разной степени в условиях различных стран).

В странах Азии и Африки решение демократических задач неразрывно связано с борьбой против империализма, за национальное освобождение. Одной из форм революции в этих странах является революция антиимпериалистическая, национально-демократическая, общие цели которой подобны целям первого этапа народно-демократических революций, прошедших в странах Европы и Азии непосредственно после второй мировой войны. Они состоят, в частности, в создании и расширении государственного сектора в экономике, установлении контроля над основными отраслями промышленности, банками, проведении демократической аграрной реформы. Как показал опыт Октябрьской и других революций, осуществление этих преобразований неизбежно затрагивает и многие другие области общественной жизни, ведет к сплочению масс, к революционным изменениям власти, что ускоряет перерастание национальной революции в социальную.

На основе ленинского учения о перерастании демократической революции в социалистическую, творчески применяя его к конкретным условиям своей страны, строят стратегию и тактику классовой борьбы, например, коммунисты Индии. В социально-экономическом положении этой страны существует ряд черт, общих с положением России кануна и периода трех русских революций (разумеется, имеются и существенные различия). В Индии, как в России в начале века, социально-экономическое содержание буржуазно-демократической революции в значительной мере определяется необходимостью решения аграрного вопроса, преодоления феодальных и полуфеодальных пережитков в деревне.

Как известно, в различные периоды после завоевания государственного суверенитета Индия осуществила важные шаги по укреплению политической независимости, созданию основ экономической самостоятельности; индийский народ играет существенную роль на международной арене в борьбе против империализма, за мир. Однако в стране еще не решены многие проблемы общедемократического характера, ей еще предстоит пройти через стадию завершения антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции. «Долг Компартии Индии, — говорится в Политической резолюции XII съезда КПИ (март 1982 года), — не только систематически популяризировать среди масс основные

задачи национально-демократической революции с перспективой перехода к социализму, но также организовывать и руководить массами в деятельности, направленной к достижению этой цели»¹. Исходя из этого, компартия борется за создание такого политического режима в стране, который, с одной стороны, сможет обеспечить доведение до конца антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции, а с другой — подготовит необходимые условия для дальнейшего непрерывного развития революции, ее перерастания в социалистическую.

В Программе, принятой на I съезде Египетской компартии (сентябрь 1980 года), также указывается, что «национально-демократическая революция, ставшая первым этапом революционного процесса, должна неизбежно переходить в следующий этап — этап социалистической революции. Между двумя этими этапами нет резкой грани. Задачи одного из них переходят в другой в том смысле, что национально-демократическая революция после того, как ее возглавит рабочий класс, может приступить к выполнению некоторых задач социалистической революции. Иногда же некоторые задачи национально-демократической революции остаются невыполненными, и они осуществляются в ходе социалистической революции»².

В наше время все четче выступают черты непрерывной революции в тех развивающихся странах, которые после победы антиимпериалистических, антифеодальных, демократических революций вступили или вступают на путь перехода к социализму. «Развитие этих стран по прогрессивному пути, — указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — происходит, конечно, не одинаково, идет в сложных условиях. Но основные направления сходные. Это — постепенная ликвидация позиций империалистических монополий, местной крупной буржуазии и феодалов, ограничение деятельности иностранного капитала. Это — обеспечение народному государству командных высот в экономике и переход к плановому развитию производительных сил, поощрение кооперативного движения в деревне. Это — повышение роли трудящихся масс в общественной жизни, постепенное укрепление государственного аппарата национальными кадрами, преданными народу. Это — антиимпериалистический характер внешней политики этих стран. В них крепнут революционные партии, выражающие интересы широких масс трудящихся»³.

Ввиду того что в большинстве освободившихся стран отсутствуют материальные и политические предпосылки для перехода непосредственно к социалистическим производственным отношениям, проведение политики социалистической ориентации истори-

¹ Political Resolution. Draft for the 12th Party Congress. New Delhi, 1982, p. 21.

² Information Bulletin, 1981, N 5, p. 21.

³ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 12.

чески неизбежно. В ее ходе постепенно создаются предпосылки для последующего перехода к социализму. Как указывал член ЦК партии ФРЕЛИМО, министр в правительстве Народной Республики Мозамбик С. Виейра, выступая на международной научной конференции в Берлине в октябре 1980 года, «в настоящее время Народная Республика Мозамбик решает задачи народно-демократической революции, заключающиеся прежде всего в ликвидации отсталости, в укреплении и развитии власти пролетариата. Нынешний этап, по нашему убеждению, — составная часть строительства социализма»¹.

Уже имеющийся опыт продвижения освободившихся стран по пути социалистической ориентации развития позволяет сделать вывод о том, что переходный период в этих странах может охватывать оба этапа: и общедемократических, и первоначальных социалистических преобразований, которые в случае последовательного, поступательного развития страны, как правило, переплетаются в единый непрерывный революционный процесс (не теряя при этом качественной специфики).

Свои особенности имеют этапы революционной борьбы в странах Латинской Америки. В целом ряде из них капитализм достиг среднего уровня развития; хотя многие задачи буржуазно-демократических революций еще не решены, всем им пришлось уже однажды завоевывать независимость в борьбе с колониализмом. Однако зависимость от США, превращение их в полуколонии североамериканского капитала поставили практически задачу повторного национального, а также социального освобождения почти перед всеми. В этих странах, в зависимости от конкретных условий, особенно широки демократические требования, которые неизбежно сближаются с социалистическими и могут, по мнению коммунистических партий латиноамериканских стран, получить свое окончательное разрешение лишь в связи с социалистической перспективой развития.

Глубокий марксистско-ленинский анализ этих проблем содержится в декларации «Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм», принятой Совещанием коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, проходившим в Гаване в 1975 году. В документе подчеркивается, что текущий момент характеризуется прямым переходом к гораздо более широкой и решительной борьбе против господства империализма в масштабах всей Латинской Америки. «Пора усилить, — говорится в нем, — борьбу за достижение второй, подлинной и окончательной независимости, которая наряду с освобождением должна открыть путь к широким горизонтам социальных

¹ Совместная борьба рабочего и национально-освободительного движений против империализма, за социальный прогресс, с. 71.

преобразований, представляющих новую надежду для громадного большинства мужчин и женщин нашей Америки»¹.

За этими стратегическими установками ныне стоит и конкретный практический опыт развития Кубы — первой страны Латинской Америки, первой страны континента, строящей социализм.

Как известно, на первом этапе кубинская революция представляла собой национально-освободительное революционное движение в целом общедемократического характера. В нем участвовала и национальная буржуазия, сталкивавшаяся с повсеместным застоем американского империализма в экономической и общественно-политической жизни страны. Однако буржуазия боялась своего союзника — рабочих и крестьян. В ходе развернувшейся борьбы, которая приняла массовый характер, буржуазные оппозиционные силы всячески пытались изолировать подлинно революционные организации народа. Под влиянием роста революционной борьбы, в которой на определенном этапе решающую роль сыграла Повстанческая армия во главе с Фиделем Кастро, они вынуждены были высказаться за создание широкого фронта, включающего и Народно-социалистическую партию. В результате побед Повстанческой армии, поддержанных всеобщей забастовкой трудящихся, диктатор Батиста 1 января 1959 года был свергнут. В феврале 1959 года было создано правительство во главе с Фиделем Кастро, вставшее на последовательно революционные позиции. После того как в 1959—1960 годах были осуществлены коренные социально-экономические и политические преобразования, власть окончательно перешла в руки трудового народа, руководимого рабочим классом, что открыло путь к непосредственно социалистическому строительству.

«Наша революция,— писал член Политбюро ЦК Коммунистической партии Кубы Блас Рока,— это революция, которая в своем стремительном и неудержимом натиске выполнила, во-первых, демократические задачи: победоносная Повстанческая армия, принимая вместе с подавляющим большинством населения страны, вместе с различными классами общества единые действия против реакционной и прогнившей тирании Батисты, добилась ее свержения, которое было дополнено всеобщей забастовкой во всей стране; революционная власть восстановила прочные демократические и прогрессивные нормы конституции, упраздненной и попранной участниками переворота 10 марта 1952 года; вместо старой реакционной армии, воспитанной на репрессиях против рабочих, крестьян и бедных слоев населения вообще и на защите интересов и привилегий иностранных компаний, а также кубинских эксплуататоров, революционная власть сразу же создала новые революционные вооруженные силы рабочих и крестьян, регулярную армию и революционную милицию и обновила весь

¹ Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм. М., 1975, с. 62.

государственный аппарат, создав новые органы власти, начала и довела до конца радикальную аграрную реформу.

Во-вторых, революция должным образом и полностью выполнила одновременно задачи национального освобождения: революционная власть добилась полного национального суверенитета и заставила уважать его, сорвала все прямые и косвенные попытки американских империалистов вмешиваться во внутренние дела страны и по-прежнему опекать кубинское правительство, диктуя ему свою политику, вернула стране национальные богатства, узурпированные империалистическими монополиями, национализировала банки и компании, располагая которыми эти монополии эксплуатировали наш народ и подчиняли своему диктату всю нашу экономику.

Не мешкая слишком долго, наша революция, в-третьих, принялась за осуществление социалистических задач, поэтому немногим более двух лет после победы она уже могла с гордостью заявить о своем социалистическом характере и, высоко подняв знамена социализма и марксизма-ленинизма, нанесла первое крупное военное поражение американскому империализму в Латинской Америке»¹.

В весьма сложных, специфических условиях небольшого карибского острова происходит борьба за создание основ для будущего перехода на социалистический путь развития в Гренаде. Как отмечал глава революционного народного правительства Гренады М. Бишоп, революции в этой стране предстоит пройти национально-демократический и антиимпериалистический этап, но с социалистической ориентацией².

Большое значение для Латинской Америки, всего мира имеет также опыт революционной борьбы в Чили, Перу, Никарагуа, других латиноамериканских странах, позволяющий по-новому взглянуть на различные аспекты ленинской концепции перерастания демократической революции в социалистическую.

Конкретно-историческое содержание перерастания, его формы для каждой страны, для разных периодов, естественно, различны и определяются существом самого революционного процесса, степенью участия народных масс в классовой борьбе, силой авангардно-революционной партии, ее идейно-теоретической вооруженностью, а также находятся в зависимости от уровня развития производительных сил, особенностей ситуации на мировой арене. Совокупность этих факторов определяет темпы и сроки перерастания. Если, скажем, в России они в значительной мере были связаны с необходимостью решения многих демократических задач до перехода к собственно социалистическим преобразованиям, то ныне решение общедемократических и социалистических задач может происходить более или менее одновременно. Это возможно

¹ Verde olivo, 1974, N 1, p. 5.

² Tribuna popular, 4, 10. XII. 1981.

потому, что капиталистическая система в целом созрела для социализма, а страны, освободившиеся от колониального ига, в ходе проведения общедемократических преобразований могут, опираясь на солидарность социалистического мира, приступить к решению социалистических задач.

Правда, из этого не следует, что во всех странах период между буржуазно-демократической и социалистической революциями обязательно будет коротким. В сложных условиях развития государственно-монополистического капитализма, обострения классовой борьбы между социализмом и капитализмом на мировой арене социальные и политические аспекты предреволюционного и революционного процесса в отдельных странах усложняются, переплетаются, появляются новые факторы, ускоряющие или замедляющие ход революционного движения. Поэтому к вопросу о темпах перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую следует подходить с учетом конкретной ситуации в каждой данной стране.

Именно такого подхода требует ленинское учение о непрерывной революции. Опыт трех российских революций, в которых оно впервые было испытано на практике, постоянно обогащается в ходе происходящей революционной борьбы, которая дает бесценный материал для дальнейшего развития марксистско-ленинской теории революции, для уточнения диалектики демократических и социалистических задач в современном революционном процессе, для выявления факторов и рычагов, обеспечивающих его непрерывность.

Диалектика демократических и социалистических задач

Всесторонне разработанная В. И. Лениным теория непрерывной революции, успешно испытанная в горниле революционных битв XX века, методологически связана с идеей о невозможности в новую эпоху «чистых» революций. В. И. Ленин считал исторически обусловленным переплетение в каждой революции не во всем одинаковых социальных движений, чередование и совмещение различных классовых сражений. «Кто ждет «чистой» социальной революции, — писал он, — тот никогда ее не дожидется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции»¹.

Это был подлинно диалектический подход к анализу возможностей и особенностей современных революционных процессов, ярко выделявшийся на фоне бесплодного догматизма меньшевиков, которые подходили к живой действительности со своей тощей метафизической схемой «или — или», в общем плане высмеянной еще Энгельсом в «Анти-Дюринге» (или, рассуждали

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 54.

меньшевики, революция наша буржуазная, но тогда ее вождем не может быть пролетариат, или пролетарская, но... страна не созрела для такой революции!). Догматизм меньшевиков, нашедший, в частности, свое отражение в их взглядах на характер и перспективы революций в России, не был случайным или «чисто российским» явлением. Как неоднократно указывал Ленин, и русские меньшевики, и все оппортунистические вожди II Интернационала не поняли и не могли применять решающего в марксизме — его революционную диалектику¹.

И если в период «мирного», «спокойного» развития капитализма этот недостаток не проявлял себя в полную меру, то в условиях назревавших в начале века жестоких империалистических войн за передел мира, вспыхнувших социальных бурь и подлинно народных революций, не владея марксистским диалектическим методом, нельзя было идти в ногу со временем, нельзя было идти вперед с революционным пролетариатом, во главе его².

Практика подтвердила правильность ленинского подхода к анализу революционных движений нашего века. Действительно, в России ни революция 1905—1907 годов, ни Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года не смогли выполнить всех своих задач. Их пришлось доделывать социалистической революции. В связи с этим В. И. Ленин писал: «За какие-нибудь *десять недель*, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5 января 1918), мы сделали в этой области (в решении задач буржуазно-демократической революции. — К. З.) в тысячу раз больше, чем за *восемь месяцев* своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты) и мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры)»³.

Не были «чистыми» революции и в других странах. В каждой из них наблюдалось переплетение задач демократических и социалистических. Как подчеркивают коммунисты стран капитала, задачи демократического и социалистического преобразования общества и ныне стоят перед ними не в «чистом» виде, а в своеобразном сочетании.

Несмотря на то что в жизни оба этапа революции переплетаются, с точки зрения теории и политики чрезвычайно важно выделять характерные черты каждого из них. «Конечно, в конкретной исторической обстановке, — писал Ленин, — переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дорога... Но

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 378.

² Сказанное означает, между прочим, что, указывая на основные, *классовые* причины оппортунистического перерождения многих в прошлом авторитетных теоретиков и пропагандистов марксизма (К. Каутский, Г. В. Плеханов и др.): отход от позиций революционного пролетариата под давлением мелкобуржуазной и буржуазной стихии, нельзя игнорировать и *гносеологические* корни их оппортунизма, которые, как отмечал Ленин, обычно самым теснейшим образом связаны с классовыми, переплетаются с ними.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 145.

это несколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противопоставляем буржуазную революцию и социалистическую, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различения их...»¹

Определяя конкретно задачи буржуазно-демократической и социалистической революций в России, Ленин к первой относил уничтожение самодержавия и установление демократической республики, устранение остатков феодализма во всех сферах жизни общества, и прежде всего решение аграрного вопроса в интересах крестьянства, введение 8-часового рабочего дня, решение национального вопроса, ликвидацию зависимости от империалистических держав, установление прочных интернациональных связей и отношений взаимопомощи с революционными силами в других странах. Задачами социалистической революции Ленин считал установление диктатуры рабочего класса, создание нового государственного аппарата, ликвидацию частнокапиталистической собственности путем обобществления основных средств производства, введение централизованного планирования, устранение всех форм гнета и эксплуатации, переворот в области идеологии и культуры.

Конечно, при анализе содержания и взаимосвязи этапов революции отчетливо видно, что они не тождественны в различных исторических условиях. Например, и в России в Феврале 1917 года, и в европейских странах в период битв с фашизмом борьба за завоевание или восстановление буржуазной демократии составляла основную цель буржуазно-демократического этапа революции. Однако конкретное содержание осуществленных преобразований на первом этапе было различным, неодинаковой была степень приближения к социалистическим переменам.

Рассмотрим некоторые наиболее характерные аспекты победоносных революций первой половины XX века, выделяя общие и особенные моменты сочетания в них демократических и социалистических преобразований в основных сферах общественной жизни.

В экономике буржуазно-демократическая революция в России привела лишь к частичному осуществлению ее лозунгов. Не были выполнены такие требования, как введение 8-часового рабочего дня, ликвидация помещичьего землевладения. Следует отметить, что под руководством большевистской партии рабочие Петрограда в марте — апреле 1917 года во многих местах явочным порядком провели в жизнь одно из требований программы-минимум РСДРП — ввели 8-часовой рабочий день. В свою очередь крестьяне, отчаявшись получить обещанную эсерами землю, силой начали захватывать ее. Это движение получило столь мощное развитие, что в сентябре 1917 года в стране стихийно «началось и разрастается крестьянское восстание»². «В целом ряде провин-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 74.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 276 и др.

циальных местностей, — писал Ленин, обобщая подобные процессы, — революция идет вперед путем самочинной организации пролетариата и крестьянства в Советах, самочинного устранения старых властей, создания пролетарской и крестьянской милиции, перехода всех земель в руки крестьянства, введения контроля рабочих за фабриками, введения 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, обеспечения непонижающегося хода производства, установления надзора рабочих за распределением продовольствия и т. д.»¹. Однако, несмотря на довольно широкий размах революционных действий масс, они не были повсеместными, не закреплялись в законодательном порядке.

Поэтому в ходе социалистической революции были последовательно осуществлены задачи обоих этапов в области экономики: установлен рабочий контроль на предприятиях, а затем проведена национализация крупной промышленности; введен 8-часовой рабочий день; ликвидировано помещичье землевладение и осуществлена передача земли крестьянам.

Взаимопроникновение, переплетение задач разных этапов в экономической области мы наблюдаем (разумеется, в специфической форме) и в последующих революциях. В Чехословакии, например, еще на первом этапе (до февраля 1948 года) коммунисты обратили особое внимание на необходимость расширения завоеваний революции в области экономики. По их предложению правительство издало закон о национализации банков, шахт, рудников и крупной промышленности. В руки государства перешло более 60 проц. промышленности страны.

В ГДР на первом этапе были завершены революционные преобразования, приведшие к устранению основ империализма и милитаризма и созданию антифашистского, демократического режима. Важнейшими среди них в сфере экономики были земельная реформа, передача в народную собственность предприятий военных преступников и активистов нацистской партии. Дальнейшее развитие революции, перерастание в социалистическую шло по пути укрепления государственного сектора экономики, перехода к планированию, расширения демократических органов управления и проведения других мероприятий демократического и социалистического характера.

В Польше уже на первом этапе революции народно-демократическая власть не только начала проведение демократической аграрной реформы, но и стремилась к ограничению позиций капитала в городе. Экономической мощи буржуазии был нанесен решающий удар в относительно короткий срок, раньше, чем в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы: здесь сразу началась национализация промышленности, проводимая — и это следует подчеркнуть — «снизу», самими трудящимися по мере освобождения страны. Тем самым был предопределен и законода-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 430.

тельный акт о национализации, принятый в начале 1946 года. Народная власть национализировала в 1945—1946 годах также банки и транспорт. Этим были заложены основы для социалистического развития Польши.

В Румынии тоже на первом этапе народно-демократической революции проводились как демократические, так и социалистические преобразования. В этот период был введен рабочий контроль над производством в виде промышленных управлений, проведена денежная реформа, которая свела на нет наличные фонды буржуазии, не использованные ею в производстве, принят закон о запрещении покупки земли кулаками, передан в руки государства национальный банк.

Сочетание демократических и социалистических задач осуществлялось и в ходе революций в странах Азии. Например, в Северной Корее наличие власти трудящихся позволило уже на первом этапе революции проводить одновременно антифеодальные, демократические и социалистические преобразования. После воссоединения Вьетнама на юге страны проводятся меры по преобразованию старых производственных отношений. В докладе Генерального секретаря ЦК Компартии Вьетнама Ле Зуана на IV съезде КПВ подчеркивалась необходимость одновременно с ликвидацией феодальной собственности на землю и остатков феодальной эксплуатации, национализацией предприятий компрадорской буржуазии активнее проводить социалистические преобразования в промышленности, сельском хозяйстве и торговле¹. V съезд Компартии Вьетнама (март 1982 года) подтвердил курс социалистической революции и строительства социалистической экономики, предусматривающий укрепление диктатуры пролетариата, создание строя коллективного хозяйствования трудового народа и осуществление социалистической индустриализации. «Этот курс, — подчеркивалось на съезде, — основан на наиболее полном использовании идей марксизма-ленинизма в конкретных условиях нашей страны, воплощении в жизнь учения В. И. Ленина о возможности перехода к социализму, минуя стадию капиталистического развития»².

Свои особенности в решении демократических и социалистических задач в сфере экономики имелись и в других странах: МНР, Албании, Болгарии, Венгрии, Югославии, Китае.

В области *политических* отношений буржуазно-демократическая революция в России в основном выполнила стоявшие перед ней задачи — смела власть царизма и потрясла всю политическую структуру царской империи. Трудовой народ одного из самых деспотических государств мира завоевал политическую свободу в рамках буржуазной демократии. Более того, наряду с буржуазным Временным правительством возникли Советы рабочих и сол-

¹ См. Правда, 1976, 15 декабря.

² Правда, 1982, 26 марта.

датских депутатов. Политически страна шагнула далеко вперед. «Нет в мире страны,— писал Ленин в апреле 1917 года,— где бы *сейчас* была такая свобода, как в России»¹. Это означало, что в решающем вопросе — вопросе о власти — революция вышла за рамки традиционных буржуазно-демократических преобразований, причем некоторое время после победы Февральской революции (до начала июля) реальная сила была в руках именно Советов². Однако преобладание меньшевиков и эсеров в тогдашнем руководстве Советов привело к тому, что Советы добровольно уступили власть буржуазии (сказалось здесь и некоторое ухудшение состава пролетариата: многие кадровые рабочие были мобилизованы в действующую армию).

Вместе с тем буржуазно-демократическая революция не решила многих острых политических проблем, прежде всего вопроса о мире. Не было признано даже формально право наций на самоопределение, не отделена церковь от государства. Со временем даже А. Керенский вынужден был признать: «Топтались везде: и в армии, и в аграрном вопросе, и в вопросе о войне и мире. Можно сказать, все государство топталось на месте, зацепившись за кадетский пенёк»³.

То, что оказалось не под силу буржуазно-демократической революции, совершила революция социалистическая, которой пришлось устанавливать мир, устранять наследие феодализма в деревне, сословные привилегии и т. п. Этот опыт большевиков творчески применялся в ходе последующих победоносных революций во всех странах. Приведем в качестве примера лишь две из них. Так, в Чехословакии исходным пунктом борьбы за социализм были революционные преобразования, осуществленные народом после освобождения страны от фашизма. Уже на первом этапе революции, когда рабочий класс делил власть с частью буржуазии, шла постепенная ликвидация старого государственного аппарата, создавались основные звенья нового, народного аппарата власти. Коммунистическая партия приняла решительные меры к сплочению вокруг рабочего класса всех патриотических сил, к победоносному перерастанию народно-демократической революции в революцию социалистическую, к завоеванию власти рабочим классом в феврале 1948 года. Острая борьба за власть развернулась

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 178.

² Военный министр Временного правительства А. И. Гучков констатировал тогда: «...Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов» (Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957, с. 429—430).

³ Керенский А. Указ. соч., с. 235.

и на первом этапе революции в Польше. Реакционные, прозападные элементы постепенно вытеснялись из органов власти, было подавлено и вооруженное сопротивление буржуазных и националистических элементов. Тяжелый удар по политическому влиянию капитала был нанесен осуществленной в 1946 году широкой национализацией промышленности.

В сфере культуры буржуазно-демократическая революция в России провозгласила формальное право на образование, однако практические меры для его реализации не были приняты. Только последовавшая вскоре социалистическая революция создала условия для ликвидации неграмотности, резкого подъема культуры, осуществления подлинной культурной революции. На социалистическую революцию в этой сфере пришелся особенно большой объем работы, которую исторически должен был выполнить еще капитализм. Разумеется, в новых условиях содержание этих преобразований приобрело новые качества, ибо ликвидация отсталости в области культуры осуществлялась на базе марксистско-ленинской науки, в интересах трудящихся.

В революциях, происшедших после второй мировой войны, преобразования в области культуры во многих странах уже на первом этапе носили весьма радикальный характер. Были приняты решительные меры по ослаблению влияния реакционной идеологии, демократизации системы образования, развитию элементов социалистической культуры. Коммунистические партии и другие прогрессивные силы занимали достаточно влиятельные позиции, чтобы активно бороться за распространение марксистско-ленинской идеологии¹.

Итак, мы видим, что во всех победоносных революциях послевоенного периода в значительной мере отразились черты, свойственные русским революциям. Вместе с тем переплетение различных демократических и социалистических задач носило, как правило, еще более выраженный характер. Новым было и то, что в послевоенных революциях уже на первом этапе трудящиеся приступали к решению некоторых задач, носивших в основном не столько буржуазно-демократический, сколько социалистический характер. Это помогало осуществлению революционных изменений во всех сферах жизни общества.

¹ В то же время следует отметить, что в некоторых странах, где в общественном сознании средних слоев было особенно сильно влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, где процесс размежевания классовых сил не носил острого характера, буржуазия, утратив экономическую и политическую власть, сумела в той или иной мере сохранить идейное влияние среди части населения на длительный период, что обнаружилось, например, в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968—1969 годах или в Польше в 1980—1981 годах, когда возникла реальная угроза социализму в результате действий контрреволюционных сил. Большую негативную роль в этом сыграли серьезные недостатки в идейно-воспитательной работе с массами.

В наше время есть все основания говорить о дальнейшем сближении и диалектическом переплетении демократических и социалистических элементов революционного процесса. Главная предпосылка этого — углубление мирового революционного процесса, дальнейшее изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, созревание объективных и субъективных факторов социалистических преобразований. В новой обстановке улучшаются условия для коренных изменений, для усиления социалистических элементов в революционном развитии. Научно-техническая революция, борьба за экономическую самостоятельность и равноправие актуализируют задачу обобществления средств производства, ликвидации власти крупных монополий, установления социалистических отношений в экономике.

На фоне небывалых возможностей, которые открывает нынешнее развитие науки и техники, человеческой мысли, особенно ярко выступает неспособность империализма избавить общество от бедности и нищеты, ликвидировать безработицу, обеспечить трудящимся, всем народным массам жизнь, свободную от страха за завтрашний день. Для все большего числа людей становится ясным, что капитал не может допустить и никогда не допустит реального участия трудящихся в решении производственных и общественных дел. Все очевиднее становится, что империализм ведет к упадку культурных и моральных ценностей мировой цивилизации. В условиях государственно-монополистического капитализма, империализма, ведущего к углублению реакции по всей линии, усиливается поляризация классовых сил, политическая необходимость сближает сторонников демократии с силами, борющимися за социализм.

Знаменем времени является тот факт, что сближение и переплетение демократических и социалистических начал в современной революционной борьбе находят выражение не только в странах, экономически созревших для социалистических революций (т. е. в цитаделях империализма), но и — разумеется, в своеобразной форме — в развивающихся странах, в зоне национально-освободительного движения.

Как мы уже отмечали, последовательная национально-освободительная борьба наносит решительные удары по самой системе империализма, ослабляет, подрывает его устои. А это значит, что в плане основных тенденций борьбы двух мировых систем, определяющей общий ход истории, национально-освободительные революции уже на первых этапах становятся составной частью всемирного революционного процесса перехода от капитализма к социализму, иначе говоря, приобретают с этой (т. е. международной) точки зрения ярко выраженный антикапиталистический характер, существенно выходя за рамки классических буржуазно-демократических революций прошлого.

Вместе с тем в национально-освободительном движении объединяются самые разнородные в классовом и социальном отно-

шении силы на платформе, которая по своей природе и непосредственным целям является в абсолютном большинстве стран не более чем общедемократической. В таком положении заключено определенное противоречие. Как оно разрешается в жизни?

В силу своей социальной природы национально-освободительное движение на первых порах, как правило, не выходит за рамки капиталистических общественных отношений. В то же время даже для осуществления действительно глубоких общедемократических преобразований эти рамки оказываются слишком тесными, и если их придерживаются, то ни в экономике, ни в социальной сфере, ни в области политической демократии цели и задачи демократической национально-освободительной революции оказываются не выполненными до конца, о чем свидетельствует накал классовых конфликтов между пролетариатом и буржуазией в этих странах.

Сказанное не означает, конечно, что национальная революция не может застопориться, создав буржуазное государство, отличающееся уродливыми чертами слабого развитого капитализма в сочетании с неизжитыми остатками феодализма. Этот вариант возможен, он не плод абстрактного мышления. Такой именно оборот приняло развитие национальных движений в некоторых странах Азии и Африки. Но это не магистральный путь национально-освободительной борьбы, поскольку всюду, где оно успело привести в движение народные массы, его собственные противоречия становятся двигателем дальнейшего революционного развития. Невыполненные общедемократические требования закономерно порождают широкий социальный протест. Он выливается сплошь и рядом в организованные политические действия против сковывающих демократию ограничений не только докапиталистического, но буржуазного характера, которые стоят на пути к полному и последовательному воплощению в жизнь целей общедемократического движения.

История афро-азиатских стран, вставших на путь социалистической ориентации, показывает, что такое движение неизбежно вступает в конфликт с капитализмом. При этом оно может и не сознавать четко своей направленности, хотя практика показывает, что многие участники национально-освободительного движения все больше начинают понимать, что объективная логика политической борьбы, столкновения классовых интересов внутри самого движения ведут к перерастанию национальной революции в революцию социальную.

Как отмечал, например, цитировавшийся выше С. Виейра, в Мозамбике «установление нового, народно-демократического строя привело к обострению классовой борьбы в национальном масштабе и одновременно к усилению агрессии империализма против нашей революции... В ходе народной освободительной войны мы приступили к свершению национально-демократической революции. Новый этап — усиления классовой борьбы и строительства

основ для дальнейшего перехода к социализму — требует нового орудия: передовой партии»¹.

Сказанное не означает, что в результате отмирает общедемократическое начало национально-освободительной революции. Напротив, политически оно не только сохраняется, но и получает наиболее полное развитие на новой социальной базе, что и позволяет ее характеризовать как революцию национально-демократическую.

Социальная революция, вырастающая из национального движения, конечно, не может превратиться в «чисто» социалистическую, оторваться от своей общедемократической первоосновы. Однако это ни в коей мере не мешает ей уже сегодня подводить страны и народы к рубежам, за которыми открывается путь к социализму.

Так, на наш взгляд, и разрешается отмеченное противоречие между ролью национально-освободительного движения в мировой борьбе, где оно объединяется с социализмом против империализма, и его собственной социально-политической природой, которая преобразуется настолько, что сама становится фактором развития общества в социалистическом направлении.

В последние годы характерной чертой развития национально-освободительных революций во многих странах становится все большее их наполнение социальным содержанием, переход в стадию, когда эти революции, не теряя общей антиимпериалистической направленности, приобретают отчетливо выраженный классовый характер. Во многих молодых антиимпериалистических государствах Азии и Африки борьба за национальное освобождение стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических. На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что в экономике и политической жизни арабских, африканских и азиатских стран, избравших социалистическую ориентацию, произошли новые, прогрессивные сдвиги; выросло и число стран, избравших путь социалистического развития².

Усиливающаяся диалектическая взаимосвязь демократической, антиимпериалистической борьбы с борьбой, имеющей определенную социалистическую направленность, проявляется в странах Азии, Африки и Латинской Америки в специфических формах, соответствующих национальным особенностям и конкретным условиям положения их в современной системе международных отношений. Тем самым подтверждается универсальное значение открытых Лениным общих закономерностей перехода от демократии к социализму.

Объективный характер действия этих закономерностей обнаруживается порой весьма своеобразно. Вот один из примеров.

¹ Совместная борьба рабочего и национально-освободительного движений против империализма, за социальный прогресс, с. 67—68.

² См. Материалы XXVI съезда КПСС, с. 11.

В феврале 1966 года в Сирии к власти пришло левое правительство, поставившее перед собой последовательно антиимпериалистические цели. При этом оно стремилось на первых порах предоставить национальной буржуазии возможность для определенного функционирования в сфере экономики. Однако ее значительная часть не только не оказала поддержки независимой экономической политике правительства, но стала переводить свои капиталы за пределы страны. Это вынудило правительство ускорить осуществление антикапиталистических мероприятий, национализировать собственность этой части местной буржуазии.

Жизнь показала, что освободившиеся страны, следуя по капиталистическому пути, не в состоянии решить коренных проблем своего развития: создания современной индустрии, модернизации сельского хозяйства, повышения жизненного уровня населения, ибо капиталистический путь означает неравноправные отношения с империалистическими государствами и международными монополиями. Используя экономические рычаги неокOLONIALИЗМА, империалистические державы продолжают эксплуатировать свои бывшие колонии. «Помощь», которую они оказывают развивающимся странам, направлена на увековечивание подчиненного положения последних в системе мирового капиталистического хозяйства, она ведет лишь к углублению разрыва в уровне экономического развития между империалистическими и освободившимися странами. Достаточно сказать, что совокупный государственный долг освободившихся стран, возросший с 1955 по 1975 год, по оценкам некоторых специалистов, с 8,7 до 140 млрд. долларов, в начале 1981 года достиг астрономической суммы — 500 млрд. долларов¹. Лишь платежи и выплата процентов по займам отнимают у развивающихся стран до 88 млрд. долларов в год. Армия безработных достигает в этом районе мира 300 млн. человек, более миллиарда человек страдает от постоянного недоедания, лишено всякой медицинской помощи, каждый четвертый житель бывших колоний и полуколоний неграмотен. Таковы результаты неокOLONIALИСТСКОГО грабежа и эксплуатации народов освободившихся стран. У лидеров развивающихся государств есть все основания для вывода: империалисты фактически блокируют прогресс афроазиатских и латиноамериканских стран, и путь к решению острейших социально-экономических проблем может быть только социалистический.

Что касается самой практики, то в силу позиции местной и международной буржуазии последовательная национально-освободительная революция порой просто не может остановиться на полпути и перешагивает границы традиционных буржуазно-демократических преобразований; в ней в той или иной мере посте-

¹ См. Мировая экономика и международные отношения, 1976, № 4, с. 48; Коммунист, 1981, № 18, с. 98.

пенно накапливаются элементы социалистических преобразований как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Говоря об особенностях переплетения общедемократических и антикапиталистических элементов в развитии стран, избравших социалистическую ориентацию, следует отметить еще одну особенность. Во многих из них социально-экономические преобразования идут зачастую как бы несколько впереди политических. Причины этого могут быть разными. Например, на Кубе социалистические цели и характер революции были открыто провозглашены лишь после того, как внутри страны в социально-экономической сфере были проведены преобразования отчетливо выраженного социалистического характера. Это объяснялось, в частности, тем, что здесь ввиду особого географического расположения страны по отношению к США, длительного господства реакции были сильно распространены антикоммунистические предрассудки и с этим должны были считаться руководители революции.

Причины совершенно иного характера обусловили указанную особенность в развитии Египта в определенный период. Здесь антибуржуазные преобразования в области политической организации общества, старого государственного аппарата заметно отставали от решительных действий по ликвидации крупного и значительной части среднего капитала, осуществленных президентом Г. Насером. После его смерти политическое влияние буржуазии резко усилилось. Провозглашенная правительством Садата политика «открытых дверей» создала широкие возможности для проникновения американских и других империалистических монополий в экономику Египта. С мая 1971 года, отмечается в Программе Египетской компартии, контрреволюция встала на путь отказа от многих мероприятий периода правления Насера, обрушилась на завоевания рабочих и крестьян. «Поэтому Египетская коммунистическая партия определяет современный революционный этап как этап борьбы против контрреволюции и выполнения задач национально-демократической революции для непосредственного перехода к социализму»¹.

Опыт ряда стран, однако, показывает, что по мере продвижения вперед по пути социалистической ориентации развития подобные противоречия могут и должны преодолеваются; прогрессивные социально-экономические преобразования для своего углубления нуждаются в соответствующих изменениях в политической организации общества. И совершенно не случаен тот, например, позитивный факт, что развитие событий в Сирии с необходимостью привело к политическому сотрудничеству, в том числе и на правительственном уровне, между революционными демократами и компартией.

Без учета растущего сближения демократических и социалистических задач невозможно успешное решение проблем нацио-

¹ Information Bulletin, 1981, N 5, p. 24.

пального и социального освобождения в странах Латинской Америки, которые, как правило, находятся на более высокой стадии экономического развития, чем большинство стран Азии и Африки.

Мы уже отмечали, что последовательно антиимпериалистический и подлинно народный характер кубинской революции быстро привел ее на путь социалистических преобразований, ярко продемонстрировав и внутри страны, и на международной арене органическую связь между подлинным антиимпериализмом и демократизмом, с одной стороны, и социализмом — с другой. Закономерное сближение и переплетение демократических и социалистических задач можно было наблюдать и в ходе трехлетнего развития чилийской революции, опыт которой, несмотря на временное поражение, имеет огромное значение, особенно для Латинской Америки, и его не удастся обесценить оппортунистам разных мастей. В ходе революции трудящиеся Чили решили многие задачи национально-демократического и часть задач социалистического этапов. В конкретных условиях страны проводившаяся широкая национализация крупнейших отраслей экономики явно выходила за рамки демократизации народного хозяйства и означала создание элементов социалистической экономики. Оценивая достигнутую ступень революционных изменений, Генеральный секретарь КПЧ Л. Корвалан подчеркивал в 1972 году в интервью журналу «Проблемы мира и социализма», что «антиимпериалистическая и антиолигархическая революция, которая началась в нашей стране, представляет собой в то же время этап перехода к социалистическим преобразованиям и поэтому является частью борьбы народов всего мира за национальное освобождение, мир и социализм»¹.

Исходя из антиимпериалистического, антилатифундистского и антимонополистического содержания чилийской революции, коммунисты считали одной из главных задач правительства Народного единства создание условий для того, «чтобы как можно скорее приступить к демократическим преобразованиям институционального порядка»². Но прогрессивные мероприятия новой власти были, однако, встречены в штыки внутренней и внешней реакцией, которая явно и тайно приложила все силы, чтобы затруднить экономическую и политическую деятельность правительства С. Альенде. В стране по ряду причин сложилось неблагоприятное соотношение сил, что и было использовано реакцией для свержения народного правительства.

После фашистского переворота в Чили революционные завоевания трудового народа были ликвидированы. Это поставило перед революционными силами страны задачу повторного прохождения, разумеется в иной форме, демократического этапа революции. «Переворот показал, — отмечалось в одном из документов КПЧ, — что Чили нуждается в более прогрессивном, более демократиче-

¹ Проблемы мира и социализма, 1972, № 11, с. 10.

² El Siglo, 19. III. 1972.

ском государстве права, чем то, которое было уничтожено диктатурой. Это новое государство возникает в борьбе против нее, и народ придает ему форму в соответствии с критериями и интересами большинства»¹.

В острой классовой борьбе с силами внутренней и внешней реакции развивался революционный процесс в Перу, начало которому было положено прогрессивным военным переворотом 3 октября 1968 года. Как отмечалось в документах Перуанской коммунистической партии, в том числе и в решениях VI национального съезда ПКП (ноябрь 1973 года), этот революционный процесс носил преимущественно антиимпериалистический и антиолигархический характер, был направлен прежде всего на достижение национальной независимости и преодоление экономической отсталости. Вместе с тем по мере своего развития и углубления эта революция приобретала антикапиталистические черты. Об этом свидетельствовали прежде всего такие революционные преобразования, как установление контроля государства над ключевыми отраслями экономики (горнорудная и нефтедобывающая промышленность, банки, связь, железнодорожный транспорт, внешняя торговля и т. д.) и аграрная реформа, направленная на полную ликвидацию латифундизма. Эти меры существенно подорвали позиции империализма и олигархии в стране и создали условия для усиления роли рабочего класса и достижения единства всех антиимпериалистических сил.

Однако политика военного правительства воплощала в себе глубокие внутренние противоречия, обусловленные как самим характером режима, так и мелкобуржуазной ограниченностью идейно-политических воззрений перуанского офицерства, возглавившего революцию. Это определило неспособность военных выйти за рамки демократических, антиимпериалистических мероприятий и, заручившись поддержкой рабочего класса, трудящихся масс страны, перейти к этапу коренных преобразований, открывающих социалистическую перспективу. В конце 70-х годов антиимпериалистический и антиолигархический процесс в Перу был повернут вспять. Страна вернулась к буржуазному курсу развития на базе возрастающей иностранной зависимости. Таким образом, перед рабочим классом Перу вновь встали задачи демократического этапа революции. VIII чрезвычайный съезд ПКП (январь 1982 года), отметив важность широкого сотрудничества левых, патриотических сил Перу, нацелил перуанских коммунистов, рабочий класс и всех трудящихся страны на борьбу за создание народно-демократического правительства, призванного осуществить задачи первого, демократического этапа революции и открыть перед страной перспективы перехода к ее высшему, социалистическому этапу².

¹ Boletín de información (Praga), 1974, N 1—2, p. 174, 175.

² См. Unidad, 5. II. 1982.

По-иному развивались события в Никарагуа, где 19 июля 1979 года в результате многолетней борьбы народа была свергнута полувековая диктатура семейства Сомосы. В стране победила демократическая, народная и антиимпериалистическая революция¹. К власти пришел Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО)², объединивший демократические, левые, революционные силы, включая коммунистов. Сформированное представителями этих сил правительство основывает свою деятельность на Программе, принятой в канун июльской победы, в которой, в частности, указывается, что она «будет осуществляться в переходный период национального возрождения, закладывает основы обновленной Никарагуа и демократического государства социальной справедливости и дает начало революционному националистическому процессу глубоких преобразований...»³.

Компартии многих других латиноамериканских стран имеют конкретно разработанные программы требований, носящие антиимпериалистический, демократический и антиолигархический характер. Их реализация нацеливает вместе с тем общество на социалистическую перспективу. При этом компартии подчеркивают, что речь идет об осуществлении всего комплекса требований, а не только некоторых, пусть и важных, положений. Например, в Программе Компартии Венесуэлы, принятой VI съездом партии (1980 год), отмечается, что на повестке дня стоит революция, которая будет «гарантировать независимое развитие и покончит с влиянием иностранных монополий, демократизирует экономику и устранил монополии; которая подготовит основу социалистических преобразований, поставив государственный сектор на службу общества... подлинно независимая и демократическая, антиимпериалистическая, антимонополистическая революция с переходом к социализму»⁴. Решения VI съезда Народной партии Панамы (1980 год) ставят задачу борьбы за создание «независимого национального государства, действительно демократического и народного, для того, чтобы осуществлять непрерывные социальные преобразования и привести к социальному освобождению»⁵.

Не будет преувеличением считать, что развитие борьбы масс в зоне национального освобождения, несмотря на все трудности и противоречия, в целом не только подтверждает, но и конкретизирует, обогащает ленинские взгляды о сочетании демократических и социалистических преобразований.

¹ Подробнее см. Проблемы мира и социализма, 1980, № 6, с. 67.

² Созданный в 1961 году Фронт назван в честь народного героя Никарагуа генерала Аугусто Сандино, возглавившего в 20—30-х годах вооруженную борьбу против американских интервентов и павшего в 1934 году от рук наемных убийц империализма.

³ См. Латинская Америка, 1980, № 2, с. 60.

⁴ Partido Comunista de Venezuela. VI Congreso — 1980. Programa Caracas, 1980, p. 70—71.

⁵ Documento Central del VI Congreso Nacional del Partido del Pueblo de Panamá. Panamá, 1980, p. 43.

Под воздействием неоднозначных, но мощных факторов возрастает сегодня внимание коммунистов развитых капиталистических стран к ленинским указаниям о переплетении и сближении общедемократических и социалистических задач, к конкретному опыту воплощения их в жизнь русскими революциями, другими победоносными пролетарскими революциями XX века.

Вновь подчеркнем, что содержание, формы диалектической взаимосвязи демократических и социалистических задач в российской, например, революции отличаются от тех, которые существуют в условиях, скажем, современной Франции, ФРГ или США. Эти отличия, конечно, нуждаются в выявлении и учете. В России, коротко говоря, классовая суть многих демократических преобразований (особенно в сфере экономики) определялась прежде всего последовательным проведением *антифеодальных* мер в интересах всего народа (а не только и даже не столько буржуазии); в развитых странах капитала задачи последовательной (или, как говорят, передовой) демократии реализуются с помощью мер *антимонополистического* (и в этом смысле антибуржуазного) характера. В общем, социально-экономическом плане именно последнее обстоятельство, как мы уже отмечали, позволяет сделать вывод о еще большем (чем это было в России) сближении в современную эпоху демократических и социалистических задач, которые стоят перед компартиями развитых капиталистических стран. Это же объясняет повышение революционного значения демократической, антимонополистической борьбы в этих странах.

Интерес к демократической борьбе пролетариата стимулируется сегодня и непосредственно политическими причинами, обусловленными, как говорил Ленин, «отрицанием» империализмом демократий¹. Усилия противников социализма и революционного рабочего движения в области идеологии десятилетиями были направлены на то, чтобы не только опровергнуть это положение, но и создать концепции, доказывающие обратное, а именно прогрессирующую демократизацию капиталистического общества в XX веке. Едва ли не стержнем политической философии буржуазии и реформизма стал тезис о демократии как коренной сущности общественной системы современного капитализма. Выражения типа «свободный мир», «демократия», «общество политического плюрализма» стараниями буржуазной пропаганды превращены в основные характеристики высокоразвитого капитализма, характеристики, которые в определенной мере проникли и в массовое сознание. Разгром фашизма, утверждение национальной свободы бывших колоний и полуколоний, политические и экономические завоевания сил демократии в странах капитала — все это было использовано и ныне используется в качестве доводов, якобы доказывающих восходящее движение монополистического капитализма по ступеням демократии.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

Прием, на котором держатся все эти идеологические конструкции, достаточно прост и сводится к тому, что нужда выдается за добродетель. В заслугу капитализму ставятся явления, которые не вытекают из его современной природы, а, наоборот, вызываются к жизни вопреки ей, являются результатом революционной, демократической, освободительной борьбы в национальных рамках отдельных стран и на мировой арене.

Естественно, что ленинское положение об империализме как реакции по всей линии¹ не может толковаться в том примитивном смысле, что общественно-политическая жизнь в условиях господства монополий везде и всюду, во всех формах и проявлениях имеет только и исключительно реакционный характер. Как и всякая закономерность общественного развития, реакционность империализма представляет собой тенденцию — господствующую и неодолимую, пока существуют порождающие ее социально-экономические условия. Буржуазная демократия может длительное время сохраняться. Она может даже отвоевывать позиции у фашизма. Последние тому доказательства — Греция и Испания. Однако как политическая система она уже не имеет той внутренней жизненной силы, какая была ей свойственна во времена, когда капитализм развивался по восходящей линии.

Далее. Империализм не уничтожил и не уничтожает буржуазную демократию сразу, непосредственно и полностью. Но он поверг ее в состояние глубокого, затяжного и безысходного кризиса. В наше время реальность этого кризиса буржуазной демократии вынуждены признавать и ее апологеты. Они забили тревогу. Хлынул поток публицистической и «ученой» литературы, на все лады взывающей к спасению гибнущей, как оказывается, а не процветающей представительной, парламентарной, «либеральной» политической системы капитализма. И новое даже не в обилии сочинений на эту тему. Новое в их лейтмотиве. Ибо если прежде ставился только вопрос о защите буржуазной демократии от посягательств справа (от фашистской угрозы) и слева (от революционного рабочего класса), то теперь речь идет и о необходимости остановить собственное, внутреннее разложение этой демократии.

Одним из посвященных этой теме изданий — и к тому же в своем роде наиболее авторитетных — явилась книга «Кризис демократии», подготовленная коллективом авторов под эгидой Тройственной комиссии — учреждения, объединившего видных политических деятелей и идеологов США, Западной Европы и Японии. Возникшая в 1973 году Тройственная комиссия (во главе с З. Бжезинским) взяла на себя функции координатора усилий буржуазной общественной мысли этих трех центров современного капитализма в выработке позиций по их «общим ключевым проблемам». Показательно само по себе, что проблема политической организации буржуазного общества заняла в их ряду одно из пер-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 419.

вых мест. Показательно и то, что эта проблема получила однозначную оценку как «кризисная». Но наиболее многозначительная и поучительная сторона дела заключается в рецептуре, предложенной для ее решения.

Исходя из того что политическая система, сложившаяся в развитых странах капитализма, обнаруживает всевозрастающую несовместимость между «управляемостью общества» и демократией и что это грозит гибелью демократическим институтам, авторы выступили с рекомендацией... урезать демократизм в ряде сфер государственного устройства и общественной жизни. Необходимо, мол, расширить права высших, особенно исполнительных, органов власти, несколько ограничить свободу печати, повернуть вспять тенденцию к расширению доступа в высшие учебные заведения и т. д.¹ Словом, спасение демократии — в постепенном ее свертывании.

Эти идеи — не академические забавы авторов одной книги. Они представляют собой отражение и обобщение реальных процессов, происходящих в политической системе современного капитализма и подрывающих основы функционирования буржуазной демократии. Нетрудно видеть, что с запозданием на несколько десятилетий идеологи монополистического капитала, руководствуясь, конечно, другими интересами, следуя иной логике, выбирая собственные, более приятные им слова и выражения, приходят к заключениям, совпадающим с ленинским выводом о том, что капитализм на империалистической стадии развития «отрицает» и экономическую, и политическую демократию. Отрицает даже тогда, когда внешне выступает в роли ее защитника. А защищать буржуазную демократию, в дополнение к уже сказанному, заставляет империалистов, с одной стороны, исключительная острота классовых противоречий в современном буржуазном обществе и непрерывно растущий в этих условиях страх буржуазии за судьбы капиталистического строя. В высшей степени болезненные кризисные явления, превратившиеся к началу 80-х годов в норму существования мирового капитализма, углубили этот страх, заставили выразителей интересов монополий, капитала определенным образом перестроить позиции, изменить соотношение аргументов и акцентов в идеологической защите капиталистической системы. В самой общей форме этот сдвиг может быть представлен как попытка отвлечь общественное внимание от невзгод экономики и соответственно приковать его к вопросам политики. С другой стороны, буржуазная идеология и пропаганда не могут себе позволить равнодушно взирать на рост мирового престижа социалистической демократии, на увеличение притягательной силы ее примера. Естественно поэтому, что ее успехи породили удвоенные, утроенные усилия идеологического аппарата моно-

¹ Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy. New York, 1975, p. 173—187.

полий, направленные на дискредитацию политической системы социализма и проникнутые стремлением доказать некое «безнадежное расхождение путей» реального социализма и демократии.

Стандартная схема многообразных модных рассуждений буржуазных экономистов, социологов, политологов строится на том, что-де при всех экономических и социальных трудностях, которые несет с собой капиталистическая система хозяйства (безработица, инфляция, моральная деградация, даже определенные кризисные явления в демократии), капитализм якобы имеет все же в своем активе непреходящую ценность — представительную демократию. Выступать против капитализма — значит, мол, выступать против демократии. Перед лицом нарастающих требований социально-экономических преобразований, в обстановке, когда все меньше остается возможности отрицать их необходимость, представители господствующего класса, а вместе с ними реформисты настаивают на том, что, мол, никакие общественные перемены недопустимы, если они могут привести к нарушению сложившейся системы демократических институтов, форм, процедур.

Эта задача представляется нашим идеологическим противникам тем более важной, что тенденция к свертыванию демократии происходит в условиях все более сильного развития общественного противоречия, созданного господством монополий, которое Ленин определил как «антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами»¹. Иными словами, империализм выступил и выступает сегодня не только как могильщик демократии, но и — против своей воли — как генератор демократических устремлений масс. Здесь проявляет себя тот же диалектический эффект, который обнаружили в процессе концентрации и централизации капитала еще основоположники марксизма: усиливая свое господство, капитал порождает и организует ту социальную силу, которая его неизбежно уничтожает. Ныне всевластие монополистического капитала расширяет масштабы социального и политического конфликта между верхушкой буржуазии и другими классами и слоями общества, которые находят объединяющий их интерес в защите подавляемой империализмом демократии. Самодержавное воцарение монополий расширяет социальную базу демократических движений и создает объективные условия для роста их политической мощи и влияния.

Так, поспрашивание монополиями даже тех прав и свобод, которые укладываются в рамки буржуазной демократии, вызывает активизацию борьбы компартий, других демократических сил против попыток выхолостить конституции, за проведение в жизнь тех статей буржуазных конституций, которые существуют лишь на бумаге. В ФРГ, например, коммунисты усиливают борьбу против закона о так называемых «радикальных элементах», цель которо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 71.

го — устранить из государственного аппарата и системы просвещения лиц, придерживающихся прогрессивных взглядов, что противоречит статьям 3 и 33 конституции страны. Программа ГКП отмечает, что «чрезвычайные законы и прочие изменения в конституции выхолостили демократическую сущность Основного закона. Этот опасный процесс форсируют принятием все новых законов. Пропасть между конституцией и действительностью углубляется»¹. Компартия Великобритании относит к числу наиболее важных задач вовлечение широких масс в борьбу за демократическое решение политическими средствами проблемы Северной Ирландии, а также борьбу за искоренение расизма в британском обществе, против попыток реакции гальванизировать фашистские тенденции в стране. «Всю мощь и все влияние массовых организаций рабочего класса, — указывал Генеральный секретарь КПВ Г. Макленнан, — следует направить на борьбу с угрозой фашизма. На пути расизма и фашизма должен быть воздвигнут надежный заслон»².

Огромное значение борьбы против всех форм и проявлений расизма и дискриминации как неразрывной части борьбы против монополистического капитала, за социальный прогресс постоянно подчеркивают американские коммунисты. Как указывал Г. Холл, «борьба против монополистического капитала — это огромная задача, но без нее нельзя обойтись... Народ нашей страны не собирается сложа руки ждать дальнейшего ухудшения положения. Он намерен все больше объединяться и бороться. Единство требует в первую очередь и превыше всего наращивания решительной борьбы против расизма и дискриминации, где бы и когда бы они ни проявляли свою отвратительную личину»³.

Особые усилия по защите демократических прав и свобод, гарантированных законом, предпринимают компартии тех стран, где конституции принимались после второй мировой войны, в обстановке подъема антифашистской борьбы, крушения фашистских режимов и где под давлением масс, мировой демократической общественности в них были записаны пункты, которые служат правовой основой, например, для борьбы за участие рабочих в управлении экономикой, за регулирование процесса подготовки и переподготовки рабочей силы, за ограничение частной собственности, в том числе с помощью национализации, и т. д. Например, принятая в 1947 году Конституция Италии, в разработке которой активно участвовали коммунисты, обязывает государство «устранять препятствия экономического и социального порядка, которые, фактически ограничивая свободу и равенство граждан, мешают полному развитию человеческой личности и действительному эф-

¹ Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 263.

² Проблемы мира и социализма, 1979, № 8, с. 18.

³ Daily World, 10. IV. 1980.

фективному участию всех трудящихся в политической и социальной организации страны»¹.

Такого рода примеры, кстати говоря, свидетельствуют о том, что демократическая борьба масс, руководимых коммунистами, порой выходила за пределы традиционной буржуазной демократии, затрагивала в той или иной мере сферу социальных отношений, а буржуазия была вынуждена идти на уступки, чтобы избежать краха своего строя. Хотя прогрессивные конституционные нормы, о которых речь шла выше, носят в основном декларативный характер, значение их нельзя преуменьшить. Они лишь раз свидетельствуют о растущем сближении демократических и социалистических задач и могут оказаться важным плацдармом борьбы пролетариата при переходе к социализму.

С другой стороны, коммунисты хорошо понимают — и чилийские события (да и не только чилийские) еще раз с драматической силой подчеркнули это, — что никакие, даже самые передовые и самые демократические, буржуазные конституции (а чилийская конституция считалась таковой) сами по себе не только не дают реального права трудящимся определять социально-экономическую и политическую жизнь страны, но и не содержат настоящих гарантий против действий наиболее реакционных буржуазных групп, готовых, когда затрагиваются их коренные интересы, уничтожить всякую демократию. Имея это в виду, КИ Чили, в частности, отмечала в своем первом обращении к народу после фашистского переворота 1973 года: «...народ снова вернется к власти, и он, разумеется, не будет обязан восстанавливать все существовавшие ранее институты. Народ примет новую конституцию, выработает новые кодексы и законы, издаст новые декреты, учредит новые государственные органы и институты, установит правовое государство более высокого типа, чем то, которое было задумано в результате военного переворота. Это будет такое правовое государство, при котором будет уважаться свобода совести, свобода убеждений, будут соблюдаться все нормы гуманности, но не будет места для законов, под покровом которых возможны фашизм, экономический саботаж или подрывные действия»².

Факты говорят, что в условиях империализма традиционные буржуазно-демократические институты не способны противодействовать усилению опасных авторитарных тенденций, переживают острый кризис. Отсюда борьба коммунистов за такое расширение демократии, за такой демократический режим, который, не уничтожая еще экономической основы капиталистической системы эксплуатации, тем не менее дал бы трудящимся действенные, реальные рычаги для продвижения к социализму, для отпора контр-

¹ См. Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957, с. 541—542.

² Boletín de información, 1973, N 1—2, p. 37.

революционному террору буржуазии, если он будет развязан. Без этого, как показывает опыт, невозможен, к стати говоря, и революционный переход к социализму мирным путем, за что борются многие компартии.

Сближение и переплетение демократических и социалистических задач в эпоху империализма, конечно, способствует ускоренному созреванию экономических и социально-политических условий для социалистических революций. Но это же обстоятельство, безусловно, делает революционный процесс более сложным, требуя от коммунистов умения точно различать этапы революции, не допуская при этом подмены разных задач, решаемых на каждом из них, игнорирования неизбежных переходных ступеней или, напротив, неоправданной задержки революционных действий. Российские революции были первыми, успешно овладевшими диалектикой двух этапов революции, а Ленин — первым революционером среди учеников и последователей Маркса и Энгельса, сумевшим и теоретически, и практически разработать эту сложнейшую проблему, которая и сегодня так же актуальна, как и в период российских революций.

В связи с анализом опыта этих революций и его сопоставлением с современностью логичен вопрос: почему в России, несмотря на ее экономическое и культурное отставание от стран Западной Европы и Северной Америки, был возможен переход от демократии буржуазной непосредственно к демократии социалистической, да еще за такой короткий срок? Не ставит ли это под сомнение целесообразность современной борьбы за расширение демократии в странах развитого капитала?

Переход России за короткий срок к социализму стал возможен в значительной степени потому, что победа буржуазно-демократической революции в феврале 1917 года привела к созданию более широкой демократии, лучших условий для борьбы за социализм, чем те, которые существовали тогда и существуют сегодня в развитых капиталистических странах.

Остановимся на этом вопросе более подробно, так как порой к уровню развития демократии и ее сути вольно или невольно подходят с традиционными буржуазно-демократическими мерками.

Политические свободы, которых добился российский пролетариат после Февраля 1917 года, Ленин рассматривал не как самоцель, а как условие, позволяющее продвигаться вперед, к социализму. «Стоять на месте нельзя — в истории вообще, во время войны в особенности, — писал Ленин. — Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему...»¹ Он решительно выступал против оппортунистической точки зрения, которую представлял,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.

в частности, Каменев, утверждавший, что, мол, буржуазная демократия не исчерпала всех своих возможностей¹. Этот вывод означал по существу отказ от борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Руководимая Лениным партия большевиков, взяв курс на свержение капиталистического строя, не питала в отношении буржуазной демократии никаких иллюзий, но она умело использовала ее для завоевания на свою сторону большинства трудящихся, для формирования политической армии революции. Большевики, несмотря на противодействие Временного правительства, сумели создать и вооружить отряды Красной гвардии, объединявшие к Октябрю около 200 тыс. рабочих². Более того, большевики добились того, что осенью 1917 года основная масса солдат шла за их лозунгами. Петроградский и Московский военные гарнизоны практически не подчинялись распоряжениям Временного правительства, и это в условиях военного времени!

Таким образом, данный опыт, как и предшествовавшие попытки революционных изменений, показывает, что без завоевания демократии в условиях буржуазного строя, как правило, затруднена успешная борьба за социализм. Какие обстоятельства определяют эту связь между буржуазной демократией и социализмом?

Без демократии трудно вести в странах капитала борьбу за социализм по следующим причинам. Отсутствие прав и свобод, пусть даже формальных, ограниченных, препятствует просвещению масс, организации их борьбы за социальные преобразования. Без демократии исключительно затруднена и деятельность революционных сил, коммунистической партии. Наконец, буржуазная демократия необходима и для того, чтобы стала ясной ее ограниченность, непоследовательность.

Итак, демократия нужна для социализма, и, чем полнее, глубже она будет, тем скорее, шире и решительнее развернется борьба за новое общество. «...Нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию...»³ — указывал Ленин. Но и социализм нужен для настоящей демократии. Он означает самое широкое развитие прав и свобод граждан, их качественное углубление — замену формальной буржуазной демократии фактической демократией для всех трудящихся.

¹ См. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевики). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевики). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 80.

² Этот опыт большевиков был воспринят революционерами других стран. Так, в Чехословакии были созданы отряды народной милиции, представляющие собой вооруженные отряды рабочих. Они сыграли крупную роль в распространении влияния пролетариата. Аналогичные функции выполняли и выполняют комитеты защиты революции на Кубе. Этого не смог сделать чилийский пролетариат для защиты своих завоеваний из-за неблагоприятного соотношения сил.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 128.

Социализм невозможен без демократии. Если социализм осуществлен, это значит, что воплощена в жизнь и подлинная демократия. Говорить, что есть социализм «недемократический», — значит отрицать существование социализма вообще. Коммунисты, указывалось на XXIV съезде Французской компартии, так же нуждаются в демократии и свободе «для достижения социализма, как в воздухе для того, чтобы дышать»¹. Борьбаться за подлинную демократию — значит бороться за социализм, ибо демократия в условиях буржуазного строя, в условиях классовой диктатуры буржуазии ограничена и иной быть не может.

Внутреннее единство борьбы за демократию с борьбой за социализм — закономерность революционного движения в эпоху империализма. Она представляет собой один из ключевых моментов ленинской теории социалистической революции.

Ленин выступал решительно против попыток «левых коммунистов» «во имя социалистической революции» принизить или даже отбросить последовательно революционную программу в демократической области. В полемике с Радеком, например, он, отмечая опасения «левых» оппортунистов, что борьба за демократию «свяжет» революционно-социалистический пролетариат, писал: «Пролетариат не может победить иначе, как через демократию, т. е. осуществляя демократию полностью и связывая с каждым шагом своей борьбы демократические требования в самой решительной их формулировке. Нелено *противопоставлять* социалистическую революцию и революционную борьбу против капитализма *одному* из вопросов демократии, в данном случае национальному. Мы должны *соединить* революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко *всем* демократическим требованиям: и республики, и милиции, и выбора чиновников народом, и равноправия женщин, и самоопределения наций и т. д.»²

Вместе с тем Ленин столь же определенно разоблачал иллюзии о возможности последовательного осуществления всех демократических требований на почве капиталистического строя.

Каков же выход из этого «непреодолимого», по мнению оппортунистов, противоречия?

Ленин подчеркивал: «Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию»³. Ленин исходил из того, что, «чем цельнее осуществим мы демократиче-

¹ L'Humanité, 4. II. 1982.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 62.

³ Там же, с. 253.

ский переворот, тем ближе окажемся мы лицом к лицу с задачей социалистического переворота, тем резче и острее будет борьба пролетариата против самых основ буржуазного общества»¹. С другой стороны, Ленин считал, что «в известном смысле для известного периода *всякие* демократические цели... способны затормозить социалистическую революцию. В каком смысле? в какой момент? когда? как? Например, если движение уже разгорелось, *революция уже началась*, надо брать банки, а нас зовут: подожди, *сначала* укрепи, узакони республику и проч.!»²

Иначе говоря, к сочетанию демократических и социалистических преобразований, к выбору соответствующих лозунгов борьбы надо подходить не с голыми, мертвыми схемами, а с диалектико-материалистических позиций, рассматривая каждую конкретную ситуацию, каждое положение «лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории»³. При этом, признавая значение каждого из этапов борьбы, нельзя упускать из виду главного ленинского принципа их сочетания: уметь соединить борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, подчиняя первую второй.

Это очень важное и принципиальное замечание. Именно умение соединить борьбу за демократию с борьбой за социализм было и остается всей сутью деятельности коммунистов в странах капитала. Это следует подчеркнуть и в связи с тем, что в некоторых кругах рабочего движения при определении соотношения двух важнейших направлений в революционной стратегии ведущей стороной объявляется демократия. Ее сохранение и последовательное развитие выдвигается как необходимое и достаточное условие для торжества социализма. Правомерна ли такая постановка вопроса?

В марксистско-ленинской теории демократия рассматривается как важная форма классовой борьбы, дающая пролетариату немалые преимущества и возможности, всегда для него предпочтительная, но все-таки только форма. А содержанием, ее наполняющим, в любом случае остаются противоречивые классовые интересы, их столкновения, противоборство. Вот почему при оценке роли демократии в революции недопустимо переходить грани, за которыми форма возводится в некий абсолют, а содержание как бы подчиняется ей.

С этим тесно связан и другой вопрос. В наше время возникли более благоприятные условия для перехода к социализму с использованием институтов и норм буржуазной демократии. О таком пути нередко говорят как о конституционном, демократическом. Дело, конечно, не в терминах, хотя и о них можно было бы поспорить. Суть проблемы в данном случае состоит в том, чтобы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 283—284.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 346—347.

³ Там же, с. 329.

ясно видеть не только возможности, открывающиеся для социалистического переустройства общества в рамках демократической конституционности буржуазных государств, но и пределы, в которых эти возможности поддаются использованию революционными силами. Даже самая развитая буржуазная демократия, самая демократическая конституция в обществе, где господствует капитал, в конечном счете все-таки остаются буржуазными и приспособлены к охране и обслуживанию коренных интересов именно буржуазии. Представлять себе политические институты и нормы демократии как свободные от классового содержания, отстаивать их как самодовлеющую ценность без учета их действительной социальной функции — значит вольно или невольно потворствовать тому классу, интересы которого они главным образом и защищают, т. е. буржуазии.

Могут сказать: ну а если ключевые рычаги государственной власти окажутся в руках революционных сил, если уже они — а не буржуазия — будут пользоваться в собственных интересах сложившейся демократической законностью, конституционными нормами, представительными учреждениями и т. д.? Что ж, это вполне возможно. Но это будет означать не что иное, как изменение классового содержания демократии.

В самом деле, власть, взятая трудящимися в рамках и на основе демократической законности, неизбежно окажется перед дилеммой: либо во имя соблюдения этой законности отказаться от посягательств на коренные классовые интересы эксплуататоров, либо не считаться с ее нормами, мешающими последовательному преобразованию социально-экономических основ общества в интересах труда и против капитала. С той же дилеммой столкнется и эксплуататорское меньшинство: подчиниться законности и опирающейся на нее революционной власти, а значит, потерять при этом богатства, прибыли, привилегии, либо защищать свои классовые интересы, не считаясь ни с какими ограничительными нормами демократии. Вот какая ситуация должна неизбежно возникнуть. И это не просто гипотеза. Это — картина, уже не раз наблюдавшаяся в жизни.

Весь мировой революционный опыт убедительно свидетельствует, что забвение классового содержания любой демократии и законности — первый шаг к дорогостоящим иллюзиям, к социал-реформизму. Только оппортунистов может удовлетворить демократия, ограниченная внешними, как правило декларативными, правами и свободами, охотно провозглашаемыми буржуазией и сводящимися, например, к республиканским «свободам правления». Еще Энгельс указывал, что «республика, как всякая другая форма правления, определяется своим содержанием; пока она является формой господства *буржуазии*, она так же враждебна нам, как любая монархия (если отвлечься от *форм* проявления этой враждебности). Таким образом, принимать ее за форму по существу социалистическую или доверять ей, пока она во власти

буржуазии, социалистические задачи — это ничем не обоснованная иллюзия»¹. Исторический опыт показывает, что буржуазия умело использует республиканскую форму для укрепления своего господства, для фактического ограничения прав трудящихся. Ленин не раз говорил, что под республикой (в буржуазном обществе) мы понимаем не только и не столько форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований.

Оппортунистическая концепция перехода к социализму путем простого «расширения границ» демократии, существующих при капитализме, исходит из ложной предпосылки, что формальный характер буржуазной демократии состоит лишь в том, что она ограничена политической сферой, и надо, мол, лишь распространить ее и на другие области. Но приверженцы этой концепции забывают о главном в марксизме — о том, что политические отношения в обществе определяются экономическими, и прежде всего отношениями собственности. Никакой подлинной демократии при капитализме быть не может, поскольку сохраняется частная собственность на основные средства производства. И это мы наглядно видим на примере современного капиталистического общества. Демократические права здесь в конечном счете отражают существующую политическую классовую структуру, связаны с формами и содержанием политической власти, деятельностью государственных учреждений и т. д. При капитализме использование гражданами буржуазных прав и свобод, в частности критика политики капиталистических правительств, даже смена этих правительств в результате выборов, не несет, как правило, угрозы существующему строю, ибо не затрагивает его основ. Социализм же нуждается в обеспечении подлинного народовластия, но невозможен без демократии, но демократии подлинной, а не формальной, демократии, означающей равенство всех граждан по отношению к средствам производства, равное участие всех трудящихся в управлении обществом, в решении всех его дел. Каким бы ни был механизм этого участия, главным является обеспечение реальных возможностей для его функционирования, что невозможно без уничтожения частной собственности и утверждения социалистической собственности на средства производства.

Как подчеркивает в своей книге «Рабочее движение и свобода» заместитель Председателя Германской компартии Г. Готье, «под свободой, исходя из условий нашей страны, мы понимаем коренное улучшение условий жизни трудящихся, обеспечение их работой, осмысленную жизнь, обеспеченность в старости... Прежде всего свобода означает ликвидацию эксплуатации человека человеком — основы капиталистической системы, выражением которой является сегодня господство ничтожного меньшинства привилегированных над громадным большинством народа»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 184.

² Gautier H. Arbeiterbewegung und Freiheit. Frankfurt a. M., 1980, S. 61 — 62.

В новом обществе возникают новые, социалистические институты, но используются и некоторые традиционные учреждения буржуазной демократии, которые наполняются социалистическим содержанием. При этом главным является новое содержание демократии как подлинного народовластия. Ей подчинены организация политической системы, права и свободы граждан. Все эти вопросы имеют не только важное теоретическое, но и большое практическое значение. Поэтому в главе о закреплении победы революции мы еще раз вернемся к данной теме.

Здесь же нам было важно показать, что никакая борьба за простое расширение демократических прав и свобод, существующих при капитализме, даже если она начинает вторгаться в сферу социальных и экономических отношений, не даст трудящимся нужного результата, если она не рассматривается как часть общей революционной борьбы за ликвидацию политического господства буржуазии¹.

Подводя предварительные итоги разбора опыта российских революций в свете современности, ленинских взглядов на диалектику демократических и социалистических задач в революции, можно сказать, что Ленин не только отстоял и творчески развил в новых условиях марксистскую теорию революции. Он, кроме того, вооружил марксистов новой методологией анализа революционных процессов в эпоху империализма и перехода от капитализма к социализму. Невозможно без насилия над истиной разорвать эти обе стороны, слитые воедино в ленинском учении о революции, — теорию и методологию.

Говоря об этой второй стороне, следует, в частности, отметить, что уже в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин всесторонне разработал положение о том, что в современную эпоху возможно несоответствие с социально-классовой точки зрения различных факторов, сторон, аспектов революции. Им было выявлено (сначала на конкретном русском материале, а затем на более широком историческом фоне), во-первых, возможное несовпадение таких моментов революции, как ее социально-экономическое содержание и движущие силы (о которых подробно речь пойдет в четвертой главе): в буржуазной по своему экономическому содержанию революции движущими силами могут быть не буржуазия (как утверждали меньшевики), а пролетариат и крестьянство; более того, стать победоносной буржуазно-демократической революция может только в том случае, если пролетариат возьмет на себя руководство этой революцией. В. И. Ленин обратил внимание, во-вторых, на возможное диалектическое противоречие между характером революции и характером государственной власти, устанавливаемой в процессе ее развития, ибо, с его точки зрения, полностью дове-

¹ См. об этом: Революция и демократия. Международная дискуссия марксистов. Прага, 1980.

денной до конца буржуазно-демократическая революция в России могла стать только в том случае, если бы власть была завоевана действительно революционными классами — рабочими и крестьянами. Последнее означало, что в ходе победоносного развития буржуазной по своему социально-экономическому содержанию революции, руководимой рабочим классом, возникает государственная власть, которая не является буржуазной в узком и точном значении этого слова, т. е. не является диктатурой буржуазии, а представляет по своему классовому содержанию революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Не будучи по своему характеру социалистической, эта государственная власть существенно отличается от любого буржуазного и вообще эксплуататорского государства, и только она способна обеспечить важнейшие условия для перерастания революции демократической в социалистическую. Рассмотрим подробнее последний вопрос.

Основные рычаги перерастания и процесс перегруппировки классовых сил

Ленинская концепция непрерывной революции, диалектически сочетающей решение демократических и социалистических задач, опиралась, как мы отмечали, прежде всего на анализ объективных социально-экономических процессов в эпоху империализма. Однако объективная обусловленность сближения двух этапов революции ни в коей мере не означает, что процесс перерастания первого этапа во второй может происходить стихийно. Чтобы осуществилось такое перерастание, необходимо наличие некоторых основных политических условий и рычагов, сознательно используемых партией в соответствии с конкретной расстановкой классовых сил и их определенной перегруппировкой в процессе поэтапного развития революции. Историческая заслуга Ленина, партии большевиков состоит в том, что они, во-первых, теоретически определили и практически овладели самим механизмом перерастания революции; во-вторых, вскрыли реальное движение классовых сил на различных этапах непрерывной революции.

Следовательно, первый вопрос, который встает в связи с раскрытием данной темы, можно сформулировать следующим образом: каковы основные элементы механизма перерастания революции, с помощью каких рычагов осуществляется этот процесс?

Схема меньшевиков, против которой воевал Ленин, состояла, как известно, из трех элементов: буржуазно-демократическая революция, более или менее длительная капиталистическая эволюция, социалистическая революция. Россия, утверждали меньшевики, должна последовательно пройти через все три этапа. Как писал, например, И. Церетели, «лишь завоевание демократиче-

ского строя с последующим ростом производительных сил страны, а также ростом сознания и организованности пролетариата создаст необходимые условия для осуществления конечной цели пролетариата — социалистической революции»¹. Эволюционистская схема, пропагандировавшаяся меньшевиками, полностью устраивала буржуазию. Это признают и сами буржуазные политики той поры. Так, в своих написанных на склоне лет «Воспоминаниях» лидер кадетов П. Милюков совершенно откровенно заявлял: «Я, разумеется, предпочел бы иметь дело с тем традиционным социализмом, который вел против нас принципиальную борьбу, но ставил ее в рамки исторического понимания. Этот социализм устанавливал неизбежную грань между нашей «буржуазной» и своей «социалистической» революцией»². Ясно, что такого убежденного противника социализма, как Милюков, подобная схема устраивала прежде всего потому, что так называемое «историческое понимание» борьбы за социализм фактически вообще снимало вопрос о социалистической революции и, предавая коренные интересы трудящихся России, полностью развязывало руки буржуазии и ее политическим партиям.

Ленин, отвергая эту схему, не учитывавшую новых условий развития, показал, что в России (и во всех одностипных с ней странах) среднее звено (длительная капиталистическая эволюция после буржуазно-демократического переворота) не неизбежно. Более того, оно нежелательно и с точки зрения российского пролетариата, и с точки зрения общих перспектив развития всего человечества, ибо в рамках всемирной истории капитализм в эпоху империализма — это изживший себя, загнивающий строй. Но преодолеть это среднее звено можно лишь в том случае, если буржуазно-демократическая по содержанию революция не приведет к политическому господству буржуазии.

Обдумывая речь в защиту Апрельских тезисов, Ленин писал: «Вопрос не в том, как быстро идти, а куда идти. Вопрос не в том, подготовлены ли рабочие, а в том, *как* и *к чему* готовить их»³. Ленин, партия большевиков с начала XX века готовили российский рабочий класс к роли вождя буржуазно-демократической революции.

Но ведь известно, что для пролетариата буржуазно-демократическая революция не является целью борьбы; его главная цель — социалистическая революция. Поэтому рабочий класс, выступая гегемоном демократической революции, должен использовать свою руководящую роль для того, чтобы продвинуть революцию как можно дальше, завоевать наибольшую свободу, уничтожить остатки крепостничества и, не мешкая слишком долго, приняться за решение чисто пролетарских, классовых задач. *Гегемония рабоче-*

¹ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции, кн. I, с. 430.

² Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917), т. 2. Нью-Йорк, 1955, с. 373.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 124.

го класса в демократической революции — первое необходимое политическое условие ее полной победы и перерастания в социалистическую революцию¹.

Однако достаточно ли для перерастания одной революции в другую того, чтобы рабочий класс выступил гегемоном революции? Мы ставим этот вопрос, в частности, в связи с тем, что и меньшевики, например, в условиях начавшейся в феврале 1917 года революции не отрицали того факта, что именно пролетариат сыграл в ее победе важную роль. Однако выводы, которые они делали из этого, принципиально отличались от тех, к которым пришли большевики.

Обратимся к некоторым фактам того времени. В начале 1917 года, находясь еще в Швейцарии и анализируя значение февральских революционных событий в России, Ленин писал: «...лозунгом, «задачей дня» в этот момент должно быть: *рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции*»². Эти строки появились 22 марта 1917 года на страницах «Правды». А днем раньше «Известия» опубликовали произнесенную накануне речь меньшевика Церетели. Эта речь, среди прочего, содержала такие слова: «Велик ваш подвиг, товарищи рабочие, но с величием этого подвига может сравниться другой ваш подвиг — ниспровергнув старую власть... вы поняли, что не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата... вы поняли, что совершается буржуазная революция, что она составляет этап социальной революции и что прежде всего надо укрепиться на этом этапе, чтобы дальше двинуть развитие всей России, развитие всего человечества к светлым идеалам социализма»³.

Именно ленинская постановка вопроса уточняла и выражала с предельной четкостью революционную линию большевиков. Именно формула Церетели с наибольшей прямоотой раскрывала оппортунистическую позицию соглашателей⁴. Сталкивались два противоположных взгляда на задачи рабочего класса в новой обстановке.

Конечно, чистой случайностью было то, что эти две идейно-политические позиции впервые после Февраля в такой ясной форме были выдвинуты перед массами по существу одновременно. Случайно также они были представлены в выражениях, которые

¹ Вопрос о гегемонии пролетариата рассматривается здесь лишь в связи с темой данного раздела. Разбор ленинской концепции гегемонии пролетариата дается в 1 разделе главы четвертой.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 21.

³ Известия, 1917, 21 марта.

⁴ Чхендзе Н., меньшевистский председатель Петроградского Совета, даже попрекнул Церетели, указав ему, что «в такой оголенной форме мы этого не говорили» (Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции, кн. I, с. 37).

как бы выбирались с сознательным расчетом оттенить различия и непримиримость двух точек зрения. Но это были те самые случайности, в которых выражаются закономерности, ибо после победы Февраля рабочий класс России, обеспечивший эту победу, почувствовавший себя огромной, ведущей силой в стране, неизбежно задавался вопросом о том, какие новые чудеса героизма, какие новые подвиги предстоит ему совершить для развития и укрепления завоеваний революции.

Меньшевистский ответ состоял в том, что после свержения самодержавия пролетариат должен уступить политическую власть буржуазии, поскольку-де революция носит буржуазно-демократический характер. В любой демократической революции пролетариату они отводили лишь роль силы, стоящей в стороне от власти и оказывающей — да и то лишь в лучшем случае — на нее давление «снизу». В апреле 1917 года известный меньшевистский деятель А. Н. Потресов провозглашал: «Перед буржуазией и пролетариатом еще непочатый короб общей работы...»¹ В июле 1917 года он заявлял: «Мы, меньшевики, всегда исходили в наших русских планах из предположения, что вместе с пролетариатом известная часть буржуазии пойдет и должна будет пойти рука об руку. На этом покоились наши надежды на осуществимость в России того переворота, который мы титуловали буржуазной революцией»². Подводя итоги взглядов меньшевиков на «последовательную многоступенчатость» российской революции, современный буржуазный философ Э. Белфер пишет на страницах выходящего в Глазго журнала «Совет стадиз»: по их убеждению, «монархическая, аграрная Россия должна была достичь экономической стадии капитализма и пройти через политическую либеральную революцию буржуазии, прежде чем настанет время для окончательной социалистической пролетарской революции»³.

Отвергая меньшевистскую схему, Ленин, большевики говорили: в эпоху империализма демократическая революция может одержать решительную победу и быть доведенной до конца лишь в том случае, если будет установлена политическая власть народа, его демократическая диктатура, где пролетариату будет отведена роль ведущей силы. Без этого даже демократическая революция будет незавершенной, она остановится на полпути.

Народовластие, возникающее в ходе демократической революции, — вот тот важнейший рычаг, который должен обеспечить ее непрерывность и перерастание в социалистическую. Не только при осуществлении любой революции, но и при перерастании главное — это вопрос о власти. Эта демократическая власть, чтобы выполнить свои диктаторские функции, должна, согласно Ле-

¹ Власть народа, 1917, 28 апреля (цит. по: Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений, с. 228).

² День, 1917, 18 июля (цит. по: Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений, с. 247—248).

³ Soviet Studies, July 1978, p. 299.

нину, опираться на революционную армию, состоящую из вооруженного пролетариата и крестьянства, организованных передовых отрядов представителей этих классов, частей регулярных вооруженных сил, готовых перейти на сторону народа и защищать его завоевания. (Вопрос о вооружении народа и роли армии в революции ввиду его особой актуальности в наши дни специально и более подробно рассматривается в пятой главе книги.)

Следует подчеркнуть, что, употребляя слово «народ», Ленин вслед за Марксом не затухивал этим словом различия классов, как это практикует буржуазия, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию. В условиях России главными составными частями «народа» были пролетариат и крестьянство. Так родилась знаменитая ленинская формула, раскрывающая классовое содержание политической власти, которая должна быть установлена в ходе победоносной народной буржуазно-демократической революции, — «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Разъясняя классовое существо, задачи и перспективы такой власти, Ленин, в частности, писал: «Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма»¹. И далее: «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму»².

Таким образом, выдвигая в качестве лозунга победоносной демократической революции установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, Ленин учитывал, что в России содержание революции определяется двумя различными и разнородными, хотя и взаимосвязанными, социальными войнами: одна — общенародная борьба за свободу (за свободу в условиях буржуазного общества), за демократию, за

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 44.

² Там же, с. 74.

самодержавие народа, против царизма, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое переустройство общества¹.

Обоснование и всесторонняя разработка Лениным концепции революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, активное введение ее в революционную теорию и практику имели огромное значение. Ведь речь шла о социально-политической формуле, наиболее точно отражающей классовую суть любой победоносной народной революции в эпоху империализма. Показав ее тесную, органическую связь с узловым в марксизме понятием диктатуры пролетариата, Ленин существенно расширил горизонты революционной мысли. Это понятие по праву считается одним из центральных в ленинской системе взглядов о перерастании демократической революции в социалистическую, ибо речь идет о важнейшем рычаге реализации данного процесса.

Ленинская идея народовластия как логического завершения демократической революции в России имеет выдающееся значение в истории развития марксистской мысли еще и потому, что именно в ее проведении в жизнь, а не в предварительной победе социалистической революции на Западе Ленин увидел главное условие для перехода к борьбе за социалистическую революцию, для реализации раскрытой им возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране.

Сказанное, конечно, не означает, что, с точки зрения Ленина, одного этого надстроечного (т. е. субъективного с социологической точки зрения) фактора достаточно для перерастания одного этапа революции (демократического) в другой (социалистический). Народовластие при гегемонии пролетариата, постепенно превращающееся в диктатуру пролетариата, опирающуюся на союз со всеми эксплуатируемыми массами, и прежде всего с беднейшим крестьянством, **плюс определенный уровень развития капитализма** — такова, по Ленину, общая формула перерастания любой демократической революции в социалистическую в период до возникновения первого социалистического государства. Как было показано в предыдущей главе, Ленин тщательно анализировал степень созревания материальных условий революции. Вместе с тем он решительно выступал против правых оппортунистов, которые отрицали значение революционной энергии масс и их партий, подменяли инициативную революционную политику обывательским приспособленчеством к «существующей реальности», против заявлений того типа, какие, например, делал на протяжении всего периода с февраля по октябрь 1917 года Г. В. Плеханов, утверждавший, что трудящиеся массы России не готовы к социалистической революции².

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 282—283.

² См. Плеханов Г. В. Год на родине, т. 1, с. 218.

Ленинские положения о механизме перерастания, разработанные до Октября 1917 года, сохраняют силу и поныне. Однако в один весьма существенный пункт современная эпоха, т. е. эпоха перехода от капитализма к социализму, начавшаяся победой Октября, внесла важную поправку. Эта поправка нашла свое отражение в ленинской концепции о возможности движения к социализму экономически отсталых стран, минуя стадию капитализма, что невозможно было до возникновения государственно оформленного социализма. К рассмотрению этого вопроса мы еще вернемся. Здесь же укажем на следующее. То, что такой некапиталистический путь развития оказался возможен, не означает, конечно, что для стран, идущих по этому пути, особая, первостепенная роль в общественном развитии принадлежит субъективному фактору, как это иногда утверждают. Точнее, на наш взгляд, иное мнение. Некапиталистический путь, ведущий к социализму, в экономически отсталых странах возможен не потому, что в современную эпоху достаточно лишь субъективных условий для постепенного перехода к социалистическому строительству, а потому, что на первых этапах недостающие объективные условия для такого развития как бы «компенсируются» прочными международными связями со странами мирового социалистического содружества, обладающими развитой материально-технической базой, хотя, разумеется, нельзя отрицать и большого значения субъективного фактора.

Итак, лозунг победоносной народной буржуазно-демократической революции в эпоху империализма, перерастающей в своем последовательном развитии в социалистическую, — утверждение революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но в какой реальной, конкретной форме должна утвердиться новая государственная власть переходного типа?

Точный ответ на этот вопрос нельзя было дать, исходя лишь из теории; решающее слово должна была сказать практика, революционное творчество масс. Именно поэтому Ленин не предпринимал этот вопрос в начале первой русской революции, не конструировал умозрительно-конкретных форм власти. Например, в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин, как известно, говорит лишь о «временном революционном правительстве» как органе диктатуры пролетариата и крестьянства, оперирует термином «мелкобуржуазная демократическая республика», но в ней еще нет речи о Советах как новой форме народной власти. Но когда в ходе революции в России возникли и получили развитие Советы рабочих депутатов, Ленин сразу увидел в них зародыш формы новой власти — революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а затем и диктатуры пролетариата. О том, какое значение придавал Ленин созданию Советов, говорит следующая характерная фраза: «Если бы народное творчество революционных классов не создало

Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным...»¹

Ленин гордился тем, что в результате творческой инициативы российских пролетариев была рождена новая форма революционной власти, возникла такая организация, которая необходима в революционное время. «...Они, — писал Ленин после победы Февральской революции, — правильно встали на путь, указанный опытом нашей революции 1905 года и Парижской Коммуны 1871 года, они создали *Совет рабочих депутатов*, они стали развивать, расширять, укреплять его привлечением *солдатских* депутатов и, несомненно, депутатов от сельских *наемных* рабочих, а затем (в той или иной форме) от всей крестьянской бедноты»².

Характера и значения Советов, рожденных творческой инициативой масс в 1905 году и вновь созданных и развитых после Февраля 1917 года, совершенно не понимали меньшевики, что, кстати говоря, свидетельствовало об их полной оторванности от масс. «...Власть, идущая на смену царизма, — писал меньшевик Суханов, — должна быть только буржуазной. Трепова и Распутина должны и могут сменить только заправилы «думского прогрессивного блока». На такое решение необходимо держать курс! Иначе переворот не удастся и революция погибнет»³. Почему же Суханов считал, что революция погибнет? Потому, что пролетариат, по его мнению, «не подготовлен» к овладению государственной машиной, он «изолирован» от прочих классов и его боевые организации могут представлять «реальную силу классовой борьбы, но не реальную силу государственной власти»⁴. Из этого рассуждения, в частности, видно, что меньшевики, жившие вчерашним днем, верхом мудрости в государственно-правовой области считали буржуазную парламентарную республику, не сознавая, что у них на глазах рождаются органы государственной власти принципиально нового исторического типа⁵. В противоположность этим взглядам Ленин провозгласил в Апрельских тезисах: «Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу до-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 305.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 38.

³ Суханов Ник. Записки о революции, кн. 1, с. 21.

⁴ Там же.

⁵ И сегодня оппортунисты и апологеты капитализма, перебивая аргументы русских меньшевиков, обнаруживают поразительную слепоту, когда пытаются анализировать смысл и характер Советов — высшего продукта революционного творчества трудящихся масс России. Так, французский буржуазный историк М. Ферро в своих сочинениях упорно протаскивает идею о том, что, мол, Советы — это форма «перехода от демократии к бюрократическому коммунизму», что установление власти Советов привело к подавлению демократии и т. п. (см. *Des soviets au communisme bureaucratique*. Présenté par Marc Ferro. Paris, 1980, p. 9; *Ferro M. Op. cit., chapter VII*). На критике такого рода измышлений мы специально остановимся в разделе о диктатуре пролетариата.

верху»¹. Меньшевики, следовательно, не могли понять того, что развернувшаяся в России подлинно народная демократическая революция не может рассчитывать на успех и тем более на перерастание в социалистическую без слома или замены «старой» («готовой») государственной машины и *парламентов Советами рабочих депутатов* и их доверенными лицами»². А «в этом суть!!»³ — говорил Ленин.

Послефевральские Советы не представляли еще органов диктатуры пролетариата; по своему составу и классовому содержанию они являлись органами революционной демократии, демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, но это уже был «шаг к социализму»⁴. Поэтому, выдвинув еще в апреле 1917 года лозунг «Вся власть Советам!» и поставив задачу постепенной их большевизации, Ленин тем самым определил курс на перерастание демократической революции в социалистическую.

Следует подчеркнуть еще раз, что этот курс был разработан в сложной обстановке, которую невозможно было предвидеть заранее. Февральская революция, как известно, привела к установлению двоевластия — буржуазии и трудящихся, причем предательская политика меньшевиков и эсеров, преобладавших в Советах первые месяцы после Февраля, вела к передаче всей власти буржуазии, что и произошло 4 июля 1917 года.

Возможен вопрос: мог ли рабочий класс оказаться у власти сразу после Февральской революции? Да, если под этим понимать возможность утверждения полной власти Советов как органов демократической (не социалистической) власти, в которых среди других трудящихся классов и слоев пролетариату принадлежала бы ведущая роль.

Почему же буржуазия оказалась более подготовленной к полному захвату власти? Потому, что помимо уже указанных причин за время и после первой российской революции и особенно в течение войны она значительно укрепила свои экономические и политические позиции, стала проникать в различные органы управления, создала такие организации, как военно-промышленные комитеты и союзы земских городов, широкую сеть различного рода предпринимательских организаций, биржевые комитеты, советы съездов, общества заводчиков и фабрикантов и т. д. В. И. Ленин писал: «Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии»⁵.

Сказалась здесь и позиция многомиллионной массы российской мелкой буржуазии, которая в лице крестьян, одетых в солдатские шинели, сыграла большую роль в Февральской революции,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 115.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 231.

³ Там же.

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 109.

⁵ Там же, с. 18.

однако проявляла свойственные ей колебания между буржуазией и пролетариатом, увлекая за собой на путь соглашательства с буржуазией и часть пролетариата. «Гигантская мелкобуржуазная волна,— писал Ленин в апреле 1917 года,— захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»¹.

Оригинальная обстановка двоевластия, переплетение обычной буржуазной власти, которую представляло Временное правительство, с органами народа — Советами затрудняли для некоторых большевиков выработку правильной стратегии и тактики. Выше уже говорилось о позиции Каменева, практически выступившего против перспектив перерастания революции. Среди части большевиков были в то время колебания и ошибки другого рода в оценке роли Советов и Временного правительства, особенно до возвращения Ленина из эмиграции. Так, например, И. В. Сталин, выступая с докладом на Всероссийском совещании партийных работников в Петрограде (27 марта — 2 апреля 1917 года), высказался за ограниченную поддержку Временного правительства. И хотя сам он в ходе совещания занял в итоге более правильную позицию, в резолюции, принятой совещанием, не был поставлен вопрос о полном недоверии Временному правительству и переходе всей власти к Советам.

Имелись и иные тенденции. В апреле Багдатыев и некоторые другие члены Петроградского комитета большевиков выпустили и распространили на заводах листовки с призывом к свержению Временного правительства. Ленин считал это авантюризмом, попыткой искусственно ускорить развитие революции, перепрыгивая через объективно необходимые стадии. Проанализировав создавшуюся ситуацию, он указал путь от буржуазно-демократической революции к социалистической на основе передачи власти Советам. Это, кстати говоря, убедительно опровергает заявления буржуазных историков о «неподготовленности» вождя российского пролетариата к революции. Так утверждает, например, Р. Голдстон. «Никто из вождей,— пишет он,— не ожидал ее (Февральскую революцию. — *К. З.*): ни большевики, ни меньшевики, ни социалисты-революционеры, ни либералы, ни царская знать. Хотя одни призывали к ней, а другие боялись ее или же предсказывали вообще, но когда она произошла, никто из них не был подготовлен»².

В том, что касается большевиков, подобные утверждения грубо фальсифицируют исторические факты. Ленинская партия не только «ожидала» надвигающуюся буржуазно-демократическую революцию, но и на практике неуклонно проводила линию на перерастание ее в революцию социалистическую. Эта линия, на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.

² Goldston R. The Russian Revolution. New York, 1966, p. 99.

целенная после Февраля 1917 года на завоевание Советов на сторону большевиков и превращение их в орудие перерастания, оставалась неизменной в течение всего предоктябрьского периода. Хотя большевики после контрреволюционного переворота 4 июля 1917 года временно сняли лозунг «Вся власть Советам!», но работа в Советах не прекращалась¹. И она скоро дала свои плоды. Повышалась роль Советов в продвижении революции вперед. Поляризация классовых сил, углублявшаяся в стране, наглядно проявилась в изменении состава Советов. Если при создании большевистской фракции Петроградского Совета 9 марта 1917 года в ней насчитывалось 22 депутата, то в апреле — около 120, а в начале июля — 400 депутатов². В сентябре в Петроградском Совете окончательно закрепилась политическая линия большевиков. К моменту победоносного восстания большевизация масс носила уже необратимый характер, что нашло отражение в составе II Всероссийского съезда Советов, открывшегося 25 октября 1917 года. Если всего четыре месяца назад на I съезде из 777 делегатов большевиков было 105 (14 %), а меньшевиков и эсеров — абсолютное большинство, то теперь соотношение сил было совершенно иное: к открытию съезда большевики имели 390 мест из 649.

II Всероссийский съезд Советов, опираясь на победоносное восстание в Петрограде, взял власть в свои руки и создал первое Советское правительство во главе с В. И. Лениным. В стране была установлена диктатура пролетариата.

Ленинская идея народовластия как важнейшего рычага реализации программы антиимпериалистических и антимонополистических демократических преобразований и необходимого условия непрерывного развития революции в полной мере проявила, как мы уже отмечали, свою жизненную силу в ходе победоносных революций в ряде стран Европы, Азии и на Кубе. И сегодня она остается действенным оружием марксистско-ленинских партий как индустриально развитых капиталистических, так и развивающихся стран. Конечно, степень и пути приближения к ее воплощению в жизнь неодинаковы в условиях различных стран. Неодинаковыми будут и формы народовластия в разных странах, ибо это зависит не только от социально-классовой структуры соответствующих стран, но и от соотношения борющихся сил, остроты классовой борьбы, тактики компартий и т. д. Как показал опыт революций, в разных странах государственная форма в переходный период может быть различной. В России это были Советы, в странах

¹ Старая большевичка С. И. Гопнер пишет: «Во многих промышленных центрах Советы в силу вещей выполняли государственные функции (организация борьбы с голодом, вооружение рабочих, борьба с локаутами посредством передачи предприятий в руки рабочих, борьба с бандитизмом и т. д.). Эти особенности деятельности местных Советов подтверждали правильность ленинского курса партии на перерастание революции в социалистическую, на переход власти в руки Советов» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2. М., 1979, с. 397—398).

² См. Советы за 50 лет. М., 1967, с. 16.

Центральной и Юго-Восточной Европы — народная демократия. Будущее творчество масс и партий несомненно родит и другие формы народной власти. Важно подчеркнуть, что речь идет именно о форме. Принципиальное классовое содержание народо-властия при всем многообразии его форм одно и то же. Оно определяется тем, что эта власть находится в руках рабочего класса и его союзников и используется ими для антимонополистических преобразований.

В настоящее время во многих индустриально развитых капиталистических странах борьба за утверждение передовой, антимонополистической демократии сосредоточивается вокруг вопроса о создании широкой антиимпериалистической коалиции демократических сил и опирающегося на нее правительства народного (или национального) единства. Нетрудно заметить, что по содержанию своей деятельности такое правительство призвано воплотить в жизнь программу последовательно демократических преобразований, открывающих путь к социализму. Здесь, следовательно, речь идет о создании принципиально той же системы народной власти, классовое содержание которой в конкретных условиях России Ленин определял формулой «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Сказанное, конечно, не означает, что под эту формулу можно механически «подвести» антимонополистические режимы, за создание которых борются многие компартии. Такое «подведение», такая «подгонка» была бы неплодотворной по вполне понятным причинам. Столь же неплодотворным было бы и стремление уйти от четкого определения классового содержания, классовой сущности политического режима, способного обеспечить перерастание революции от демократического этапа к социалистическому, применительно к условиям различных стран, под предлогом, что такое определение не может, мол, способствовать созданию широкого единства всех левых сил, оно способно-де оттолкнуть те или иные непролетарские группы от широкой антимонополистической коалиции.

Не вызывает сомнения возможность того, что такая коалиция в нынешних условиях в странах капитала может и будет сформирована на более широкой социальной основе, чем, скажем, в России. Так уже происходило во многих государствах народной демократии. В то же время совершенно ясно, что руководящей силой такой коалиции в условиях индустриально развитых капиталистических стран может быть только рабочий класс. Говоря об основных союзниках, также вряд ли правильно оперировать лишь такими расплывчатыми категориями, как «все здоровые силы нации» или все «средние слои города и деревни» и т. д. Подобные категории издавна используются в социал-демократических и близких к ним доктринах, претендующих на выражение «общенародных интересов и ценностей», обеспечению которых не должны мешать никакие классовые конфликты, порождаемые господствующей

щей системой социальных отношений. Речь же в сущности идет о сотрудничестве между эксплуатируемыми и эксплуататорами, которое и имеет в виду, например, австрийский социал-реформист А. Палинка, когда пишет, что сегодняшняя «социал-демократия более не является партией принципиальной оппозиции, а превратилась в интегрирующую силу и стала важнейшей составной частью национального согласия»¹.

В противоположность этому марксистско-ленинские партии подходят к данному вопросу с принципиальных классовых позиций. Решающим условием успеха антимонополистических и демократических преобразований и их продолжения в направлении социалистических преобразований, подчеркивается в Программе ГКП, является способность рабочего класса завоевать решающее влияние в обществе и объединить другие демократические силы в рамках широкого союза².

Опыт показывает, что ленинская последовательно классовая постановка вопроса о союзниках пролетариата в революции, о чем будет идти речь в следующей главе, сохраняет силу, как бы ни расширился социальный состав таких союзников. В одних случаях классовой основой антимонополистической коалиции, видимо, будет союз рабочего класса и крестьянства; в тех же странах, где крестьянство представляет сейчас весьма малочисленный слой общества, основой такой коалиции может стать союз пролетариата с коалицией, включающей крестьянство, интеллигенцию, мелкую городскую буржуазию и другие антимонополистические силы; возможны и более сложные классовые комбинации. Все, повторяем, зависит от существующей в стране классовой структуры и конкретного соотношения борющихся сил.

Коммунисты рассматривают создание коалиции, которая сможет в конечном счете открыть путь к социализму, не как статичное явление, а как динамичный процесс. Трудно дожидаться такого положения, чтобы в условиях капитализма можно было подготовить весь народ к тому, чтобы с сегодня на завтра (с помощью, например, голосования) он не только высказался за программу перехода к социализму, но и немедленно ввел ее в практику. Ленин никогда не питал иллюзий на тот счет, что необходимое для победы революции превосходство сил сложится как бы само собой и обязательно до нее. Это, во-первых, сложный экономический, политический (да и психологический) процесс, требующий времени, перехода от одной качественной ступени к другой. И вообще сомнительно, чтобы такие вопросы, как свершение социальной революции, нуждались в обязательной «предварительной санкции» парламента, существующего в условиях буржуазных политических и социально-экономических структур (хотя само собой разумеется, что победно проведенная избирательная кампа-

¹ Palinka A. Op. cit., S. 153.

² См. Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 295.

ния может в определенных условиях стать отправным пунктом, послужить исходным толчком для развертывания революционных преобразований в интересах народа). Во-вторых, нельзя не учитывать, что буржуазная пропаганда и ее прислужники (реформисты и оппортунисты) многие годы довольно искусно обрабатывают массы, а в случае их победы при голосовании (как еще раз показал опыт Чили) реакция пускает в ход все средства вплоть до самых крайних, фашистских форм. В-третьих, сама классовая борьба в десятки, сотни раз быстрее воспитывает массы, и, начав переходный этап к социализму без поддержки абсолютного большинства трудового народа, к концу его пролетарская партия может и обязана завоевать это большинство.

Говоря о народовластии как рычаге перерастания демократической революции в социалистическую, необходимо отметить и такой общий, методологический момент: нельзя подменять вопрос о диктатуре классов вопросом о составе того или другого правительства. От этого предостерегал еще Ленин, разъясняя существо положения о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства¹.

Тот факт, что коренные задачи демократической, антимонополистической (и антиимпериалистической) борьбы не могут быть решены без установления демократической диктатуры союза всех антимонополистических слоев и групп, возглавляемого пролетариатом, еще не означает, что в правительстве антимонополистической коалиции сразу непременно будут доминировать рабочие, коммунисты. Вполне возможно — и имеющийся опыт подтверждает это, — что в силу ряда причин в составе правительства на первом этапе будут численно преобладать представители иных социальных групп и иных политических партий (как это было, например, в российских Советах до сентября — октября 1917 года). Главное в таком случае, чтобы рабочий класс и его политический авангард нашли способ обеспечить достаточно сильное давление на это правительство не только изнутри, но и снизу, с тем чтобы правительство последовательно действовало в интересах всего народа, т. е. выполняло функции его демократической, антимонополистической (а по необходимости и антикапиталистической) диктатуры. Разумеется, по мере углубления революционных преобразований будет развиваться и народная власть, а это не может не отразиться и на составе ее правительственных органов.

К указанному выше вопросу примыкает и другой, не менее важный, но более широкий вопрос — об участии коммунистов вообще в правительствах капиталистических стран. Сейчас он приобрел особую политическую актуальность, поэтому вкратце остановимся на нем, хотя в некоторых своих аспектах данная проблема выходит за рамки темы главы.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 377.

Прежде всего необходимо выделить два различных момента. Когда мы говорим о правительстве, проводящем в жизнь широкую программу антимонополистических преобразований, как в экономической, так и в социально-политической сфере, то речь идет по существу об органе, возникшем на переломном (кульминационном) пункте антимонополистической или антиимпериалистической борьбы, означающем начало глубоких революционных изменений в обществе; речь идет об органе еще не социалистической, но уже народной (а не буржуазной) власти (как это было после второй мировой войны в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы и как это произошло, например, в Чили 1970—1973 годов до фашистского переворота). Участие коммунистов в таком правительстве не только допустимо и желательно, но в определенных условиях и просто необходимо.

Сложнее с теоретической и с практически-политической точки зрения проблема участия коммунистов в буржуазно-демократических правительствах, особенно в периоды, когда страна не переживает революционной ситуации.

Известно, что леваки признают лишь негативное решение этой проблемы. Что касается Ленина, то он квалифицировал категорическое отрицание леваками допустимости участия коммунистов в любых буржуазно-демократических правительствах как анархистский вздор и как оппортунизм, признающий лишь оборонительную тактику¹. Такое участие в целях борьбы с контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса, конечно, допустимо. «Но,— подчеркивал Ленин,— вопрос о *принципиальной допустимости*, само собою разумеется, не решает еще вопроса о *практической целесообразности*» (курсив наш. — К. З.)².

Это различие двух аспектов («допустимость» и «целесообразность») методологически очень важно. Им руководствуются компартии и в наши дни.

Известно, например, что после разгрома фашизма в ходе второй мировой войны коммунисты ряда стран Западной Европы³ участвовали некоторое время в буржуазно-демократических правительствах и добились проведения многих мероприятий в интересах народа.

Имеется опыт участия (на правах меньшинств) коммунистов капиталистических стран в буржуазно-демократических правительствах и в последние годы. Например, после победы левых сил на президентских и парламентских выборах 1981 года коммунисты вошли в правительство, сформированное социалистами во Франции. Соглашения с Социалистической партией, говорилось на XXIV съезде ФКП, «позволили установить, а затем подтвердить

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 17—18.

² Там же, с. 17.

³ Италии, Франции, Австрии, Бельгии, Финляндии, Дании, Норвегии, Исландии, Люксембурга.

сотрудничество между нашими двумя партиями в правительстве на основе солидарности его членов и в рамках правительственного большинства. Мы стремимся к честному... и действенному союзу левых сил, который способствовал бы в условиях полной ясности поддержанию между двумя партиями необходимой согласованности в действиях, отвечающих ожиданиям страны»¹.

При иных обстоятельствах, после антифашистского переворота в Португалии в 1974 году, вошла в коалиционное правительство Португальская коммунистическая партия. Кстати говоря, — и это весьма выразительно характеризовало обстановку в стране — это произошло еще до формально-юридической легализации деятельности компартии, почти полвека боровшейся в подполье. В тот период, как отмечали португальские коммунисты, в правительстве большую роль играли мелкобуржуазные и буржуазные силы, оно не было по своему классовому составу и характеру социальной деятельности правительством народа. Однако оно поставило своей целью выполнение в целом прогрессивной программы Движения вооруженных сил, направленной на то, чтобы положить конец колониальным войнам, установить в Португалии демократический режим, искоренить фашизм. Правительство было поддержано широкими народными массами. В этих условиях Португальская коммунистическая партия сочла возможным и необходимым — при сохранении полной партийной самостоятельности и права свободного выражения своей позиции — принять участие в деятельности правительства в интересах демократизации политической жизни, решительной борьбы против фашистских заговорщиков, а также для того, чтобы более действенным образом способствовать решению наиболее срочных вопросов, затрагивающих интересы рабочего класса и народных масс, улучшению условий их жизни. Вот как разъяснялась в газете «Аванте!», органе ПКП, позиция партии по вопросу о вхождении в состав первого коалиционного правительства: «Никогда не следует упускать из виду, что в нынешних условиях вооруженные силы обладают большим (а в ряде случаев и определяющим) влиянием на национальную политику. Не следует также забывать, что временное правительство — это не «рабоче-крестьянское правительство», это не «правительство народного фронта», это даже не «правительство левых сил», несмотря на то, что в нем представлены Коммунистическая и Социалистическая партии. Это правительство чрезвычайно широкой коалиции социальных и политических сил, которые пришли к согласию в отношении ряда основных целей (установить в Португалии демократический режим, положить конец колониальной войне и некоторых других целей), но у которых иногда имеются самые различные представления о том, каковы должны быть формы и методы достижения этих

¹ L'Humanité, 4. II. 1982.

целей, о том, каковы должны быть решения конкретных первоочередных проблем...»¹

Руководствуясь интересами рабочего класса, коммунисты в любом случае идут в правительство отнюдь не для того, чтобы управлять делами капиталистов, а для того, чтобы использовать свое участие в нем в целях укрепления позиций демократических сил, улучшения положения трудящихся, ослабления влияния реакционных кругов. Как говорится, например, в резолюции XXIV съезда ФКП, «наша партия, партия классовой борьбы, отныне также член находящегося у власти большинства, правительственная партия», стремится к тому, чтобы заботиться об «интересах и стремлениях рабочего класса, всех его составных частей... всех категорий трудящихся физического и умственного труда». Указывая далее на необходимость изменения в новых условиях форм и методов политической деятельности и борьбы, углубления знаний об управлении производством, активизации работы коммунистов среди интеллигенции, крестьянства, молодежи, резолюция подчеркивает, что все это должно помочь рабочему классу «овладеть всеми масштабами процесса революционного преобразования общества»².

Ленинская идея народовластия как условия доведения до конца революционных демократических преобразований и перехода к социалистической революции полностью сохраняет свою актуальность и в условиях развивающихся стран. Ее реализация, разумеется, зависит от конкретной обстановки, в первую очередь от уровня социально-экономического развития и особенностей классовой структуры. В тех странах, где капиталистические отношения получили известное развитие и где действуют политические организации и пролетариата, и буржуазии, как, например, в большинстве государств Латинской Америки, на стороне национально-демократической революции объективно могут стоять пролетариат (промышленный и сельскохозяйственный), демократически настроенная часть национальной буржуазии, крестьянство, мелкая городская буржуазия, прогрессивная интеллигенция, студенчество и другие так называемые промежуточные слои и группы (включая армейские круги). Здесь возможно их объединение в единый антиимпериалистический, демократический фронт. Однако практика показывает, что если в этом фронте господствуют буржуазные слои, то они в силу своего классового характера не способны к проведению последовательно антиимпе-

¹ *Avantel*, 1974, № 5. Как известно, в дальнейшем в Португалии было сформировано однопартийное правительство Социалистической партии, которое, несмотря на постоянные и настойчивые призывы Компартии к диалогу и сотрудничеству, встало на путь политики альянсов с правыми партиями, что в конечном счете привело к удалению СП от власти и усилению позиций реакции.

² *Construire le socialisme aux couleurs de la France. Résolution du 24e Congrès du PCF. — L'Humanité*, 9. II. 1982.

риалистических и демократических преобразований и их доведению до конца. И в таком случае, как учит, например, опыт Индонезии первой половины 60-х годов, недостаточным оказывается участие в этом фронте компартии, если она лишь приспосабливается к политике непролетарских слоев.

Доведение до конца антиимпериалистических, демократических и антифеодальных преобразований и их перерастание в социалистические в условиях первой группы стран возможно лишь тогда, когда их внутренняя политика будет определяться при активном участии всего народа, прежде всего рабочих и крестьян. Последовательно революционная власть здесь, следовательно, будет также представлять по своему классовому существу демократическую диктатуру, т. е. союз нескольких революционных классов и групп, среди которых трудящиеся классы и их политические организации должны занимать достойное место. Так, по мнению Компартии Индии, союз такого рода может добиться прихода к власти правительства левого единства, которое, как отмечалось в Политической резолюции XI съезда КПИ, должно стать «мощным рычагом доведения борьбы против империализма, капиталистических монополий и феодализма до нового решающего этапа борьбы за радикальные социально-экономические преобразования»¹. XII съезд КПИ (март 1982 года) подтвердил курс на широкое единство со всеми демократическими и антиимпериалистическими силами страны². Речь, стало быть, идет о том, что народно-демократическая власть по мере выполнения задач демократического этапа революции преобразуется в случае ее непрерывного развития в ту или иную форму социалистической власти. Это показал, в частности, опыт Кубы.

В особом положении с социально-экономической и классовой точки зрения находятся те развивающиеся страны (прежде всего государства Тропической Африки), где до освобождения практически не существовало местной буржуазии как сформировавшегося класса, а пролетариат был крайне малочислен (работая на предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу, он возник здесь, как правило, раньше, чем национальная буржуазия). Для них характерны не политические партии традиционного типа, а более широкие массовые организации (нередко включающие значительную часть всего взрослого населения страны), которые лишь постепенно преобразуются в политические партии. Однако практика общественных преобразований в таких странах, как Ангола, Мозамбик и ряд других, показывает, что и в этих странах можно при определенных условиях не только последовательно решать задачи национально-демократической революции, но и начать продвижение в направлении к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Предсе-

¹ XI съезд Коммунистической партии Индии. Бхатинда, 31 марта — 7 апреля 1978 г. М., 1979, с. 157.

² См. New Age, 25. III. 1982.

датель МПЛА — Партии труда, Президент Народной Республики Ангола Ж. Эдуарду душ Сантуш отмечал: «Наш народ идет по пути строительства социализма... из руин возрождается новая Ангола, которая решительно встает на путь социалистического развития, чтобы затем стать прочным звеном в мировой системе социализма»¹.

Важнейшей силой, которая направляет такое развитие, оказывается государственная власть, действующая в интересах крестьянства, составляющего здесь основную массу населения (до 90 проц. и более), сельскохозяйственного пролетариата, ремесленников, зарождающегося промышленного рабочего класса, демократической интеллигенции и т. д. Эта власть также, следовательно, представляет по своему классовому существу демократическую власть народа, причем социальное содержание категории «народ» ввиду того, что процесс классового расслоения не зашел здесь далеко, имеет, конечно, свою специфику, обусловленную относительно высоким уровнем общности интересов различных слоев общества.

Таким образом, ленинские идеи о возможности и необходимости утверждения в ходе народных демократических революций нашей эпохи демократической диктатуры народа, особой власти переходного типа, главного рычага углубления революции и ее непрерывного развития, постоянно подтверждаются и обогащаются практикой борьбы масс.

Разумеется, для обеспечения перерастания демократической революции в социалистическую недостаточно теоретически правильно определить классовые корни и форму соответствующей государственной власти, бороться за ее становление и развитие. Необходимо, чтобы возникающая в ходе революции народная власть постоянно предпринимала конкретные шаги и меры в самых различных областях, которые, с одной стороны, удовлетворяли бы наболевшие и назревшие запросы народа, с другой — подводили трудящихся к требованиям все более глубокого социального характера. А это не может не вести к перегруппировке классовых сил, а значит, к новым сражениям между революционными и контрреволюционными силами, сражениям, принимающим самые разнообразные формы.

«В глубокую ошибку впадают те, — говорил Ленин, — кто забывает, что с прогрессом революции, с ростом ее задач изменяется также состав классов и элементов народа, способных участвовать в борьбе за осуществление этих задач. Пролетариат идет через буржуазную революцию к социализму»². Так, объективно (а не в силу каких-то «коварных интриг» коммунистов, как заявляют наши противники) возникает проблема определенного размежевания классовых сил при переходе от общедемократического этапа революции к социалистическому, их известной перегрупп-

¹ Приветствия XXVI съезду КПСС, с. 301.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 52.

пировки. «Борясь за демократию впереди всех и во главе всех, пролетариат ни на минуту не должен забывать... — предупреждал Ленин, — о тающихся в недрах буржуазной демократии новых противоречиях и о новой борьбе»¹. Иначе говоря, процессу перегруппировки должны предшествовать многосторонний, глубокий анализ коммунистами позиций участников революции, выдвижение правильных революционных лозунгов, активная организаторская и разъяснительная работа среди народа. От такой деятельности, степени подготовленности к ней, точности сделанных выводов существенно зависят сроки перерастания революции от демократического этапа к социалистическому, ее исход. И в этом отношении поучительным является опыт трех российских революций. Прежде всего рассмотрим, как происходила в ходе их нарастания и углубления перегруппировка классовых сил.

Анализируя опыт первой революции, Ленин нарисовал четкую схему перегруппировки участвовавших в ней сил, выделив несколько этапов. На начальном этапе, согласно этой схеме, рабочее движение поднимается под руководством партии и будит либеральную буржуазию (1895—1901/2). На втором этапе (1901/2—1905 годы) рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу и присоединяет политически проснувшиеся слои либеральной, радикальной буржуазии и мелкой буржуазии. Третий этап (конец 1905 года) характеризуется тем, что рабочее движение разгорается в прямую революцию, причем либеральная буржуазия уже сплачивается в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, хотя радикальные элементы буржуазии, прежде всего мелкой, склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции. На четвертом этапе рабочее движение добивается победы в демократической революции. Это происходит при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке крестьянства, а также радикальной, республиканской интеллигенции и соответствующих слоев мелкой буржуазии в городах. Однако либеральная буржуазия, «выжидательная в 3-ем периоде, пассивная в 4-ом, становится прямо контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции»². Все зажиточное крестьянство и большая часть среднего, указывал Ленин, поворачивает на сторону контрреволюции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату. Это пятый период³. На почве отношений, сложившихся в этот период, растет и разгорается

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 14.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 154.

³ Осенью 1906 года в статье «Обыательщина в революционной среде» В. И. Ленин отмечал наличие колебаний у середняка и отход от революции кулачества. Отражением этого процесса было образование правого крыла внутри эсеровской партии и дальнейшее поправение многих меньшевиков (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 43—54).

новый кризис и новая борьба, причем пролетариат борется за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота.

Таким образом, уже на основе анализа развития первой русской революции, которая, как известно, потерпела поражение, не дойдя до четвертого этапа, можно было более или менее четко выявить все ступени перегруппировки классовых сил, подводящие к социалистическим преобразованиям. Это имело большое значение для будущей борьбы пролетариата.

И не случайно впоследствии, уже при первых вспышках революционных бурь 1917 года, Ленин был готов к тому, чтобы немедленно дать оценку новой расстановке сил и определить ее перегруппировку в ходе движения революции от буржуазно-демократической к социалистической. Вот как мыслил В. И. Ленин пути борьбы за перерастание революции: «В одних местностях России февральско-мартовская революция дает ему (пролетариату. — К. З.) почти полную власть в руки, — в других он, может быть, «захватным» путем станет создавать и расширять пролетарскую милицию, — в третьих, он будет, вероятно, добиваться немедленных выборов на основе всеобщего и т. д. избирательного права в городские думы и земства, чтобы создать из них революционные центры, и т. п., пока рост пролетарской организованности, сближение солдат с рабочими, движение в крестьянстве, разочарование многих и многих в годности военно-империалистского правительства Гучкова и Милюкова не приблизит час замены этого правительства «правительством» Совета рабочих депутатов»¹. Ленин критиковал тех, кто в общей форме рассуждал о переходе к социализму. Он указывал, что нужно говорить о конкретных шагах и мерах, учитывая при этом, какие меры назрели, какие нет.

Рассмотрим это более подробно. Февральская революция, как уже отмечалось, оказалась недостаточно глубока, чтобы привести к полной победе трудового народа, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. В свою очередь буржуазия тоже не смогла сразу утвердить свою единоличную диктатуру — так возникло двоевластие, или, выражаясь ленинскими словами, «неопределенно-переходное» состояние государственной власти. Положение осложнялось тем, что большевики в начальный период революции не занимали еще достаточно сильных позиций в Советах; во Временном правительстве по существу господствовали партии буржуазии, а меньшевистско-эсеровский блок, оказавшись временно во главе масс, проводил линию на добровольную передачу всей полноты власти буржуазии.

Соглашателям удалось на время повести массы за собой, используя сложность обстановки — войну, хозяйственную разруху, опасность реставрации царизма. Меншевики и эсеры пугали

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 46.

рабочих и солдат тем, что без буржуазии им не обойтись, что полное отмежевание от нее в период демократических преобразований не сулит «ничего, кроме скорого и верного краха всенародной революции»¹. Этот аргумент, кстати говоря, повторялся впоследствии во всех революциях. В странах Центральной и Юго-Восточной Европы, на Кубе, в Чили апологеты капитализма заявляли, что без буржуазии народ не сможет управлять страной. Не дремала и сама буржуазия. Она применяла самый широкий набор приемов и средств борьбы, чтобы остановить революцию, задушить ее «костлявой рукой голода» (как говаривали русские фабриканты), а если потребуется, то и потопить в крови. Буржуазия отказывалась удовлетворять законные требования рабочих, прибегала к локаутам, сознательному саботажу производства. В армии плело контрреволюционные заговоры реакционное офицерство, лелеявшее мечту обуздать революционно настроенных солдат. По мере роста возмущения масс антинародной политикой Временного правительства последнее все чаще пускало в ход орудие политической провокации, с тем чтобы втянуть массы в преждевременное столкновение с контрреволюцией и разгромить лучшие силы пролетариата, обезглавить его. Одной из таких попыток был известный расстрел мирной демонстрации петроградских трудящихся 4 июля 1917 года. Бешеная кампания клеветы, травли была обрушена на большевистскую партию, и прежде всего на Ленина. Террор, убийства, аресты и обыски, разоружение красногвардейцев, разгром редакции «Правды» и т. д. — все средства использовались, чтобы остановить нараставший революционный подъем масс, руководимых большевиками.

Однако реакции не удалось, как она рассчитывала, нанести смертельного удара революции. Партия спасла от ареста и неизбежной в этом случае гибели вождя революции Ленина, она умело парировала попытки буржуазии спровоцировать преждевременные выступления рабочих и солдат, каждый раз искусно выводя из-под готовящегося удара революционные силы.

Именно партия большевиков сумела сплотить и практически организовать массы для отражения готовящегося государственного военного переворота, для разгрома вспыхнувшего в конце августа 1917 года корниловского мятежа, при помощи которого русская буржуазия хотела установить открытую террористическую военную диктатуру, ибо Временное правительство Керенского ее уже не устраивало. Деятельность партии по отпору контрреволюционного выступления генерала Корнилова гигантски повысила авторитет большевиков в массах². И после этого буржуазные и соглашательские партии эсеров и меньшевиков

¹ См. Известия, 1917, 2 марта.

² Этот факт вынуждены признать и многие противники большевиков. Так, Суханов отмечал, что после корниловщины большевистская партия росла «как снежный ком» (*Суханов Ник. Записки о революции*, кн. 6, с. 44).

предпринимали различного рода политические маневры с целью остановить революцию, выбить из рук масс рычаги ее углубления и перерастания. Об этом свидетельствуют, например, разоблаченные большевиками махинации вокруг попыток создания так называемого Предпарламента, призванного поддержать шатавшееся правительство Керенского и подготовить ликвидацию Советов рабочих и солдатских депутатов, в которых исключительно быстрыми темпами росло влияние большевиков. Но эти махинации, так же как и предшествующие прямые контрреволюционные действия буржуазии, были разоблачены большевиками, уверенно подведшими массы к необходимости социалистической революции. «Корниловщина и последующие события, как практические уроки, сделали возможной октябрьскую победу»¹, — указывал Ленин.

Нетрудно увидеть, что описанные выше действия контрреволюции в России не какое-то случайное явление, они имеют поистине интернациональный характер, более того, как показал опыт народно-демократических революций, а также события в Чили, Португалии, буржуазия всячески стремится совершенствовать и разнообразить средства борьбы с революционными и демократическими силами. Ныне, как мы уже отмечали в другой связи, даже свобода забастовки и законное недовольство трудящихся порой используются предпринимателями-реакционерами и фашистскими заговорщиками для того, чтобы спровоцировать неоправданное осложнение социальных конфликтов, парализовать общественный транспорт, вызвать нехватку хлеба, дезорганизацию экономики, открыть удобный путь для контрреволюции в странах, переживающих революционный подъем. И разумеется, так же как и в России, действия местной контрреволюции поддерживаются международным финансовым капиталом².

Большевики-ленинцы показали образцы такой политической стратегии и тактики, которые не только разрушали все провокации и маневры контрреволюционной буржуазии, но и неуклонно продвигали революцию от одного этапа к другому. Их конкрет-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 4.

² Известно, например, какой нажим был оказан финансовым капиталом на правительство С. Альенде в Чили. Ему было отказано в займах, в отсрочке платежей по государственным долгам, доставшимся от предыдущего буржуазного правительства. В то же время кровавой фашистской хунте финансовую поддержку стали оказывать сразу же после прихода ее к власти. Американская буржуазная газета «Интернэшнл геральд трибюн» откровенно писала, что правительство США уполномочило ЦРУ израсходовать 8 млн. долларов в 1970—1973 годах, чтобы создать для правительства Альенде «невозможные условия пребывания у власти». 350 тыс. было потрачено на подкуп членов конгресса Чили, 5 млн. — на «дестабилизацию» ее экономики, 1,5 млн. передано антиальендовским кандидатам на муниципальных выборах, большие суммы получали из разных источников антиправительственные газеты (International Herald Tribune, 9.IX.1974).

ные лозунги и действия по передаче земли крестьянам, т. е. тем, кто ее обрабатывает, по введению рабочего контроля на предприятиях крупной буржуазии, а затем и их национализации, выходу из ненавистной народу войны, по предоставлению угнетенным народам права на национальное самоопределение вплоть до государственного отделения и т. д. — все это способствовало закреплению общедемократических завоеваний революции и одновременно создавало опорные пункты, рычаги для перевода ее на рельсы социалистического развития. Такая политика — особенно на фоне демагогических обещаний правительства Керенского, которые так и остались невыполненными¹, — укрепляла авторитет большевиков как истинных борцов за дело народа, помогала перегруппировке сил, и в частности сплочению вокруг рабочего класса беднейшего крестьянства.

И сегодня мы видим жизненную силу большевистских требований, которые, разумеется в специфических формах, по-прежнему волнуют трудящиеся массы. Земля, рабочий и демократический контроль, национализация, мир, национальная независимость и т. д. — именно решение этих вопросов в конкретных условиях соответствующих стран способно продвигать революцию вперед от общедемократического этапа к социалистическому. С другой стороны, задержка или тем более ошибки в их конкретном осуществлении создают угрозу революции, способны затормозить ее, отбросить в лагерь реакции колеблющиеся слои трудящихся, привести к временному поражению.

Наконец, говоря о факторах и рычагах, т. е. механизме перерастания демократической революции в социалистическую, нельзя не отметить, что успех дела в огромной мере зависит от того, сумеет ли марксистская партия разоблачить оппортунистическую, объективно противостоящую развитию революции политику мелкобуржуазных партий. И в этом отношении большевики проявляли большое искусство. Своей теоретической и пропагандистской деятельностью они сумели показать массам, что их требования мира, свободы, земли и хлеба осуществимы только на основе завоевания власти рабочим классом и беднейшим крестьянством.

Такая линия дала свои плоды, способствуя, в частности, переходу на сторону большевиков революционно настроенных масс, левой части мелкобуржуазных партий, особенно эсеров.

Все это, вместе взятое: смелый и мужественный отпор контрреволюции, последовательная борьба за жизненные интересы трудящихся масс, разработка реальной программы по спасе-

¹ В. И. Ленин писал, что правительство Керенского кормило трудящихся только обещаниями. Например, закон о земле, о котором много говорили эсеры, так и не был издан. Когда же земельные комитеты пробовали брать помещичью землю, для того чтобы разделить ее между бедными крестьянами, то такие комитеты арестовывались (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 174—175).

нию страны от национальной катастрофы, решительные выступления в защиту демократических свобод, прав национальных меньшинств, своевременное, отвечающее потребностям масс движение лозунгов и борьба за их проведение в жизнь, разоблачение оппортунизма мелкобуржуазных партий — способствовало размежеванию, перегруппировке сил в ходе перерастания революции. Такая перегруппировка ни в коей мере не представляла «самоизоляции» пролетариата, не вела к «сужению» социальной базы революции, а, наоборот, гигантски расширяла круг ее сознательных сторонников. Причем твердой классовой основой перегруппировки сил являлся союз пролетариата и беднейшего крестьянства, на укрепление которого партия обращала главное внимание.

Российский опыт борьбы за перегруппировку революционных сил учитывался коммунистическими партиями во время и после второй мировой войны. Рассмотрим, каким образом и за какие сроки была осуществлена перегруппировка сил в некоторых странах, где происходило перерастание революции.

В Польше на процесс перегруппировки накладывало отпечаток то обстоятельство, что движение Сопротивления в годы оккупации не было однородным. Важной задачей на этапе национально-освободительной борьбы было достижение единства патриотических и демократических сил, поддержка ими марксистско-ленинской партии. Решающий вклад Советской Армии в освобождение Польши помог относительно быстрому преодолению культивировавшейся правящими кругами вековой неприязни поляков к России и укреплению убеждения в том, что независимость и расцвет нации связаны с социализмом, с упрочением братских, дружеских отношений с СССР. Центр тяжести при перегруппировке сил лежал на борьбе против националистических и буржуазных элементов, которые упорно сопротивлялись, как легально, так и нелегально, с помощью вооруженного террора, стремясь воспрепятствовать усилению позиций рабочего класса, сорвать провозглашенные реформы. Важным элементом процесса перерастания и связанной с этим перегруппировки сил была борьба за сближение различных частей рабочего класса. Решающее значение для перехода в 1948 году к этапу социалистического строительства имело объединение на платформе марксизма-ленинизма партий рабочего класса в Польскую объединенную рабочую партию.

Развитие революции в восточной части Германии тесно переплеталось с борьбой за искоренение последствий фашистской диктатуры. Поскольку широкие слои населения длительное время находились под влиянием фашистской пропаганды, потребовалась острая борьба за привлечение большинства народа к антифашистско-демократическому блоку. Уже осенью 1946 года во время выборов на местах СЕПГ получила около половины всех голосов. В дальнейшем поддержка линии СЕПГ постоянно возра-

стала, социальная база демократических преобразований неуклонно расширялась. Антифашистско-демократические реформы поддерживали не только рабочий класс и мелкое крестьянство, но и значительная часть средней буржуазии города и деревни. СЕНГ ставила перед собой задачу сохранить и расширить народный союз и при переходе к социализму, выдвинув лозунг «Социализм нужен вам, вы нужны социализму».

В Венгрии с образованием в декабре 1944 года Временного национального правительства установилась рабоче-крестьянская власть. Политические партии объединились в Венгерском национальном фронте независимости, который был по существу широким классовым союзом, союзом рабочего класса, крестьянства, мелкой городской буржуазии, демократически настроенной интеллигенции и части буржуазии, выступившей против фашистов. В дальнейшем, когда в Национальный фронт проникли представители реакции, коммунисты, подобно большевикам в России, создали в марте 1946 года левый блок, упрочивший единство рабочего класса и его союз с крестьянством. Сохранение Национального фронта было использовано для разоблачения и изоляции буржуазии. С ликвидацией в конце 1946 года заговора реакции буржуазия была быстро разбита. Левые силы победили на выборах в 1947 году, а объединение в июне 1948 года партий рабочего класса ускорило победу социалистической революции в политической области.

Свои особенности процесс перегруппировки сил имел и в других европейских и азиатских странах, где победили социалистические революции, а также на Кубе. О них еще будет идти речь в дальнейшем.

На нынешнем этапе революционного развития коммунисты считают, что демократическая, антимонополистическая, а также национально-освободительная борьба может происходить на очень широкой социальной основе. Империалистическая политика эксплуатации и подчинения, деятельность реакционных, агрессивных кругов ведут к дальнейшей поляризации классовых сил. Коммунистические партии исходят из того, что ход общественного развития все более наглядно демонстрирует, что социализм отвечает интересам всех трудящихся, всех союзников пролетариата в борьбе против монополий. Это означает, в частности, что процесс перегруппировки при переходе от одного этапа к другому не обязательно должен сопровождаться столь острой классовой борьбой в лагере сил, объединенных программой борьбы за восстановление и расширение демократии, как это было в России. (Это, кстати говоря, подтвердил уже и опыт некоторых народно-демократических революций в послевоенное время.) Безусловно и то, что в современных условиях перегруппировка сил для осуществления социалистических преобразований может, как правило, сопровождаться еще большим расширением круга сознательных сторонников социализма, укреплением на новой ос-

пове союза всех левых сил. Для этого существуют благоприятные объективные условия.

Конечно, многое зависит здесь и от субъективного фактора — соответствующей стратегии и тактики коммунистов, всех революционных сил, и от иных, в частности внешних, международных факторов.

Словом, при анализе проблем перерастания демократической революции в социалистическую следует, как мы уже отмечали, избегать абстрактных, упрощенческих формулировок. Здесь особенно необходим конкретный анализ конкретной ситуации.

Сроки перерастания, взаимоотношения внутри сложившегося на первом этапе союза демократических сил, острота и характер противоречий между ними, способы их разрешения — все это будет определяться множеством факторов, прежде всего остротой и характером сопротивления буржуазии, которое усиливается по мере продвижения вперед народной революции, а также степенью зрелости предпосылок социализма в той или иной стране, глубиной решения задач первого этапа революции, международными условиями и т. д. Но бесспорно то, что утверждение последовательно демократических режимов и их дальнейшая эволюция в сторону социализма в любом случае неизбежно происходят в острой классовой борьбе, в ходе которой все политические силы, участвующие в ней, должны будут в результате самой объективной логики борьбы занять определенное место по ту или по другую сторону баррикада — в строгом соответствии со своими классовыми интересами и степенью их осознания. В силу этой логики буржуазия неминуемо будет стремиться не только не допустить перерастания революции в социалистическую, но и ликвидировать завоевания ее демократического этапа. Перед революционными силами встанет, следовательно, задача защиты демократии, с тем чтобы обеспечить продвижение революции вперед.

Все это учитывают компартии применительно как к условиям в индустриально развитых странах капитализма, так и к ситуации в развивающихся государствах. «Наша стратегия, — указывалось на XXIV съезде ФКП, — не имеет ничего общего с усыпляющей концепцией постепенной эволюции, при которой остается только ждать, чтобы избиратели направлялись каждые пять или семь лет к избирательным урнам. Мы и не помышляем о том, что французская буржуазия порвет со своими вековыми авторитарными традициями... демократический путь — это путь борьбы»¹.

Коммунисты зоны национально-освободительного движения в ходе революции не только нацеливают массы на решительную борьбу с прямыми контрреволюционными силами, но и разъясняют необходимость нейтрализации и изоляции тех слоев

¹ L'Humanité, 4. II. 1982.

буржуазии, которые, принимая определенное участие в антиимпериалистических революциях, стремятся затормозить их, а то и повернуть вспять даже на этапе общедемократических преобразований. «Что же касается социалистических идей,— отмечал Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Р. Арисменди,— то последние должны быть результатом классового размежевания и борьбы с врагом в ходе революционного процесса. А такое размежевание и борьба неизбежно будут иметь место. И тогда революция пойдет дальше...»¹

Таким образом, ленинская концепция поэтапного развития революции, в процессе которой пролетариат осуществляет антимонополистические и антифеодальные преобразования и, используя различные политические рычаги, умело проводя необходимую перегруппировку сил в ходе углубления классового содержания народной демократической революции, борется за ее перерастание в социалистическую, дает единственно верный научный ориентир в стратегии и тактике коммунистических и рабочих партий, всех подлинно революционных сил.

¹ *Арисменди Родней. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1975, с. 316.*

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ

Революции — локомотивы истории, говорил К. Маркс. Но, как известно, локомотивы не приходят в движение сами. Для этого необходим двигатель, мотор. Двигатель революции — народные массы, классы и общественные группы. Подобно тому как на различных отрезках истории с развитием техники меняются, совершенствуются двигатели локомотивов, так совершенствуются и видоизменяются движущие силы революции. «Надо понять, какие *классы* двигают революцию. Надо трезво учесть их различные стремления... Только поняв различие этих классов, можно найти верный путь для революции»¹. «Чтобы иметь успех, революция должна возможно более точно знать, с кем можно идти на бой, кто ненадежный союзник, где настоящий враг»².

Такими словами определял Ленин значение классового анализа движущих сил революции. Именно такой анализ лежит в основе теоретической и практической деятельности, революционной стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий.

Марксистско-ленинская наука доказала и всесторонне раскрыла историческую и социальную обусловленность состава движущих сил революций, как буржуазно-демократических, так и социалистических. Она показала, что этот состав определяется, во-первых, характером переживаемой исторической эпохи; во-вторых, социально-классовой структурой той или иной страны или группы однотипных стран, объективным, исторически изменяющимся положением тех или иных классов и слоев в существующей в данной стране системе производственных отношений, которые в конце концов детерминируют реальное социально-политическое поведение, идеологию и психологию классов и общественных групп.

Указанные два главных фактора находятся в тесном единстве, диалектическом взаимодействии. Причем существо этого взаимодействия определяется тем, что по мере прогресса человеческого общества возрастает влияние общемировых процессов на внутреннюю жизнь народов, а следовательно, все более усиливается влияние основных закономерностей и особенностей исторической

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 455.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 283.

эпохи на расстановку и характер поведения классовых сил внутри отдельных стран.

Исходя из названных объективных факторов, марксисты считают, что в эпоху империализма и перехода от капитализма к социализму существует принципиально единая, однотипная в главных чертах для всех стран схема движущих революцию классовых сил. В то же время марксизм-ленинизм весьма далек от механического «наложения» такой схемы на любую социальную действительность. Он требует учета всей специфики структуры как движущих, так и сопротивляющихся революции сил, видоизменяющейся в той или иной мере в зависимости от условий каждой конкретной страны.

В современную эпоху империализм как мировая система является тормозом социального прогресса, обостряется непримиримый конфликт между трудом и капиталом, отражающийся во всех сферах буржуазного общества, где горстке финансовых магнатов противостоит громадное большинство народа. Объективно интересам этого большинства соответствует ликвидация старых, капиталистических производственных отношений и их замена новыми, социалистическими. Однако, как показывает опыт, не все силы, объективно заинтересованные в антимонополистических и революционных социалистических преобразованиях, участвуют в их осуществлении. Движущие силы революции — это передовые классы и слои общества. Наиболее активный класс и демократической и социалистической революций — пролетариат выступает в качестве ее гегемона, вождя. Самая передовая часть этого класса, организованная в политическую партию, играет роль революционного авангарда. На различных этапах революции состав движущих сил меняется. Он зависит от того, какие экономические и политические задачи решаются революцией, а также от других обстоятельств — уровня сознательности угнетенных классов, их организованности и т. д. Разбирая вопрос о том, в чем состоит первейшая задача марксистской партии перед лицом надвигающейся революции, Ленин отвечал на него так: «...в уразумении позиции *разных классов*, в сведении разногласий тактических и принципиальных вообще к различиям в позиции разных классов»¹.

Конкретно-историческое содержание реализации в России марксистско-ленинских идей о движущих силах буржуазно-демократической и социалистической революций раскрыто в целом ряде специальных работ советских исследователей². Здесь же

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 27.

² См., например: Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 гг.); Гегемония пролетариата в трех русских революциях; Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции. М., 1976; Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981.

опыт осуществления этих идей рассматривается главным образом с точки зрения актуальных проблем современной классовой борьбы.

Рабочий класс

В наше время ни у одного подлинного марксиста-ленинца не вызывает сомнения, что не только социалистические, но и демократические революции могут быть доведены до конца и стать победоносными только в том случае, если вождем их выступает пролетариат. История показала, что, несмотря на все многообразие конкретных условий, существенные различия в уровнях социально-экономического и политического развития стран несоциалистической части мира, именно пролетариат становится центром притяжения всех антиимпериалистических, демократических сил, именно этот класс призван сыграть главную роль в происходящих и грядущих революционных битвах.

Возможен вопрос: не отошел ли Ленин и не отходят ли современные марксисты-ленинцы от марксизма, выдвигая в новую эпоху положение, что вождем не только социалистической, но и демократической революции может и должен быть рабочий класс?

С точки зрения оппортунистов, это как раз один из тех пунктов, в которых ленинизм будто бы решительно расходится с теорией Маркса. Данная точка зрения исходит из догматической, начетнической трактовки взглядов основоположников научного социализма на место и роль пролетариата как класса в системе общественных отношений, на его революционную миссию.

Известно, например, что К. Маркс и Ф. Энгельс, имея в виду начальные стадии развития капитализма, указывали в «Манифесте Коммунистической партии» на подчиненность революционной борьбы рабочих масс буржуазии, «которая для достижения своих собственных политических целей должна, и пока еще может, приводить в движение весь пролетариат»¹. К началу XX века историческая ситуация коренным образом изменилась; в тех странах, где буржуазия добивалась политического господства, она превратилась в контрреволюционную силу, а в таких странах, как Россия, где ее не допускали к рычагам власти, она выступала с соглашательскими лозунгами и — это явственно показала первая русская революция — не могла и не хотела возглавить революционно-демократическое движение. Между тем оппортунисты упорно продолжали цепляться за вчерашний день истории, догматически истолковывая приведенные выше слова из «Манифеста Коммунистической партии». Именно на них ссылались меньшевики в 1907 году на Пятом (Лондонском) съезде

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 432.

РСДРП, чтобы опровергнуть ленинское положение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Отвечая им, Роза Люксембург говорила: «Ссылка на то, как Маркс и Энгельс характеризовали роль буржуазии 58 лет тому назад, представляет в применении к теперешней действительности поразительный пример метафизического мышления, превращение живого, исторического взгляда творцов «Манифеста» в окаменевшую догму»¹.

Догматизм меньшевиков в этом вопросе был связан с оппортунистическим искажением ими самой сущности марксистского учения о революционной миссии пролетариата. Во-первых, и в «Манифесте Коммунистической партии», и в других своих произведениях К. Маркс и Ф. Энгельс, определяя роль буржуазии в революции, неизменно подчеркивали историческую ограниченность этой роли. «Рабочий класс неизбежно является орудием в руках буржуазии, пока буржуазия *сама революционна...*»² — писал, например, Ф. Энгельс. Основоположники марксизма при этом отмечали, что буржуазия с опаской относится к своему союзнику и готова заключать компромиссы с феодализмом, отказываясь от революционных целей, лишь бы не позволить пролетариату прийти к власти, что многократно было подтверждено практикой революции в России, последующего развития революционного движения в других странах и что игнорировали и продолжают игнорировать оппортунисты.

Во-вторых, основоположники научного социализма говорили о неподготовленности пролетариата к руководящей роли в демократических революциях эпохи восходящего капитализма лишь применительно к условиям данной эпохи, подчеркивая вместе с тем, что и в этих условиях «из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс»³. Суть их учения о революционной миссии рабочего класса выражает не то или иное конкретно-историческое состояние рабочего класса, не ту или иную ступень его социальной, политической зрелости, развития классового самосознания, а объективное положение рабочих в системе общественно-экономических отношений. К. Маркс указывал: «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что *такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет *делать*»⁴. К. Маркс с этой точки зрения оценивал даже первые, стихийные выступления пролетариата, отмечая, что, какими бы «частичны-

¹ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 года. Протоколы. М., 1963, с. 384.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 575.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 434.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 40.

ми» ни были эти выступления, они заключают «в себе универсальную душу»¹.

Таким образом, по Марксу, место пролетариата в революционном движении можно правильно определить как в общем, так и в каждый данный период лишь с учетом его всемирно-исторической роли, объективно обусловленной общественным развитием. Если в эпоху восходящего капитализма эта роль реализовывалась лишь частично, то при империализме возникли условия для полного ее раскрытия в практике революционной борьбы. Это понял В. И. Ленин. Этого не могли или не хотели понять оппортунисты. Бернштейн, явно в пику Марксу отрицая значение объективных условий развития рабочего класса, утверждал на рубеже веков, что «зрелость пролетариата — не экономическое, а этическое понятие, его мощь — политический или соответственно социально-политический фактор»². Несколько позже не столь категорично, но по сути то же самое прокламировал Каутский, отвечая на вопрос, приобрел ли пролетариат «зрелость, которую требует социализм». «По этому вопросу, — писал он, — ныне много спорят, одни столь же решительно отвечают на этот вопрос положительно, как другие отрицают. И то и другое кажется мне немного преждевременным. Зрелость для социализма — это не что-то такое, что можно констатировать статистически и рассчитать, прежде чем мы будем в состоянии сделать практическую попытку. Во всяком случае неправильно, как это часто случается, при рассмотрении вопроса чересчур выдвигать на первый план материальные предпосылки социализма...»³

Из такого рода оценок вытекал политический курс оппортунистов, направленный на подчинение рабочего класса интересам буржуазии в революционном движении. Даже после того, как пролетариат, сыграв авангардную роль в двух буржуазно-демократических революциях в России, одержал победу в Октябре 1917 года и стал правящим классом, меньшевики продолжали твердить о его «неподготовленности» к социализму, об «общности» интересов рабочих и буржуазии. Заявляя о возможности и желательности продолжения и углубления процесса капиталистического развития России, меньшевик А. Н. Потресов в начале 1918 г. утверждал, будто пролетариат в этом вопросе «органически связан со своим классовым антагонистом — буржуазией. Он одинаково с ней заинтересован в том, чтобы этот двухсторонний процесс накопления промышленных сил, укрепляющий как буржуазию, так и пролетариат, протекал возможно успешно. Для него, как и для буржуазии, это дело жизни и смерти...»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 447.

² Bernstein E. Zur Geschichte und Theorie des Sozialismus. Berlin—Bern, 1901, S. 294.

³ Kautsky K. Demokratie oder Diktatur. Berlin, 1920, S. 17.

⁴ Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений, с. 278.

Рабочий класс, по логике подобных рассуждений, должен действовать на укрепление капитализма, в чем социал-реформисты, собственно, и усматривали «подготовку» материальных предпосылок для эволюционного перехода к социализму. Изменилась ли с тех пор эта их логика? Отнюдь. Правда, сегодня они готовы отвести рабочему классу более «значительную» роль в развитии буржуазного общества. Как пишет, например, австрийский социал-реформист Г. Неннинг, сегодняшний рабочий призван стать «ключевой фигурой мирного, законного, парламентского перехода от капитализма к социализму»¹.

Как видим, речь тут идет о своего рода завоевании пролетарской гегемонии, но (что очень существенно и к чему мы еще вернемся) не в демократическом, революционном движении, а в самом буржуазном обществе. Конкретно дело представляется так, что, мол, шаг за шагом будет происходить перемещение под контроль рабочего класса механизмов политической власти, управления экономикой, руководства вооруженными силами и т. д. В итоге решение вопроса о переходе к социализму якобы может быть спокойно вынесено на всенародное голосование, которое будет выглядеть чуть ли не пустой формальностью, поскольку, мол, его результаты предрешиены гегемонией рабочего класса в обществе.

При изложении этой концепции реформистские идеологи более всего стремятся подчеркнуть расхождение ее с ленинской теорией и политической практикой революционного пролетариата в прошлом. Например, С. Холланд, видная фигура в идеологическом аппарате Лейбористской партии (Англия), с удовлетворением отмечает, что такая «теория гегемонии» воплощает в себе «отличающиеся от классического ленинизма представления о природе демократической политики, классовой и государственной власти»². Особенно выпячивается то, что эта «теория» делает упор на «общенародное согласие» как на решающий фактор перехода к социализму, тогда как для «прежней» концепции таким фактором было взятие власти революционным рабочим классом.

Что можно сказать по этому поводу? Несомненно, новое в жизни должно вносить элементы нового в теорию, в революционные концепции. Ну а если новое в жизни толкает не к обновлению теорий, а к возрождению старых, не выдержавших испытания временем идей, тезисов, формул, именно таких, которые были отмечены выше?

Думается, однако, нельзя ограничиваться только лишь констатацией этого факта. Ведь оппортунистические концепции роли рабочего класса, старые или обновленные, активно пропагандируются буржуазными и реформистскими идеологами в рабочем движении и все еще оказывают влияние на значительные массы

¹ *Nenning G. Op. cit.*, S. 198.

² *Holland S. Social Democracy and Eurocommunism. — Socialist Affairs*, November—December 1978, p. 163.

трудящихся¹. Поэтому марксисты-ленинцы вновь и вновь обращаются к ленинским идеям о гегемонии пролетариата, к опыту их реализации в революционном и демократическом движениях как к самому действенному оружию в борьбе с оппортунизмом за рабочий класс. Кстати, со своей стороны современные оппортунисты в борьбе с ленинизмом все более широко используют наследие оппортунизма начала XX века, например идеи Каутского, которого испанский ревизионист Ф. Клаудин назвал «главным теоретическим противником большевизма»².

Мы уже приводили ответ Каутского на вопрос о «зрелости пролетариата». Рассмотрим теперь, как отвечал на него Ленин, выделяя в ленинской концепции гегемонии пролетариата в первую очередь те положения, которые сохраняют силу на обоих этапах революции и которые особенно актуальны для современного революционного движения.

Последовательно исходя из учения К. Маркса и Ф. Энгельса о всемирно-исторической миссии пролетариата, В. И. Ленин показал, что в эпоху империализма, когда противоречия между трудом и капиталом стали доминирующими в общественной жизни даже тех стран, где еще не победили буржуазные революции, а интересы капитала, особенно крупного, переплелись с интересами феодально-помещичьей олигархии, буржуазия в целом как класс из прогрессивной силы превратилась в реакционную. В то же время пролетариат продемонстрировал не только растущую организованность, боевой наступательный дух, готовность к решительным действиям во имя демократических и социалистических идеалов, но и способность повести за собой широкие массы для осуществления этих идеалов.

Глубоко проанализировав социально-экономические и политические условия в России, ставшей на рубеже столетий узловым пунктом противоречий международного империализма, и во всем мире, В. И. Ленин сделал вывод: пришло время пролетариата как главной революционной силы. Отныне все развитие общества, все тенденции революции определяются тем, что в центре эпохи находится рабочий класс.

Именно в этой обстановке перед русским пролетариатом встала великая революционная задача. Отмечая значение данного исторического момента, В. И. Ленин писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи... сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»³. В. И. Ленин показал, что

¹ См. Тимофеев Т. Т. Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства. М., 1979.

² См. Claudin F. Democracy and Dictatorship in Lenin and Kautsky. — New Left Review, 1977, N 106, p. 59—76.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 28.

гегемония пролетариата является ключевым вопросом революции не только для России, но и для других капиталистических стран.

Уже в своей первой крупной работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 год) он подчеркивает необходимость объяснения «исторической роли русского рабочего, как борца за освобождение всего трудящегося населения»¹, делая вывод, что «русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*»². Пролетариат, отмечал Ленин в другой работе, «должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать прогрессивные классы и партии против реакционных, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного пола и т. д.»³. И позже В. И. Ленин неоднократно повторяет эту мысль, ставшую основой для вывода о гегемонии пролетариата не только в социалистической, но и в буржуазно-демократической революции. Пролетариат «должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров»⁴, — пишет, например, Ленин в 1911 году. «Только пролетариат... — разъясняет он в 1918 году, — способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение»⁵. В Тезисах ко II конгрессу Коминтерна В. И. Ленин отмечает, что «действительно революционным, действительно социалистически действующим классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает, как авангард всех трудящихся и эксплуатируемых...»⁶. «...Передовым во всякой революции является пролетариат»⁷, — еще раз подчеркивает он в статье «К истории вопроса о диктатуре» (ноябрь 1920 года).

Итак, Ленин показал, что если во времена Маркса и Энгельса пролетариат рассматривался, как правило, в качестве руководящей силы только в социалистической революции, причем после длительной борьбы в условиях победы буржуазно-демократической революции, то на стадии империализма тезис о гегемонии

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 303.

² Там же, с. 342.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 172.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 308.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 25—26.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 170.

⁷ Там же, с. 378.

пролетариата распространить и на буржуазно-демократическую революцию, которая теперь может стать этапом для перехода к революции социалистической.

Буржуазно-демократическая революция нужна пролетариату как своего рода расчистка поля для социалистической революции. В борьбе за победу буржуазно-демократической революции рабочий класс проходил школу политического воспитания, закалял себя, а после победы революции, сметающей остатки феодализма, встал лицом к лицу с буржуазией, до этого использовавшей против пролетариата полукрепостнические порядки. Поэтому у рабочего класса, идущего в авангарде буржуазно-демократической революции, есть одна цель: как можно скорее закончить эту революцию полной победой и незамедлительно смело и решительно взяться за освобождение трудящихся от гнета капитала.

Говоря о новом подходе В. И. Ленина к гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, мы вовсе не хотим сказать, что Ленин полностью исключал возможность возникновения в той или иной стране таких конкретных обстоятельств, при которых буржуазия могла бы играть руководящую роль в буржуазно-демократической революции того или иного типа. Ленин, гибко владея диалектическим методом, видел все многообразие исторического процесса, допускал такое сочетание факторов революционной борьбы, при котором буржуазия способна возглавить ее. Подобное было возможно прежде всего при решении проблем революции в зоне национально-освободительного движения, где рабочий класс был слишком слаб и малочислен. Пролетариату могла здесь выпасть роль союзника буржуазии. Именно так оценивал Ленин ситуацию, сложившуюся в Индии в начале века, указывая на необходимость участия пролетариата Индии в руководимом буржуазией движении за независимость страны¹. Но в тех странах, где был организованный пролетариат, где имелись условия для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (например, в России и многих других капиталистических странах), гегемоном мог и должен быть только рабочий класс. Иначе революция застряла бы на полпути, остановилась на первом этапе, ибо буржуазия в силу своей классовой природы ни под каким видом не пошла бы на развитие революции дальше. Больше того, она сделала бы все, чтобы свернуть революцию, если она будет углубляться, на буржуазно-конституционный путь или даже потопить в крови.

Итак, по Ленину, пролетариат мог играть свою революционную роль не в какой угодно революции, а только в революции социалистической или демократической, имеющей объективную возможность (именно возможность, так как в истории было

¹ См. *Сардесаи Ш. Г. Индия и революция в России*. М., 1967, с. 83—84.

немало случаев, когда эта возможность не превращалась в действительность) перерастания в социалистическую. Поэтому Ленин связывал авангардную роль пролетариата не со всякой классовой борьбой, а только с борьбой, расчищающей путь к социализму.

Вывод о роли рабочего класса как гегемона буржуазно-демократической и социалистической революций В. И. Ленин сделал прежде всего на основе российского опыта. В связи с развитием в России крупной промышленности, усилением классовой борьбы пролетариат стал более организованным, более обученным, повысился в целом его культурный уровень. Высокая, характерная для наиболее развитых капиталистических стран степень концентрации рабочего класса на крупнейших предприятиях индустриальных центров России имела большое политическое значение. Уже к 1905 году, когда численность промышленного пролетариата (вместе с горными и железнодорожными рабочими) достигла 3 млн. человек, более половины его — 52,2 проц. — было сосредоточено на крупных промышленных предприятиях с числом рабочих 500 человек и свыше трети — 35,1 проц. — на предприятиях с числом рабочих 1000 и более. Процесс концентрации быстро развивался. К 1917 году только на предприятиях Петрограда, Москвы и десяти губерний Центральнопромышленного района было сосредоточено 76 проц. всех фабрично-заводских рабочих 35 губерний европейской части страны¹. Всего в Центральнопромышленном районе было сосредоточено свыше 1 млн. рабочих, или треть фабрично-заводского пролетариата России. В Петрограде, который был важнейшим центром металлообрабатывающей промышленности, 60 проц. общего числа рабочих составляли металлисты². Особое место среди лиц наемного труда занимал фабрично-заводской пролетариат. Промышленный пролетариат вместе с железнодорожными рабочими играл ведущую роль в рабочем движении. Именно этот отряд Ленин называл авангардом, ударной силой рабочего класса вообще.

Рабочий класс под руководством марксистской партии сплачивался в могучий отряд революции. Россию неоднократно сотрясало мощное забастовочное движение пролетариата. Напомним, что уже в начале века рабочий класс активно участвовал в стачечных боях. В 1902 году состоялись крупные забастовки в различных городах. В 1903 году на Юге вспыхнула всеобщая политическая стачка. В 1904 году забастовочное движение охватило Петербург, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород, города Кавказа. В октябре 1905 года забастовки переросли во всероссийскую стачку, которая стала одним из кульминационных моментов первой русской революции. Забастовочная волна вновь

¹ См. *Егорова А. Г.* Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. М., 1970, с. 24—25.

² См. там же, с. 25.

начала нарастать в 1910 году. Количество стачек и их участников соответственно составляло: в 1910 году — 222 и 46,6 тыс., в 1911 году — 466 и 105,2 тыс., в 1912 году — 2032 и 725,5 тыс., в 1913 году — 2404 и 887,1 тыс., в 1914 году — 3534 и 1 337,5 тыс. Большое число стачек составляли политические, из локальных они все чаще превращались в общероссийские. В условиях войны забастовочное движение оставалось на высоком уровне. В 1915 году произошло 1063 стачки, охватившие 569 тыс. человек. В 1916 году начался новый подъем, и число стачек возросло до 1542 и 1 172 тыс. участников. 1917 год принес резкий взлет забастовочной борьбы. Только в январе бастовало 270 тыс. рабочих¹.

Рассматривая характерные черты положения и борьбы рабочего класса в России, которые подвели его к роли вождя всех демократических сил, Ленин отнюдь не считал их следствием какой-то «русской исключительности». Наоборот, он видел в них проявление общих закономерностей борьбы пролетариата в эпоху империализма. И не случайно поэтому Ленин, обосновывая концепцию новых движущих сил в демократической революции, всегда учитывал и конкретный опыт пролетариата других стран и времен². В частности, известно, как тщательно изучал он опыт буржуазно-демократической революции 1848—1849 годов в Германии, которая происходила в условиях относительно более зрелого рабочего движения и обострившихся противоречий между буржуазией и трудящимися (по сравнению, скажем, с французской буржуазной революцией конца XVIII века или тем более английской буржуазной революцией XVII века).

В. И. Ленин глубоко исследовал опыт и других революционных боев пролетариата, особенно историю Парижской коммуны, о чем наглядно говорят его многочисленные конспекты работ различных авторов по истории революционных движений, сами ленинские труды, глубоко их анализирующие. В годы эмиграции Ленин подробно знакомился со спецификой рабочего движения в странах Западной Европы (он побывал в большинстве этих стран), изучал конкретные условия жизни и борьбы пролетариата. Н. К. Крупская, оценивая значение данного опыта и личных наблюдений В. И. Ленина в годы эмиграции, в частности, писала: «В первую эмиграцию — до 1905 г. — внимание Ильича, когда он наблюдал окружающую заграничную жизнь, приковывалось главным образом к рабочему движению, его особенно интересовали рабочие собрания, демонстрации и пр. У нас в России этого не было до отъезда Ильича за границу в 1900 г. Теперь, после революции 1905 г., после пережитого колоссального подъема рабочего движения в России, борьбы партий, после опыта Думы и особенно после возникновения Советов рабочих

¹ См. Рабочее движение в годы войны. М., 1925.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 126—127.

депутатов, наряду с интересом к формам рабочего движения, Ильич особенно стал интересоваться и тем, что же такое представляет из себя по сути дела буржуазная демократическая республика, какова в ней роль рабочих масс, как велико в ней влияние рабочих, как велико влияние других партий... «Борьба за демократическую республику» была пунктом нашей тогдашней программы, буржуазная демократическая республика стала для Ильича особо ярко теперь вырисовываться как более утонченное, чем царизм, но все же как несомненное орудие порабощения трудящихся масс... Мне думается, не пережив революции 1905 г., не пережив второй эмиграции, Ильич не смог бы написать свою книгу «Государство и революция»¹.

Рассматривая борьбу российского пролетариата лишь как один из участков исторической борьбы рабочих всего мира, Ленин в то же время глубоко осознавал, что в связи с перемещением в Россию центра мирового революционного движения наша страна в силу ряда причин превратилась в наиболее слабое звено в мировой системе империализма. Именно это позволило Ленину написать еще перед началом первой русской революции: «На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара»².

В. И. Ленин показал — и революционная практика это подтвердила — полную несостоятельность тезиса меньшевиков, что пролетариат не должен претендовать на руководящую роль, ибо в этом, мол, случае буржуазия *«отшатнется»* от революции, а это *«ослабит ее размах»*³. Буржуазия действительно «отшатнулась» от революции. Но это в конечном счете привело не к ослаблению, а к усилению революционного движения, убедило массы в контрреволюционности капитала, заставило рабочий класс энергичнее осуществлять свою гегемонию на обоих этапах революции.

Спустя многие годы это по-своему был вынужден признать видный меньшевистский деятель Ф. Дан (Ф. И. Гурвич). В изданной в 1946 году в эмиграции книге «Происхождение большевизма» он писал, что расчеты меньшевиков «повысить политический антагонизм буржуазии к самодержавию до остроты, напоминаящей Великую французскую революцию», путем предоставления ей руководства политическим переворотом «оказались и не могли не оказаться ошибочными». Почему? Потому, отвечал Дан, что «нарастание классовой обособленности и классовой боеспособности русского пролетариата... вгоняло и не могло не вго-

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 162—163.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 204.

³ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 83.

нять политическую оппозиционность русской буржуазии в тесные рамки, для которых не только грандиозные масштабы Великой французской революции, мерещившиеся меньшевикам, но и скромные масштабы abortивных революций 1848 года оказывались слишком велики». И далее Дан констатирует: большевистская концепция рабоче-крестьянской диктатуры «несомненно разрешала те противоречия политической проблемы, в которых бился меньшевизм»¹.

Прямо противоположные оценки этой концепции давали меньшевики, идеологи западного оппортунизма, с особым рвением ополчившиеся против нее после Октября 1917 года, хотя, казалось бы, и тогда она полностью обнаружила свою историческую правоту. Рабочий класс России, свидетельствует Ленин, «оказался в 1905 году *достаточно зрел политически*, чтобы вырвать у... буржуазии *руководство движением...*»². Российский пролетариат сохранил и укрепил свою гегемонию в Февральской революции и продолжал идти в авангарде революционного движения. Объединяя вокруг себя широкие массы, он добился победы в октябре 1917 года.

Что же могли противопоставить противники ленинизма этим фактам всемирно-исторического значения, содержащим самые убедительные аргументы в пользу ленинской концепции гегемонии пролетариата? Искать равнозначные контраргументы в реальной действительности было бы тщетно. Поэтому международный оппортунизм обратился к старому своему оружию — догме, пытаясь доказать, что ход революции в России не соответствует классическим положениям марксизма. Как отмечалось выше, партии II Интернационала, которые формировались в обстановке относительно «мирного» развития капитализма, не смогли перестроиться в соответствии с потребностями революционной эпохи. Многие социалисты встали на догматические позиции: закрывая глаза на новые явления, они лишь повторяли старые марксистские формулы. Свое непонимание новой исторической реальности они пытались оправдать, апеллируя к авторитету основоположников научного коммунизма. «Бедные Маркс и Энгельс,— еще в 1905 году отмечал в этой связи Ленин,— как только не злоупотребляли цитатами из их произведений!»³

Характеризуя в 1918 году оппортунистические позиции Каутского и Вандервельде, Ленин писал, что они извращают учение Маркса, «оба на словах революционеры и марксисты, на деле — ренегаты, направляющие все усилия на то, чтобы *отговориться* от революции»⁴. Именно в то время Каутский стал главным «теоретиком» антиленинизма; в развернутой им тогда критике большевизма оппортунисты и поныне черпают аргументацию в

¹ Дан Ф. И. Происхождение большевизма, с. 366.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 359.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 5.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 332—333.

борьбе против революционной теории. Категорически отказывая в зрелости русскому пролетариату, одержавшему победу в Октябрьской революции, Каутский ссылаясь на мысль, высказанную К. Марксом в предисловии к первому изданию «Капитала», о том, что ни одно общество не может перепрыгнуть фазы своего развития, но может сократить или смягчить его родовые муки. Догматически истолковывая в свете данного положения политику большевиков, Каутский писал, что они (т. е. большевики. — К. 3), «кажется, совершенно забыли эту фразу, потому что диктатура пролетариата, которую они проповедают и осуществляют, представляет собой не что иное, как грандиозную попытку перескочить или отменить естественные фазы развития. Они считают, что это самый безболезненный метод породить социализм, «сократить и смягчить его родовые муки». Но если хочешь оставаться в курсе дел, то их практика напоминает нам больше беременную женщину, совершающую самые искусные прыжки, чтобы сократить продолжительность своей беременности, которая вызывает у нее нетерпение, и вызвать преждевременные роды. Результатом такого поведения, как правило, бывает нежизнеспособный ребенок»¹.

Нет, большевики не забыли положение Маркса о поэтапности общественного развития. Но ленинское понимание его, как и других положений марксизма, основывалось на творческом подходе, на революционной диалектике и не имело ничего общего с «теоретическим опощением марксизма Каутским»². В. И. Ленин настойчиво предостерегал от всякого забега вперед, писал, что переход к социализму будет трудным и многоэтапным³. Он не идеализировал пролетариат, указывая на неизбежность ошибок в ходе революции, ибо «безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания»⁴. Но при этом Ленин непоколебимо верил в огромные творческие возможности рабочего класса, народных масс, в их историческое превосходство над эксплуататорскими классами. Он писал, что каждая ошибка миллионов рабочих и крестьян «стоит тысячи и миллиона «безошибочных» успехов эксплуататорского меньшинства... Ибо только *через* такие ошибки *научатся* строить новую жизнь, научатся обходиться *без* капиталистов рабочие и крестьяне, только так пробьют они себе путь — через тысячи препятствий — к победоносному социализму»⁵.

Именно это революционное предвидение Ленина, а не догматическое пророчество Каутского стало явью. Именно ленинская концепция гегемонии пролетариата воплотилась в реальность

¹ Kautsky K. Demokratie oder Diktatur, S. 43.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 182.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 48.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 60—61.

⁵ Там же, с. 61.

мировой системы социализма, в мощные массовые движения, преследующие демократические и социалистические цели. Что же касается оппортунистических концепций роли рабочего класса, то они реализовались в качестве идеологического оружия в борьбе против революционного пролетариата.

Передовые деятели социал-демократии, революционно настроенные массы в капиталистических странах отвергли все доводы каутскианцев и иных оппортунистов о «незрелости» российского пролетариата и с энтузиазмом встретили его победу в Октябре 1917 года. Опровергая эти доводы, Фр. Меринг в 1918 году писал, что коль скоро К. Маркс давал высочайшую оценку Парижской коммуне, «то легко представить, каково было бы его отношение к Советскому правительству, которое уже решило для огромных масс великого народа проблему, как одновременно управлять и быть управляемым, притом в такой форме, какой не знала мировая история»¹. Роза Люксембург называла «бессмертной исторической заслугой» большевиков то, что они смело взяли в свои руки власть, впервые в истории «практически поставив проблему осуществления социализма»².

Как свое собственное дело воспринял за рубежом победу Октября революционный пролетариат, утрачивавший доверие к погрязшим в оппортунизме социал-демократическим партиям и стихийно или осознанно тянувшийся к большевизму. Развитие событий показало несостоятельность утверждений оппортунистов, что революция не выйдет за пределы России, что, как писал, например, Парвус, оказавшийся в годы войны в лагере германских социал-шовинистов, большевики напрасно рассчитывали «вызвать в Германии революцию помимо социал-демократии»³. Революционный подъем на Западе нарастал вопреки социал-оппортунизму под огромным влиянием большевизма, победы Октября. Состоявшаяся в октябре 1918 года общегерманская конференция революционной пролетарской организации «Спартак» выразила «русским товарищам чувство благодарности, солидарности и братской симпатии с обещанием проявить эту солидарность не только на словах, но и действиями по русскому примеру»⁴.

Вместе с тем пролетариат ряда европейских стран в отличие от пролетариата России не добился победы в революциях 1918—1920 годов. Данное обстоятельство многие оппортунисты связывали главным образом с различием в уровне экономического развития этих стран и России. Они утверждали, что, например, в условиях Германии гегемонии пролетариата не было, да она была и ненужной, так как развитой германский капитализм создал якобы условия для союза пролетариата и буржуазии в ре-

¹ *Mehring F. Gesammelte Schriften*, Bd. 15. Berlin, 1966, S. 769—770.

² *Luxemburg R. Gesammelte Werke*, Bd. 4, S. 365.

³ *Парвус*. Правда глаза колет. Стокгольм, 1918, с. 57.

⁴ *Spartakusbriefe*. Berlin, 1958, S. 470—471.

волюционным движении¹. Однако это было далеко не так. Организованность, высокий уровень сознательности германского пролетариата, приобретенное им положение в политической жизни страны предопределяли его роль гегемона в буржуазно-демократической и социалистической революциях. Именно такой вывод делали вожди германского рабочего класса К. Либкнехт и Р. Люксембург. Так, в речи на Учредительном съезде КПГ в 1918 году Роза Люксембург отмечала, что «сегодня лучшая часть немецкого пролетариата идет под нашим знаменем, штурмовым знаменем революции»². Что касается поражения буржуазно-демократической революции в Германии, то оно объяснялось отнюдь не тем, что в этой стране объективные условия сводили на нет авангардную роль рабочего класса в революции. Здесь революция была предана оппортунистической социал-демократией, заключившей союз с буржуазией³.

Опыт всех революционных движений XX века, как увенчавшихся переходом власти в руки трудящихся, так и остановившихся на рубеже общедемократических завоеваний, показывает, что гегемония пролетариата выражалась в них прежде всего таким образом, что они не могли сделать ни шага вперед без участия рабочего класса, а тем более вопреки ему, его интересам. Так, хотя революция 1905—1907 годов в России и была буржуазной по социальному содержанию, буржуазия-то как раз и не смогла выиграть ни одного политического сражения с царизмом. Если в ходе революции в стране возник ряд представительных учреждений, если тем самым были в какой-то мере удовлетворены конституционные вождедения буржуазии, то этими крохами демократии она была обязана отнюдь не себе, а тому решительному натиску на царизм, который явился результатом боевых действий пролетариата. Например, в августе 1905 года буржуазия готова была принять булыгинскую думу — высший представительный орган при царе с куцыми совещательными правами. И лишь возглавленный пролетариатом бойкот выборов в этот псевдопарламент и Всероссийская политическая стачка заставили правительство пойти на дальнейшие уступки и согласиться на созыв другой думы — с более широким представительством и к тому же частично наделенной законодательными функциями.

Подобным же образом гегемония пролетариата явилась решающим фактором победы буржуазно-демократической революции в России в феврале 1917 года. В послефевральский период демократические требования народа воплощались в жизнь лишь постольку, поскольку они осуществлялись самими трудящимися явочным порядком (8-часовой рабочий день, рабочий контроль,

¹ См. *Kautsky K. Die Diktatur des Proletariats*. Wien, 1918, S. 25—27, 43, 98.

² *Luxemburg R. Ausgewählte Reden und Schriften*, Bd. II. Berlin, 1951, S. 664.

³ См. Ноябрьская революция в Германии. М., 1960.

захваты земли крестьянами, установление власти Советов на местах и т. д.). Политика соглашательской «революционной демократии», построенная на поисках союза с буржуазией и попытках добиться «самоограничения» рабочего класса, оказалась совершенно бесплодной. Перед лицом крайней опасности, созданной для революции корниловским мятежом, спасение февральских завоеваний оказалось под силу только рабочему классу.

О революционных потенциях рабочего класса, о возможности установления его гегемонии свидетельствовали и примеры других стран, где после Октября 1917 года поднялась революционная волна, — Болгарии, Венгрии, Италии, Югославии, Польши, стран Скандинавии¹. Во всех революционных движениях, как и в России, в первых рядах борьбы был рабочий класс. И то, что революции потерпели здесь поражение, объяснялось главным образом тем, что рабочий класс в силу ряда причин, по преимуществу субъективного, политического порядка, не до конца осуществил свою руководящую роль. Например, в Венгрии, как писал В. И. Ленин, социалисты, которые перешли на сторону Бела Куна и объявили себя коммунистами, «на деле... не проводили в жизнь политики, соответствующей диктатуре пролетариата...»². Разумеется, немаловажное значение в ряде стран имели и некоторые объективные, в частности международные, обстоятельства.

Десятилетия спустя в совершенно иных условиях история вновь продемонстрировала гегемонию пролетариата в демократической борьбе: рабочий класс стал ядром, организатором антифашистского сопротивления во всех капиталистических странах Европы, подпавших под гитлеровский сапог. Ни буржуазия, ни «средние слои», хотя они и выдвинули немало активных участников Сопротивления, не смогли возглавить освободительную борьбу и вынуждены были признать ведущую роль в ней рабочего класса. В последующем правильность ленинской идеи гегемонии пролетариата была подтверждена в ходе революций, происшедших в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В этих революциях на всех их этапах гегемоном был рабочий класс, возглавляемый марксистско-ленинскими партиями. В Болгарии в результате восстания 9 сентября 1944 года власть в центре и на местах перешла в руки рабочего класса, выступавшего в союзе с другими трудящимися. В Чехословакии пролетариат в течение нескольких лет (с 1945 до начала 1948 года) осуществлял свою гегемонию, разделяя политическую власть с частью буржуазии, однако он парализовал свое влияние и в феврале

¹ Интересные признания по этому вопросу имеются, например, в вышедшей в Лондоне монографии преподавателя университета в Сент-Эндрюсе (Шотландия) А. Ф. Аптона «Коммунистические партии Скандинавских стран и Финляндии» (*Upton A. F. The Communist Parties of Scandinavia and Finland. London, 1973, p. 422*); Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 4. М., 1980.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 131.

1948 года установил власть трудящихся. Гегемония пролетариата неизменно находила свое выражение в том, что именно рабочее движение толкало в странах народной демократии революцию вперед, срывало попытки буржуазии и мелкой буржуазии удержать ее на промежуточных, соглашательских рубежах.

Участие пролетариата в народных революциях в ряде стран носило иной, специфический характер.

Так, в Монголии — первой азиатской стране, вставшей после СССР на путь строительства народной власти, — в момент революции практически не существовало пролетариата. И тем не менее монгольскому народу под руководством МНРП удалось не только отстоять завоеванную в ходе революции независимость, но и повести страну по пути некапиталистического развития благодаря тесному союзу монгольского крестьянства (аратства) с рабочим классом Страны Советов, прежде всего русским рабочим классом, союзу, осуществленному в международных рамках. Этот опыт имел, как показала революционная практика наших дней, поистине историческое значение. Положение о необходимости и возможности гегемонии пролетариата в антиимпериалистической, демократической революции обогатилось представлением о том, что государственно-организованный рабочий класс посредством всесторонней помощи и поддержки народов, борющихся против империализма, может на первых порах как бы «замещать» в экономически слабо развитых странах классовые функции отсутствующего (или крайне малочисленного) национального пролетариата. Иначе говоря, речь идет о выполнении рабочим классом стран победившего социализма функций пролетарского авангарда в мировом революционном процессе.

Все это не умаляет значения национального пролетариата, который, как показывает опыт ряда стран со сравнительно невысоким в прошлом уровнем индустриального развития, несмотря на свою относительную малочисленность, может выполнить функцию авангарда на всех этапах революции.

В Корее, например, рабочий класс играл решающую роль на этапе как национально-демократических, так и социалистических преобразований. Руководство рабочего класса было обеспечено на обоих этапах революции и во Вьетнаме.

Особо следует сказать об участии рабочего класса в китайской революции. Несмотря на свою малочисленность¹, пролетариат вносил значительный вклад в революционную борьбу, проводя забастовки и прибегая к другим методам борьбы. Однако он был плохо организован, мало внимания уделяла ему и часть руководства Компартии Китая. Еще в конце 1947 года на совещании ЦК КПК упоминалось о рабочем классе лишь как об одном из тех социальных слоев, «симпатии» которых должна

¹ В 1949 году в Китае было всего 3,6 млн. промышленных рабочих (0,6 проц. населения страны) (см. Новейшая история Китая 1917—1970 гг. М., 1972, с. 244).

завоевать КПК; о гегемонии пролетариата не говорилось ни слова. Только в 1949 году в Общей программе, принятой Народной политической консультативной конференцией Китая, было сформулировано, что «демократической диктатурой народа» руководит рабочий класс. Это открывало возможности для усиления позиций рабочего класса в борьбе за социалистический путь развития Китая¹.

На Кубе пролетариат города и деревни (насчитывавший в своих рядах около миллиона человек, т. е. примерно одну шестую всего населения) не только принял самое активное участие в борьбе на всех этапах революции, но и сыграл в ней в конечном счете ведущую, определяющую роль. «Рабочему классу — носителю революционной идеологии, выступающему в тесном союзе с крестьянством и средними слоями нашего населения, — говорил Ф. Кастро, — принадлежала ведущая роль в новой революции, и он определял ее характер»².

В более близкое к нам время ведущая роль рабочего класса в общественно-политическом прогрессе убедительно раскрылась в ходе, например, демократической революции в Португалии. Об этом ясно свидетельствует характер и направленность ее крупнейших завоеваний. В сложной борьбе против безостановочных попыток реакции и ее оппортунистических пособников повернуть течение событий вспять демократические силы Португалии имеют самую надежную опору в лице организованного пролетариата, добившегося значительного упрочения своих позиций в экономической и политической жизни страны. Португальская революция, подчеркивает А. Куньял, вновь и вновь доказывает правильность марксистско-ленинских положений об авангардной миссии рабочего класса³.

Таким образом, ленинская идея о возможности и необходимости гегемонии пролетариата в общедемократической и социалистической борьбе успешно выдержала проверку «на прочность» не только в горниле трех российских революций. Ее справедливость была подтверждена и самим фактом возникновения и уверенного поступательного развития в послевоенное время мировой системы социалистических государств — детища международного рабочего класса, его главного завоевания. Опыт народно-демократических и социалистических революций многих стран трех континентов подтвердил общезначимость и жизненную силу ленинского учения о гегемонии пролетариата, он обогатил и конкретизировал его основные положения. С постепенным превращением диктатуры пролетариата из силы национальной в силу интернациональную (как и предвидел Ленин) возрастают возможности выполнения рабочим классом функции авангарда как в национально-государственных, так и в международных рамках.

¹ См. Новейшая история Китая 1917—1970 гг., с. 244.

² Цит. по: Коммунист, 1974, № 2, с. 99—100.

³ См. Коммунистическое движение. Проблемы теории и практики, с. 163.

Какие, по Ленину, основные качества выдвинули пролетариат на роль гегемона в демократических и социалистических революциях в эпоху империализма?

Во-первых, рабочий класс связан с передовым современным производством, он обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями экономической, политической и идеологической борьбы с капиталом; в ходе этой борьбы рабочий приходит к сознанию необходимости полного переустройства всего общества, полного уничтожения всякой нищеты и всякого угнетения.

Во-вторых, рабочий класс освоил всю городскую, крупнопромышленную культуру, созданную капитализмом, полон решимости и способности отстоять ее, сохранить и развить дальше ее завоевания, сделать доступной всему народу, всем трудящимся.

В-третьих, он способен вынести все тягости, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на передового борца, на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к будущему.

В-четвертых, в лице своей лучшей части рабочий класс исполнен ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к обывательским чертам и привычкам, столь свойственным мелкобуржуазной среде.

В-пятых, особую силу рабочему классу придает то, что он прошел закаляющую школу труда, умеет внушить уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку¹.

Таких качеств в развитом виде пролетариат не имел в период домонополистического, восходящего развития капитализма; он приобрел их в новых исторических условиях, во время превращения капитализма в империализм, в ходе борьбы с последним. Сохраняет ли рабочий класс эти качества в нынешних условиях? Безусловно. И не только сохраняет, но и углубляет, закрепляет тем самым свою ведущую роль в мировом революционном процессе, в общественном прогрессе человечества.

С развитием промышленности, по мере увеличения ее роли в общественном производстве растет абсолютная численность и удельный вес рабочего класса в самостоятельном населении всех стран. В современном обществе это главная производительная сила, объективное значение которой превосходит все, что знала до сих пор история. Развитие рабочего класса характеризуется не только ростом его численности, но и глубокими качественными сдвигами. В условиях научно-технической революции быстро растет культурный и образовательный уровень рабочих, повышается их квалификация, интеллектуализируется труд в целом ряде отраслей промышленности.

Огромное значение имеет рост организованности и самосознания рабочего класса. Этому в значительной степени способствует

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 422; т. 38, с. 387—388.

само современное производство, создающее объективные условия для концентрации и взаимодействия массовых отрядов трудящихся. В то же время и сам рабочий класс по мере осознания своего места в обществе и своих интересов создает собственные общественные организационные структуры, укрепляющие его позиции как социальной и политической силы.

Важнейшим проявлением качественных изменений в рабочем классе явилось возникновение нового отряда всемирной армии труда — рабочего класса социалистических стран. Используя взятые в свои руки экономические, политические и идеологические рычаги, рабочий класс этих стран разрушил старые общественные отношения и создал новое общество, отвечающее как интересам самого рабочего класса, так и объективным потребностям всего человечества. Сложившаяся на этой базе система власти трудящихся, развиваясь под влиянием рабочего класса и его организаций, оказывает огромное воздействие на пролетариат капиталистических стран, способствуя повышению уровня его политического развития, осознанию своей роли как ведущей силы в прогрессивных социальных и политических движениях.

Поэтому не кажется удивительным, что пропагандистские батареи буржуазии и оппортунистов всех мастей сделали в наши дни своей основной мишенью главное в марксизме-ленинизме — учение о всемирно-исторической роли рабочего класса вообще и положение о его гегемонии в борьбе за демократию и социализм в особенности. Попытки опровергнуть это положение ведутся одновременно по нескольким направлениям. Рассмотрим некоторые из них.

Представители одного из таких направлений, утверждая, что рабочий класс утратил свою исторически инициативную роль, строят свою аргументацию на противопоставлении российского пролетариата в период революций современному пролетариату индустриально развитых капиталистических стран. Оппортунисты вслед за буржуазными идеологами заявляют, что пролетариат ныне качественно иной, он не способен на революционные преобразования общества, более того, он не стремится к этому.

По мнению американского историка Ф. Рисмана, пролетариат в странах Запада «лишь весьма отдаленно походит на Марксов пролетариат, которому нечего терять, кроме своих цепей»¹. Западногерманский социолог К. Ленк, подвергая сомнению марксистское положение о роли и месте рабочего класса в революции, в своей книге «Теории революции» пишет, что в настоящее время идет «большой спор о том, в каких социальных слоях и группировках» следует искать «нечто вроде революционного субъекта». «В наиболее передовых капиталистических странах, прежде всего в США,— утверждает он,— такой субъект вряд ли можно найти в том классе, который первоначально в марксистской тео-

¹ The New York Times, 8. VIII. 1972.

рии назывался промышленным пролетариатом»¹. В связи с этим делается вывод, что у современного пролетариата, мол, нет тех революционных качеств, которые были у российского пролетариата в Октябре 1917 года.

Полную путаницу вносят концепции буржуазных и оппортунистических интерпретаторов роли рабочего класса и в вопрос о структуре, характере современного пролетариата. Например, по утверждению западногерманского политолога И. Хирша, рядящегося в тогу «левого марксиста», «пролетариат превратился в своего рода слой, подчиненный класс, эффективно поставленный системой на надлежащее место и лишенный способности к автономным, самостоятельно-созидательным и перспективным действиям»².

Если попытаться привести в какую-то систему подобные «открытия», то можно заметить, что они вращаются вокруг трех крупных вопросов: изменилось ли и если да, то в каком направлении социально-экономическое положение современного рабочего по сравнению с пролетариатом начала века, в частности российским? Как влияет на структуру, численность и характер активности рабочего класса современная научно-техническая революция в условиях государственно-монополистического капитализма? Наконец, исчезла ли «социальная нищета», а вместе с ней и стимулы к революционным действиям рабочего класса в промышленно развитых капиталистических странах?

Прежде всего необходимо заметить, что пролетариат России не был отсталым классом, как это мнится Элленштейну и К°. Все развитие классовой борьбы в России находилось под решающим воздействием пролетариата: он определял суть революционных требований, формы борьбы, от его действий во многих отношениях зависел политический климат в стране. Как подчеркивал В. И. Ленин, «пролетариат выступает здесь поистине как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах...»³. Определенные слабости российского пролетариата — относительно небольшая численность, низкий уровень организованности в профсоюзы, неграмотность его известной части и т. п. — не могли иметь решающего значения, они компенсировались его положительными чертами, и прежде всего революционностью. На это обращал внимание многие зарубежные свидетели Октябрьской революции. «Иностранцы, и особенно американцы, часто подчеркивают «невежество» русских рабочих, — писал американский журналист Д. Рид. — Верно, им не хватает политического опыта западных народов, зато они прошли прекрасную школу в своих добровольных организациях... Советы сами по

¹ Lenk K. Theorien der Revolution. München, 1973, S. 9.

² Hirsch J. Der Sicherheitsstaat — Das «Modell Deutschland», seine Krisis und neue soziale Bewegungen. Köln—Frankfurt a. M., 1980, S. 143.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 300.

себе являются чудесным проявлением организационного гения русских трудящихся масс. Более того, во всем мире, вероятно, нет народа, который столь хорошо изучил бы социалистическую теорию и ее практическое применение»¹. Именно пролетариат под руководством партии большевиков, ведя за собой широкие массы трудового народа, одержал победу, как это сделал и рабочий класс других стран, строящих ныне социализм.

Никто не будет спорить, что существуют большие различия между условиями жизни и характером труда, потребностями, образовательным уровнем, внутренней структурой и т. д. современного пролетариата индустриально развитых капиталистических стран и поколением пролетариата времен Октябрьской революции и даже 30—40-х годов. Эти различия, их влияние на активность рабочего класса важно, конечно, учитывать, но при этом необходимо помнить следующее: по основным социально-экономическим, классовообразующим признакам, раскрытым В. И. Лениным, облик пролетариата не претерпел изменений.

По мере развития научно-технической революции и других процессов меняются структура рабочего класса, соотношение между его различными отрядами по значению и численности. Сегодня, как и в начале века, пролетариат распределяется (в зависимости от сфер приложения труда) на промышленный, сельскохозяйственный и конторско-торговый. Однако за последние десятилетия в развитых капиталистических странах сократилась численность сельскохозяйственного пролетариата и резко возросла (в частности, в связи с развитием сферы услуг) численность конторско-торгового пролетариата. Все большая часть наемных работников, в том числе рабочего класса, оказывается занятой нефизическим трудом. Вместе с тем и по своему объективному социально-экономическому положению, и по уровню организованности ядром пролетариата, главной опорой революционной партии, как и в России, был и остается фабрично-заводской пролетариат. Но было бы нелепо на этом основании ограничивать понятие «пролетариат» *только* фабрично-заводскими рабочими. Ленин подчеркивал, что фабрично-заводские рабочие по отношению к пролетариату «играют роль только передовых отрядов, авангарда. Бесспорно, конечно, что революционное движение пролетариата зависит и от числа этих рабочих, и от концентрации их, и от степени их развития и т. д., но все это не дает ни малейшего права сводить *«объединяющее значение» капитализма к числу фабрично-заводских рабочих»*². В этой связи теоретически не оправданными представляются попытки разграничить в странах капитала понятия «рабочий класс» и «пролетариат». Тем самым вольно или невольно одна часть рабочего класса про-

¹ Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 11.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 328—329.

тинопоставляется другой, затушевывается тот факт, что наемные работники независимо от того, в какой отрасли они заняты — в промышленности, сельском хозяйстве или сфере обслуживания, составляют единый класс, поскольку все они лишены средств производства, живут продажей своей рабочей силы и подвергаются эксплуатации.

Следует отметить и такой существенный фактор: в современных условиях по мере превращения науки в непосредственную производительную силу все более значительная часть интеллигенции, главным образом научно-технической, становится важнейшим источником прибавочной стоимости для класса буржуазии, т. е. подвергается непосредственной эксплуатации. Растущее число рядовых инженеров, научно-технических работников, выполняющих ныне уже по преимуществу исполнительские функции, объективно сращивается с высшим, технически образованным слоем рабочих, иначе говоря, превращается в составную часть современного пролетариата, пополняет его ряды. Вопреки модным антимарксистским теориям о том, будто научно-техническая революция ведет к сужению границ рабочего класса и даже к его ликвидации, реальные факты свидетельствуют о прямо противоположном: научно-технический прогресс повсюду ведет к росту рабочего класса, в том числе за счет новых профессий, порождаемых современным производством.

Пролетариат по-прежнему противостоит как главный класс-антагонист современной буржуазии и ее государству, ибо он занимает подчиненное положение в системе общественного (капиталистического) производства, он лишен средств производства, подвергается эксплуатации, выполняет чисто исполнительские функции и живет на зарплату, размер которой определяется в принципе стоимостью его рабочей силы, продаваемой капиталисту.

А как обстоит дело с удовлетворением насущных потребностей трудящихся, ростом их материального уровня? Марксистам хорошо известно, что в послевоенное время в результате упорных классовых битв пролетариат промышленно развитых капиталистических стран вырвал у буржуазии ряд немаловажных экономических уступок, во многих странах в послевоенный период повышалась реальная зарплата¹, что посеяло в некоторой части рабочего класса реформистские иллюзии. Однако можно ли на этом основании делать вывод об обуржуазивании пролетариата в целом как класса или о том, что удовлетворены его основные потребности? Утверждать так может только тот, кто сводит интересы трудящегося человека к небольшой сумме самых элементарных индивидуальных физических нужд, кто не замечает, что главный экономический интерес пролетариата — это

¹ См. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 6: М., 1981, главы 4—5.

уничтожение системы частной собственности, объективно ставящей его в положение угнетенного и эксплуатируемого класса. Наконец, при таком подходе игнорируются растущие с научно-техническим прогрессом социально-культурные и духовные потребности трудящихся классов, а они-то все в большей мере не удовлетворяются пресловутым «обществом потребления». В то же время борьба за их удовлетворение быстро подводит массы к требованиям не только экономического, но и социально-политического порядка.

Что же изменила в социально-экономическом и политическом положении рабочего научно-техническая революция? Она позволила капиталу пойти на известные уступки трудящимся без отказа от своих привилегий, но не расширила и не могла сколько-нибудь значительно расширить их социальные и политические права. Изменения в жизни буржуазного общества и положении пролетариата не коснулись главного: роли рабочего класса в экономической и других сферах жизни общества, глубокого противоречия, существующего между трудом и капиталом, стремления пролетариата к социальным переменам.

К рассмотренным теоретическим построениям оппортунистов, в частности «левых», тесно примыкает тезис, будто ленинское учение о гегемонии пролетариата на обоих — общедемократическом и социалистическом — этапах революции перестало быть актуальным для большинства капиталистических стран, поскольку здесь уже давно прошли буржуазно-демократические революции. Исходя из этого, «леваки» призывают «немедленно» идти на «штурм власти буржуазии», непосредственно на социалистическую революцию. С другой стороны, правые оппортунисты (в том случае, когда они признают на словах необходимость демократической, антимонополистической борьбы) заявляют, повторяя зады меньшевистской политграмоты, что в такой борьбе пролетариат лишь равноправный участник общего демократического фронта, он, мол, не может и не должен играть здесь особой роли.

На этом мы уже подробно останавливались в предыдущей главе, рассматривая вопрос о необходимости выделения в большинстве индустриально развитых капиталистических стран общедемократического (антимонополистического) этапа революционной борьбы (несмотря на объективную зрелость этих стран для социалистического переворота) как относительно самостоятельного. Отметим лишь, что сама жизнь, объективная логика антимонополистической борьбы, т. е. борьбы за сохранение, а главное, за значительное расширение демократии в различных сферах общественной жизни, выдвигают пролетариат индустриально развитых капиталистических стран на роль вождя всех демократических сил. Только он в силу своего социально-экономического положения и значения в жизни общества способен последовательно и действительно до конца противостоять буржуазии. Поэтому никак нельзя согласиться с утверждениями о

том, что в современной революционной борьбе гегемоном являются-де «силы труда и культуры». Это определение, по нашему мнению, смазывает классовую дифференциацию капиталистического общества, так как включает в себя и пролетариат, и мелких собственников — крестьян и ремесленников, и интеллигенцию. Последние являются союзниками пролетариата, более того, без союза с ними рабочий класс не в состоянии победить, но играть самостоятельную роль, а тем более роль гегемона в революционной борьбе в силу двойственности своего положения в обществе, как это будет подробно показано ниже, они не могут.

Марксисты-ленинцы индустриально развитых стран капитализма убеждены, что только рабочий класс благодаря своей мощи, организованности, опыту классовой борьбы может оказать наиболее эффективное давление на монополистический капитал, чтобы защитить и расширить демократию. Член Президиума и Секретариата Германской компартии В. Гернс, отвечая оппортунистическим критикам ленинской концепции гегемонии пролетариата, писал: «Решающей силой, способной на коренные общественные преобразования, был, есть и будет рабочий класс. Эту реальность не смогут поколебать ни структурные изменения, происходящие как внутри рабочего класса, так и в капиталистическом обществе вообще, ни даже то обстоятельство, что у значительной части рабочего класса капиталистических стран классовое сознание (особенно в его высшей форме — как сознание социалистическое) еще не развито или развито слабо. Без активных действий рабочего класса любые помыслы об осуществлении радикальных антимонаполистических альтернатив и о замене капитализма останутся несбыточными»¹.

Последовательная ориентация коммунистов на осуществление гегемонии пролетариата в антимонаполистическом движении имеет тем большее значение, что сейчас основная масса буржуазии даже тех стран, которые борются против засилья иностранного капитала, за экономическую независимость, склонна играть контрреволюционную роль уже на демократическом этапе революции, если она развивается в интересах народа. Это еще раз подтвердили трагические события в Чили. Попытки приписать решающую роль пролетариата в демократической борьбе основаны либо на переоценке возможностей его союзников, либо на искажении сути антимонаполистических перемен как первого этапа борьбы за социализм. Сегодня, так же как и в период русских революций, рабочий класс выступает гегемоном в борьбе за демократические преобразования, ибо, лишь доведя их до конца, он расчищает себе и обществу в целом путь к социализму.

С этой точки зрения различия в уровнях политического развития, в конкретном содержании демократических задач в раз-

¹ Гернс В. Историческая роль рабочего класса. — Проблемы мира и социализма, 1982, № 4, с. 54.

ных странах не меняют существа дела. В свое время Р. Люксембург, раскрывая значение уроков борьбы большевиков в годы русской революции, говорила: «...пролетариату в России предстоит совершенно особая задача, представляющая некоторое внутреннее противоречие, а именно, задача создать только еще первые политические условия буржуазного строя и в то же время вести с буржуазией классовую борьбу... Это положение будто бы отличается коренным образом от положения пролетариата у нас в Германии и во всей Западной Европе». И сделала вывод: «Я думаю, что такой взгляд будет чисто формалистической постановкой вопроса. В известной степени и мы находимся в таком же затруднительном положении. У нас, в Германии, это именно нагляднейшим образом показали последние выборы,— пролетариату приходится быть единственным борцом и защитником демократических форм буржуазного государства»¹. Много времени прошло с тех пор, как были сказаны эти слова, однако характерно, что и сегодня, как показывает Программа ГКП, перед западногерманским рабочим классом стоят во многом аналогичные проблемы.

Разумеется, аналогии такого рода, равно как и приведенные выше исторические примеры, при всей их убедительности еще не являются достаточным основанием для научного определения объективных условий и возможностей применения марксистско-ленинской концепции гегемонии пролетариата в различные периоды и в разных странах. Для этого требуются более широкие обобщения, аргументация более общего исторического и теоретического плана, что, на наш взгляд, предполагает прежде всего выяснение следующих вопросов:

— Возникает ли классовая гегемония как результат определенной политики, либо она вызывается к жизни независимо от чьей бы то ни было политической воли, т. е. происходит из объективных условий социально-экономической жизни?

— Какие требования предъявляет гегемония пролетариата к политической линии его революционной партии?

— Какой смысл и какие пределы имеет гегемония рабочего класса в условиях, когда экономическое и политическое господство в обществе принадлежит буржуазии?

Итак, первый вопрос: где лежат корни гегемонии пролетариата — в сферах объективного или субъективного?

Резюмируем сперва то, что было сказано в связи с этим ранее. Развитие капитализма всегда означало одновременно и развитие, углубление его основного социального противоречия — между трудом и капиталом. Общая тенденция капиталистической эволюции, особенно в условиях империализма, состоит в превращении этого противоречия во всеопределяющий антагонизм общественной жизни. Новейшие сдвиги в социальной структуре

¹ Пятый (Ловдовский) съезд РСДРП, с. 99.

буржуазного общества не только не нарушили эту тенденцию, но, наоборот, подтвердили ее, придали ей еще более резко выраженный характер. Рабочий класс, представляющий прогрессивную, революционную сторону этого общественного противоречия, прочно удерживает за собой роль класса-гегемона в демократическом революционном движении. Отделение всевозрастающей массы производителей от средств производства, постоянное «уплотнение» ядра промышленного пролетариата в результате его концентрации на предприятиях основных и ведущих отраслей индустрии, повышение — в связи с требованиями технического прогресса — среднего уровня квалификации и общей культуры рабочих — эти и другие связанные с ними факторы, вносящие новые элементы в современное положение и борьбу рабочего класса, дополнительно укрепляют социально-экономическую базу его гегемонии.

Было бы неверно, однако, механически выводить гегемонию пролетариата из социальных сдвигов, расширяющих ряды рабочего класса или повышающих его долю в населении. Такой подход неизбежно ведет к примитивным заключениям каутскианского толка, в которых признание за рабочим классом руководящей роли в общественном прогрессе откладывалось до тех пор, когда пролетариат будет составлять по крайней мере больше половины населения¹. В свое время меньшевики прибегали к подобным заключениям, чтобы опровергнуть ленинскую концепцию гегемонии пролетариата. Так, Г. В. Плеханов буквально на другой день после победы Октябрьской революции утверждал, что русский пролетариат «еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту власти...», и разяснял: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство»².

В. И. Ленин доказал: положение идеологов оппортунизма, будто одним из главных условий победы социалистической революции является превращение пролетариата в большинство населения, искажает марксистскую теорию. Это догматическая абсолютизация выводов Маркса и Энгельса о тенденциях революционного развития в конкретных условиях ряда европейских стран.

Основоположники марксизма никогда не утверждали, что для победы в революции рабочий класс должен составлять большинство населения. Маркс и Энгельс считали, что для победы революции в странах Запада во второй половине XIX века необходимы прежде всего социально-политическое созревание и просвещение пролетариата (а не его простое количественное увеличение), а также рост социально-экономических предпосылок со-

¹ См. *Kautsky K.* Demokratie oder Diktatur, S. 18.

² *Плеханов Г. В.* Год на родине, т. II. Париж, 1921, с. 246.

диалистических преобразований. В. И. Ленин писал: «Маркс и Энгельс верно учли момент, поняли международную ситуацию, поставили задачи *медленного* подхода к началу социальной революции».

Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: «я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»»¹.

В эпоху империализма и пролетарских революций «политической арифметике» метафизиков и догматиков Ленин противопоставил революционную «алгебру марксистской диалектики», показав, что общественно-экономический механизм, ставящий рабочий класс в положение класса-гегемона, действует по более сложным законам, для характеристики которых элементарные количественные пропорции совершенно не годятся. Ибо, как подчеркивал Ленин, «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»².

Тем не менее и сегодня находятся теоретики, которые пытаются доказать, что рабочий класс может сыграть роль вождя в революции только тогда, когда он преобладает в составе населения. Этот тезис выдвигается прежде всего для «обоснования» незрелости революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где пролетариат начал формироваться значительно позже, чем в странах индустриально развитого капитализма, и во многих случаях составляет меньшинство населения. Исходя из этого, такие теоретики отрицают руководящую роль пролетариата в революционном движении, отводя ее другим социальным слоям, в первую очередь крестьянству. По мнению, например, бразильского социолога Ф. Кардозо, лишь крестьянство способно выступить в качестве ведущей революционной силы в Латинской Америке³. С позиций отрицания руководящей роли пролетариата и приписывания ее буржуазии рассуждает применительно к ситуации в Африке нигерийский социолог К. Аке. «Социалистическая революция,— пишет он,— может произойти как результат искреннего перехода к социализму части правящей буржуазии или мелкой буржуазии»⁴.

Что можно сказать в связи с этим?

Во-первых, указанный подход базируется на статичных оценках пролетариата, игнорирующих тенденции его развития, включая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 181.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 23.

³ См. Cardozo F. H. *Autoritarismo e democratização*. Rio de Janeiro, 1975, p. 235.

⁴ Ake C. *Revolutionary Pressure in Africa*. London, 1978, p. 103.

и тенденцию к возрастанию его численности. С 1970 по 1979 год в развивающихся странах Азии она увеличилась со 135 до 199 млн., Африки — с 22 до 33 млн., Латинской Америки — с 50 до 64 млн.¹

Во-вторых, не учитываются в должной мере качественные изменения в рабочем классе, которые в условиях «информационного взрыва», распространения образования происходят в развивающихся странах гораздо быстрее, чем в свое время в странах Запада, и которые ведут к ускоренному созреванию качеств пролетариата, делающих его ведущей силой общественных движений.

В-третьих, названные авторы, игнорируя главное — объективное положение пролетариата в системе социальных отношений, не способны увидеть и правильно оценить обусловленный этим положением огромный революционный потенциал рабочего класса. Уже опыт революции 1905—1907 годов показал, по выражению Ленина, насколько велика может быть дремлющая энергия пролетариата. «Это говорит о том, — подчеркивал он, — что в революционную эпоху... пролетариат *может* развить энергию борьбы *во сто раз* большую, чем в обычное спокойное время. ...Человечество вплоть до 1905 года не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!»²

Выше мы уже приводили примеры, показывающие, что в других странах, в иных исторических условиях пролетариат, несмотря на свою относительную малочисленность, с успехом осуществлял гегемонию на всех этапах революции.

Выступая против правых оппортунистов, меньшевиков, считавших численность пролетариата решающим фактором его социальной силы, Ленин в то же время решительно разоблачал попытки «левых коммунистов» прикрыть свое нежелание бороться за привлечение на сторону революции широчайших масс трудящихся ссылками на опыт России, который якобы показал, что в этом нет необходимости. «Мы, — говорил Ленин на III конгрессе Коминтерна, — были в России маленькой партией, но с нами было, помимо того, и большинство Советов рабочих и крестьянских депутатов всей страны. Где это у вас? С нами была почти что половина армии, в которой тогда числилось, по меньшей мере, 10 миллионов человек. Разве за вами большинство армии? Укажите мне такую страну!»³

Иначе говоря, большевикам-ленинцам было одинаково чуждо как стремление объявить численность рабочего класса в качестве главного предварительного условия победы непрерывной революции (и ждать, пока он станет большинством в составе насе-

¹ См. Рабочий класс и современный мир, 1980, № 4, с. 75.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 312.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 26.

ления!), так и абсолютизация роли «активного революционно-мыслящего меньшинства» — положения, которое в наши дни возрождается в идеологии и политике «левых» экстремистов. Клеветнически заявляя, что современный пролетариат «обуржуазился», они утверждают, будто ныне его бывшие революционные функции переходят именно к подобному меньшинству, которое французский теоретик неотрецкизма А. Горц с претензией на оригинальность называет «неклассом нерабочих». Что же это такое? А вот что: «Вся совокупность вытесненных из производства людей в результате процесса ликвидации труда или лиц, не могущих применить свои способности вследствие индустриализации интеллектуальной деятельности (автоматизация, сбор и обработка информации). Он (т. е. «некласс нерабочих». — *К. З.*) охватывает всю совокупность лишних людей в общественном производстве: безработных в данный момент и вероятных безработных, постоянно и временно, полностью и частично безработных. Он — продукт распада старого общества, основанного на труде, достоинстве, ценности, социальной пользе, потребности к труду»¹.

Из этой характеристики ясно, что за терминологическими выкрутасами автора скрывается то, что уже давно было известно и чему есть точный, утвердившийся еще в прошлом веке термин — люмпен-пролетариат. Не столь изощренные идеологи «левых», как Горц, так и продолжают его называть, по-своему извращая роль пролетариата в революции. Теоретик ультралевачества в Италии А. Негри, один из идейных вдохновителей снискавших себе позорную известность «красных бригад», пропагандировал концепцию «социального рабочего», противопоставляемую марксистско-ленинскому учению о пролетариате и трактовующую «новый рабочий класс» как некую совокупность люмпенов, безработной молодежи, «революционного студенчества» и т. д., которая, по его словам, представляет собой «единственную силу, вновь возрождающую пролетариат в капиталистическом обществе»².

Подобные «теоретические» откровения не заслуживали бы серьезного отношения, если бы они оставались лишь на бумаге. Но, как известно, они оказывают известное влияние на сознание части молодежи, побуждая ее к крайне вредным для рабочего движения авантюристическим действиям типа тех, которыми «прославились» «красные бригады». Этот, если можно так выразиться, «люмпен-авантюризм» — не новое явление в истории. Еще в середине XIX века он проявил себя в качестве силы, чуждой и опасной для рабочего движения. В «Манифесте Коммунистической партии» люмпен-пролетариат охарактеризован как «пассивный продукт гниения самых низших слоев старого

¹ Gorz A. Abschied vom Proletariat. Köln—Frankfurt a. M., 1980, S. 63.

² См. L'Espresso, 1979, N 27, p. 13.

общества»; он «местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней»¹. К. Маркс подчеркивал, что некоторые молодые люди из люмпен-пролетариата были способны «на величайшее геройство и самопожертвование, но вместе с тем и на самые низкие разбойничьи поступки и на самую грязную продажность»². С помощью люмпенов было подавлено, например, восстание парижского пролетариата в 1848 году³.

Факты современной действительности показывают, что с тех пор ни природа, ни общественная роль люмпен-пролетариата не изменились. Однако «люмпен-авантюризм» стал более опасен, так как он обрел собственную идеологию в виде отмеченных выше концепций, представляющих его в качестве «выражения революционности рабочего класса», и получил в ряде стран организационную базу в лице конспиративных и полуполигальных группировок, выдающих себя за «пролетарские партии». Есть множество доказательств, что в действительности они служат целям махровой реакции, в сотрудничестве с которой их неоднократно уличали. Так, один из лидеров итальянской Христианско-демократической партии, Ф. Пикколи, заявлял, что отношения между ультраправыми и ультралевыми террористами в Италии характеризуются «молчаливым соглашением о конвергенции»⁴. По сообщениям прессы, в Италии существуют «смешанные» группы из «красных» и «черных» террористов. В печати то и дело появляются также сведения о том, что террористическая деятельность левых организаций финансируется разведками империалистических стран, прежде всего Центральным разведывательным управлением США⁵.

Естественно поэтому, что компартии ведут борьбу с идеологией и практикой ультралевого движения, стремятся оградить от него рабочее движение.

В связи с рассматриваемым вопросом следует подчеркнуть и несостоятельность взглядов, выводящих гегемонию рабочего класса из обстановки, когда он выходит на передовые рубежи классовой борьбы (в период революции, в годы сопротивления фашизму и т. д.). Гегемония пролетариата имеет свои корни в самой экономике капитализма, причем не столько в конкретных особенностях ее структуры на различных ступенях развития, сколько в коренном противоречии капиталистической системы производственных отношений; гегемония носит объективный характер. Отсюда следует вывод, опровергающий изложенные выше взгляды, ибо гегемония рабочего класса в революционном

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 434.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 23.

³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 126.

⁴ Rapoana, 1979, N 666, p. 43.

⁵ См. Проблемы мира и социализма, 1981, № 7, с. 90.

движении, раз возникнув на определенной стадии капиталистической эволюции, не может затем исчезать и вновь появляться в зависимости от различных поворотов политической конъюнктуры. Напомним в этой связи, что в 1911 году, возражая на заявления некоторых деятелей, будто в России после поражения революции 1905—1907 годов гегемония пролетариата не только исчезла, но и превратилась в свою полную противоположность, Ленин писал: «...гегемония и сейчас факт. Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной»... и т. д. и т. д.»¹

В свете этих ленинских слов должно быть понятно, что изменения обстановки, постоянно возникающие в ходе классовой борьбы, воздействуют на пролетарскую гегемонию не в том смысле, что устраняют или вызывают ее к жизни, а в том только, что меняют формы и степень ее политического проявления. Иначе говоря, с точки зрения практической деятельности революционной партии рабочего класса задача состоит не в том, чтобы создать гегемонию пролетариата, а в том, чтобы помочь политически реализовать ее.

Как было уже показано, в народных, демократических движениях гегемония пролетариата проявляется прежде всего в том, что их размах, сила, перспективы коренным образом зависят от революционной активности пролетариата. Эта активность может развертываться и на стихийной, самодеятельной основе. Но разумеется, ее воздействие на ход политической борьбы многократно возрастает, если она получает организованный характер, если она направляется боевой, опытной пролетарской партией.

Это подводит нас ко второму из поставленных выше вопросов, а именно о том, какие требования гегемония пролетариата, объективно вырастающая из социально-экономических отношений капитализма, предъявляет к политике революционной партии рабочего класса.

Гегемония пролетариата есть гегемония коммунистической партии — такой вывод делает буржуазная идеология, следуя собственной надуманной схеме, в которой понятие пролетарской гегемонии расшифровывается, например, следующим образом: «Не должно быть периода в революции, когда бы могли действовать некоммунистические партии...»² Здесь стоит лишь обратить внимание на то, что гегемония пролетариата как таковая ни в своих стихийных, ни в политически организованных проявлениях никак не может быть сведена к руководящей роли коммунистической

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 131.

² The Christian Science Monitor, 13. IX. 1975.

партии, как и к деятельности других политических партий. Но свой отпечаток на формы общественно-политической жизни гегемония накладывает. Она заставляет считаться с собой не только коммунистическую, но и любую другую партию.

Например, вполне правомерно, на наш взгляд, утверждать, что значительные позиции и влияние социал-реформизма как идейно-политической силы также являются отражением гегемонии пролетариата, присутствующей во всяком современном прогрессивном, демократическом движении. Под этим углом зрения социал-реформизм можно понимать как идеологию и политику, направленные на то, чтобы не допустить превращения гегемонии пролетариата в организованное, сознательное выражение коренных классовых интересов трудящихся. Практика социал-реформизма направлена не на реализацию пролетарской гегемонии на уровне идейно-политической борьбы, а, наоборот, на ее подавление. Но это лишний раз подчеркивает, во-первых, что гегемония рабочего класса существует объективно, заставляет с собой считаться всякого, а во-вторых, что борьба, которую ведут коммунисты против реформизма, оппортунистических настроений и тенденций в рабочем движении, является необходимым условием политически эффективного выражения пролетарской гегемонии.

Коммунистов обвиняют в том, что, ориентируя свою политику на гегемонию пролетариата, они намереваются «с самого начала установить свое господство над всеми социальными силами»¹. В этом-де проявляется якобы исконно присущее им пренебрежение к демократии, к равноправию партий, с которыми они вступают в сотрудничество, и т. п. Позволительно, однако, спросить: разве другие партии не стремятся занять положение лидера в политических коалициях, стать правящими в государстве? Почему не адресуются и им обвинения в попытках установить свое господство, подавить равноправие, демократию? Почему эти упреки обращаются только к тем, кто стремится опереться на гегемонию пролетариата, но от них избавлены те, кто старается эту гегемонию подавить?

Дело, очевидно, в том, что во всех подобных нападках на коммунистов проявляется страх буржуазии перед превращением гегемонии пролетариата из силы, так сказать, социально присутствующей в силу политически действующую, какой она в полной мере становится при завоевании компартией не только авангардной, но и руководящей роли в массовом демократическом, революционном движении.

Напротив, коммунисты видят свою первостепенной важности задачу именно в том, чтобы политически реализовать гегемонию пролетариата и, опираясь на нее, добиться ведущего положения среди прогрессивных, демократических сил, готовых к совместным действиям в рамках общих целей и интересов.

¹ The New York Times, 28. XI. 1975.

Как мы уже убедились, гегемония пролетариата в революционном движении появляется вовсе не потому, что ее «создают», «устанавливают», «навязывают» коммунисты. Наоборот, сама эта гегемония как объективное явление времени образует основу для выдвижения боевой партии рабочего класса на роль лидера всех социальных и политических сил революции. Но эта роль не приходит к коммунистам автоматически. За нее приходится бороться. Как подчеркивают сами компартии, их успех при этом теснейшим образом зависит от умения:

- давать правильную оценку существующей обстановке, выступать с соответствующими инициативами, отвечающими требованиям широких трудящихся масс;

- быть самыми решительными борцами за демократию и революционно-социалистические цели пролетариата, всех людей труда;

- разоблачать все и всяческие отступления от принципиальной демократической и революционной линии, оппортунистические шатания своих союзников по соглашениям, блокам.

Добиваясь руководящего положения в союзах, блоках с другими партиями, коммунисты отнюдь не стремятся к тому, чтобы это было формально узаконено, «записано в протокол». Как подчеркивал Ленин, «только мелкобуржуазное, торгашеское понимание гегемонии видит суть ее в соглашении, во взаимопризнании, в словесных условиях. С пролетарской точки зрения гегемония в войне принадлежит тому, кто борется всех энергичнее, кто пользуется всяким поводом для нанесения удара врагу, у кого слово не расходится с делом...»¹.

В последнее время определенное распространение получила концепция, сторонники которой утверждают, что при сложившихся ныне формах буржуазной демократии пролетариат, будучи гегемоном, может стать (без революции) господствующим классом... в капиталистическом обществе. В таком подходе к делу, как нам представляется, все ставится с ног на голову. Уже не перспективы демократической борьбы определяются гегемонией пролетариата, а, наоборот, судьбы самой этой гегемонии оказываются в зависимости от прочности, стабильности традиций общественно-политической жизни. Будет, мол, демократия, будет и пролетарская гегемония.

Марксисты-ленинцы исходят из того, что в буржуазном обществе, поскольку оно является капиталистическим, господствующим классом остается буржуазия. Это заставляет обратиться к третьей из поставленных выше проблем — к выяснению того, какой же смысл может иметь гегемония рабочего класса, пока власть и собственность на средства производства остаются в руках буржуазии. Мыслима ли гегемония пролетариата при господстве буржуазии?

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 186.

Прежде всего, очевидно, необходимо уточнить различие между понятиями «господство» и «гегемония». Ясно, что классовое «господство» характеризуется верховным, главенствующим, руководящим, опирающимся на государственный аппарат положением того или иного класса в обществе в целом, тогда как «гегемония» означает, что тот или иной класс играет ведущую роль в определенном общественном, политическом движении, которое может быть прогрессивным и реакционным, революционным и контрреволюционным. Разумеется, гегемония класса в движении, которое одерживает победу и приводит к изменению самой социальной природы власти, превращается в господство этого класса. Так, буржуазия из класса-гегемона в антифеодальных революциях XVII—XIX веков при их победоносном исходе превращалась в господствующий класс. В революциях, доведенных до свержения власти капитала и установления социалистического строя, гегемония пролетариата также закономерно перерастает в господство рабочего класса. Вместе с тем в условиях XX века гегемония пролетариата, хотя она и была важнейшим фактором народных, демократических революций, не обеспечивала, однако, господствующего положения рабочего класса в обществе, если эти революции не достигали рубежей социалистических преобразований либо если им вообще не хватало сил опрокинуть сопротивление реакции.

Пролетариат, бесспорный класс-гегемон в первой русской революции, не стал господствующим классом после ее поражения в 1907 году, хотя, как мы уже отмечали, и сохранил свою гегемонию в отступившем революционном движении. Более близкий по времени пример — Иран, где рабочий класс был ведущей силой народной революции, но где он не стал классом, которому принадлежит господство в обществе. Так, кстати, было в прошлом и с буржуазией, когда ей, как гегемону в ряде революций, не удавалось победить и стать господствующим классом.

В своего рода промежуточной ситуации, которая сложилась, скажем, в период двоевластия в России 1917 года, ясно обнаруживается противоборство двух классовых гегемоний — пролетариата в революционном и буржуазии в контрреволюционном движениях, причем вопрос о том, какой класс является господствующим, остается на какое-то время открытым. Меньшевики, реформисты, следуя своим соглашательским установкам, призывали рабочих умерить революционный порыв, подождать, потерпеть, пока его классовые интересы не станут интересами всего общества. Дальнейшее движение «всей России, развитие всего человечества к светлым идеалам социализма» ставились в прямую зависимость от предварительного утверждения гегемонии пролетариата не в революции, а в послереволюционном, демократизированном Февралем буржуазном российском обществе. Потресов в апреле 1917 года писал, что «перед буржуазией и проле-

тарплатом еще непочатый короб общей работы; ведь национальная задача перестройки России еще вся впереди»¹.

Тезис «подождать до выхода на позиции класса-гегемона в обществе» пронизывал всю политическую философию и риторику соглашательских партий в обстановке двоевластия. Соглашатели стояли на том, что российскому пролетариату не под силу добиться в революции большего, чем демократизация общественной жизни. В области политики, где прежде всего стояла проблема власти, они считали необходимым строгое соблюдение демократических норм и особенно принципа, согласно которому власть должна покоиться на поддержке большинства. При этом, согласно концепции, выдвинутой «умеренными социалистами», трудящиеся массы страны и они сами как политические представители масс обладали достаточной силой, чтобы взять власть, но не могли в этом случае рассчитывать на поддержку народного большинства. Отсюда делался вывод, что для Советов взять власть в свои руки означало бы попытку «навязать стране с помощью физической силы волю социалистического меньшинства»².

Итог известен: соглашательское ожидание, когда пролетариат добьется «гегемонии в обществе», на деле проложило дорогу к тому, что он все далее стал оттесняться от рычагов власти, а государственно-политическое управление этим обществом целиком сосредоточилось в руках буржуазии, хотя гегемоном в революции оставался пролетариат. Нечто подобное имело место в годы революции в Чили, где гегемония пролетариата в демократическом движении не сделала его еще господствующим классом, а среди контрреволюционных сил гегемония принадлежала буржуазии, которая, утратив важные рычаги государственной власти и существенные позиции в экономике, также не обладала господством в обществе.

А как обстоит дело с понятиями «господство» и «гегемония» в капиталистических странах, где пролетариат отвоевал ныне у буржуазии определенные позиции и в экономике и в политике? Это также необходимо выяснить потому, что в этом вопросе продолжается путаница, утрачивается различие между гегемонией в революционном движении и господством в обществе. Например, приходится читать, что в настоящих условиях буржуазии все труднее осуществлять свою гегемонию в рамках демократии. Однако если речь идет о капиталистическом обществе, то гегемоном в революционном движении является пролетариат, а буржуазия, пока в ее руках находятся средства производства, — господствующий класс и (подчеркнем еще раз) гегемон контрреволюционных сил; и в современных условиях ей действительно становится все труднее (мы не разбираем причин этого; они

¹ Потресов А. И. Посмертный сборник произведений, с. 228.

² Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции, кн. I, с. 23.

глубже, чем только вопрос о демократии) осуществлять эту последнюю роль.

Таким образом, опыт истории учит: рассчитывать на то, что гегемония пролетариата может быть в буржуазном, пусть и демократическом, *обществе*, а не в *революционном движении этого общества*, — значит или путать понятия «гегемония» и «господство», или пренебрегать законами смены одной формации — капиталистической другой — социалистической.

Гегемония пролетариата может превратиться и обязательно превратится в господство пролетариата в результате революции, а не эволюции. Это не автоматический процесс, а процесс целенаправленного политического (проявляющегося, конечно, и в других областях классовой борьбы) воздействия пролетарской партии на массы, который далеко не всегда немедленно увенчивается успехом. В этой связи тем более несостоятельны заявления некоторых историков, будто временный прилив мелкобуржуазной волны в России весной 1917 года означал потерю гегемонии пролетариата, переход ее к буржуазии. Действительно, в тот период на какое-то время конституционные иллюзии захватили часть пролетариата. Но быстрое преодоление представлений о возможности развития революции конституционным путем привело не к подрыву, а к укреплению гегемонии рабочего класса, усилению влияния большевиков. Уже 18 июня 1917 года во время грандиозной демонстрации в Петрограде стало ясно, что в революционном движении начинают преобладать большевистские лозунги и их влияние продолжало нарастать, несмотря на разгул контрреволюции после июльских событий. Это было убедительным признанием гегемонии пролетариата — его целей, политики, форм борьбы, его руководящей роли, подтверждением правильности высказанного еще задолго до 1917 года положения о том, что пролетариат осуществляет «именно такое представительство» всего трудящегося населения, «при котором мы всех приглашаем (и заставляем) покинуть *их* точку зрения и встать на нашу...»¹. Курс большевиков на развитие пролетарской гегемонии в революционном движении, на ее все более организованное, целенаправленное выражение привел в конечном счете к превращению рабочего класса в государственно-организованный, господствующий класс.

Вопрос о единстве пролетариата, о путях, методах и принципах борьбы за него представляет еще один важнейший аспект ленинской концепции гегемонии пролетариата в революции.

Ленин, как и основоположники марксизма, считал единство пролетариата непременным условием его победы. При этом он исходил из того, что единство должно устанавливаться на принципиальной революционной основе. В отличие от этого оппортунисты стояли за единство «любой ценой», в том числе и ценой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 230.

отхода от основополагающих элементов научной теории, «склеивания» отдельных частей рабочего класса, находящихся под влиянием различного рода буржуазных и мелкобуржуазных воззрений; такая примиренческая позиция вела на деле к ослаблению рабочего движения и политическому банкротству самих оппортунистических партий. Как признавал Ф. Дан, попытки меньшевиков обеспечить «строительство классовой рабочей организации и развитие классового рабочего сознания», сопровождавшиеся перепесением «в неопределенное будущее социалистических целей», привели в условиях революции к «перерождению меньшевистской идеологии в идеологию демократического реформизма», а затем и к окончательной ликвидации «классово-рабочего и социалистического характера» меньшевизма¹.

В противоположность такой позиции большевики последовательно проводили классовую, революционную линию в вопросе о сплочении пролетариата, которая исходила из ленинской идеи организационной и идеологической самостоятельности рабочего класса. Представляя интересы всех трудящихся, «мы... не покидаем своей точки зрения, не сливаем своей классовой борьбы со всякими переметными сумами»². «Мы, социал-демократы, можем и должны идти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата...»³ — писал Ленин в связи с началом первой российской революции. Именно это помогло большевикам сохранить и обеспечить гегемонию пролетариата на всем протяжении революционной борьбы, закончившейся взятием власти.

На практике борьба большевиков за единство пролетариата воплощалась в гибкую тактику, эффективно применявшуюся в самых различных слоях рабочего класса. Партия вела дифференцированную работу среди трудящихся, учитывавшую различный уровень политического сознания и профессиональной квалификации рабочих, их социальное происхождение (ибо усилился приток в город сельского населения) и т. д. В. И. Ленин решительно боролся с сектантским подходом к рабочему классу. Критикуя «леваков», он указывал на недопустимость замены положения о необходимости завоевать «*большинство* рабочего класса» тезисом о завоевании «*социально решающих частей* рабочего класса»⁴.

Особое значение В. И. Ленин придавал сплочению пролетариата в профсоюзах, мобилизации членов молодых профсоюзных организаций России на совместную деятельность в защиту экономических и политических прав, повышению боеспособности профсоюзов путем создания крупных организаций, их вовлечения в политическую борьбу. Именно так можно было добиться повышения уровня классовой сознательности рабочих, их перехода на рево-

¹ См. Дан Ф. И. Происхождение большевизма, с. 446.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 230—231.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 204.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 265.

люционные позиции. Поскольку в России в отличие от многих стран Запада профсоюзы создавались в период развития революционного движения, когда уже существовала политическая партия рабочего класса, был взят курс на внесение в профсоюзы революционных идей, на их объединение под руководством партии. «...Важно в самом начале взять верную ноту о профессиональных союзах, — писал В. И. Ленин в 1905 году, — сразу создать традицию социал-демократического почина по этой части, социал-демократического участия, социал-демократического руководства»¹. Большевики сумели добиться того, что профсоюзы стали боевым помощником партии, мощным фактором революционного движения в России. Характерен быстрый рост профсоюзов в период между февралем и октябрём 1917 года: если в марте — апреле в них состояло 500 тыс. членов, то к октябрю — уже более трех миллионов².

После Октября В. И. Ленин настойчиво указывал молодым коммунистическим партиям на первостепенное значение работы в профсоюзном движении, подчеркивая: «Неуклонно и систематически завоевывай большинство рабочего класса, в первую голову *внутри старых профсоюзов*. Тогда победим наверняка при всяком повороте событий»³.

Следуя этим указаниям, коммунисты внесли огромный вклад в развитие профсоюзного движения. Тем самым они содействовали расширению возможностей реализации гегемонии рабочего класса в революционных, демократических, антимонополистических движениях. Следующая таблица дает представление о росте мощи мирового профсоюзного движения в послеоктябрьскую эпоху.

**Численность членов
профсоюзов мира
(млн. человек)**⁴

	1917 г.	1920 г.	1939 г.	1947 г.	1955 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.
Всего	16,0	48,0	60,0	110,0	153,0	220,0	244,5	290,0	311,2
В том числе:									
страны социализма	2,0	8,2	25,0	40,0	70,0	108,0	128,5	154,3	177,4
остальные страны мира	14,0	39,8	35,0	70,0	83,0	112,0	116,0	135,7	133,8

Профсоюзные организации представляют сегодня важную арену борьбы за единство рабочего класса. Этому способствует и об-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 92.

² См. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 4, с. 39.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 266.

⁴ Рабочий класс и современный мир, 1981, № 3, с. 134.

щая политизация действий, и определенное полевание профсоюзов, стоявших ранее на оппортунистических, а то и на буржуазно-апологетических позициях. О растущем стремлении к единству профсоюзного движения наглядно свидетельствуют события последних лет в Португалии, Франции, Финляндии, Канаде и других странах.

Разумеется, в современной борьбе за единство рабочих независимо от их партийной принадлежности, политических или религиозных взглядов, профессиональных отличий имеются как общие с деятельностью Ленина и большевиков моменты, так и свои отличительные особенности.

В развитых капиталистических странах профсоюзы, как правило, возникали до социал-демократических партий, более того, нередко эти партии создавались как политический орган профсоюзов, и в силу оппортунистического характера многих из них марксистским партиям приходится и сегодня сталкиваться с немалыми трудностями в профсоюзной работе. Вот почему в отличие от России на нынешнем этапе компартии, борясь за освобождение профсоюзов от влияния буржуазной, оппортунистической идеологии, отвергая стремление реформистов сузить задачи профсоюзов, ограничить их борьбой лишь за частичные требования, не выходящие за рамки капиталистической системы, выдвигают нередко лозунг независимости профсоюзов, чтобы сплотить их на основе классовой борьбы. Такой курс проводят, например, коммунисты в Португалии, где унитарные профсоюзы являются важнейшим фактором сохранения и защиты завоеваний демократической революции 1974 года. Член Политической комиссии и Секретариата ЦК КПП Д. Абрантиш писал: «Реформисты, внутренняя и внешняя реакция не могут смириться с существованием классового профдвижения, которое опирается на массовую основу, сплочено и проникнуто революционным духом. Отстаивая единство трудящихся, оно стало главным препятствием на пути восстановления капитализма и латифундизма, ликвидации завоеваний революции. ...Португальская коммунистическая партия бескомпромиссно настаивает на уважении автономии и независимости профсоюзов как основы единства и авторитета движения»¹.

Важной предпосылкой единства рабочего класса каждой страны является его интернациональная сплоченность. Опыт русских революций весьма поучителен и в этом плане. В России, где было более 100 национальностей и 57 проц. составляло нерусское население, где насаждали «громадную *отчужденность* рабочих классов разных народностей»², ленинская партия с самого начала формировалась как единая многонациональная организация. В. И. Ленин подчеркивал: «...мы должны выступать как единая, централизо-

¹ Абрантиш Д. Профсоюзы в революции. — Проблемы мира и социализма, 1982, № 2, с. 65, 66.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 242.

ванная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности...»¹

Характерно, что само первое название партии — Российская (а не русская) социал-демократическая рабочая партия подчеркивало стремление марксистов России объединить в своих рядах всех передовых рабочих, всех подлинных революционеров независимо от их национальности. «Партия,— писал Ленин,— чтобы уничтожить всякую мысль о ее национальном характере, дала себе наименование не русской, а российской»². В связи с этим уже на II съезде РСДРП большевики-ленинцы решительно отвергли оппортунистический принцип федеративного построения партии.

Чтобы добиться объединения трудящихся в масштабах общероссийского революционного процесса, большевикам пришлось вести активную борьбу против как великодержавных, шовинистических, так и националистических, сепаратистских тенденций. Ленин указывал, что решающее слово здесь будет принадлежать революционному движению пролетариата. Это предвидение оправдалось. Как подчеркивалось в Постановлении ЦК КПСС о 60-лети образования СССР, «ведущей силой интернационального сплочения выступил рабочий класс России»³.

Именно интернациональный характер большевистской партии, ее последовательная защита с позиций рабочего класса прав всех угнетенных наций и народностей царской России привели к тому, что в Октябре 1917 года партии удалось влить национально-освободительную борьбу трудящихся всех наций нашей страны в общее русло борьбы за утверждение социалистической диктатуры пролетариата. Это особенно важно подчеркнуть потому, что в исторической литературе имеются попытки представить дело так, будто накануне Октября в национальных районах России не было социально-экономических предпосылок для социалистической революции, в частности организованного пролетариата. Это далеко не так. Во-первых, такой пролетариат был налицо⁴, а во-вторых, он активно участвовал в классовой борьбе. Революционные бои на Украине, в Закавказье, Прибалтике, Средней Азии большеви-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 122.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 267. Уже в первые годы в РСДРП было представлено более 25 наций и народностей России (см. Всероссийская перепись членов РКП(б), 1922, вып. 5. М., 1924, с. 34).

³ Постановление ЦК КПСС о 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. — Правда, 1982, 21 февраля.

⁴ В 1917 году рабочий класс крупных промышленных центров национальных окраин представлял сильный отряд пролетариата России. Высока была степень его концентрации. Так, 58,5 проц. всех рабочих-нефтяников Бакинского района были сконцентрированы в 8,4 проц. фирм. В Баку накануне Октября насчитывалось свыше 100 тыс. рабочих-нефтяников. Из 6 млн. населения Туркестанского края около 20 тыс. составляли железнодорожники; 21—22 тыс. рабочих края были заняты на хлопкоочистительных заводах (см. Егорова А. Г. Указ. соч. с. 257).

ки рассматривали как часть борьбы рабочего класса всей страны¹.

Принципиальные черты опыта борьбы большевиков за единство рабочего класса были подтверждены последующими революциями. Через несколько десятков лет успех революций в странах народной демократии был обеспечен, в частности, тем, что удалось добиться единства рядов рабочего класса. Коммунисты настойчиво боролись за сплочение рабочих крупных и мелких предприятий, их различных организаций, представителей различных национальностей. Последнее обстоятельство играло особенно большую роль в таких, например, странах, как Чехословакия, где необходимо было обеспечить (и коммунисты сумели это сделать) единство чешского и словацкого рабочего класса в борьбе за демократию и социализм.

Сегодня в индустриально развитых капиталистических странах соединение усилий рабочих различных национальностей остается одной из важных задач коммунистического движения. События последних лет говорят о том, что в этих странах, где национальные проблемы, казалось бы, были урегулированы еще в XIX веке, вновь наблюдается их резкое обострение. Освободительное движение негров в США, борьба населения Северной Ирландии против империалистического господства Великобритании и местной реакции, отношения между фламандцами и валлонами в Бельгии, проблемы Каталонии, Страны Басков в Испании, французского населения Канады — все это показывает, что национальный вопрос властно требует демократического решения и в зоне промышленно развитых капиталистических стран, что объективно повышает роль и ответственность рабочего класса, той — по своей природе интернационалистской — силы, без которой невозможно такое решение.

Но сегодня национальная проблема приобретает по-новому актуальное звучание и в связи с усилившейся миграцией рабочей силы. Так, численность рабочих-иммигрантов в Западной Европе составила к началу 80-х годов 12 млн. Следует подчеркнуть, что в своей массе мигранты обычно наиболее эксплуатируемая, низкооплачиваемая и лишенная прав, дискриминируемая часть пролетариата соответствующих стран. Буржуазные исследователи называют миллионы этих изгоев, которых гонит с родины нищета и нехватка рабочих мест, «экономическими беженцами» и предвещают дальнейший рост их численности². И естественно, что иностранные рабочие начинают принимать все более активное участие в классовых боях. Это повышает значение работы коммунистических партий среди них. Коммунисты в капиталистических стра-

¹ См. Победа Советской власти на Украине. М., 1967; Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси, 1974; Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967.

² См. International Herald Tribune, 3. XII. 1979.

нах устанавливают тесные связи с пролетариями, прибывшими из других стран, координируют свою деятельность с соответствующими братскими партиями. Компартии активно борются за интересы некоренного населения. Давая отпор проявлениям национализма, инспирируемого реакционными силами, они стремятся к сплочению трудящихся без различия их национальности, что нашло, например, отражение в документах XXIV съезда ФКП¹.

Разумеется, как прежде, так и сейчас решающее значение для борьбы пролетариата имеет единство действий рабочих — коммунистов и социал-демократов. За такое единство — причем независимо от состояния их отношений на официальном партийном уровне — всегда выступали марксисты-ленинцы, что будет показано в одном из последующих разделов работы.

Борясь за сплочение рабочего класса, марксисты-ленинцы конкретно рассматривают состояние пролетарского движения в каждой стране, различают в составе пролетариата группы рабочей аристократии и слои, находящиеся в той или иной мере под влиянием откровенно буржуазной или реформистской идеологии и политики. Такие группы и слои существуют не только в странах индустриально развитого капитализма, но и в развивающихся государствах. «Чистого» пролетариата вообще, с идеальной полнотой выражающего социальным поведением свой объективный всемирно-исторический интерес, в условиях капитализма нет и быть не может, и это хорошо известно коммунистам.

«Капитализм», — писал В. И. Ленин, — не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию... от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»² Уже поэтому существует объективная возможность для распространения в рабочем классе различного рода мелкобуржуазных взглядов и предрассудков. Более того, рабочий класс в буржуазном обществе постоянно (и не бесследно) испытывает на себе (и не может не испытывать) влияние империалистической идеологии, насаждаемой с помощью средств массовой информации.

Как же добиться в этих условиях адекватного отражения всем или большинством пролетариата его объективной исторической роли, роли гегемона революции? Для этого существует только одна возможность, и воплотить ее в жизнь могут только марксистско-ленинские партии путем внесения в широкие слои пролетариата сознания его революционной роли. Этот вопрос более подробно

¹ См. Construire le socialisme aux couleurs de la France. Résolution du 24e Congrès du PCF. — L'Humanité, 9. II. 1982.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 58—59.

будет рассмотрен в седьмой главе. Здесь же подчеркнем, что опыт российских революций показал, насколько важно правильное понимание рабочими своей исторической миссии, осмысление ими необходимости руководящей роли пролетариата в демократических и революционных движениях. Большевики исходили из того, что именно наличие высокого классового сознания превращает пролетариат в непобедимую силу, поэтому вся их деятельность была направлена на создание таких условий, в которых рабочий класс мог бы убедиться в значении своей социальной роли и стать авангардом социалистической революции.

И в последовавших за Октябрем революциях воспитание рабочего класса было ключевым участком деятельности всех марксистско-ленинских партий, что помогало им привлекать пролетариат на свою сторону¹.

В современную эпоху в капиталистических странах существуют условия, как облегчающие, так и осложняющие деятельность партии по идейному воспитанию рабочего класса. К первым следует отнести прежде всего пример реального социализма. Объективно помогает развитию классового самосознания рабочих и то обстоятельство, что в наше время кризисные неурядицы капитализма утрачивают свою цикличность, становятся хроническими, нормой жизни буржуазного общества. Следует также учитывать, что под воздействием научно-технической революции растут квалификация и общеобразовательный уровень рабочих, происходит их сближение с технической интеллигенцией — процессы, которые повышают восприимчивость трудящихся к социалистической теории, к пониманию рабочим классом своей роли в обществе. Разумеется, это происходит не автоматически, тем более что последствия научно-технической революции при капиталистическом строе весьма неоднозначны.

Известно, что использование достижений НТР позволяет монополиям увеличивать часть средств, выделяемых для удовлетворения неотложных материальных нужд трудящихся. Уступая, как говорил Ленин, в неважном, второстепенном во имя сохранения важного, главного, буржуазия старается отвлечь рабочих от классовой борьбы, подчинить рабочих и их организации своему влиянию, расширить и укрепить социальную базу своего господства. С помощью разнообразных средств массовой информации импе-

¹ Например, болгарские коммунисты развернули интенсивную идеологическую деятельность перед вооруженным восстанием в 1944 году. «Болгарская рабочая партия оказывала воздействие на сознание масс с помощью мощной нелегальной периодической печати, — отмечается в книге, изданной Институтом истории БКП. — Более 140 газет и бюллетеней издавались Центральным Комитетом партии, ЦК РМС, партийными и молодежными окружными, околийскими, районными организациями и руководством комитетами Отечественного фронта, партизанскими частями, штабами и командованием повстанческой армии. Они популяризировали курс на вооруженную борьбу и развертывание массового народного движения Сопrotивления» (История Болгарской коммунистической партии. М., 1960, с. 455).

риализм гигантски усиливает идеологическую обработку масс, ведет интенсивную антикоммунистическую пропаганду во всемирном масштабе.

Современная буржуазия, всячески принижая роль рабочего класса в обществе, ясно видит его революционные потенции. И главное направление ее стратегии состоит именно в стремлении убедить пролетариат в ненужности коренных социальных перемен, в возможности удовлетворить свои интересы в условиях капитализма. Словом, идейное воспитание рабочего класса необходимо ныне так же, как и раньше. И опыт большевиков в этом отношении по-прежнему актуален.

Итак, сегодня, как и во времена В. И. Ленина, рабочий класс представляет собой ведущую революционную силу эпохи. С ним, и только с ним, связаны в первую очередь надежды революционеров на завоевание власти и на строительство социалистического общества. В классовых битвах последних лет рабочий класс как в цитаделях империализма, так и на «периферии» мировой капиталистической системы — в странах Азии, Африки и Латинской Америки — убедительно опроверг буржуазно-реформистские и левачьи тезисы об угасании его революционности. Он продемонстрировал боевой наступательный дух, растущую организованность, способность повести на борьбу за демократию и социализм всех эксплуатируемых, всех трудящихся.

Крестьянство

Как мы видели, положение о росте в эпоху империализма общественного влияния рабочего класса в качестве силы, обеспечивающей успех революционной борьбы на всех ее этапах, является ключевым в ленинской концепции движущих сил революции. Но означает ли это, что тем самым признается роль других классовых сил, заинтересованных в осуществлении демократических и социалистических преобразований в обществе? Отнюдь нет.

Борясь за самое последовательное решение демократических задач, рабочий класс подготавливает условия для уничтожения капиталистической системы: только в этом случае он добывается собственного освобождения. Но, освобождая себя, он освобождает и всех трудящихся, а в конечном итоге и все общество от эксплуатации, отношений господства и подчинения, всех форм отчуждения. Уже в этом марксистском положении заключена проблема участия в революционном преобразовании старого общества наряду с пролетариатом и других классов и социальных групп. А главное: какую бы потенциальную или реальную силу ни представлял пролетариат в странах капитала, как бы ни велика была его численность в составе населения, он не в состоянии без помощи других трудящихся сломить огромную материальную мощь объединенных эксплуататорских классов и слоев (готовых всегда

прибегнуть к самым кровавым формам насилия над революционными массами) и построить на месте старого мира новую, социалистическую систему производства и новый образ жизни. Так перед пролетариатом встает вопрос о его союзниках на различных этапах революции.

Именно успешное решение большевиками-ленинцами этого вопроса и в теории, и на практике обеспечило победу Октябрьской революции. И сегодня только объединение всех демократических и антиимпериалистических сил, руководимых пролетариатом, в единый политический союз может позволить решающим образом ограничить роль монополий в экономике страны, положить конец власти крупного капитала и осуществить такие коренные политические и экономические преобразования, которые способны обеспечить наиболее благоприятные условия для продолжения борьбы за социализм.

Вопрос о союзниках пролетариата в борьбе за демократию и социализм вообще и о современном значении опыта трех российских революций в частности принадлежит сегодня к числу важных вопросов в идейно-теоретическом плане. Как отмечается в программных документах братских партий, жизнь вносит много нового в этот вопрос в связи с сильным воздействием на социально-классовую структуру в странах капитала разворачивающейся научно-технической революции, мирового социализма, противоборства двух социально-экономических систем. Это новое требует соответствующего теоретического осмысления на основе марксизма-ленинизма особенно потому, что антикоммунисты, правые и «левые» оппортунисты с помощью фальсификаций и других методов стремятся дать новым явлениям свою трактовку.

Вопрос о союзниках рабочего класса и исторически, и логически следует начинать с разбора места и роли крестьянства в составе движущих сил революции. Это тем более необходимо при рассмотрении современного значения опыта трех революций в России.

Дело в том, что революции в России, включая и Октябрьскую социалистическую революцию, многие буржуазные и оппортунистические «теоретики» как в прошлом, так и в наши дни называют крестьянскими. Так, меньшевик С. Иванович утверждал, что «большевики были партией крестьянства по дороге с фронта домой»¹, следовательно, мол, и свершенная ими революция носила крестьянский характер.

Основанием для таких утверждений служат следующие аргументы: крестьяне преобладали в составе населения России, были активной силой в классовой борьбе, а сейчас, мол, в развитых капиталистических странах ничего подобного нет. Поэтому-де сходит на нет актуальность ленинских идей о крестьянстве, а значит, не имеет значения и опыт российских революций, в которых

¹ *Иванович Ст.* Пять лет большевизма. Берлин, 1922, с. 14.

крестьянство было главным союзником пролетариата. Испанский журнал «Калье» заявляет, например, что этот опыт неприемлем-де потому, что по сравнению с нынешним положением в странах Западной Европы большевистская партия имела дело «с отсталым, полуграмотным, феодальным обществом, в котором активно действовал лишь немногочисленный пролетариат»¹. Ввиду своей отсталости и преобладания крестьянского населения, утверждает английский политолог Н. Хардинг, «Россия не могла ни в каком отношении быть образцом для других стран»².

С противоположной (и также с антимарксистской или немарксистской) точки зрения подходят к опыту революций «левые» радикалы, прежде всего в развивающихся странах. В фактах широкого участия крестьян в русских революциях они ищут подтверждения своей антинаучной схемы, согласно которой ныне крестьянство объявляется главной руководящей силой революции. Одним из элементов этой схемы является подчеркивание каких-то «особых» качеств афро-азиатского крестьянства. Тезис о ведущей революционной роли крестьянства в борьбе за социализм нашел отражение, например, в одной из книг К. Нкрумы, лидера освободительного движения в Гане, видного теоретика «африканского социализма». «Деревня, — писал он, — бастион революции... обуржуазивание определенной части международного рабочего класса и экономизм социалистического и пролетарского руководства в некоторых районах придают революционной борьбе за социализм в развивающемся мире еще большее значение в мировом социалистическом революционном процессе»³.

Многие другие идеологи антиколониального движения в Африке, например один из деятелей национальной революции в Алжире — Ф. Фанон, с подозрением относились к рабочему классу, который, как им казалось, находился в слишком тесном и постоянном контакте с колонизаторами (в том числе в их собственной стране). При этом все революционные надежды связывались с местным крестьянством, которое, мол, обладало основным преимуществом — неуязвимостью по отношению к тлетворному влиянию колонизаторов — и в силу этого являлось-де носителем «истинности»⁴.

В Латинской Америке и в некоторых странах Азии среди «леваков» одно время была распространена идея (она жива кое-где и сейчас), что самыми революционными являются наиболее бедные деревенские слои, организующие в горах и других малодоступных местах партизанские отряды и группы, которым выпадает «роль революционного возбудителя народа». Согласно этим идеям, достаточно, мол, запустить «маленький мотор» — вооду-

¹ La Calle, 14—20 de julio de 1981, p. 27.

² Harding N. Op. cit., p. 235.

³ Nkrumah K. Class Struggle in Africa. London, 1970, p. 79.

⁴ См. Fanon F. Les damnés de la terre. Paris, 1961, p. 40.

шевленный революционными идеями партизанский отряд радикально настроенных интеллигентов и студентов, и он приведет в действие первоначально пассивный «большой мотор» — крестьянство, положит начало континентальной крестьянской войне¹.

Еще в годы подготовки социалистической революции в нашей стране, в период ее проведения и после победы Ленину и большевикам приходилось опровергать подобного рода взгляды. Ленин был вынужден бороться против ненаучных теорий и практики в крестьянском вопросе, против оппортунистических лидеров II Интернационала, а также русских оппортунистов — сначала народников, а затем эсеров, меньшевиков, троцкистов. Большевики, образно говоря, отвоевали крестьян не только у царя (а известно, что в России крестьяне многие годы были «царистами», т. е. облекали борьбу против крепостничества, помещиков в формы наивного монархизма с его верой в «хорошего царя»), но и у оппортунистов, причем взгляды русских оппортунистов на роль крестьянства в революции были далеко не одинаковыми. Если одни из них боготворили крестьянство, считали его главной революционной силой (народники, эсеры), то другие относились к нему высокомерно, как к «черни», как к «инертной, а то и реакционной» силе (меньшевики, троцкисты).

В. И. Ленин в своих ранних работах («По поводу так называемого вопроса о рынках», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «К характеристике экономического романтизма», «Развитие капитализма в России», «Капитализм в сельском хозяйстве (о книге Каутского и о статье г. Булгакова)», «Рабочая партия и крестьянство» и др.) нарисовал яркую картину революционного движения в русской деревне, показал роль крестьянства в революциях, раскритиковав буржуазные и народнические взгляды.

Эти работы сыграли важную роль в борьбе против эсеров, меньшевиков и троцкистов, для обоснования союза рабочего класса и крестьянства на разных этапах революции. Идеи, высказанные в них, имеют важное значение для разработки коммунистами не-социалистической части мира стратегии и тактики борьбы против угнетения и эксплуатации, за завоевание власти.

Рассматривая вопрос о роли крестьянства в революции, В. И. Ленин опирался на выводы К. Маркса и Ф. Энгельса. «Ясно, что эксплуатация крестьян, — писал Маркс, отмечая объективную общность коренных интересов крестьянства и пролетариата, — отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по *форме*. Эксплуататор тот же самый — *капитал*... Только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить ко-

¹ См. *Debray R. Révolution dans la Révolution? Lutte armée et lutte politique en Amérique Latine*. Paris, 1967.

нец его экономической нищете и общественной деградации»¹. Подчеркивая неспособность крестьянства в силу его объективного экономического положения в обществе к самостоятельной и успешно организованной борьбе за свое освобождение, он указывал: «Крестьяне... находят своего естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном опровергнуть буржуазный порядок»².

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс писал, что в случае поддержки крестьянами революции рабочих «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»³. Имея в виду крестьян, Ф. Энгельс в статье «Будущая итальянская революция и социалистическая партия» отмечал, что они «явятся сильными и необходимыми союзниками» революционеров⁴.

Делая эти выводы, К. Маркс и Ф. Энгельс не могли подробно и всесторонне проанализировать революционные возможности крестьянства, в частности, и потому, что при их жизни во всех революциях крестьяне шли за буржуазией, были ее резервом.

В. И. Ленин разработал крестьянский вопрос применительно к революциям в эпоху империализма. Превращение буржуазии в реакционную силу, защита ею остатков феодального строя, абсолютизма показали крестьянству, что оно не может рассчитывать на буржуазию, в том числе и в борьбе за землю, за свои интересы. Эта общая для империализма закономерность нашла в условиях России наиболее яркое воплощение, ибо для нее, как указывал Ленин, было характерно противоречие, которое «глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»⁵.

В. И. Ленин разъяснил, почему крестьянству объективно было выгодно идти вместе с рабочим классом, а не с буржуазией. «Чтобы вся земля досталась трудящимся, — подчеркивал он, — для этого необходим тесный союз городских рабочих с беднейшими крестьянами (полупролетариями). Без такого союза нельзя победить капиталистов. А если не победить их, то никакой переход земли в руки народа не избавит от народной нищеты»⁶. В этих словах Ленина — вся глубина взаимосвязи рабочего и крестьянского движений в нашу эпоху.

Выше мы показали, что рабочий класс может и должен быть гегемоном в революции. А почему не способно быть таким гегемоном крестьянство? Ведь в начале XX века в России, как и во мно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 85—86.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 211.

³ Там же, с. 607 (Примечания).

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 458.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 417.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 44.

гих развивающихся странах мира сегодня, крестьянство было преобладающим по численности классом общества.

Прежде всего вновь подчеркнем, что с точки зрения научного социализма неверно выдвигать в качестве главного показателя революционной возможности любого класса, в том числе и крестьянства, его долю в населении страны. Революционной силой крестьянство становилось в результате острой заинтересованности в уничтожении помещичьего землевладения, крепостнических латифундий¹.

Однако, будучи как будто заинтересованным занять руководящие позиции в аграрной буржуазно-демократической революции, крестьянство не способно это сделать в силу того, что сами объективные условия ведения крестьянского хозяйства препятствуют этому. Крестьянство распыленно, неорганизовано; оно не может выступить как единая сила, руководящая революцией.

Далее, крестьянство не является однородным классом. И в экономическом, и в политическом отношении оно принадлежит к различным лагерям революционного движения. В его среде происходила дифференциация. Даже наиболее близкая к пролетариату часть крестьянства — сельский пролетариат отнюдь не обладал всеми теми качествами класса-авангарда, которые присущи промышленному пролетариату. В. И. Ленин в связи с этим указывал: «Нельзя надеяться, что пролетариат деревни ясно и твердо сознает свои интересы»².

Наконец, в эпоху империализма, когда интересы буржуазии все больше срастались с интересами помещиков, буржуазно-демократическая революция в ее демократическом (в рамках буржуазного строя) понимании обречена, как правило, на полурешение проблем, если не берет курс на перерастание в социалистическую и не заканчивается ее победой (что наглядно показал опыт России в 1917 году).

Учитывая все это, В. И. Ленин научно определил революционную роль крестьянства в новых исторических условиях. Он показал возможность участия крестьян не только в демократической, где рабочий класс выступал гегемоном, но и в социалистической революции. Он разработал научную схему, которой большевики следовали во всех российских революциях: союз пролетариата со всем крестьянством в буржуазно-демократической революции и его союз с беднейшим крестьянством в революции социалистической.

И в ходе подготовки и проведения буржуазно-демократических революций в России, и в период борьбы за перерастание демократической революции в социалистическую особое значение имела борьба Ленина, большевиков против эсеров, ибо они (особенно их левое крыло) вплоть до Октябрьского переворота сохраняли зна-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16. с. 215.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 147.

чительное влияние на крестьянство, в том числе на середняка и часть крестьянской бедноты. В. И. Ленин показал, что бедой эсеров является непризнание происходящей в деревне дифференциации; все крестьянство они считали единой силой, выступающей против помещиков. По их мнению, крестьянство могло без внутреннего размежевания немедленно после победы революции участвовать в социалистическом строительстве. В. И. Ленин писал, что основная ошибка всех эсеров «состоит в том, что они не выдерживают классовой точки зрения и, отыскивая одинаковое для всяких комбинаций решение задачи, забывают о двойственной природе зажиточного и среднего крестьянства. В своих расчетах они оперируют, в сущности, с двумя только классами: либо с помещиками и «крестьянско-рабочим классом», либо с собственниками и пролетариями»¹.

Своей работой в деревне большевики доказали необходимость учитывать различия, существующие между отдельными частями крестьянства. Опыт большевиков показывает, что если в период подготовки революции не начать дифференцированно работать с крестьянством, то трудно надеяться — особенно учитывая, что сроки перерастания демократической революции в социалистическую в современных условиях могут быть еще более короткими, — на победу социалистической революции.

В. И. Ленин дал глубокий анализ процессов дифференциации внутри крестьянства, глубина и темпы которых непосредственно связаны с развитием капитализма. По определению Ленина, трудящиеся и эксплуатируемые массы в деревне были представлены следующими группами: сельскохозяйственным пролетариатом; полупролетариями, или парцелльными крестьянами; мелкими крестьянами, которые для удовлетворения потребности семьи и хозяйства не прибегают к найму рабочей силы. Эти три группы составляли в России (да и не только в России) большинство сельского населения. Кроме того, в деревне были средние крестьяне, которые владели на основе права собственности или аренды участками земли, позволяющими получить известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превращаться в капитал, и крупные крестьяне — капиталистические предприниматели в земледелии².

В. И. Ленин до конца разоблачил антимарксистскую «теорию» устойчивости мелкокрестьянского хозяйства, из которой исходили эсеры. Он показал, что в связи с ростом капитализма в сельском хозяйстве происходит расслоение крестьянства, причем середняцкая прослойка с каждым годом уменьшается, а бедняцкая увеличивается, что подавляющее большинство крестьян разоряется, нищает, переходит в ряды пролетариата и лишь небольшая часть

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 343.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 170—175.

обогатается и переходит в ряды буржуазии¹. Именно такой процесс происходил и в дореволюционной России. Его ярким выражением было, в частности, то, что после Февральской революции в деревне начали еще более интенсивно разворачиваться две социальные войны: одна — всего крестьянства против помещиков, другая — деревенской бедноты против кулачества. И если в целом революция в деревне проходила (и не могла не проходить) в этот период через буржуазно-демократический этап, то внутри этого движения масс все более возрастала роль борьбы беднейшего крестьянства не только против помещиков, но и против кулаков, в частности хуторян и отрубщиков. Все это и создавало объективные условия для привлечения трудового крестьянства на сторону рабочего класса в его борьбе за полную победу демократической революции и ее перерастание в социалистическую при опоре прежде всего на беднейших крестьян.

Таким образом, Ленину, большевикам были одинаково чужды как мелкобуржуазные утопические иллюзии о некоем едином крестьянстве как главной революционной и даже социалистической силе в России, так и принижение революционных возможностей трудового крестьянства, особенно беднейшего, в трех российских революциях. Именно последнее и было свойственно меньшевикам, которые постоянно нападали на ленинскую аграрную программу. В положительной оценке Лениным революционного значения крестьянства меньшевики, в частности Плеханов, видели проявление бланкизма. Пытаясь приписать Ленину идеи народников, Плеханов заявлял: «Трудовое крестьянство издавна было тем китом, на котором держались утопические упования русских бланкистов. Чем больше идеализировали бланкисты «трудовое» крестьянство, тем крепче держались они за свою заговорщическую тактику»². С меньшевиками смыкался по сути дела и Троцкий. Он считал, что крестьянство не может выйти из тисков «сословно-социального рабства», что на его революционную роль рассчитывать нечего. Нынешние противники ленинизма, используя в борьбе с ним эти троцкистские положения, пытаются доказать, будто именно данные положения, а не взгляды Ленина были подтверждены практикой революции³.

Несостоятельность оппортунистических трактовок роли крестьянства, равно как и связанных с ними извращенных позиций Ленина в этом вопросе⁴, наиболее убедительно демонстрирует ус-

¹ Перед революцией в составе российского крестьянства насчитывалось примерно 20 проц. середняков, 15 проц. зажиточных и кулаков, 65 проц. бедняков (см. Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1970). М., 1973, с. 12).

² Плеханов Г. В. Соч., т. 15. М. — Л., 1926, с. 120.

³ Кней-Раз В. Op. cit., p. 41—47.

⁴ Даже после победы Октября большевикам не раз приходилось вести решительную борьбу со взглядами тех, кто пытался представить Ленина таким «крестьянским теоретиком», свести главное в ленинизме к аграр-

пешная реализация ленинской концепции революционного решения аграрной проблемы. Ленин выдвинул лозунг немедленной конфискации помещичьих земель и их национализации. Последняя связывалась им с завершением буржуазно-демократической революции, установлением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Национализация земли в аграрной программе Ленина становилась, следовательно, не только шагом самого последовательного демократизма, но и важным рычагом перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. «...Национализация земли,— писал Ленин в сентябре 1917 года,— есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму»¹.

Этот пункт большевистской программы был выполнен после победы Октября. Уже Декретом о земле, принятым 26 октября (8 ноября) 1917 года, помещичья земля немедленно, без всякого выкупа, обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование всех трудящихся. Правда, в «Крестьянском наказе о земле», составленном на основе требований революционного крестьянства и включенном в декрет, содержалось и требование об установлении уравнительного землепользования, которое, будучи по существу мелкобуржуазным принципом, выдавалось эсерами за социалистический лозунг. Но Ленин, не скрывая принципиального несогласия с этим лозунгом, считал необходимым пойти на уступку трудовому крестьянству, которое выступало за данное требование. «В огне жизни, применяя его на практике,— говорил Ленин на II съезде Советов,— проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда»². И история подтвердила справедливость ленинских слов. Трудящиеся крестьяне с огромным энтузиазмом встретили Декрет о земле, увидев в большевиках истинных выразителей и защитников их кровных интересов.

Таким образом, в борьбе с оппортунистами разных мастей Ленин, большевики опирались на ясную, марксистскую программу по аграрному вопросу в революции на ее буржуазно-демократическом и социалистическом этапах.

В период первой и второй буржуазно-демократических революций в России эта программа включала в себя, во-первых, решительный призыв к революционному натиску на помещичье землевание, к безоговорочной конфискации всех помещичьих зе-

тому вопросу. Из такой «интерпретации» ленинского учения вытекало либо то, что он отступил от революционной пролетарской идеологии Маркса и Энгельса, либо то, что ленинизм — это всего лишь стратегия и тактика борьбы в отсталой крестьянской стране. Фактически такую позицию занимал, как известно, в свое время Зиновьев (см. об этом, в частности, *Сталин И.* Вопросы ленинизма, с. 112—113). Что касается Троцкого, то он и после Октября выступал по существу с антикрестьянских позиций. Выдвигая тезис о «спасении» революции с помощью политики «сверхиндустриализации», Троцкий призывал провести ее за счет крестьянства,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 413.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 27.

мель. Во-вторых, она призывала идти от конфискации дальше к национализации всей земли при свержении самодержавия и обеспечении подлинного народовластия. В-третьих, в аграрной программе большевиков наряду с поддержкой требований всего трудового крестьянства в борьбе с феодальными пережитками были определены и классовые пролетарские задачи партии, заключающиеся в необходимости специальной работы по организации сельских пролетариев и полупролетариев в их борьбе против кулачества, по подготовке их к социалистической революции.

В условиях перерастания демократической революции в социалистическую, осуществления Октябрьской революции помимо старых требований (которые сохранялись, ибо они не были выполнены Временным правительством) все больший упор делался на прямое сплочение деревенской бедноты вокруг пролетариата. В этом Ленин, большевики видели гарантию успеха социалистической революции.

Следует отметить, что в связи с чрезвычайно широкой социальной базой Октябрьской революции, поддержанной в первое время почти всем крестьянством, в антимарксистской историографии встречаются попытки трактовать перегруппировку сил как отлив от революции всей массы крестьянства. Исходя из таких трактовок, буржуазные исследователи доказывают, что Октябрьская революция носила сугубо «городской» характер и даже была антикрестьянской. Английский «советолог» Р. Петибридж утверждает: «Октябрьская революция в значительной мере была городской революцией» и потому якобы привела к углублению «раскола между городом и деревней»¹.

Для подобного вывода нет никаких оснований. Известно, что Февральская буржуазно-демократическая революция по существу не затронула помещичьего землевладения. Временное буржуазное правительство проводило антинародную политику в аграрном вопросе. «Новое правительство, — писал в связи с этим Ленин, — не говорит в своей программе ни слова ни о 8-часовом рабочем дне и других экономических улучшениях положения рабочих, ни о земле для крестьян, о передаче крестьянам без выкупа всех помещичьих земель, обнаруживая молчанием об этих насущных вопросах свою капиталистическую и помещичью природу»². В связи с этим в революционный лагерь вплоть до лета 1918 года входили все слои крестьянства. «...В октябре 1917 г. мы шли с крестьянством, со всем крестьянством. В этом смысле наша революция тогда была буржуазной»³, — говорил Ленин. Переплетение двух революционных потоков — завершение одного совпало с началом другого — отнюдь не мешало большевикам, а, напротив,

¹ *Pethybridge R. The Social Prelude to Stalinism. London, 1974, p. 199—200.*

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 4—5.*

³ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 508.*

требовало от них выделить (в интересах выяснения тенденций борьбы, выработки стратегии) закономерности обоих этапов. Вместе с пролетариатом за социалистические цели последовательно боролось только беднейшее крестьянство, среднее крестьянство колебалось, кулачество же на втором этапе в условиях развернувшейся классовой борьбы в деревне выступило против Советской власти. Если кулачество не сделало этого сразу, то лишь потому, что имело другие представления о социализме, надеялось на перспективу «классового мира», хотя его политические представители предпринимали попытки в этом направлении: правоэсеровский исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов 27 октября 1917 года в воззвании к крестьянам осуждал восстание в Петрограде; правые эсеры не признавали революционных декретов и власти Совета Народных Комиссаров; колебались и левые эсеры, не желавшие принимать диктатуру пролетариата¹. После того как Советская власть перешла к социалистическим преобразованиям в деревне, кулачество оказало ей бешеное сопротивление. Конечно, то обстоятельство, что власть помещиков и капиталистов в России размывали сразу два революционных потока, облегчило приход пролетариата к власти, но ведь это было только началом социалистической революции, и буржуазно-демократический поток вскоре иссяк.

Правильность ленинской аграрной программы была подтверждена практикой. Руководствуясь ею, большевики сумели привлечь крестьянство на сторону пролетариата, что обеспечило историческую победу революции в России.

Ленинское учение о союзе пролетариата и крестьянства в революции было с интересом встречено революционерами на Западе. Ему стремились следовать коммунисты в революциях, вспыхнувших после Октября 1917 года в других странах. Коммунисты считали беднейшее крестьянство и сельский пролетариат своими союзниками в борьбе за социализм и пытались соответствующим образом строить политику в отношении деревни. «Если мы серьезно намерены осуществлять социалистические преобразования, то должны обратить внимание на плоскую землю, как и на промышленные центры... — говорила Р. Люксембург, обращаясь к делегатам Учредительного съезда КПГ. — Против... угрозы контрреволюции нет никакого иного средства, как ... привести в движение безземельный пролетариат и мелких крестьян»². На III съезде

¹ См. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции (Исторический очерк). М., 1975.

² *Luxemburg R. Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. II, S. 684—685.* Значение разработки Лениным аграрного вопроса в революции признавалось и некоторыми противниками ленинизма. Так, вождь шведской социал-демократии Я. Брантинг писал в 1924 году, что союз между рабочими и крестьянами в России был необходим и что в борьбе за этот союз Ленин искусно применял марксизм (*Branting H. Tal och skrifter, Bd. I. Stockholm, 1929, S. 56*).

БКП т. с. в мае 1921 года Д. Благоев отмечал, что, «если бы Российская Советская республика... не разрешила аграрный вопрос, отдав помещичью землю крестьянам, она не смогла бы справиться с врагами революции. Но она пошла по правильному пути — по пути объединения городского пролетариата с неимущими и малоимущими крестьянами»¹.

Правильность разработанной большевиками тактики по отношению к крестьянству показали и революции, происшедшие в ряде стран после второй мировой войны. В ходе революций в народно-демократических странах крестьянство на различных этапах принимало активное участие в революционных преобразованиях, возглавляемых пролетариатом, причем его самым надежным союзником выступала сельская беднота.

Вместе с тем в отличие от России более благоприятные международные и внутренние условия позволили в странах народной демократии, как правило, не осуществлять мер по изоляции среднего крестьянства при переходе к непосредственно социалистической революции. Это было, как мы уже указывали, естественным следствием расширения социальной базы революции. Само собой, что этот закономерный процесс, который предвидел Ленин, никак не может поставить под сомнение истинность ленинской схемы дифференцированного отношения к крестьянству на разных этапах революции. Точно так же не ослабляет жизненности основополагающих ленинских указаний по аграрному вопросу тот факт, что во многих странах народной демократии в силу целого ряда причин не проводилась национализация земли. Как известно, марксизм-ленинизм не считает ее обязательной мерой социалистической революции. В. И. Ленин, например, говоря об отношении к среднему крестьянству, подчеркивал, что «немедленную полную отмену частной собственности пролетарская власть в большинстве капиталистических государств отнюдь не должна производить...»². Характерно, что выдвижение этого лозунга III съездом БКП в 1921 году осложнило тогда ее деятельность среди крестьянства. Требование национализации не было популярным в Болгарии и не могло привести к сплочению трудящихся масс из-за частнособственнических традиций, пустивших глубокие корни в сознании крестьян³.

Сказанное не означает, что ныне лозунг национализации земли полностью утрачивает значение. На Кубе, например, после победы революции аграрные преобразования пошли по пути не раздела крупных латифундий между крестьянами, а создания на их основе государственных хозяйств. Этому способствовало, как мы уже отмечали, то, что здесь сельское население состояло преимущественно из деревенских пролетариев. В ряде стран имелись

¹ Благоев Д. Соч., т. 19, с. 161.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 174.

³ См. Октябрь и болгарские интернационалисты. М. — София, 1973, с. 68.

и другие особенности формирования союза рабочего класса и крестьянства.

Разнообразие форм и методов воплощения в жизнь ленинских идей по крестьянскому вопросу, проявившееся после второй мировой войны, обогатило теорию и практику марксизма-ленинизма, дало в руки компартий капиталистических стран дополнительное оружие в борьбе за привлечение на сторону пролетариата его естественного союзника — крестьянства. И сегодня братские партии стран капитала ищут новые, соответствующие конкретным условиям и традициям своих стран, особенностям развития современных производительных сил формы воплощения в жизнь марксистско-ленинской аграрной программы.

В развитых капиталистических странах в последние десятилетия доля крестьянства в составе населения постоянно уменьшается. В Италии, например, удельный вес лиц, занятых в сельском хозяйстве, упал в 1950—1970 годах с 44,6 до 19,5 проц.; во Франции в 1973 году крестьяне составили 12 проц. самостоятельного населения против 25 проц. в 1954 году. По имеющимся данным, удельный вес лиц, работающих в сельском хозяйстве, во всем самостоятельном населении составил в начале 70-х годов в ФРГ 9,6 проц., в США — 4,5, в Англии — 2,9 проц. В целом численность крестьян в западноевропейских странах сократилась с 23,2 млн. в 1950 году до 12,1 млн. в 1975 году¹. Однако крестьянство как класс не исчезает. Сохраняются его специфические черты и место в экономической и социальной жизни. Конечно, уровень развития и структура сельского хозяйства в разных странах различны. Как отмечалось на Конференции коммунистических партий капиталистических стран Европы по проблеме сельского хозяйства (май 1975 года), «в некоторых из них в значительной степени сохраняются пережитки феодальной системы землевладения и землепользования. В других странах хозяйства семейного типа остаются преобладающими, несмотря на то, что концентрация усиливается. И, наконец, в ряде стран или районов земельная концентрация привела к созданию крупных сельских хозяйств капиталистического типа, использующих большое число сельскохозяйственных рабочих»².

Во многих капиталистических странах основной состав крестьянства тот же, что и в России в период трех революций, — полупролетарские и мелкобуржуазные слои, которые владят жалкое существование, вынуждены вести постоянную борьбу в защиту своих интересов.

Как отмечается в Программе Компартии Греции, принятой ее X съездом, «крестьянство, прежде всего трудовое, является также движущей силой революционной перемены и жизненно заинтересовано в установлении режима демократии народа, который изба-

¹ См. Западная Европа в современном мире, т. I. М., 1979, с. 275.

² Рабочий класс и современный мир, 1975, № 4, с. 185.

вит его от произвола местных и иностранных монополий. Несмотря на сокращение численности, оно продолжает оставаться самой многочисленной после пролетариата частью греческого общества. Оно является самым важным союзником рабочего класса и серьезной силой революционной борьбы за претворение в жизнь задач первого этапа единого революционного процесса»¹.

В свете сегодняшних дискуссий о роли крестьянства особенно важно указать на следующее. Какой бы ни была доля крестьянства в составе населения, оно остается производителем материальных благ, от которых зависит жизнь всего общества. Словом, многочисленно крестьянство в той или иной стране или нет — это не меняет принципиального отношения коммунистов к трудовому крестьянству — союзнику пролетариата в революции. Как образно выразился Генеральный секретарь Компартии Канады У. Каштан в беседе с автором книги, рабочий класс будет не в состоянии совершить революцию, если фермеры перестанут его кормить, т. е. если трудящиеся фермеры не поддержат борьбу пролетариата. Конечно, вышеупомянутые процессы, происходящие в деревне, заставляют коммунистов конкретно и дифференцированно подходить к выявлению роли союзников пролетариата по степени их социальной значимости в условиях разных стран сегодня и в будущем. Здесь не может быть абсолютно одинаковой схемы, годной для всех стран и для всех времен. Не вызывает, например, сомнения, что роль крестьянского вопроса в антимонополистической и социалистической борьбе в Италии (где удельный вес крестьян в самостоятельном населении составляет около 20 проц. и где существует острая проблема отсталого аграрного юга страны)² гораздо значительнее, чем, скажем, в Англии (где в силу определенных исторических и социально-экономических факторов численность всего работающего аграрного населения ниже 3 проц.).

В современных условиях аграрному вопросу придает особую остроту интеграционная деятельность монополий. Сельскохозяйственная политика ЕЭС, поглощающая почти две трети бюджета Сообщества и являющаяся одной из его основ, ведет к ухудшению положения крестьян в Западной Европе, то и дело вызывает «куриные», «молочные», «винные» и тому подобные «войны» между участниками «Общего рынка». Страны с высокоразвитым индустриализованным сельским хозяйством противостоят государствам, где преобладают мелкие крестьянские фермы. В конечном счете разногласия неизменно решаются в интересах крупного капитала, в результате чего, по свидетельству Комитета сельскохозяйственных профессиональных организаций, объединяющих крестьян «Общего рынка», в 1978—1981 годах реальные доходы

¹ X съезд Коммунистической партии Греции, с. 181—182.

² Еще А. Грамши, один из основателей ИКП, отмечал: «Существуют только две действительно национальные силы, ведущие нас в будущее: пролетариат и крестьянство...» (*Грамши А. Избранные произведения в трех томах*, т. I (1919—1920). М., 1957, с. 505).

сельских тружеников снизились почти на четверть. Все больше крестьян попадает в число тех 30 миллионов жителей стран Сообщества, которые, по данным официальной статистики, находятся ниже уровня бедности. Сельскохозяйственная политика ЕЭС наносит, с другой стороны, немалый ущерб и потребителям: цены на продукты питания в странах ЕЭС в указанные годы в среднем увеличились на 37 проц.¹

Компартии учитывают все эти факторы при выработке своих позиций в крестьянском вопросе. Защита интересов крестьян является одним из важнейших направлений их деятельности. «Условия жизни и труда трудового крестьянства, — говорится, например, в Программе Компартии Дании, — должны соответствовать условиям жизни и труда рабочих и других трудящихся... Недопустимо, чтобы спекулянты земель, владельцы банков, продовольственных концернов и другие представители крупного капитала определяли будущее сельского хозяйства Дании. Одновременно с оказанием поддержки односемейным хозяйствам необходимо создавать новую структуру сельского хозяйства, основанную на самом широком сотрудничестве между отдельными хозяйствами, а также между сельским хозяйством и промышленностью»².

О большом значении аграрного вопроса в современной классовой борьбе убедительно свидетельствуют события в Португалии. Здесь после свержения в 1974 году фашистской диктатуры Компартия стала главным инициатором и организатором проведения аграрной реформы. В ходе ее осуществления в стране было экспроприровано 1 140 тыс. гектаров земли, создано 550 коллективных производственных объединений (КПО) и кооперативов, в которых, как указывалось на IX съезде ПКП, «трудящиеся, освобожденные от эксплуатации помещиков и капиталистов, приступили к хозяйствованию в сельскохозяйственных имениях на основе полной самостоятельности»³. В связи с попытками реакции восстановить утраченные позиции ПКП выдвинула программу, предусматривающую целый ряд мер в защиту революционных завоеваний трудящихся. Она включает в себя, среди прочего, доведение до конца аграрной реформы, предоставление КПО и кооперативам гарантий вечного пользования землей, экспроприацию земель, находящихся пока в руках помещиков, создание государственных хозяйств в национализированных сельскохозяйственных ассоциациях и другие меры⁴.

Исключительное значение роли крестьянства в антимонополистическом движении придают и компартии других капиталистических стран. Так, ФКП исходит из того, что коренные интересы рабочего класса и трудящегося крестьянства совпадают. Удовлетворение их требований, как и их будущее, зависит от совместной

¹ The Financial Times, March 21, 1982.

² XXV съезд Коммунистической партии Дании, с. 131.

³ IX съезд Португальской коммунистической партии, с. 10.

⁴ См. там же, с. 42.

борьбы, которую они ведут и будут вести против общего врага — крупных капиталистических монополий и правительства. Коммунисты заявляют, что в такой стране, как Франция, где крестьянство остается значительной силой, союз двух основных трудящихся классов обуславливает успех в борьбе как за очередные требования, так и за установление демократического строя, а в последующем — за построение социализма. Компартия стремится привлечь на свою сторону тех, кто живет своим трудом: наемных сельскохозяйственных рабочих, мелких крестьян, независимо от того, являются ли они хозяевами, арендаторами или издольщиками. Этот курс был подтвержден XXIV съездом ФКП (февраль 1982 года) ¹.

С момента создания и по сей день интенсивную работу среди трудящегося крестьянства ФРГ ведет Германская коммунистическая партия, продолжая традиции КПГ. Уже в феврале 1971 года на VIII заседании правления ГКП была принята демократическая крестьянская программа партии. В ней, в частности, отмечается, что «аграрная политика, проводимая в интересах промышленного, банковского и торгового капитала, привела к тому, что подавляющее большинство крестьянских семей оказалось лишенным плодов своего труда... О равноправном положении крестьян в капиталистической системе не может быть и речи. Она служит целям наживы и власти горстки крупных капиталистов, которые управляют государством и политикой за счет всех трудящихся» ².

Значительное место аграрному вопросу, политике союза с крестьянами, работе партии в деревне было уделено на Дюссельдорфском (декабрь 1971 года), Гамбургском (ноябрь 1973 года) и Боннском (март 1976 года) съездах ГКП. На них было подчеркнуто, что борьба крестьянства за улучшение своих доходов, условий труда и жизни, за землю является одновременно и антимонополистической борьбой, в которой оно находит своего естественного союзника и вождя в лице рабочего класса. ГКП последовательно выступает за проведение демократической аграрной реформы, за передачу земли тем, кто ее обрабатывает своим трудом. На Мангеймском съезде (1978 год) ГКП особо выделила вопрос о необходимости принятия мер в защиту «крестьян и потребителей от ориентирующейся на интересы концернов аграрной политики Европейского сообщества, а также снижения цен на сельскохозяйственные средства производства и увеличения цен на изделия крестьянских хозяйств за счет прибылей крупных сельскохозяйственных предприятий» ³.

Активизация работы коммунистов среди крестьянства в развитых капиталистических странах очевидна. Вместе с тем, как отмечается в документах некоторых компартий, она все еще не

¹ См. *L'Humanité*, 4, 9. II. 1982.

² *Neuer Weg*, 1971, N 6, S. 282.

³ Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 277.

всегда и не везде отвечает потребностям антимонополистического движения. В одних случаях это объясняется отсутствием традиционных связей с крестьянами, нехваткой необходимых кадров, в других — недооценкой роли крестьянства в классовой борьбе. Об определенных недостатках в работе коммунистов в деревне автору приходилось слышать на ряде съездов братских партий западноевропейских стран, в беседах с руководящими деятелями компартий. Преодолению таких недостатков помогает изучение исторического опыта борьбы большевиков за крестьянство.

Говоря об этом опыте, нельзя не упомянуть о работе большевиков на национальных окраинах царской России. В. И. Ленин считал национальный вопрос по существу крестьянским. У большевиков имелась конкретная программа борьбы за вовлечение угнетенного крестьянства окраин в революционное движение, реализация которой обеспечила его активное участие в трех российских революциях. Последовательно, с позиций интернационализма выступая в поддержку борьбы трудящихся угнетенных нерусских народов за свои законные права, большевики вместе с тем разъясняли, что подлинное решение национального вопроса тесно связано с борьбой за Советскую республику, осуществляющую наибольший демократизм во всех областях. «Чем демократичнее будет,— писал Ленин в апреле 1917 года,— республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций»¹.

Руководствуясь ленинскими идеями, большевистская партия, несмотря на все трудности, связанные, в частности, с деятельностью различных буржуазно-националистических организаций, сумела завоевать на сторону революционного русского и всего российского пролетариата многомиллионные массы крестьянской бедноты национальных окраин, которые сыграли значительную роль на всех этапах революции.

Опыт большевиков в решении национально-крестьянского вопроса, ленинские идеи и конкретные советы помогали и помогают братским партиям в борьбе за крестьянство, особенно в зоне национально-освободительного движения, ибо крестьянство составляет большинство населения развивающихся стран.

Огромное внимание решению аграрного вопроса, работе с крестьянством уделяет Компартия Индии. Это объясняется не только тем, что данный вопрос непосредственно затрагивает интересы большинства населения страны, но и исключительно тяжелым экономическим положением в индийской деревне. Здесь, как отмечается в документах КП Индии, около 50 проц. сельскохозяйственного населения живут ниже уровня нищеты, более 60 проц. крестьян, имеющих землю, владеют нежизнеспособными

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 168.

хозяйствами, около 20 проц. вообще не имеют земли, население деревни ежегодно страдает от наводнений, голода, засухи¹.

Борясь за привлечение крестьянства — главного союзника индийского пролетариата — на сторону идей социального прогресса, Компартия Индии разработала конкретную программу действий по осуществлению радикальной аграрной реформы в интересах трудового крестьянства, ускорения экономического роста страны. Она предполагает уничтожение всех феодальных и полуфеодальных пережитков путем перераспределения земли в пользу безземельных и малоземельных крестьян, оказание государственной помощи крестьянским хозяйствам, национализацию оптовой торговли, введение справедливой системы закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, обеспечение прожиточного минимума для сельскохозяйственных рабочих². Компартия Индии, опираясь на поддержку сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты, стремится объединить все слои крестьянства в борьбе за эти требования. Тем самым партия на деле показывает трудовому крестьянству, что только вместе с рабочим классом оно может добиться лучшей, счастливой жизни. На XII съезде КИИ (март 1982 года) уделялось в связи с этим особое внимание задачам активизации деятельности партии среди сельскохозяйственных рабочих, а также осуществлению «усилий по расширению крестьянской базы, особенно среди трудового крестьянства»³.

Марксистско-ленинские партии других азиатских стран также придают большое значение работе с крестьянством, видя в нем важнейшего союзника рабочего класса в революции. Так, в Программе Компартии Филиппин отмечается: «Крестьянство имеет давние революционные традиции. Поскольку население страны состоит в основном из сельских жителей, крестьянство по-прежнему представляет собой грозную силу. Последствия программы земельной реформы на некоторое время дезориентируют крестьянские массы, поскольку она укрепит их материальную базу, основанную на мелком землепользовании. Значительная часть крестьянства пролетаризируется вследствие роста капиталистического сельского хозяйства. Происходит также расслоение в связи с ростом сельскохозяйственных корпораций по выращиванию и обработке экспортных культур. Опролетаризованные крестьяне превращаются в потенциальную политическую силу. Бедняки и середняки в союзе с рабочим классом будут по-прежнему составлять неотъемлемую часть революционных сил. Их ряды будут шириться по мере того, как крестьяне, живущие пока изолированно, будут втягиваться в рыночную экономику и принимать уча-

¹ Ceiling on Agricultural Land. Delhi, 1972, p. 65—66.

² См. Programme of the Communist Party of India. New Delhi, 1963, p. 30—31.

³ Review of Political Developments and Party Activities Since 11th Party Congress. For the 12th Party Congress Delegates. New Delhi, 1982, p. 36.

стие в коллективных действиях, направленных на радикальные изменения в системе сельскохозяйственных отношений»¹.

Огромные потенциальные возможности для вовлечения крестьян в революционное движение имеются в Африке. Вот как оценивают эту проблему африканские коммунисты. Отмечая, что центральный вопрос революционной борьбы в Африке на длительный период — вопрос о позиции крестьянства, Совещание ряда коммунистических и рабочих партий Африки (1978 год) заявило: «В этой борьбе крестьянство, составляющее в африканских странах большинство населения, является естественным и самым многочисленным союзником рабочего класса. Невозможно обеспечить реальный социальный прогресс на длительный период, не учитывая весьма серьезных проблем крестьянства, не откликаясь на стремления крестьянских масс к социально-экономическому прогрессу, не имея активной поддержки крестьянства»².

Аграрные движения в афро-азиатских странах накладывают глубокий отпечаток на все процессы социально-экономического развития. Как показала практика, попытки решения крестьянского вопроса в рамках капиталистического пути развития без коренных изменений социальных отношений, без борьбы за упразднение всех форм эксплуатации обречены на провал. Точно так же обречены на провал попытки решить проблемы антиимпериалистических, национально-демократических революций, противопоставляя крестьян рабочему классу, делая ставку на «авангардную роль» крестьянства. Крестьянство являлось и является важнейшей движущей силой революции в афро-азиатских странах, но оно, это уже подчеркивалось выше, так же как и в России, объективно не может сыграть в ней роль вождя.

Опыт осуществления земельных реформ в латиноамериканских странах также показывает, что крупные преобразования в деревне осуществимы здесь только на основе глубоких социальных революций; быстрое и окончательное решение аграрно-крестьянского вопроса во всей его полноте и многообразии возможно лишь при устранении всех видов эксплуатации и установлении самой широкой демократии. Иными словами, полное и окончательное решение этого вопроса возможно только в результате революции, в которой борьба крестьян сольется с борьбой пролетариата.

Компартии латиноамериканских стран учитывают все эти моменты в программах, сообразуясь с конкретными условиями своих стран. «Аграрный вопрос в Венесуэле, — говорится в Программе КПВ, принятой ее VI съездом (1980 год), — продолжает оставаться не только экономической и социальной, но и политической проблемой. Такое положение придает определенное своеобразие борьбе за аграрные преобразования. Необходимые аграрные пре-

¹ Information Bulletin, 1973, N 17—18, p. 19.

² For Freedom, Independence, National Revival and Social Progress of the Peoples of Tropical and Southern Africa. — Informations Bulletin, 1978, N 16—17, p. 13.

образования в условиях нынешней Венесуэлы возможны только при революционной ситуации, которая вынудит к их проведению в результате перехода власти в руки народного правительства, выражающего чаяния и интересы крестьян и трудящихся»¹.

Касаясь задач Демократического фронта национального освобождения, Народная партия Панамы в документах своего VI съезда (1980 год) указала, что «рабочий класс может добиться роли гегемона в этом фронте в той мере, в какой он укрепляет свой союз с крестьянством»².

Руководствуясь ленинскими идеями и указаниями, ведет работу среди крестьян Компартия Аргентины. Член Исполкома ЦК КПА Оскар Аревало писал: «Для коммунистов Аргентины имеют чрезвычайную актуальность исторический спор, который В. И. Ленин вел в 1907—1912 годах по различным аспектам аграрного вопроса (в плане социально-экономического анализа) и о крестьянстве (как о главном союзнике пролетариата), богатый опыт Великой Октябрьской социалистической революции и ленинский план кооперирования сельского хозяйства. Мы выступаем против пренебрежительного отношения к аграрному вопросу, недооценки его в нашей революции (против нашей линии ведут согласованные атаки правые и «левые»), против попыток узурпировать у пролетариата руководящую роль в пользу крестьянства или других мелкобуржуазных слоев (такие попытки предпринимают буржуазные капитулянты и те, кто отрицает у промышленного пролетариата боевой дух и революционные качества)»³.

Итак, общие принципы, которыми руководствовались революционеры в России, применимы во всем мире и сегодня. Однако речь идет не только об общих принципах. Актуальными являются и некоторые аспекты конкретного опыта политики большевиков по отношению к крестьянству. Остановимся в связи с этим только на некоторых вопросах. Один из них — метод и формы борьбы.

Уже в 1900—1904 годах в России произошло 670 крестьянских выступлений — втрое больше, чем за предшествовавшее десятилетие. Летом 1905 года состоялось 895 крестьянских выступлений, которые охватили около пятой части всех уездов Европейской России. В конце октября — начале ноября 1905 года больше трети уездов по всей стране было охвачено «крестьянскими беспорядками» и настоящими крестьянскими восстаниями. Это были и стихийные бунты и организованные политические выступления. Крестьяне увозили урожай с помещичьих земель, захватывали земли, травили помещичьи луга, вырубали помещичий лес и т. д. Они сожгли до 2 тыс. усадеб и распределили

¹ Partido Comunista de Venezuela. VI Congreso — 1980, p. 34—35.

² Documento Central del VI Congreso Nacional del Partido del Pueblo de Panamá, p. 56.

³ Arévalo O. El leninismo y nuestra lucha por la liberación nacional y social. Buenos Aires, 1974, p. 5.

между собой имущество помещиков. В статье «К оценке русской революции» Ленин писал: «Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века»¹.

Мощное и грозное крестьянское движение развернулось и накануне Февральской революции 1917 года, в деревне росло возмущение против войны, голода и разрухи, помещиков, царского самодержавия. По данным полиции, за время войны насчитывалось 787 крестьянских выступлений. В 149 случаях царские власти посылали войска и полицию².

Борьба крестьян еще более интенсивно продолжалась после Февраля, когда стало ясно, что Временное правительство не собирается удовлетворять насущные требования крестьянства. Размах борьбы оказался еще шире, чем в революции 1905—1907 годов. Так, если за весь 1905 год в целом по России произошло 3228 выступлений, то только в марте — июле 1917 года в великорусских губерниях Европейской России их было 2944³. Нарастало, по определению Ленина, подлинное «крестьянское восстание».

Какова же была позиция большевиков по отношению к борьбе крестьян в российских революциях?

Еще в разгар первой русской революции III съезд РСДРП(б) заявил о необходимости всеми мерами поддержать развивавшееся крестьянское движение, делая упор на его революционно-демократические стороны. В резолюции указывалось на важность «немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований...»⁴. Партийные организации обязывались призывать крестьянство и сельский пролетариат к политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа податей и налогов, несения воинской повинности и выполнения приказов царской власти. Съезд подчеркнул необходимость создания самостоятельной организации сельского пролетариата и его борьбы вместе с городским пролетариатом.

Особое внимание уделяли большевики просвещению крестьянства. «Главная задача — внести политическую сознательность в крестьянское движение»⁵, — говорил В. И. Ленин на III съезде партии. «Несите революционное слово в деревню»⁶, — призывал ЦК партии летом 1914 года, в момент нового подъема крестьянского движения. Эту же линию активно проводили большевики

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 39—40.

² См. Советское крестьянство, с. 23.

³ См. там же, с. 27.

⁴ Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 года. Протоколы. М., 1959, с. 454.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 154.

⁶ Бюллетень ЦК РСДРП, 1914, № 1, с. 2.

в 1917 году. Огромную роль в деле революционного воспитания крестьянства сыграла речь Ленина на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов в мае 1917 года. Выступая по аграрному вопросу, Ленин развернул перед депутатами подлинно революционную программу борьбы за землю. Он предложил объявить землю всепародной собственностью и передать ее без выкупа крестьянам, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. «У нас с нашими противниками, — разъяснял Ленин революционно настроенным крестьянским массам, — основное противоречие в понимании того, что есть порядок и что есть закон. До сих пор смотрели так, что порядок и закон — это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон — есть то, что удобно большинству крестьянства... Мы говорим: «пусть решения принимаются по большинству; мы хотим, чтобы сейчас, не теряя ни одного месяца, ни одной недели, ни одного дня, крестьяне получили помещичьи земли!»»¹

Нельзя не указать и на важность издания большевиками для крестьянства специальной газеты «Деревенская беднота», листовок. В. И. Ленин сам неоднократно писал статьи, предназначенные непосредственно для крестьян. Классическим образцом является его брошюра «К деревенской бедноте», написанная в марте 1903 года, в которой с исключительной ясностью и простотой была изложена аграрная программа большевиков.

Практика наших дней показывает, что и на исходе XX века крестьяне не только активно участвуют в классовой борьбе, чего не хотят замечать антикоммунисты и оппортунисты, но и применяют методы борьбы, во многом аналогичные тем, которые были распространены в России: забастовки, захват имений и т. д. В развивающихся странах крестьяне прибегают и к военным, партизанским действиям. Применяются также новые, ранее неизвестные формы борьбы: многокилометровые марши с орудиями труда, тракторами и машинами, блокирование дорог, «оккупация» центральных площадей в городах и т. д.

Приведем лишь несколько фактов, свидетельствующих о растущем накале крестьянской борьбы в самых различных странах и зонах мира.

С 1975 года крестьяне Сальвадора, лишенные земли и подвергаемые жесточайшей эксплуатации помещиков-латифундистов, убедившись, что правящий реакционный режим не желает и слышать об их экономических требованиях, приступили к захвату помещичьих земель. Обе крупнейшие крестьянские организации страны — Союз трудящихся крестьян и Христианская федерация сальвадорских крестьян — присоединились к созданному левыми, прогрессивными силами Революционному народному блоку, который поставил целью в ходе партизанской борьбы добиться свержения проимпериалистической военной диктатуры и сформиро-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 174.

вать народное революционное правительство. В 1977 году на основе этих двух организаций была образована Федерация трудящихся крестьян, мобилизовавшая крестьянские массы на участие в вооруженной борьбе, которая с особой силой развернулась в Сальвадоре на рубеже 70—80-х годов под руководством Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти и Революционно-демократического фронта. В освобожденных патристическими силами районах страны крестьянские организации активно участвуют в реорганизации и перестройке всей жизни на новых, революционных началах. В районах, еще контролируемых диктатурой, они продолжают бороться за удовлетворение неотложных экономических требований, повышение заработной платы поденщикам, снижение платы за аренду земли. Все усилия Федерации трудящихся крестьян сосредоточены на том, чтобы решить задачи «чрезвычайного продовольственного плана» — накормить голодающее население страны, истерзанной репрессиями местной реакции и империализма, и снабдить продовольствием бойцов национального освобождения. Такая деятельность закладывает основу для будущей аграрной реформы — главного средства мобилизации крестьян¹.

Все более широкий размах приобретает и борьба крестьян развитых капиталистических стран, в частности входящих в «Общий рынок». В ходе последних крестьянских протестов выявляется их весьма существенная и важная черта: они приобретают характер действий, согласованных в масштабах не только отдельных стран, но и групп государств. Крестьяне осознают, что их главный враг не только национальный, но и международный капитал. В конце 70-х — начале 80-х годов в знак протеста против политики руководства «Общего рынка» крестьяне Франции, Испании, Бельгии, Нидерландов неоднократно многотысячными колоннами, часто на тракторах, вступали в города, перекрывали автомагистрали, чтобы выразить свой протест против политики монополий.

В течение 1981—1982 годов происходили массовые выступления французских фермеров, которые протестовали против импорта дешевого итальянского вина, вызвавшего затруднения в сбыте их продукции. Французские виноделы возводили на дорогах баррикады, захватывали транспорты с итальянским вином. В 1980 году взрыв возмущения французских крестьян вызвали попытки Великобритании обеспечить себе за счет партнеров по ЕЭС ряд привилегий и льгот в области производства мясных продуктов. Эти выступления так обострили противоречия внутри «Общего рынка», что, по словам лондонского «Экономиста», возникла реальная угроза «прямого и скандального разрыва Римского договора»². Ощувив на себе губительные последствия

¹ La Vie ouvrière, 15—21. II. 1982.

² The Economist, March 1, 1980, p. 47.

аграрной политики ЕЭС, крестьяне стран «Общего рынка» осознали, что на деле он представляет собой, по выражению французской печати, «сообщество эгоистов»¹. Это само по себе содействовало росту политической сознательности крестьянства западноевропейских стран, подъему его борьбы в защиту своих прав.

Таких примеров можно привести немало. И все они свидетельствуют, что вопреки утверждениям оппортунистов не иссякает, а увеличивается революционный потенциал крестьянства. Возрастает значение целеустремленной работы коммунистов в его среде, возрастает в связи с этим и значение опыта большевиков, успешно воплотивших в жизнь союз рабочего класса и крестьянства.

Важнейший аспект работы большевиков с крестьянством — работа среди крестьян, приезжавших в города и вливавшихся в рабочий класс². С целью привлечения переселенцев из деревни на сторону революции большевики создавали на заводах землячества, политшколы, кружки, закрепляли группы крестьян, пришедших из деревни, за кадровыми рабочими. Ввиду того что большая часть пришедших из деревни работала в кустарных мастерских, в качестве прислуги, большевики выделяли специальных агитаторов для работы с этой группой населения.

Активно работая среди выходцев из деревень и учитывая особые интересы и уровень сознания этой части пролетариата, большевики имели в виду и то, что такая деятельность способствует проникновению марксистско-ленинских идей непосредственно в деревню, ибо многие рабочие сохраняли с ней тесные связи. Естественно, что это в первую очередь относилось к приезжим сезонным рабочим, т. е. к беднякам-крестьянам, прибывавшим в города на заработки³.

Данная сторона деятельности большевиков весьма актуальна и в наши дни, и не только для аграрных, крестьянских стран, но и для развитых капиталистических стран, в которых переход сельского хозяйства к машинной стадии производства привел к быстрому размыванию крестьянства. Отсюда интенсивное перемещение сельского населения в города в условиях развитых капиталистических стран. Этот процесс накладывает отпечаток на формирование политической армии революции, выдвигает перед партиями немало еще не решенных проблем.

¹ L'Express, 4 décembre 1981, p. 44.

² В России только за 1907—1914 годы из деревни в город ушло 2,5 млн. человек.

³ Так, делегат VI съезда РСДРП(б) А. Я. Пельше, отвечая на вопрос анкетного листа ЦК партии об особенностях жизни организации, подчеркивал, что коммунистам Архангельска «придется работать главным образом среди приезжих сезонных рабочих» (цит. по: *Егорова А. Г.* Указ. соч., с. 260). «Главная задача землячества — посылать делегатов по деревням и губерниям для агитации и пропаганды среди крестьян», — говорил на VI съезде партии другой его участник (Шестой съезд РСДРП (большевики). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 47).

Далее. Важнейшим участком работы большевиков с крестьянством была армия.

Русская армия в годы первой мировой войны состояла в основном из крестьян. Так, в момент объявления войны общее число крестьян в рабочем возрасте составляло примерно 27 млн. человек. За три года войны было поставлено под ружье около 15 млн. человек, основную часть которых дала деревня. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года, в армию было взято 47,4 проц. всех трудоспособных мужчин¹. Привлечение на сторону революции миллионов крестьян, одетых в солдатские шинели, большевики считали одной из необходимых предпосылок ее победы.

Особенно активизировалась работа большевиков в армии в периоды подъема революционного движения. Крестьянская по составу армия очень чутко реагировала на события в деревне и во всей стране. Хотя, например, весной 1905 года крестьянское движение было только в зачатке, охватив лишь меньшинство уездов, однако, как отмечал Ленин, «соединения пролетарской массовой стачки в городах с крестьянским движением в деревне было достаточно, чтобы поколебать... армию»². Это учитывали большевики. Если перед революцией 1905—1907 годов в войсках вели работу лишь 11 местных организаций, а в армии имелись всего 3 военные социал-демократические организации, то, когда началась революция, в войсках работали 64 местные организации РСДРП, а специальных военных партийных организаций было 27. Большевистские комитеты делали упор на выпуск листовок для солдат, в которых разъясняли политику своей партии, призывали включиться в революционную борьбу³. Военные организации РСДРП издавали для солдат более 40 нелегальных газет, среди которых особенно выделялись по тиражу и количеству вышедших номеров «Солдат» (Либава, вышел 31 номер), «Голос солдата» (Рига, 26 номеров), «Друг солдата» (Батум, 23 номера), «Солдатский листок» (Варшава, 22 номера), «Солдат» (Севастополь, 12 номеров), «Жизнь солдата» (Екатеринослав, 11 номеров) и др. Московская военная организация паладила выпуск газеты «Солдатская жизнь»⁴. В 1906 году состоялась Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. В ее решениях были зафиксированы важнейшие требования ленинской программы революционной работы среди военных. В них, в частности, отмечалось, что «самый характер работы в армии должен

¹ См. Советское крестьянство, с. 22.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 316.

³ В листовке «К солдатам», выпущенной в январе 1905 года Бюро комитетов большинства и Петербургским комитетом РСДРП, говорилось: «Будьте защитниками народа: когда вас пошлют против народа, присоединяйтесь к нему и убивайте его врагов» (Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг., ч. 1. М., 1956, с. 31).

⁴ См. Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969, с. 54.

определяться задачами, выдвигаемыми пролетариатом, как авангардом борющегося народа», что военные организации партии должны обеспечить «полное согласование своей деятельности с деятельностью общепролетарских и боевых организаций», подчинять свою работу общеполитическим задачам текущего момента, вести ее под руководством партии.

Широкое участие солдат и матросов в Февральской, а затем и в Октябрьской революции используется некоторыми буржуазными исследователями, например французским историком Д. Веннером, для того, чтобы объявить, будто обе революции в России были, мол, лишь «огромным военным мятежом, гигантской забастовкой — бунтом солдат, которые дополнялись пролетарскими волнениями ограниченного масштаба и умело использовались небольшой группой революционеров...»¹.

Посмотрим, однако, как обстояло дело в действительности.

В 1917 году возникли Советы солдатских и матросских депутатов, которые играли важную роль в активизации армии. Большевики стремились к укреплению своих позиций в этих органах, к установлению их сотрудничества с Советами рабочих депутатов. Например, после Февральской революции представители воинских частей при поддержке большевиков добились введения в состав Петроградского Совета депутатов от солдат. В начале марта в Петрограде стал действовать Совет рабочих и солдатских депутатов, сыгравший важнейшую роль в событиях Февраля и Октября 1917 года. 2 марта 1917 года Совет опубликовал исторический «Приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа», который способствовал революционизированию солдатских масс. Приказ предусматривал образование во всех воинских частях выборных комитетов из представителей солдат, повсеместное проведение выборов в Совет, подчинение политических выступлений солдат Совету и солдатским комитетам, выполнение приказов военной комиссии Государственной думы только в тех случаях, когда они не противоречат постановлениям Совета, контроль над оружием со стороны ротных и батальонных комитетов, полное уравнивание в гражданских правах вне службы и строя, отмену титулования офицеров, запрещение грубого обращения с солдатами². «Приказ № 1», узаконив при поддержке рабочих революционные завоевания солдатских масс, содействовал закреплению союза пролетариев и солдат, сложившегося в огне Февральского переворота. Именно поэтому основная часть армии оказалась на стороне революции в октябре 1917 года.

Вопрос об опыте работы большевиков с крестьянскими массами, одетыми в солдатские шинели, имеет большое значение прежде всего для развивающихся стран, где, так же как и в России, основная масса рядовых военнослужащих — крестьяне.

¹ Venner D. L'Histoire de l'Armée Rouge. Paris, 1981, p. 31.

² См. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 2 (15) марта.

Например, в Алжире крестьяне составили около 80 проц. солдат Армии национального освобождения. Как отмечал Башир Хадж Али, «основной армией революции явилось крестьянство. Война в Алжире была национально-освободительной, войной за землю», и «основное бремя войны несло на себе беднейшее крестьянство»¹. Не менее важную роль играет крестьянство и в революционной борьбе, развертывающейся в Гватемале, Гренаде и других странах. Опыт показывает, что от того, на чьей стороне окажутся солдатские массы в критический момент, зависят судьбы революции. Это во все большей степени учитывают сейчас коммунисты развивающихся стран, ибо здесь в силу ряда причин (о которых еще пойдет речь) роль армии в политической жизни за последние годы возросла.

Таким образом, основополагающие ленинские идеи создания и укрепления союза рабочего класса с крестьянством, будучи положены в основу всей стратегии и тактики большевиков в отношении крестьянства, не только обеспечили в России победу демократической революции и ее перерастание в исторически короткий срок в социалистическую революцию, но в полной мере обнаруживают свою жизненную силу и в наши дни, ибо и сегодня в большинстве капиталистических стран (и во всех развивающихся странах) трудовое крестьянство остается главным союзником пролетариата. Компартии изучают опыт российских революций, стремятся творчески применять его в конкретных условиях своих стран, учитывая происшедшие и происходящие изменения в классовой структуре общества в результате развития государственно-монополистического капитализма и научно-технической революции.

Другие слои и группы общества

При подготовке демократической и социалистической революций большевики, учитывая социально-экономическое положение и классовую структуру России начала века, уделяли основное внимание созданию и укреплению боевого союза двух эксплуатируемых классов — пролетариата и трудового крестьянства. Это, однако, не означает, что они относились безразлично, а тем более враждебно (как утверждают наши идейные противники) к другим слоям и группам населения, чьи интересы хотя и не совпадали полностью с пролетарскими, но в то же время вступали в конфликт с политикой правящей буржуазно-помещичьей верхушки. В произведениях В. И. Ленина встречается немало принципиальных положений о необходимости сотрудничества не только с городской мелкой буржуазией, другими средними слоями города (в особенности с интеллиген-

¹ Проблемы мира и социализма, 1965, № 1, с. 53.

цией и ее составной частью — студенчеством), но при известных условиях и с либеральной буржуазией.

Эти положения были воплощены нашей партией в жизнь, прочно вошли в сокровищницу интернационального опыта революционной борьбы. Обращение к этому опыту особенно уместно и актуально в наши дни, когда в развитых капиталистических странах крупный капитал все больше попирает жизненные интересы абсолютного большинства нации. Те же процессы наблюдаются в странах со средним и низким уровнем развития местного капитала, т. е. в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В последних — в результате колониального прошлого и некоторых других причин — весьма многочисленны так называемые промежуточные, или средние, слои города, выходцы из которых нередко стоят у власти в молодых национальных государствах; не исчерпаны во многих из этих стран и революционные возможности значительной части левого крыла национальной буржуазии.

В этом вопросе важно разобраться, в частности, и потому, что современные антикоммунисты и оппортунисты, идя по пути фальсификации ленинизма, утверждают, будто Ленин и большевики игнорировали роль средних слоев, интеллигенции в российской революции, делали якобы упор на «губительные», по выражению уже цитировавшегося выше Н. Хардинга, последствия участия в революции и мероприятиях переходного к социализму периода специалистов, технического персонала и т. п.¹ К сожалению, следует констатировать, что подобные высказывания встречают отклик у некоторой части демократической интеллигенции, молодежи, различных мелкобуржуазных слоев развитых капиталистических и развивающихся стран.

Конечно, существуют определенные различия в отношении рабочего класса к другим (помимо крестьянства) союзникам пролетариата в России начала века и в странах капитала последних десятилетий XX века. Это естественно, поскольку, в частности, социально-классовая структура не пребывает в раз и навсегда данном, застывшем состоянии, она развивается и изменяется вместе с развитием общества. Однако принципиальная линия в этом вопросе сегодня, так же как и вчера, все та же — ленинская.

В чем же действительная суть опыта большевиков по привлечению на сторону революции средних слоев на ее различных этапах²?

В. И. Ленин говорил о готовности идти на союз в демократической борьбе с любыми силами вплоть до буржуазии, если эти силы действительно добиваются демократических целей. Он

¹ См. *Harding, N.* Op. cit., p. 191.

² Обстоятельный анализ этого опыта содержится в монографии: *Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои*. М., 1981.

отмечал, что буржуазные демократы — естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах¹. Более того, подчеркивал Ленин, социал-демократы готовы поддержать и крупную буржуазию, *поскольку она способна на революционную борьбу с крепостничеством и абсолютизмом*. В частности, III съезд РСДРП, отметив необходимость бороться с попытками либеральной буржуазии захватить руководство революционно-освободительным движением, призвал пролетариат «поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом»² (разоблачая одновременно ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии).

Известно, что некоторая часть буржуазии во все предреволюционные годы непосредственно сотрудничала с большевиками, отдельные представители средней и даже крупной буржуазии давали большевистской партии значительные суммы денег на революционную работу.

Большевики были готовы к определенному сотрудничеству с лояльной буржуазией и после Октября 1917 года. И если на деле это сотрудничество оказалось весьма ограниченным, то, как известно, не по вине большевиков.

В то же время Ленин настойчиво предупреждал всех революционеров, всех демократов, что буржуазия в целом как класс не только проявляет неизбежные колебания в борьбе за демократию, но и немедленно отказывается от демократических целей, как только революция перешагивает узкие рамки формальной демократии и начинает развиваться в интересах широких народных масс. Эти теоретические положения, имеющие характер общей закономерности, подтверждены опытом трех российских революций.

Как отмечал Ленин, в России буржуазия по мере усиления активности рабочего класса переходила на все более реакционные позиции. В отличие от пролетариата она не боролась за власть, а кралась к власти. Она изменила делу буржуазно-демократической революции и встала в 1905 году на сторону царизма, аплодировала царю, потопившему в крови революцию. К февралю 1917 года, напротив, «вся русская буржуазия, которая усиленно организовывалась с 1905 по 1914 г. и еще быстрее с 1914 по 1917, объединилась с помещиками в борьбе против сгнившей царской монархии, желая обогатиться грабежом Армении, Константинополя, Галиции и пр.»³. Однако, когда встал вопрос о реализации демократических прав народа, рабочих и крестьян, буржуазия вновь тотчас же отвернулась от революции, стала плести контрреволюционные заговоры.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 222.

² Третий съезд РСДРП, с. 514.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 73.

Верные ленинским указаниям, коммунисты исходят из возможности сотрудничества революционеров с некоторыми слоями немонаполистической буржуазии, выступающими против политики монополий, за мирное сосуществование, за сохранение и расширение демократических прав и свобод. Коммунисты считают, что при определенных условиях часть буржуазии могла бы найти применение своим силам и в период строительства социализма. Опыт России в этом отношении в силу специфики условий первой пролетарской революции не столь красноречив, как опыт ряда стран (например, Чехословакии, ГДР и др.), вступивших на путь создания нового общества после второй мировой войны. Власть рабочего класса обеспечила здесь приемлемое для части городской и сельской буржуазии участие в экономической и общественной жизни страны. При этом нельзя забывать, что подобная практика имела определенные негативные моменты, издержки. Как показал, например, впоследствии опыт развития Венгрии, Чехословакии, Польши, значительная часть буржуазных слоев, внешне смирившись с утратой власти, внутренне так и не приняла идей социальной справедливости, социализма. Она в разной форме продолжала оказывать сопротивление новой власти, а постепенно проникнув в ее структуру, повела разлагающую работу, используя ошибки партийного руководства, и, как говорится, ждала своего часа, развив «неожиданно» бурную антисоциалистическую деятельность в 1956 (ВНР), 1968 (ЧССР), 1980—1981 (ПНР) годах. Конечно, данный негативный опыт не перечеркивает самой идеи о возможности более широкого участия представителей части буржуазных слоев в революции на том или ином ее этапе. Он лишь показывает, что такое участие, чтобы стать позитивным социальным фактором, требует от партии и повышенной ответственности, и настойчивой работы, и бдительности.

Интересный исторический опыт имеет Китай. Одной из особенностей функционирования народной власти после победы революции в 1949 году было то, что удалось добиться сравнительно широкого участия некоторых групп национальной буржуазии в экономической, а отчасти и в политической жизни страны. Это имело положительное значение на определенном этапе, укрепляло народную власть.

И в наши дни многие компартии держат курс на союз с представителями различных демократических групп буржуазии, прежде всего на этапе борьбы за антимонополистическую демократию. Разумеется, для патриотической части этих групп не закрыт путь в социалистическое общество при условии их лояльного отношения к народной власти, активного участия в строительстве нового общества.

Союз с различными силами буржуазии в развивающихся странах сегодня особенно важен потому, что в экономическом, политическом, социальном, идейном отношениях они, как

известно, представляют собой океан мелкобуржуазности. Национальная буржуазия еще сохраняет здесь революционный потенциал, способна участвовать в антиимпериалистической и антифеодалной борьбе. В связи с этим исследовательская группа Комиссии журнала «Проблемы мира и социализма» по проблемам Латинской Америки и Карибского бассейна констатировала применительно к ситуации в данном регионе: «Никто, разумеется, не ожидает, что какая-то часть буржуазии или некоторые правительства, находящиеся под ее контролем, вдруг станут приверженцами социализма или последовательными антиимпериалистами, что экономические и классовые узы, связывающие империализм и эти правительства, ослабнут. Не следует обманываться на сей счет. Однако, даже отдавая себе отчет, что интересы трудящихся и буржуазии сталкиваются и будут впредь сталкиваться, нельзя не признать: впереди длинный путь, который можно и нужно пройти совместно всем, кто стремится к демократическим переменам»¹.

Выступая за сотрудничество с антиимпериалистически настроенной буржуазией, коммунисты одновременно указывают трудящимся на ее непоследовательность и колебания, на ограниченность ее социальных и политических программ. Опыт все больше убеждает, что достижение подлинной независимости, освобождение от влияния монополий возможны только на основе осуществления социалистических преобразований.

Как подчеркивалось в Декларации Совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Гавана, 1975 год), «рабочие, крестьяне и все остальные трудящиеся Латинской Америки не найдут решения проблем безработицы, нищеты, низкой заработной платы, неграмотности, безземелья и социального неравенства путем одного лишь устранения иностранной эксплуатации своих стран. Эти проблемы начнут находить свое окончательное решение только при ликвидации эксплуатации со стороны латифундистов и буржуазии...»².

Вместе с тем коммунисты учитывают, что по мере углубления антиимпериалистической, демократической революции дают о себе знать и объективные факторы, усиливающие антиреволюционную направленность многих других групп буржуазии, о чем свидетельствует, в частности, опыт Чили. Это подчеркивает решающую роль союза всех эксплуатируемых слоев общества во главе с рабочим классом в борьбе за подлинно демократическое обновление страны.

В России в ходе формирования такого союза большевики особенно большое внимание уделяли отношениям со средними городскими слоями, причем не только на этапе буржуазно-де-

¹ Проблемы мира и социализма, 1982, № 3, с. 25.

² Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм, с. 36.

мократической революции, но также и социалистической, поскольку именно этой революции пришлось в нашей стране решать ряд задач, в которых были заинтересованы средние слои. В. И. Ленин анализировал этот вопрос и применительно к странам Западной Европы, обращая внимание коммунистов на то, что данная группа общества — потенциально важный союзник пролетариата. Ленин указывал, говоря о Западной Европе, что средние слои города и деревни, т. е. мелкая буржуазия, «в большинстве капиталистических стран... представляют очень сильное меньшинство, приблизительно от 30 до 45 % населения»¹.

И в наши дни как в развитых капиталистических, так и в не меньшей мере в развивающихся странах средние, или, как их еще называют, промежуточные, слои (т. е. группы и прослойки, стоящие между двумя основными классами — пролетариатом и буржуазией) являются крупной социальной величиной. Все больше широкие массы средних слоев населения, несмотря на отсутствие единства в их рядах и их особую восприимчивость по отношению к буржуазной идеологии, выступают в защиту своих интересов, включаются в борьбу за общедемократические требования. В их среде растет понимание жизненной важности совместных действий с рабочим классом.

Вопрос о средних слоях как движущей силе революции, союзнике пролетариата в последнее время привлекает особое внимание коммунистов и по другой причине. Опыт учит, что не всегда осуществление глубоких революционных преобразований, объективно закладывающих основу для перехода к социалистической революции, сопровождается привлечением всех потенциальных союзников пролетариата, в том числе средних слоев. В Чили, например, за трехлетний период существования правительства Народного единства развивались в этом отношении неоднозначные тенденции. С одной стороны, несмотря на тяжелое экономическое положение страны, авторитет и влияние правительства укрепились среди рабочего класса и беднейшего крестьянства, о чем свидетельствовали результаты выборов в парламент в апреле 1973 года. С другой стороны, реакционной фашистской пропаганде, поддерживаемой и субсидируемой местной олигархией и империализмом США, удалось на этом этапе революции (еще не носившей социалистического характера) сбить с толку средние слои, противопоставить значительную их часть правительству С. Альенде, что способствовало фашистскому перевороту.

Немалый вред революционному движению в Чили нанесли и «леваки», игнорировавшие роль средних слоев. В период пребывания у власти правительства Народного единства ультралевые группировки, требуя немедленного перехода к социалистической революции, отвергали какие-либо компромиссы или союзы, в том

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 41.

числе и с мелкой буржуазией, захватывали мелкие и средние промышленные предприятия, сельскохозяйственные владения, включая и не принадлежавшие крупным земельным собственникам. «Эти и другие сходные с ними позиции,— отмечал Генеральный секретарь Компартии Чили Л. Корвалан,— толкнули в лагерь контрреволюции широкие круги средних слоев, которые к тому же были идейно связаны с буржуазией»¹. В результате в борьбе за власть сложилось соотношение сил, неблагоприятное для Народного единства.

Чилийский опыт показывает важное значение целеустремленной политической, идеологической, а также экономической деятельности партии (если она участвует в правительстве) по привлечению на сторону последовательной антимпериалистической демократии и социализма всех потенциальных союзников пролетариата из мелкобуржуазных слоев города и деревни. Объективная возможность огромного расширения социальной, классовой базы революции в современную эпоху не реализуется автоматически, независимо от сознательной деятельности политических партий и масс.

Сказанное, разумеется, относится не только к условиям слаборазвитых или средних, но и высокоразвитых индустриальных капиталистических стран. Это учитывают компартии. Так, в резолюции XXXIV съезда Компартии Великобритании говорилось: «Левая альтернативная политика, которую мы представляем, чтобы вывести Англию из кризиса, не только основа для сплочения рабочего класса; она сделает также возможным объединение средних слоев в антимонополистический, народный союз, выходящий за рамки левых сил, как это предусматривается в нашей программе «Путь Британии к социализму». Многие мелкие промышленники и торговцы, лица свободных профессий, работающие не по найму лица, интеллигенция сталкиваются с серьезными трудностями, и их ждет неопределенное будущее. Их интересы все больше совпадают с интересами рабочего класса, требуют дальнейшего экономического роста, улучшения социального обслуживания и увеличения емкости внутреннего рынка. Наступление на жизненный уровень и последствия вступления Англии в «Общий рынок» очень сильно отражаются на немонополистических секторах в торговле, промышленности, сельском хозяйстве и рыболовстве, на положении лиц свободных профессий. Поэтому стремление к радикальному урегулированию кризиса способствовало бы становлению политического большинства в стране, основывающегося на различных антимонополистических силах, которые в настоящее время разрозненны... Образование подобного союза могло бы стать крупным шагом вперед к ликвидации гос-

¹ Чилийская революция, фашистская диктатура, борьба за ее свержение и создание новой демократии. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Чили. Август 1977 г. М., 1979, с. 47.

подства крупных монополий и созданию условий, которые открыли бы путь к социализму в Англии»¹.

Каким требованиям, по Ленину, должна соответствовать линия пролетарской партии на такой союз? В дальнейшем мы постараемся дать развернутый ответ на этот вопрос. Здесь же остановимся на двух моментах, которые, на наш взгляд, необходимо принимать во внимание при выяснении роли средних слоев в революции.

Во-первых, как указывал Ленин, следует постоянно учитывать социально-историческую природу мелкого буржуа, тот факт, что «его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату»². Именно последняя тенденция под воздействием большевиков возобладала в России в ходе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В июле 1917 года Ленин писал, что «Россия с замечательной быстротой пережила целую эпоху, когда большинство народа доверилось мелкобуржуазным партиям эсеров и меньшевиков», а теперь объективное положение таково, что «большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату»³.

В этой связи показательно следующее высказывание лидера кадетов Милюкова. Анализируя ход второй русской революции, он с огорчением писал, что «умеренные течения русского социализма чувствовали себя более связанными с идеями Ленина, чем с социал-реформаторами буржуазных оттенков, а тем более с самой «буржуазией» в тесном смысле»⁴. А вот что писал по этому поводу правый меньшевик Церетели: «Чтобы преуспеть, чтобы привлечь на свою сторону промежуточные слои, революционная демократия (так автор именует социал-реформизм. — *К. З.*) должна была показать только одно: свою твердую волю действовать в качестве правительственной власти и взять на себя максимум ответственности. Но этой-то воли как раз ей и не хватало»⁵.

Причина, однако, заключалась в другом — в соглашательской политике реформистов, переросшей в конечном счете в прямую контрреволюционную деятельность, которая и оттолкнула от них массы средних слоев на сторону большевиков, являвшихся, по определению того же Милюкова, «зажигательным элементом»⁶.

Во-вторых, Ленин подчеркивал необходимость конкретно-исторического, дифференцированного подхода при оценке роли не-пролетарских масс в социальных движениях вообще и в революции в особенности. Он неоднократно указывал на социальную

¹ Comment, 1975, N 13, p. 395.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 40.

³ Там же, с. 51—52.

⁴ Милюков П. М. История второй русской революции. т. I. София, 1924, с. 4.

⁵ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции, кн. II, с. 193.

⁶ См. Милюков П. И. Воспоминания (1859—1917 гг.), т. 2, с. 331.

неоднородность средних слоев города, на существование средних старых, возникших на ранних стадиях капитализма групп (мелкие торговцы, ремесленники и т. п.) и появившихся позднее групп (интеллигенция, служащие, студенчество)¹. Учитывать это тем более важно, что, как известно, буржуазная наука при помощи общих рассуждений о средних слоях вообще пытается протащить идею о некоем едином «среднем классе» — новой руководящей силе общества. Так, американский политолог Э. Гоулднер, делая заявку на авторство «новой социальной теории», выдвигает концепцию расширения в современный исторический период роли и значения некоего промежуточного класса, в который он включает всех тех, кто обладает определенным уровнем научно-технических и гуманитарных знаний и который, по его характеристике, имеет общие черты и с рабочим классом, и с буржуазией, но обладает в отличие от последней особым видом капитала — культурным, дающим-де ему право на власть и возможность ее обеспечить. Этот «класс», вытесняющий будто бы по своему значению пролетариат, не только заинтересован в общественном строе, основанном на принципах равенства и социальной справедливости, но и якобы уже активно создает этот строй во многих странах².

Ясно, что здесь мы имеем дело с еще одной попыткой затушевать классовое деление буржуазного общества, исказить его социальную структуру. Научный социализм не отрицает, что определенные качества того или иного слоя, в том числе и культурный уровень, могут влиять на его позиции в обществе. Но только влиять, придавать известную специфику этим позициям, которые, однако, в конечном счете детерминированы более существенным фактором — отношением данного класса или социальной группы к средствам производства. Это постоянно учитывают марксисты-ленинцы, подразделяя по тем или иным признакам ту часть буржуазного общества, которая по своему социальному статусу занимает промежуточное положение между двумя его главными классами-антагонистами.

Неустойчивость, неопределенность этого положения, видимо, объясняют тот факт, что, хотя термин «средние городские слои» употребляется в современной марксистской литературе, он пока не получил четкого определения. Чаще всего к ним относят интеллигенцию и лиц свободных профессий, мелких собственников и ремесленников, служащих государственного и частного секторов, студентов. В условиях разных стран (тем более в различные исторические периоды) социально-классовый состав средних слоев неодинаков. В царской России, например, основную часть средних, или промежуточных, слоев города составляли не вла-

¹ См., например, *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 2, с. 344—345; т. 3, с. 335—336; т. 4, с. 209.

² *Gouldner A. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class.* New York, 1979.

дельцы мелких предприятий и мелкие торговцы, а чиновники, служащие и деклассированные «низы»¹. Что касается капиталистических стран Западной Европы, то здесь значительную часть средних слоев образуют лица свободных профессий, полупролетарии, одновременно являющиеся и лицами наемного труда, и собственниками мелких предприятий. Принадлежат к ним также и определенные категории служащих административно-управленческого аппарата, наемные работники, не владеющие средствами производства, но по ряду существенных признаков отличающиеся от рабочего класса. Главным образом это касается интеллигенции². Данное обстоятельство, очевидно, связано с историческими особенностями развития капитализма в условиях разных стран. Следует учитывать и то, что внутри средних слоев находятся социальные группы и прослойки, отличающиеся друг от друга не только по характеру труда (физический или умственный), профессиональной принадлежности и т. д., но и по социально-классовым признакам (например, мелкие предприниматели и эксплуатируемые наемные работники).

По мнению большинства марксистских авторов на Западе, и в промышленно развитых капиталистических странах, и в развивающихся государствах особое место — хотя и по разным причинам — в составе средних слоев (особенно в периоды революционного подъема) занимают интеллигенция, работники умственного труда.

С точки зрения сегодняшних идейно-политических споров особенно важно показать ту роль, которую играл в политике большевиков вопрос об их отношении к интеллигенции, о привлечении ее к активному участию в революции³. Важность такого анализа объясняется современными объективными социально-экономическими и политическими процессами: бурным ростом численности интеллигенции, усилением ее эксплуатации, увеличением значения в экономической и политической жизни общества в связи с развитием научно-технической революции. В силу этих процессов в ряде развитых капиталистических стран интеллигенция объективно выдвигается на место важнейшего союзника пролетариата. Численность ее выросла в ФРГ за 1950—1975 годы примерно в 2,5 раза, в Великобритании за 1951—1971 годы — в 2 раза, во Франции с 1954 по 1975 год — почти в 2 раза. В США лишь за 1960—1970 годы она увеличилась в 1,5 раза. Значительно выше и удельный вес интеллигенции в самостоятельном населении США: по разным подсчетам, в середине 70-х го-

¹ См. *Востриков Н. И.* Борьба за массы (Городские и средние слои накануне Октября). М., 1970, с. 14—15.

² См. *Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории*, т. 6, с. 178—187; см. также: *Надель С. Н.* Современный капитализм и средние слои. М., 1978.

³ См. по этому вопросу: *Минц И.* Революция и интеллигенция. — *Проблемы мира и социализма*, 1981, № 12.

дов он составлял 10—15 проц., тогда как в Западной Европе — 4—5 проц.¹

Бурный рост интеллигенции и усиление ее политической активности порождают, как известно, множество теорий, извращающих ее роль в революции, общественных движениях. Так, австрийский антикоммунист Л. Рейхгольд, опираясь на писания Арона, Маркузе и других буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков, выдвигает абсурдную идею о том, что революционность «искусственно» навязывается пролетариату марксистской интеллигенцией. Не в силах прямо отрицать социалистический характер революции в России, он фальсифицирует ее сущность, утверждая: «В России произошла первая и единственная социалистическая революция, в ходе которой была отменена частная собственность на средства производства, но она была делом не пролетариата, а скорее делом революционной «элиты» русского народа»². В другом случае он пытается на примере США и стран Западной Европы доказать, что интеллигенции принадлежит будущее, что в так называемом постиндустриальном обществе вместо рабочего класса на первый план «выступает новый революционный класс — интеллигенция»³.

Немало легенд сложили буржуазные идеологи, как, например, известный американский антикоммунист Р. Пайнс, о якобы негативном отношении Ленина, партии большевиков (пролетарской по своему социальному составу) к представителям умственного труда и в целом к интеллигенции как общественному слою⁴. Все подобные мифы рушатся при первом же сопоставлении их с историческими реальностями. Начать с того, что уже состав руководства большевистской партии, в который входила целая плеяда выдающихся представителей российской интеллигенции, служит доказательством тесного единения рабочего класса с передовой интеллигенцией. Недаром после образования первого в истории рабоче-крестьянского государства правительство, возглавляемое В. И. Лениным, нередко называли «самым культурным и образованным кабинетом в мире»⁵. Партия вобрала в свои ряды цвет передовой, честной интеллигенции России, вставшей на позиции рабочего класса.

¹ См. Западная Европа в современном мире, т. I, с. 277.

² Reichhold L. Abschied von der proletarischen Illusion. Das Ende eines revolutionären Mythos. Frankfurt a. M., 1972, S. 191, 260.

³ Ibid., S. 223.

⁴ См. Pipes R. Struve — Liberal on the Right, 1905—1944. New York, 1980.

⁵ Вот что писал свидетель октябрьских событий, отнюдь не марксист, Р. Робинс, глава миссии Красного Креста в России: «Первый Совет Народных Комиссаров, если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире» (см. Соскин В. Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973, с. 24).

Не имеет ничего общего с ленинскими взглядами и утверждение о пренебрежительном отношении большевиков к интеллигенции как общественному слою в целом. В. И. Ленин не раз подчеркивал важность анализа особенностей положения, тенденций развития и позиций этого слоя. Он, в частности, отмечал: «...интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»¹. Он не раз говорил об имеющей место в России и других странах тенденции к численному росту работников интеллектуального труда².

В этих ленинских положениях, имеющих методологическое значение, не только содержится недвусмысленное указание на большую роль интеллигенции в классовой борьбе, но и сформулирован четкий марксистско-ленинский классовый подход к оценке интеллигенции, выдвинуто требование дифференцированно рассматривать данную социальную группу, представители которой могут примыкать к различным, в том числе антагонистическим, классам.

Отношение большевиков к интеллигенции, основная масса которой сближалась по своим объективным интересам с пролетариатом, показывает, что они были исключительно честны и принципиальны в стремлении приобрести важного союзника революционного рабочего класса.

Еще в годы первой русской революции большевики успешно привлекали на свою сторону демократически настроенных интеллигентов. Так, Петербургский комитет РСДРП создал специальную группу по связям с интеллигенцией. Одесский комитет образовал Союз социал-демократической интеллигенции и руководил им через своего представителя. Среди интеллигенции работала лекторская группа Московского комитета РСДРП, в которую входили преподаватели учебных заведений — большевики И. И. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский и др. Они возглавляли также Педагогическое общество при Московском университете, ставшее легальным центром большевистской пропаганды.

Наши враги утверждают, что в 1917 году интеллигенция была против большевиков. В подтверждение выставляется довод о якобы большой эмиграции интеллигенции за границу. Конечно, не все представители интеллигенции прямо, без колебаний приняли революцию. Так будет в той или иной мере во всех революциях, ибо они резко размежевывают общество. Но верно ли заявлять, что русская интеллигенция не приняла Октябрь и бежала на Запад? Мы уже касались тех мер, которые предпринимали большевики, чтобы перетянуть всю честную интеллигенцию на свою

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

² По некоторым подсчетам, за 20 лет — с 1897 по 1916 год — численность интеллигенции в России выросла в 2 раза: с 726 тыс. до 1,5 млн. человек (см. Вопросы истории КПСС, 1969, № 11, с. 60).

сторону. Здесь укажем на то, что русская эмиграция¹ состояла в основном из разгромленной контрреволюции, непримиримой к победившему народу, не желавшей сложить оружие и рассчитывавшей с помощью империалистических покровителей продолжать борьбу против революции из-за границы. Эмигрировали в первую очередь представители царской аристократической челяди, буржуазия, помещики, офицерство, боявшееся ответственности за зверства в годы гражданской войны, часть интеллигенции, не понявшей революции, обманутые солдаты, сражавшиеся против Красной Армии. Как известно, многие эмигранты, особенно выходцы из крестьянской и рабочей среды и кругов трудовой интеллигенции, впоследствии осознали свою ошибку и выразили желание вернуться на родину, а возвратившись, поддерживали политику Советской власти и участвовали в строительстве социализма.

Марксизм-ленинизм и практика революционной борьбы учат, что переход на сторону революции или отход от нее на разных этапах различных сил происходит по-разному. В опыте России, первой стране, успешно прошедшей сквозь все испытания пролетарской революции, четко проявился объективный процесс участия в революции широких социальных сил. Вот почему, несмотря на специфику классовой структуры нашей страны в период революции, ее опыт и в этом отношении не устаревает. Он учит, что союз с представителями интеллигенции создается в процессе борьбы, когда лица умственного труда убеждаются в необходимости установления новых общественных отношений. Понимание того, что при капитализме не могут быть удовлетворены ее интересы, толкает интеллигенцию к союзу с пролетариатом. Однако (и это опять же хорошо показал опыт России) пути интеллигенции к этому союзу чрезвычайно трудны, у буржуазии есть большие возможности, чтобы удерживать интеллигенцию на своей стороне. Но ясно одно: в период острой классовой борьбы, кризиса политических и моральных ценностей капитализма возникают более благоприятные условия для сдвига интеллигенции влево. Коммунистические партии во всех странах стремятся к привлечению ее широких слоев на сторону рабочего класса, и многие выдающиеся представители интеллигенции являются членами компартий или поддерживают их. А это имеет принципиальное значение. Почему? Потому, что в современных условиях интеллигенция, служащие не только быстро переходят в ряды работников наемного труда, но и занимают в этой армии все больший удельный вес. В последние десятилетия интеллигенция из категории «лиц свободных профессий» в своей массе перешла уже в ряды лиц, работающих по найму. В основных

¹ Страну покинуло в общей сложности около 2 млн. человек, что составляло менее 1,5 проц. населения России.

капиталистических странах 85—90 проц. интеллигенции являются наемными работниками¹.

Конечно, принадлежность к категории лиц, работающих по найму, еще ничего не говорит о классовой принадлежности. Однако имеющиеся анализы, практический опыт борьбы хорошо показывают, что основная масса работников умственного труда, интеллигенции сближается по своему положению с рабочим классом, со всеми эксплуатируемыми, вступает в острый конфликт с монополистическим капиталом, в прямое противоборство с ним.

В то же время, как свидетельствует, в частности, практический опыт майско-июньских событий 1968 года во Франции, попытки интеллигенции изменить свое положение в обществе путем создания некоего автономного, отделенного от пролетариата движения или претендующего на руководящую роль обречены на провал. Те, кто изолирует интеллигенцию от революционного рабочего движения, обрекает ее борьбу на поражение, поскольку она в силу своей социальной разнородности не может создать самостоятельное общественное движение, способное противостоять господству монополистического капитала. Только вместе с рабочим классом, борющимся за передовую демократию и социализм, трудящаяся интеллигенция может добиться удовлетворения своих коренных потребностей, занять достойное положение в обществе. Хотя имеется существенная разница в положении различных групп интеллигенции, все большая ее часть вступает в конфликт с монополиями и с империалистической политикой правительств. Кризис буржуазной идеологии и притягательная сила социализма способствуют вступлению интеллигенции на путь антиимпериалистической борьбы. Союз работников умственного и физического труда становится все более значительной силой в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс, за демократический контроль над производством, учреждениями культуры и информации, за развитие образования в интересах народа.

В. И. Ленин показал, что при разборе вопроса о движущих силах революции, о союзниках пролетариата нельзя ограничиться общим анализом лишь основных классов и социальных слоев. В рамках этих классов и слоев он призывал различать общественные группы и категории, выделенные по иным (не классовым) признакам: молодежь, женщины, верующие и т. д.; указывал на необходимость дифференцированной работы с ними с целью привлечения в ряды активных борцов за демократию и социализм. Коммунисты верны этим ленинским заветам.

Чрезвычайную актуальность сегодня приобрела проблема завоевания на сторону революционного рабочего движения *молодежи*. Хотя молодежь и не является какой-то самодовлеющей социальной группой, существующей наряду с основными клас-

¹ См. Западная Европа в современном мире, т. I, с. 277.

сами и слоями общества и независимо от них, а распределяется в конечном счете между ними, в политической и социологической литературе, посвященной вопросам движущих сил революции, она все чаще рассматривается как относительно самостоятельная категория. Позиция молодого поколения в современной классовой борьбе, социально-политические и идеологические тенденции развития молодежного движения привлекают большое внимание и теоретиков, и политиков. В основе такого, в известной мере нового, подхода лежит реальный, объективный процесс: возрастающая численность молодежи и ее усиливающаяся политическая активность стали важным фактором общественной жизни в капиталистических странах¹.

Все более активное включение в классовую борьбу трудящейся, прежде всего рабочей, молодежи, подлинный «мятеж» студентов, всколыхнувший еще в 60-х годах буржуазное общество, мешающий ему и сегодня жить спокойно, не только существенно определял нынешнюю политическую ситуацию в капиталистических странах, но и служат предвестником новых социальных бурь. И не случайно на Международном Совещании 1969 года вопрос о молодежи не только поднимался буквально во всех выступлениях представителей компартий, но и был обстоятельно освещен в Итоговом документе Совещания, причем именно в том разделе, где анализируется проблема союзников пролетариата на современном этапе². А вот что говорится в Документе Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы: «Участники конференции поддерживают стремление молодежи, в руках которой будущее нашего континента, с возрастающей энергией принимать участие в борьбе за Европу мира, прогресса и свободы, за Европу, идущую к социалистическому будущему»³.

Что касается буржуазных идеологов, то у них рост политической активности молодежи, особенно студенчества, вызывает большую и, можно сказать, весьма обоснованную тревогу. Любопытное высказывание делает в этой связи профессор Калифорнийского университета Ж. Скольник: «Исторически проявление революционных студенческих движений было характерной чертой переходных обществ... Революционная активность студентов была неизменной чертой политической жизни России XIX века, эта активность сыграла огромную роль в революции 1848 года

¹ Напомним, что сегодня более 50 проц. населения планеты моложе 25 лет и что во многих странах этот процент приближается к 60, а в некоторых — и к 70. Молодежь капиталистических государств, остро испытывающая на себе последствия кризиса буржуазного общества, с нарастающей энергией включается в классовую борьбу.

² См. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969, с. 26.

³ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 33.

в Центральной Европе»¹. Буржуазный исследователь, надо признать, провел в целом довольно уместную аналогию.

Проблемы, стоящие перед сегодняшней молодежью, во многом созвучны с теми, которые решала молодежь в России в период революций. Обратимся поэтому вновь к опыту партии большевиков.

Характерно, что вопрос об отношении к молодежи был поставлен уже на II съезде РСДРП, обсуждавшем важные теоретические, политические и организационные вопросы². Съезд указал на необходимость выработки членами групп и кружков учащих цельного и последовательного революционного мировоззрения. Он отметил, что организации молодежи должны быть связаны с социал-демократическими организациями, чтобы пользоваться их указаниями и по возможности избегать крупных ошибок в своей работе³. В то же время партия подчеркивала, что ее руководство молодежными организациями не должно носить характера опеки над ними. Так, VI съезд РСДРП(б), подтвердив принципы отношения к молодежи, отметил, в частности, что партия обязана «стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные организации, организационно не подчиненные, а только духовно связанные с партией»⁴.

И еще один очень важный момент. Партия проявляла заботу о молодежи ради интересов самого молодого поколения. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года большевики были единственной партией, которая последовательно отстаивала права юношества. В числе требований она выдвигала: предоставление молодежи избирательного права начиная с 18 лет; представительство молодежи в фабзавкомх и Советах; всеобщее бесплатное образование до 16 лет; запрещение эксплуатации детского труда; шестичасовой рабочий день для подростков; равная оплата за равный труд и др.⁵

В. И. Ленин считал важнейшим условием идейно-политического воспитания молодежи активное участие в партийной работе. В период первой российской революции Ленин указывал, что «надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и незрелости». «...Надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь...» «Во-1-х, если вы не сумеете организовать и подтолкнуть их (молодых людей. — К. З.), — говорил он, — то они пойдут за меньшевиками и Гано-

¹ Skolnick J. The Politics of Protest. New York, 1969, p. 82—83.

² За семь месяцев, предшествовавших съезду, большевистская газета «Искра» опубликовала свыше 80 статей и заметок о юношеском движении.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 253.

⁴ КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1, М., 1970, с. 499.

⁵ См. Наш ленинский комсомол. М., 1974, с. 22.

нами и той же своей неопытностью навредят впятеро больше. Во-2-х, учить будут теперь *в нашем духе* события»¹.

В период непосредственных классовых битв активность молодежи играла особую роль. В 1905—1907 годах молодежь многих городов составила значительную часть боевых сотен. От трети до половины боевых дружин в революции составляли молодые люди в возрасте от 16 до 22 лет². Во время Московского вооруженного восстания в декабре 1905 года ударную силу рабочих Пресни составили 400 молодых вооруженных дружинников. К ним на помощь пришли дружины студентов университета и различных училищ Москвы — всего более 250 человек³.

Молодежь активно проявила себя и в дни Октябрьской революции. Усилился ее приток в Красную гвардию. Так, почти все члены Союза социалистической рабочей молодежи Петрограда (т. е. свыше 13 тыс.) стали красногвардейцами. В городах Белоруссии половина красногвардейцев была в возрасте до 23 лет. В Казани только 25 октября 1917 года в отряды Красной гвардии влилось около 1500 молодых рабочих. В Одессе Союз социалистической рабочей молодежи создал самостоятельную дружину Красной гвардии. Такая же картина была в других городах России (Ростов-на-Дону, Харьков, Оренбург и многие другие)⁴.

Принципы большевистского отношения к молодежи были восприняты братскими партиями. Работа среди молодежи стала составной частью деятельности всех компартий в массах. В периоды революционных битв молодежь показала свою силу во многих странах. Сошлемся, в частности, на Кубу, где революционная молодежь, возглавляемая 25-летним Фиделем Кастро, 26 июля 1953 года штурмом казарм Монкадо возвестила о начале кубинской революции, увенчавшейся успехом 1 января 1959 года. Активную роль молодежи в период народно-демократических и социалистических революций отмечают братские партии всех стран народной демократии. И сегодня коммунисты исходят из того, что молодежь способна быть активным участником борьбы за демократию и социализм. Однако для этого необходимо привлечь ее на сторону пролетариата, постоянно руководить ее деятельностью. Опыт борьбы КПСС и комсомола против троцкизма показал, в частности, что нередко политическое разложение молодежи начинается с фальшивой проповеди ее «революционной исключительности» или «равного партнерства» партийных и молодежных организаций.

Мы не случайно напомнили этот факт из истории нашей партии. Вокруг данной проблемы не утихают идейно-политические

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 247.

² См. Ацаркин А. И. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1901 г. — октябрь 1917 г.). М., 1965, с. 114.

³ См. Наш ленинский комсомол, с. 16.

⁴ См. там же, с. 26—27; см. также Ленинский комсомол. Очерки по истории ВЛКСМ. М., 1958, с. 70.

споры, начало которым положили события 60-х годов, когда «новое левое» движение, возглавляемое обычно студентами, молодой интеллигенцией и сыгравшее в ряде стран (например, в США) во многих отношениях позитивную роль, дало в то же время (своими так называемыми авангардистскими позициями) пищу для спекуляций об утрате пролетариатом «революционного духа», для противопоставления студенческих организаций марксистско-ленинским партиям, для приписывания молодой интеллигенции каких-то особо «исторических» функций в «развитом индустриальном обществе». Один из мелкобуржуазных критиков капитализма, Г. Маркузе, признавая, что студенческое движение не может «заменить пролетариат или рабочий класс как революционную силу», вместе с тем использовал возросшую политическую активность студенчества, чтобы иным, более «тонким» путем навязать представление о современном пролетариате как о «консервативной», «стабилизирующей» капитализм силе, а главное — подорвать доверие молодого поколения к деятельности компартий, вносящих социалистическое сознание в массы. «В царстве корпоративного капитализма, — рассуждал он, — два исторических фактора преобразования, субъективный и объективный, не совпадают: они превалируют в различных и даже антагонистических группах. Объективный фактор, т. е. человеческая база процесса производства, который воспроизводит утвердившееся общество, существует в лице индустриального рабочего класса как человеческого источника и резервуара эксплуатации; субъективный фактор, т. е. политическое сознание, существует в лице нонконформистской молодой интеллигенции»¹.

«Левые» оппортунисты утверждают, что бурный рост студенчества, сопровождаемый высокой политической активностью, превосходящей в те или иные периоды по своему накалу активность других категорий трудящихся, — явление вообще беспрецедентное. Оно, мол, не только не укладывается в марксистско-ленинские формулы, но якобы идет вразрез с марксистским взглядом на общество.

Что можно сказать по поводу подобных положений? Действительно, столь высокий рост численности студентов, какой наблюдается в последние два десятилетия, — явление уникальное в общественной жизни, связанное прежде всего с развитием научно-технической революции, предъявившей повышенные требования к квалификации рабочей силы. Но можно ли на этом основании делать вывод об «устарелости» ленинской методологии, ее конкретных идей о месте и роли студенчества в обществе? Такой вывод можно сделать только в одном случае: при полном незнании ленинских взглядов по этому вопросу.

Еще в статьях, опубликованных в «Искре», Ленин показал особенности и перспективу развития движения учащейся молодежи и студенчества, в котором он видел один из важных отря-

¹ Marcuse H. An Essay on Liberation. London, 1969, p. 51.

дов демократического движения против царизма, потенциального союзника революционно-социалистического пролетариата¹. Он исследовал эти проблемы на протяжении всей своей деятельности.

Объясняя характер и причины политической активности студенчества, Ленин отмечал, что оно является в силу целого ряда социальных и психологических причин «самой отзывчивой частью интеллигенции»². Это положение имеет принципиальное, методологическое значение при анализе современной ситуации в развитых капиталистических странах.

Действительно, так пазываемый студенческий «бунт» — не что иное, как первая наиболее массовая и зримо выраженная социально-политическая реакция студенчества на новое положение интеллигенции в обществе, ряды которой ему предстоит пополнить, положение, которое характеризуется тем, что интеллигенция перестала быть узкой, привилегированной прослойкой общества, она в своей основной массе подвергается капиталистической эксплуатации, ее интересы все больше сближаются и переплетаются с пролетарскими. Да ныне и сами студенты в развитых капиталистических странах по своему социальному происхождению представляют в основном выходцев из средних слоев города, работников умственного труда.

Практика показывает, что в капиталистических и освободившихся странах подъемы и спады молодежных, в том числе студенческих, движений соотносятся, если брать достаточно продолжительные отрезки времени, с приливами и отливами рабочего, общедемократического и национально-освободительного движений. Это не исключает, разумеется, и такого положения, когда передовая молодежь, как указывал Ленин, оказывается застрельщиком того или иного назревшего социального движения, как правило, в рамках класса или общественного слоя, к которому она принадлежит. В. И. Ленин чрезвычайно высоко оценивал самостоятельные выступления молодежи, характеризуя их как очень важный, но отнюдь не решающий фактор развития революционного движения. Пролетариат, отмечал он, часто уступает первенство в легальных союзах, в стенах университетов, но «он никогда не уступает и не уступит первенства в серьезной, великой революционной борьбе масс»³.

Опыт студенческих движений наших дней, их побед и поражений подтвердил и ту фундаментальную ленинскую мысль, что только поддержка трудящихся, и главным образом рабочих, может обеспечить успех студенческой борьбы, только в совместной

¹ См. статьи В. И. Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов» (Полн. собр. соч., т. 4, с. 391—396), «Начало демонстраций» (т. 5, с. 369—372), «Признаки банкротства» (т. 6, с. 273—279), «К учащимся средних школ» (т. 7, с. 66).

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 220.

борьбе против империализма могут быть достигнуты коренные цели и потребности молодого поколения. Коммунисты высоко ценят подъем молодежного движения и активно в нем участвуют. Они распространяют в его рядах идеи научного социализма, разъясняют опасность разного рода псевдореволюционных идей, которые могут повлиять на молодежь, стремятся помочь ей найти правильный путь в борьбе против империализма, в защиту ее интересов. Только тесная связь с рабочим движением и его коммунистическим авангардом, как указывал В. И. Ленин, может открыть перед молодежью действительно революционную перспективу.

Следует подчеркнуть, что на коммунистических и рабочих партиях лежит огромная ответственность за то, чтобы направить в правильное русло усилившуюся социально-политическую активность молодежи, в том числе студенчества. Поэтому так велика роль целеустремленной, настойчивой, кропотливой работы партии по воспитанию юношей и девушек в духе революционных идей. Ослабление такой работы приводит порой к нежелательным последствиям, к тому, что часть молодежи может быть увлечена на ложный путь как «левыми», так и правыми, в том числе и фашистскими, силами. В связи с этим уместно привести такой факт. Анализируя ситуацию, сложившуюся в 1935 году, когда фашизм стал реальностью в Европе, Георгий Димитров говорил: «Мы не обращали также должного внимания на революционное воспитание молодежи. Все это весьма ловко использовал фашизм, который увлек в некоторых странах, в частности в Германии, большую часть молодежи на антипролетарский путь»¹. Думается, это поучительный пример глубокого понимания коммунистом своей ответственности, ответственности партии за то, какое направление принимает социальная активность молодежи, за ход общественного развития вообще.

Ленинский классовый подход к проблемам молодежи требует ясного понимания, каковы революционные возможности различных отрядов молодежи, каковы перспективы привлечения их на сторону идей марксизма-ленинизма. «Молодежь,— писал В. И. Ленин,— решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь»². Как видим, Ленин обращал внимание прежде всего на роль рабочей молодежи.

Работа с молодым поколением пролетариата особенно важна и стратегически перспективна для коммунистов. Почему? Потому, что в ходе ее одновременно решаются две задачи. Одна состоит в воспитании подрастающей смены рабочего класса, т. е. в повышении сознательности, организованности, укреплении его собственных рядов. Другая — в том, что через рабочую молодежь налаживаются наиболее прочные и устойчивые контакты с мо-

¹ Димитров Г. Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 161.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 247.

лодежью в целом. Необходимость повышенного, первостепенного внимания к рабочей молодежи вытекает, таким образом, из общей ленинской теории социалистической революции, ее движущих сил.

Этим, однако, отнюдь не припицается значение работы братских партий с другими отрядами молодежи, ибо в любом случае эта деятельность направлена на укрепление единства демократических, антиимпериалистических сил. Коммунисты имеют все основания рассчитывать, что, умело поставив дело, они найдут понимание и широкую поддержку не только среди молодых рабочих, но и в других группах трудящейся молодежи, в частности в ее крестьянской массе.

За последние годы компартии капиталистических стран усилили свою работу среди молодежи. Это естественно, ибо, как известно, резкая активизация молодежи в политической жизни далеко не везде и не сразу совпала с усилением позиций коммунистов в ее рядах. Ведя дифференцированную работу среди различных категорий юношества, коммунисты стремятся добиться сплочения молодежи. Для этого они используют объективные условия: общность устремлений в решении таких проблем, как трудоустройство и равная оплата за равный труд, право на бесплатное образование и профессиональное обучение, улучшение условий быта и досуга, возможность заниматься спортом, ликвидация общей неустroенности, препятствующей бракам, и др. Для сплочения молодежи важное значение имеют и общие задачи в решении общеполитических проблем, стоящие перед ней: борьба против произвола монополий и агрессивных акций империализма, ненависть к войне, стремление к подлинной демократии, к национальной независимости; оппозиция существующим порядкам и желание их так или иначе изменить.

Все это помогает коммунистам укрепить позиции в молодежном движении. Приведем два примера. В связи с поражением буржуазных партий на выборах в 1981 году XXIV съезд ФКП в Политической резолюции отметил: «Молодежь в значительной степени содействовала победе левых сил. Она стремится к освобождению от несправедливости и социального неравенства... Но положение дел не изменится, пока его не изменит сама молодежь»¹. Резолюция съезда призвала все партийные организации помочь молодежи и студентам найти путь конкретных действий, внимательно изучать их проблемы, поддерживать их инициативы, терпеливо разъяснять позиции компартии. Указав на то, что движение молодежи и студентов представляет собой мощную и боевую силу пародно-демократического движения, Политическая резолюция IX съезда Португальской компартии отметила, что «борьба молодежи является, с одной стороны, весомым и вдохновенным вкладом трудящихся и народных масс в защиту своих

¹ L'Humanité, 9. II. 1982.

насуточных интересов, как материальных, так и духовных, свобод и других великих завоеваний революции; с другой стороны, она развивается в своих собственных движениях, имеющих специфические цели»¹.

Словом, слияние борьбы передовой молодежи с рабочим движением — важный резерв всей современной антимонаполистической борьбы. И коммунисты понимают, что только умелое использование этого резерва является серьезнейшим фактором в их деятельности на современном этапе.

Ленин отмечал, что одним из условий победы рабочего класса в борьбе за демократию и социализм является также вовлечение в революционное движение трудящихся *женщин*². Он придавал большое значение развитию женского движения как составной части движения масс, считая, по свидетельству К. Цеткин, что оно при известных условиях может иметь и решающее значение.

Сегодня в развитых капиталистических странах женщины составляют свыше одной трети самодеятельного населения, причем, согласно прогнозам, общая численность женской рабочей силы с 1970 по 2000 год должна возрасти со 187 млн. до 254 млн. человек и составит 35 проц. пролетариата³.

Исследования, проведенные в различных странах мира, показывают, что трудящаяся женщина, выполняющая семейные обязанности, работает в неделю 80—90 часов. Она подвергается усиленной эксплуатации на производстве, будучи лишенной многих прав. Среди женщин-работниц обычно выше безработица. Так, по данным 1980 года, в странах ЕЭС насчитывалось около 3 млн. безработных женщин, что составляло почти 50 проц. всех безработных в этих странах⁴. Отсюда и усиление активности женского движения.

Коммунисты капиталистических стран решительно борются за равноправие женщин во всех сферах жизни общества, исходя из понимания тесной связи этой борьбы с революционным движением, с осуществлением коренных социальных преобразований. Во Французской компартии работой среди женщин занимаются специальные комиссии, которые существуют в ЦК, в большинстве федераций и в некоторых секциях. Как указывалось в Политической резолюции XXIV съезда ФКП, «массовое включение женщин в борьбу — это одна из исключительно важных перемен нашего времени. Мы — партия их освобождения, которая наложит отпечаток на новую, передовую цивилизацию... Исходить из их собственных требований, из их стремлений к равенству для того, чтобы одержать победу в борьбе за новые права, демократический прогресс и социализм и обогащать эту борьбу их оригинальным

¹ IX съезд Португальской коммунистической партии, с. 276.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 186.

³ См. Рабочий класс и современный мир, 1981, № 6, с. 61; *Egalité des chances et de traitement pour les travailleuses*. BIT. Genève, 1975, p. 7.

⁴ См. *Avantel*, 8. III. 1980.

вкладом, — такова суть нашей деятельности»¹. Германская компартия в своих документах также широко разъясняет коммунистам важность политической работы с женщинами. В заводских газетах, в специально подготовленных материалах компартия раскрывает большое значение участия женщин в борьбе за права рабочих. «Для того чтобы осуществить равноправие женщины, — говорится в Программе Германской компартии, — ГКП в первую очередь выступает за осуществление основного принципа: «Равная оплата за равный труд», за равенство женщин в получении образования, в труде, в продвижении по службе, а также за проведение в жизнь мер по устранению двойной нагрузки на женщин — на работе и в семье»². Компартия Великобритании проводит работу в Движении за освобождение женщин. Активно работают и компартии других капиталистических стран.

За последние годы многие партии приняли специальные документы о работе среди женщин, о более активном вовлечении их в революционную борьбу. И в этом деле также весьма полезен опыт большевиков, которые много сделали для обоснования значения женского движения. В. И. Ленин, исходя из анализа положения женщины при капитализме, разработал применительно к новым условиям эпохи принципиальные вопросы женского движения, раскрыл его соотношение и взаимосвязь с главными направлениями борьбы рабочего класса за демократию и социализм, показал формы и методы привлечения женщин к этой борьбе, научно доказал, что решение существенных аспектов женского вопроса возможно только на путях развития социалистической революции³.

Большевистская партия добилась больших успехов в привлечении женщин к революции. Уже в 1905—1907 годах русская женщина-работница — неизменный сотрудник во всех политических выступлениях пролетариата...⁴ Приведем лишь один пример. В Иваново-Вознесенской стачке 1905 года, продолжавшейся 72 дня, из 70 тыс. участвовавших было 11 тыс. работниц. В состав избранного стачкой Совета рабочих депутатов входило

¹ L'Humanité, 9. II. 1982.

² Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 275—276.

³ См., например, работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (Полн. собр. соч., т. 3, с. 229, 412—413, 443, 547—548), «Капитализм и женский труд» (т. 23, с. 136—137), «Мелкое производство в земледелии» (т. 23, с. 280—283), «Проект программы нашей партии» (т. 4, с. 224—225), «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» (т. 16, с. 79—80, 85—86), «Рабочий класс и неомальтузианство» (т. 23, с. 255—257), «Пятый международный съезд по борьбе с проституцией» (т. 23, с. 331—332), «Проект резолюции Международной женской социалистической конференции» (т. 26, с. 207—208), «Советская власть и положение женщины» (т. 39, с. 285—288) и др.

⁴ Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 286.

23 работницы¹. Особенно велика была роль женщин в Октябрьской революции. По словам В. И. Ленина, которые приводит Клара Цеткин, «в Петрограде, здесь в Москве, в городах и в промышленных центрах, расположенных в отдаленных от них местах, пролетарки держались во время революции великолепно. Без них мы не победили бы. Или едва ли победили бы»². Сегодня, когда массовое участие женщин в классовой борьбе является важной чертой нашей эпохи, возрастает значение опыта большевиков, их умелого привлечения женщин к активной политической борьбе.

Большую работу ведут в наши дни коммунисты по созданию и укреплению союза революционного рабочего движения с широкими массами *верующих*, союза, основанного на единстве интересов всех трудящихся (независимо от их религиозных убеждений) в антимонополистической и антиимпериалистической борьбе. Они исходят при этом из ленинских указаний по данному вопросу, из опыта воплощения их в жизнь в ходе трех российских революций.

Эта проблема имеет сегодня особое значение в тех странах, где, как, например, в Италии, Испании, ФРГ, во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки, значительное число трудящихся находится под идейным влиянием различных религий. Многочисленные факты показывают, что широкие массы верующих приходят к осуждению социальных несправедливостей буржуазного общества и к выводу о необходимости его глубокого преобразования. Коммунистические партии внимательно следят за этой эволюцией. Они считают, что борьба в защиту народных требований и за социализм требует совместных действий неверующих и верующих трудящихся на основе взаимного уважения.

Как показали события в Иране, религия — в данном случае ислам — может стать знаменем народной, антиимпериалистической революции. В этих условиях коммунисты, последовательно выступая как партия рабочего класса, стремятся сотрудничать со всеми революционными, демократическими силами, с тем чтобы плоды революции действительно достались трудовому народу, чтобы буржуазия, реакция не смогли использовать религиозный энтузиазм масс для укрепления своих позиций. Иранские коммунисты, действующие в ситуации ожесточенного противоборства революционных и реакционных сил, исходят из того, что «еще сравнительно долгое время Иран должен развиваться по пути революционно-демократического обновления, который обеспечит политическую и экономическую независимость страны, откроет перспективу проведения в жизнь коренных реформ в интересах трудящихся»³.

¹ См. Бильшай В. Решение женского вопроса в СССР. М., 1967, с. 46—47.

² Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О женском вопросе. М., 1971, с. 186.

³ Проблемы мира и социализма, 1980, № 4, с. 48—49.

Стремление коммунистов к сотрудничеству с верующими во имя мира и социального прогресса отражено в Документе Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы. В нем указывается: «Важную роль в борьбе за права трудящихся, за демократию и мир играют все более широкие католические силы, представители иных христианских религиозных общин и верующие других вероисповеданий. Коммунистические и рабочие партии сознают необходимость диалога и совместных действий с этими силами, что является неотъемлемой составной частью борьбы за развитие Европы в демократическом духе, в направлении социального прогресса»¹.

В условиях полной зрелости всего капиталистического общества для его революционной замены социализмом возрастает роль прочной системы союзов, объединяющей рабочий класс со всеми классами и слоями, которые самым течением жизни противопоставлены власти монополий. Это, как считал Ленин, непеременимое условие победы в революции. И здесь изучение опыта успешной деятельности ленинской партии по привлечению на сторону пролетариата всех оппозиционных реакции классов и слоев общества имеет непреходящее значение.

¹ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 33.

ПУТИ И ФОРМЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В. И. Ленин придавал исключительно большое значение разработке вопроса о средствах революционной борьбы, путях и формах развития революции. «...Мы видим свою задачу в том,— писал он,— чтобы помочь по мере сил правильной *теоретической* оценке новых форм борьбы, выдвигаемых жизнью; — в том, чтобы бороться беспощадно с шаблонами и предрассудками, мешающими сознательным рабочим правильно поставить новый и трудный вопрос, правильно подойти к его решению»¹. Ленин подчеркивал, что «необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции...»². Он говорил, что, идя на борьбу, мы должны желать победы и указать настоящий путь к ней³, с помощью пропаганды и агитации разъяснять пролетариату не только политическое значение, но и практическую организацию той или иной формы борьбы.

Три революции в России представляют своего рода опытный полигон, где были практически опробованы и проверены разнообразные средства и методы завоевания власти. Конечно, это разнообразие имело место и в революциях других стран. Но есть одно решающее обстоятельство, почему опыт трех российских революций имеет и в этом случае непреходящее значение: партия большевиков показала пример такой разработки и применения различных форм борьбы, такого их сочетания, которое впервые в истории обеспечило полную победу трудящихся.

Каковы основные методологические требования к рассмотрению вопроса о формах борьбы? Исчерпывающий ответ на этот вопрос мы находим в следующих словах Ленина:

«Во-1-х, марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 12.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 11.

³ См. там же, с. 45.

отношения к идущей массовой борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая неизбежность новых, неизвестных для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении *учится*, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий *учить* массы выдумываемым кабинетными «систематиками» формам борьбы...

Во-2-х, марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Попытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покидать совершенно почву марксизма»¹.

Опыт российских революций наглядно показал правильность ленинской тактики классовой борьбы — творческой, меняющейся в зависимости от конкретной ситуации, места и времени, от хода развития революции. В наши дни ленинские указания, практическое применение большевиками различных форм и приемов борьбы за революционный переход к социализму имеют неоценимое значение.

Не случайно и антикоммунисты, и оппортунисты всех мастей пытаются исказить ленинские мысли по данному вопросу, доказать невозможность использования опыта российских революций другими марксистско-ленинскими партиями, дать, в частности, одностороннее представление о взглядах коммунистов на формы борьбы. Известно, например, что длительное время буржуазные и мелкобуржуазные теоретики и политики, пытаясь отпугнуть от социализма широкие слои населения, обвиняли коммунистов в том, что они якобы принципиально не приемлют никаких других форм борьбы за социализм, кроме вооруженной. Теперь же, когда чилийским революционерам, стремившимся осуществить революционно-социалистическое преобразование своей страны преимущественно мирными средствами, в рамках действовавшей конституции, сделать это в результате фашистского переворота не уда-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 1—2.

лось, буржуазные идеологи и оппортунисты (особенно «левые») не прочь интерпретировать чилийские события как свидетельство «краха» всей современной стратегии и тактики коммунистических партий капиталистических стран. Причем в данном случае, как видим, эта стратегия и тактика изображается уже исключительно в духе мирного пути к социализму. Цель здесь двойная: с одной стороны, заявить о бесплодности и ошибочности новых выводов марксистско-ленинской мысли о расширении возможности относительно мирного пути развития революции, с другой — посеять в массах настроения безнадежности, политической апатии и пессимизма или толкнуть их на авантюристические действия, которые в итоге оборачиваются против масс. И совершенно очевидно, что лучшим опровержением этих явных извращений наших взглядов является сам научный, марксистско-ленинский анализ вопроса о формах и средствах борьбы за демократию и социализм.

Сегодня, как и раньше, в фокусе идейной борьбы и позитивной теоретической деятельности коммунистических партий находятся такие проблемы, как взаимосвязь между революцией и насилием, суть революционного насилия, содержание, значение и возможности мирного (невооруженного) и немирного (вооруженного) пути к социализму, а также сочетание мирных и немирных, легальных и нелегальных средств революционной борьбы. Исследование последнего вопроса представляет особый интерес, во-первых, потому, что практика говорит об определенном сближении мирных и немирных форм борьбы, во-вторых, потому, что иногда наблюдается тенденция (ошибочная, на наш взгляд, что мы и покажем ниже) искусственного разделения коммунистических партий на две категории — партии, идущие к социализму мирным путем, и партии, борющиеся за власть вооруженными средствами.

В рамках этих крупных, узловых вопросов немаловажное значение имеют и такие проблемы, как соотношение между мирным путем к социализму и немирной формой перехода к нему, возможности и пределы использования парламента и иных буржуазно-демократических учреждений в борьбе за социализм и др. Следует отметить, что не по всем из названных вопросов среди марксистов существует полное единство взглядов, что объясняется как объективными причинами (неодинаковыми условиями, в которых борются компартии), так и субъективными.

Рассмотрим эти актуальные проблемы в свете марксистско-ленинского учения и уроков трех революций в России.

Революционное насилие и диалектика форм борьбы

В истории международного рабочего движения отношение к революционному насилию всегда было своеобразной лакмусовой бумажкой, довольно точно определявшей

и проверявшей истинную позицию отдельных лиц, партий и социальных групп в классовой борьбе пролетариата. И в теории, и на практике в зависимости от различного решения этой проблемы происходит отчетливое разделение в рабочем движении на революционеров и реформистов.

В августе 1910 года в одном французском сатирическом журнале была помещена карикатура на Э. Бернштейна. И под ней надпись: «И никакого насилия, никаких революций! Социализм неизбежен, он наступит сам собой»¹. Трудно в короткой фразе еще точнее выразить суть правого ревизионизма, реформизма.

Не случайно именно вопрос о насилии резко обозначил в свое время водораздел в международной социал-демократии между сторонниками и противниками первой победоносной пролетарской революции в России.

Со времени Октябрьской социалистической революции идейные противники марксизма-ленинизма не перестают обвинять большевиков в том, что в борьбе за власть они прибегли к насилию. Более того, они заявляют, что применение насилия означает якобы отход от учения основоположников марксизма, нарушение принципов гуманности. Небезызвестный буржуазный социолог, профессор П. Сорокин, например, сводя революционное насилие к «анархии — стихийному разрушению всех основ старого общества», «бунтующему своеволию масс»², называл это изменой марксизму. Современный американский буржуазный историк С. Хук, фальсифицируя реальные факты, утверждает, что будто бы «в то время как, согласно Марксу и Энгельсу, диктатура пролетариата может быть установлена путем парламентской победы, по Ленину, революционная диктатура пролетариата — это власть, завоеванная и удерживаемая с помощью насилия пролетариата над буржуазией, власть, не ограниченная никакими законами»³.

К. Каутский, О. Бауэр и другие ревизионисты отрицали необходимость революционного насилия в борьбе за социализм и, прибегая к софизмам, утверждали, что, поскольку Октябрьская революция осуществлялась с применением революционного насилия, она-де не носила социалистического характера. Так, К. Каутский, упрекая большевиков в том, что они, мол, «отбросили за борт свои демократические принципы»⁴, предрекал крах революции в России только потому, что «пролетариат высказался за насилие как путь к власти»⁵. Он возводил отрицание вооруженного восстания в абсолютный принцип только на том основании, что оно-де «требует многочисленных жертв и ведет лишь к усилению

¹ См. История Второго Интернационала, т. II. М., 1966, с. 237.

² Крестьянская Россия (Ипра), 1923, № II—III, с. 140.

³ Hook S. Revolution, Reform and Social Justice. Studies in the Theory Practice of Marxism. Oxford, 1976, p. 88.

⁴ Kautsky K. Terrorismus und Kommunismus. Berlin, 1919, S. 133.

⁵ Kautsky K. Von der Demokratie zur Staatsklawerei. Berlin, 1921, S. 29.

тех насильственных мер, которыми государственная власть стара-
ется обеспечить свое дальнейшее существование»¹.

Каутскому и каутскианцам вторили русские меньшевики. Д. Далин, например, осуждал революционное насилие под тем предлогом, что оно якобы носит волюнтаристский характер, поскольку-де в России нет и долго еще не будет налицо ни объективных, ни субъективных условий для социалистической революции². А Потресов, отвергая революционное насилие пролетариата, его стремление свергнуть власть буржуазии, призывал социал-демократию «вспомнить, что она есть партия государственная, что если не будет государства, то не будет и предпосылки к ее развитию»³. Отсюда следовал вывод, что вместо свержения буржуазии рабочий класс должен, мол, «честно выполнять коалицию» с буржуазным временным правительством, не выдвигать «свои классовые требования», «наложить узды на свои инстинкты», пойти на «самоограничение в интересах государственного целого»⁴. Неприккрытая проповедь отказа от революционного насилия над буржуазией, перехода к чисто экономической, парламентской борьбе стала после победы Октября отличительной позицией и многих деятелей партии эсеров. Один из них, М. Вишняк, заявлял в начале 20-х годов, что левым силам во всем мире необходимо расстаться с революционным марксизмом, перейти на чисто реформистские позиции, что будто бы «от Маркса к Лассалю — такова та эволюция, которая все определеннее ставится в современном социалистическом сознании»⁵.

Противники большевиков говорили о возможности осуществить революцию без насилия, «по-демократически», мирным путем. Так, Бауэр в брошюре «Путь к социализму» предлагал провести мирную экспроприацию экспроприаторов, без конфискации их собственности⁶. Один из лидеров Лейбористской партии, Дж. Мак Гарк, заявлял в 1919 году, что лейбористы — прежде всего конституционалисты, верящие только в оружие большинства на выборах и отвергающие всякий иной путь борьбы за власть как насильственный⁷. Руководитель шведских социал-демократов Х. Брантинг призывал своих сторонников отказаться от всякой мысли о революционном насилии и терпеливо ждать, пока условия в обществе созреют достаточно для того, чтобы подавляющее большинство народа избирательным путем выразило свою волю к социалистическому преобразованию общества⁸. Австрийские социалисты в принятой в 1926 году в Линце программе партии

¹ *Каутский К.* Социалистический Интернационал и Советская Россия, с. 31—32.

² *Далин Д.* После войн и революций, с. 176.

³ *Потресов А. Н.* Посмертный сборник произведений, с. 255.

⁴ Там же, с. 260.

⁵ *Современные записки (Париж)*, 1922, № 3, с. 11.

⁶ *Bauer O.* Der Weg zum Sozialismus. Wien, 1920.

⁷ *Miliband R.* Parliamentary Socialism. London, 1975, p. 69.

⁸ *Tingsten H.* The Swedish Social Democrats. Totowa, 1973, p. 361.

осудили революционное насилие и обещали «руководить в стро-
гом согласии с правилами демократического государства»¹. Бель-
гийская рабочая партия возлагала в 20-х годах надежды на то, что
«продолжающаяся индустриализация вызовет рост электората со-
циалистического рабочего класса»² и что это без всякого насилия
приведет к переходу власти в руки пролетариата. Такие же на-
строения царили среди германских, датских, норвежских, гол-
ландских, финских реформистов.

Ту же линию ведут сегодня идейные наследники Каутского
и Бауэра — правое руководство СДПГ, СП Австрии, ряда других
партий, входящих в Социалистический Интернационал. «Постоян-
ное развитие демократии, демократизация являются для нас во-
площением нашей политической программы»³, — заявляет, напри-
мер, лидер австрийских социалистов Б. Крайский, возводя тем
самым понятие «демократия» в абсолют и противопоставляя ее
каким бы то ни было революционным переменам. Именно такой
подход характерен для социал-реформистов, которые всячески за-
тешивают элементы насилия, когда речь идет о борьбе за
власть мирными средствами, отрывают парламентские методы от
внепарламентских.

Подобные взгляды далеки от научного анализа вопроса о роли
насилия в истории. Во второй главе этот вопрос был рассмотрен
применительно к социально-экономическим преобразованиям.
Остановимся теперь на тех его аспектах, которые связаны с диа-
лектикой форм революционной борьбы.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что содержанием любой
революции, как буржуазной, так и социалистической, является
классовое насилие. «Насилие, — писал К. Маркс, — является пови-
вальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно но-
вым»⁴. Всякое антагонистическое общество держится на классо-
вом господстве, которое обязательно предполагает, подчеркивали
основоположники марксизма, систематически осуществляемое на-
силие одного класса, эксплуататоров, над другими — эксплуати-
руемыми трудящимися массами. В этом отношении функция
победоносной социалистической революции заключается в том,
что она кладет конец классовому насилию эксплуататорского
меньшинства, противопоставляя ему насилие эксплуатируемых
трудящихся классов. В ходе открытого, острого столкновения клас-
сов в революции решается вопрос о классовом господстве. По-
скольку классовый «мир» в буржуазном обществе держится

¹ *Lesor N.* «Austro-Marxism»: A Reappraisal. — *Journal of Contemporary History*, 1976, N 11, p. 133.

² *Mabille X., Lorwin V. R.* The Belgian Socialist Party. — *Paterson W. E., Thomas A. H.* (eds.). *Social Democratic Parties in Western Europe*. London, 1977, p. 392.

³ *Brandt W., Kreisky B., Palme O.* La social-démocratie et l'avenir. Paris, 1976, p. 221.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 761.

благодаря диктатуре господствующего класса, использующего разнообразные виды насилия — от физического до духовного, пролетариат может покончить с эксплуатацией лишь с помощью силы, давления, ведущего к падению власти капиталистов.

Мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о необходимости, характере и роли революционного насилия привлекли пристальное внимание В. И. Ленина. Он отстоял и развил их дальше, показал рабочему классу России и всего мира особое значение этого вопроса в эпоху империализма, империалистических войн и социалистических революций, в эпоху перехода от капитализма к социализму.

В. И. Ленин, разрабатывая вопросы стратегии и тактики борьбы пролетариата в демократической и социалистической революциях, всегда подчеркивал, что нельзя избавить народ от насильников без насилия по отношению к ним. «Без революционного насилия, направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, — категорически подчеркивал он, — невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров»¹. В 1918 году, после победы социалистической революции в России, Ленин отмечал: «Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн — войн империалистских, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистских держав... Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов — она началась, мы ее ясно видим, — это только начало»².

Из чего исходил Ленин, определяя объективную необходимость классового насилия со стороны трудящихся в социалистической революции? Ленин исходил из ее основных целей и задач: уничтожение капитализма, коренное изменение строя благодаря установлению политической власти рабочего класса, опирающегося на всех трудящихся, и переходу в общественную собственность всех основных средств производства и обмена. Совершенно ясно, что такой глубокий переворот, ведущий к полному уничтожению эксплуатации, в какой бы форме — вооруженной (немирной) или невооруженной (мирной) — он ни осуществлялся, может произойти лишь вопреки воле и желанию господствующего класса эксплуататоров, иначе говоря, *принудительным путем*.

Таким образом, Маркс, Энгельс, Ленин никогда не питали иллюзий о возможности какого-либо иного пути уничтожения эксплуатации, кроме революционного насилия. И в то же время они не раз заявляли, что «в нашем идеале нет места насилию над людьми»³. И между этими положениями нет никакого антагонизма,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 117.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 48.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 122.

никакой «тканевой несовместимости». Почему? Потому прежде всего, что классовое насилие пролетариата, трудящихся как способ утверждения их власти не самоцель, а ответ на гнет эксплуататоров, на их насилие над массами, на их сопротивление новой власти; оно выступает в качестве меры вынужденной, но исторически необходимой.

Это отчетливо подтвердили события всех трех российских революций, и особенно Октябрьской социалистической революции. Именно буржуазно-помещичье правительство положило начало жестокому, кровавому насилию над трудящимися в период первой русской революции, отдав приказ о расстреле мирной, безоружной манифестации с участием женщин и детей в Петербурге 9 января 1905 года, ставшего первым днем первой русской революции. 9 января, по приблизительным подсчетам, было убито и ранено около 4600 человек¹. В крови было потоплено Декабрьское (1905 год) восстание московского пролетариата, жестоко подавлялись крестьянские волнения. Общее число расстрелянных, повешенных или убитых к апрелю 1906 года, по приблизительным данным, превысило 14 тыс. человек. В тюрьмах томилось 75 тыс. заключенных. Большие жертвы понесла большевистская партия, мужественно боровшаяся в первых рядах трудящихся.

Буржуазия и ее прислужники оказали особенно упорное сопротивление рабочему классу после победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Именно они прервали мирное развитие этой революции, перераставшей в социалистическую, расстреляв 4 июля демонстрацию трудящихся и установив контрреволюционную буржуазную диктатуру. Именно буржуазия и пробуржуазные соглашательские партии меньшевиков и эсеров использовали все формы борьбы с пролетарской революцией вплоть до развязывания прямого контрреволюционного террора, а затем гражданской войны и иностранной интервенции. Но признанию видного эсера А. Аргунова, его партия сразу после победы Октября «главным образом вела антибольшевистскую борьбу»². Сходную позицию занимали и меньшевики. Как отмечал Л. Мартов в письме П. Аксельроду, опубликованном в 1921 году, меньшевики были готовы пойти на восстание против большевиков, если в России сложились бы благоприятные условия³. Известно, что и впоследствии, в период послеоктябрьского подъема революционного движения в других странах — Венгрии, Германии, Франции, Финляндии и т. д., вероломное насилие, террор, чудовищные репрессии были одним из главных средств борьбы буржуазии с пролетариатом, трудящимися, их политическими партиями и лидерами. Мрачным символом этого является, например, гнусное и зверское убийство в 1919 году вождей германского революционного рабочего класса К. Либкнехта и Р. Люксембург.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 227.

² Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919, с. 4.

³ См. Социалистический вестник (Берлин), 1921, № 8, с. 3.

Тем самым еще раз было показано, что в условиях борьбы антагонистических классов с научной точки зрения не стоит вопрос о том, применимо или нет насилие в этой борьбе.

Точно так же сам факт применения или неприменения насилия в классовой борьбе еще ничего не говорит о том, представляет ли это реакционную либо прогрессивную и демократическую меру. Насилие в современном обществе — понятие классовое. При оценке его содержания и роли недопустим абстрактно-морализаторский подход. Насилие по отношению к кому? В чьих классовых интересах? Только после ответа на эти вопросы марксист вырабатывает свое отношение к тому или иному акту насилия. Именно исходя из этих позиций, он выступает *за* революционное насилие (в той или иной форме) эксплуатируемых над эксплуататорами в процессе совершения социалистической революции. И именно поэтому он выступает *против* общих нравоучительных проповедей о том, что насилие, принуждение, гражданская война — это, мол, зло, независимо от того, кем и в каких целях применяется. Подобные взгляды (причем тоже независимо от того, кем и с какими субъективными намерениями они выдвигаются) в классово-антагонистическом обществе объективно лишь прикрывают систематически и в разных формах совершаемое насилие над трудящимися, способствуют его сохранению. И во всяком случае они не имеют ничего общего с марксизмом. «Марксист,— писал Ленин,— стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира. В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. В такие периоды марксист *обязан* стоять на точке зрения гражданской войны. Всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма»¹.

Нельзя здесь не подчеркнуть и такой момент. В истории рабочего движения бывали, к сожалению, и такие факты, когда нерешительность революционных сил перед лицом необходимости применения насилия, принуждения по отношению к классовому врагу приводила к неиспользованию революционной ситуации или даже к утрате завоеванных в революционной борьбе позиций. А это оборачивалось в конечном итоге для трудящихся не только зверскими массовыми репрессиями со стороны буржуазии, но и лишними десятилетиями гнета, страданий, нищеты. Известно, например, что одну из причин поражения Парижской коммуны Маркс и Энгельс видели в том, что коммунары были слишком нерешительны и непоследовательны в применении вооруженного насилия. «По-видимому, парижане будут побеждены,— писал К. Маркс В. Либкнехту 6 апреля 1871 года. — Это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *честности*... Они безрассудно не хотели начинать *гражданской войны*, как будто

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 8.

Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа, как будто Национальное собрание, призванное лишь для решения вопроса о войне или мире с пруссаками, не объявило немедленно войну *республике!*.. Чтобы избежать упрека даже в малейшем намерении противозаконно захватить власть, они потеряли драгоценные мгновения на выборы Коммуны, организация которых и т. д. опять-таки потребовала времени...»¹.

Не менее ярким примером недостаточной решительности революционных сил является и революция 1905 года в России. Глубоко не правы были меньшевики (вспомним печально знаменитую фразу Плеханова: «Не надо было браться за оружие»), пророчившие якобы неизбежное поражение революции и осуждавшие большевиков за участие в Декабрьском вооруженном восстании. Л. Мартов, например, усматривал единственный результат этого участия партии в восстании в том, что оно «переполнило каторжные тюрьмы сотнями ее членов и стоило жизни десяткам других...»². Не прав и другой меньшевистский деятель, Г. Аронсон, утверждающий, что революция 1905 года была заранее обречена на поражение³.

Реформистским и буржуазным идеологам вообще свойственно переоценивать силу российского самодержавия в тот период и недооценивать возможности революционных сил. Так, например, американский политолог, профессор Принстонского университета Р. Такер усматривает свидетельство мощи русского царизма в его «способности противостоять общенародному восстанию 1905 года»⁴.

Победа, однако, была возможна. Об этом свидетельствуют и сами достижения революционной борьбы. Фактом истории является и то, что в момент своего высшего подъема революция поставила царский режим на грань полного краха. Впоследствии один из деятелей царской жандармерии признавал: «Если бы... удар революционеров был немного сильнее и продолжительнее, то при том расстройстве, которое и тогда уже начало наблюдаться у нас, нам бы было не удержаться»⁵.

В. И. Ленин, глубоко и всесторонне изучивший опыт Парижской коммуны и революции 1905 года, сделал из этого необходимые выводы. Он, в частности, не допустил, чтобы в ЦК нашей партии накануне Октября возобладала точка зрения, которую активно пропагандировал Троцкий, что следует подождать с восстанием, с взятием силой власти до открытия съезда Советов. Ждать санкции съезда для придания «законности» власти в условиях, когда Временное правительство собирало силы, чтобы раздавить революцию, было равносильно ее поражению. Поучительны в этом отношении страстные слова Ленина из его последнего

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 168—169.

² Мартов Л. Указ. соч., с. 60.

³ См. Аронсон Г. Указ. соч., с. 174.

⁴ Foreign Affairs, Winter 1981/82, p. 417.

⁵ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 27.

перед восстанием «Письма членам ЦК»: «Изю всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс...

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей; даже своих лучших представителей, а не ждать их»¹.

Мы обращаем внимание на этот момент, в частности, потому, что порой и в некоторых современных марксистских исследованиях, в выступлениях публицистов в пылу идейно-теоретической полемики с нашими противниками или по другим причинам заметно стремление подчеркивать лишь вынужденность и нежелательность мер насилия в революционной борьбе со стороны идущего к власти пролетариата. Вольно или невольно акцент, делаемый только на этой стороне дела, может привести к искажению характера и сути революционного насилия, к неверным представлениям о его соотношении с понятием подлинной демократии, утверждаемой в ходе любой социалистической революции, совершаемой либо вооруженным, либо относительно мирным путем. Однако независимо от формы революции буржуазия добровольно, без классового принуждения со стороны пролетариата не отдаст ни политической власти, ни экономических привилегий. Этому учит опыт трех революций в России, опыт всех революций XX века, как победоносных, так и потерпевших поражение. Об этом еще раз напоминают чилийские события. «Развитие событий в Чили,— подчеркивал в этой связи член руководства Компартии Чили Р. Кастильо,— со всей очевидностью подтверждает марксистскую истину о том, что отживающие классы добровольно не отдают власть. Напротив, они зубами и ногтями цепляются за нее. Завоевание рабочим классом и народом части политической власти путем невооруженной борьбы абсолютно ничего не меняет в этом смысле»².

Поэтому мирный путь осуществления социалистической революции, за который на данном этапе борются многие компартии, не является (как полагают некоторые) *альтернативой* революционному насилию. Вопрос о мирном (невооруженном) пути революции касается лишь *форм проявления* классового насилия, способов завоевания пролетариатом власти. Ныне мирный путь к социализму иногда называют демократическим, имея в виду при этом, что он будет исключать вооруженное восстание, гражданскую войну. Однако, во-первых, никто из сторонников демократического пути не отрицает, что этот путь — тоже борьба, и не только парламентская (о чем более подробно пойдет речь

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435—436.

² Проблемы мира и социализма, 1974, № 7, с. 59.

дальше). А во-вторых, немирный, вооруженный путь социалистической революции, строго говоря, тоже является демократическим путем. И не только потому, что его цели в конечном счете отвечают интересам большинства народа, а вооруженное насилие направлено против эксплуататорского меньшинства, но и потому, что в этом процессе трудящиеся являются не объектами политики, а ее субъектами, активными творцами событий, форм организации общественной жизни; именно революция впервые в общенациональном масштабе развязывает творческую самостоятельность, инициативу широчайших масс, закладывает основы подлинной демократии. В то же время мирный путь революции, как мы уже отмечали, невозможен без применения в той или иной форме, в том или ином масштабе классового насилия. Следовательно, и классовое насилие и демократизм в равной мере (хотя и в различной форме) присущи как мирному, так и немирному пути революции.

Подчеркивая необходимость (и неизбежность) применения классового насилия со стороны пролетариата в ходе развития революционной борьбы и для ее успешного завершения, готовя к этому трудящихся, марксисты в то же время самым решительным образом выступают против абсолютизации насильственных средств борьбы или объявления их чуть ли не единственным средством классового воспитания масс, как это делали леворадикальные идеологи 60-х годов (Ф. Фано, Р. Дебре, Ж.-А. Сартр, Г. Маркузе и др.) и как это продолжают делать поныне левые экстремисты различных оттенков. Некоторые из них, например в Италии, заявляли, что «принцип вооруженной борьбы за захват власти является универсальным принципом революционной жизни»¹. Исходя из этого, они проповедовали «баррикадную тактику» и объявляли кратчайшим путем к социализму «максимальную политическую дезорганизацию режима и государства»².

Между тем насилие само по себе не является фактором, вызывающим революционную ситуацию или обеспечивающим непременно ее превращение в победоносную революцию. Абсолютизация насильственных средств характерна не для марксизма, а для его идейного противника — анархизма, сводящего революцию к голому насилию, разрушению. Г. В. Плеханов, раскрывая в начале 90-х годов прошлого века суть анархистских установок, писал: «Возьмем для примера какую-нибудь революцию: английскую революцию XVII века, или же французскую революцию XVIII века, 1830 и 1848 гг. В каждой из них мы откроем длинный, кровавый ряд насилий, восстаний, баррикад, вооруженных столкновений и резни. Вот эти-то насилия вводят анархистов в заблуждение, которое может быть сформулировано приблизительно так: «Так как в каждой революции совершаются насилия, то доста-

¹ Vettori G. La sinistra extraparlamentare in Italia. Storia. Documenti. Analisi politica. Roma, 1975, p. 307.

² Rosso S. Brigate rosse. Che cosa hanno detto, che cosa se ne è detto. Milano, 1976, p. 27.

точно прибегнуть к насильственным средствам, чтобы вызвать или ускорить революцию»¹.

Коренное отличие марксизма от анархизма в оценке роли насилия в революции следует особо подчеркнуть, поскольку как в прошлом, так и сегодня наши идейные противники предпринимают значительные усилия, пытаясь поставить между ними знак равенства, изобразить ленинизм как продолжение и воплощение на практике в новых условиях конспиративно-террористических традиций нечаевщины и ткачевщины. К. Каутский, например, утверждал, будто бы еще с 1903 года, т. е. с самого возникновения своей партии, большевики оправдывали «насилие — совсем в духе Нечаева»². С такими же обвинениями против Ленина выступал меньшевистский лидер П. Аксельрод, сравнивавший большевизм с ткачевщиной³. По его словам, большевики в течение 15 лет до революции добивались «бонапартистско-нечаевскими методами неограниченной диктатуры...»⁴. Другой видный деятель меньшевизма, И. Церетели, договаривался до того, что клеветнически приписывал Ленину намерение перенести «методы насилия, которые он проповедовал для захвата власти... и на международную арену в форме революционных войн с капиталистическими странами, чтобы повсюду на развалинах демократии установить диктатуру «революционных меньшинств»»⁵. Американский автор биографии В. И. Ленина Д. Шуб, в молодости связанный с российским революционным движением, тоже утверждает, что-де «неизбежная необходимость террора как средства сохранения диктаторской власти была очевидна для Ленина до революции»⁶.

Современные буржуазные и реформистские идеологи, продолжая попытки дискредитации ленинизма, по-прежнему отождествляют его то с якобинством, то с нечаевщиной, то с бланкизмом. Сотрудник Уэслианского университета в Миддлтауне (штат Коннектикут, США) Ф. Помпер заявляет, что «якобинская психология была хронической чертой всей русской революционности», и старается найти корни ленинизма в «заговорщической и террористической стратегии» Нечаева⁷.

Американский буржуазный историк Р. Пайпс тоже зачисляет Ленина в «беспорные якобинцы», который, мол, свой вытекавший из этого терроризм «своеобразно соединил с марксизмом, чтобы создать большевизм»⁸. Английский ученый Э. Мэстерс

¹ См. Плеханов Г. В. Соч., т. IV. М. — Пр., 1923, с. 252.

² Каутский К. Указ. соч., с. 10.

³ Аксельрод П. Б. Указ. соч., с. 221—222.

⁴ Социалистический вестник, 1921, № 3, с. 4.

⁵ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции, кн. 1, с. 375.

⁶ Shub D. Lenin: A Biography. New York, 1977, p. 344.

⁷ Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 26, Hf. 1 (Wiesbaden), 1978, S. 12, 14.

⁸ См. Pipes R. Struve. Liberal on the Left. 1870—1905. Cambridge (Mass.), 1970, p. 130, 141—142.

изображает тактику ленинизма, учение о вооруженном восстании и даже о создании партии нового типа как воплощение в жизнь бакунино-печаевских идей и практических действий¹. Стремление представить Ленина сторонником анархизма и терроризма свойственно и американскому политологу А. Уламу. В 1917 году, заявляет он, Ленин-де «стал практически сторонником анархизма», «связал марксизм с анархизмом», а в результате Октября большевики, мол, «углубили анархистский характер революции»². Ссылаясь на заговорщический и террористический опыт Печаева и Ткачева, как известно всегда осуждавшийся марксистами России, французский историк Д. Веннер утверждает, что именно ему «большевистское крыло обязано своей конценцией революции»³. «Преемниками якобинских традиций»⁴, сторонниками тотального насилия провозглашают марксистов-ленинцев лидер итальянских социалистов Б. Кракси и некоторые другие деятели социал-реформизма в Западной Европе.

Как же обстоит дело в действительности?

В. И. Ленин, исходя из опыта международного и российского революционного движения, требовал конкретно-исторического подхода к вопросу о роли насилия в революции, не рассматривал его как средство правомерное всегда и во всех случаях, коль скоро его применяют прогрессивные силы. Он ввел в марксистскую науку понятие необходимого насилия. «Есть условия, — отмечал В. И. Ленин, — при которых насилие и необходимо и полезно, и есть условия, при которых насилие не может дать никаких результатов. Бывали примеры, однако, что это различие не усваивалось всеми, и об этом говорить надо»⁵.

В соответствии с этим власть рабочего класса, рожденная Октябрем, делала все от нее зависящее, чтобы борьбу против контрреволюции направить в русло экономических, политических, но не вооруженных битв. На буржуазно-помещичьей реакции и международном империализме, а не на Советской власти лежит ответственность за террор, за гражданскую войну в России, за то, что взявшим власть трудящимся пришлось отстаивать ее с оружием в руках. Ленин отмечал: если бы Советское государство попробовало воздействовать на международный империализм, который поставил на карту все, чтобы подавить революцию, методом убеждения, словами, а не отвечало бы вооруженной борьбой на террор, навязанный ему Антантой, свергнутыми классами, белогвардейцами, интервентами, то Советская власть не продержалась бы и двух месяцев⁶.

¹ См. *Masters A. Bakunin. The Father of Anarchism. London, 1974.*

² *Ulam A. Op. cit., p. 168, 170, 171.*

³ *Venner D. L'Histoire de l'Armée Rouge, p. 6.*

⁴ *L'Espresso, 1978, N 34, p. 25.*

⁵ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 43.*

⁶ *См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 404.*

Все последующие революции XX века, независимо от того, были они мирными или немирными, показали, что буржуазия добровольно, без ожесточенной борьбы не отдаст ни политической власти, ни экономических привилегий. Пролетариат же, трудящиеся массы, наоборот, всегда считали более предпочтительными невооруженные средства борьбы. Но это, как известно, не зависит от желания только одной стороны.

Наконец, рассматривая вопрос о революционном насилии, нельзя не указать еще на один очень важный, но нередко предаваемый забвению даже представителями рабочего класса момент. Революционное насилие — это не насилие над волей народа, а по воле народа, не против большинства — рабочих, крестьян, других слоев трудового народа (такое насилие характерно для классово антагонистической общественной формации), а против меньшинства свергнутых классов, сопротивляющихся как раз народному большинству. Примеров, подтверждающих это, не говоря уже о революционной России, множество, начиная от Парижской коммуны, когда контрреволюционная буржуазия при поддержке интервентов навязала пролетариату гражданскую войну, в ходе которой потопила революционное движение, и кончая борьбой в Афганистане, Анголе, Никарагуа и других странах, где победившая революция на протяжении многих лет продолжает подвергаться вооруженным атакам со стороны внутренних и внешних врагов.

Таким образом, насилие для марксистов не самоцель и его применение далеко не всегда свидетельствует о действительной силе, нередко оно лишь прикрывает те или иные слабости движения. Известно, что еще Ф. Энгельс критиковал Е. Дюринга за стремление придать насилию самодовлеющий характер. В. И. Ленин, как мы уже отмечали, также связывал историческое развитие не с голым насилием, а с «материальной силой»¹. Без этого все призывы к «революционному насилию», о котором громко кричат ультралевые радикалы во всех капиталистических странах, выливаются не в революцию, а в анархистский бунт, обреченный на крах, способный лишь дезорганизовать и деморализовать рабочий класс. А иногда выступления ультралевых экстремистов, которые нередко вдохновляются и даже субсидируются реакцией, играют объективно роль силы, провоцирующей (и «оправдывающей») особо репрессивные действия крупной буржуазии против революционно настроенного пролетариата и его авангарда — коммунистических и рабочих партий.

Ярким примером такой провокационной деятельности, субсидируемой реакцией с целью подорвать единство левых, демократических сил, получить предлог для репрессий против них, служат политически бессмысленные акции итальянской террористической организации «Красные бригады». Имеются многочисленные

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 457.

доказательства тесных связей главарей этой организации с ультраправыми силами в самой Италии и с ЦРУ США. В странах Латинской Америки, как признавал американский политолог Дж. Фитч, ЦРУ на протяжении многих лет искусственно раздувает страхи местного офицества перед мифической «угрозой коммунизма», создавая и субсидируя на американские деньги «банды красных террористов»¹. Так зачастую обстоит дело с насилием, практикуемым ультралевыми экстремистами.

«...Только силой,— писал Ленин в начале первой русской революции,— могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация»². В связи с этим Ленин, большевики придавали огромное значение борьбе за войско, за привлечение на сторону пролетариата солдат и матросов, которые должны были составить вместе с вооруженными отрядами рабочих костяк революционной армии. Без наличия такой армии победа в революции невозможна — на этот счет у Ленина не было никаких сомнений. «...Если революция,— писал он,— не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе»³.

Величайшей заслугой Ленина была теоретическая разработка в рамках марксистско-ленинской концепции социалистической революции вопроса о роли вооруженных сил в борьбе за последовательную демократию и социализм, а также практическое его решение в ходе трех российских революций. Результатом претворения в жизнь большевиками этих ленинских идей стали крупные успехи в борьбе за армию еще в революции 1905 года. В то же время меньшевики, как признавал один из их лидеров, Ф. Дан, придавали работе в войсках и подготовке рабочей самообороны «гораздо меньшее значение, чем большевики. И в полную противоположность большевикам они с самого начала весьма настороженно отнеслись к тем «боевым дружинам», в которые превратились многие организации самообороны...»⁴. Огромную роль в обеспечении условий для победоносной социалистической революции сыграла настойчивая, целеустремленная работа большевиков среди солдатской массы в канун Октября. Успехи этой работы стали особенно очевидны после разгрома корниловского мятежа. Их вынуждены были признать даже откровенные враги ленинизма: «после корниловского выступления влияние большевиков в войсковых частях неуклонно возрастало»⁵.

Все последующее развитие революционного движения показало непреходящее международное значение и этой стороны лени-

¹ Fitch J. The Military Coup d'Etat as a Political Process. Baltimore, 1978, p. 118.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 338.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 372.

⁴ Дан Ф. И. Происхождение большевизма, с. 344.

⁵ Кирюшин Б. Т. Пути российской революционности. Франкфурт-на-Майне, 1959, с. 203.

пизма как науки и искусства революции. Более того, не рискуя ошибиться, можно утверждать, что ныне, когда гигантски разрослась и усовершенствовалась государственная машина эксплуататорского общества, и прежде всего его карательные органы — армия и полиция, значение данного вопроса возрастает. По-новому актуально звучат в этих условиях слова Ленина о том, что без «дезорганизации» армии, защищающей старое общество, ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может¹.

Практика показывает, что даже в тех случаях, когда революционным силам удастся привлечь на свою сторону большинство рабочего класса и беднейшего крестьянства, другие прогрессивно настроенные слои, они не могут одержать победу, если армия буржуазного государства выступит в поддержку реакции. Сказанное в равной мере относится как к тем партиям, которые, исходя из конкретных условий своих стран, стремятся осуществить революцию вооруженным путем, так и к тем, которые берут курс на мирный переход к социализму. Наглядный пример тому — события в Чили, где одной из важнейших причин поражения революции (особенно на последнем этапе) явилась позиция вооруженных сил, в борьбе за которые верх одержали не революционеры, а крайне реакционные, фашистские силы. «...И в условиях мирного развития революции,— отмечает Б. Н. Пономарев, обобщая некоторые уроки Чили с точки зрения перспектив современного революционного процесса,— ключевое значение имеет задача изъятия таких важнейших рычагов власти, как армия, из рук представителей старого режима и формирование нового государственного аппарата. Армии вне государства, армии вне политики нет и быть не может»².

С другой стороны, имеются и иные примеры, показывающие, что прогрессивная позиция, занятая армией и большей частью офицерского корпуса, может служить определенной гарантией для относительно мирного развития революции. Мы имеем в виду, в частности, Португалию.

Известно, что до демократического переворота 25 апреля 1974 года Португальская компартия, выступая против действий левоавантюристических групп, пытавшихся с помощью отдельных террористических акций и «ура-революционных» призывов поднять народ на свержение фашистской диктатуры, в то же время исходила из убеждения, что в конкретных условиях Португалии победа сил демократии возможна в конечном счете лишь путем вооруженной борьбы народа и прогрессивной части армии, борьбы, перерастающей в национальное восстание.

После апрельского переворота, а также победы демократических сил Португалии 28 сентября 1974 года ситуация стала иной, что позволило на внеочередном VII съезде ПКП поставить вопрос

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 295.

² Проблемы мира и социализма, 1974, № 6, с. 8.

о том, что некоторые конкретные особенности португальской демократической революции создают благоприятные возможности для мирного осуществления демократических, а затем социалистических преобразований в португальском обществе. Из числа этих особенностей А. Куньял особо выделял *союз народа и Движения вооруженных сил*, сложившийся в стране.

И впоследствии, когда ситуация в стране изменилась и на первый план выдвинулась задача защиты завоеваний революции, коммунисты стремились к укреплению этого союза. Не случайно в этот период, как указывалось на IX съезде ПКП, местная и международная реакция направила усилия на то, чтобы «искоренить дух 25 апреля в вооруженных силах, добиваясь упразднения или парализации Совета Революции, отстраняя или нейтрализуя военных, верных 25 апреля, устанавливая новую реакционную иерархию, которая поставила бы вооруженные силы не на службу демократии и национальной независимости, а сделала бы их гарантом восстановления власти монополий (связанных с иностранным империализмом) и латифундистов»¹.

Таким образом, современные события подтверждают актуальность опыта большевиков по привлечению армии на сторону революции.

Готовя массы к решительной схватке с царизмом, а затем и с буржуазией, большевики исходили из ленинского указания о том, что армия не может и не должна быть нейтральной. «Не втягивать армию в политику, — писал Ленин, — это лозунг лицемерных слуг буржуазии и царизма, которые на деле всегда втягивали армию в реакционную политику...»²

В ходе российских революций большевики добились значительных успехов в армии и на флоте, в объединении борьбы рабочих с революционными выступлениями солдат и матросов. Однако в революции 1905—1907 годов им не удалось все же сделать главного — перетянуть на свою сторону большую часть вооруженных сил, создать из нее костяк революционной армии. И это было, в частности, одной из важных, по оценке Ленина, причин поражения Декабрьского вооруженного восстания 1905 года.

С новой силой развернулась работа в войсках в период подготовки и осуществления второй и третьей революций в России. Этого требовали и сами условия первой мировой войны, когда в армии оказался «весь цвет народных сил»³, а ее значение в жизни предреволюционного российского общества, естественно, возросло.

Деятельность большевиков сыграла выдающуюся роль в революционизировании армии. В значительной мере благодаря этому во время Февральской буржуазно-демократической революции

¹ IX съезд Португальской коммунистической партии, с. 178—179.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 113.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 8.

большинство армии, состоявшей из рабочих и крестьян, твердо пошло за пролетариатом.

На этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую борьба за армию приобрела еще более важное значение. Во-первых, потому, что речь шла об углублении революционного процесса, который теперь направлялся против еще более искусного и хитрого врага — всевластия капитала; во-вторых, потому, что российская буржуазия (это *общая* черта реакционной политики буржуазии *всех* стран) активно пыталась использовать армию против революционных сил, задушить с ее помощью революцию. Борьба за войско велась в нелегких условиях тем более потому, что многие солдаты и матросы находились под влиянием мелкобуржуазных оборонческих идей, пропагандируемых эсерами и меньшевиками якобы в защиту революции. Задача же состояла в том, чтобы повернуть оружие против своей буржуазии, т. е. превратить империалистическую войну в войну гражданскую. Другого революционного выхода из войны не было. Деятельность большевистской партии непосредственно среди солдат на фронте, среди солдат и матросов Петроградского, Московского и других военных гарнизонов, дала блестящие результаты. Лучшая и всяма многочисленная часть вооруженных сил, сознательно пошедшая за большевиками, составила вместе с вооруженными отрядами рабочих ядро непобедимой революционной армии Октября, обеспечила победу восстания в Петрограде, а затем решительно встала на защиту и углубление революционных завоеваний, отразив при поддержке рабочего класса и беднейшего крестьянства все атаки контрреволюции.

Отмечая причины успеха и некоторые особенности борьбы большевиков за армию, П. Тольятти (Эрколи) говорил на VII конгрессе Коминтерна: «Поражение буржуазии и даже разложение буржуазной армии не есть еще победа революции. Большевики сумели превратить поражение буржуазии и разложение царской армии в победу революции только потому, что они были связаны с солдатскими и народными массами, потому, что их политическая линия выражала самые глубокие стремления этих масс.

Только большевики оказались способными выполнить задачу руководства массами в момент чрезвычайного напряжения всех классовых противоречий»¹.

Большевики выработали и практически испытали в трех российских революциях разнообразные формы организации вооруженных сил пролетариата для победы революции, ее закрепления и защиты: боевые дружины, вооруженные отряды рабочих в годы первой русской революции, рабочую Красную гвардию и

¹ *Эрколи*. О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. Доклад и заключительное слово. М., 1935, с. 101.

крестьянскую Красную гвардию в период Октября, Красную Армию в годы гражданской войны.

Как отмечал Ленин, Красная гвардия была ядром зарождавшейся армии первого в мире пролетарского государства, «зачатком *новой армии, организационной ячейкой нового общественного строя*»¹. Самой передовой и многочисленной в период свершения Октябрьской революции была петроградская Красная гвардия: в середине ноября 1917 года она насчитывала 30 тыс. красногвардейцев, а в декабре — до 60 тыс. К началу 1918 года отряды Красной гвардии имелись более чем в 400 городах и рабочих поселках и насчитывали свыше 200 тыс. красногвардейцев².

Ленинские идеи, опыт работы большевиков в вооруженных силах были, как мы это покажем ниже, успешно использованы и в победоносных народно-демократических революциях в 40-х и 50-х годах в Европе и Азии, а затем и на Кубе. Внимательное изучение вопроса о методах работы с военными, в том числе в офицерском корпусе, и сегодня является постоянной заботой компартий, других прогрессивных сил.

Это объясняется не только теоретически давно обоснованным в марксизме положением о необходимости слома в ходе социалистической революции или народной, демократической революции, ориентированной на социалистическую перспективу, государственного аппарата принуждения, созданного эксплуататорскими классами, но и некоторыми фактами современной жизни. Факты эти свидетельствуют, что в силу ряда причин в большом числе развивающихся стран возросла роль армии как относительно самостоятельной политической силы, она оказывается нередко в центре важных политических, в том числе и революционных, событий. По подсчетам профессора Оксфордского университета С. Файнера, за 20 лет (50—70-е годы) в мире произошло 155 военных переворотов, причем все, за исключением шести, за пределами Европы³. Некоторые политические обозреватели, ученые высказывают мнение, что данная тенденция может постепенно распространиться и на более развитую часть капиталистического мира. Порой это свидетельствует об усилении кастового характера армии в капиталистическом обществе, а следовательно, еще больше ослаблении связей армии с классами и социальными группами общества, из которых она состоит, а это используют реакционные силы. Но действуют, безусловно, и процессы иного рода. Большинство армии по своему социальному составу — представители трудящихся классов. Значение этого момента нельзя преувеличивать, но нельзя и преуменьшать. Так что и здесь огромную роль играет субъективный фактор — деятельность компартий.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 295.

² См. Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903—1917. М., 1974, с. 328—329.

³ U. S. News and World Report, November 19, 1979, p. 60.

Для марксистов-ленинцев очевидно, писал видный деятель международного и латиноамериканского коммунистического и рабочего движения Р. Арисменди, что включение военных в политическую борьбу — «это фактор национальной жизни, имеющий социальные корни... внутри движения военных существуют негативные, милитаристские тенденции, но имеются также глубинные элементы, которые могут привести к подлинному сплочению с народом в целях найти решение проблем национальной действительности»¹.

Коммунисты предлагают конкретные, необходимые меры по демократизации армии, ведут работу среди военнослужащих. «...Пока будут существовать вооруженные силы и соответствующие органы, — говорится в Программе Компартии Дании, — должна быть обеспечена их безусловная лояльность в отношении демократического строя. Вооруженные силы не должны передаваться под командование какой-либо иностранной державы, использоваться для выполнения полицейских функций или превратиться в наемную армию. Военнослужащим во время прохождения службы должны быть обеспечены демократические права»². Программа Компартии Греции предусматривает «определение вооруженных сил и органов безопасности на службу народу и отечеству, на защиту национальной независимости и неприкосновенности страны, на охрану народного суверенитета и демократических свобод народа»³. Германская компартия подчеркивает в своей Программе, что «бундесвер не должен быть инструментом агрессии против других народов и подавления собственного народа. Этому принципу должны соответствовать структура, вооружение, подготовка личного состава и цели бундесвера. ГКП поддерживает любые направленные на достижение этой цели инициативы со стороны солдат, унтер-офицеров и офицеров. ГКП требует воспитания солдат в духе мира и взаимопонимания между народами, требует прекратить культивирование милитаристских традиций. Она выступает за право солдат и вольнонаемных свободно принимать участие в политической жизни, в деятельности профсоюзов, в борьбе за социальные права»⁴.

А вот как ставится вопрос о роли армии в современной политической жизни и борьбе за революционное преобразование общества в Программе Компартии Венесуэлы: «Национальные вооруженные силы не находятся вне рамок ни социально-экономической структуры, ни различных современных источников идейно-политического влияния. Они представляют собой особый сектор нашего населения, но тоже подверженный воздействию классовой борьбы. Важно классовое содержание, которое придают им рабочие и крестьяне, призываемые в их ряды.

¹ Estudios, 1973, N 67, p. 10.

² XXV съезд Коммунистической партии Дании, с. 125.

³ X съезд Коммунистической партии Греции, с. 184.

⁴ Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 293.

Господствующие классы используют вооруженные силы как главную опору системы. Они стараются держать их в отдалении от политических, экономических и социальных реальностей страны и мира, чтобы насаждать в их рядах антикоммунистические и реакционные идеи и представить революционное движение как их врага...

Однако наряду с реакционными кругами в вооруженных силах существуют офицеры, унтер-офицеры и сержанты, придерживающиеся антиимпериалистических, демократических и прогрессивных взглядов. Их развитию содействуют перемены, происшедшие в Венесуэле и во всем мире, равно как и изучение национальной и международной действительности... КПВ высоко ценит значение вооруженных сил в борьбе за полную независимость, в защиту суверенитета и социального прогресса»¹.

Следует отметить, что усиление политической роли армии (которая может быть как прогрессивной, революционной, так и контрреволюционной) порождает иногда в странах Азии, Африки и Латинской Америки взгляд на нее как на силу, которую следует рассматривать наряду с другими классами и слоями, входящими в состав движущих сил революции, и даже как на авангард революции. Так, в зарубежной литературе можно иногда встретить заявления о том, что в странах, где вооруженные силы занимают патриотические, прогрессивные позиции, а их высший офицерский состав руководит государством, армия является «решающей и руководящей силой революции», в то время как «рабочий класс и крестьянство являются главными движущими силами», или что рабочий класс — это «вторая решающая сила» и т. д. Думается, что подобные положения неточны, вносят определенную путаницу в принятую в марксистской науке систему категорий. Из того факта, что армия в условиях таких стран выступает как относительно самостоятельная политическая сила (особенно в тех случаях, когда в стране слабы так называемые традиционные политические партии буржуазии и пролетариата), не следует, что ее можно рассматривать как силу, стоящую вне основных классов общества и независимую от них.

Таким образом, место и роль в ленинизме вопроса о необходимости привлечения на сторону пролетариата хотя бы части регулярной армии, причем достаточно большой и боеспособной, вытекают прежде всего из того, что революция независимо от той формы, в какой она протекает, может победить лишь тогда, когда она обладает вооруженной силой, способной преодолеть сопротивление эксплуататорских классов, противопоставить ему классовое насилие трудящихся, руководимых пролетариатом.

Сказанное, конечно, не означает, что революционное насилие сводится к применению или угрозе применения силы оружия.

¹ Partido Comunista de Venezuela. VI Congreso — 1980. Programa, p. 57—59.

Опыт российских революций показал, что революционное насилие может проявляться в различных формах: отдельные забастовки и гражданская война, всеобщие стачки и восстание, демонстрации и боевые партизанские действия, использование в интересах пролетариата парламентских учреждений, других легальных институтов буржуазно-демократического государства и насильственный захват фабрик и заводов, земельных угодий, уничтожение помещичьих усадеб и т. д. И совершенно очевидно, что иногда трудно провести резкую грань между названными разновидностями классового принуждения трудящихся, разделить их на «мирные» и «немирные» приемы революционной борьбы, ибо некоторые из них носят явно «пограничный», переходный характер между теми и другими. Однако все они представляют принуждение, ущемление (хотя в разной форме и мере) прав, привилегий господствующих классов, а потому, различая в теоретическом анализе и на практике две основные формы революционной борьбы (мирную и немирную), необходимо учитывать известную относительность такого деления. На это в наши дни обращают внимание многие коммунистические и рабочие партии.

Это тем более следует подчеркнуть, поскольку пролетариат, как мы уже отмечали, должен быть готов не только к простой смене одних конкретных средств борьбы другими, но и к тому, что в ходе развития революционного процесса в целом мирный и немирный пути революции взаимосвязаны, мирный путь может превратиться в немирный и наоборот. В этом также находит одно из проявлений диалектика форм революционной борьбы.

В. И. Ленин указывал, что «легальная борьба, парламентаризм и восстание взаимно связаны и неизбежно должны переходить друг в друга, смотря по изменению условий движения»¹. Именно такую связь продемонстрировало революционное движение в России, в других странах, в том числе и в наши дни. «Всякий согласится,— указывал Ленин,— что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. Но к политике это еще более относится, чем к военному делу. В политике еще меньше можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас. Не владея всеми средствами борьбы, мы можем потерпеть громадное — иногда даже решающее — поражение, если независимые от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы. Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем паверняка, раз мы представляем интересы действительно передового, действительно революционного класса, даже если обстоятельства не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 46.

позволят нам пустить в ход оружие, наиболее для неприятеля опасное, оружие, всего быстрее наносящее смертельные удары»¹.

Опыт революций в России учит, что умелое сочетание различных форм борьбы представляет главное условие победы. В современных условиях возрастает необходимость такого сочетания.

Тезис о многообразии форм революционной борьбы, об их диалектическом сочетании имеет основополагающее значение для коммунистических и рабочих партий. В то же время растущая потребность сочетания всех средств борьбы, определенное сближение в современных условиях путей развития революции не означают, что в теоретическом или практическом отношении снижается значение ленинского указания о необходимости выделения и исследования в рамках революционного процесса в целом двух его основных форм: невооруженного (мирного) и вооруженного (немирного) пути. Коммунистические и рабочие партии руководствуются этим указанием при разработке своей стратегии и тактики.

Рассмотрим подробнее как первый, так и второй путь борьбы.

Мирный (невооруженный) путь

Вопрос о мирном пути развития революции вообще и в связи с опытом трех российских революций в особенности — один из наиболее актуальных в современной борьбе идей, в теоретической деятельности братских партий. Трудно сразу назвать еще какую-нибудь проблему марксистско-ленинской теории и практики, которая подвергалась бы столь же многочисленным и разнообразным буржуазным и оппортунистическим искажениям, столь часто использовалась для «опровержения» марксистско-ленинской теории революции или «доказательства» ее «устарелости». Даже возросший в последние 15—20 лет интерес марксистов-ленинцев к исследованию названного выше вопроса наши противники пытаются повернуть в свою пользу.

Так, например, интенсивная разработка братскими партиями концепции о возможности мирного перехода к социализму изображается буржуазными идеологами как главное и чуть ли не единственное направление работы современной коммунистической мысли, которое якобы сближает коммунистов с социал-демократами. Но это весьма далекое от истины толкование. На самом деле речь идет, во-первых, о выдвинутом в свое время Марксом, Энгельсом, Лениным тезисе о мирном (т. е. без восстания и гражданской войны) пути социалистической революции. Они рассматривали его в качестве одной из возможных форм революционного перехода к социализму и в то же время всегда и категорически выступали против того, чтобы абсолютизировать те или иные формы или приемы борьбы или заранее объявлять противнику о том, какой из них будет применяться. «Маркс не связывал себе — и бу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 81.

душним деятелям социалистической революции — рук пасчет форм, приемов, способов переворота, — отмечал В. И. Ленин, — превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как *часто и сильно* будет она меняться в ходе переворота»¹. Во-вторых, речь идет о том, что в условиях нового соотношения сил на мировой арене, роста материального и идейного влияния стран социалистического содружества, успехов демократических сил во главе с рабочим классом в самих капиталистических странах существенно *расширились* возможности для мирной формы развития революции. Именно последний вывод и представлял действительно новый вклад коммунистического движения в вопрос о формах развития революции.

Следует отметить, что и в рамках международного рабочего движения существуют ошибочные взгляды по этому вопросу как право-, так и левооппортунистического толка. С одной стороны, здесь сказывается прямое или косвенное влияние буржуазной пропаганды; с другой — некоторые объективные процессы, получившие неверную трактовку. Мы имеем в виду то, что, подобно тому как в конце прошлого века «мирный период» развития капитализма, сопровождавшийся неуклонным ростом влияния социал-демократов, породил в их рядах реформистские взгляды о возможности «постепенного», без «потрясений» и революционного насилия перехода к социализму, точно так же и в наши дни объективное расширение возможности относительно мирного пути революции, длительный опыт использования преимущественно парламентских форм борьбы могут стать в определенных условиях питательной средой для различного рода конституционных или парламентских иллюзий, праворевизионистских взглядов. А они в свою очередь стимулируют деятельность всевозможных левооппортунистических, сектантских групп, признающих в качестве революционной формы лишь вооруженную борьбу.

Характерно, что и те и другие оппортунисты для обоснования своих воззрений нередко апеллируют к авторитету Маркса, Энгельса, Ленина, к опыту российских революций, давая ему одностороннее или просто фальсифицированное освещение. Все это также повышает значение марксистско-ленинского, научного анализа уроков трех революций в России для разработки вопроса о мирном пути перехода к социализму.

Буржуазные идеологи особенно много писали и пишут о «разрушительном характере» Октябрьской революции. Создавая впечатление, что социалистическая революция означает уничтожение материальных ценностей и человеческих жизней, они хотят дискредитировать саму идею коренных общественных преобразований. При этом они замалчивают, что гражданская война, повлекшая за собой действительно огромные разрушения и многочисленные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 304.

человеческие жертвы, как мы уже отмечали выше, была навязана народам России не большевиками, а внутренней и внешней контрреволюцией.

Что же уничтожила Октябрьская революция?

Она уничтожила старый строй — строй эксплуатации и насилия, а не экономику, культурные ценности и т. д.

Партия Ленина стремилась к осуществлению социалистической революции мирным путем. Это вытекало из самой сущности революции — создать условия для быстрого и всестороннего развития экономики и культуры. Большевики стремились не только сохранить, но и, главное, поднять на более высокий уровень экономический потенциал и культурное наследие, созданные народом в условиях старого общества. Поэтому они были заинтересованы в мирном пути революции и делали все возможное, чтобы идти к власти именно этим путем. «Рабочий класс, — недвусмысленно заявлял Ленин, — предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть...»¹

Оценивая таким образом классовый интерес пролетариата, Ленин, большевики исходили из высказываний основоположников марксизма. Приведем наиболее характерные из них. «...Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?.. — спрашивал Ф. Энгельс и отвечал: — Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать»². «Восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем»³, — говорил К. Маркс. И разъясняя свой тезис о возможности мирной революции в целом ряде стран, он указывал: «...надо считаться с учреждениями, правами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами»⁴.

В то же время основоположники научного коммунизма всегда указывали, что мирное развитие революции является хотя и наиболее желательным, но и весьма редким в истории явлением. И это относится, разумеется, не только к социалистическим революциям, но и к классическим буржуазным революциям, примером чего может служить Французская революция конца XVIII века, сопровождавшаяся, как известно, многочисленными человеческими жертвами.

Особые трудности для мирного завоевания власти рабочим классом сложились в период, когда капитализм вступил в империалистическую стадию. Эти трудности связаны с усилением реакции, совершенствованием аппарата подавления, бюрократизаци-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 264.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 331.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 635.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 154.

ей, ростом милитаризма. Ленин полагал, исходя из условий эпохи империализма и империалистических войн за передел мира, анализа конкретного соотношения классовых сил, что мирный путь может явиться лишь в виде исключения, однако этот факт ничуть не означает, что он, большевики-ленинцы не стремились направить революцию по такому пути.

Уже в 1905 году, когда были образованы Советы, возникла потенциально возможность для относительно мирного перехода власти в руки рабочих и крестьян. Конечно, для ее реализации нужны были определенные объективные и субъективные факторы. В 1905 году их не оказалось. Они сложились в России только после Февральской революции 1917 года, и тогда большевики начали разрабатывать более подробно мирный путь к власти.

В период после Февраля 1917 года большевики дважды ставили вопрос о мирном развитии революции (до июля 1917 года и непосредственно после разгрома корниловского мятежа в конце августа — начале сентября). Их позиция основывалась на всестороннем развитии идеи мирной революции и последовательной борьбе за ее осуществление.

Большевики считали возможным мирное установление народной власти и на буржуазно-демократическом, и на социалистическом этапе революции. Курс на мирное развитие революции и ее перерастание в социалистическую, выработанный Лениным после победы Февральской революции, предусматривал переход всей полноты власти к Советам, объединявшим представителей различных партий, создание временного революционного правительства рабочих и крестьян, утверждение их революционно-демократической диктатуры. Ленин рассчитывал, как мы уже отмечали, что внутри Советов будет происходить борьба между большевиками и представителями мелкобуржуазных партий, которая завершится созданием власти рабочего класса.

Какие предпосылки мирного перехода к власти Советов имелись в 1917 году? Ответ на этот вопрос представляет отнюдь не чисто исторический интерес. Он весьма поучителен в свете современных событий.

В. И. Ленин указывал, что после Февральской революции в условиях двоевластия «в виде исключения» власть могла перейти в руки Советов мирным путем. «...В России, — писал В. И. Ленин, — возможен переход власти к готовым учреждениям, к Советам сразу, мирно, без восстания...»¹

Из чего вытекала возможность мирного развития революции в России?

Во-первых. Имелась потенциально готовая форма диктатуры пролетариата в виде Советов, которые в тот момент по своему составу и сути представляли органы демократической диктатуры народа.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 304.

Во-вторых. На стороне Советов были отряды вооруженных рабочих, большая часть армии. Против Советов капиталисты не посмели бы выступить, они вынуждены были бы подчиниться им. «Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была *суть* дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции»¹.

В-третьих. В стране существовали такие демократические свободы, каких не было даже в самых демократических буржуазных республиках того времени. «В России, — писал Ленин, — теперь такая свобода, что волю большинства *можно* определять составом Советов рабочих и солдатских депутатов; значит, чтобы серьезно, не по-бланкистски идти к власти, пролетарская партия должна *бороться за влияние* внутри Советов»². Это создавало условия не только для мирного перехода власти в руки Советов, но и для того, чтобы борьба партий внутри Советов после перехода к ним всей полноты власти могла проходить наиболее мирно и безболезненно.

Как Ленин, большевики конкретно представляли себе в тот момент мирное развитие революции? Ввиду важности этого вопроса в свете современных дискуссий остановимся на нем подробнее.

Возможность мирного развития революции Ленин связывал прежде всего с поддержкой Советов подавляющим большинством населения России, состоявшего по преимуществу из мелкобуржуазных слоев. Такая поддержка могла быть обеспечена только на основе выдвижения и претворения в жизнь программы, отвечающей интересам этого большинства. В статье «Задачи революции» Ленин указал на основные требования такой программы: немедленное заключение перемирия и предложение об установлении демократического мира, передача помещичьей земли и инвентаря крестьянам, введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и потреблением, национализация банков и важнейших отраслей промышленности, осуществление мер по борьбе с голодом и разрухой. Ленин специально подчеркивал, что осуществление этих мер не отнимет «ни копейки собственности ни у средних крестьян, ни у казаков, ни у мелких ремесленников»³, а, наоборот, облегчит их положение.

Большевики исходили, таким образом, из того, что в сложившейся ситуации существовала объективная основа для союза пролетариата с мелкобуржуазными слоями против буржуазии и помещиков. В июле 1917 года издававшаяся в Москве большевистская газета «Социал-демократ» писала: «Несмотря на весь свой страх перед социалистическим пролетариатом, мелкая буржуазия все же заинтересована в дальнейшем развитии революции. Те причины, которые вызвали революцию, которые заставили мел-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 11.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 332.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 235.

кую буржуазию в февральско-мартовские дни пойти вместе с пролетариатом, до сих пор еще не устранены»¹. В случае если бы Советы взяли государственную власть и приняли предлагаемую большевиками программу, им, как подчеркивал Ленин, была бы обеспечена поддержка девяти десятых населения России, а в этих условиях «ни о каком сопротивлении Советам... не могло бы быть и речи»².

Но реализация объективных возможностей для создания большинства, достаточного для мирного продвижения революции, зависела в тот момент не только от большевиков, но и от мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров, которые хотя и теряли своих сторонников, но пользовались еще значительным влиянием, особенно в непролетарских слоях. Кроме того, они возглавляли ЦИК Советов. Поэтому «исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»³. В целях достижения такого союза большевики соглашались на создание правительства из меньшевиков и эсеров, подотченного Советам. Это означало компромисс, отказ от выставления немедленного требования установления диктатуры пролетариата. Но такой компромисс обеспечивал бы «мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой»⁴.

Большевики были уверены, что в условиях такой мирной борьбы, в условиях демократии они сумеют в конечном счете привлечь на свою сторону большинство народа. «Нам бояться, при действительной демократии, нечего, ибо жизнь за нас...»⁵ — писал Ленин.

Важно подчеркнуть, что, стремясь всеми силами обеспечить мирное развитие революции, Ленин, большевики никогда не выводили эту возможность в абсолют, всегда считались с тем, что соглашательская политика мелкобуржуазных партий может сделать неизбежным вооруженный путь борьбы. «Нельзя знать, — писал Ленин, — смогут ли теперь Советы пойти дальше вождей эсеров и меньшевиков, обеспечивая этим мирное развитие революции, или они опять будут топтаться на месте, делая этим пролетарское восстание неизбежным»⁶.

Поэтому партия готовила пролетариат к самой острой связанной с жертвами борьбе с буржуазией, которая может оказаться необходимым, хотя и менее желательным путем к победе.

¹ Социал-демократ, 1917, 29 июля.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 237.

³ Там же, с. 222.

⁴ Там же, с. 237.

⁵ Там же, с. 136.

⁶ Там же, с. 230.

Мирный период развития революции в России продолжался до разгона рабочей и солдатской демонстрации, проходившей в Петрограде 4(17) июля 1917 года. Он кончился не по вине большевиков, а по вине буржуазии, по вине меньшевиков и эсеров, превративших Советы в придаток Временного правительства, содействовавших расстрелу мирной июльской демонстрации¹. Начался немирный, наиболее болезненный, по словам Ленина, путь революции.

Вот как оценивал обстановку, сложившуюся в начале июля, В. И. Ленин. «Перелом 4 июля,— писал он в статье «К лозунгам»,— именно в том и состоит, что после него объективное положение круто изменилось... После 4 июля контрреволюционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелкобуржуазных эсеров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере... Суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять»².

Итак, после расстрела июльской демонстрации двоевластие в России кончилось; власть захватила реакционная буржуазия. Однако и после этого В. И. Ленин не раз указывал на желательность мирного развития революции. Диалектика этой проблемы заключается в том, что в ходе назревания и развития революции возможность мирного прихода к власти вновь может стать реальной (как это было, например, в России в период ликвидации корниловского мятежа), и поэтому партия всегда должна быть готова использовать ее. В статье «Русская революция и гражданская война», опубликованной 29(16) сентября в газете «Рабочий путь», В. И. Ленин писал: «Если можно осуществить союз городских рабочих с беднейшим крестьянством через немедленную передачу власти Советам, тем лучше. Большевики *все* сделают, чтобы этот *мирный* путь развития революции был обеспечен»³.

Через несколько дней в той же газете в статье «Задачи революции» В. И. Ленин с новой силой подчеркивал: «Наше дело — помочь сделать все возможное для обеспечения «последнего» шанса на мирное развитие революции, помочь этому изложением нашей программы, выяснением ее общенародного характера, ее безусловного соответствия интересам и требованиям гигантского

¹ Характерно, что, расстреляв мирную демонстрацию, русская буржуазия и ее политические прислужники тут же стали трубить о том, что они якобы ликвидировали большевистский заговор. В буржуазных газетах аршинными буквами пабирались заголовки о разгроме вооруженного выступления большевиков и т. д. и т. п. Этот лицемерный, демагогический прием и впоследствии не раз применялся (и применяется) международной реакцией. Ныне даже палач чилийского народа фашистский генерал Пиночет порой рассуждает о том, что массовые расстрелы патриотов совершаются для защиты... демократии.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 12—13.

³ Там же, с. 228.

большинства населения»¹. И далее: «...пролетариат всемерно поддерживал бы Советы, если бы они осуществили последний их шанс на мирное развитие революции»².

О желательности использовать мирные средства для достижения победы В. И. Ленин писал и за 24 дня до начала вооруженного восстания. В письме в ЦК, МК, ПК и большевикам — членам Советов Петрограда и Москвы, датированном 1 октября по старому стилю, великий вождь пролетариата указывал: «Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся»³. Но обстановка в стране была уже иной, чем даже месяц назад. «...Конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции»⁴, — отмечал Ленин. Перелом этот заключался в том, что массы мелкой буржуазии, поддерживавшие меньшевиков и эсеров, отвернулись от этих партий и пошли за большевиками. Что позволило Ленину сделать этот вывод?

В ленинском анализе ситуации, сложившейся к сентябрю 1917 года, учитывались результаты выборов, проведенных в августе в Петрограде и в сентябре в Москве. На выборах в Петрограде доля большевиков в общей сумме избирателей поднялась с 20 до 33 проц., а на выборах в московские районные думы — с 11 примерно до 50 проц. Но Ленин был далек от того, чтобы обосновывать свой вывод только результатами голосования. Он приводил факты, которые гораздо убедительнее, чем результаты выборов, говорили об образовании большинства, готового поддержать революцию, а затем обеспечить и закрепление ее победы. С фронтов войны шли вести о том, что большевистские идеи быстро захватывают умы солдатских масс. Большая часть крестьянских Советов по всей России высказывалась против навязывавшейся эсерами и меньшевиками правительственной коалиции с буржуазными партиями, т. е. заняла в этом вопросе такую же позицию, что и большевики. В центре России разрасталось крестьянское восстание, которое означало поддержку революции не декларациями, не голосованием, а делом. Наконец, Ленин учитывал размежевание в партии, претендовавшей на представительство интересов крестьянства — самого многочисленного класса России, — партии эсеров, где левое крыло склонялось к защите Советской власти, если она будет завоевана. «Что вместе с левыми эсерами мы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 230.

² Там же, с. 238.

³ Там же, с. 341.

⁴ Там же, с. 272.

имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и в стране, в этом ни тени сомнения быть не может»¹, — писал Ленин.

В этих условиях мирное осуществление лозунга «Вся власть Советам!» означало бы непосредственно установление социалистической власти, диктатуры пролетариата, а не революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как было в период с февраля до 4 июля 1917 года. Завоевав большинство в народных массах, большевики имели все основания стать ведущей правительственной партией. Однако и в тот момент Ленин не абсолютизировал возможности мирного взятия власти. «Если нельзя взять власти без восстания, надо идти на восстание *тотчас*»², — указывал он. Но в любом случае народная поддержка, по мнению Ленина, гарантировала большевикам успех: «Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно»³. И действительно, Октябрьский переворот в Петрограде прошел без большого кровопролития. Из воспоминаний и исторических документов известно, что при штурме Зимнего дворца потери были весьма незначительны. Ф. Э. Дзержинский говорил, что «в Петрограде переворот произошёл почти бескровно и гражданская война началась только с того момента, когда Керенский повел обманутые им войска на Петроград»⁴. По подсчетам некоторых исследователей, непосредственно во время восстания было убито 8—10 и ранено приблизительно 50 человек⁵, т. е. жертв было меньше, чем во время Февральских событий 1917 года, приведших к падению самодержавия. И этот факт, кстати говоря, сводит на нет все попытки буржуазных фальсификаторов истории русских революций противопоставить «заговорщический» и «кровавый» Октябрь «демократическому» Февралю⁶.

Вместе с тем следует отметить, что нельзя путать относительно бескровно осуществленное свержение с помощью восстания Временного правительства в Петрограде 25—26 октября, положившее начало утверждению социалистической власти, с самой социалистической революцией. Так, в результате яростного вооруженного сопротивления буржуазии, нежелания добровольно передать власть в руки Советов, хотя в их распоряжении было вдвое больше сил, восстание в Москве носило более затяжной и кровопролитный характер⁷. Это относится и к ряду других городов и населенных пунктов.

Все это еще раз показывает, насколько гибко, не шаблонно умел В. И. Ленин строить революционную тактику, как настой-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 279.

² Там же, с. 341.

³ Там же.

⁴ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения, т. I. М., 1977, с. 166.

⁵ См. Милу И. И. Октябрьская революция и тактика большевиков. — Советская наука, 1939, № 41, с. 42.

⁶ См., например, Laran M. Russie — USSR. 1870—1970. Paris, 1973.

⁷ См. Логинов А. Кремлевское время. М., 1972, с. 51—59.

чиво боролся за то, чтобы использовать все условия для осуществления более бескровной победы социалистической революции. Но этот путь был закрыт наступлением контрреволюции, предательством меньшевиков и эсеров, их пособничеством буржуазии, которая принимала все меры к разгрому революции. Поэтому пролетариат, действуя в интересах подавляющего большинства населения, вынужден был выступить с оружием в руках и с помощью восстания установить Советскую власть.

Сравнительно легкая, относительно бескровная на первых этапах политическая победа пролетариата была обеспечена благодаря огромной работе, проведенной большевистской партией в предшествующее время, благодаря тому, что массы, организованные в Советы, ставшие по сути большевистскими, действовали сознательно, смело и решительно, а «неприятель — буржуазия — был, как говорил В. И. Ленин, подкопан, подорван, размыт длинным политическим периодом с февраля по октябрь, точно кусок льда весенней водой, и уже внутренне был совершенно обессилен»¹.

Догматики, отрицающие возможность мирного завоевания власти пролетариатом, утверждают, что в истории не было подобных precedентов. Однако простая ссылка на исторические precedенты — это еще не аргумент. Стоять на такой позиции — значит по существу отрицать возможность возникновения каких-либо принципиально новых общественно-исторических явлений. Это во-первых. А во-вторых, такие precedенты были. О возможности мирного завоевания власти пролетариатом говорит, например, опыт Венгерской революции 1919 года. В стране тогда сложилось чрезвычайно благоприятное для пролетариата соотношение сил. В ходе борьбы против буржуазной диктатуры трудящиеся брали в свои руки руководство все новыми заводами, в деревнях беднота захватывала крупные поместья, во многих городах и ряде областей страны административная власть перешла к рабочим Советам. Правительство Венгрии, не имея возможности справиться с нарастающим в стране революционным кризисом, добровольно подало в отставку. Фактическим руководителем правительства стал вождь венгерских коммунистов Бела Кун. «Тов. Бела Кун, — отмечал В. И. Ленин, — наш товарищ и коммунист, полностью прошедший практический путь большевизма в России, когда я с ним разговаривал по радио, говорил: «У меня нет большинства в правительстве, но я одержу победу, потому что массы за меня, и созывается съезд Советов». Это — всемирно-исторический переворот»².

Горячо приветствуя Венгерскую революцию, В. И. Ленин особое значение придавал тому обстоятельству, что провозглашение Советской власти здесь было осуществлено мирным путем. «...Переход к советскому строю, к диктатуре пролетариата был

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 43.

² Там же, с. 260.

в Венгрии несравненно более легким и мирным»¹. В. И. Ленин, сравнивая путь революции в России и Венгрии, говорил, что пример Венгрии будет иметь решающее значение².

Однако в силу ряда причин объективного и субъективного характера, которые разбираются в других местах книги, революция в Венгрии потерпела поражение.

О возможности мирного завоевания власти говорит опыт стран народной демократии Центральной и Юго-Восточной Европы. В Чехословакии, Венгрии, Румынии и в других странах пролетариат под руководством коммунистических и рабочих партий обеспечил перерастание демократической революции в социалистическую в основном мирным путем. Нельзя согласиться с мнением, что возможность мирного пути к социализму отрицал И. В. Сталин. В 1946 году он ориентировал на такой путь, в частности, коммунистов в Чехословакии. К. Готвальд, излагая на заседании ЦК КПЧ в конце сентября 1946 года взгляды И. В. Сталина на вопросы перехода к социализму стран Центральной и Юго-Восточной Европы, отмечал его мысль о том, что в условиях послевоенного сотрудничества союзников и поддержки значительным большинством рабочего класса идей социализма, в условиях фактически начавшегося перехода к социализму ряда европейских стран возможен переход к социализму без советской формы диктатуры пролетариата, на основе постепенного, мирного осуществления социалистических преобразований³.

При жизни Сталина разрабатывалась и принятая в 1951 году программа «Путь Британии к социализму», где также говорилось о мирном пути. Сталин по просьбе руководства Компартии Великобритании просмотрел проект этой программы и отозвался о ней одобрительно⁴. Важнейшую роль здесь сыграло то обстоятельство (и мы это подробнее разберем в следующей главе), что репрессивные органы эксплуататорского государства, прежде всего армия, полиция, были уничтожены на предшествующем этапе благодаря победам Советской Армии над фашизмом, а в названных странах находились в это время части Советской Армии, что сдерживало вооруженное сопротивление контрреволюции.

Вместе с тем очевидно и то, что реальные условия, в которых, как показывает опыт, может происходить мирное развитие революции, не имеют ничего общего с теми условиями мирного пути, о которых говорили и говорят оппортунисты. Так, К. Каутский (подобно Р. Гароди) видел предпосылки мирного развития ре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 384.

² См. там же, с. 261—262.

³ См. о беседах И. В. Сталина с К. Готвальдом в газете *Rudé Právo*, 26.IX.1946.

⁴ Об этом информировал некоторых английских коммунистов тогдашний Генеральный секретарь КПВ Г. Поллит, беседовавший со Сталиным. Среди этих коммунистов был и Дж. Гиббонс, позднее представитель КПВ в журнале *Проблемы мира и социализма*, который и сообщил автору книги рассказ Г. Поллита.

волюции исключительно в простом расширении демократии в буржуазно-демократических странах, считая, что она будет осуществляться с помощью законодательных изменений в области экономики и даже морали¹.

Абсолютизируя мирный, невооруженный путь борьбы и провозглашая, что-де «мирный путь — всегда наилучший, требующий наименьших жертв...»², Каутский безапелляционно заявлял, касаясь вопроса о вооруженных восстаниях, что, мол, «при современном состоянии военной техники и средств сообщения подобные восстания не имеют шансов на успех»³. Лидер шведских социал-демократов Х. Брантинг, связывая все надежды на социалистическое преобразование общества с медленными, демократическими реформами, уповал на то, что «высший класс будет уважать народную волю, даже если это потребует ликвидации его собственных привилегий»⁴.

Эта слепая вера в чудодейственность буржуазной демократии, в способность на базе ее добиться и обуздания реакции и социалистических преобразований общества была характерна и для воззрений российских мелкобуржуазных революционеров и социал-реформистов. Один из руководителей партии эсеров, М. Гоц, так, например, характеризовал значение царского манифеста 17 октября 1905 года: «...со старым режимом кончено. Это — конституция, это — конец абсолютизма, это — новая эра»⁵. Возлагая надежды на то, что после манифеста в России «суждено упрочиться эре политической свободы», другой видный деятель эсеровской партии, Н. Ф. Анненский, заявлял о том, что-де «в демократической государственной среде все проблемы социализма становятся эволюционными»⁶.

Столь же утопическая оценка роли и значения демократии как главного и единственного пути развития революции свойственна эсерам и меньшевикам в период, последовавший за свержением царизма в феврале 1917 года. Вот как ее излагал, например, один из руководителей меньшевизма — П. Аксельрод: «На расчищенной таким образом почве революция должна была развернуть свое положительное творчество: утверждение демократической республики на основе широчайшей политической свободы... Руководящая роль в революционном процессе, выпавшая по особым социально-историческим условиям России на долю рабочего класса, делала возможной такую радикальную постановку революционных задач и открывала широчайшие перспективы дальнейшего

¹ См. *Каутский К.* Диктатура пролетариата. Киев, 1920, с. 31.

² *Каутский К.* Социалистический Интернационал и Советская Россия, с. 8.

³ Там же, с. 30.

⁴ *Tingsten H.* Op. cit., p. 261.

⁵ Цит. по: *Чернов В.* От «Революционной России» к «Сыну Отечества». — *Летопись революции* (Берлин), кн. I, 1923, с. 75.

⁶ Там же, с. 88.

развития русской демократической революции...»¹ Условие такого развития событий раскрывал другой крупный деятель меньшевизма того периода, Г. В. Плеханов, заявлявший, что задача левых партий в России якобы заключается только в упрочении позиций, добытых Февральской революцией. «Для решения этой задачи,— писал он,— они должны не низвергать временное правительство... а дружно поддерживать его»².

В. И. Ленин допускал в рамках мирного развития революции возможность постепенной экспроприации экспроприаторов без немедленной и полной конфискации средств производства, с их выкупом — в условиях абсолютной прочности победы пролетариата, абсолютной безнадежности положения капиталистов, абсолютной необходимости и готовности добросовестно подчиниться пролетариату. Вот как представлял Ленин обстановку, в которой возможен «упорядоченный» переход к социализму: «...допустим, что в девяти странах, в том числе во всех великих державах, Вильсоны, Ллойд Джорджи, Мильераны и прочие герои капитализма находятся уже в таком положении, как у нас Юденич, Колчак и Деникин с их министрами. Допустим, в десятой маленькой стране после этого капиталисты предлагают рабочим: давайте, мы вам добросовестно поможем, подчиняясь вашим решениям, провести «упорядоченную» и мирную (без разрушений!) «экспроприацию экспроприаторов», получая за это первый год $\frac{5}{9}$ прежнего дохода, второй год $\frac{4}{9}$.

Вполне мыслимо, что в указанных мною условиях капиталисты десятой страны такое предложение в одной из наиболее маленьких и «мирных» стран сделают, и ровно ничего худого со стороны рабочих этой страны не будет, если они это предложение деловым образом обсудят и (поторговавшись: купец без запроса не может) примут»³.

Если мирное развитие революции было возможным в начале XX века, то оно тем более возможно в наше время.

Во-первых, потому, что силы социализма и демократии во всем мире значительно выросли и окрепли. Рабочий класс, руководимый марксистско-ленинскими партиями, способен сплотить вокруг себя многомиллионные массы, недовольные политикой монополий, подчинивших себе буржуазные государства, и, создав перевес в силах, заставить буржуазию капитулировать, не доводя дела до гражданской войны.

Во-вторых, великим фактором поддержки трудящихся капиталистических стран является мировая социалистическая система, рост ее могущества. Трудящиеся знают, что, придя в той или иной стране к власти, они имеют возможность опереться на экономическую и моральную помощь социалистических государств.

¹ Социалистический вестник, 1923, № 5 (27), с. 1.

² Плеханов Г. В. Год на родине, т. 1, с. 33.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 138.

В-третьих, возросли возможности предотвращения или ограничения контрреволюционной интервенции. Она была предотвращена в восточноевропейских странах, в Китае, сорвана в Северной Корее, Северном Вьетнаме, на Кубе, в Лаосе, Кампучии. Ныне, как уже отмечалось, эти возможности еще больше возросли благодаря изменению соотношений сил в мире в пользу социализма.

В-четвертых, буржуазия в гораздо большей степени, чем раньше, опасается, что прямое вооруженное вмешательство, применение силы могут еще больше дискредитировать ее в глазах масс.

Вместе с тем сказанное, конечно, не означает, что империализм откажется от контрреволюционного вмешательства, когда развитие событий будет угрожать его господству. Напротив, как показывает опыт Чили и других стран, он разрабатывает различные, в том числе и более изощренные и замаскированные, чем прямая интервенция, формы вмешательства в дела народов, борющихся за демократию и социализм. И надо уметь им противостоять.

Начиная со второй половины 50-х годов в международном коммунистическом движении, как мы уже отмечали, особенно широко и интенсивно развернулось изучение возможностей мирного пути революции. Тезис о возможности мирного перехода к социализму всесторонне освещен в документах Совещаний коммунистических и рабочих партий 1957, 1960 и 1969 годов. В настоящее время многие братские партии считают возможным сравнительно мирный путь развития революции в своих странах и на основе этого строят свою деятельность. К этим партиям относятся прежде всего компартии Западной Европы, США, Канады, Японии, Индии и некоторых других государств.

Разумеется, сегодня уже недостаточно признания одной только возможности мирного пути развития революции, разработки и пропаганды общей концепции мирного перехода к социализму, ибо в основных своих чертах такая концепция изложена в трудах классиков марксизма-ленинизма. Речь идет о ее дальнейшем развитии посредством конкретизации применительно к современным условиям, о разработке тех частей, деталей этой концепции, которые самым ходом событий выдвигаются сегодня на передний план, находятся в фокусе идейно-теоретической борьбы. Буржуазные и реформистские теоретики грубо искажают положение дел, когда утверждают, что стремление компартий капиталистических стран к мирному пути к социализму будто бы означает отказ от принципиальных позиций, отход от марксизма-ленинизма. На этом основании они делают партии на «реформистские» и «традиционные», говорят о «многополусном» коммунизме. Все это делается с целью вбить клин между компартиями разных стран, разорвать или хотя бы ослабить связывающие их узы солидарности.

Лидер австрийских социалистов Б. Крайский заявил, например, что компартии «под давлением развития» якобы вынуждены отказываться от «любимых формул» и что это является, мол,

«признанием слабости коммунизма в Европе». Сейчас, сказал он, крупные коммунистические партии становятся-де сторонниками той политической демократии, о которой в прошлом они привыкли говорить «только самое плохое»¹.

Но каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей коммунистического движения и его современным состоянием, знает, что коммунисты всегда были и остаются самыми последовательными борцами за политическую демократию. Другое дело, что они указывали и указывают на ее неизбежно ограниченный характер в условиях капиталистического общества. Так что ни от каких «любимых формул» они не отказываются.

Далее. Ориентация на мирное развитие революции сама по себе не означает и не может означать никакого «поворота» в политике компартий, никакого «разрыва с прошлым». Речь идет о поисках путей практического воплощения в жизнь того, что уже давно предсказано теоретически и подтверждено практикой. Понятно, что при этом компартии учитывают и изменения, происшедшие в мире, и особенности современного этапа общего кризиса капитализма, и конкретную расстановку классовых сил в своих странах. Однако принципиальные основы ленинской концепции мирного развития революции сохраняют свою силу. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим, как ныне подходят компартии к данному вопросу, и сравним этот подход с ленинским.

Обосновывая возможность мирного взятия власти рабочим классом и его союзниками, компартии указывают на те благоприятные факторы международной обстановки, о которых речь шла выше. Как подчеркивалось на XXIV съезде Французской компартии, реальностью современной эпохи является то, что «классовая борьба идет во всемирном масштабе. Первостепенную роль в ней играют социалистические страны. Своим весом и влиянием в мире они препятствуют поджигателям войны прибегнуть к ядерной авантюре. Они добились, не без труда, чтобы в международных отношениях установилось мирное сосуществование. Они являются, стало быть, гарантией мира»².

Если мы обратимся к ленинской концепции мирного развития революции, то увидим, что Ленин тщательно анализировал международные условия ее осуществления. В частности, в статье «Задачи революции» он пришел к выводу, что Советы, взяв государственную власть и предложив демократический мир, будут пользоваться поддержкой угнетенных классов других стран и это, а также межимпериалистические противоречия сделают затруднительным иностранное военное вмешательство³.

Таким образом, и 60 лет назад, и сегодня коммунисты, определяя пути развития революции, принимают в расчет международ-

¹ Europäische Rundschau, 1976, N 4.

² L'Humanité, 4. II. 1982.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 232—234.

ную обстановку. Новым является не сам подход, а то обстоятельство, что ныне расстановка классовых сил в международном масштабе значительно более благоприятна для осуществления перехода к социализму невооруженным путем.

Одним из условий успеха революционных преобразований мирным путем компартии считают поддержку этих преобразований большинством народа. Вот, например, как ставят этот вопрос коммунисты ФРГ. *«Осуществление поворота к демократии и социальному прогрессу,— говорится в Программе ГКП,— ведет к ослаблению монополистического капитала, способствует укреплению единства действий рабочего класса, ведет к созданию широких демократических союзов. Такой поворот означает ощутимое изменение соотношения сил внутри страны в пользу рабочего класса и других демократических сил, создает реальные предпосылки для того, чтобы трудовой народ нашел в себе силы и решимость добиться глубоких антиимпериалистических преобразований и продолжить в конечном итоге в ходе классовой борьбы путь к социализму»*¹. Ставя перед собой задачу такого рода, ГКП, говорится далее в Программе партии, «стремится к тому, чтобы завоевать на свою сторону большинство народа, в первую очередь большинство рабочего класса»².

Как было показано выше, возможность мирного развития революции в России Ленин ставил в зависимость именно от образования такого революционного большинства, которое лишало бы буржуазию всяких шансов на успех в вооруженной борьбе. Другое дело, что ныне, в условиях государственно-монополистического капитализма, возрастают объективные возможности для создания такого большинства, для сплочения вокруг рабочего класса широких антимонаполистических союзов, включающих всех трудящихся.

Коммунисты также считают, что мирное продвижение к социализму возможно лишь при условии постоянного расширения демократии для трудящихся, поэтому борьбу за демократию они рассматривают как составную часть борьбы за социализм. И эта точка зрения вполне отвечает ленинским взглядам по данному вопросу. Как уже говорилось, в существовании широких демократических свобод в России после Февраля 1917 года Ленин видел одну из предпосылок мирного перехода власти в руки Советов.

Наконец, в отличие от реформистов, провозглашающих, что классовые антагонизмы в современном капиталистическом обществе якобы исчезли и наступила пора «социального партнерства», коммунисты сегодня, как и прежде, рассматривают мирный путь развития революции как путь классовой борьбы, в ходе которой пролетариату и его союзникам предстоит решить ту же

¹ Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 295.

² Там же, с. 302.

по существу задачу, что и на пути вооруженного захвата власти, — сломить неизбежное сопротивление эксплуататоров. «В условиях нашей страны и нашей эпохи, — подчеркивалось на XXIV съезде Французской компартии, — продвижение Франции к социализму было и остается делом большинства народа. Создание такого большинства с ясными целями и задачами должно быть осуществлено демократическим путем. Но этот путь ни у кого не должен порождать иллюзий... Речь идет об ожесточенной классовой борьбе, о столкновении, в котором противники перемен идут на все, чтобы обманывать, сбивать с толку, угрожать, вносить раскол»¹.

Все сказанное, конечно, не означает, что компартии капиталистических стран в точности копируют стратегию и тактику большевиков, боровшихся за мирный путь развития революции. Ничего не могло бы быть ошибочнее такого мнения. Можно указать на многие оригинальные черты в тактике каждой партии, объясняемые особенностями той страны, в которой она действует. Мы хотели подчеркнуть другое, то, чего не видят или не желают видеть буржуазные и реформистские «специалисты» по коммунистическому движению, — непреходящее значение основных принципов ленинской концепции мирного развития революции.

Вполне естественно, что некоторые положения современных разработок мирного пути к социализму вызывают дискуссии. Насколько реалистичны эти положения, покажет практика. И по мере накопления опыта будут расширяться наши представления по данному вопросу. Несомненно, однако, что дальнейшее развитие теории мирного перехода к социализму невозможно без постоянного обращения к трудам и деятельности Ленина, опыту российских революций, его научного соотнесения с современностью.

Остановимся в связи с этим лишь на трех актуальных вопросах ленинской концепции мирного осуществления революции. Первый из них — вопрос об использовании в ходе подготовки и проведения революции парламента и других институтов и форм буржуазно-демократической законности.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что партия революционного пролетариата должна участвовать в парламентской борьбе, использовать даже самый реакционный парламент по-революционному, как арену классовой борьбы. Он критиковал тех коммунистов, которые игнорировали парламентские формы борьбы. В. И. Ленин писал: «И с точки зрения марксистской теории и с точки зрения опыта трех революций (1905, 1917 февраль, 1917 октябрь) я считаю безусловно ошибочным отказ от участия в буржуазном парламенте, в реакционном (легиновском, гомперсовском и т. п.) профессиональном союзе, в реакционнейшем рабочем «совете», изуродованном шейдемановцами, и т. п.»²

¹ L'Humanité, 4. II. 1982.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 218.

В. И. Ленин критиковал и позиции других групп революционного движения, недооценивавших значение парламентской борьбы. Так, он разоблачал ошибочность концепции эсеров, которые после революции 1905—1907 годов категорически отрицали парламентские формы борьбы, призывали к «политическому террору», давали неверную оценку III Государственной думе как карточной, опереточной и т. д. Известен такой факт: когда на VII съезде нашей партии было внесено предложение исключить из программы упоминание о парламентских формах борьбы, Ленин был решительно против и защищал необходимость включения в программу соответствующего текста.

В то же время В. И. Ленин считал, что ограничивать борьбу пролетариата борьбой внутри парламента или считать ее высшей, решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы — значит переходить фактически на сторону буржуазии. Такова была, в частности, позиция Бернштейна. Буржуазия хвалила его за то, что главной формой борьбы он считал парламентскую. (За это же буржуазия хвалит и современных оппортунистов, ибо знает, что, когда вся экономическая и политическая власть принадлежит капиталу, когда монополии управляют страной, лишь через одну парламентскую форму нельзя прийти к власти.) Ленин остро критиковал парламентский кретинизм тех, кто переоценивал значение парламентской борьбы в условиях капитализма. «...Только либерал,— подчеркивал он,— может забывать *историческую ограниченность и условность* буржуазного парламентаризма...»¹ «Мы вынуждены вести борьбу в парламенте для разрушения парламента»²,— образно говорил В. И. Ленин, имея в виду отношение коммунистов к буржуазному государственному механизму власти. «...Мы должны работать против него и извне и изнутри»³.

Известно, что даже в те периоды, когда основной формой работы большевиков в массах была нелегальная деятельность, они широко использовали и легальные возможности, в частности Государственную думу. В. И. Ленин добивался, чтобы рабочая фракция в Государственной думе проводила взгляды партии, директивы партийных съездов и директивы центральных партийных органов, работала под их руководством. Ленин видел необходимость использования трибуны Думы в революционных целях. Выступления ораторов-большевиков предварительно обсуждались на заседаниях фракции и выбирались те вопросы, которые помогали разъяснять необходимость устранения царизма, капитализма.

Один из большевистских депутатов, А. Е. Бадаев, вспоминал: «Наши речи с думской трибуны имели огромное организующе-революционное значение. В условиях жесточайшего полицейского преследования каждого революционного работника наша фракция,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 255.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 256.

³ Там же, с. 271.

обладавшая относительными «легальными» возможностями, естественно, должна была стать центром партийной работы в России... Депутаты-большевики находились в непрерывном общении с рабочими массами, посещали заводы и фабрики, создавали партийные ячейки, организовывали печатание и выпуск литературы и т. д.»¹

Аналогичную позицию В. И. Ленин занимал и по вопросу о выборах в буржуазные органы власти. В статье «Платформа реформистов и платформа революционных социал-демократов» он писал: «... для социал-демократии выборы — не особая политическая операция, ловля мандатов ценой каких угодно обещаний или заявлений, а лишь особый повод агитации за основные требования и за основы политического мирозерцания сознательного пролетариата»². Нужно, указывал Ленин, «и по поводу выборов, и по случаю выборов, и в спорах о выборах разъяснить массам необходимость, сущность, неизбежность революции»³. Участие в выборах превращалось таким образом не в охоту за голосами любой ценой, а прежде всего в широкую кампанию по классовому просвещению трудящихся.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что нельзя завышать непосредственно революционные возможности использования институтов буржуазно-демократической законности (легальности) и избирательной системы, рассчитывать на совершение и победу революции при помощи избирательного бюллетеня. И не только потому, что при капитализме эти институты глубоко интегрированы в буржуазные социально-политические структуры. Он обращал внимание коммунистов на то, что условия и вся обстановка парламентской борьбы и выборов преуменьшают силу угнетенных классов по сравнению с той силой, которую они фактически могут развертывать в открытой, прямой революционной борьбе вне рамок буржуазной легальности⁴. Он подчеркивал важность не только для России, но и для стран Запада того факта, что «сила революционного пролетариата, с точки зрения воздействия на массы и увлечения их на борьбу, несравненно больше во внепарламентской борьбе, чем в борьбе парламентской»⁵. Как показывает практика, это положение имеет принципиальное, методологическое значение и при оценке соотношения парламентских и иных форм классовой борьбы пролетариата в других странах в наше время.

В революциях, происшедших после второй мировой войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно в тех из них, где имелись более сильные, чем в России, буржуазно-демократические традиции, были широко использованы парламентские формы борьбы. Например, в Чехословакии Национальный

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 341.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 168.

³ Там же, с. 174.

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 219.

⁵ Там же.

фронт действовал в основном в рамках парламентских норм и обычаев. Парламент одобрил создание руководимого коммунистами правительства, избрал коммуниста на пост президента республики.

Или другой пример. В Болгарии, как известно, диктатура пролетариата утвердилась в результате Сентябрьского вооруженного восстания 1944 года. Новая власть, однако, не уничтожила Народное собрание (высший законодательный орган в стране, возникший в капиталистической Болгарии в 1940 году). В 1946 году были проведены выборы в Народное собрание, на них Отечественный фронт получил 70 проц. голосов, в том числе Коммунистическая партия Болгарии — более 50 проц. и большинство депутатских мест. Тем самым парламент подтвердил победу пролетариата, руководимого компартией.

Опыт народно-демократических революций показал, что в обстановке роста сил социализма и демократии, более благоприятного соотношения классовых сил на мировой арене возрастают возможности использования парламентских и вообще легальных форм борьбы не только для разоблачения капитализма и пропаганды социализма, но и для завоевания пролетариатом власти в условиях относительно мирного развития революции. Он в то же время подтвердил общезначимость принципиальных ленинских положений по этому вопросу, и в особенности то, что при любой, в том числе и мирной, форме революции ее успех обеспечен лишь тогда, когда *главный* упор в борьбе делается не на парламентские комбинации и верхушечные, правительственные соглашения и коалиции, а на развязывание прямой революционной инициативы пролетариата, других трудящихся, на развертывание широчайшей борьбы масс вне стен буржуазных парламентов. Только такая борьба, кетати говоря, создает определенные гарантии для использования парламента в интересах развития и углубления революции. Именно поэтому было бы ошибочно по самому своему существу отождествлять марксистско-ленинский тезис о возможности мирного пути революции при *использовании* парламента и других конституционных институтов с неточным положением о возможности «парламентского перехода к социализму», или «парламентского пути» к нему. Это подтверждает как опыт трех революций в России, в странах народной демократии, так и опыт современной борьбы.

Мы подчеркиваем здесь этот момент, в частности, потому, что порой и в нашей литературе встречаются положения о возможности (в рамках мирной революции) «парламентского перехода к социализму» или даже «легального пути к социализму». Думается, что внедрение в науку такой терминологии не обогащает ее, а вносит известную путаницу. Мы уже только что отмечали неправомерность употребления данных терминов для характеристики особенностей мирного пути революции в ряде стран народной демократии. Еще в меньшей мере убеждают попытки для обосно-

вания правильности названных понятий использовать опыт российских революций. Какие же аргументы применяются для этого?

Во-первых, ссылаются на слова Ленина о том, что социалистическая революция в России могла бы, «*рассуждая чисто теоретически*, беря вопрос *абстрактно*, произойти легально, если бы, например, Учредительное собрание, созданное буржуазией, дало большинство против нее, дало большинство партиям рабочих и беднейших крестьян»¹.

Однако всем хорошо известно: именно Ленин доказал, что в конкретных условиях России 1917 года, на практике именно Советы (т. е. органы власти, противостоящие учреждениям парламентского типа) были единственно возможной формой организации, через которую могла развиваться революция, и что через Учредительное собрание (опять же, как показала практика) такое развитие было невозможно. В связи с этим кажется удивительной попытка использовать вышеприведенную цитату для доказательства возможности «легального» пути к социализму.

Во-вторых, ошибочность таких доказательств вытекает из того, что некоторые авторы трактуют такую черту Советов, как то, что они представляли, по определению Ленина, власть, опирающуюся не на закон (т. е. прежде всего и в первую очередь не на законы, изданные буржуазным государством), а на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, как особенность именно Советской формы власти. Но это не только особенность Советов, это всеобщая черта диктатуры пролетариата (и любой подлинно революционной народной власти), без которой, как известно, социалистическая революция невозможна. На этот счет Ленин высказывался весьма определенно. «*Эта власть*, — говорил он о Советах, имея в виду и вышеотмеченную ее черту, — *власть того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 года»². Таким образом, даже отсюда вытекает (а можно было бы привлечь и другие ленинские высказывания), что ни социалистическая революция, ни перерастание демократической революции в социалистическую (в каких бы формах этот процесс ни осуществлялся) невозможны, строго говоря, без власти, опирающейся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, а не только и даже не столько на закон. Это, разумеется, не значит, что при переходе к социалистической революции нельзя использовать буржуазно-демократическую законность, т. е. легальность. Напротив, все это использовалось и используется коммунистами. Однако преимущественно или тем более исключительно легальным, т. е. прежде всего на закон опирающимся, способом нельзя перейти от капитализма к социализму (да и не может буржуазное государство иметь такие законы!). А потому при таком толковании вопроса и термин «легальный»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 259 (курсив наш. — К. З.).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 146.

путь, или «парламентский» путь, революции (как разновидность мирного пути) может лишь вводить в заблуждение.

Сказанное, конечно, не отрицает того, что возможно мирное осуществление революции и без использования парламентских форм, вне буржуазно-демократической законности в классическом смысле этого слова. В России до 4 июля 1917 года демократическая революция развивалась мирно, без использования парламента. Как отмечалось выше, большевики, Ленин предполагали добиваться передачи власти Советам, чтобы потом постепенно взять ее в свои руки посредством борьбы внутри Советов. Вопреки этому меньшевик Н. Суханов, также ставя знак равенства между мирным и парламентским путем, писал, что «большевики готовы были реализовать свои лозунги мирным, парламентским путем»¹.

В Венгрии в 1919 году относительно мирная по форме социалистическая революция также произошла без использования парламента.

В современных условиях коммунисты капиталистических стран, учитывая исторический опыт использования парламентских форм, добиваются значительных успехов в классовой борьбе. Во многих капиталистических странах, где существуют буржуазно-демократические режимы, коммунистические партии, несмотря на дискриминацию и различного рода противодействие со стороны буржуазии, завоевывают значительное число голосов на выборах в парламент, имеют в нем многочисленные фракции, с силой которых вынуждены считаться правящие буржуазные партии.

Коммунисты, работая в парламенте под руководством партии или входя в состав местных органов власти, подчеркивают особый характер своей деятельности, ее классовую основу. Стремление проводить политику в интересах трудящихся неизбежно и постоянно ограничивается рамками буржуазного общества. От коммунистов требуется в этих условиях исключительная принципиальность и гибкость, чтобы при решении различных вопросов не дать увести себя с классовой позиции.

На XXIV съезде ФКП подчеркивалось, что после победы на майских выборах 1981 года французские коммунисты, участвуя в правительстве, способствуя решению насущных проблем страны в парламенте, на местах, не упускают при этом из вида своей перспективной цели — добиться социализма².

Большое внимание парламентским формам борьбы уделяет крупнейшая компартия в развивающихся странах — Индийская. Как отмечала печать Индии, «последовательная антиимпериалистическая политика КПИ стала важным фактором в создании мощного единства действий патриотических сил для защиты нашего суверенитета и независимости... КПИ взяла на себя инициа-

¹ Суханов Ник. Записки о революции, кн. 7, с. 28.

² L'Humanité, 4. 11. 1982.

тиву разработать широкие рамки левого и демократического единства»¹. В документах своего XII съезда КПИ особо указала на важность единства и сотрудничества всех левых, демократических сил страны как на уровне отдельных штатов, так и в масштабе всей Индии. «Без прочного и единого левого движения левая и демократическая альтернатива в нашей стране не может возникнуть»².

Коммунисты не забывают, что, несмотря на внешнюю демократичность многих буржуазных парламентов, на передню сильные позиции в некоторых из них левых партий, эти парламенты в конечном счете в решающих направлениях контролируются крупной буржуазией и ее политическими представителями.

Все вышесказанное убедительно подтверждает правильность ленинской мысли о том, что возможность использования в интересах революции парламента отнюдь не говорит о возможности какого-то регулируемого «сверху», «чисто конституционного» пути к социализму. Именно поэтому в программных документах многих коммунистических и рабочих партий неоднократно отмечалось, что стремление завоевать власть с использованием демократических выборов должно непременно сочетаться с активной внепарламентской классовой борьбой, с развитием массовой борьбы трудящихся за свои экономические и политические права, что парламентская борьба — это не самоцель.

Коммунисты считают, что там, где это возможно, рабочий класс должен завоевать прочное большинство в парламенте, превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли, в орган подлинной демократии, демократии для трудящихся. Завоевание прочного парламентского большинства, формирование на этой основе демократического правительства, опирающегося на массовое революционное движение, создали бы для рабочего класса условия, обеспечивающие проведение коренных социальных преобразований.

Конечно, такая возможность имеется далеко не во всех странах. Там, где буржуазия обладает сильной военно-полицейской государственной машиной, вполне вероятно, что она навязет пролетариату вооруженную борьбу. Коммунисты хорошо понимают это и учитывают в своей деятельности.

Марксисты никогда не говорят только о «парламентской практике», не отрывают ее от других форм борьбы. Они конкретно подходят к условиям различных стран, связывают парламентскую борьбу с другими методами революционных действий, ни в коей мере не отождествляют мирный путь к власти с использованием конституционных институтов, с чисто «парламентским путем».

Такое отождествление, будучи, как мы уже отмечали, неверным по существу, используется современными оппортунистами

¹ The Patriot, 24. III. 1982.

² New Age, 25. III. 1982.

и для искажения смысла уроков чилийской революции, а последнее — для дискредитации самой ленинской идеи о возможности относительно мирного перехода к социализму. На этом вопросе необходимо хотя бы вкратце остановиться. И не только для разоблачения оппортунистических фальсификаций, но и потому, что чилийские события представляют для марксистов-ленинцев огромную ценность с точки зрения совершенствования революционной стратегии и тактики. Дело в том, что если в России в 1917 году революционный процесс в мирных формах развивался только в течение нескольких месяцев, то в Чили такое развитие происходило в течение трех лет и привело к важным социально-экономическим преобразованиям в пользу трудящихся.

Говоря об оппортунистических фальсификациях опыта Чили, следует прежде всего отметить, что попытка чилийских левых сил осуществить глубокие революционные преобразования и переход к социализму в относительно мирной форме с широким использованием конституционных средств не имеет ничего общего с так называемым парламентским путем. И не только потому, что отличительной особенностью революции в Чили на *всех* ее этапах была выходящая за рамки конституционных учреждений острая, открытая и массовая классовая борьба, но и потому, как мы уже отмечали, что одной из важных особенностей чилийской революции, которую стремились осуществить в более или менее мирной форме, было то, что парламент на всем протяжении существования правительства Народного единства был в основном орудием не революции, а контрреволюции (особенно в последние месяцы перед его свержением), так как большинство в парламенте принадлежало правым, в том числе и крайне реакционным, буржуазным партиям. На стороне реакции были также суд, старый бюрократический государственный аппарат, основная часть местной администрации, преобладающая часть (свыше 70 проц.¹) средств массовой информации.

Левые силы, кандидат которых Сальвадор Альенде (социалист), победив на выборах, стал президентом, имели в своих руках правительственный аппарат (т. е. часть исполнительной власти) и часть законодательной власти (по конституции в Чили — президентский режим). На местах, на предприятиях хотя и создавались постепенно органы народной власти (в частности, в лице комитетов Народного единства, народного контроля), но они по ряду причин еще не обладали большой властью к моменту антиконституционного военного переворота. Следует отметить и то, что президент Альенде победил на выборах в ноябре 1970 года лишь относительным большинством в 36,3 проц. голосов. Это также создавало известные пределы и трудности для деятельности правительства Альенде, провозгласившего намерение осуществить продвижение к социализму, оставаясь в конституционных рам-

¹ См. Рабочий класс и современный мир, 1974, № 4, с. 147.

ках, хотя и не могло служить основанием для различного рода спекуляций о «недемократичности» избранного президента и правительства Народного единства. И тот факт, что, несмотря на это, народному правительству удалось осуществить за три года ряд глубоко революционных преобразований, объяснялся прежде всего тем, что партии (и прежде всего компартия), входившие в правительство, опирались на массовое рабочее и народное движение.

Во-вторых, говоря о причинах неудачи «чилийского эксперимента», следует подчеркнуть, что возможности мирного развития революции тормозились контрреволюционными предательскими действиями правых лидеров Христианско-демократической партии, крайне реакционными профашистскими партиями и силами, за которыми стояли интересы и прямая материальная поддержка местной и иностранной, прежде всего североамериканской, финансовой олигархии и правительства США; относительно мирному развитию революции был положен конец действиями чилийской реакционной военщины, устроившей народу настоящую кровавую бойню.

О том, что левые силы располагали возможностями для углубления революции мирными средствами в рамках существовавшей демократии, говорят и последние парламентские выборы в марте 1973 года, на которых, несмотря на большие экономические трудности, переживаемые страной, число голосов, поданных за коалицию Народного единства, возросло с 36,3 до 43,39 проц. Тем самым расчеты реакции собрать две трети голосов в конгрессе, чтобы сместить народного президента конституционным путем, потерпели крах. Народ, прежде всего рабочий класс, ясно продемонстрировал свою растущую сознательность. Это было убедительным разоблачением домыслов правых об упадке авторитета правительства Народного единства в массах¹. И именно сразу после этих выборов, по признанию реакционной военщины, стал разрабатываться конкретный план государственного переворота.

Конечно, определенную роль в сложившейся ситуации сыграли и некоторые ошибки экономической и социальной политики партий и правительства Народного единства (о чем уже шла и еще будет идти речь в последующих главах), а также (что было особенно нежелательным) отсутствие должного единства среди сил, входивших в правительство. На это прямо указывают чилийские коммунисты². Большие трудности для развития чилийской революции создавало и то, что рабочему классу не удалось устранить господство буржуазии в средствах массовой информации, роль которых в современной социально-политической борьбе беспрецедентно возросла.

¹ См. об этом: *Тейтельбойм В.* За победу революции с учетом драматического опыта. — *Проблемы мира и социализма*, 1973, № 11.

² См., например, интервью В. Тейтельбойма журналу *Проблемы мира и социализма*, 1974, № 3.

Наконец, как мы уже отмечали, на последнем этапе решающую роль сыграла позиция армии. В силу ряда конкретных факторов правительство Народного единства не смогло осуществить эффективное вооружение революционной части рабочих. В условиях существовавшего соотношения сил такие попытки могли, по мнению президента Альянде, лишь спровоцировать военный мятеж. Слишком большая ставка была сделана на соблюдение военными политического нейтралитета, а также переоценена сила и роль в офицерском корпусе его демократической части. В то же время реакции удалось путем ряда тщательно запланированных мер (от убийства главнокомандующего армией генерала Р. Шнейдера до отставки К. Пратса и других генералов из его ближайшего окружения) свести к минимуму влияние демократически настроенных военных в офицерском корпусе. В результате левые партии в решающий, кульминационный момент развития классовой борьбы остались без достаточно серьезной вооруженной поддержки. В этих условиях бросить против армии, пошедшей за реакционными генералами-путчистами, плохо вооруженный или просто безоружный авангард трудящихся значило бы обречь его на героическую, но катастрофическую борьбу. Компартия не пошла по такому пути.

Определенную роль в поражении революции в Чили сыграл и тот факт, что в 1973 году правительству Народного единства не удалось преодолеть, как мы уже отмечали, трагическое непонимание его политики значительной частью средних слоев, что в свою очередь углубило кризис его военной политики (основная масса чилийских военных — выходцы из мелкой и средней буржуазии). «Изоляция рабочего класса от его союзников, — отмечал Р. Кастильо, — позволила развязать реакционное насилие и в то же время лишила рабочий класс и народ *возможности* взяться за оружие. Мы официально допускаем такую возможность, но при условии, если это не равнозначно массовому самоубийству»¹.

Чилийские коммунисты, другие революционные силы, проводя необходимую в современных условиях перегруппировку сил, организуя на широкой основе движение Сопротивления фашистской хунте, делали и делают необходимые выводы из опыта трагических чилийских событий, который лишний раз подчеркнул актуальность ленинского учения об условиях и факторах развития революции, в том числе и о ее задачах в отношении старого государственного аппарата и его карательных органов: армии, полиции и т. д.

Опыт Чили еще раз подтверждает урок российских революций: мирный путь преобразований возможен только при готовности революционных сил к сочетанию различных методов борьбы. Практика не дает свидетельств «чисто» мирного или немирного

¹ Проблемы мира и социализма, 1974, № 7, с. 64.

пути, они постоянно пересекаются, хотя один из них на том или ином этапе преобладает.

Таким образом, коммунисты в своем отношении к парламенту, буржуазно-демократическим конституциям и т. д. одинаково отвергают как анархистские, леворадикальные утверждения о том, что революционная деятельность начинается лишь тогда, когда нарушается закон, что использование буржуазно-демократических норм и прав (завоеванных, кстати говоря, в классовой борьбе пролетариатом, другими трудящимися) — это чуть ли не предательство революции, так и попытки абсолютизировать роль буржуазно-демократических, других «легальных» механизмов или отождествить мирный путь к социализму с парламентской деятельностью, не опирающейся на самое широкое движение и классовую борьбу масс.

Второй вопрос, на котором следует остановиться, рассматривая проблемы мирного пути революции, — это роль и место забастовки как формы классовой борьбы пролетариата за демократию и социализм. Он представляет не только исторический, но и актуальный политический интерес и, в частности, потому, что практика классовой борьбы, подтверждая принципиальные ленинские идеи по этому вопросу, в то же время постоянно вносит много новых моментов в его решение.

Известно, что Ленин считал стачки, забастовки одним из важных методов классовой борьбы пролетариата вообще и мирного развития революции в частности. Он видел в них не только путь к достижению каких-либо конкретных, частичных требований трудящихся, но и средство их социалистического воспитания, вовлечения в революционное движение, которое открывает глаза рабочим на суть капитализма, приучает их сообща и организованно бороться за свои интересы как класса. В этом смысле он образно называл стачки «школой войны» пролетариата против своих врагов, за освобождение всех трудящихся, всего народа от гнета капитала¹. Стачки, учил Ленин, «парализуют» промышленную жизнь, останавливают машину местного управления, порождают, как он говорил, «тревожную неуверенность» у правительства, что создает благоприятные возможности для наступления революционных сил².

В то же время Ленин призывал не преувеличивать революционное значение стачек, не сводить к ним все многообразие средств борьбы пролетариата за свое освобождение. «...«Школа войны», — указывал Ленин, — еще не есть самая война. Когда среди рабочих широко распространяются стачки, то некоторые рабочие (и некоторые социалисты) начинают думать, что рабочий класс может и ограничиться одними стачками... что посредством одних стачек рабочий класс может добиться серьезного улучше-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 296.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 349.

пия своего положения или даже своего освобождения. Видя, какую силу представляет из себя соединение рабочих и даже мелкие стачки их, некоторые думают, что стоит рабочим устроить всеобщую стачку по всей стране — и рабочие могут добиться от капиталистов и правительства всего, чего хотят... Но *это мнение ошибочно*. Стачки, это — одно из средств борьбы рабочего класса за свое освобождение, но не единственное средство, и если рабочие не обратят внимания на другие средства борьбы, то они замедлят этим рост и успехи рабочего класса»¹.

Практика российского рабочего движения подтвердила истинность ленинских идей, они сохраняют свою жизненную силу и до сих пор.

Массовые стачки (прежде всего политические) и демонстрации в 1903—1905 годах в России явились действенной формой мобилизации масс на борьбу с самодержавием, вылившуюся в прямую революцию. Именно исключительная по силе и упорству Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года заставила царизм сделать уступку демократическим и революционным силам, издав манифест, в котором (хотя и на словах) впервые в истории России признавались определенные буржуазно-демократические права и свободы. Октябрьская стачка защищала не только чисто рабочие интересы, это была, по словам Ленина, «великая первая всенародная стачка»², ибо в ней участвовали и рабочие, и служащие, и учащиеся, но застрельщиком и главной силой был пролетариат.

Это выступление российского пролетариата практически выявило значение всеобщей политической забастовки как одной из форм революционной борьбы. Но конкретная ситуация, существовавшая в стране, ясно показывала, что всеобщая стачка играет подчиненную роль по отношению к восстанию, с помощью которого можно было только свергнуть царизм. В то же время была ясно видна и неразрывная, стихийно возникавшая связь всеобщей стачки с вооруженным восстанием, в которое она и вылилась в декабре 1905 года.

Ленинские взгляды на связь и соотношение восстания и стачки нашли, как известно, полное подтверждение в решающий для российского рабочего класса 1917 год, год начала новой, социалистической эры.

И в наше время значение всеобщей забастовки не изменилось в том смысле, что она не решает вопроса о власти, о главном условии уничтожения эксплуатации. Правда, некоторые зарубежные представители революционного движения преувеличивают роль всеобщей стачки, считая, что при определенных условиях с ее помощью возможно осуществить смену власти. Вряд ли можно согласиться с этим. Бесспорно, что революционные стачки расши-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 296.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 302.

ряют фронт борьбы; увязывая экономические и политические требования, они способствуют интенсификации классовой борьбы. Они позволяют проявлять максимум маневренности и поднять движение на более высокий уровень. Стачки приводят массы к пониманию необходимости свержения существующего строя, ведут к созданию единого фронта снизу. Они заставляют усилить руководство партии сверху, ведут к разоблачению и правых и «левых» оппортунистов. Все это так. Но политическая стачка, в том числе и всеобщая, сама по себе не может совершить революционной перемены в обществе.

Кстати, следует отметить, что отношение к всеобщей забастовке как главному и единственному средству уничтожения эксплуатации характерно для анархо-синдикалистов. Еще в начале века их теоретик Ж. Сорель утверждал, что «весь социализм заключен во всеобщей забастовке»; он видел в «каждой забастовке лишь предварительную подготовку пролетариата к великому конечному перевороту», который может осуществиться только в форме всеобщей забастовки¹.

Как мы уже отмечали, в последние годы в капиталистическом мире ширится размах и растет накал забастовочной борьбы. Причем сама она принимает все более разнообразные, ранее невиданные или малораспространенные формы: захват предприятий (так называемая забастовка наоборот) с целью предотвращения их закрытия и увольнения рабочих; замедление темпов производственного процесса и «раздельная забастовка»; совместные и одновременные выступления рабочих разных наций против многонациональных концернов; участие в забастовочной борьбе служащих, инженерно-технических работников и т. д.

Не случайно буржуазия, да и правые социал-демократы развернули в ряде стран мощные пропагандистские кампании против забастовочного движения, обвиняя коммунистов в том, что, призывая к забастовкам, они-де пытаются дезорганизовать хозяйственную жизнь, ухудшить положение трудящихся и т. п. Однако забастовки для коммунистов не самоцель, они выдвигают в связи с ними конкретные требования, реализация которых, кстати говоря, может лишь оздоровить экономику.

Коммунисты стремятся увязывать забастовочную борьбу с борьбой за радикальные политические изменения, против самой системы господства монополистического капитала, против его политической власти, ибо «марксизм, — как подчеркивал Ленин, — признает классовую борьбу вполне развитой, «общенациональной» лишь тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти»².

¹ См. Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907, с. 52.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 239.

И здесь мы подходим к третьему вопросу, на котором хотелось бы вкратце остановиться: мирный путь и борьба за реформы. Мы уже касались этого вопроса в общесоциологическом плане в первой главе. Но в связи с темой данного раздела есть необходимость вернуться к нему вновь.

Дело в том, что в условиях мирного развития революции, естественно, возрастает роль глубоких демократических реформ как средства подвода масс к коренным, революционно-социалистическим преобразованиям, перехода к социализму. Отсюда у тех, кто упускает из виду классовые аспекты мирных действий трудящихся, возникают иллюзии, что мирный путь к социализму — это и есть путь реформ, а не революции. Нет ничего ошибочнее этого мнения. Революция в мирной форме не тождественна реформистскому пути. Революция — это коренная ломка существующего порядка и замена новым, социалистическим порядком. Реформы важны прежде всего потому, что готовят массы к этой ломке.

Такая характеристика роли реформ не имеет ничего общего с их недооценкой. Есть реформы и реформы, подчеркивал Ленин. Реформы, проводимые буржуазией, используются ею для того, чтобы ослабить революционное движение, провести «частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти»¹. Ленин подчеркивал, что, чем выше развитие капитализма в стране, чем чище господство буржуазии, чем больше политической свободы, тем шире область применения буржуазией реформ против революции.

Коммунисты борются за реформы другого типа. Известно, например, что в работе «Грозная катастрофа и как с ней бороться» Ленин разработал программу мер, осуществление которых, как он говорил, «еще не социализм, но это уже не капитализм. Это — громадный шаг к социализму, такой шаг, что, при условии сохранения полной демократии, от такого шага нельзя уже было бы без неслыханных насилий над массами уйти назад, к капитализму»².

И сегодня коммунистические и рабочие партии выдвигают, как мы уже писали выше, такую программу глубоких антимонополистических требований, или структурных реформ, как их иногда называют, реализация которых может открыть путь к мирному переходу к социализму. Возможности успешной борьбы за глубокие реформы антимонополистического характера ныне возросли. Но совершенно очевидно, что заменить собой революции они не могут.

Все это, однако, не исключает, а, наоборот, предполагает борьбу коммунистических партий и за частичные реформы, которые хотя и не ведут к глубоким общественным преобразованиям, но

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 194.

служат делу защиты интересов трудящихся, облегчению тех тягот, которые обрушивает на них капитализм, ограничивают произвол монополий. Особенно большое значение такая борьба приобретает в периоды экономических кризисов, систематически поражающих буржуазное общество, когда правящий класс усиливает наступление на завоеванный трудящимися жизненный уровень и их демократические права. В ходе самого глубокого в послевоенной истории экономического кризиса капитализма (1973—1975 годы) компартии разработали широкие социально-экономические программы, предусматривающие меры по обузданию инфляции, сокращению безработицы, предотвращению снижения уровня жизни. Эти программы противопоставлены политике монополий, они направлены на то, чтобы за кризис расплачивались не народные массы, а тот, кто в нем повинен, — крупный капитал.

Сосредоточивая свои усилия на решении насущных экономических проблем, на защите непосредственных интересов трудящихся, коммунисты руководствуются рядом принципиальных соображений.

Во-первых, им глубоко чужда левацкая теория «чем хуже, тем лучше». Коммунисты никогда не относились с равнодушием к нуждам и страданиям народа, наоборот, они в любых условиях последовательно борются за улучшение его положения. Без такой борьбы они никогда не могли бы добиться поддержки масс.

Во-вторых, борьба за решение самых насущных проблем способствует активизации масс, сплочению трудящихся, образованию широких антимонополистических союзов.

В-третьих, такая борьба подводит трудящихся к выводу, что источником их бедствий является сама капиталистическая система, что достойные человека условия жизни могут быть созданы только при социализме.

В-четвертых, выдвигая антикризисные программы, добиваясь демократического выхода из кризиса, коммунисты препятствуют усилению правой опасности, которой всегда чревата кризисная обстановка.

Понятно, что борьба за частичные реформы не является для коммунистов самоцелью, они связывают ее с перспективными целями своего движения.

Исходя из программных документов братских партий капиталистических стран, можно выделить несколько основных направлений (кроме тех, о которых говорилось выше) борьбы за мирное развитие революции, разработанных с учетом особенностей современного развития государственно-монополистического капитализма.

Одно из них — борьба за изменение характера и состава государственного аппарата, постепенное проникновение в него сил, отражающих интересы рабочего класса. В связи с этим коммунистические партии выступают с лозунгами демократизации

государственных учреждений, системы образования, расширения прав государственных служащих, контроля над полицией, армией, разведкой. В то же время очевидно, что конечным итогом этой борьбы, нацеленной на мирный переход к социализму, должно быть по существу разрушение старого, буржуазного государственного аппарата. Только таким путем может быть изменена природа государства как орудия эксплуататорских классов, ибо, как показывает практика, иллюзорны (если не опасны) надежды на «постепенную внутреннюю трансформацию» государства диктатуры буржуазии в социалистическое государство.

Другим направлением борьбы за мирное завоевание власти коммунисты считают расширение влияния рабочего класса в экономике через усиление контроля над различными формами деятельности предприятий. Они стремятся органически увязать эту борьбу за участие в управлении с разъяснением необходимости решительной борьбы за изменение характера государственной власти, без чего невозможна подлинная демократизация управления. Тем самым используется опыт большевиков. В России, как мы уже отмечали, такими органами контроля были фабрично-заводские комитеты, которые эффективно содействовали укреплению позиций рабочего класса.

Третье направление, обеспечивающее мирное развитие,— борьба против антинародной и антинациональной политики правящих кругов, создание такого общественного мнения, которое ограничило бы возможность осуществления реакционных мероприятий, сужало бы сферу деятельности репрессивных и других антинародных органов государства.

В этом также находит отражение опыт российских революций. Вся деятельность большевиков являла собой, как мы видели, пример разносторонних усилий, направленных на пробуждение и радикализацию общественного мнения, на моральное осуждение, изоляцию антинародного режима.

В ходе подготовки революции большевики были единственной партией, отстаивавшей лозунг мира. Успешная борьба в этом направлении может способствовать, как показал опыт России, созданию более благоприятных условий для деятельности демократических и прогрессивных сил, ограничить свободу маневра империализма.

В современных условиях борьба за мир, за предотвращение новой мировой войны является одним из главных направлений деятельности коммунистических партий.

Таким образом, мирный путь революции не имеет ничего общего с постепенным «врастанием» капитализма в социализм. Это глубокое, качественное изменение экономических, политических и идеологических отношений в обществе, характеризующееся переходом власти в руки трудящихся, осуществлением революционных преобразований во всех сферах жизни общества. Такой путь может привести к победе лишь при наличии ряда условий:

— когда трудящиеся в ходе предшествующей борьбы добились для себя максимально возможных в буржуазном обществе — и в экономике, и в политике, и в идеологии — демократических свобод;

— когда создан прочный классовый союз всех антиимпериалистических, антимонополистических сил во главе с рабочим классом и его марксистско-ленинской партией;

— когда массовые политические организации трудящихся в состоянии взять и удержать под руководством рабочего класса власть в центре и на местах;

— когда у народа есть революционная армия, способная в случае необходимости сломить любые виды вооруженного, репрессивного сопротивления монополистической буржуазии.

Разумеется, необходимы и благоприятные внешнеполитические условия.

Успех мирного пути к социализму может быть обеспечен только в том случае, если массы будут готовы — причем практически готовы — к применению самых разнообразных форм борьбы. В условиях, когда эксплуататорские классы прибегают к насилию над народом, необходимо иметь в виду другую возможность — немирного перехода к социализму.

Рассмотрим теперь подробнее эту другую возможность — немирный (или вооруженный) путь революции.

Немирный (вооруженный) путь

Буржуазные идеологи, реформисты, ссылаясь на вооруженный характер революций в России, прежде всего Октябрьской, утверждают, что ее опыт не имеет значения для компартий, борющихся за мирное завоевание власти, а поскольку таких партий сейчас большинство, то вообще, мол, нет смысла вспоминать о российском опыте, не говоря уже о его изучении и применении. Некоторые из наших противников даже добавляют, что использовать в ядерный век какие-либо немирные формы борьбы за власть есть анахронизм.

Поскольку многие компартии в течение довольно длительного времени действуют в относительно мирных условиях, широко применяют легальные методы борьбы, эти обстоятельства используются для доказательства «устарелости» опыта большевиков, его «неприменимости» в нынешних условиях. Это делается с целью воздействовать на позиции компартий, толкнуть их вправо. Поэтому, прежде чем переходить к рассмотрению в свете современности конкретного опыта вооруженной борьбы в России и его значения, следует сразу же подчеркнуть, что мировое коммунистическое движение отвергает писания об исключении в наше время немирных форм революции. При этом оно исходит не только из указаний классиков марксизма-ленинизма о необходимости применения в зависимости от условий разных форм

борьбы, в том числе и вооруженных¹, не только из опыта большевиков, которые умело сочетали мирные и немирные средства революционной борьбы, но и из современного опыта, который многому и порой жестоко учит. Примером такого опыта является революционная борьба в целом ряде стран, где в разное время в результате переоценки мирных форм борьбы и неготовности перейти к немирным формам революционные силы потерпели поражение.

Нельзя не отметить и того, что наши противники, заявляя, будто коммунистические партии делают ставку на мирный путь, скрывают, что существует много компартий, ориентирующихся, исходя из конкретных условий своих стран, прежде всего на вооруженную борьбу как на путь к решающей победе. Такова, например, позиция целого ряда компартий Латинской Америки (Сальвадора, Гватемалы, Гаити, Парагвая и др.), а также Южно-Африканской коммунистической партии. Так, в резолюции Политбюро Южно-Африканской компартии (сентябрь 1980 года) указывалось: «Героические действия вооруженных сил нашего народа — «Умкхонто ве Сизве» — в большей степени, чем когда-либо до сих пор, улучшили перспективы свержения расистского правления и установления власти народа путем массовых политических выступлений, сочетающихся с нарастающими военными ударами по врагу... Будучи абсолютно убеждены в справедливости нашего дела, мы уверены, что наш народ уничтожит расистскую тиранию, завоюет народную власть и приступит к построению социалистической Южной Африки»².

Неверно также считать, что компартии, делающие упор на мирный путь революции, исключают возможность использования немирных средств. Коммунисты заявляют, что если буржуазия навяжет трудящимся вооруженную борьбу, то они вынуждены будут ответить применением оружия. Подобные высказывания содержатся в документах многих партий. Приведем лишь некоторые из них.

Не может быть сомнения, отмечается в Программе Компартии США, «в демократическом по самой своей сути характере социалистической революции. Остается, однако, вопрос о том, будет ли демократическая воля народа осуществлена относительно мирными средствами, то есть без вооруженного восстания, без гражданской войны. Конечно, мы выступаем за проведение социальных перемен мирными средствами, через политические

¹ К. Маркс отмечал в этой связи: «... мы будем действовать против вас (т. е. буржуазных правительств. — К. З.) мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием — когда это станет необходимым» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 649). «Ни одна партия, не прибегая ко лжи, не отрицала права на вооруженное сопротивление при известных обстоятельствах», — писал Ф. Энгельс. — Ни одна из них никогда не могла отказаться от этого чрезвычайного права» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 207).

² African Communist, 1981, N 4, p. 14—15.

институты и народные организации в рамках американской конституции. Но демократическая воля народа, наша деятельность и демократические институты нашей страны не являются единственными историческими факторами, которые определяют путь социальных перемен в Соединенных Штатах»¹.

Касаясь вопроса о путях перехода к социализму, Программа ГПК подчеркивает, что, «каким будет этот путь конкретно, в решающей степени будет зависеть от силы рабочего класса, от стабильности его союза с другими демократическими силами, от силы его революционной партии, а также и от форм сопротивления реакции»².

«Демократические традиции, которыми по праву гордится наш народ, — говорится в Программе Норвежской компартии, — сами по себе не гарантируют, что монополистическая буржуазия будет уважать их. Поэтому народ постоянно должен быть бдительным и готовым выступить против продвижения реакции. Поскольку старый господствующий класс во время перехода к социализму применяет силу против рабочего класса и его союзников, народ должен уметь ответить такими мерами, которых требует обстановка»³.

А вот что говорится в Программе Компартии Аргентины: «Коммунистическая партия Аргентины вместе со своими союзниками намеревается завоевать власть посредством развития широкого и мощного движения масс, которое сорвет болезненный этап гражданской войны. Ничто так не чуждо мышлению и деятельности рабочего класса, как безответственный культ насилия.

Рабочий класс и его партия-авангард стремятся осуществить революционные перемены наименее болезненным путем, но не останавливаются, чтобы прибегнуть к иным, если насилие правящего меньшинства помешает приходу к власти подлинного национального большинства»⁴.

Вывод о необходимости быть готовым к применению оружия против контрреволюции подтверждается не только опытом таких стран, как Чили, где народная революция, развивавшаяся мирным путем, не дошла до социалистического этапа. И в условиях победы социалистической революции даже после относительно продолжительного периода существования социалистической власти не исключены тенденции к реставрации капитализма, для реализации которых реакция не останавливается и перед развязыванием гражданской войны (подробнее об этом речь пойдет в следующей главе).

В связи со всем этим марксисты-ленинцы не могут не уделять внимания изучению опыта осуществления большевиками во

¹ New Program of the Communist Party USA. New York, 1970, p. 92.

² Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 303.

³ Program for Norges Kommunistiske Parti. Oslo, 1973, S. 18.

⁴ Programa del Partido Comunista de la Argentina. Buenos Aires, 1974, p. 32.

главе с Лениным вооруженной формы революции с применением восстания. У современных революционеров нет лучшего изложения принципов, которыми необходимо руководствоваться при подготовке вооруженного восстания, чем те, которые оставил Ленин.

О необходимости вооруженного восстания большевики начали говорить с первых дней организации партии. Фактически все партийные съезды, состоявшиеся до революции, занимались разработкой немирного пути взятия власти, кульминационным пунктом которого мыслилось вооруженное восстание.

Однако его конкретная подготовка началась не сразу, ибо нельзя начинать вооруженную борьбу, пока не сложилась революционная ситуация или не появились решающие признаки ее нарастания¹. В. И. Ленин писал: «...только *целесообразное* сопротивление реакции служит революции... Мы, марксисты, гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра...»²

Революционным марксистам в России было ясно еще в конце прошлого века, что свергнуть царизм можно только путем вооруженного восстания, но они не выдвигали «лозунга» восстания ни в 1901, ни в 1902 и 1903 годах. Лозунг восстания большевики выдвинули только после 9 января 1905 года, когда разразился общенациональный политический кризис³.

Позднее, перед Октябрьской революцией, обобщая опыт двух русских революций, Ленин в следующих словах предельно ясно и лаконично выразил существо взаимосвязи между восстанием и состоянием массового движения: «Если нет у революционной партии большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании. Кроме того, для него нужны: 1) нарастание революции в общенациональном

¹ Этим, кстати говоря, отличается ленинская постановка вопроса о восстании как высшей форме революционной борьбы пролетариата от путчистской тактики, не учитывающей зрелости объективных и субъективных предпосылок революции и тем самым обрекающей ее на поражение. Именно это показали в 1965 году события в Индонезии. Как известно, некоторые руководители Компартии Индонезии поддержали в сентябре 1965 года заговор группы офицеров против реакционных генералов, сделали ставку на вооруженный государственный переворот в условиях, когда в стране не было революционной ситуации, когда массы не были готовы к борьбе. В результате вооруженное выступление не удалось. Индонезийская компартия подверглась чудовищным репрессиям. Как отмечается в статье руководителей индонезийских коммунистов, «Движение 30 сентября», хотя и было направлено против правых, было авантюристическим и изолированным от масс. Поражение авантюристического «Движения 30 сентября», приведшее к разгрому партии и революционных массовых организаций, серьезно ослабило революционное движение народа» (Information Bulletin, 1972, N 4—5, p. 67—68).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 348.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 143.

масштабе; 2) полный моральный и политический крах старого, например, «коалиционного» правительства; 3) большие колебания в лагере всех промежуточных элементов, т. е. тех, кто *не* вполне за правительство, хотя вчера был вполне за него»¹.

В. И. Ленин исключительно серьезно относился к вооруженному восстанию, учил рабочих тщательно готовиться к нему, не упускать из виду многообразные факторы, влияющие на успех восстания. В. И. Ленин всегда считал восстание широким действием трудящихся масс, а не узкой группы заговорщиков. «Вооруженное восстание есть высший способ *политической* борьбы,— указывал он.— Для его успеха с точки зрения пролетариата, т. е. для успеха пролетарского и социал-демократией руководимого, а не иного, восстания, нужно широкое развитие всех сторон рабочего движения»².

Восстание, учил Ленин,— это объективный результат и следствие политического развития страны. Уже в период нарастания первой русской революции он подчеркивал, что восстание выступает не как заговорщический призыв, не как вопрос техники, а прежде всего как *политический результат* вполне конкретной исторической действительности, созданной октябрьской забастовкой, обещанием свобод, попыткой отнять их и борьбой в их защиту.

С другой стороны, Ленин отмечал, что наличие объективных условий для восстания еще не гарантирует его успех. «Ошибочно было бы думать,— указывал он,— что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития»³. «...На угнетение лучше всего, конечно, ответить революционной войной, восстанием, но, к сожалению, история показала, что на угнетение не всегда можно отвечать восстанием; но отказ от восстания не означает еще отказа от революции»⁴.

Учитывая, что буржуазия создала жестокие, сложные, изощренные репрессивные органы, способные подавить в крови недостаточно мощные вооруженные выступления масс, В. И. Ленин предостерегал от авантюризма, от неподготовленности к такой форме борьбы, как восстание. «Восстание,— писал он еще в 1905 году,— очень большое слово. Призыв к восстанию — крайне серьезный призыв. Чем сложнее становится общественный строй, чем выше организация государственной власти, чем совершеннее военная техника, тем непозволительнее легкомысленное выставление такого лозунга... С большими словами надо обращаться осмотрительно»⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 337.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 89—90.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 366—367.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 379.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 366.

Исходя из этих установок, Ленин, большевики с учетом объективных условий вели настойчивую работу и по политической подготовке пролетариата к прямой вооруженной борьбе, и по тщательной военно-технической подготовке восстания.

III съезд РСДРП, например, поручил партийным организациям: а) разъяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания; б) а также роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания; в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого по мере надобности особые группы из партийных работников¹.

Выдвинув вопрос о вооруженном восстании как единственном средстве свержения царизма, В. И. Ленин, большевики во всех деталях обосновали политические лозунги, подводящие массы непосредственно к восстанию. Такими лозунгами были: немедленное осуществление революционным путем 8-часового рабочего дня; создание революционных крестьянских комитетов для проведения демократических преобразований в деревне вплоть до конфискации помещичьих земель; применение массовых политических стачек, вооружение рабочих и создание революционной армии.

Вскоре после III съезда РСДРП боевая техническая группа при Петербургском комитете перешла в непосредственное ведение ЦК и возглавила боевую работу партии. Во главе ее был по предложению Ленина поставлен «ответственный техник, финансист и транспортер» партии Л. Б. Красин². Большевики имели строго законспирированный аппарат для подготовки и организации восстания. Постепенно, с ростом борьбы повсеместно возникшие Советы превратились из органов стачечной борьбы в органы восстания. При местных организациях РСДРП возникали боевые комитеты для организации дружин и добывания оружия и военные организации для работы в войсках. Они также действовали в условиях глубокой конспирации.

Большевики подчиняли свою тактику вооруженному восстанию как основному средству свержения царизма. Так, они бойкотировали I Думу именно потому, что были за вооруженное восстание, а подъем масс сулил вылиться в такое восстание. Большевики организовывали вооруженные группы, разрабатывали план восстания, снабжали оружием рабочих, проводили огромную работу среди войска. И хотя вооруженное восстание в декабре 1905 года потерпело поражение, оно сыграло важную положительную роль в развитии революции. «...Декабрьская борьба, — подчеркивал Ленин, — была самым необходимым, самым

¹ См. Третий съезд РСДРП, с. 451.

² См. Ленинский сборник V, с. 279.

законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны»¹.

Причин, приведших к поражению восстания, было несколько, и среди них та, что вооруженная борьба пролетариата носила больше оборонительный характер, руководители восстания придерживались выжидательной тактики. Надо было лучше разрабатывать и саму тактику восстания. Борьба пролетариата за войско с целью завоевания его на сторону народа, как мы уже отмечали, тоже не была по-настоящему налажена. Опыт декабря 1905 года убедительно показал, в частности, недостаточность простой нейтрализации армии. Он подчеркнул крайнюю необходимость умелого сочетания идейной обработки солдат и матросов с «физической» борьбой за колеблющуюся часть войска для привлечения его на сторону революционных сил. Без непосредственного перехода на их сторону хотя бы части армии победа восстания невозможна.

Характерно, что К. Каутский после восстания 1905 года признал возможность вооруженной борьбы народа, которую он прежде отрицал, ссылаясь на возросшую боевую мощь современной армии. Роза Люксембург восторженно писала о Декабрьском восстании в Москве, где рабочими «скорее одержана победа, чем понесено поражение»².

В. И. Ленин придавал огромное, причем международное значение опыту борьбы российского пролетариата, практически опробовавшему в 1905 году две такие величайшие формы классовой борьбы, как всеобщая политическая стачка и вооруженное восстание. Он писал в 1906 году, давая международную оценку опыту первой русской революции: «Социал-демократия отрицала всеобщую стачку в 70-х годах, как социальную панацею, как средство сразу свергнуть буржуазию неполитическим путем,— но социал-демократия вполне признает массовую политическую стачку (особенно после опыта России в 1905 г.), как одно из средств борьбы, необходимое при известных условиях. Социал-демократия признавала уличную баррикадную борьбу в 40-х годах XIX века,— отвергала ее на основании определенных данных в конце XIX века,— выражала полную готовность пересмотреть этот последний взгляд и признать целесообразность баррикадной борьбы после опыта Москвы, выдвинувшей, по словам К. Каутского, новую баррикадную тактику»³.

Опираясь прежде всего на опыт Декабрьского восстания (1905 год), февральских (1917 год) выступлений рабочих, солдат и матросов, приведших к свержению царизма, Ленин глубоко и широко проанализировал все аспекты вооруженного восстания. Он давал следующие советы революционерам:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 49.

² Люксембург Р. Письма к Карлу и Лунзе Каутским. 1898—1918 гг. М., 1923, с. 89.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 2—3.

«1) Никогда не играть с восстанием, а, пачиная его, знать твердо, что надо идти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, «моральный перевес»¹.

Восстание, учил Ленин, должно быть направлено прежде всего на папесение решающего поражения врагу в главном опорном пункте власти, т. е. в центре. Поддержка провинции важна, но если в центральном городе успеха не будет, то успех восстания может быть поставлен под вопрос. При этом, готовя восстание в Петрограде, Ленин говорил, что надо так использовать, так комбинировать главные силы, чтобы «непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову»². Нет нужды повторять, что сейчас, когда средства массовой информации приобрели еще бóльшую, можно сказать, небывалую роль, эти ленинские слова звучат особенно актуально³.

В. И. Ленин учил тщательно учитывать особенности международной ситуации для перехода к вооруженному восстанию, предвидеть возможность контрреволюционных действий со стороны внешних реакционных сил.

VI съезд партии, проходивший в конце июля — начале августа 1917 года, закрепил ленинский курс на возможность победы социализма в одной, отдельно взятой, стране, практический план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, разработанный В. И. Лениным. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, данными в работах «Политическое положение», «К лозунгам» и др., съезд призвал ответить на насилие буржуазии насилем революционного народа и взять власть путем вооруженного восстания. Лозунг «Вся власть Советам!» в силу того, что Советы с их эсеро-меньшевистским руководством стали безвластным придатком контрреволюции, временно был снят. Документы VI съезда полностью опровергают заявле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 383.

² Там же.

³ Заметим, кстати, что в Португалии в конце сентября 1974 года попытки правых совершить переворот, используя так называемую демонстрацию «молчаливого большинства», к которой хотели приурочить и вооруженные выступления реакции, были провалены, в частности, и потому, что правым не удалось тогда взять под свой контроль средства массовой информации.

ние Троцкого о том, что летом 1917 года у партии будто бы «не было совершенно плана захвата власти путем вооруженного восстания», а «преобладало выжидательное настроение».

VI съезд продемонстрировал высокую принципиальность и твердость большевиков в борьбе за линию партии, разработанную В. И. Лениным. Партия решительно отвергла идеи штрейкбрехеров революции Каменева и Зиновьева, «выжидательную» позицию Троцкого. Накануне Октября почти 85 проц. членов Центрального Комитета поддержали предложение Ленина о немедленном восстании¹.

Строго следуя ленинским указаниям и действуя под непосредственным руководством самого Ленина, большевики продемонстрировали во время решающего выступления в Петрограде 25—26 октября 1917 года подлинное искусство в осуществлении восстания, которое, как мы уже отмечали, завершилось быстрой победой и не вызвало больших жертв.

Сейчас есть немало людей, которые, ссылаясь на положения Ленина о вооруженном восстании, говорят, что в нынешних условиях оно невозможно. Каковы же их аргументы? Во-первых, они утверждают, что вооруженное восстание слишком сложная акция, требующая исключительно широкой подготовки, привлечения многих людей, четкой согласованности различных действий и т. п., чего, мол, в современных условиях буржуазия не допустит. Во-вторых, противники вооруженного восстания говорят, что в наше время резко изменилась военная техника и восстание против власти имущих, опирающихся на армию и государственный аппарат, обречено на поражение. Так, Фишер полностью отрицал возможность применения тактики восстания в наши дни. «В современном индустриальном обществе,— безапелляционно заявлял он,— революция, которая побеждает одним ударом... такая революция стала невероятной». И далее: «Чем более развито, чем более дифференцировано общество, тем менее вероятен успех вооруженного восстания»².

Эти аргументы не выдерживают критики, их опровергла сама жизнь. После Октябрьской революции произошло много успешных восстаний, носивших как общедемократический, так и социалистический характер.

Например, во время второй мировой войны коммунисты Италии, Франции³ и других стран активно участвовали в подготовке, проведении и руководстве восстаниями, направленными на

¹ См. *Мунц Н. И.* История Великого Октября, т. 2. М., 1968, с. 954—955.

² *Fischer E.* Die Revolution ist anders, S. 42, 47.

³ Именно ФКП, как отмечал Жак Дюкло, призвала 18 августа 1944 года население Парижа к восстанию, а на другой день штаб восстания отдал приказ о всеобщей борьбе, завершившейся победой. Во главе французских сил освобождения Иль-де-Франс, которые состояли из групп франтиреров и партизан, созданных по инициативе ФКП еще в 1942 году, стоял коммунист полковник Роль-Танги (см. Правда, 1974, 25 августа).

ликвидацию фашистского господства и осуществление демократических преобразований. Вспыхнувшее в августе 1944 года Словацкое национальное восстание положило начало национально-демократической революции в Чехословакии, которая получила развитие в восстании чешского народа в мае 1945 года. Важное значение для установления народно-демократической власти в Румынии имело антифашистское восстание в Бухаресте 23 августа 1944 года. Восстание в Болгарии 9 сентября 1944 года привело к установлению диктатуры пролетариата. При помощи восстания одержали победу национально-революционные силы во Вьетнаме после второй мировой войны. Окончательное освобождение к 1 мая 1975 года Южного Вьетнама также результат наступления Народной освободительной армии, сочетавшегося с восстанием южновьетнамского населения.

Точно так же победа патриотических сил Никарагуа над диктатурой Сомосы в июле 1979 г. — прямой и непосредственный результат вооруженной борьбы никарагуанского народа, на заключительном ее этапе принявшей форму всенародного восстания против тирании¹.

Были, конечно, и поражения восстаний: в Болгарии в сентябре 1923 года, в Испании в октябре 1934 года и в некоторых других странах; от таких поражений революционеры не могут быть абсолютно застрахованы.

Разумеется, коммунистические партии, прибегая к вооруженной борьбе за власть, учитывают специфику нынешних условий. И это понятно. С тех пор, когда В. И. Ленин разработывал вопросы немирного пути революции, изменилось не только соотношение сил, но и применяемые буржуазией средства обеспечения своей власти, в том числе вооруженные. Это, конечно, не означает, что ныне неприменимы и не применяются традиционные, выдержавшие десятилетние испытания методы борьбы. Так, например, и сейчас не умирают такие способы действий, как баррикадные бои. Они происходили в мае — июне 1968 года во Франции, не раз использовались в Северной Ирландии. В конце сентября 1974 года, накануне готовившейся контрреволюционной демонстрации в Лиссабоне, трудящиеся по призыву Португальской компартии перегородили баррикадами улицы и дороги, ведущие в столицу, не допустили вместе с революционными вооруженными частями проникновения в город машин с оружием для фашистов, сорвали их демонстрацию². Буржуазия может использовать для своей защиты современную военную технику, новые средства ведения военных действий, мощные полицейские подразделения, разведывательные органы, она, если так можно выразиться, тоже учится на опыте своих поражений. Все это учитывают компар-

¹ См. *Augusto C. Sandino, Carlos Fonseca Amador. FSLN. Nicaragua: la estrategia de la victoria*. México, 1980.

² См. *Проблемы мира и социализма*, 1974, № 12, с. 57—60.

тин, исходящие из необходимости подготовки вооруженного восстания.

Следует отметить, что вооруженное восстание — не единственное эффективное средство немирного осуществления революции. В одном ряду с ним, как показывает практика революционных классовых битв, стоит, например, партизанская война, принимающая самые различные формы.

Известно, что для многих народов, особенно в зоне национально-освободительного движения, этот метод действий был в послевоенное время одним из решающих в борьбе за политическую независимость. Но менее известно то, что эта форма вооруженной борьбы за власть с успехом начала применяться уже в ходе первой русской революции, что Ленину принадлежит крупная, поистине классическая работа, дающая на материале первой революции в России всестороннюю теоретическую оценку данной формы борьбы пролетариата, — «Партизанская война»¹.

В связи с этим необходимо напомнить, что та новая и успешная тактика ведения вооруженных боев во время Декабрьского восстания в 1905 году, о которой уже говорилось, была по существу именно тактикой партизанской войны. Речь идет о том, что наибольший урон правительственным войскам наносили действия мелких подвижных отрядов, о создании которых говорил Ленин, в то время как защита баррикад плохо вооруженными отрядами рабочих не имела особого успеха и была обречена на поражение, ибо сразу нацеливала пролетариат на оборону. Предложенная же Лениным гибкая наступательная тактика, хотя она и не нашла широкого применения в Москве, выявила свои преимущества и получила впоследствии (после Декабрьского восстания) большее распространение. А. В. Луначарский вспоминает об этом так: «...Ленин стоял на точке зрения необходимости продолжать боевой характер нашей борьбы. Если не ошибаюсь, на Васильевском острове произошло то большое партийное большевистское собрание, на котором Ленин впервые выступил с речью о необходимости партизанской войны против правительства, об организации пятерок и десятков, которые в виде героических групп дезорганизовали бы жизнь государства и давали бы таким образом разрозненным строем гигантский арьергардный бой, перебрасывая его как мост к новому подъему революции. Этой речью он произвел на собравшихся огромное впечатление»².

Партизанская борьба была новой формой вооруженной классовой борьбы. И, как это уже не раз случалось, ее значения не сумели понять меньшевики, другие оппортунисты. Они отделились от исследования этого нового явления в арсенале средств социальной борьбы самодовольным повторением, как говорил Ленин, «заученных в ранней молодости фраз об анархизме, блан-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 1—12.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 203.

тизме, терроризме». Так, например, не раз упоминавшийся нами лидер меньшевиков А. Потресов характеризовал отношение большевиков к вооруженной борьбе вообще и к партизанской в частности как «истинно русскую разновидность анархического бунтарства», «разиновщину или пугачевщину», как «якобинизм на истинно русской бунтарской подкладке»¹. В отличие от них Ленин не только дал в целом позитивную оценку тактике партизанской борьбы, но и раскрыл ее суть, отметил формы и причины, время и степень распространения, научно определил отношение этой тактики к борьбе рабочего класса, руководимой и организуемой социал-демократией.

Он подчеркнул, в частности, что «партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между «большими сражениями» в гражданской войне»². Ленин указывал, что важнейшая задача партии — взять в руки эти действия, поставить их под свой контроль, идейно и организационно направлять их.

Положительно оценивая роль партизанской борьбы в конкретных условиях России, Ленин в то же время подчеркивал, что «никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы; что это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма. А без этого *последнего* условия *все*, решительно все средства борьбы в буржуазном обществе приближают пролетариат к различным непролетарским слоям вверху или внизу от него и, будучи предоставлены стихийному ходу вещей, истрепываются, извращаются, prostituteуются»³.

В. И. Ленин дал глубокое определение классового смысла попыток абсолютизации партизанской формы борьбы, сохраняющее свою методологическую силу и по сей день. «Как преимущественную и даже *исключительную* форму социальной борьбы,— писал он,— эту форму борьбы восприняли босые элементы населения, люмпены и анархистские группы»⁴.

В условиях первой русской революции Ленин обращал особое внимание на необходимость координации действий отдельных партизанских групп в масштабах страны, на необходимость подчинения этой хотя и важной, но побочной формы борьбы главной, решающей: такой формой вооруженной борьбы могло быть в России только всеобщее восстание.

Известно, что широкие партизанские действия сыграли большую роль в защите завоеваний Октября. Они с успехом приме-

¹ Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений, с. 242, 246, 278.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 7.

³ Там же, с. 9—10.

⁴ Там же, с. 4—5.

нялись в годы освободительной антифашистской борьбы в Европе, имели важное значение для побед революций в Китае, в Северном и Южном Вьетнаме, в Северной Корее. Партизанская война оказалась эффективным средством борьбы и впоследствии, она используется и в наши дни.

Большое внимание партизанской форме борьбы уделяют, например, компартии стран Латинской Америки. Опыт Кубы показал, что в некоторых условиях она может сыграть очень важную роль в осуществлении победоносной революции.

Как известно, в этой стране 10 марта 1952 года произошел реакционный военный государственный переворот, который чрезвычайно обострил национальный кризис. В конечном итоге именно это событие стало толчком к вооруженной революционной борьбе, которая началась штурмом казарм Монкадо в июле 1953 года, оказавшимся неудачным, но которая в 1959 году привела к выдающейся исторической победе народа в этой части земного шара. Вся страна фактически выступила против тирании диктатуры Батисты. Решающую роль в победе революции на демократическом этапе сыграла созданная Фиделем Кастро партизанская Повстанческая армия, в которой активное участие принимали все передовые слои народа, прежде всего сельскохозяйственные рабочие и крестьяне.

Выдающейся исторической заслугой Фиделя Кастро было то, что в тот тяжелый период он ясно увидел возможность свержения тирании вооруженным путем и с большим талантом организатора стал объединять и готовить к такой борьбе все патристические силы. Эта борьба сочетала различные средства и методы¹, революционеры извлекли горечь поражений и радость побед, пока борьба не привела в январе 1959 года к утверждению народной власти.

Впоследствии благодаря определенным внутренним и внешним условиям, о чем уже шла речь, кубинская революция быстро и относительно безболезненно достигла социалистического этапа развития и с помощью стран социализма, прежде всего СССР, воспрепятствовала внутренним и внешним контрреволюционным силам повернуть ее вспять или остановить.

И позднее в некоторых странах Латинской Америки развивалась партизанская борьба, которая может при определенных условиях сыграть свою роль в революции.

Как мы уже отмечали выше, победой завершилась в июле 1979 года многолетняя героическая борьба народа Никарагуа, с оружием в руках восставшего против марионеточной диктатуры Сомосы. Победа патристических сил была обеспечена благодаря их решимости сражаться с внутренней реакцией и империализ-

¹ На Кубе в специфической форме была продемонстрирована впервые выявленная в России в 1905 году связь между всеобщей забастовкой и вооруженной борьбой.

мом всеми доступными средствами и достигнутому в ходе борьбы единству всех антиимпериалистических и антиолигархических сил. Это прочное единство в свою очередь привело в движение широкие народные массы страны. В борьбе против диктатуры активное участие принимала и Никарагуанская социалистическая партия. «Наша партия,— отмечал один из ее руководителей, А. Рамирес,— несмотря на кровавые репрессии и террор диктатуры, проводила большую работу среди рабочего класса страны, опираясь на профсоюзы. С началом вооруженной борьбы против диктатуры многие никарагуанские коммунисты влились в отряды Сандинистского фронта национального освобождения»¹.

Новым важным фронтом вооруженной освободительной войны в странах Центральной Америки стал на рубеже 70—80-х годов Сальвадор. Причем в силу относительно высокого по сравнению с другими странами этого района уровня развития капитализма борьба сальвадорского народа против империализма и олигархии носит даже более четкий классовый характер, чем в Никарагуа².

В документах VII съезда Компартии Сальвадора (апрель 1979 года) говорилось: «Наша партия считает, что основной формой вооруженного пути революции в нашей стране должно стать вооруженное восстание. Это не отвергает другие формы вооруженной борьбы, но предполагает их сочетание и координацию с восстанием, так же как предполагает сочетание и координацию с многообразными невооруженными действиями трудящихся и народных масс вообще»³.

В последние годы активизировалась партизанская борьба в Гватемале, на протяжении трех десятилетий находящейся в тисках кровавой проимпериалистической военной диктатуры. Как отмечается в заявлении Политической комиссии ЦК Гватемальской партии труда (февраль 1982 года), «альтернатива широких народных масс заключается в развитии сопротивления диктатуре, их широком участии в революционной войне, которая открывает дорогу к власти трудового народа... Рост и развитие революционных организаций сделали их такой социальной силой, которая влияет на энергию и боеспособность народных масс, открывает путь ко всеобщей мобилизации народа»⁴.

Значительные усилия по подготовке народных масс к овладению всеми формами борьбы, включая вооруженные, предпринимают парагвайские коммунисты. Как отмечается в Манифесте Политической комиссии ЦК Парагвайской компартии (август 1981 года), «мобилизация масс, проведение отдельных выступлений должны вылиться в решительное сражение, направленное на

¹ Коммунист, 1979, № 13, с. 100—101.

² См. Проблемы мира и социализма, 1979, № 10, с. 84; 1980, № 5, с. 56.

³ VII Congreso. Fundamentos y tesis de la línea general del Partido Comunista de el Salvador. San Salvador, 1979, p. 7.

⁴ Boletín de información, 1982, N 9, p. 24—25.

свержение фашистской диктатуры, с использованием необходимых форм борьбы, соответствующих конкретной ситуации. Диктатура по-прежнему упорно закрывает все пути для легальной деятельности оппозиционных сил. В подобных условиях необходимо готовиться к свержению диктатуры, сочетая все формы борьбы и ориентируясь на подъем всеобщего народного восстания»¹.

Не исключено, что и в некоторых других странах партизанская борьба в сочетании с другими формами и методами массовых революционных действий может иметь значение, аналогичное кубинскому опыту. Но нельзя, конечно, абсолютизировать одну эту (так же как и какую-либо другую) форму борьбы и предлагать ее революционерам в качестве универсальной, общеобязательной директивы². Именно на такой путь становились, например, Р. Дебре и другие леворадикальные теоретики.

Р. Дебре в своей книге «Революция в революции?» категорически заявлял, что «социалистическая революция представляет собой результат вооруженной борьбы против вооруженной власти буржуазного государства». Любая партия, которая не делает основной ставки на вооруженную партизанскую борьбу, по его мнению, «неревolutionная». Он писал, что «в Латинской Америке не может считаться революционной линия, которую нельзя, в смысле ее воздействия, свести к последовательной и конкретной военной линии. Каждая линия, претендующая на то, чтобы быть революционной, должна дать конкретный ответ на следующий вопрос: каким образом свергнуть власть капиталистического государства?.. Ответ этот следующий: это можно сделать в ходе партизанской войны путем создания в наиболее благоприятных для этой цели сельских районах подвижной стратегической силы, ядра народной армии и будущего социалистического государства»³. По существу аналогичные идеи высказывал в своих последних работах К. Нкрума: «...есть только один путь достижения революционных целей освобождения, политической унификации и социализма. Этот путь пролегает через вооруженную борьбу»⁴.

Что касается ретивых поклонников вооруженного насилия, то они вообще предлагают «перенести» лозунг партизанской войны «в джунгли больших городов», доводя тем самым до логического конца (иначе говоря, до абсурда) стремление «леваков» возвести эту форму борьбы в абсолют.

¹ Boletín de información, 1982, N 1, p. 33.

² И, в частности, потому, что противник тоже многому научился, в том числе и на опыте Кубы. В США, например, создана и отработана на практике специальная «теория» антипартизанских действий. А это требует и соответствующих контрмер со стороны партий, ведущих вооруженную борьбу.

³ Debray R. Revolución en la Revolución? La Habana, 1967, p. 271.

⁴ Nkrumah K. Revolutionary Path. New York, 1973, p. 422—423.

Восстание и партизанская война — два основных, нередко тесно взаимосвязанных средства вооруженной борьбы за власть. Но разумеется, в рамках этих форм борьбы и вне их существуют и более мелкие приемы, способы нападения и защиты в условиях вооруженного пути революции: насильственные, с применением оружия захваты поместий, тех или иных государственных учреждений, нападения на буржуазные банки с целью конфискации денежных средств на вооружение и подготовку восстания или даже военные акции, карающие особо «отличившихся» палачей народа, и т. д. и т. п. Такие способы применялись в ходе трех революций в России, они применяются и сейчас.

Но коммунисты решительно отвергали и отвергают тактику индивидуального террора, покушений как форму революционной борьбы, не связанную с сознательной борьбой широких масс. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс выступали против террористических, заговорщических форм борьбы, называли заговорщиков «алхимиками революции». «Они, — иронически писали Маркс и Энгельс, — увлекаются изобретениями, которые должны сотворить революционные чудеса: зажигательными бомбами, разрушительными машинами магического действия, мятежами, которые должны подействовать тем чудотворнее и поразительнее, чем меньше имеется для них разумных оснований»¹. В России такой тактики придерживались, например, эсеры. Ленин, большевики разоблачали ее вред. Такое отношение к данной тактике, конечно, не исключает, по мнению Ленина, того, что те или иные конкретные лица, вступившие на ошибочный путь, способны своей самоотверженностью, мужеством вызывать известные чувства симпатии у пролетарских революционеров. «...Само собой разумеется, — говорил В. И. Ленин, — мы не можем обойтись без романтики. Лучше избыток ее, чем недостаток. Мы всегда симпатизировали революционным романтикам, даже когда были несогласны с ними. Например, мы всегда воздерживались от индивидуального террора. Но мы всегда выражали наше восхищение личным мужеством террористов и их готовностью на жертвы»².

Сегодня буржуазия все чаще пытается использовать действия левозастремистских групп для дискредитации коммунистов, для развязывания контрреволюционного фашистского террора. Так было, например, в Чили. С этим необходимо считаться.

В определенных условиях различного рода вооруженные действия, сопровождающие немирный путь развития революции, превращаются в более высокую и более сложную форму революционной борьбы, именуемую обычно гражданской войной. Следует отметить, однако, что гражданская война, если под ней понимать продолжительную, охватывающую всю страну воору-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 288.

² Ленинский сборник XXXVII, с. 212.

ную борьбу между двумя частями народа¹, не является фатально неизбежным спутником революции, осуществляемой немирными средствами. В России, Финляндии, Венгрии, Испании, Китае и в ряде других стран она была развязана буржуазией, но не коммунистами.

Более подробно этот вопрос еще будет рассматриваться в следующей главе, но уже здесь необходимо отметить, что Ленин категорически отвергал попытки «всей меньшевистски-эсеровской братии»² возложить на большевиков ответственность за гражданскую войну в России. Нет никакого противоречия между этим отношением большевиков к гражданской войне и их лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую, выдвинутым во время первой мировой войны. Только так можно было осуществить революционный выход из войны, положить конец строю, вызывающему истребительные войны между народами. Но как только открылась перспектива мирного развития революции, лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую был снят. В. И. Ленин говорил 24 апреля 1917 года, что в данный период революции «гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду»³. Партия, как известно, выдвинула лозунг заключения немедленного демократического мира без аннексий и контрибуций. Особенно возмущала В. И. Ленина попытка представить гражданскую войну в России как войну между пролетариями, что пытался сделать Мартов. Равным образом В. И. Ленин считал неправильным утверждение О. Бауэра, что установление диктатуры пролетариата ведет прежде всего к гражданской войне⁴. Ленин показал, что в России война велась между пролетариатом и буржуазией, которая начала эту войну. Случаи перехода эксплуатируемых на сторону эксплуататоров, возможные в ходе гражданской войны, нельзя возводить в правило, отмечал Ленин. То, что отсталая часть пролетариата оказалась в лагере буржуазии, Ленин объяснял переходом в годы войны вождей социал-демократии на сторону буржуазии⁵.

В. И. Ленин одновременно выступал против попыток оппортунистов принизить или тем более осудить гражданскую войну вообще как форму борьбы революционного пролетариата. В статье «В лакейской» В. И. Ленин подверг резкой критике эсеро-меньшевистскую концепцию гражданской войны, которую пропагандировал, в частности, П. Юшкевич, утверждавший, что рабочий класс должен якобы откинуть гражданскую войну «вместе с прочим наследием исторического варварства...»⁶. Критикуя

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 11.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 142.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 351.

⁴ См. Ленинский сборник XXIV, с. 241.

⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 190.

⁶ Цит. по: там же, с. 141.

Каутского, писавшего, что гражданская война грозит потерпевшему полным уничтожением, Ленин указывал: Каутский забывает, что «гражданская война закаляет эксплуатируемых, учит их создавать новое общество без эксплуататоров»¹.

В письме А. М. Коллонтай весной 1915 года В. И. Ленин говорил о том, что левые скандинавские социал-демократы, отрицавшие вооружение народа, являются скандинавскими мещанами «в своих маленьких государствах...». Он подчеркивал: «Как можно «признавать» классовую борьбу, не понимая неизбежность ее превращения в известные моменты в гражданскую войну?»²

На съезде чешских левых социал-демократов, состоявшемся в Праге в мае 1921 года, большинством голосов было принято решение о присоединении к III, Коммунистическому Интернационалу. Их руководитель Б. Шмераль заявил, что коммунисты готовы произвести революцию, но она не должна быть слишком тяжелой. Некоторые ораторы поддерживали Шмераль, указывая, что такой путь позволит избежать гражданской войны. В. И. Ленин, критикуя на III конгрессе Коминтерна эту позицию Шмераль, говорил, что он не прав, что «каждая революция влечет за собою огромные жертвы для класса, который ее производит»³.

Известно, что в России, как и в ряде других стран, вооруженная борьба, включающая в себя элементы гражданской войны, возникала в той или иной связи с мировой войной. Но эта связь не неизбежна. Уже в Тезисах VI конгресса Коминтерна «Меры борьбы с опасностью империалистических войн» говорилось по этому поводу: «Уроки Октябрьской революции имеют решающее значение с точки зрения отношения пролетариата к войне... Опыт последующих годов — в Германии — 1920 и 1923, в Болгарии — 1923, в Эстонии — 1924, в Австрии (Вена) — июль 1927 — доказывает, что гражданская война пролетариата вызывается не только империалистскими войнами буржуазии, но и «нормальной» обстановкой нынешнего капитализма, заостряющей до крайнего предела классовую борьбу и приводящей к непосредственно революционной ситуации. Восстания пролетариата в Шанхае в марте 1927 г. и в Кантоне в декабре 1927 г. таят в себе важные уроки для пролетариата, особенно для наций угнетенных стран, колоний и полуколоний»⁴. О справедливости такого вывода свидетельствуют последующие события. Достаточно сослаться здесь на два примера до и после второй мировой войны: Испанию и Чили.

Коммунисты, безусловно, поддерживали и поддерживают народы, ведущие вооруженную борьбу против империализма, за

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 106.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 76.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 45—46.

⁴ Коммунистический Интернационал в документах, с. 807.

свое освобождение, в ряде стран они возглавляли или возглавляют такую борьбу. Но они выступают против ориентации на войну как единственную форму завоевания власти, против абсолютизации вооруженного насилия, не учитывающего конкретно-исторических условий и — что весьма важно — *степени подготовленности масс*, ибо выбор формы борьбы зависит не только от действий противника (к чему иногда сводят суть дела), но и от готовности масс к той или иной форме борьбы, от возможности ее применения.

Поэтому даже в тех случаях, когда компартия не видит иного пути для окончательной победы народа, как вооруженная борьба, она не бросает в бой массы без подготовки и не пренебрегает иными средствами борьбы, готова массы к решающей битве.

Опыт истории подтверждает, что немирный путь борьбы был и остается важным средством завоевания власти рабочим классом. Основные элементы этого пути ярко проявились в России, и опыт большевиков подтвердился в других странах. Как бы ни менялись объективные и субъективные факторы революционного процесса, немирные формы революционного насилия играют большую роль в борьбе за демократию и социализм.

Закапчивая рассмотрение вопроса о путях и формах революционной борьбы, необходимо еще раз подчеркнуть, что марксисты не допускают отождествления формы и содержания революционной борьбы, не ставят знака равенства между вооруженным восстанием или гражданской войной как одной из форм революции и самой революцией, ее сущностью. Революции в любой форме опираются на силу революционных масс, неизбежно включают в себя насилие над эксплуататорами. Только в одних условиях борьба принимает форму прямого подавления вооруженного сопротивления эксплуататоров военными средствами, в других — проявляется в разных формах невооруженного насилия, не сопровождается гражданской войной в собственном смысле слова. Причем мирная демонстрация реальной силы, решимости и готовности к вооруженной борьбе, организованности рабочего класса (проявленная, например, в февральские дни 1948 года в Чехословакии) может в определенной обстановке иметь больший эффект, чем вооруженное столкновение, восстание, влекущие за собой большие жертвы. Отсюда, как мы уже отмечали, неверно противопоставлять друг другу различные формы завоевания власти — вооруженную борьбу и мирный путь, но, безусловно, необходимо быть всегда начеку, быть готовым к их смене, которая может произойти быстро и неожиданно. Р. Люксембург, критикуя Э. Бернштейна, в свое время метко заметила, что методы исторического прогресса пельзя «по желанию выбрать в буфете истории наподобие горячих или холодных сосисок...»¹.

¹ Люксембург Р. Социальная реформа или революция, с. 70.

Братские партии, верные учению марксизма-ленинизма, отвергают односторонний взгляд на формы борьбы. Они считают, что ошибочно накрепко связывать тактику партии и с невооруженным, и с вооруженным путем. Внутренние и международные события, действия классового противника требуют одновременно готовиться к той и к другой формам борьбы, иначе не избежать горьких поражений.

Таким образом, разносторонний анализ двух основных путей осуществления революции — мирного и немирного — показывает, что внутренняя логика развития классовой борьбы в революции такова, что гарантией успеха для коммунистов может служить лишь практическое овладение всеми формами революционной борьбы, умение на деле использовать их для утверждения и закрепления народной власти.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОБЕДЫ

Весь опыт истории, как и многочисленные факты современности, говорит о том, что классовая борьба вокруг центрального вопроса революции — вопроса о власти отнюдь не завершается актом перехода государственного управления или его важнейших рычагов в руки революционных сил. Однако совершившийся революционный переворот существенно изменяет условия этой борьбы прежде всего потому, что революция впервые получает возможность использовать в своих интересах аппарат государства. Вместе с тем это не делает новую, народную власть неуязвимой по отношению к внутренней и внешней реакции, которая прилагает все силы, чтобы вернуть утраченные позиции. «...У эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта *надежда* превращается в *попытки* реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая»...»¹

Перед лицом ожесточенного сопротивления реакции, какие бы формы оно ни принимало, главной задачей революционной власти закономерно становятся сохранение и упрочение достигнутых успехов, создание гарантий от возврата к старому. При этом речь идет и о демократических ступенях перехода к социализму, и о социалистических преобразованиях.

Социализм не может быть установлен, введен, «утвержден» сразу же. Требуется время, чтобы новая общественная система не только была представлена соответствующей политической властью, но и проникла в поры хозяйственной жизни, стала действенным фактором формирования массового общественного сознания. Вместе с тем непременным предварительным условием, позволяющим начать строительство нового общества, является прочность политических завоеваний революции. Иными словами, закрепление революционной победы — это необходимый период революции, отличный и от непосредственной смены власти и от собственно социалистического строительства и требующий, следовательно, от коммунистической партии разработки и реализации особого комплекса мероприятий.

Дело здесь не столько в хронологической последовательности, сколько в существе развития революции. С одной стороны, не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 264.

которые задачи создания нового общественного строя могут решаться уже в ходе классовой борьбы за демократические преобразования, в ходе самого революционного переворота. С другой стороны, надежное упрочение завоеваний революции может оставаться не до конца решенной проблемой и в условиях, когда общество уже продвинулось по пути социалистического строительства.

Было бы неправильно устанавливать какой-либо общий для всех случаев срок, в который укладывается период закрепления революционной победы. Его продолжительность в первую очередь зависит от степени и формы сопротивления эксплуататорских классов, внутренней и внешней реакции. Он зависит также от классовой структуры общества, от состояния экономики, от национальных традиций, умения революционных сил «переключить» себя и трудящиеся массы на созидательную работу и т. д. Но главный фактор, определяющий длительность этого периода, главное его содержание, — борьба, направленная на то, чтобы положить конец сопротивлению контрреволюционных сил, обеспечить полную народную поддержку новой власти и тем самым надежную гарантию прочности этой власти.

Уроки падения Парижской коммуны, поражения русской революции 1905—1907 годов, крушения рабочей революции в Финляндии (1918 год), пролетарской революции в Венгрии и Баварии (1919 год), поражения буржуазно-демократической революции в Германии (1918 год), а позднее в ряде других стран — все это составляет горький опыт истории, по-своему подчеркивающий значение проблемы упрочения политических завоеваний для судеб революции. К числу таких же уроков недавнего времени, несомненно, можно отнести трагедию Чили.

Во всех случаях, когда революционным силам не удавалось закрепить свой приход к власти, это оборачивалось для них особенно тяжелыми, особенно кровавыми последствиями. Такова неутомимая логика классовой борьбы. Представители реакции хорошо ее освоили и нередко пытаются использовать в собственных интересах. Иной раз они прибегают даже к тактике своего рода провокационного «приглашения» революционеров к власти, рассчитывая именно на то, что трудящиеся не смогут удержать за собой этот важный политический успех, не смогут закрепить победу и будут раздавлены контрреволюцией.

Таким образом, закрепление победы следует рассматривать не только как особый, но — в определенном смысле — и как наиболее ответственный период революции.

Возглавив революционное движение пролетариата России, В. И. Ленин и большевистская партия предвидели, что политическая победа пролетариата как на буржуазно-демократическом, так и на социалистическом этапе незамедлительно поставит его перед не терпящими отлагательства проблемами, от успешного решения которых будут зависеть судьбы революции. Мысль

о необходимости не только совершить революцию, но и закрепить ее победу четко прослеживается уже в ранних работах В. И. Ленина. Особое внимание этому вопросу он уделял в годы нарастания первой русской революции. После поражения Декабрьского вооруженного восстания 1905 года данная проблема осмысливается В. И. Лениным еще более всесторонне и конкретно. Последующие ленинские труды, и особенно написанные в 1917 году, до и непосредственно после революции, подчеркивают как значение самой проблемы, так и необходимость для коммунистической партии быть готовой к ее решению.

Давая периодизацию революционной борьбы в России, В. И. Ленин указывал, что четыре года — с 1917 по 1921 — превосходят по содержанию предыдущие 40 лет¹. Почему? Потому, что российский пролетариат и его партия именно в эти годы вели борьбу за сохранение и упрочение завоеваний Октябрьской революции, впервые в истории добились удержания власти в руках трудящихся.

Мировая революционная практика дает богатейший материал для обобщений и выводов, касающихся тех закономерностей, которые определяют успешное решение проблемы упрочения завоеваний революции. Разбирая эту проблему преимущественно в общетеоретическом плане, мы будем широко обращаться к международному опыту. Но исторической основой нашего анализа будут уроки трех революций в России.

Понятно, что при этом главное внимание будет уделено Великому Октябрю — первой пролетарской революции, сумевшей отстоять свои завоевания. Революционная власть в России удержалась и была надежно упрочена в условиях такого мощного сопротивления внутренней и внешней реакции и таких трудностей и лишений, созданных свергнутыми эксплуататорскими классами, каких не знали другие революции. Вместе с тем, как мы стараемся показать, в борьбе рабочего класса России и большевистской партии за закрепление одержанной победы проявились закономерности, подтвержденные затем послереволюционной практикой в других странах, в том числе и на общедемократическом этапе борьбы. И это не случайно, ибо, с одной стороны, в ходе Октябрьской революции российскому пролетариату пришлось «доделывать» задачи буржуазно-демократического этапа; с другой — в процессе развития революций, например, в восточноевропейских странах пролетариат уже на общедемократическом этапе начинал решать некоторые задачи, носившие в основном социалистический характер.

Конечно, условия, в которых происходило закрепление победы социалистической революции в России, во многом отличаются от современных: тогда наша страна была одинокой среди капиталистического мира, ныне существует мировая система социа-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 330—331.

лизма; заметно изменились по сравнению с 1917 годом социально-классовая структура, особенно в развитых капиталистических странах, расстановка сил в мире, общая международная ситуация и т. п. И, несмотря на это, закономерности закрепления и развития победы над эксплуататорами остаются прежними, а конкретный опыт решения этих задач такой партией, как большевистская, под руководством такого великого вождя, теоретика, стратега и тактика революции, как В. И. Ленин, сохраняет непреходящее значение.

Обращение к опыту не только Октября, но и революций 1905—1907 годов и Февральской 1917 года позволяет оттенить тесную связь проблемы закрепления революционной победы с вопросом о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, который рассматривался нами в третьей главе книги.

В самом деле, задача сохранения и защиты революционных завоеваний стоит перед пролетариатом и в том случае, когда революция еще в основном не выходит по своему общественно-экономическому содержанию за рамки буржуазно-демократического переворота, т. е. когда, казалось бы, трудящиеся и буржуазия одинаково заинтересованы в закреплении одержанной победы. В действительности, однако, для буржуазии закрепить победу — значит остановить революцию, свернуть ее развитие. Для пролетариата, трудящихся масс, напротив, упрочение революционных завоеваний немислимо иначе как на пути их углубления.

С точки зрения российской буржуазии, революция 1905—1907 годов закрепила некоторые политические успехи в виде кучих конституционных уступок (например, создание Думы), вырванных у царизма. На деле все это было карикатурой даже на буржуазный парламент, торжеством самой мрачной реакции. В 1917 году попытки буржуазии закрепить Февральскую победу закономерно толкали ее в русло открыто контрреволюционной политики. Напротив, передовой пролетариат России и его большевистская партия, видя свою задачу после Февраля в том, чтобы не допустить гибели революции, добивались закрепления ее успехов на пути дальнейшего углубления революционного процесса, а соответственно и перехода власти в руки трудящихся. Революция, подчеркивал В. И. Ленин, не могла развиваться иначе как в сторону социализма.

Таким образом, опыт трех российских революций, в том числе и Октябрьской революции, дает основание для выводов, освещающих проблемы закрепления победы не только после непосредственно социалистического переворота, но и в условиях перехода власти к широкому классовому союзу демократических сил. Это особенно важно в современных условиях, когда многие отряды международного рабочего класса, многие коммунистические партии ставят в центр сегодняшней революционной

стратегии и тактики борьбу за власть антимонополистического фронта, объединяющего левые, демократические силы.

Уже из сказанного ясно, что вопрос о закреплении победы образует неотъемлемую составную часть ленинской теории революции. Под таким углом зрения данная проблема, как нам представляется, недостаточно исследована в нашей литературе. Рассчитывая несколько восполнить этот пробел, мы, разумеется, не можем ставить целью ее всесторонний и исчерпывающий анализ. В этой главе будут рассмотрены лишь некоторые узловые и наиболее актуальные, на наш взгляд, вопросы, относящиеся к многогранной проблематике периода борьбы за упрочение революционной победы.

Гарантии от реставрации

Чтобы должным образом раскрыть место проблемы закрепления победы в ленинской теории социалистической революции, международную значимость опыта трех российских революций, необходимо прежде всего выяснить содержание самого понятия «гарантии революционных завоеваний от буржуазной реставрации» и установить его критерии.

Основа для развития системы научных взглядов на то, каким образом революционная народная власть во главе с пролетариатом может быть надежно защищена от буржуазной реставрации, была заложена В. И. Лениным еще в начале века. Ленинский анализ строился на базе творческого развития марксистской мысли и обобщения опыта революции 1905—1907 годов в России, равно как и революционного опыта других стран.

Большое значение в этой связи имели, в частности, теоретические положения, выдвинутые В. И. Лениным в ходе полемики с Г. В. Плехановым на IV (Объединительном) съезде в 1906 году.

Как известно, Плеханов считал вооруженное восстание рабочего класса в 1905 году бесперспективным и, отрицая возможность революционной победы, объявлял само это восстание неоправданным, ненужным. На IV съезде он развивал аргументы, якобы подкреплявшие его позицию. В их числе был и довод о реставрации, которым он в данном случае оперировал, выступая против революционных идей ленинской программы по аграрному вопросу и защищая меньшевистский проект муниципализации земли.

Давая ответ Плеханову, В. И. Ленин, как он сам отмечал впоследствии, «центр тяжести перенес не на указание полной бессодержательности рассуждения о реставрации, как аргумента за муниципализацию, а на разбор по существу вопроса о реставрации»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 16.

Россия переживала период буржуазно-демократической революции, происходившей в эпоху монополистического капитализма, т. е. империализма. Поэтому необходимо было четко установить, какой смысл вкладывался в понятие реставрации. В этой связи В. И. Ленин ставил вопрос: «О каких гарантиях от реставрации идет речь? Об абсолютной ли гарантии, в смысле устранения той экономической основы, которая порождает реставрацию? Или об относительной и временной гарантии, т. е. о создании политических условий, не устраняющих самой возможности реставрации, а лишь делающих таковую менее вероятной, лишь затрудняющих реставрацию?»¹

Такое разграничение понятий относительной и абсолютной гарантий от реставрации имело принципиально важное значение для раскрытия перспектив революционного движения в условиях империализма.

Уже Парижская коммуна дала пример установления пролетарской власти, а поскольку речь на IV съезде шла о буржуазно-демократической революции, то тем более история предоставляла сколько угодно доказательств ее возможности и осуществимости. Если же такая революция победит, то гарантией ее успеха от немедленной реставрации могут быть активные мероприятия новой власти, выдержанные в духе революционной последовательности и направленные на всемерную защиту достигнутых завоеваний. Такая гарантия, по ленинской характеристике, имела бы относительный характер. Разъясняя ее суть, В. И. Ленин говорил: «...условной и относительной гарантией от реставрации является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца...»²

По-прежнему обстоит дело с абсолютной гарантией. Ее В. И. Ленин связывал с вопросом о социально-экономической структуре общества и главным образом с положением «мелкого товаропроизводителя во всяком капиталистическом обществе»³.

Основными движущими силами первых двух революций в России были пролетариат и крестьянство. Но поскольку тем не менее это были буржуазно-демократические революции, возникали вопросы: каково будет социально-политическое поведение крестьянской и вообще мелкобуржуазной массы в случае их победы? Не станет ли мелкотоварное производство, постоянно рождающее капитализм, экономической базой для утверждения власти буржуазии, в то время как, по Ленину, условием успешного доведения до конца демократической революции в эпоху империализма

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 16.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 363.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 17.

являлось установление революционно-демократической власти пролетариата и крестьянства? Не станут ли сами мелкие товаропроизводители, прежде всего крестьянская масса, социальной опорой для тех политических сил, которые будут выступать за свертывание революции, т. е. за реставрацию старых порядков? Эти вопросы требовали ясного теоретического ответа, причем такого, который строго учитывал бы особенности и перспективы различных этапов развития революции.

В условиях первой русской революции В. И. Ленин говорил: «После полной победы демократической революции мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика, как-то: капиталисты, помещики, финансовая буржуазия и т. п.»¹ Развивая и углубляя эту мысль, он подчеркивал, что «мелкий товаропроизводитель колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе и поэтому, если условия развития *этого* общества складываются сколько-нибудь благоприятно (напр., промышленное процветание, расширение внутреннего рынка вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель *неизбежно* поворачивает против пролетария, который борется за социализм. Следовательно... реставрация на основе мелкого товарного производства, мелкой крестьянской собственности в капиталистическом обществе не только возможна в России, но даже *неизбежна*, ибо Россия — страна по преимуществу мелкобуржуазная»².

В. И. Ленин обращал, таким образом, внимание на то, что в объективном родстве мелкотоварного производства с капиталистическим, в социальном тяготении мелкого собственника к буржуазии, в политической неустойчивости мелкобуржуазной массы, готовой отшатнуться от революционного пролетариата и поддерживать власть капитала, коренится основная опасность для революции после ее победы. А раз так, то устранение условий, рождающих эту опасность, равносильно созданию абсолютной гарантии от реставрации.

Оценивая с этой точки зрения возможности русской революции избежать реставрации, Ленин делал вывод, что она «имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у нее недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы. Победить она может, ибо пролетариат вместе с революционным крестьянством может составить непреодолимую силу. Удержать за собой победы она не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 362.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 17.

избежно повернут против пролетария, когда он от свободы пойдет к социализму»¹.

Выдвигая это положение в 1906 году в условиях буржуазно-демократического этапа революции в России, В. И. Ленин неразрывно связывал вопрос об абсолютной гарантии от реставрации с перспективой перерастания революции в социалистическую. И это понятно, поскольку лишь социалистическая революция создает условия для осуществления таких социальных и экономических преобразований, которые обеспечивают надежный переход непролетарских, «промежуточных» слоев населения, т. е. мелких товаропроизводителей, мелких собственников, на сторону революционной, пролетарской власти. А следовательно, создание внутренних условий, дающих абсолютную гарантию от реставрации, может быть задачей лишь социалистического этапа революции.

Приведенные выше ленинские выводы, сделанные в период первой русской революции, отнюдь не означали, что у этой революции вообще не было перспектив закрепить в случае успеха свою победу. Возражая тем, кто вслед за Плехановым утверждал, что уделом русской революции непременно будет реставрация, так же как она стала уделом Великой французской буржуазной революции, В. И. Ленин подчеркивал, что «Франция конца XVIII века в эпоху буржуазно-демократической революции была окружена гораздо более отсталыми полуфеодальными странами, которые служили резервом реставрации, а Россия начала XX века, в эпоху своей буржуазно-демократической революции, окружена гораздо более передовыми странами, в которых есть налицо социальная сила, способная стать резервом революции»². В. И. Ленин показывал на многочисленных фактах, что 1905 год уже вызвал серьезный подъем революционного движения в Европе, и выражал уверенность, что в случае победы революции в России борьба европейского пролетариата достигнет еще большего размаха и превратится в мощный фактор поддержки российского рабочего класса. «Чтобы удержать за собой победу,— заключал В. И. Ленин,— чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский *резерв*, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе»³.

Помощь со стороны международного рабочего класса, или — если шире поставить вопрос — благоприятные международные условия, предполагающие политическую поддержку революционного пролетариата других стран и подрывающие или ограничивающие возможность вмешательства внешней реакции, рассматривалась, следовательно, В. И. Лениным как один из важнейших факторов, который позволил бы закрепить и развить завоевания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 17.

² Там же, с. 17—18.

³ Там же, с. 17.

демократической революции, обеспечить ее перерастание в революцию социалистическую. Но, придавая внешнему фактору большое значение, Ленин и ленинцы в отличие от меньшевиков не абсолютизировали его. Ленин, во-первых, со всей силой подчеркивал, что возможность победы народной революции в России должна определяться «составом социальных сил России же, условиями демократического переворота, который у нас сейчас происходит»¹. Во-вторых, как показывал Ленин, давая отповедь соглашателям, подлинно революционная линия должна состоять в том, что партия вырабатывает стратегию и выдвигает практические лозунги «не только *на случай* перенесения революции в Европу, но и *для* такого перенесения»². А это не одно и то же. По существу Ленин уже тогда сформулировал исходные положения для вывода о возможности победы пролетарской революции первоначально в нескольких или даже в одной стране.

Ленинская концепция гарантий от реставрации уточнялась и развивалась с нарастанием революционного движения в ходе подготовки социалистической революции и в борьбе за упрочение ее победы. В трудах В. И. Ленина, написанных в канун Октября и в послеоктябрьский период, дальнейшую глубокую разработку получила его идея о том, что проблема полной гарантии революционных завоеваний от буржуазной реставрации может быть решена лишь на основе прочного, надежного, бесповоротного привлечения на сторону рабочего класса непролетарских, «промежуточных» слоев трудящихся, прежде всего крестьянства. В конечном счете эта проблема решается созданием общественно-экономических условий, исключающих возрождение капитализма и соответствующих ему социальной психологии и политического поведения. (Поэтому, кстати, было бы ошибочным как отождествлять, так и метафизически отрывать друг от друга особые меры по закреплению политической победы революции и задачи собственно социалистического строительства.) Но еще до того, как такие условия будут созданы, прочность революционных завоеваний будет находиться в прямой зависимости от прочности союза пролетариата с непролетарским большинством трудящихся и судьбы революции будут определяться тем, насколько рабочему классу, вставшему у власти, удастся добиться такого союза и повести за собой крестьянство и другие мелкобуржуазные слои.

Например, в резолюции VII Всероссийской конференции РСДРП(б) по аграрному вопросу, принятой по ленинскому проек-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 72—73.

² Там же, с. 73. Характерно, что революционеры-интернационалисты в международном рабочем движении связывали с успехами российского пролетариата именно такое перенесение революции в Европу. Например, германская социал-демократическая газета подчеркивала тогда, что в победе революции в России «международный пролетариат видит предпосылку для своей собственной победы над капитализмом» (Leipziger Volkszeitung, 23. I. 1905).

ту в апреле 1917 года, отмечалось: «В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще, — в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции...»¹ В другой своей работе катуня Октября В. И. Ленин делал упор на необходимость «вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии» и подчеркивал, что «только в этом залог спасения революции»².

Мысль В. И. Ленина о ключевом значении социально-политического поведения мелкобуржуазной массы в условиях борьбы пролетариата за закрепление революционной победы, за предотвращение реставрации и создание гарантий от нее вновь и вновь подтверждалась непосредственно в послеоктябрьский период.

В декабре 1919 года В. И. Ленин отмечал, что как раз в тех районах страны, где, как показали результаты выборов в Учредительное собрание (ноябрь 1917 года), господствующее влияние принадлежало мелкобуржуазным партиям меньшевиков и эсеров и «где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контрреволюционных движений, восстаний, организации сил контрреволюции. Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина»³.

В районах, о которых идет речь (Сибирь, Урал, Украина), мелкобуржуазная крестьянская масса выступила «...сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патриотические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам»⁴.

Иными словами, поведение мелкобуржуазной массы населения, главным образом крестьянства, в точности соответствовало предсказанию, сделанному В. И. Лениным в 1906 году, что мелкий товаропроизводитель, выступив вместе с пролетариатом за революционное свержение буржуазно-помещичьей власти, заколеблется, а то и отшатнется от революции, когда дело дойдет до решительных мер, принимаемых пролетариатом для углубления ее социалистического характера и строительства нового общества.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 426.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 198.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 16.

⁴ Там же, с. 16—17.

Однако, разбирая этот конкретный пример, показывающий значение поведения мелкобуржуазной массы для судеб революции, нельзя поставить точку на том, что «диктатура пролетариата не поправилась крестьянам». Напротив, познакомившись с колчаковщиной и деникинщиной на собственном опыте, убедившись, что они несут с собой лишь возрождение помещичьей и буржуазной власти, крестьянские массы яснее осознали свои подлинные классовые интересы. «Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители»¹, — писал Ленин. И далее подчеркивал: «В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина»².

Как и за десять с лишним лет до Октября, В. И. Ленин после победы Советской власти считал необходимым повторять, что захват пролетариатом руководства государством, первые политические успехи диктатуры рабочего класса — все это создает лишь относительную гарантию от реставрации. В конце 1919 года, возвращаясь к вопросу о причинах Октябрьской победы большевиков, он указывал на следующие обеспечившие ее условия: «1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армии, близких к центру». Но тут же он решительно заявлял, что «эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство *не*пролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий.

Главное именно в этом»³.

В. И. Ленин возвращался к этому вопросу вновь и вновь. В апреле 1919 года он говорил: «В такой стране, как Россия, где мелкобуржуазные элементы ведут все сельское хозяйство, в такой стране без поддержки мелкобуржуазного слоя мы долго продержаться не можем»⁴. В апреле 1921 года Ленин подчеркивал: «Либо мы подчиним своему контролю и учету... мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос...»⁵

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 17.

² Там же.

³ Там же. с. 10.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 252.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 208.

Даже еще позднее (август 1921 года), когда организованное сопротивление реакции было сломлено на полях гражданской войны, когда были разгромлены основные силы империалистической интервенции, В. И. Ленин обращал внимание на мелкобуржуазную стихию как на главный источник опасности для революции, как на главное препятствие для окончательного закрепления ее победы. «Враг, — писал он, — не полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемых всеми меньшевиками и эсерами, всей международной буржуазией. Враг — обыденщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью. Враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата... А мелкобуржуазную стихию внутри государства поддерживает вся международная буржуазия, все еще всемирно-могущественная»¹.

По сей день на страницах буржуазной и реформистской литературы то и дело всплывают утверждения, будто В. И. Ленин связывал судьбу социалистической революции в России исключительно с расчетами на восстание пролетариата других европейских стран. Например, в книге западногерманского историка Г. Конерта читаем, что Ленин, мол, отрицал возможность закрепления одержанной в Октябре победы и построения социалистического общества в России без поддержки пролетарских революций в странах Запада².

Подобным же образом в ревизионистской книжке Э. Фишера и Ф. Марека утверждается: «Ленин всегда связывал развитие революции после Октября с надеждой на мировую революцию... Он по-прежнему был убежден, что победа Октябрьской революции в конечном счете будет гарантирована мировой революцией, по крайней мере революцией в ряде передовых стран»³.

Как правило, авторы подобных домыслов, стремясь как-то свести концы с концами, «забывают», что В. И. Ленин впервые в истории марксистской мысли выдвинул, научно обосновал и развил идею о возможности победы социализма в одной стране. Естественно, что ленинская концепция, складывавшаяся в процессе разработки этой идеи, опиралась на анализ различных вариантов революционного развития — и такого, при котором революция, начавшись в одной стране, получает затем поддержку от революций в других странах, и такого (оказавшегося впоследствии исторически реальным), когда взявшему власть пролетариату придется строить социализм в рамках одного государства. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что революционное свержение эксплуататорских классов в одной стране — «это, конечно, типичный

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 103—104.

² Conert H. Der Kommunismus in der Sowjetunion. Frankfurt a. M., 1971, S. 5.

³ Fischer E., Marek F. Was Lenin wirklich sagte. Wien, 1969, S. 129.

случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение...»¹. В случае же победы социалистической революции в одной стране вопрос о внутренних условиях, обеспечивающих гарантию от реставрации, принимал первостепенное значение и, как мы стремились показать, постоянно находился в центре внимания Ленина.

Как уже подчеркивалось, возможность и необходимость победы социалистической революции первоначально в одной стране вытекают из закона усиления неравномерности экономического и политического развития при империализме. Однако этот важнейший аспект проблемы не должен заслонять ее другой стороны, относящейся к внутренним условиям революционной победы в границах одного государства. В ленинской концепции возможность и перспективы победы революции в одной стране связывались не только с разрывом в уровнях развития отдельных государств, но и с успехом стратегии пролетариата, направленной на завоевание поддержки со стороны большинства народа, мелкобуржуазной массы. Возможность победы социалистической революции в одной стране реализуема, следовательно, постольку, поскольку существует возможность привлечения к участию в этой революции непролетарских слоев трудящихся. Как указывал В. И. Ленин в докладе на X съезде РКП(б), при отсутствии революции в других странах «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России...»².

В России, где было поистине засилье мелких хозяйств в экономике, а крестьянство составляло преобладающую массу населения, решение вопроса о создании абсолютной гарантии от реставрации превращалось в исключительно ответственную и трудную задачу для пролетариата и его партии.

Первые хозяйственные меры Советской власти позволили, с одной стороны, заложить основы социалистической экономики, опирающейся на общенародную собственность на средства производства (ликвидация частной собственности на землю, национализация банков, крупной промышленности, железных дорог и т. д.), а с другой — значительно ограничить, сковать развитие частнособственнических тенденций, для которых, однако, сохранялась традиционная и постоянно самовоспроизводившаяся основа в виде единоличного мелкотоварного производства³. Три года спустя после Октября в Стране Советов насчитывалось более 20 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств. Проведенная в 1920 году перепись ЦСУ показала, что мелкий торгово-промышленный капитал был представлен в экономике страны примерно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 263.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 59.

³ Даже в период «военного коммунизма», когда частная торговля была законодательно запрещена, через ее каналы оборачивалось свыше 40 проц. общей товарной массы страны (см. Струмилин С. Г. На плано-вом фронте. М., 1958, с. 243).

300 тыс. заведений (причем в эту цифру не вошли данные по районам Дальнего Востока, Закавказья, Дона, Белоруссии). Хотя к 1924 году на долю социалистического сектора приходилось 62 проц. капитальных фондов страны, а в городской экономике средства производства были обобществлены на 97 проц., две трети торгового оборота в городах находились в руках частных и частный же капитал обеспечивал выпуск четверти всей промышленной продукции¹. В многоукладной социально-экономической структуре послереволюционной России преобладал, таким образом, мелкособственнический, мелкотоварный уклад.

По сравнению с наиболее развитыми капиталистическими странами в этом заключалась, конечно, определенная специфика России. Сравнивая российские условия с положением в государствах высокоразвитого капитализма, В. И. Ленин говорил: «Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев»². Ленинское умение учитывать особенности конкретно-исторических условий революционной борьбы, в данном случае специфику социально-экономической обстановки в России, позволило большевистской партии находить наиболее эффективные формы привлечения на свою сторону мелкобуржуазной массы, укрепления союза рабочего класса и крестьянства, т. е. в конечном счете создания абсолютной гарантии от реставрации.

Образец такого глубокого внимания к специфике национальных условий мы находим и в программном обращении В. И. Ленина к коммунистам Кавказа и Закавказья в момент, когда их главной задачей стало «удержать и развить Советскую власть, как переход к социализму»³. Говоря о проблеме закрепления революционной победы в Азербайджане, Грузии, Армении, Дагестане, Горской республике, В. И. Ленин подчеркивал: «Всего более важно для успешного ее решения, чтобы коммунисты Закавказья поняли *своеобразие* их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»⁴. Конкретизируя свою мысль, он, в частности, призывал проявить «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству», обращая внимание на то, что «кавказские республики — страны еще более крестьянские, чем Россия»⁵.

¹ См. *Струмилин С. Г.* Указ. соч., с. 236—238; Народное хозяйство СССР за 1922—1923 гг. М. — Л., 1924, с. 430.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 58.

³ Там же, с. 198.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 199.

Однако учет местных особенностей в борьбе за упрочение революционной победы ни в коей мере не заслонял для В. И. Ленина, для партии большевиков необходимости прежде всего руководствоваться общими закономерностями, определяющими создание гарантий от реставрации в любой стране.

В современной буржуазной и реформистской литературе теоретические положения В. И. Ленина по данной проблеме, равно как и опыт ее практического решения большевистской партией, обычно изображаются в качестве рекомендаций или уроков, которые имеют, мол, лишь ограниченное международное значение и применимы якобы только к аграрным, крестьянским, отсталым странам. Показательна в этом отношении упоминавшаяся выше книжка ренегатов от марксизма Э. Фишера и Ф. Марека. В ней есть целая глава, которую авторы называли «После революции» и в которой они приводят обширный материал, показывающий, что основу укрепления революционной власти В. И. Ленин и большевики видели в упрочении союза рабочего класса и крестьянства. Это исторический факт, и с ним авторы не спорят. Но когда дело доходит до обобщения ленинских высказываний, связанных с теоретическим обоснованием послеоктябрьской линии большевиков, авторы заявляют: «Вновь и вновь мы имеем дело с основной проблематикой революции, победившей в отсталой стране...»¹ Утверждается также, будто, характеризуя отличие социально-экономической обстановки в России от положения в более развитых капиталистических странах, В. И. Ленин сам отрицал общие закономерности послереволюционной борьбы за закрепление первой политической победы пролетариата. Подобные домыслы не имеют ничего общего с истиной.

В самом деле, в ленинской концепции закрепления революционной победы центральное место, как мы видели, занимает вопрос о поведении колеблющейся мелкобуржуазной массы, об отношении к ней пролетариата, об умении рабочего класса повести за собой эти «промежуточные» между трудом и капиталом силы. Вот одна из ленинских характеристик этого вопроса применительно к России: «Самый коренной, самый существенный вопрос, это — отношение рабочего класса к крестьянству, это — союз рабочего класса с крестьянством, это — умение передовых рабочих, прошедших долгую, тяжелую, но и благодарную школу крупной фабрики, умение их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочими, какие бы трудности ни пришлось на этом пути испытать, — а трудностей много, и закрывать глаза мы на них не можем, — только в этом союзе лежит избавление крестьянства от векового гнета помещиков и капиталистов»².

¹ Fischer E., Marek F. Op. cit., S. 147.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 305.

Но только ли к России относил В. И. Ленин мысль, заключенную в этих словах? Нет. Он видел в ней «то основное, что нас всех больше всего объединяло, что является наиболее существенным с точки зрения самого существенного и самого коренного вопроса всей нашей революции и *всех будущих социалистических революций...*»¹ (курсив наш. — К. З.). Как видим, В. И. Ленин не сомневался в универсальном, общемировом значении того, что составляло ядро стратегии большевистской партии в борьбе за упрочение власти пролетариата в России. С введением нэпа, который представлял собой развитие линии партии на союз рабочего класса и крестьянства, на укрепление их экономического союза, В. И. Ленин подчеркивал, что поставленная большевиками задача «не только русская, но и мировая» и что «та задача, которую мы решаем сейчас, пока — временно — в одиночку, кажется задачей чисто русской, но на деле это — задача, которая будет стоять перед всеми социалистами»².

Международное значение ленинского теоретического решения вопроса о гарантиях революционной победы и практического опыта большевистской партии в этой области было полностью подтверждено всеми социалистическими революциями послеоктябрьского времени — как теми, которые завершились установлением и упрочением власти рабочего класса, так и теми, которые после начальных успехов потерпели поражение.

К числу последних относится судьба пролетарской революции 1919 года в Венгрии, пример которой с точки зрения рассматриваемой проблемы можно считать особенно поучительным. Данный прежде всего самими венгерскими коммунистами анализ событий, приведших к падению Советской республики в их стране, показывает, что одна из коренных ошибок установленной пролетариатом власти заключалась в ее позиции по крестьянскому вопросу. Как известно, Советское правительство Венгрии декретом от 3 апреля 1919 года распорядилось о безвозмездной передаче всех крупных и средних имений и хозяйств со всем их движимым и недвижимым имуществом в собственность государства. Формально эти национализированные земли подлежали передаче сельскохозяйственной кооперации. На деле же они остались под контролем прежних управляющих имениями либо бывших владельцев. Крестьянство, ждавшее от новой власти прежде всего земли, ее не получило. На политической арене это привело к тому, что в критические для Советской республики дни венгерский пролетариат оказался лишенным жизненно необходимой поддержки крестьянских масс. Бела Кун писал впоследствии: в рядах пролетариата, ставшего у власти, отсутствовало понимание, что «без удовлетворения крестьянства — а удовлетворить его можно только разделом земли — немногочисленный пролетариат не сможет сохра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 305.

² Там же, с. 329.

нить власть в борьбе против внутреннего и внешнего врага. Вместо союза рабочих и крестьян, необходимого в интересах революции, создалась пропасть между рабочими и крестьянами — непоправимый урон для революции. Непонимание нэпа, которое проявилось в России в начале проведения этого курса экономической политики у небольшой группы членов коммунистической партии, в Венгрии приняло массовые масштабы. Вот почему не удалось не только активизировать широкие слои крестьянства в интересах революции, но даже нейтрализовать их»¹. Эти свои выводы Бела Кун характеризовал как «наиболее существенный урок венгерской пролетарской революции...»².

Уроки, вытекавшие из поражения революции в Венгрии, а также в Баварии, были предметом дискуссий в Коминтерне, где они сопоставлялись с положительным опытом большевистской партии в России. Важное значение в этой связи имело, в частности, обсуждение проблемы союзников пролетариата на II конгрессе Коминтерна (1920 год), где разгорелась полемика в связи с представленными В. И. Лениным тезисами по аграрному вопросу. Их центральная идея — необходимость для рабочего класса добиваться тесного союза с крестьянскими массами или по крайней мере нейтрализации середняцких слоев и соответственно строить аграрную политику победившего пролетариата — вызвала возражения отдельных делегатов, зараженных левацкими настроениями. Один из деятелей итальянского рабочего движения, Дж. Серрати, например, настаивал, чтобы в резолюции не делалось «никаких уступок мелкой сельской буржуазии, чтобы не нанести ущерба интересам пролетарских масс»³. Конгресс принял ленинскую установку, и это послужило основой для дальнейшей разработки правильной стратегии коммунистических партий по отношению не только к крестьянству, но и к мелкобуржуазным слоям населения вообще.

Среди аргументов, которыми оперируют буржуазные и реформистские идеологи, отрицая международное значение ленинской концепции закрепления революционной победы и соответствующей ей стратегии коммунистов, не последнее место занимают ссылки на то, что в ней делается упор на союз рабочего класса и крестьянства, тогда как, мол, в развитых странах капитализма крестьяне ни в количественном, ни в качественном смысле не представляют собой такой силы, какой они были в России. Этот, с позволения сказать, «довод» не выдерживает критики по крайней мере в силу следующих трех обстоятельств. Во-первых, как мы уже писали, помимо высокоразвитых индустриальных капиталистических государств в мире существует множество, даже большинство, стран, где именно крестьянство составляет основную массу населения. Во-вторых, даже там, где высокий уровень

¹ Кун Бела. О Венгерской Советской Республике (Избранные статьи и речи). М., 1966, с. 404.

² Там же.

³ Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г. М., 1934, с. 383.

развития капитализма, в том числе в земледелии, привел к резкой социальной дифференциации деревни, к значительному сокращению численности крестьянства, все равно этот класс одновременно собственников и тружеников сохраняет в той или иной степени влиятельное положение в обществе. Как мы увидим далее, усилия, предпринятые партиями пролетариата с целью заручиться поддержкой крестьянства, имели важные, положительные результаты, когда встал вопрос о закреплении первых побед народно-демократических революций в Центральной и Юго-Восточной Европе, в том числе, например, в Чехословакии, которая накануне войны принадлежала к числу наиболее развитых капиталистических государств мира¹. В-третьих, — и это главное — из всех приводимых выше материалов следует, что в ленинской разработке проблемы гарантии от реставрации упор делается на крестьянство как на крупнейшую (по условиям тогдашней России) группу мелкой буржуазии. В этом вся суть. Строго говоря, речь идет не о крестьянстве как классе, связанном с землей, с определенным видом производства, а вообще о мелкобуржуазной массе, «промежуточной» между трудом и капиталом, о «средних» в социальном и колеблющихся в политическом смысле слоях населения.

Когда в связи с разработкой VII конгрессом Коминтерна стратегических установок, связанных с борьбой за единый фронт, были поставлены проблемы создания правительства единого фронта и последующего закрепления его у власти, необходимость завоевания им на свою сторону исключительно крестьянства не подчеркивалась. Г. Димитров в общей форме отмечал, что сплоченность пролетариата оказала бы мобилизирующее влияние на других участников фронта — «на крестьянство, на городскую мелкую буржуазию, на интеллигенцию»². Именно в широте этого союза, охватывающего миллионные массы и представленного непосредственно «на *предприятиях*, среди *безработных*, в *рабочих кварталах*, среди *мелкого люда города и деревни...*», он видел путь к созданию «гарантий против возможного вырождения политики правительства единого фронта»³.

М. Торез в связи с образованием Народного фронта во Франции подчеркивал на VIII съезде ФКП (январь 1936 года), что этот фронт есть «применение на практике указаний Маркса и Ленина о необходимости *полного* союза рабочего класса со средними слоями не только для победы над фашизмом, но и для ликвидации капиталистической эксплуатации»⁴.

¹ Уже в начале 30-х годов в земледелии и близких ему отраслях производства в Чехии было занято менее четверти, а в промышленности и ремеслах — около 42 проц. населения.

² Димитров Г. Избранные произведения, т. I (1910—1937 годы). М., 1957, с. 395.

³ Там же, с. 434.

⁴ Thorez M. Oeuvres. Livre 3, t. II. Paris, 1953, p. 100.

Сегодня многие коммунистические и рабочие партии несоциалистической части мира выдвигают в своих программах задачу борьбы за единый фронт антиимпериалистических сил, за антимонополистическую демократию. В тех случаях, когда (как, например, во Франции) борьба, развертывающаяся в этом направлении, достигает уровня, на котором складывается возможность выдвижения согласованной программы будущего правительства левого единства, естественно возникает вопрос о том, какие факторы могут обеспечить устойчивость и прочность такого правительства.

На XXIV съезде ФКП указывалось, что основой такого правительства, фактором, препятствующим буржуазии прибегнуть к насилию и принуждению, является создание прочного народного большинства, опираясь на которое можно продвигаться к необходимым переменам. «Это — лица наемного труда, которых насчитывается ныне во Франции 18 миллионов, значительная часть интеллигенции, массы крестьян, многочисленные торговцы, ремесленники, мелкие предприниматели. Одним словом, громадное большинство народа, все те, чье социальное положение, условия жизни и труда, самые насущные потребности и интересы диктуют необходимость преобразования общества»¹.

О том, что союз рабочего класса со средними слоями общества имеет важное значение как условие прочности революционной власти и фактор закрепления завоеванных ею позиций, свидетельствуют, как уже отмечалось, уроки поражения правительства Народного единства в Чили. Вопрос о развертывании «антимонополистической стратегии» и в этом плане о закреплении и развитии политических успехов, одержанных рабочим классом и всеми демократическими силами Португалии, занимал видное место в работе VII внеочередного (октябрь 1974 года), VIII (ноябрь 1976 года) и IX (май — июнь 1979 года) съездов Португальской компартии, в документах Политической комиссии, пленумов ЦК ПКП.

Понятно, что во всех этих случаях речь не идет о закреплении революционных завоеваний в такой степени, когда можно было бы говорить о создании абсолютной гарантии их от реставрации. Такая задача, как мы уже отмечали, может быть решена лишь после победы социалистической революции. Однако предпосылки для ее решения закладываются раньше. От того, в какой мере уже на демократическом этапе борьбы пролетариат и его коммунистическая партия смогут добиться прочного союза различных классовых сил, составляющих большинство населения, прямо зависит их успех в дальнейшем, обеспечение абсолютной гарантии от реставрации.

Об этом свидетельствует прежде всего опыт российских буржуазно-демократических революций. Хотя, как известно, ни пер-

¹ L'Humanité, 4. II. 1982.

вая (1905—1907 годы), ни вторая (февраль 1917 года) революции в России не привели к решительной и полной победе демократических сил (равнозначной, по Ленину, повсеместному установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства), однако, как уже отмечалось, именно конкретная деятельность большевиков по отстаиванию в этих революциях кровных интересов широких трудящихся масс, которые игнорировала буржуазия, выдвижение на первый план понятных и близких им лозунгов укрепляли авторитет большевистской партии как выразительницы народных чаяний и нужд, сплачивали вокруг революционного пролетариата непролетарские слои трудящихся, прежде всего большинство крестьянства. Сложившийся уже в этот период союз рабочих и крестьян не только становился тем самым движущей силой перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, но и давал определенные гарантии того, что, взяв государственную власть, большевики сумеют удерживать ее.

Рассмотрим теперь, как готовилось коммунистами закрепление победы революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В условиях народно-демократического этапа революции коммунистическими партиями проводилась значительная работа по укреплению союза пролетариата с непролетарскими слоями населения, по привлечению на сторону рабочего класса большинства народа. Однако, поскольку эксплуататоры сохранили все же значительные социально-экономические позиции и определенное политическое влияние, сохранялась и почва, на которой могли родиться силы реставрации. Пока это было так, проблема состояла не в достижении абсолютной гарантии революционных завоеваний, а в их развитии, в доведении до конца демократической революции. По поводу этого этапа борьбы, например, в Румынии Г. Георгиу-Деж говорил, что коммунисты направили свою деятельность на изоляцию правых партий «от широких крестьянских масс и мелкой буржуазии с целью вовлечения этих масс в союз с пролетариатом для завершения под его руководством буржуазно-демократической революции»¹.

Такая политика была важнейшим вкладом в закрепление революционных успехов, но обеспечивала лишь относительную их гарантию. И это понятно, поскольку в условиях народной демократии, до перерастания революции в социалистическую и до установления диктатуры пролетариата, союз рабочего класса и непролетарских, мелкобуржуазных слоев населения мог строиться преимущественно или даже исключительно на основе совпадения их интересов в борьбе против общего врага — эксплуататоров. Каждый класс, каждая социальная группа в этом союзе сохраняли свои особые интересы. Соответственно компартии видели путь к закреплению революционной победы в привлечении большинства

¹ Георгиу-Деж Г. Указ. соч., с. 170—171.

нации на сторону пролетариата и с этой целью добивались осуществления специфических требований отдельных слоев и групп общества, в том числе и таких требований, которые по существу были мелкобуржуазными, противоречили будущим задачам социалистического строительства. Непролетарская масса, особенно крестьяне, получала возможность на собственном опыте убедиться, что в политическом руководстве обществом именно представители рабочего класса, а не буржуазия способны последовательно отстаивать и защищать ее права и требования. Например, в Чехословакии народно-демократическая революционная власть проявляла заботу об интересах мелких и средних предпринимателей. Как говорил К. Готвальд на VIII съезде КПЧ (март 1946 года), «экономические мероприятия Национального фронта направлены не против мелких и средних предпринимателей, а только и исключительно против той предательской клики, которая в прошлом использовала свою экономическую и политическую власть в целях политического порабощения народов республики и зашла, наконец, так далеко, что ради своей набитой мощны выдала республику врагу»¹.

Компартия использовала свое влияние в высших органах народно-демократического государства и для того, чтобы отстаивать интересы крестьян. Первая земельная реформа в Чехословакии (по закону от июня 1945 года) имела особенности, придававшие ей ограниченный характер. Предусмотренные ею преобразования не затрагивали центральных сельскохозяйственных районов страны, равно как и оставляли нетронутыми имения многих крупных чешских и словацких землевладельцев. (Конфискации подлежала земельная собственность немцев, землевладельцев из хортистской Венгрии и местных коллаборационистов.) После майских выборов 1946 года, в результате которых компартия возглавила правительство, она наряду с другими инициативами выступила с предложением о пересмотре первой земельной реформы, а в апреле 1947 года обратилась к крестьянству с так называемой Градецкой программой, предусматривавшей, в частности, осуществление принципа «земля тем, кто ее обрабатывает». Все силы буржуазной реакции были брошены на то, чтобы сорвать законодательные инициативы коммунистов, и они были проведены через Национальное собрание только благодаря прямой, активной и массовой поддержке крестьян, которые направляли свои делегации в парламент. Практически же пересмотром первой земельной реформы удалось заняться лишь после февраля 1948 года, т. е. уже в условиях диктатуры рабочего класса, опиравшейся на союз с крестьянством.

К. Готвальд подчеркивал на пленуме ЦК КПЧ в июне 1947 года, что «деревня является центром нашей борьбы за большинство нации. Большинство рабочего класса идет за нами. При-

¹ Gottwald K. Vybor z dila. 1939—1949. Praha, 1971, s. 130.

влекать на свою сторону большинство нации — значит привлечь еще больше крестьян, в особенности привлечь крестьянина-середняка»¹.

В то же время необходимо отметить, что с перерастанием революции в социалистическую, с установлением диктатуры пролетариата союз разнородных классовых сил не может служить достаточно надежной опорой для закрепления одержанной победы, если не будет дополнительно сцементирован общностью интересов не только в период свержения эксплуататоров, но и в строительстве нового общества — социализма. Подобно тому как рабочему классу России и большевистской партии для упрочения Октябрьской победы было необходимо перейти от союза со всем крестьянством к союзу с его беднейшими слоями, так и перерастание народно-демократических революций в социалистические поставило решение проблемы гарантий от реставрации в зависимости от сплочения пролетариата и крестьянства на базе общности интересов в борьбе не только против помещичьего землевладения, но и за социализм. Таким образом открывался путь к созданию полной, абсолютной гарантии от восстановления буржуазных порядков.

Рассмотрим, например, в этой связи опыт той же Чехословакии. Говоря о главной линии политики КПЧ после февраля 1948 года, К. Готвальд следующим образом определял ее суть: «Упрочить, консолидировать, обезопасить февральскую победу. Один из важнейших стратегических выводов из ленинского учения о классовой борьбе состоит в том, что завоеванные позиции надо закрепить и упрочить, прежде чем идти дальше...»² Характеризуя затем основные направления политики, которую партия проводила с этой целью, К. Готвальд отмечал прежде всего осуществление второго этапа национализации в промышленности и второй земельной реформы. Именно эти меры, с одной стороны, подрывали экономические позиции эксплуататорских классов в городе и деревне, а с другой — обеспечивали партии пролетариата ее «крупнейший капитал», каким «является доверие, оказываемое ей массами»³.

Поскольку в данном случае революция приняла уже социалистический характер, можно говорить, что политика революционной власти по существу ставила задачей непосредственно создание абсолютной гарантии от буржуазной реставрации. Подобным же образом обстояло дело и в Болгарии, где само Сентябрьское восстание 1944 года знаменовало собой начало социалистической революции. Деятельность Болгарской коммунистической (тогда — Рабочей) партии по закреплению одержанной победы сразу строилась на развитии и упрочении сотрудничества между пролетариатом и крестьянством.

¹ Gottwald K. Spisy. 1947—1948. Praha, 1958, s. 63.

² Gottwald K. Vybor z dila, s. 343.

³ Ibidem.

В условиях, когда «прежде всего нужно было отстоять и закрепить победу 9 сентября»¹, политика БКП опиралась на опыт большевиков, на выводы, которые партия делала из собственной истории, в том числе на критическое осмысление уроков вооруженного восстания 1923 года, когда болгарские коммунисты, недооценив решающее значение классового союза пролетариата и крестьянства, заняли неправильную позицию «нейтралитета» в схватке между крайней буржуазной реакцией и крестьянством.

Георгий Димитров неоднократно на протяжении двух десятилетий напоминал о необходимости осознать эту ошибку и сделать из нее соответствующие выводы. Например, в статье «Болгарский урок» (1925 год) он отмечал, что «коммунистическая партия со своей стороны сделала роковую и непоправимую историческую ошибку, когда в момент переворота 9 июня 1923 года (совершенно вразрез со своим поведением в ноябре 1922 года и в январе 1923 года) она заняла *позицию нейтралитета*, вместо того чтобы использовать свои огромные силы и свое широкое влияние на массы для решительного вооруженного выступления их против буржуазного переворота». И как общий вывод отсюда: *«Победа над буржуазией и установление рабоче-крестьянской власти возможны лишь путем незыблемого союза пролетариата и крестьянства»*².

Союз рабочего класса и крестьянства составил сердцевину того максимально широкого объединения демократических сил народа, которое требовалось не только для полного разгрома фашизма в стране, но и для закрепления первых успехов социалистической революции. Осуществление линии на такое объединение «было предварительным условием и гарантией сохранения и дальнейшего развития исторических завоеваний народного восстания 9 сентября»³.

Как видим, в деятельности компартий восточноевропейских стран учитывалось то главное, что содержалось в опыте борьбы большевиков за развитие успехов, достигнутых после Февральской революции, за закрепление Октябрьской победы и что составляет общую закономерность революционной стратегии в создании гарантии от реставрации. При этом они отнюдь не полагались всецело на благоприятные с точки зрения судеб народно-демократических революций международные факторы, среди которых в этом плане особенно важное значение имело присутствие Советской Армии в значительной части Центральной и Юго-Восточной Европы. Не сбрасывая со счетов эту особенность исторической обстановки, в которой происходило закрепление побед рабочего класса в восточноевропейских странах, необходимо тем не менее со всей решительностью подчеркнуть, что успех в деятельности компартий по созданию гарантий от реставрации был обеспечен

¹ Димитров Г. Избранные статьи и речи, с. 349.

² Димитров Г. Избранные произведения, т. I, с. 225—226, 232.

³ Димитров Г. Избранные статьи и речи, с. 350.

сплочением внутренних сил на платформе народной демократии и социализма.

Это вновь подводит нас к необходимости рассмотреть вопрос о соотношении внутренних и внешних факторов, гарантирующих революцию от реставрации.

Когда говорят, что в течение длительного времени после Октября В. И. Ленин и большевики ожидали общеевропейского революционного взрыва, то это соответствует действительности. Но когда из этого делают вывод, будто окончательную судьбу Советской власти в России они ставили в зависимость от этого социального переворота в Европе, то это уже искажение истории. «Если бы большевики,— писал В. И. Ленин в 1918 году,— построили свою тактику на ожидании революции в других странах *к определенной сроку*, это была бы беспспорная глупость»¹. В рядах партии лишь небольшая группа лиц типа Троцкого догматически предвещала крах Советской власти в России, если не последуют революции за рубежом. И характерно, что в троцкистской схеме это логически увязывалось, как мы уже отмечали, с отрицанием революционной роли крестьянства, с недооценкой значения прочного союза рабочего класса с непролетарской массой².

Историческая действительность не оставила революционной России иного выхода, как добиваться упрочения власти пролетариата главным образом и прежде всего за счет внутренних социальных сил и ресурсов. Но отсюда вовсе не следует, что такой путь был продиктован лишь изолированным положением, в каком оказалась страна посреди враждебного буржуазного мира. На самом деле, конечно, задача большевиков, как и всякой революционной партии, вставшей у власти, заключалась в том, чтобы в максимально возможной степени использовать все — и внутренние, и международные — факторы, могущие способствовать закреплению одержанной победы. Действительно, были реализованы все имевшиеся возможности опереться на интернациональную поддержку пролетариата других стран в ходе борьбы с белогвардейщиной и интервенцией, а также использованы межимпериалистические противоречия. Восстания революционных рабочих в Германии, Венгрии и в других странах явились событиями, которые в известной мере оттянули силы мировой контрреволюции от Советской России. Но при всем этом ключевое значение для решения проблемы имели именно внутренние факторы.

Вернемся в этой связи к урокам поражения Советской республики в Венгрии. Анализируя их, Бела Кун не раз указывал, что

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 299.

² Более поздним рецидивом той же троцкистской позиции было выступление «новой оппозиции» Зиновьева и Каменева, оформившейся к XIV съезду партии (1925 год). Это было то же отрицание возможности построения социализма в одной стране, закономерно сочетавшееся со взглядами на крестьянство как на сплошную реакционную массу.

в числе ошибок, совершенных Венгерской компартией, было ее объединение с социал-демократами, причем такое, какое лишало коммунистов собственного политического лица. На вопрос, почему это произошло, Бела Кун отвечал, что коммунисты в чисто внутреннем деле рассчитывали «на помощь Красной Армии Российской Советской Республики...»¹. Когда этого не произошло, революция, оставшись один на один с интервентами Антанты, не смогла противостоять их вторжению.

Если попытаться как-то обобщить эти уроки революционного 1919 года в Венгрии, то можно сказать, что венгерские коммунисты недооценили значения внутренних факторов, могущих гарантировать власть пролетариата от реставрации (отсюда непродуманное решение крестьянского вопроса), и в то же время возлагали преувеличенные надежды на внешнюю поддержку. В связи с этим необходимо напомнить, что В. И. Ленин прилагал большие усилия, чтобы помочь Венгерской республике. В апреле 1919 года он послал следующую телеграмму главкому И. И. Вацетису и члену РВСР С. И. Аралову: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решить быстрее и прочнее, а за пределами этой задачи никакое занятие Галиции и Буковины не нужно... Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией»². Однако атаман Григорьев, бывший царский офицер, который после поражения Петлюры со всем своим войском перешел на сторону Красной Армии и должен был двинуться против наступающих из Буковины румын, отказался подчиниться приказу и пошел против Красной Армии. Части Красной Армии, направлявшиеся на помощь Венгерской советской республике, вынуждены были вступить в бой с Григорьевым³. Активному продвижению Красной Армии на Юге помешало также начавшееся наступление Колчака в восточных районах страны.

Следует указать, что, несмотря на трудности для нашей страны годы, Советское правительство стремилось оказать поддержку и другим революциям на Западе. Сошлемся на один пример. Получив сообщение о революции в Германии, Советское правительство 10 ноября обратилось ко всем Советам рабочих, солдатских и матросских депутатов в Германии с пожеланиями успеха революционерам, выразив надежду, что народы обеспечат Германии честный мир. «В России — на Украине, на Дону, на Кубани, — говорилось в обращении, — имеется достаточно хлеба и для нас и для вас. Если немецкие Советы дадут приказ немецким солдатам на

¹ Кун Бела. О Венгерской Советской Республике, с. 449. Позднее Бела Кун об этих просчетах партии писал: «Подобная тактика была немарксистской, ленинской потому, что строилась не на реальных возможностях, а на предположениях, которые могли осуществиться, но могли и не осуществиться, как оно и случилось на деле» (там же, с. 536—537).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 285—286.

³ См. об этом: Кун И. Бела Кун. (Воспоминания). М., 1968, с. 166.

Украине, действуя совместно с Красной Армией, подавить бело-гвардейцев, которые пользуются поддержкой Англии и немецких генералов, тогда будет хлеб и для вас». Далее, напомнив о высылке советского посольства из Берлина и невозможности пока, до обуздания немецких генералов, послать в Германию делегата, Советское правительство телеграфировало: «Свяжитесь с нами по радио. Мы напрягаем все силы, чтобы поскорее послать вам хлеб». 11 ноября ВЦИК предписал отправить два поезда с хлебом (50 тыс. пудов) в Берлин и предложил всем Советам создать фонд помощи борющимся братьям по классу — рабочим и солдатам Германии. 12 ноября на заседании ВЦИК Я. М. Свердлов доложил об отправке двух железнодорожных составов с хлебом в Берлин. Представитель Московского Совета заявил, что Совет и профсоюзы отправили в свою очередь поезд с хлебом в Германию¹.

С упрочением Советской власти, образованием и ростом могущества СССР вопрос о внешней помощи в закреплении политических побед рабочего класса в той или иной стране, где свершается социальная революция, приобрел, таким образом, иное содержание. Поддержка со стороны первого в мире государства социализма стала важным фактором, обеспечившим закрепление революционной победы, одержанной уже в 1924 году монгольским народом. Разгром Советской Армией гитлеровских полчищ и ее присутствие в восточноевропейских странах в период, когда там на базе национальных антифашистских восстаний свершались народно-демократические революции, также послужили весомым вкладом в создание гарантий от буржуазной реставрации в этих странах.

Образование мировой системы социализма, укрепление сплоченности стран социалистического содружества, рост их экономического и оборонного потенциала сами по себе стали факторами, ограничивающими возможности внешнего, империалистического вмешательства в национальные революционные процессы. В борьбе за упрочение своей власти пролетариат той или иной страны, если ему удастся прийти к государственному руководству, имеет возможность опереться на солидарную помощь стран социализма. Эта возможность была, в частности, использована революционными силами Кубы в их героической борьбе против посягательств американского империализма на завоевания революции. О том же свидетельствует пример всесторонней интернациональной поддержки вьетнамского народа, поддержки, сыгравшей важнейшую роль в обеспечении его победы над агрессией США. Братская солидарность и политическая помощь способствовали решению одного из ключевых вопросов упрочения революционной власти в ГДР — международно-правовому признанию первого государства

¹ См. Минц И. И. Советская Россия и Ноябрьская революция в Германии. — Вопросы истории, 1974, № 11, с. 20.

трудящихся на германской земле. Действенную моральную, политическую и материальную поддержку социалистическое содружество оказывает народам освободившихся стран в их борьбе против контрреволюционных происков империализма. Яркий пример такой поддержки — помощь, оказанная Народной Республике Ангола в момент, когда она подверглась иностранной интервенции.

Опираясь на интернациональную поддержку стран социализма, действовал рабочий класс и его марксистско-ленинский авангард в 1956 году в Венгрии и в 1968—1969 годах в Чехословакии, где выступления контрреволюционных сил создали угрозу социалистическим завоеваниям. Перефразируя цитированные выше слова В. И. Ленина, можно сказать, что для предотвращения реставрации венгерскому и чехословацкому рабочему классу понадобился невенгерский, нечехословацкий резерв, т. е. обращение к интернациональной помощи братских стран социализма.

Остановимся подробнее на примере с Чехословакией. Стоит напомнить, что в разгар кризиса правые оппортунисты, захватившие руководство КПЧ, усиленно распространяли «успокоительную» версию о том, что, мол, двадцать лет развития по социалистическому пути сами по себе являются гарантией против реставрации и поэтому-де никакие экономические, политические и идеологические послабления буржуазным тенденциям не могут создавать опасности для социализма в стране. В действительности, однако, под завесой этих утверждений в ЧССР разворачивался процесс, грозивший самой настоящей реставрацией капиталистического строя.

После преодоления кризиса, говоря о его причинах в докладе на XIV съезде КПЧ, Г. Гусак отмечал, что «зачастую ставится вопрос, как это могло произойти, если в нашей стране в течение длительного периода у власти находился рабочий класс, если коммунистическая партия была руководящей силой, а трудовой народ в своем подавляющем большинстве стоял на позициях социализма»¹. Отвечая на него, Генеральный секретарь ЦК КПЧ указывал: «...эксплуататорские классы у нас были лишены их прежнего экономического положения, однако они все еще составляли многочисленную, социальную группу. В ЧССР еще есть остатки бывших буржуазных классов и многочисленная прослойка мелкой буржуазии, есть люди, которые до февраля 1948 г. были организованы в буржуазных партиях и т. д. Именно этому и не уделялось достаточного внимания»². В течение длительного времени не анализировались и не учитывались «производственные, социальные и идеологические предпосылки всестороннего включения бывших мелкобуржуазных слоев в систему крупного социалистического производства»³. И далее: «Формирование человека социалистического общества — великая борьба за его со-

¹ Гусак Г. Указ. соч., с. 435—436.

² Там же, с. 107.

³ Там же, с. 432.

циалистическое сознание, борьба с инертностью, классово чуждыми интересами — в наших условиях, когда были сильны прослойки мелкой буржуазии, различные социал-демократические традиции и влияния, не подкреплялось действенной программой... Не велось надлежащей борьбы с нарастающим правым оппортунизмом в партии, который был отражением деятельности внутренних мелкобуржуазных слоев, а также и влияний извне»¹.

Применительно к теме, рассматриваемой в данной главе, мы особенно должны обратить внимание на то, что в приведенных словах из доклада Г. Гусака подчеркиваются различные аспекты одного просчета, связанного с неумением обеспечить руководство мелкобуржуазными слоями со стороны пролетариата, а также неумение добиваться, чтобы эти слои активно и сознательно включились в жизнь нового общества. Как показано в документах КПЧ, принятых после событий 1968—1969 годов, оценки, которые уже на рубеже 50—60-х годов давались положению в стране тогдашним партийным руководством, содержали в себе опасные иллюзии, самоуспокоенность, неоправданные представления, будто полная гарантия социалистических завоеваний уже налицо, хотя в действительности она не была обеспечена необходимыми социально-политическими и воспитательно-идеологическими мерами.

Приведенные факты говорят о том, что хотя ныне объединенная мощь стран социалистического содружества гарантирует входящие в него государства, в которых победил социализм, от реставрации в них капиталистических порядков с помощью сил внутренней и внешней реакции, однако само по себе это не означает, что автоматически исключаются попытки такой реставрации или ее угроза в случае, если допускаются серьезные ошибки в деятельности соответствующей правящей партии.

Взросшие возможности опереться на силу мирового социализма и коммунистического движения в деле закрепления революционных побед отдельных отрядов международного рабочего класса не означают, следовательно, того, что установленное В. И. Лениным соотношение внутренних и внешних условий закрепления социалистических завоеваний вообще изменилось и что решающая роль переходит именно к внешним условиям. Такой вывод был бы совершенно неправомерным.

С одной стороны, он представлял бы собой лишь вариант набивших оскомину утверждений о «нетипичности» процесса становления социалистического общества в России, ибо, мол, Октябрьская революция была уникальна в том смысле, что в момент ее свершения в мире не существовало других социалистических стран. О несостоятельности всякого рода «аргументации», изобретаемой для доказательства «исключительности», «пезакономерности» Октября, мы говорили выше и не будем вновь на этом останавливаться.

¹ Гусак Г. Указ. соч., с. 432.

С другой стороны подобное заключение неизбежно звучало бы как установка на фактическую демобилизацию внутренних революционных сил в обществах, расколотых классовыми антагонизмами. Оно было бы равносильно ориентации исключительно на помощь внешних сил в деле закрепления революционной победы; а, как мы видели, полная, абсолютная гарантия этой победы достижима лишь на базе внутренних преобразований.

Вместе с тем всякие попытки изолировать «свою» революцию от мирового революционного процесса, прикрыться узконационалистическим лозунгом «опоры на собственные силы» так же пагубны для судеб общественного, социалистического прогресса, как и расчет исключительно или преимущественно на помощь извне. В отношении Кубы, например, Ф. Кастро говорил, что «в укреплении революции сыграли решающую роль два фактора...». «...Когда произошла кубинская революция, она не имела никаких связей с социалистическим лагерем, с Советским Союзом. Когда мы поднялись на борьбу с оружием в руках, когда наш народ поднялся на борьбу, мы сделали это исключительно по собственному побуждению, своими силами. Первые революционные законы мы приняли абсолютно по своей инициативе. И когда возникли угрозы и опасности, мы были готовы встретить и преодолеть их, рассчитывая только на свои собственные силы. Что бы произошло, если бы не было социалистического лагеря, если бы не существовал Советский Союз? По меньшей мере им (империалистам. — К. З.) пришлось бы всех нас уничтожить. По меньшей мере!

Но наша страна, которая совершила революцию исключительно своими силами, получила помощь, вдохновенную, несомненно, самой возвышенной, самой передовой, самой бескорыстной в истории человечества революционной идеей, идеей интернационализма, международной солидарности»¹.

Вопрос о возможностях и путях достижения гарантии революционных завоеваний — это вопрос о перспективе любого революционного переворота, о перспективах социалистического преобразования мира вообще. К нему вновь и вновь приходится в той или иной форме возвращаться в условиях современной идеологической борьбы, когда буржуазия пытается погасить революционность пролетарских, трудящихся масс ссылками на неизбежные якобы их поражения даже в случае первоначальных успехов. Той же схеме с давних пор следуют в самом рабочем движении оппортунисты, заявляющие, что посягнуть на устои буржуазного общества — значит неминуемо вызвать такую реакцию, которая сметет все прежние завоевания демократических сил. Так, еще в конце марта 1917 года меньшевистский лидер И. Церетели призывал рабочий класс «удержаться» от захвата власти, который, мол, может отпугнуть от пролетариата другие слои населения и

¹ Кастро Ф. Будущее принадлежит интернационализму. М., 1973, с. 385.

привести к утрате демократических завоеваний. В соответствии со схемой Церетели за большевиками должна быть закреплена лишь «роль парламентской оппозиции, популярной в массах своими крайними требованиями»¹. Другой, не раз уже цитировавшийся нами деятель меньшевизма, А. Потресов, во имя гарантии от реставрации свергнутых в Феврале порядков тоже взывал к тому, чтобы «провести корабль» революции «в надежную гавань, благополучно лавируя между» правыми и левыми силами и держа «курс на общенациональное единение»².

Ссылки на опасность реставрации неизбежно сочетаются у идеологов оппортунизма с призывами воздерживаться от революционных действий, ограничиваться реформистскими, эволюционными методами и формами рабочего и демократического движений. При этом нередко пускаются в ход разглагольствования о том, будто в условиях ядерного века всякая революция сопряжена с опасностью мировой катастрофы. Поэтому, мол, бесмысленно ломать голову над проблемами ее закрепления.

Конечно, нельзя исключить такого поворота событий, когда революция окажется раздавленной реакционными силами, когда народ, восставший против власти капитала, станет жертвой грубой империалистической агрессии. История XX века дает примеры такого рода. Но само по себе это не может быть никаким доводом против революции. Это только лишнее напоминание о том, как важно для революционеров быть готовыми к правильному решению задачи закрепления своих побед.

В начале века В. И. Ленин говорил: «Посмотрите вокруг себя: какое *течение в политике* сделало почти своей монополией указания на опасность реставрации? Течение кадетское. В чем состоит тот ответ, который миллионы раз давали кадеты нашим товарищам по партии, указывавшим на противоречие между «демократизмом» кадетов и их монархической и пр. программой? В том, что тронуть монархию — значит вызвать опасность реставрации. Не трогайте монархии, — кричали тысячами голосов кадеты по адресу с.-д., — не трогайте монархии, ибо у вас нет гарантии от реставрации. Чем навлекать на себя опасность реставрации, опасность реакции, лучше войти в сделку с реакцией, — в этом вся суть политической мудрости кадетов, вся их программа, вся их тактика, вытекающая неизбежно из классовой позиции мелкого буржуа, из опасности для буржуазии доведенной до конца демократической революции». И далее, как общий вывод: «Ссылка на отсутствие гарантий от реставрации есть... *политическое оружие буржуазии против пролетариата*»³. Произнесенные более семидесяти лет назад, эти слова и сегодня раскрывают классовый, политический смысл оппортунистической идеологии, пытающейся

¹ Церетели И. Воспоминания о Февральской революции, кн. 1, с. 115.

² День, 1917, 20 июля (цит. по: Потресов А. И. Посмертный сборник произведений, с. 251).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 21, 22.

удержать рабочих, трудящихся от решительных революционных действий проповедью опасности реставрации.

Суть подлинной гарантии от реставрации, от обращения хода истории вспять состоит не в оппортунистическом осторожничанье (и не в авантюристических действиях!), а в развитии, углублении и доведении революции до конца, т. е. до радикального преобразования общества на социалистических основах, до приобщения к сознательному и активному участию в социалистическом строительстве составляющих его классов и социальных групп. К этой цели и направляется вся деятельность диктатуры пролетариата, марксистско-ленинской партии в период борьбы за закрепление политической победы революции.

Формы и методы упрочения политических завоеваний

Нам предстоит теперь рассмотреть тот комплекс конкретных политических, социально-экономических и других мер, которые, как свидетельствует опыт победивших революций, прежде всего опыт Октября, обеспечивают удержание власти в руках рабочего класса, трудящихся. В конечном счете эти меры должны привести к созданию полной, абсолютной гарантии от буржуазной реставрации. Однако прежде чем будет решена эта главная проблема закрепления революционной победы, необходимо сохранять и развивать завоевания революции, создавая такие политические условия, которые делали бы минимальными шансы реакции на успех. Выполнение этой задачи позволяет революционной власти выиграть время для углубления революции, для осуществления тех преобразований, которые обеспечивают полную гарантию от возрождения опрокинутых буржуазных порядков.

Сплошь и рядом реакция возлагает надежды на то, что революционные силы, даже придя к власти, не смогут удержать ее хотя бы по причине своей неподготовленности к решению сложнейших проблем государственного и хозяйственного руководства.

В условиях России, где свергнутые революцией эксплуататорские классы оставили после себя особенно тяжелое наследие в виде подорванной войной экономики и прогнившей социально-политической системы, представители самых различных течений в контрреволюционном лагере уповали на то, что приход большевиков к власти неминуемо кончится их поражением, поскольку они не смогут совладать с трудностями, переживаемыми страной.

В капун Октябрьского переворота газета «Известия», выражавшая тогда мнение меньшевистско-эсеровского ЦИКа, писала: «Все расклеивается, все идет под гору. Падает снабжение, падает производство, ничего нельзя достать ни за какие деньги... экономическая жизнь идет к явному краху...»¹ Это была достаточно

¹ Известия, 1917, 1 октября.

объективная оценка положения в стране, но она не просто констатировала факты. Она служила также отправной точкой для далеко идущих политических выводов. Каких?

Эсеры и группировавшиеся вокруг газеты «Новая жизнь» четвертьбольшевики (по выражению В. И. Ленина) развивали тезис, смысл которого сводился к тому, что, мол, если будет установлена диктатура пролетариата, то «такая власть означает именно провал и крушение революции»¹. Представители правого крыла, кадеты, ставили все точки над «i»: «Лучшим способом на долгие годы освободиться от большевизма, низвергнуть его было бы вручение его вождям судеб страны»².

Нетрудно видеть, в чем сходились эти разнородные политические течения. В борьбе против передовой партии революционного пролетариата передача власти в ее руки представлялась многим из них целесообразным действием, поскольку предполагалось, что таким путем можно будет добиться дискредитации большевиков в глазах народа. Характерно, что и после Октябрьского переворота враждебные революции силы стремились обнаружить признаки осуществления именно этого своего расчета: «...кроме солдат и пушек у большевиков нет пока ничего. Без государственного механизма, без аппарата власти вся деятельность нового правительства похожа на машину без приводных ремней, вертеться вертится, но работы не производит»³.

Меньшевик Н. Суханов, воодушевляемый все той же затаенной надеждой на скорый крах Советской власти, писал, будто «большевики не знали, что они будут делать со своей победой и завоеванным государством». Имея в виду сложнейшие экономические и иные задачи, стоявшие в то время перед Россией, он заявлял, что «большевистская партия совершила роковую ошибку, поскольку она подняла восстание, не думая об этих задачах и не готовясь к их выполнению»⁴.

Реальные события в России опрокинули все замыслы и надежды контрреволюции. И в этом плане опыт большевиков по закреплению Октябрьской победы поистине бесценен. Его значение столь велико и очевидно, что по-своему признается даже буржуазными идеологами. Например, американский историк Кенез говорит о величии В. И. Ленина, проявившемся в его способности «осуществить полный поворот кругом» и «трансформировать большевиков из агитаторов в администраторов»⁵.

Успех большевистской партии, которая сразу же после Октябрьского переворота, даже в ходе самого переворота сумела переклеститься с непосредственно революционных действий по

¹ Новая жизнь, 1917, 23 сентября (5 октября).

² Речь, 1917, 16 (29) сентября.

³ Новая жизнь, 1917, 4 (17) ноября.

⁴ Суханов Ник. Записки о революции, кн. 7, с. 59.

⁵ Kenéz P. Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Voluntary Army. Los Angeles, 1971, p. 133.

свержению прежней власти на огромную — и притом повседневную, кропотливую — организационно-созидательную работу по закреплению одержанной победы, был подготовлен тщательной и заблаговременной разработкой мероприятий «второго дня» революции, непосредственно послереволюционной деятельности.

Прежде всего речь идет о теоретической разработке вопросов стратегии и тактики победившего рабочего класса в первый период послереволюционной борьбы. В России большевики под руководством В. И. Ленина уделяли этой задаче огромное внимание на всех этапах революционного движения. Они творчески руководствовались коренными положениями марксизма, учитывали опыт Парижской коммуны, революций 1905—1907 годов и Февраля 1917 года в России, глубоко анализировали быстро меняющуюся ситуацию от Февраля до Октября и непосредственно в октябрьские и послеоктябрьские дни.

Заблаговременная подготовка к закреплению победы состояла, в частности, как это было показано выше, в научном выяснении условий, обеспечивающих гарантии революционной власти от реставрации. Она включала в себя также разработку конкретной программы мероприятий, подлежащих проведению в жизнь немедленно по установлении власти трудящихся с целью создания гарантии от реставрации. Эта работа осуществлялась В. И. Лениным и партией параллельно с подготовкой восстания и все более интенсивно по мере его приближения¹.

При разработке такой программы и проведении ее в жизнь, естественно, учитывались закономерности, которые определяют выбор форм и методов борьбы за закрепление успехов революции. При этом следует подчеркнуть, что меры, принимаемые пролетарской властью для закрепления своей победы, на практике, конечно, не делятся на две абсолютно изолированные друг от друга категории — осуществляемые сначала ради достижения относительной, а затем ради создания абсолютной гарантии от реставрации.

Итак, каковы закономерности закрепления революции?

Одной из первых забот большевистской партии в ходе и на другой день после Октябрьской революции были радикальные изменения политических институтов управления обществом, аппарата государственной власти². Отличительная черта самого Ок-

¹ К числу ленинских работ, ставших основой и поистине деловой инструкцией для непосредственно послеоктябрьских мероприятий большевистской партии и Советского государства, относятся: «Государство и революция» (август — сентябрь 1917 года), «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (10—14 (23—27) сентября 1917 года), «Задачи революции» (первая половина сентября 1917 года), «Удержат ли большевики государственную власть?» (конец сентября — 1 (14) октября 1917 года), «К пересмотру партийной программы» (6—8 (19—21) октября 1917 года) и др.

² См. *Прошников М. П.* Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг. Л., 1974.

тябрьского переворота, как и любой социалистической революции, состоит, как известно, в том, что он представлял собой не просто переход власти из рук одного класса и его партии в рамках сложившейся системы государственного управления, но также и коренное изменение самой этой системы. На смену государственному механизму буржуазной республики в России пришла разветвленная система Советов. То, что Советы образовались до революции и к моменту ее свершения представляли собой сложившиеся политические институты, сыграло выдающуюся роль в упрочении Октябрьской победы, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, «...со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удерживать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»¹.

Низложение Временного правительства и передача всей полноты власти Советам как в центре, так и на местах представляли начало того самого слома буржуазной машины государственного управления в ходе социалистической революции, о необходимости которого говорили уже К. Маркс и Ф. Энгельс, обобщая опыт Парижской коммуны. В послеоктябрьской России эта важнейшая задача выполнялась с предельной решительностью и последовательностью. В короткий срок были распущены, ликвидированы, лишены всякой реальной власти государственно-политические институты, которые и по существу, и по форме, и по процедурной практике противостояли народу, были оторваны от него, не подлежали его контролю и не считались с его интересами. Был положен конец государственности, сочетавшей в себе как пережиточные формы и учреждения царизма, так и приспособленный к интересам господствующих эксплуататорских классов парламентаризм буржуазной республики.

В целом это представляло собой не единовременный акт, а более или менее длительный и сложный процесс, который включал в себя не только слом существовавшего буржуазного аппарата принуждения, разрушение сложившихся политических институтов, но и налаживание нормальной работы советского механизма власти, утверждение ее авторитета, создание соответствующих пущам революции новых административных органов и максимальное использование, опять-таки в интересах революции, определенного числа старых управленческих учреждений.

В ходе Октябрьского переворота был положен конец существованию Временного правительства и его совещательного привеска парламентского типа — Временного совета республики («Предпарламента»). Были прекращены полномочия бывших министерств. Необходимость лишить прежний аппарат власти его административных полномочий лишний раз подтвердил саботаж, которым уже 26 октября (8 ноября) ответили на Октябрьский переворот чиновники министерств, Петроградская городская дума,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 305.

служащие многих банковских, транспортных, продовольственных учреждений.

Вот что в связи с этим писала А. М. Коллонтай: «Как только один из народных комиссаров приступал к своей новой должности, все чиновники, словно опытные забастовщики, немедленно бросали свою работу, оставляя министерства и другие учреждения пустыми. Пришлось закрыть многие школы и больницы вследствие забастовок среди учебного и больничного персонала...

Часто, когда чиновники оставляли министерства, они брали с собой не только все документы, но и ключи от сейфов с деньгами»¹.

Особое место в истории ликвидации высших органов буржуазной власти в России заняла судьба Учредительного собрания. Мы еще вернемся к этому вопросу в следующей главе, здесь же необходимо отметить, что буржуазия, как известно, до Октября тормозила образование этого института буржуазно-демократической законности, однако после победы Октября она попыталась использовать его для разгрома революции. Созванная в январе 1918 года «учредилка» с ее правоэсеровским большинством противопоставила себя Советской власти, выступила как откровенный контрреволюционный орган. Это помогло народным массам преодолеть парламентские иллюзии, которые были широко распространены и учитывались большевистской партией, когда она, обладая уже полнотой власти, пошла на организацию выборов и созыв Учредительного собрания. Таким образом, ликвидация буржуазно-парламентской формы высшей законодательной власти в России была осуществлена не путем ее простого, механического «запрета», а на основе предоставления ей возможности раскрыть собственную классово-политическую сущность и тем самым дискредитировать себя в глазах народных масс.

Между прочим, Г. В. Плеханов, который в 1917 году упорно боролся против большевиков и критиковал их за «антидемократизм», в частности при разгоне «учредилки», сам в более ранний период своей деятельности неоднократно высказывался за принятие решительных мер против контрреволюции. Вот слова Плеханова, которые приводит в своей книге один из видных руководителей меньшевизма — Ф. Дан: «...успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться». И далее Плеханов подчеркнул среди прочего, что если бы в ходе выборов в парламент результаты оказались бы неудачными для революционного пролетариата, «то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, через две недели»².

¹ Коллонтай А. М. Указ. соч., с. 235.

² Дан Ф. И. Происхождение большевизма, с. 364.

Организация и утверждение Советов как системы высших и единственных органов государственной власти начались с создания на II съезде Советов (25—27 октября) Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК). ВЦИК был наделен функциями высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа на периоды между съездами Советов. СНК представлял собой высший орган текущего государственного управления и осуществлял свою деятельность через народные комиссариаты, проводившие политику нового государства в отдельных областях политической, экономической, социальной жизни.

В государственном аппарате революционной России были созданы и принципиально новые учреждения власти. Назовем один из них — Народный комиссариат по делам национальностей. Образование этого органа определялось тем большим вниманием, которое по необходимости должна была уделить революция решению национального вопроса в такой многонациональной стране, как Россия. Если в прошлом первоочередная задача, которую русские марксисты ставили перед пролетариатом России, была, по выражению Ленина, главным образом отрицательной (уничтожить национальный гнет, привилегии для какой-либо нации, устранить препятствия для решительного и последовательного проведения демократизма в этой области)¹, то завоевание пролетариатом государственной власти открыло пути формированию принципиально нового типа национальных, государственных отношений, основанных на равенстве, дружбе и взаимопомощи народов. Позднее в связи с образованием в 1922 году Союза ССР В. И. Ленин писал: «Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно пайти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве»².

С точки зрения закрепления революционной победы это означало обеспечение новой власти, власти рабочего класса, широкой и надежной поддержкой со стороны ранее задавленных, угнетенных, приниженных народов. Это означало также предотвращение распада государства под ударами националистических движений.

Принцип равноправия наций, выраженный затем в социалистическом федерализме, стал одной из основ формирования и укрепления советской государственности.

Деятельность большевистской партии по слову прежнего механизма власти и налаживанию новой системы государственного руководства имела, конечно, многие черты, отражавшие специфику

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 132.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 240.

российской действительности. Тем не менее не только в ее содержании, но и в формах и методах проявлялось нечто закономерное, общее для любых условий борьбы за революционное преобразование государственных институтов. Это было полностью подтверждено последовавшими за Октябрем революциями в других странах, которые также имели и свои особенные черты. Показательны в этом отношении уроки народно-демократических революций в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Если в России переход управления государством в руки Советов был подготовлен обстановкой, возникшей в результате Февральской буржуазной революции (двоевластие, дискредитация политических органов буржуазии), то в странах Центральной и Юго-Восточной Европы условия для перехода руководства обществом в руки революционных органов и преобразования старого аппарата власти складывались на этапе освободительной, антифашистской борьбы. Как ее естественное развитие и продолжение здесь проводилась ликвидация учреждений оккупационных режимов, осуществлялась чистка аппарата управления, денацификация персонала.

Коммунистические партии этих стран предвидели неизбежность ломки старого и создания нового аппарата власти, готовились к этому¹. Под их руководством уже в ходе освободительной борьбы складывались политические институты, отражавшие народно-демократический характер нараставшей революции: национальные комитеты в Чехословакии, рады народные в Польше, комитеты Отечественного фронта в Болгарии, народные комитеты в Югославии и т. д. Во Вьетнаме в ходе освободительной борьбы против колонизаторов возникли народные комитеты.

Таким образом, как и на пути к Октябрю, элементы новой структуры государственной власти складывались заранее, формировался аппарат управления. Главное, конечно, было не в формах, которые приобретали учреждения народной власти, а в их революционном существе. Действительно, развернутую систему Советов, как ни грандиозна была ее роль в закреплении Октябрьской победы в России, нельзя, как показала практика, рассматривать в качестве единственно возможной, обязательной формы государственно-организационного руководства обществом со стороны пролетариата. «Естественными органами массовой революционной борьбы, превращающимися после победы восстания в органы власти, являются Советы рабочих депутатов...» — говорилось в проек-

¹ К. Готвальд, например, писал в мае 1944 года: «...хотя мы не можем знать, в каком положении будет освобожденная страна в результате военных действий, одно ясно: весь аппарат управления обществом снизу доверху нужно будет создавать заново на новых основах. И это не только потому, что старый аппарат будет разрушен, но главным образом потому, что это был аппарат, созданный оккупантами и служивший во время оккупации их целям. Ясно, что такой аппарат невозможно просто перенять и использовать в интересах республики» (Gottwald K. Vybor z dila, s. 60).

те тезисов «Основы III Интернационала». В. И. Ленин указал по поводу этой формулировки: «**Типа Коммуны и Советов** (не обязательно «Советов»)»¹. И в этом суть вопроса.

Всеякие попытки свести дело к смене политической формы без должного внимания к ее классовому содержанию, как правило, оказываются полезными контрреволюции. Эсеро-меньшевистские предатели революции в России, например, были «горячими сторонниками» Советов, но «Советов без большевиков». В Ноябрьской революции 1918 года в Германии Советы также получили широкое распространение. Но Карл Либкнехт справедливо говорил о них: «только фасад». И далее пояснял: «Существует противоречие между политической формой и социальным содержанием германской революции... Ее политическая форма — пролетарское действие, ее социальное содержание — буржуазная реформа»². Подобным же образом, например, национальные комитеты, возникшие в Чехословакии на послеоктябрьской революционной волне, были впоследствии захвачены правой социал-демократией и превратились попросту в органы обслуживания буржуазии.

После Октября в России, после установления революционной власти в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а затем и на Кубе коммунистические партии всемерно добивались, чтобы управление обществом, государством в максимально возможной степени было сосредоточено в руках тех органов, которые представляли революцию, а не тех, которые относились к традиционным институтам прежней власти.

Прежде всего это означало опору на органы национальных фронтов, на избранные массами народные комитеты на местах. Вместе с тем новые правительства, складывавшиеся в ходе революций, принимали на себя функции высших органов государственной власти, выражавших интересы всех народных сил (классов, групп, партий), которые участвовали в борьбе против фашизма и опирались на их поддержку. В этом смысле они противостояли прежним высшим институтам государственной власти там, где они сохранились, — монархии (в Болгарии, Румынии), парламентам. И хотя в составе законодательных учреждений также произошли серьезные сдвиги³, решающий политический вес имели именно правительства, опиравшиеся на национальные фронты и революционные народные комитеты.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 502, 735 (Примечание).

² *Libknecht K. Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze.* Berlin, 1953, S. 472.

³ Например, в Венгрии (1944 год) и в Польше (1943 год) временные высшие органы законодательной власти формировались из делегатов, назначенных или избранных политическими партиями и общественными организациями. Таким же путем был образован в 1945 году Национальный фронт освобождения Вьетнама. В Чехословакии в состав Временного национального собрания (1945 год) вошли не запятнавшие себя сотрудничеством с фашистами члены дюжонхенского парламента и представители, назначенные Национальным фронтом.

Революционный, т. е. принципиально отличный от буржуазно-парламентарного, процесс формирования правительств в странах народной демократии обеспечивал влиятельное участие в них партий рабочего класса — коммунистов. Значение этой характерной черты первого этапа революционного преобразования общества хорошо выражено словами К. Готвальда, сказанными применительно к Чехословакии: «Этот знаменательный факт, наряду с тем, что коммунисты приняли значительное участие в выработке правительственной программы, указывает, что воля и деятельность правительства не будут расходиться с волей и деятельностью народа»¹.

С развитием народно-демократических революций и установлением диктатуры пролетариата в этих странах был осуществлен фактический слом буржуазной государственной машины, хотя в социалистическом строительстве продолжали использоваться многие традиционные политические институты прежнего общественного строя, и это полностью соответствовало марксистско-ленинской концепции об отношении революции к государству.

В самом деле, в деятельности государственного аппарата буржуазии марксисты-ленинцы различают выполняемую им функцию классового насилия и управленческо-организаторскую, учетно-регистрационную функцию. В систему государственных учреждений входят банки, почта, телеграф, транспорт, коммунальное хозяйство и т. п. «Этого аппарата, — подчеркивал В. И. Ленин, — разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать, отсечь, отрубить* капиталистов с их питиями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным»². Эти ленинские слова определяют принципиальный подход коммунистов к вопросу о замене государственной машины эксплуататоров механизмом государственного руководства, находящимся в руках трудящихся.

В том случае, когда складывается ситуация, благоприятствующая мирному приходу пролетариата, трудящихся масс к власти, вопрос об овладении государственным аппаратом вполне может, особенно на первых этапах, принять характер последовательного наполнения сложившихся институционных форм новым содержанием. Но при этом нельзя упускать из виду, что сохранение прежнего государственного аппарата, традиционно обслуживавшего эксплуататоров и защищавшего их интересы, таит в себе немалую угрозу для революционеров, требует от них повышенной бдительности и особых усилий по обеспечению контроля над органами власти.

Об этом говорят уроки всех революций XX века. В России, например, на заре Советской власти, в период, когда предпринима-

¹ Gottwald K. Deset let. Praha, 1949, s. 349.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 307.

лись наиболее энергичные усилия для слома буржуазной государственной машины, большевистская партия под руководством В. И. Ленина уделяла самое серьезное внимание тому, чтобы по возможности сохранять и обращать на службу социализма унаследованные от прошлого полезные учреждения, равно как и тому, чтобы привлечь к работе и максимально использовать в интересах строительства нового общества представителей буржуазии, обладавших техническими знаниями, организаторскими навыками, военным опытом. Это с одной стороны.

А с другой — опыт Октября показал, что между пролетариатом, пришедшим к власти и выступающим, следовательно, как государственно-организованный класс, и старой, эксплуататорской системой управления сколько-нибудь длительное мирное сосуществование невозможно, а конфликт неизбежен. Решение этого конфликта в пользу рабочего класса, трудящихся масс — необходимое требование борьбы за закрепление революционной власти.

Как было показано во второй главе, всякая революция при ее последовательном развитии самой логикой классовой борьбы подводится к такому рубежу, когда неизбежно встает вопрос о необходимости далеко идущих социально-экономических преобразований во имя сохранения политических завоеваний. Приход к власти прогрессивных, демократических сил создает объективное противоречие между политическим режимом и экономическим могуществом крупной буржуазии, которое служит опорой реакции. Такая ситуация существовала в Чили. Новейший пример в этом отношении дала расстановка внутренних сил в Португалии после начавшегося в апреле 1974 года процесса демократизации страны. Это противоречие имеет место в период социалистических революций. И от того, как оно будет решено, зависит исход революции.

Для закрепления революционной победы и в России после Октября, и в странах народной демократии в Центральной и Юго-Восточной Европе, а также в социалистических государствах Азии и на Кубе важнейшее значение имели аграрные преобразования, решение крестьянского вопроса.

Декрет о земле, т. е. об аграрной реформе, был, как известно, в числе первых революционных актов Октября. Он положил конец феодальной собственности на землю, полностью лишил экономических позиций и социальных привилегий класс помещиков. Декретом о земле в руки крестьян передавались 150 млн. га сельскохозяйственных угодий. Крестьянство избавилось от кабальной зависимости, на которую его обрекали огромные долги помещикам, эксплуататорскому государству, ипотечным банкам. Оно освободилось от непомерных арендных платежей, подрывавших «мужичье» хозяйства, вырвалось из безысходного положения, искусственно созданного так называемым малоземельем и безземельем.

Все это дало самому многочисленному и самому забытому классу России впервые в истории возможность почувствовать себя не только хозяином земли, основного источника своего существования,

во и полноправным участником всей общественной и политической жизни страны. Этим был предрешен переход подавляющей крестьянской массы на сторону революционной власти.

С точки зрения дальнейшего упрочения Октябрьской победы исключительно важную роль сыграло организационное и политическое сплочение сил крестьянской бедноты в борьбе против кулачества. Стихийно оно началось еще в конце 1917 года. В июне 1918 года оно было официально поддержано декретом Советской власти, положившим начало массовому образованию комитетов бедноты — комбедов¹. К ноябрю, по неполным данным, их общее число в 33 губерниях РСФСР достигло 122 тыс.

Комбеды не только внесли огромный вклад в решение продовольственной проблемы страны, не только помогли значительно ослабить экономические позиции сельской буржуазии, но и в результате объединения в конце 1918 года с местными Советами резко подняли политическое влияние и эффективность революционной власти в деревне. В течение нескольких лет изменился классовый состав сельского населения, деревня «осереднячилась»².

Опыт Октября показал, таким образом, что в интересах закрепления революционной победы при решении аграрных проблем, крестьянского вопроса пролетариат, вставший у власти, должен выбирать такие формы и методы своей политики, которые сочетают в себе и учет классовой дифференциации деревни, и принципиальный курс на тесный союз с ее беднейшими слоями, и последовательность преобразований, позволяющую максимально привлекать на свою сторону революционные силы сельской мелкой буржуазии.

Этот опыт был подкреплён в дальнейшем практикой других революций. То же немедленное удовлетворение крестьянских требований о земле и тот же курс на сплочение пролетариата и крестьянства в рамках тесного классового союза были характерной чертой народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где это существенно способствовало упрочению первых политических завоеваний рабоче-крестьянской (на первом этапе) или пролетарской государственной власти. Мерами, направленными на преобразование социально-экономических отношений в деревне и укрепление на этой основе союза рабочего класса и крестьянства, были отмечены и первые послереволюционные периоды в социалистических странах Азии, на Кубе, которые также явились важнейшими факторами, способствовавшими закреплению победы революции.

¹ Речь идет о декрете от 11 июня 1918 года «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями».

² К 1924 году середняцкими были 64,7 проц. крестьянских хозяйств; доля бедняков составляла 24 проц. и кулаков — 11,3 проц. (см. Развитие советской экономики. М., 1940, с. 216).

Ориентация всей общественной жизни на стабильное и неуклонно растущее удовлетворение материальных и духовных нужд и интересов трудящихся — это неременная задача революции. Ее решение, с одной стороны, является важнейшим фактором в обеспечении широкой поддержки революционной власти в критический для нее начальный период существования, а с другой — выражает истинно гуманистическую сущность революции, ибо ее высшая цель — создание материальных и иных условий, необходимых для всестороннего раскрытия творческих способностей, заложенных в человеке, для ее гармоничного развития.

В связи с этим встает еще один вопрос, занимающий важнейшее место в борьбе за закрепление победы революции, — идейно-воспитательная и культурная работа партии и пролетарского государства. В центре, фокусе этой работы стоит человек труда. Вся сложность этого в том, что, с одной стороны, именно он, человек труда, является подлинным творцом новых общественных отношений, силой, разрушающей до основания весь старый мир насилия, эксплуатации, мешанства, предрассудков, но, с другой стороны, он несет на себе «родимые пятна» этого мира, а значит, и сам нуждается в позитивном преобразовании. Иначе говоря, речь идет о том поистине диалектическом процессе, который В. И. Ленин, обобщая первые послереволюционные шаги Советской власти, выразил в следующих словах: «Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить»¹.

Работа по воспитанию нового человека, хозяина страны, складывается на этапе борьбы за упрочение политической победы революции из решения целого ряда задач. Необходимо, в частности, поднять сознательность масс до уровня, обеспечивающего их активное целенаправленное участие в защите революции, в созидательном труде, по-новому организуемом и по-новому вознаграждаемом; проложить путь к повышению общей культуры трудящихся, в том числе и к приобретению ими навыков, позволяющих эффективно и со знанием дела участвовать в руководстве государством, экономикой, обществом; помочь массам преодолеть груз предрассудков и привычек, оставленных в наследство свергнутым общественным строем и подогреваемых сопротивляющимися эксплуататорами, и т. д.

В первые же послеоктябрьские дни большевистская партия развернула огромную деятельность. Большое внимание в этот период так называемого стихийного митингования уделялось устной агитации и пропаганде. Сотни большевистских пропагандистов и агитаторов выступили с докладами и речами во всех уголках

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 33.

страны¹. Значительную их часть составляли делегаты II съезда Советов. Резко расширилась сеть большевистской печати².

Установивший свою диктатуру рабочий класс должен был, как писал В. И. Ленин, «не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией...»³. В устных и печатных выступлениях большевиков давался действенный отпор домыслам реакционеров, их клеветническим нападкам на Советскую власть, но в плане развернувшейся ожесточенной идеологической борьбы этого было недостаточно.

Марксисты-ленинцы всегда считали, что пресса и другие средства массовой информации являются настолько мощным оружием классовой борьбы, что революционная власть не может без риска оставлять их в руках контрреволюции. Это предполагает со стороны победившего пролетариата готовность прибегнуть к самым решительным действиям, вплоть до репрессий по отношению к враждебным революционным органам печати, радио, телевидения и т. д. Подобные принудительные, насильственные действия в сфере духовной, культурной жизни — неизбежное явление в моменты крайнего обострения классовой борьбы. Поборники буржуазной свободы слова нисколько не стесняются прибегать к ним: закрывают рабочие газеты, арестовывают журналистов-коммунистов и т. д. Разгул реакции в этой области ведет к надругательству над национальной культурой. Достаточно напомнить, как горели на фашистских кострах произведения классиков немецкой литературы и как это варварство, казалось бы ушедшее в историю, вновь повторилось с приходом к власти клики военных путчистов в Чили. Напротив, власть трудящихся, борясь (средства борьбы могут быть разными и зависят от обстановки) с идеологическим сопротивлением буржуазии, бережно относится к общему достоянию национальной культуры, проявляет, как мы увидим дальше, заботу о ее дальнейшем прогрессе. Она, говоря словами Ленина, сознательно ставит своей задачей развитие «лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»⁴.

¹ Только за первый месяц Советской власти Петроградский ВРК по указанию ЦК РСДРП(б) и Советского правительства командировал до 250 комиссаров и эмиссаров, около 650 агитаторов. В период триумфального шествия Октября в губернии и уезды были направлены тысячи эмиссаров ВЦИК. Один Петроград до марта 1918 года дал стране около 15 тыс. большевиков — энергичнейших проводников влияния партии в массах, самоотверженных руководителей революции на местах.

² В октябре — ноябре 1917 года начали выходить партийные газеты в Батуми, Минске, Коврове, Иркутске, Оренбурге, Николаеве, Пскове, Новоиколаевске, Симбирске, Калуге, Самаре, в 8-й армии. На позиции большевиков перешел ряд ранее издававшихся газет (в Брянске, Омске, Одессе).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 387.

⁴ Ленинский сборник XXXV, с. 148.

Закрытие реакционных буржуазных газет «Речь», «День», «Русское слово» и других, развернувших активную агитацию против Советской власти, было одним из первых революционных шагов Октября. Одновременно 4(17) ноября Совнарком принял декрет о печати, резко ограничивший возможности идеологического контрнаступления реакции. Давая отповедь эсеровским деятелям, выступавшим против декрета, В. И. Ленин говорил: «Если мы идем к социальной революции, мы не можем к бомбам Каледина добавлять бомбы лжи»¹. Действительно, в обстановке, когда войска контрреволюции стягивались к Петрограду и Москве, дальнейшее сохранение полной свободы печатного слова для сил реакции могло означать только потворство откровенным врагам пролетарской власти.

Многочисленные факты истории послеоктябрьского времени подтвердили, что во всех случаях, когда завоевания революции испытываются на прочность, вопрос о сохранении рабочим классом надежных позиций в сфере массовой информации имеет исключительно важное значение. Имея в виду период кризиса 1968—1969 годов, Г. Гусак говорил, что «эти годы научили не только нас, в Чехословакии, они показали, какую роль могут играть средства массовой информации в общественной жизни, какое это опасное оружие и насколько важно, в чьих руках оно находится». И далее, как практический вывод: «А потому партийное и государственное руководство должно уделять исключительное внимание средствам массовой информации и воспитанию людей, заботиться о том, чтобы средства массовой информации не могли изменить своей основной цели — служить интересам народа, рабочего класса, социалистического общества»².

Далее, важнейшая, если не самая главная задача, которую партия ставила и решала еще на пути к революции и особенно в ходе самой революции, состояла в подготовке рабочего класса к роли руководящей силы общества. Разумеется, не имея опыта государственного управления, трудящиеся и коммунистическая партия как выразитель их интересов приступают к созидательной, организационной работе послереволюционного периода как к новому для них делу. Но в отличие от оппортунистов, которые абсолютизируют эту неподготовленность и превращают ее в аргумент против взятия власти пролетариатом либо в обоснование своих пророчеств о неминуемой гибели революции, марксисты-ленинцы видят в ней хотя и трудную, но разрешимую проблему. Большевицкая партия и в дооктябрьский период, и после взятия власти вела широкую воспитательную работу, направленную на преодоление робости трудящихся, вполне естественной, когда им приходится браться за дело, бывшее традиционно привилегией эксплуататорских классов. «Станьте во весь рост, выпрямьтесь,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 54.

² Гусак Г. Указ. соч., с. 740—741.

и тогда нам не страшны угрозы»¹, — говорил В. И. Ленин, имея в виду именно эту задачу устранения «морального барьера» на пути к овладению массами оставшейся скрытой для них «тайной» общественно-политического руководства. В условиях России фактором, способствовавшим такой подготовке масс, было образование уже в годы первой русской революции Советов, которые явились для многих представителей трудящихся хорошей школой самостоятельного участия в работе, непосредственно связанной с политическим управлением обществом.

Конечно, одно из решающих условий эффективности пролетарского руководства страной — наличие соответствующих кадров. Известно, что в этом вопросе молодое пролетарское государство испытывало определенные трудности из-за саботажа многих работников старого аппарата, эмиграции части интеллигенции за границу, создавших своего рода кадровый «вакуум». И здесь, как мы уже отмечали в предыдущем разделе, огромную роль сыграло то обстоятельство, что большевики заблаговременно начали готовить — прежде всего в рамках партии — людей для выполнения этой ответственной задачи. После Октябрьского переворота большевистская партия смогла сразу выдвинуть своих деятелей на важнейшие участки управления государством и народным хозяйством. Руководящие кадры партии немедленно развернули целенаправленную, активную работу по закреплению одержанной политической победы.

Результаты быстро развернутой организационной деятельности выразились в создании к весне 1918 года 16 областных (краевых) и более 30 губернских партийных объединений. ЦК партии большевиков установил также непосредственную действенную связь более чем с 400 рабочими организациями и примерно со 140 военными.

При формировании высших органов государственной власти и управленческого аппарата Советской республики большевики не испытывали недостатка в закаленных в революционных боях талантливых организаторах и руководителях.

Таким образом, заблаговременно предпринятая, тщательная подготовка к послереволюционному периоду борьбы позволила большевистской партии немедленно заняться делом практической перестройки основ общественной жизни.

Советское государство, оставаясь затем в течение длительного времени единственной социалистической страной мира, помогло революционерам многих других стран, прежде всего стран народной демократии, приобрести навыки хозяйственной и политической работы, необходимые в условиях перехода от борьбы за власть к борьбе за ее упрочение и построение нового общества. В этом смысле с образованием СССР и впоследствии мировой системы социализма задача подготовки кадров для будущей социда-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 63.

тельной работы в условиях победившей революции решается сравнительно проще, чем в то время, когда большевикам приходилось играть роль первопроходцев.

Разумеется,— и это показал опыт Октября — подготовка квалифицированных кадров и успешная деятельность государственного аппарата, воспитание нового человека невозможны без культурной революции, осуществляемой под руководством партии и государства. Повышение уровня образованности и культуры народа Ленин считал одной из первоочередных задач Советской власти. С этой целью уже 9 ноября 1917 года был создан высший орган пролетарской диктатуры по руководству культурным строительством — Государственная комиссия по просвещению (впоследствии — Наркомпрос). Революция отменила привилегии и ограничения в пользовании плодами и благами культуры и образования. Школы, университеты, институты, библиотеки, музеи и другие культурно-просветительские учреждения стали широко доступны трудящимся. Советская власть взяла под охрану все культурные ценности, национализировала важнейшие художественно-исторические памятники и учреждения культуры, которые стали общенародным достоянием. Культура для народа — это требование было провозглашено большевиками задолго до Октября 1917 года, последовательное проведение его в жизнь после победы революции стало важнейшим, ничем не заменимым средством воспитания нового человека, закрепления революционных завоеваний.

Опыт большевиков и в данной области был творчески использован в последующих победоносных социалистических революциях.

В числе важных идеологических задач партии было разъяснение трудящимся, что революция не имеет ничего общего с анархией. Необходимо было рассеивать распространенные среди части населения представления и предрассудки, будто революция несет с собой немедленную и всеобщую уравниловку, будто она санкционирует расхищение имущества свергнутых эксплуататоров и т. п. Такие представления были не только наивными, но и опасными, ибо они питались собственническим, индивидуалистическим сознанием мелкой буржуазии.

Большевистским агитаторам приходилось преодолевать и политическую пассивность значительной части трудящихся, которые по-прежнему смотрели на государственную власть как на «чужое дело», не находили в себе смелости и решительности для самостоятельного участия в работе Советов. Поэтому в ходе утверждения революционной власти на местах возникала проблема, которая заключалась не только в том, чтобы сломить сопротивление контрреволюционеров, цеплявшихся за прежний аппарат губернских, городских и прочих местных органов управления, но и в том, чтобы рассеять сомнения народных, особенно крестьянских,

масс относительно подлинного характера Советов как воплощения государственной власти¹.

Опыт всех революций, как победивших, так и потерпевших поражение, показывает, что меры политического, экономического и идеологического характера оказываются недостаточными для упрочения первых завоеваний. Сопротивление реакции ставит перед революционерами задачу быть готовыми к вооруженной защите своих позиций. Это с новой силой подтвердили трагические события в Чили. Выдающийся сын чилийского народа президент С. Альенде, который немало сделал для того, чтобы обеспечить продвижение революции вперед конституционными методами, вместе с горсткой своих сотрудников был вынужден с оружием в руках защищать власть, врученную ему народом, от контрреволюционных мятежников. Это сопротивление может показаться бессмысленным, если рассматривать его с чисто военной точки зрения. Но с политической точки зрения этот акт высокого гражданского и человеческого мужества пренеполнен глубокого смысла. Своим поступком Альенде как бы сказал: даже убежденный противник насилия, если он верен своему революционному долгу, должен взяться за оружие, когда к оружию прибегают враги революции.

Вооружению рабочих, организации отрядов самообороны трудящихся, работе в частях регулярной армии большевики уделяли первостепенное внимание во время всех трех революций и в периоды между ними. После Октября этот вопрос приобрел особенно большое значение. Ни отрядов Красной гвардии, ни армейских полков, перешедших на сторону пролетарской власти, не было бы достаточно для отпора вооруженной до зубов внутренней реакции и интервентам. Категорически необходимой мерой для закрепления революционной победы явилось создание регулярной Красной Армии, а также ВЧК.

Сегодня наши идеологические противники противопоставляют известному теоретическому положению Ленина о замене после победы пролетариата постоянной армии вооруженным народом им же научно обоснованную практическую деятельность Советской власти по созданию и укреплению после Октября регулярной социалистической армии для защиты революционных завоеваний от внешней империалистической интервенции и навязанной большевикам гражданской войны.

Наши «критики» не понимают, а точнее, делают вид, будто не понимают, что существует определенное различие между принци-

¹ Газета «Правда» в номере от 5 (18) ноября 1917 года сообщала о речи, произнесенной накануне В. И. Лениным. В газетном отчете говорилось: «Остаиваясь на переходе власти в руки Советов, тов. Ленин заявляет, что он сейчас наблюдает новое явление: крестьяне отказываются верить, что вся власть принадлежит Советам, они еще чего-то ждут от правительства, забывая, что Совет это не частное учреждение, а государственное» (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 35, с. 62—63).

пиальными требованиями, исходящими исключительно из самой природы социализма, из внутренней логики его развития, и их применением в конкретной ситуации, в которой действуют силы не только социалистические, но и могущественные враждебные силы империалистической реакции. И нет нужды доказывать, что со времен Октября еще не было такой международной ситуации, в которой социалистическое государство можно было бы защитить без регулярной армии.

Работа по формированию новой регулярной социалистической армии проходила параллельно с ломкой военного аппарата прежней власти. Эта ломка началась с чистки военного министерства, частичной замены командного персонала в действующих частях и военных округах и завершилась демобилизацией, осуществленной в декабре 1917 — январе 1918 года. Написанная В. И. Лениным и принятая ВЦИК 3 января 1918 года Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа явилась тем актом Советской власти, который подвел законодательную основу под образование собственных вооруженных сил социалистического государства¹.

Вопрос о создании специального органа Советской власти для борьбы с контрреволюцией был поставлен в Совнарком по инициативе В. И. Ленина в начале декабря 1917 года. В решении СНК говорилось, что организуемое учреждение будет называться «Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем... Меры — конфискац[ия], выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.»². Разгул белого террора вынудил ввести в число мер, применявшихся к врагам революции, и смертную казнь — расстрел.

Благодаря деятельности ВЧК в первые месяцы существования Советской власти было раскрыто несколько контрреволюционных заговоров, ликвидировано значительное число реакционных организаций, сорван ряд крупных операций спекулянтов и контрабандистов. В. И. Ленин характеризовал ВЧК как разящее орудие пролетариата «против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас»³.

Этот опыт революционной России, связанный с созданием специальных средств вооруженной защиты рабоче-крестьянской вла-

¹ Пункт 5 раздела II Декларации гласил: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян, и полное разоружение имеющих классов» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 222).

² Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917—1921 гг. Сб. документов. М., 1958, с. 78, 79.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 327.

сти, нашел свое подтверждение и в других странах после победы революций. Независимо от того, происходили ли эти революции вооруженным или мирным путем, пролетариат и его коммунистические партии уделяли первостепенное внимание вопросам, касавшимся формирования национальных армий, работы среди кадровых служащих прежнего военного аппарата, создания и деятельности органов безопасности и народной милиции. Например, при образовании социалистических армий Чехословакии и Польши важнейшее значение имел тот факт, что их боевой костяк формировался на территории Советского Союза и они закалялись в войне против германского фашизма, сражаясь плечом к плечу с советскими войсками. Революционизирующее влияние на вооруженные силы Болгарии и Румынии оказало участие армий этих стран в окончательном разгроме фашизма на заключительном этапе войны. Народная армия ГДР формировалась уже в условиях диктатуры пролетариата (после 1956 года). Большую роль в упрочении народно-демократической власти, а затем и диктатуры пролетариата сыграли народная и рабочая милиция, органы безопасности, которые в большинстве случаев комплектовались из антифашистов, бывших партизан.

Мы уже отмечали, что вооружение народа, рабочих в предоктябрьский период рассматривалось В. И. Лениным, большевиками в качестве основного пути, по которому надо будет пойти для обеспечения военной защиты революции. Однако масштабы сопротивления реакции требовали создания регулярной армии. Тем не менее нельзя утверждать, что практика отвергла саму идею вооруженного народа как надежного защитника революции. В ходе гражданской войны в России вооруженные отряды рабочих и крестьян, боровшиеся вместе с полками Красной Армии, внесли немалый вклад в защиту Советской власти. Вооруженные рабочие отряды были также опорой народно-демократического и затем социалистического строя в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Например, в Чехословакии в 1947—1948 годах, когда местная буржуазия и реакция откровенно взяли курс на захват власти, значительная заслуга в срыве их замыслов принадлежала рабочей милиции наряду с органами государственной безопасности. Позднее, во время кризиса 1968—1969 годов, правые силы в руководстве партии и государства принимали все меры, чтобы не допустить активного вмешательства народной милиции в ход событий, справедливо опасаясь, что вооруженный народ выступит против них.

В Венгрии вооруженная рабочая милиция была создана в начале 1957 года в качестве подлинно народной силы, необходимой для защиты социалистических завоеваний. Это была мера, подсказанная опытом подавления контрреволюционного мятежа 1956 года. В интервью, которое дал Первый секретарь ЦК ВСРП Я. Кадар во время визита в Чехословакию в 1969 году, он рас-

сказал, как принималось это решение: «В начале 1957 г. на компетентном партийном форуме мы, например, спорили о том, создавать ли рабочую милицию... События сложились так, что на руках у людей оказались сотни и тысячи единиц оружия, и невозможно было узнать, у кого. Среди спорщиков находились и такие, которые говорили: сейчас задача заключается не в том, чтобы раздавать оружие, а в том, чтобы собрать то, что оказалось на руках. Мы сказали: нет. Мы верили в рабочих, в крестьян, в служащих и в интеллигенцию. Мы верили в них и создали рабочую милицию, хотя положение было очень хаотическим. Я не могу сказать, сколько оружия мы роздали, с тем чтобы рабочие, крестьяне, интеллигенция «на общественных началах» защищали наш строй. Но я знаю, что этой рабочей милиции уже порядочно лет, и не было ни единого случая, когда обладатель оружия обратил бы его против рабочей власти, против дела народа»¹.

Велика была роль, как мы уже писали, вооруженных народных сил, представленных Повстанческой армией, в закреплении и развитии революции на Кубе. Созданное сразу же после свержения диктатуры Батисты Временное революционное правительство оказалось в основном в руках деятелей, склонявшихся к тому, чтобы ограничиться чисто правительственным переворотом и сохранить в стране прежнюю социально-политическую систему. Этот фактически контрреволюционный план не был проведен в жизнь лишь потому, что реальная сила находилась на стороне Повстанческой армии, правые министры, а затем и президент уступили свои места представителям революции². В системе общественных и государственных органов, сложившихся на Кубе в ходе революции и в борьбе за ее защиту, значительную роль играли народная милиция («милисанос»), комитеты защиты революции, организации молодых повстанцев.

Если Октябрь и последующие победоносные социалистические революции показали, что создание собственных вооруженных сил или возможность найти надежную поддержку со стороны ранее существовавших военных формирований являются в высшей степени важным фактором закрепления первых политических завоеваний пролетариата, то ту же истину подтверждают и уроки по существу всех революционных движений, раздавленных реакцией. Последний тому пример — свержение армейскими путчистами правительства Народного единства в Чили.

От класса и партии, руководящих революцией, требуется, следовательно, первостепенное внимание к проблемам, непосредственно связанным с обеспечением вооруженной защиты достигнутых успехов. Это один из важнейших уроков трех российских

¹ *Кадар Я.* Избранные статьи и речи (Октябрь 1964 г. — апрель 1970 г.). М., 1970, с. 586.

² Подробнее об этом см.: *Рока Б.* VIII Национальный съезд Народно-социалистической партии Кубы. — Проблемы мира и социализма, 1960, № 11.

революций. Конкретные формы и методы военной работы революционеров зависят, конечно, от специфики местных условий. Но общая закономерность такова, что революционная власть должна обладать собственным военным аппаратом. В наше время этот вывод тем более актуален, что по мере углубления общего кризиса капитализма и развития свойственной империализму тенденции к растущей милитаризации общественной жизни силы буржуазной реставрации во все большей степени рассчитывают на военные методы подавления революций.

В ряду других форм и методов закрепления одержанной победы особое место занимают меры, принимаемые революционной властью в области внешней политики.

В условиях русских революций 1917 года, происходивших в обстановке мировой империалистической войны, центральным внешнеполитическим вопросом оказался, как известно, вопрос о войне и мире. В период между Февралем и Октябрем большевики настойчиво требовали от правительства начать мирные переговоры и вывести страну из войны. Это отвечало настроениям подавляющего большинства народа. Призыв к прекращению империалистической бойни стал одним из лозунгов, привлекавших широкие массы на сторону революционного пролетариата, большевистской партии. Одновременно он подрывал остатки доверия к буржуазному правительству, затягивавшему участие России в войне.

Принятый после Октябрьского переворота Декрет о мире не только значительно укрепил социально-политическую базу пролетарской власти внутри страны, но и способствовал упрочению международной позиции Советского государства. Инициатива прекращения межимпериалистической бойни, отказ от аннексий, от великодержавных и колониальных притязаний существенно подняли престиж Советской власти в глазах народов, демократических сил всего мира¹.

В начальный период существования Советской власти вопрос о мире как о форме закрепления Октябрьской победы стоял с большой остротой. Выше уже говорилось о том, какую напряженную борьбу В. И. Ленину и ленинцам пришлось выдерживать, в том числе внутри партии, чтобы добиться заключения Брестского мирного договора с Германией. Это было необходимо потому, что только мир, пусть самый тяжелый и унижительный, давал в тогдашних условиях пролетарской власти передышку, позволял ей удержаться, закрепиться, упрочить положение Советского государства.

¹ Международная буржуазия вынуждена была принять меры, чтобы преуменьшить притягательную силу большевистских идей, в частности идей Декрета о мире. В январе 1918 года президент США Вудро Вильсон писал: «... если мы позволим призыву большевиков остаться без ответа, если мы ничего не сделаем для противодействия ему, его влияние будет огромным и всевозрастающим» (цит. по: Gwynn B. S. (ed.). *The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rice*, vol. 2. Boston, 1929, p. 423).

Конкретная обстановка была такова, что выход из войны позволял также Республике Советов воспользоваться в своих интересах межимпериалистическими противоречиями. «Заключая сепаратный мир,— говорил В. И. Ленин,— мы в наибольшей, *возможной для данного момента*, степени освобождаемся от обеих враждующих империалистских групп, используя их вражду и войну,— затрудняющую им сделку против нас,— используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции»¹.

В ленинской борьбе за мир (за прекращение империалистической войны) и конкретно за сепаратный Брестский мир с Германией высшим принципом и требованием была, таким образом, защита интересов революции. Не пацифизм — мир во что бы то ни стало, а последовательно классовая пролетарская позиция определяла коренные внешнеполитические решения пролетарской власти. Поэтому главное в этом уроке Октябрьской революции состоит отнюдь не в том, что для закрепления политической победы пролетариата необходимо добиться любой ценой обстановки мира, а в том, что внешнеполитические решения, направленные на упрочение такой победы, прежде всего решения, касающиеся вопросов войны и мира, должны подчиняться главной цели революции — удержанию власти рабочим классом, трудящимися.

В иных условиях мирной альтернативы для революционной внешней политики попросту может не существовать. В самой России передышка, предоставленная Брестским миром, оказалась хотя и крайне важной, но недолговременной. Подобным же образом после Августовской революции 1945 года во Вьетнаме Партия трудящихся и правительство ДРВ стремились добиться мирной передышки для закрепления народной победы. С марта по сентябрь 1946 года ДРВ вела с этой целью переговоры с Францией, закончившиеся подписанием временного соглашения. Но вскоре оно было нарушено французской стороной, что положило начало «грязной войне» колонизаторов против вьетнамского народа и ответной вьетнамской войне Сопротивления.

Таким образом, война против империалистической интервенции в России или, например, война против вооруженного колониализма во Вьетнаме — это факты, показывающие, что возникающая в условиях борьбы за закрепление революционной победы дилемма «мир или война» не допускает догматических решений. Правильное решение определяется конкретным анализом конкретной обстановки в свете главных классовых целей революции.

Примерами иного рода, но подтверждающими тот же вывод, могут служить усилия коммунистов и других демократических партий Болгарии и Румынии, направленные к тому, чтобы после

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 250.

выхода этих стран из фашистской военной коалиции обеспечить активное участие в войне против гитлеризма.

Вместе с тем классовая природа внешней политики пролетариата, вставшего у власти, определяет ее принципиально миролюбивый характер. Эта глубокая закономерность подтверждена внешнеполитической деятельностью социалистических государств как в непосредственно послереволюционный период, так и на всех позднейших этапах становления и развития социализма. Упрочение мира и международной безопасности прямо отвечает интересам победившей революции, интересам борьбы за закрепление этой победы, поскольку в таких условиях ограничиваются возможности вмешательства внешней реакции в национальные революционные процессы. «В мире, который нас окружает, идет напряженная и сложная борьба, сталкиваются различные классовые силы и интересы. Социалистические страны активно участвуют в этой борьбе. Они развивают дальше свои революционные завоевания, развивают производительные силы на новой общественной основе, укрепляют свое могущество, успешно строят социализм и коммунизм. Этим они вносят свой важный вклад в мировую революцию, в дело освобождения и социального прогресса всего человечества. Вот почему обеспечение наиболее благоприятных международных условий для строительства социалистического и коммунистического общества является не только важной национальной, но и глубоко революционной интернациональной задачей. Целью внешней политики Советского Союза, как и других социалистических стран, была, есть и будет забота об укреплении мировой системы социализма, поддержка народов в их борьбе за свободу и социальный прогресс, борьба за мир, против угрозы новой мировой войны»¹.

Классовая сущность политики, проводимой революционной властью в интересах упрочения своих завоеваний, определяет и еще одну важнейшую черту международной деятельности победившего пролетариата — его курс на развитие тесных связей, укрепление солидарности с другими отрядами рабочего класса, другими революционными силами мира.

Так, добиваясь заключения Брестского мира и отвергая левачьи фразы о «революционной войне» против Германии якобы в интересах «стимулирования» германской революции, В. И. Ленин рассматривал задачу, стоящую перед большевиками и рабочим классом России, в ее всемирно-историческом масштабе. Он подчеркивал, что спасти Республику Советов любыми мерами, вплоть до оказавшихся неизбежными крайних уступок германскому империализму, — значит реально помочь революционному пролетариату и в самой Германии, и в других капиталистических странах.

¹ Брежнев Л. И. Левинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, с. 258.

Это была позиция, в точности соответствующая теоретическому предвидению В. И. Ленина о том, что пролетариат, победивший в одной стране, «экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»¹. То, что в данном случае Советской России вместо вооруженного выступления против эксплуататорского государства пришлось пойти на заключение с ним мира, было лишь иной, соответствовавшей конкретным историческим обстоятельствам формой выражения той же интернациональной революционной роли страны победившего пролетариата. Действенность этой роли была немедленно подтверждена подъемом революционной борьбы в Европе, национально-освободительных движений в странах Азии, Африки. Кстати, как известно, революция в Германии в ноябре 1918 года дала возможность Советскому правительству аннулировать грабительский Брестский мир.

Уже после Февраля 1917 года в ходе развития и углубления буржуазно-демократической революции в России с удвоенной энергией после Октябрьской победы В. И. Ленин и ленинцы вели борьбу за интернациональное сплочение всех революционных сил мирового пролетариата. Эта борьба увенчалась организационно-политическим актом огромного значения — созданием в начале 1919 года Коммунистического Интернационала.

Общность интересов пришедшего к власти пролетариата и рабочего класса других стран, остававшихся под игом капитала, находила свое практическое выражение и в той поддержке, которую трудящиеся и прогрессивные силы всего мира оказали Республике Советов. Это был один из существенных факторов, способствовавших упрочению первого в истории социалистического государства.

Говоря об относительной и абсолютной гарантиях от реставрации, мы уже раскрывали возросшее ныне значение международных, внешних условий в борьбе за закрепление революционной победы. Там мы обращали внимание на то, что в наше время победивший пролетариат имеет гораздо больше возможностей опереться на внешние революционные силы, чем имел рабочий класс России после Октября. Поэтому при обобщении исторического опыта, касающегося конкретных форм и методов борьбы за упрочение успехов революции, важно лишь подчеркнуть, что с момента установления революционной власти она не может, не рискуя своим существованием, избрать какую бы то ни было линию во внешней политике, отличную от последовательного курса на укрепление интернациональной солидарности и сотруд-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354—355.

ничества с международным пролетариатом вообще и с его государственно-организованными отрядами в первую очередь.

Коммунистические и рабочие партии стран капитала глубоко и внимательно изучают опыт России и других государств, сумевших после революции успешно решить задачи ее закрепления. Безусловно, что многие из этих задач в каждой будущей революции будут решаться по-своему, с учетом местной специфики. Но остаются неизменными некоторые типичные и в конечном счете закономерные черты, характеризующие борьбу за закрепление революционной победы и определяющие выбор ее форм и методов.

В их числе можно выделить следующие:

- овладение высшими звеньями государственного механизма либо в результате перехода власти к новым органам управления, складывающимся в ходе революции, либо путем революционного изменения классового состава и классовых функций традиционной государственной структуры, либо на основе сочетания того и другого;

- создание разветвленной системы революционных органов власти не только в центре, но и на местах;

- решительная чистка административных и особенно репрессивных органов и учреждений (полиции, суда и т. д.);

- фактический слом в результате этих мероприятий старой, эксплуататорской государственной машины;

- осуществление социально-экономических преобразований, подрывающих, а затем ликвидирующих силу и влияние крупного капитала;

- активное включение трудящихся, прежде всего рабочего класса, в систему управления обществом, экономикой — первоначально через органы типа рабочего контроля, а затем и на государственно-организованной основе;

- обеспечение немедленных ощутимых экономических, социальных, политических выигрышей трудящимся, народным массам;

- активная разъяснительная, пропагандистская, идейно-воспитательная работа в массах при ограничении возможностей реакции вести идеологическую деятельность;

- установление надежного контроля над вооруженными силами; создание собственного военного аппарата в форме регулярной армии и вооруженных отрядов рабочих, народной милиции;

- осуществление внешнеполитических мер, отвечающих интересам закрепления революции в данной стране и развития интернационального сотрудничества и единства революционных сил.

Эти закономерности учитываются в документах партий, намечающих программу борьбы против власти монополистического капитала и последующих действий во имя закрепления позиций,

которых добиваются пролетариат и другие демократические силы. В них ставятся задачи национализации крупных промышленных комплексов и предприятий, введения рабочего контроля, проведения земельных реформ, установления нового государственного устройства, в том числе и путем придания новой социально-политической роли традиционным институтам управления, и т. п. Эти программы представляют собой деловую альтернативу буржуазной политике, буржуазному управлению экономикой и социальной жизни. Приведем несколько примеров. Как отмечается в Программе Компартии Дании, *«коммунисты предлагают свою программу демократической политики, направленной против крупного капитала и на обеспечение лучших условий жизни для народа. Это программа антимонополистической демократии»*¹. *«ГКП,— указывается в Программе Германской компартии,— считает, что возможно, а в интересах рабочего класса и необходимо стремиться к тому, чтобы борьба за поворот к демократии и социальному прогрессу привела к установлению антимонополистической демократии. Под антимонополистической демократией ГКП понимает период коренных преобразований, при котором рабочий класс и другие демократические силы обладают столь большой политической силой и парламентским влиянием, что смогут сформировать коалиционное правительство, представляющее их общие интересы. С учетом опыта истории и опираясь на полученные от народа демократические полномочия, это правительство очистило бы армию, полицию, юстицию и управленческий аппарат, а также средства массовой информации от влияния неонацистских и милитаристских сил и не допустило бы использования государственных органов власти против народа и конституционного правительства. В ходе такого развития была бы создана антимонополистическая, демократическая государственная власть, опирающаяся на рабочий класс и другие демократические силы»*².

Характеризуя общество, за создание которого ведут борьбу французские коммунисты, XXIV съезд ФКП подчеркнул, что социализм повсюду имеет фундаментальные общие критерии. *«Это — обобществление основных средств производства, власть трудящихся при руководящей роли рабочего класса, прогрессирующее удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей общества, глубокое преобразование социальных отношений»*³.

Исходя из особенностей социально-экономического и политического развития своих стран, компартии по-разному представляют себе конкретные формы, методы и темпы революционных

¹ XXV съезд Коммунистической партии Дании, с. 91.

² Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 303—304.

³ L'Humanité, 4. II. 1982.

преобразований, закрепляющих политические завоевания. Например, неодинаков их подход к проблеме национализации. Коммунисты Франции требуют национализации банковской и финансовой системы, а также ряда крупных монополий, господствующих в ключевых отраслях экономики. При этом они настаивают на широком участии трудящихся в руководстве национализированными предприятиями и в планировании на всех уровнях. Итальянская компартия исходит из того, что в стране уже существует значительный национализированный сектор экономики¹. Но государственные предприятия управляются представителями капиталистических кругов и используются в конечном счете в интересах монополистического капитала. Как считают итальянские коммунисты, задача в ближайшее время состоит не столько в том, чтобы расширить национализированный сектор, сколько в том, чтобы добиться демократического контроля над ним со стороны выборных органов власти и участия трудящихся в управлении. Эта мера позволила бы существенно ограничить позиции крупного капитала.

Важно, однако, подчеркнуть то общее, что характеризует позицию коммунистов: борьбу за национализацию они увязывают с задачей завоевания политической власти рабочим классом и его союзниками, с демократизацией всей общественной жизни.

Можно отметить и различия в подходе коммунистов к вопросу о формах государственной власти после революции. Ряд компартий считают возможным использовать многие элементы сложившейся в их странах государственной структуры. Но при этом они решительно подчеркивают, что традиционные формы должны быть наполнены новым классовым содержанием. Член Исполкома и Секретариата ЦК Компартии Дании И. Нёрлюнд отмечает: «Власть трудящихся должна заменить государство, созданное для того, чтобы служить капитализму, новым государством, которое будет служить трудящимся. Глубоко демократический характер такой власти проявляется и в этом. Как часто демократические устремления народа пресекались или подавлялись государственным аппаратом старого общества! Разумеется, трудящиеся могут и должны своей демократической активностью завоевать влияние, например, в выборных органах государства и добиваться, чтобы эти органы осуществляли демократические и социалистические преобразования общества. Более того, есть отдельные государственные институты, которые при таком развитии могут быть превращены в орудие управления обществом со стороны рабочего класса. Но как целостная система старое государство не может служить новому обществу. Как показывает и современный опыт, реакционные элементы хотя, наоборот,

¹ Более 50 проц. промышленных капиталовложений в Италии обеспечивается предприятиями государственного типа (см. Проблемы мира и социализма, 1976, № 3, с. 33).

использовать его против народа. Поэтому в вопросе о государстве не может быть и речи ни о какой прямой преемственности»¹.

Большое значение братские партии придают и борьбе за внешнеполитический курс своих стран, отвечающий интересам закрепления успехов и развития национального революционного процесса. Например, Первый секретарь ЦК Иракской компартии А. Мухаммед подчеркивал, что, чем больше будет укрепляться тенденция к сближению с социалистическими странами, «чем глубже будет ее содержание, чем шире она будет применяться на практике, тем больше будет у национально-освободительного движения возможностей выстоять, избежать поражений, одержать новые победы в выполнении национальных и демократических задач, во имя которых борется наш народ и другие народы. Все это в том случае, если прогрессивные силы в каждой стране будут крепить единство и сплоченность своих рядов, если они пойдут по пути прочного и постоянно развивающегося союза с мировой социалистической системой. И наоборот, вероятность возврата к старому сохранится, в особенности если происки империализма и реакции смогут внести раскол в ряды прогрессивных сил или подорвать союзнические отношения со странами мировой социалистической системы»².

Коммунистические и рабочие партии исходят из того, что задачи второго дня революции имеют глубоко созидательный характер. Они решительно отменяют домыслы своих врагов справа, будто революция несет с собой хаос и разруху. Они отвергают также и левацко-анархические установки на социальный переворот ради самого переворота. Марксисты-ленинцы строят стратегию и тактику, твердо руководствуясь принципом, что не только сама революция должна созреть и быть подготовлена, но столь же тщательно должны быть подготовлены партия, рабочий класс, демократические силы к борьбе за закрепление революционной победы. Таков еще один из уроков, черпаемых революционерами нашего времени из опыта Октября, всех последующих победоносных революций, опыта, воплотившего в себе закономерности борьбы за социалистическое преобразование мира.

Диктатура пролетариата

Характер самой революции, как мы стремились показать, оказывает в конечном счете решающее влияние на объем и существо задач, выполняемых революционной властью с целью закрепления одержанной победы. Мы считали особенно важным обратить внимание на то, что на общедемократическом этапе народной революции, до установления диктатуры

¹ Проблемы мира и социализма, 1976, № 1, с. 30.

² Al-Thakafa Al-Jadida, N 63, July 1974, p. 263 (на арабск. яз.).

пролетариата не может практически ставиться вопрос о создании условий, полностью предотвращающих возврат политической власти в руки помещиков и крупной буржуазии. Напротив, одна из особенностей социалистической революции состоит именно в том, что она открывает возможности для обеспечения абсолютной гарантии от реставрации прежнего, т. е. в данном случае буржуазного, строя. Эту возможность реализует в конечном счете диктатура пролетариата.

По сути дела само установление диктатуры пролетариата создает относительно гарантию революционной победы. Ведь оно равносильно образованию тех самых политических условий, которые, по ленинской характеристике, затрудняют реставрацию, делают ее менее вероятной. В то же время многогранная деятельность диктатуры пролетариата в период закрепления революционных завоеваний направлена к общей цели — обеспечить полную, абсолютную гарантию от буржуазной реставрации.

Вопрос о диктатуре пролетариата — крупнейший вопрос марксистско-ленинской теории. Основные его аспекты полно и обстоятельно отражены в нашей научной и политической литературе. Мы ограничимся рассмотрением лишь той его стороны, которая непосредственно связана с задачами и ролью диктатуры пролетариата в борьбе за закрепление победы социалистической революции. В центре нашего внимания будет при этом конкретный исторический опыт революционной власти рабочего класса, установленной в октябре 1917 года в России. Понятно, что его характеристика включает в себя ряд таких моментов, которые отражают определенные неповторимые особенности положения, сложившегося в то время в нашей стране. Вместе с тем, анализируя этот опыт, мы постараемся оттенить преимущественно те его аспекты, которые, на наш взгляд, уже тогда имели глубокое международное значение и не утрачивают его сегодня, поскольку в них воплотились коренные закономерности революционного перехода от капитализма к социализму.

«Диктатура пролетариата, — писал В. И. Ленин, — если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, *в борьбе за удержание и укрепление победы* (курсив наш. — К. З.), в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов»¹. Выделенные нами слова выражают принципиально важную ленинскую мысль о том, что руководство борьбой масс за сохранение и упрочение революционных завоеваний составляет особую задачу диктатуры

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 14.

пролетариата при переходе от капитализма к социализму и что только ей, диктатуре пролетариата, по силам выполнение этой задачи.

В. И. Ленин указывал на ряд обстоятельств, делающих диктатуру пролетариата непременным условием успешного закрепления победы социалистической революции. «...Нельзя победить и искоренить капитализма,— подчеркивал он,— без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые... в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты»¹. Сложность этой борьбы дополняется тем, что классы, составлявшие опору свергнутого режима, удерживают за собой исключительно сильные позиции. Указывал на неизбежность и закономерность такой ситуации после социалистической революции, В. И. Ленин писал: «Эксплуататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги... кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления... остается более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее, и так далее»². Свергнутые эксплуататоры сохраняют также значительные международные связи.

К тому же переход власти в руки революционного пролетариата как бы активизирует эксплуататорские классы, придает новую энергию их борьбе за восстановление утраченных господствующих позиций в государственном управлении. «История, которая движется благодаря отчаянной классовой борьбе, показала, что когда помещики и капиталисты почувствовали, что дело идет о последнем, решительном бое, то они не останавливались ни перед чем»³.

Обращают на себя внимание две характерные черты в поведении свергнутой буржуазии и послушных ей политических сил. Это прежде всего стремление преодолеть внутренние противоречия, сомкнуться перед лицом революционного пролетарского натиска. Другая черта — переход к самым ожесточенным, грубо насильственным действиям против новой государственной власти. При этом буржуазия выступает не только как нарушительница революционной законности. Она нагло нарушает ранее ею самой установленные нормы права, общественного порядка, государственной дисциплины, демократии. Используя еще удерживаемые ею позиции в обществе, реакция организует мятежи, заговоры, экономический и политический саботаж, не останавливается, если ей позволяет ситуация, перед террором и диверсиями, идет на развязывание гражданской войны. Все это, вместе

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 195.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 263.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 117.

взятое, делает буржуазию и после ее отстранения от власти опаснейшим врагом революции, хотя как класс она остается ничтожным меньшинством в обществе.

Именно потому, что буржуазия составляет незначительное меньшинство нации, задача ликвидации удерживаемых ею позиций, сама по себе достаточно сложная, все же может быть решена в сравнительно короткий срок. После Октября, как мы видели, экономическая мощь российской буржуазии была коренным образом подорвана в течение нескольких месяцев «красногвардейской атакой на капитал». В странах народной демократии с установлением диктатуры пролетариата буржуазия также относительно быстро лишилась своей экономической силы и других «фактических преимуществ».

По-иному обстоит дело с другой враждебной социалистической революции силой, которую порождает мелкобуржуазная стихия. Ее социальная база — это отнюдь не меньшинство населения. Напротив, пока во всех странах, где побеждала социалистическая революция, мелкобуржуазные слои были в большинстве или составляли значительную часть. Октябрьская революция свершилась в стране, где мелкобуржуазная масса — прежде всего в лице крестьянства — была подавляющим большинством населения.

Выше мы не раз отмечали неизбежность зарождения при определенных условиях контрреволюционных тенденций в этой классовой «промежуточной» среде. Естественно, что борьбу с такими тенденциями пролетарская власть вынуждена вести, говоря ленинскими словами, «железной рукой»¹. А это значит, что диктатура пролетариата в борьбе за закрепление революционной победы выступает как орган классового насилия по отношению не только к эксплуататорским классам, но и к той части мелкобуржуазных слоев, которая проявляет контрреволюционные поползновения. Более того, отнюдь нельзя считать исключительным и такое положение, при котором пролетарское государство должно будет в интересах защиты завоеваний революции применять в той или иной форме меры принуждения даже к части рабочих, подпадающих под влияние буржуазии или увлекаемых разгулом мелкобуржуазной стихии. В. И. Ленин отмечал, что «...это показывали до сих пор *все* революции, Коммуна в том числе (ибо среди версальских войск, о чем «забыл» учейший Каутский, были и пролетарии)»². Это подтвердил и опыт Октября. Например, мелкобуржуазному руководству Викжеля³

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 195.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 263.

³ Викжель (Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников), в котором в течение некоторого времени (примерно до февраля 1918 года) руководящую роль играли меньшевики и эсеры, после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде явился одним из оплотов контрреволюции. Так, например, прикрываясь заявлениями о своей

удавалось в течение некоторого времени удерживать на фактически контрреволюционных позициях часть рабочих-железнодорожников. Элементы аналогичной ситуации проявлялись и в условиях диктатуры пролетариата в странах народной демократии.

На том основании, что диктатура пролетариата пресекает любые враждебные революции выступления, откуда бы они ни исходили, наши классовые идейно-политические противники неизменно делают вывод, будто она противопоставляет себя большинству народа и насильственно навязывает ему волю коммунистической партии, вставшей у власти. В связи с этим они заявляют о якобы «непримиримой враждебности» диктатуры пролетариата к демократии, об их «врожденной несовместимости». Этот тезис преподносится то в одной, то в другой словесной упаковке: «требования диктатуры пролетариата парализуют демократические тенденции», «революция, пуждающаяся в пасилии для своей защиты, есть антипод гуманности и демократии», «общество, создаваемое рабочим классом, обречено быть диктаторским» и т. д. и т. п. Типичными в этом отношении были выступления австрийского ренегата от марксизма Э. Фишера. В одной книге он толковал об «атмосфере напряженности», в которой происходило развитие молодого Советского государства, потому что, мол, в его организации сразу же возникла «двойственность демократии и диктатуры, рабочего контроля и диктаторских полномочий отдельных лиц»¹; в другой объявлял, что «требование диктатуры, будет ли она называться диктатурой пролетариата, диктатурой восстания или как-либо еще, способствует диктаторским тенденциям, парализует демократические тенденции»². Еще более откровенно и цинично пишет по данному вопросу известный антикоммунист Ф. Фейто. Он безапелляционно утверждает, что после Октября 1917 года была, мол, установлена «антидемократическая диктатура партии и государственной бюрократии»³.

При этом делаются попытки призвать на помощь даже... Маркса. Приходится, например, сталкиваться с утверждениями, что концепция диктатуры пролетариата якобы не является органической частью марксистской теории, будто Маркс случайно «обронил» слова «диктатура пролетариата», что они «не типичны» для духа и стиля его мышления. Здесь вряд ли есть необходимость сколько-нибудь пространно опровергать эти измышления, свидетельствующие прежде всего об элементарном невежестве их авторов. Любому человеку, знакомившемуся с азами марксизма, должно быть известно следующее положение Маркса,

нейтральности и призывами прекратить гражданскую войну, Виккель препятствовал отправке революционных отрядов из Петрограда в Москву, где продолжалась вооруженная борьба за установление Советской власти, и угрожал приостановкой железнодорожного движения.

¹ Fischer E., Marek F. Op. cit., S. 79.

² Fischer E. Die Revolution ist anders, S. 43.

³ Feito Fr. Op. cit.

ставшее классическим, из «Критики Готской программы»: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»¹.

Всем известно также, что сам К. Маркс включал идею о диктатуре пролетариата и ее обоснование в число своих главных открытий, составивших его вклад в науку об обществе. Он писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что *классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»².

В утверждениях современных реформистов на этот счет нет, впрочем, ничего нового. Еще меньшевик А. Потресов, числившийся знатоком теоретической буквы марксизма, вслед за Каутским утверждал, что якобы «диктатура пролетариата есть термин, совершенно и до конца переживший себя...»³.

Несомненно, что мы имеем дело со стремлением наших идейных противников путем подобных фальсификаций оказать давление на компартии. Вот почему так важно раскрыть подлинный смысл марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата.

Заявляя, что диктатура всегда есть отрицание демократии, подменяя понятие классовой диктатуры политической («диктатурой партии», «диктатурой отдельных лиц»), буржуазные и реформистские идеологи по сути дела занимаются дешевой игрой в слова, сознательно умалчивая при этом, о какой диктатуре и о какой демократии идет речь. Чаще всего они попросту спекулируют на том, что в XX веке понятие «диктатура» в умах широких масс населения стало ассоциироваться с диктаторскими режимами фашистов либо ставленников-марионеток империализма (в развивающихся странах). Разумеется, такая политическая диктатура отрицает политическую демократию. Но эта же политическая диктатура с классовой точки зрения есть не что иное, как диктатура буржуазии, чего наши идеологические противники не желают видеть и признавать.

Во всем этом необходимо разобраться подробнее не только для того, чтобы раскрыть несостоятельность утверждения наших классовых противников, но и потому прежде всего, что вопрос о диктатуре пролетариата — это по существу вопрос о прочном, гарантированном от реставрации закреплении революционной победы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 27.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 427.

³ Потресов А. Н. В плену иллюзий. Париж, 1927, с. 17.

В предыдущей главе мы уже отмечали, что всякая революция независимо от ее форм есть акт классового насилия. После победы революции в условиях существования диктатуры пролетариата сохраняются классовое насилие и принуждение. Такова неизменная, существенная черта диктатуры пролетариата, хотя формы и методы ее борьбы за закрепление победы могут быть и вооруженными и невооруженными. Выбор этих форм и методов осуществляется не по произволу революционной рабочей власти, а определяется конкретными историческими условиями.

Как складывались эти условия в России после Октября?

Хорошо известно, что в течение короткого срока против победившего пролетариата, против установленной им революционной власти объединенным фронтом выступили самые разнохарактерные силы реакции — от крайне правых военно-монархических группировок до сомкнувшихся с буржуазией соглашателей, реформистов. В качестве основной формы политического действия силы этого контрреволюционного лагеря избрали вооруженные выступления против новой власти. Военные заговоры, мятежи, взрывы, поджоги, выстрелы из-за угла — вот какими методами пытались они вернуть утраченные привилегии, потерянные возможности эксплуатировать чужой труд. Реакция развязала белый террор. Его жертвами стали, как известно, такие руководящие деятели большевистской партии, как Володарский, Урицкий; в результате покушения тяжело был ранен В. И. Ленин. Так что любой непредвзятый историк может легко установить, что ответный красный террор (решение о котором было принято правительством в сентябре 1918 года) Советской власти, окруженной, кстати говоря, со всех сторон иностранными интервентами, был навязан ей контрреволюцией.

Характерное в этом отношении признание принадлежит видному деятелю партии эсеров А. Аргунову, который описал, как «сибирское временное правительство», захватившее власть в Омске в 1918 году, расправлялось не только с большевиками, но и со всем наследием Октябрьской и Февральской революций. Одним из первых его «законодательных» актов было «постановление об отобрании у крестьян земель, занятых ими во время революции у помещиков, и передаче в руки их владельцев», за этим последовало «воспрещение одновременно не только организаций, носящих название «Советы»... но и вообще рабочих организаций»¹. Тысячи людей немедленно стали жертвами белого террора.

Сегодня буржуазные и реформистские идеологи в своих писаниях о диктатуре пролетариата то и дело ссылаются на послеоктябрьскую обстановку в России, пытаясь доказать, будто красный террор и есть обязательная, неотъемлемая, даже главная черта этой диктатуры. Однако исторический материал, на который

¹ Аргунов А. Указ. соч., с. 23.

они пытаются опереться, говорит прямо об обратном. Да, красный террор имел место. Да, диктатура пролетариата в революционной России в определенный период использовала это средство в борьбе со своими врагами. Но не она была инициатором этих крайних насильственных действий, не она вводила в практику эту жестокую форму классового противоборства. Неопровержимая истина состоит в том, что, говоря ленинскими словами, «террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор...»¹. Истина состоит в том, что, когда Советской власти пришлось столкнуться с контрреволюционными заговорами, «иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было»².

Историческая истина состоит также и в том, что с установлением в стране диктатуры пролетариата Ленин, большевики, революционное правительство сделали все возможное, чтобы свести к минимуму акты открытого насилия, добивались, чтобы крутая общественно-политическая ломка в стране обошлась без жертв, кровопролитий. Напомним, например, что одним из первых декретов Советского правительства был декрет об отмене смертной казни (принят 26 октября (8 ноября) 1917 года). Разрабатывая линию развития революции и закрепления ее успехов, большевистская партия исходила из того, что в интересах победившего рабочего класса лучше всего было бы избежать тех методов насилия, посредством которых утверждалась власть буржуазии в ее исторических схватках с феодализмом. Так, выступая 4 (17) ноября 1917 года на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями, В. И. Ленин говорил, вспоминая французскую буржуазную революцию конца XVIII века, что «террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 101.

А. М. Горький вспоминал: «Мне часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта.

— Чего Вы хотите? — удивленно и гневно спрашивал он. — Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы — что же? Не должны, не вправе бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 260).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 327.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 63.

Истина, наконец, состоит в том, что в начальный период существования Советской власти отношение большевиков даже к самым воинственным своим противникам отличалось исключительной мягкостью, великодушием. Общеизвестно, например, что большевики освободили под честное слово не только многих бывших министров Временного правительства, но и юнкеров, отражавших атаку со стороны революционных рабочих и солдат на Зимний дворец и поклявшихся не бороться против Советской власти (даже разбитого в бою генерала Краснова, который, между прочим, так же как и юнкера, тотчас же вновь начал вооруженную борьбу с Советской властью). Все это (а такие примеры можно было бы продолжить) самым решительным образом опровергает клевету буржуазной пропаганды о жестокости большевиков, о «кровавых расправах» новой власти со всеми инакомыслящими.

Таким образом, насильственные, вооруженные формы действий в борьбе за сохранение и упрочение своей революционной власти не были произвольным выбором рабочего класса России. Ни в коей мере не «предписывались» они и теоретическими взглядами большевистской партии, не вытекали из ее «жесткого характера», как о том любят толковать многие из наших идейно-политических противников. Обращение к методам беспощадного подавления сил контрреволюции было навязано диктатуре пролетариата самой контрреволюцией.

«Всякая революция,— подчеркивал Ленин,— лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться»¹. Октябрьская революция была первой пролетарской революцией, научившейся защищаться и защитившей себя. Этот успех выпал на долю российского рабочего класса и руководившей им партии большевиков не случайно. Не в последнюю очередь он был обеспечен тем, что большевики опирались на марксистско-ленинские выводы из опыта прежних революций, не сумевших устоять перед натиском реакции. Вот как В. И. Ленин оценивал эти уроки истории, связывая их с непосредственными задачами борьбы за упрочение Октябрьской победы и давая отповедь тем «критикам» Советской власти, которые считали ее «слишком жестокой» по отношению к врагам революции: «Мы знаем, как во Франции в 1848 году расправлялись с пролетариями, и когда нас упрекают в жестокости, мы недоумеваем, как люди забывают элементарнейший марксизм. Мы не забыли восстания юнкеров в Октябре, мы не должны забывать про ряд подготовляющихся восстаний. Нам приходится, с одной стороны, учиться творческой работе, а с другой — сломить сопротивление буржуазии. Финляндская белая гвардия не постеснялась расстреливать рабочих, несмотря на ее «демокра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122—123.

тичность». В глубоких массах укрепилась мысль о необходимости диктатуры, несмотря на ее тяжесть и трудность»¹.

Хотелось бы особенно обратить внимание на последние слова этой цитаты. В них содержится важная мысль, позволяющая глубже понять один из существеннейших аспектов марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Понятно, что, говоря о тяжести и трудности диктатуры, Ленин имеет в виду в данном случае не само классовое господство пролетариата, а именно «диктаторские» формы действий, к которым пролетариат вынужден прибегать для сохранения своей власти. И совершенно ясно, что указание на тяжесть и трудность этих форм является одновременно указанием на желательность обойтись без них. Другое дело, что объективные реальности классовой, политической борьбы всегда заставляют ориентироваться не столько на желательное и предпочтительное, сколько на необходимое. Именно так и случилось в послеоктябрьской России, где ход событий убедительно показал, что методы открытого насилия по отношению к сопротивляющейся реакции становятся закономерно необходимыми и по сути дела единственно возможными средствами предотвращения реставрации, когда сами свергнутые эксплуататорские классы обращаются к саботажу, террору, организованным вооруженным выступлениям. Этот опыт Октября в последующие десятилетия неоднократно подтверждался практикой социалистических революций в других странах. Например, характеризуя борьбу за сохранение революционных завоеваний на Кубе, Ф. Кастро говорил: «...несмотря на всю осторожность, несмотря на все усилия революции не выйти за рамки обычных мер, несмотря на желание пользоваться властью разумно, несмотря на все усилия революции быть великодушной и соблюдать великодушные, враг поступил иначе; за свою мягкость революция жестоко поплатилась: враг ответил такими преступлениями и таким коварством, таким варварством, что народ понял — с врагами нужно быть суровыми. Мы отнюдь не бесчеловечны, никому из нас не может быть по душе то, что связано с кровью, что ведет к расстрелу; нет, никому из нас это не по душе; никто из нас не является жестоким человеком, однако мы совершенно убеждены, твердо убеждены в том, что с врагами революции следует обращаться сурово, как они того заслуживают; в этой борьбе они столкнутся не с пролетариатом-убийцей, не с пролетариатом-палачом, но с пролетариатом, исполненным твердости и суровости, и он воздаст им по заслугам»².

Вместе с тем марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата никогда не сводило ее функции к подавлению контрреволюционной деятельности свергнутых эксплуататорских классов, к применению насильственных мер, необходимых для за-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 174.

² Кастро Ф. Речи и выступления. М., 1963, с. 494—495.

щиты революции. Развивая Марксову концепцию диктатуры рабочего класса, углубляя и уточняя ее содержание, Ленин особенно подчеркивал, что «диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия...»¹, что «не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии»², что «диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие»³.

В ленинской теоретической разработке вопроса о диктатуре пролетариата последовательно проводится мысль, что историческая миссия революционной власти рабочего класса предполагает выполнение двух социально-политических функций: насильственной по отношению к силам реакции, буржуазной реставрации и созидательно-организационной по отношению ко всем классам, слоям и группам общества, объективно заинтересованным в социалистическом развитии.

В обстановке, сложившейся после победы Октября в России, диктатура пролетариата выполняла обе эти функции, хотя Советской власти, большевистской партии пришлось вести ожесточенную борьбу с врагами революции. При этом именно созидательная задача социалистической революции является самой главной и самой сложной. И трудящиеся нашей страны под руководством Коммунистической партии успешно с ней справились.

Перед революционной властью с победой Октября немедленно встала задача обеспечить подлинно руководящую роль пролетариата в обществе, ибо великое историческое предназначение рабочего класса — быть ведущей силой в строительстве социализма и коммунизма — не может реализоваться само собой, без настойчивой организаторской и воспитательной работы со стороны коммунистической партии, государственных и общественных органов, представляющих наиболее передовую и сознательную часть пролетариата.

О каких мерах, направленных к выполнению этой задачи, шла речь в условиях послеоктябрьской России?

Обратим внимание на сугубо деловую постановку вопроса В. И. Лениным, когда он говорил, что диктатура пролетариата «означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация», и далее подчеркивал: «Распределите хлеб и уголь так, чтобы было заботливое отношение к каждому пуду угля, к каждому пуду хлеба, — вот задача пролетарской дисциплины. Не такая дисциплина, которая держалась бы на палке, как держалась на палке дисциплина у крепостников, или на голоде, как у капиталистов, а товарищеская дисциплина, дисциплина рабочих союзов. Эту элементарную, простейшую задачу организации решите, и мы победим»⁴. Тогда же В. И. Ленин

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 368.

² Там же, с. 385.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 13.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 368.

указывал на необходимость для пролетариата «укрепить свое организующее влияние» в обществе, среди всех трудящихся. Он видел в пролетарской дисциплине «новую основу общественной связи»¹.

Урок, который следовал из всей послереволюционной обстановки в России, состоял, говоря ленинскими словами, в том, что «мы показали свою силу в деле подавления помещиков и буржуазии, и теперь надо показать свою силу в деле самодисциплины и организации, потому что... только в этом сила нашей Советской власти, рабочей диктатуры, нашего пролетарского авторитета»².

Отмечая важнейшие этапы развития революции в России, Ленин, в частности, писал: «Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узакопили, обсудили, наметили,— закрепить в прочные формы *повседневной трудовой дисциплины*. Это — самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки. Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной дисциплиной* во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя, во время труда.

Мы этому еще не научились.

Мы этому научимся»³.

Укрепление позиций и авторитета рабочего класса как основной социально-политической силы общества составляет наряду с подавлением сопротивления эксплуататоров и подрывом их экономической силы и влияния непременное условие борьбы за привлечение «промежуточной», мелкобуржуазной массы на сторону революционной власти. «По отношению к этому классу — или к этим общественным элементам — задача пролетариата,— указывал В. И. Ленин,— состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых — вот что должен делать пролетариат»⁴.

Ясно, что когда речь идет о руководстве, о борьбе за влияние, то это предполагает работу, которая не может складываться из насильственных, принудительных мер. Не это главное, хотя это тоже не исключается. Не случайно руководящее воздействие пролетариата на непролетарские слои трудящихся Ленин рассматривал как одну из форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата.

Поставим вопрос: какая из двух указанных функций диктатуры пролетариата обеспечивает создание наиболее прочных гарантий от буржуазной реставрации? Следуя логике всех приведенных здесь рассуждений, читатель, видимо, уже сделал для

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 387.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 265.

³ Там же, с. 202—203.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 281.

себя вывод — и вывод правильный, — что насильственные действия революционной власти обеспечивают преимущественно такие условия, которые, по Ленину, являются относительной гарантией от возрождения прежних порядков. И наоборот, создание абсолютных гарантий против возврата к эксплуататорскому строю решающим образом зависит от успешной созидательно-организационной деятельности пролетарской диктатуры. Почему? Потому, что только организация и сплочение масс вокруг рабочего класса, пришедшего к государственному руководству, только их переход на сторону пролетариата в политических, социальных, экономических битвах с отстраненной от управления буржуазией обеспечивают революционной власти ту прочную и действительную поддержку народного большинства, которая и делает завоевания революции необратимыми.

В этой связи возникает довольно сложная, полная внутренней диалектики проблема отношения диктатуры пролетариата к мелкобуржуазным, промежуточным слоям. Дело в том, что после победы социалистической революции и создания относительной ее гарантии от реставрации именно эти слои могут стать и главным союзником рабочего класса, и социальной опорой прямой контрреволюции. Их полный переход на сторону пролетарской власти гарантирует необратимость революционных завоеваний, но они остаются, особенно после устранения эксплуататоров, по существу единственной социальной средой, из которой может вырасти угроза диктатуре пролетариата, угроза буржуазной реставрации. Поэтому диктатура пролетариата вынуждена проявлять необходимую строгость в борьбе с мелкобуржуазной разболтанностью, склонностью к анархизму, частнособственническими привычками и тенденциями. «Да, — говорил В. И. Ленин, — мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов. Но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они — враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу. Ибо здесь, в области организации, и начинается для нас социалистическое строительство»¹.

Имея в виду эту враждебную социализму черту мелкой буржуазии, определяемую характером мелкотоварного производства, В. И. Ленин при составлении плана брошюры о диктатуре пролетариата сделал выразительную пометку. «Главный *«внутренний»* враг = мелкая буржуазия (экономика)»².

Тем не менее не меры насилия, которые порой вырастали из этих закономерных противоречий между рабочей властью и мелкой буржуазией, а поиски сотрудничества, контактов, взаимопонимания, общности интересов составляли основу деятельности

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 265.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 461.

диктатуры пролетариата по отношению к средним слоям, прежде всего к крестьянским массам.

Исходя из опыта борьбы за закрепление Октябрьской победы, можно выделить два направления деятельности диктатуры пролетариата, обеспечивающие переход «промежуточных», мелкобуржуазных масс на сторону власти рабочего класса, их согласие принять пролетарское руководство.

Во-первых, это устранение эксплуататоров, подрыв их экономической силы и ломка самой буржуазной социально-экономической системы. Тем самым резко ослабляется буржуазный полюс, к которому тяготеет, притягивается собственник, сидящий в каждом мелком буржуа. Как говорил В. И. Ленин, «пролетариат своей борьбой, революционной борьбой *разрушает* капиталистические отношения собственности, ergo, капиталистические определители (и мотивации) воли и решения для колеблющихся» ¹.

Во-вторых, трезвый учет интересов, запросов самих мелкобуржуазных слоев и групп населения. Мы достаточно подробно показали, сколь внимательны были большевики к наказаниям, требованиям и чаяниям крестьянства. Другим примером в этом плане могут служить большое внимание, забота, уважение, проявленные Советской властью к интеллигенции, в том числе к той ее части, которая была теснейшим образом связана с обслуживанием интересов буржуазии, — к офицерам и генералам старой армии, к высокопоставленным служащим прежнего государственного аппарата, проявившим готовность работать во имя прогресса страны и ее защиты от интервентов и реакции. Иной раз и в рядах большевистской партии находились люди, высказывавшие мнение, что привлекать «старорежимных» людей к работе надо с помощью винтовки. В. И. Ленин давал решительный отпор подобным анархистским установкам: «Ведь это полная чепелость и непонимание того, к чему винтовка служит... Винтовка очень хорошая вещь, когда нужно было капиталиста, ведущего против нас войну, расстреливать, когда нужно было поймать на воровстве воров и расстреливать» ². И в ответ Бухарину, который предложил расстрелять каждого специалиста, получающего 4 тыс. руб.: «Мы не представляем себе другого социализма, как основанного на основах всех уроков, добытых крупной капиталистической культурой. Социализм без почты, телеграфа, машин — пустейшая фраза. Но сразу нельзя выместить буржуазную обстановку и буржуазные привычки, им нужна та организация, на которой стоит вся современная наука и техника. Для этого дела поминать винтовки есть величайшая глупость» ³.

Работа, проделанная революционной властью рабочего класса в этих двух направлениях, дает народным массам возможность на собственном опыте сопоставить пролетарское руководство с бур-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 457.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 272.

³ Там же, с. 272—273.

жуазным. «...Действительность показывает,— писал В. И. Ленин,— что лишь в долгой и жестокой борьбе тяжелый опыт *колеблющейся* мелкой буржуазии *приводит* ее, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней»¹.

Как же в результате этой деятельности диктатуры пролетариата менялась расстановка классовых сил после Октября в России? В статье, опубликованной во вторую годовщину революции, В. И. Ленин отмечал, что «классы остались, но *каждый* видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата: изменилось и их взаимоотношение»². Буржуазия была разбита, помещики перестали существовать как класс, хотя ни те, ни другие не исчезли. Пролетариат из угнетенного стал господствующим классом. Крестьянство, мелкая буржуазия в целом начали переходить на его сторону. В главных итогах двух лет, прошедших после Октября, В. И. Ленин видел «действительное осуществление диктатуры пролетариата». В чем же оно состояло? В том, что «передовой авангард, лучший, честный авангард рабочего класса за эти два года существования Советской власти проявил невероятное героизм и решительность, а все колеблющиеся элементы из менее развитой части рабочего класса и крестьянства, проделавшие пестыханно большие колебания, они чем больше колебались, тем больше склонялись на нашу сторону. Чем больше у них было испытаний, тем скорее они переходили на нашу сторону»³.

Мы уже подчеркивали, что сам Октябрьский переворот был совершен с опорой на ясно выраженную волю большинства населения России. Однако есть существенная разница между большинством, вырастающим на революционной волне, на энтузиазме, порожденном первыми решительными мерами по ликвидации застарелых общественных недугов, и тем большинством, которому еще предстоит сложиться в процессе становления нового строя. В момент свержения власти капитала, вообще на первых порах революции, поддержку пролетариату широкие массы, прежде всего крестьянство, оказали, как говорил В. И. Ленин, «в кредит»⁴. Необходимо было не растерять этот «кредит» и добиться окончательного утверждения народного большинства на стороне победившего рабочего класса.

Диктатура пролетариата успешно выполнила свою важнейшую функцию сплочения вокруг революционной власти, вокруг рабочего класса подавляющего большинства народа. Это было торжество одновременно и пролетарской диктатуры, и пролетарской демократии. Именно торжество демократии, потому что диктатура пролетариата, меняя соотношение классовых сил в стране,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 17.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 279.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 116.

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 77.

привлекая большинство народа на сторону победившей революции в интересах ее закрепления, вообще не навязывала ни крестьянству, ни мелкой буржуазии, ни интеллигенции таких решений, к которым они не подходили бы через собственный опыт, через собственное участие в основном конфликте, который переживала страна, — в битвах между революционным рабочим классом и буржуазной реакцией.

Партия большевиков, взявшая на себя политическое руководство государством диктатуры пролетариата с целью построения социалистического общества, не декретировала, однако, социализм сверху. Она действовала в соответствии с ленинским положением о том, что «мы должны социализм проповедовать»¹, подводить массы к пониманию необходимости социалистической организации общества, преобразования экономики и культуры.

Диктатура пролетариата под руководством большевиков на деле показала, что ей чужд левацкий авантюризм, отрыв от масс, неумение или нежелание считаться с их требованиями, настроениями, даже когда эти настроения отсталые, незрелые, но укоренившиеся в массах. В. И. Ленин сформулировал правило, которое можно считать одной из важнейших заповедей революционеров: «...не принять изжитого для нас за изжитое для класса, за изжитое для масс»². В этих словах звучит строгое предупреждение против левацкого забега вперед, перепрыгивания через этапы. Одновременно они имеют смысл призыва к соблюдению неразрывных связей с народными массами, к действительному воплощению в жизнь глубокого демократизма революционных принципов коммунистов.

Утверждая в общественно-политической жизни этот демократизм, новый как по форме, так и по содержанию, диктатура пролетариата уже на этапе борьбы за упрочение политической победы революции обеспечивает действительно сознательное участие большинства народа в строительстве основ социализма. Но очевидно, что если речь идет о большинстве, то это не только передовые отряды рабочего класса и тем более не только коммунисты. Поэтому начать движение по пути глубоких и последовательных социалистических преобразований попросту невозможно без образования такого большинства, ибо «без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи»³. Яснее ясно, что диктатура пролетариата, понимаемая лишь как принуждение и насилие, никогда не смогла бы справиться с задачей, которая является одной из важнейших в революционной стратегии рабочего класса, его партии и которая выражается словами «некоммунистическими руками строить коммунизм»⁴. Только

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 357.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 42.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 23.

⁴ Там же, с. 98.

всемерное развитие демократизма, теснейшая связь с народными массами делают политические завоевания революционеров прочными, а перспективы переустройства общества — реальными.

Наконец, даже само установление диктатуры пролетариата немедленно радикально демократизирует общественную жизнь. Октябрьская революция лишила эксплуататорские классы не только формальных, но и реальных привилегий, которыми они обладали благодаря своему богатству, экономическому господству. Она передала в руки трудящихся масс те материальные средства, которые только и позволяют на деле осуществлять демократические права (типографии и запасы бумаги, если речь идет о свободе печати; дворцы, особняки, общественные здания, если дело касается свободы собраний, и т. д.). Советы, будучи формой политической организации трудящихся — рабочих, солдат, крестьян, — стали органами государственного управления. Это давало В. И. Ленину все основания говорить, что «пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»¹. Именно этот демократизм, заложенный в природе диктатуры пролетариата, и позволяет ей выполнить в конечном счете центральную задачу борьбы за упрочение революционных завоеваний — *задачу создания абсолютной гарантии от буржуазной реставрации.*

Это убедительно доказал опыт закрепления завоеваний Октябрьской социалистической революции, нашедший блестящее подтверждение в ходе победоносных революций в послевоенное время в Европе, Азии, а затем и на Кубе. Особый смысл приобрели в этих условиях ленинские слова о том, что «большевизм популяризовал на весь мир идею «диктатуры пролетариата», перевел эти слова с латинского сначала на русский, а потом на *все языки мира...*»².

Социалистические революции, последовавшие за Октябрем, обогатили теорию и практику марксизма-ленинизма, в частности явили миру новую форму диктатуры пролетариата — народную демократию. Среди ее особенностей можно было бы назвать, во-первых, сохранение в силу ряда причин во многих европейских и азиатских социалистических странах в течение всего переходного периода всеобщего и равного избирательного права за всеми гражданами, в том числе и за основной массой буржуазии, что, кстати говоря, подтвердило ленинское предвидение о возможности такого варианта развития. Ленин, как известно, говорил на VIII съезде РКП(б): «Вопрос о лишении избирательных прав буржуазии мы никоим образом не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется вполне допустимым, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каж-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 257.

² Там же, с. 304.

дом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав. Это теоретически вполне мыслимо, и нашу Конституцию мы точно так же не выдвигаем, как образец для других стран»¹.

Во-вторых, в ряде стран народной демократии (например, в Болгарии, ГДР, Польше, Чехословакии) успешно функционировала (и функционирует) в условиях диктатуры пролетариата многопартийная система (в России двухпартийная система Советской власти просуществовала, о чем мы будем говорить в следующей главе, сравнительно недолго — с декабря 1917 по июль 1918 года).

Далее, важной особенностью существования и функционирования диктатуры пролетариата здесь явилось формирование новой организации масс под руководством рабочего класса и его коммунистического авангарда — народного (или отечественного) фронта, сыгравшего важную роль в деле защиты и углубления революционных завоеваний (а затем и в социалистическом строительстве).

Наконец, к числу особенностей народной демократии как формы диктатуры пролетариата следует отнести и то, что во многих из этих стран, как мы уже отмечали, удалось в большей степени, чем в России, использовать некоторые старые традиционные буржуазно-демократические государственные институты, разумеется в корне изменив их классовую сущность.

Вместе с тем, несмотря на все разнообразие форм утверждения и функционирования диктатуры пролетариата в странах народной демократии, главное содержание ее деятельности в борьбе за удержание и укрепление победы оставалось тем же, что и в период Великой Октябрьской социалистической революции. И это обеспечило успех революционных сил.

В истории, как уже не раз отмечалось выше, были пролетарские революции, начинавшиеся успешно, но затем терпевшие поражения (во Франции в 1871 году, в Венгрии и Баварии в 1919 году). Мы неоднократно анализировали (в том числе и в данной главе) многие причины поражений этих революций, не выдержавших испытания «на прочность», не сумевших закрепить победу. И если попытаться здесь вкратце обобщить все уже сказанное, то главный корень этих горьких неудач в том, что рабочий класс соответствующих стран не сумел наполнить деятельность установленной им революционной власти таким содержанием, какого объективно требуют интересы утверждения и сохранения его государства. Рабочему классу не удавалось добиться превращения этой власти именно в диктатуру пролетариата, в результате не создавались необходимые гарантии от капиталистической реставрации, и поэтому дело кончалось восстановлением диктатуры буржуазии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 171—172.

Сегодня марксистско-ленинская концепция диктатуры пролетариата, обогативший ее опыт революционной истории играют важнейшую роль в формировании стратегии братских коммунистических партий, в разработке их программных политических и идеологических позиций.

Идея диктатуры пролетариата остается неперменным ориентиром в теоретической работе и тех компартий, которые, считаясь с особенностями общественно-психологического климата своих стран, учитывая неприятие массами самого слова «диктатура», не употребляют этого термина, заменяют его другими, адекватными по смыслу выражениями. Выступая на VII съезде Португальской компартии, А. Куньял, например, говорил в связи с некоторыми изменениями, вносимыми в партийную программу: «...мы изменяем некоторые термины, которые правильно используются в марксистской терминологии. Это объясняется не какими-либо идеологическими соображениями. Главной причиной этих изменений является то обстоятельство, что некоторые термины не понимаются в Португалии в том смысле, который мы им придаем. Таким примером является вопрос о термине «диктатура пролетариата». В марксистской терминологии диктатура означает власть одного или нескольких классов над другими классами. Самая свободная буржуазная демократия — это диктатура буржуазии. Диктатура пролетариата, в рамках которой пролетариат и его союзники держат в своих руках власть, может иметь многие формы. Она может быть даже многопартийной. Она может иметь самые различные формы государственной организации. Диктатура пролетариата — это самый демократический строй по сравнению с самой демократической из буржуазных демократий. Однако само выражение «диктатура», которое использовалось в Португалии в течение 50 лет фашистской диктатурой, создает чрезвычайно деликатную ситуацию и не способствует пониманию политики партии, не способствует осуществлению наших задач.

Мы ничего не изменяем в наших концепциях, мы ничего не изменяем в нашей доктрине. Пусть это будет ясно для того, чтобы избежать неправильного толкования производимых изменений»¹.

Как указывалось в Программе Компартии Дании, «главное содержание теории социалистической революции и диктатуры пролетариата может принимать разнообразные формы в зависимости от различных условий времени и различия национальных условий.

Победа социализма в Дании будет означать осуществление целей борьбы датского рабочего класса за ликвидацию эксплуатации и угнетения и тем самым также и за осуществление демократических стремлений датского народа. Она разовьет результаты, достигнутые в ходе антимонополистической борьбы. Не будет

¹ Avantel 21.X.1974.

отменено ни одно завоевание или право, достигнутое в результате борьбы трудящихся. Они будут развиты и расширены. Это и будет определять форму социалистического общества в Дании»¹.

Касаясь того же вопроса, Программа ГКП указывает: «Социализм — это не ограничение, а расширение демократии для народа. Всякая буржуазная демократия — сколь велики бы ни были возможности народа воздействовать на политику, а также его свободы — основывается на экономической власти класса капиталистов. Она в любом случае представляет собой одну из форм политического господства капитала — господства меньшинства над большинством. Даже ограниченные права и свободы находятся при капитализме под постоянной угрозой. Только социализм, гарантирующий трудящимся политическую власть, устанавливающий общественную собственность на все важнейшие средства производства, создает реальную основу для демократических прав и свобод, завоеванных трудовым народом еще в условиях капитализма, и поднимает их на более высокую ступень... Такие права могут быть осуществлены лишь в том случае, если капиталисты будут лишены права на владение важнейшими средствами производства... Поэтому на основе социалистической законности нужно пресекать все попытки лишенных власти эксплуататоров реставрировать капиталистический эксплуататорский строй, несовместимый с конституцией и законами социалистического государства»².

Нельзя не отметить, что наши классовые враги не оставляют попыток развернуть по этому поводу далеко идущие идеологические спекуляции, твердят о «массовом» пересмотре в коммунистическом движении коренных положений марксизма-ленинизма. Это весьма напоминает писания противников ленинской партии, стремившихся делать аналогичные выводы из того факта, что, разрабатывая в партийной печати известную формулу о «диктатуре пролетариата и крестьянства», большевики в политических резолюциях своего III съезда не употребляли этого выражения, строя их в то же время *«всецело... на идее диктатуры пролетариата и крестьянства»*³. В. И. Ленин высмеивал тех крючкотворов, которые требовали непременно и обязательно буквального совпадения выражений, содержащихся в документах партии, направленных к самым широким массам, и формул, дающих строго научное, марксистско-ленинское определение классового содержания победоносной революции⁴.

Точно так же и диктатура пролетариата, как бы словесно ни оформлялось это понятие, была и остается неизбежным и единственным условием закрепления власти в руках рабочего класса,

¹ XXV съезд Коммунистической партии Дании, с. 142.

² Мангеймский съезд Германской коммунистической партии, с. 298.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 378.

⁴ См. там же.

важнейшим символом и признаком победоносной социалистической революции. Так что дело не в том, употребляются ли слова «господство», «политическая власть», «правление» рабочего класса. Однако порой приходится сталкиваться с суждениями, которые подвергают сомнению не термин, а саму суть понятия «диктатура пролетариата» в наше время. Нам бы хотелось высказать свое мнение по данной проблеме.

Возникает подчас такой вопрос: соответствует ли марксистско-ленинская концепция диктатуры пролетариата современным условиям перехода к социализму, которые существенно отличаются не только от тех, которые существовали шестьдесят, но и тридцать лет назад? В самом деле, во-первых, коренным образом изменилось в пользу рабочего класса соотношение сил между ним и буржуазией; во-вторых, резко возросли возможности мирного развития революции с использованием в интересах установления власти рабочего класса избирательно-парламентского механизма. Не теряет ли в свете этого свое значение имеющийся конкретно-исторический опыт диктатуры пролетариата, равно как и заключенная в этом теоретическом понятии идея революционного насилия, принуждения? Не проявляют ли коммунисты в этом вопросе непростительный догматизм? Заметим, что история уже знала случаи, когда в революционном движении, руководимом коммунистами, в связи с серьезными изменениями исторической обстановки ставился вопрос об отказе от концепции диктатуры пролетариата. То, как он решался в конечном счете, хорошо показывает, например, в одной из своих статей член Политбюро ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Д. Немеш. В 1946 году венгерские коммунисты, пишет он, поставили «непосредственную задачу: **развить народно-демократическую революцию в революцию социалистическую, причем мирным путем.**

...Компартия в тот момент считала, что народная демократия есть путь к социализму без диктатуры пролетариата. Эта точка зрения вызвала в партии дискуссии, тем более оживленные, чем дальше шел процесс перехода страны на социалистический путь. Но именно такой была официальная позиция партии, и подавляющая часть коммунистов приняла ее.

Известно, что в то время не одна наша партия разделяла такую позицию. И это при тех обстоятельствах, когда партия была участницей власти и играла ведущую роль в управлении страной.

Было бы ошибкой считать, что такая позиция носила лишь тактический характер и служила для успокоения тех, кто симпатизировал социализму, но возражал против диктатуры пролетариата, столь «скомпрометированной» антикоммунистической пропагандой. Руководители партии, по крайней мере большинство их, действительно верили, что, если страна мирным образом сможет вступить на социалистический путь, тогда для достижения социалистических целей не понадобится такая рабочая власть, как диктатура пролетариата. Жизнь не по желанию и не по вине комму-

нистов опровергла это. В обстановке «холодной войны», начатой западными державами и углубленной американским атомным шантажом, а также весьма обострившейся внутренней политической борьбы переход на социалистический путь сочетался с утверждением диктатуры пролетариата. Сначала было установлено, что народная демократия выполняет функции диктатуры пролетариата, — и это действительно так и было; затем констатировалось, что власть, являясь по своему характеру рабочей властью, в форме народной демократии установила систему диктатуры пролетариата.

Таким образом, наше предположение, что народная демократия приведет к социализму при отсутствии диктатуры пролетариата, не оправдалось»¹.

Безусловно, в наши дни соотношение сил между пролетариатом и буржуазией изменилось. Оно изменилось прежде всего в мировом масштабе, ибо реальный социализм стал фактором решающего воздействия на общественные судьбы всего человечества. Оно существенно изменилось в пользу рабочего класса, трудящихся, демократических масс внутри стран капитала. Не всюду в одинаковой мере, но изменилось именно в этом направлении, ибо значительно возросла революционность различных социальных групп, находящихся за пределами рабочего класса, необходимость смены капиталистического строя социализмом все яснее сознается не только в пролетарских рядах, но даже и в мелкобуржуазной среде. Что же отсюда следует? Ослаблена ли буржуазия до такой степени, что она готова смириться с утратой своего классового господства? Этого не станет утверждать ни один трезво мыслящий человек. И конечно, подобные иллюзии не могут разделять и не разделяют коммунисты. Или, может быть, рабочий класс и другие слои общества, составляющие совместно подавляющее большинство населения, спаяны столь глубокой и нерушимой общностью интересов, что существует гарантия сохранения их единства на любых поворотах классовой и политической борьбы, поворотах, которыми всегда изобилует революционное развитие? Подобной гарантии нет и быть не может, ибо существует гарантия как раз обратного — гарантия неизбежной перегруппировки классовых сил в ходе революции, гарантия непоследовательности и шатаний ее непролетарских участников.

Но если дело обстоит таким образом, то нет оснований говорить и об «устарении» марксистско-ленинской концепции диктатуры пролетариата. Ведь эта концепция как раз и предусматривает, что революционной власти рабочего класса не обойтись без мер, направленных к подавлению классового сопротивления эксплуататоров, с одной стороны, и к формированию под пролетарским руководством прочного народного большинства, активно и

¹ Проблемы мира и социализма, 1976, № 9, с. 25. •

сознательно участвующего в социалистическом строительстве,— с другой.

В трудах В. И. Ленина мы находим научно-теоретический разбор гипотезы о том, что надобность в диктатуре пролетариата отпадает, поскольку-де рабочему классу обеспечена поддержка большинства населения. Эту гипотезу Ленин после обстоятельного анализа отвергает следующим образом: «...остается несомненным, что понятие «диктатуры» несовместимо с *положительным* признанием чужой поддержки пролетариату. Если бы мы действительно *положительно* знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его, пролетариатской, революции, тогда не к чему бы и говорить о «диктатуре», ибо тогда вполне обеспечено было бы нам такое подавляющее большинство, что и без диктатуры прекрасно обошлись бы (как и хотят уверить «критики»). Признание необходимости *диктатуры* пролетариата *самым тесным и неразрывным образом* связано с положением «Коммунистического манифеста», что пролетариат *один только* есть действительно революционный класс»¹.

Отметим прежде всего, что это — текст ленинских замечаний на составленный Плехановым в 1902 году проект Программы РСДРП, в котором не содержалось указания на необходимость диктатуры пролетариата. Ленин категорически настаивал, чтобы такое указание было сделано. Доказывая правильность своей позиции, он ссылаясь, в частности, на конкретную расстановку классовых сил в России и, указывая на готовность непролетарских слоев населения страны включиться в активную борьбу против самодержавия, против помещичьей и капиталистической эксплуатации, предупреждал против переоценки их революционных потенций. Но, как видим из приведенной цитаты, суть дела для Ленина определялась далеко не одной конкретной обстановкой России того времени. В основе его позиции — важнейшее теоретическое положение марксизма, гласящее, что пролетариат является единственным последовательно революционным классом.

Мы уже показали выше, что при всех сдвигах в современном обществе, значительно поднявших революционность непролетарских масс, рабочий класс остается авангардной силой социального прогресса, единственным классом, которому по плечу свершение социалистической революции и который способен бороться за социализм без колебаний и шатаний, не путаясь в противоречивости собственных интересов. Такая оценка роли современного пролетариата в социальной революции, разумеется, ничего общего не имеет с концепциями лассальянского толка, в которых все остальные классы общества по отношению к рабочему классу изображаются как «сплошная реакционная масса». Напротив, необходимость диктатуры пролетариата неразрывно связана именно с ростом революционных потенций непролетарских слоев общества,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 229.

с тем, что на рабочий класс ложится задача активизировать и выразить эти потенции. Как раз в связи с обсуждением вопроса о диктатуре пролетариата Ленин подчеркивал, что пролетариат и его партия признают революционность других классов, слоев, групп населения. Но они видят и учитывают условность этой революционности. Условность в том смысле, что практическая реализация данных революционных устремлений решающим образом зависит от того, в какой мере именно рабочий класс сможет их выразить, организовать, направить¹.

Следовательно, если говорить о взаимоотношениях пролетариата с другими революционными силами, составляющими в совокупности большинство населения, то правильный вывод будет заключаться в том, что этим силам гарантирована поддержка со стороны рабочего класса на всех этапах борьбы за социалистическое переустройство общества. Но жизнь не дает никаких оснований в пользу обратного утверждения. Существа дела, на наш взгляд, не меняет и тот очевидный факт, что в развитых капиталистических странах ныне обострилось противоречие между монополистической верхушкой и мелкими и даже средними предпринимателями. Конечно, это открывает возможности для расширения союза антимонополистических сил. Но ликвидация власти монополий — только шаг на пути к социализму. В конечном счете вопрос о том, на чьей стороне окажется большинство населения, решается в ходе классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Возьмем, например, вариант прихода партии рабочего класса к власти на основе завоевания большинства голосов избирателей. Если в этом случае сохраняются базовые социально-экономические позиции буржуазии в обществе, то за ней остаются такие преимущества, которые она наверняка попытается использовать для достижения победы на очередных выборах.

Вот почему диктатура пролетариата, рождаясь с опорой на волю народного большинства, сразу же оказывается перед необходимостью считаться с неизбежными переменами в расстановке классовых сил, с тем, что группы и слои общества, выступающие в союзе с рабочим классом, непременно обнаружат свою непоследовательность, что часть из них переместится на сторону буржуазии и что в целом большинство населения будет еще какое-то время испытывать значительные колебания, прежде чем окончательно остановится на твердой поддержке революционной власти.

Таким образом, марксистско-ленинское понимание роли пролетариата как класса, единственно способного к последовательной борьбе за переход от капитализма к социализму, является той теоретической основой, на которой зиждется идея о необходимости диктатуры пролетариата для защиты и упрочения революционных завоеваний.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 223—229.

Теперь о второй стороне вопроса. Конечно, никогда в прошлом в капиталистическом мире не было столь благоприятных условий для того, чтобы революционный переход от капитализма к социализму принял мирные, невооруженные формы. Верно и то, что с этой принципиальной переменной в исторической обстановке некоторые конкретные черты диктатуры пролетариата, известные по опыту прошлого, могут уступить место другим ее формам и проявлениям. В частности, есть все основания предполагать, что грядущие социалистические революции внесут много нового в формы, темпы осуществления диктатуры пролетариата, методы и масштабы использования традиционных демократических институтов, возможности сотрудничества коммунистов с другими партиями, стоящими на платформе социализма, в борьбу за закрепление и упрочение революционных завоеваний, строительство нового общества и т. д.

Но сказав все это, нельзя, по-видимому, не подчеркнуть, что речь идет именно о политических формах диктатуры пролетариата, а не о ее классовой сущности как революционной власти, обеспечивающей переход от капитализма к социализму.

Конечно, если диктатуру пролетариата понимать в узком, политическом смысле, т. е. как политическую форму, противоположную демократии, то от такой концепции надо отказаться. Но это уж не забота для коммунистов: им-то не приходится думать об отказе от позиций, которые они никогда не разделяли.

Если, однако, говоря о диктатуре пролетариата, иметь в виду именно то, что она означает в научном плане, а именно власть рабочего класса, его господство в обществе, то никакие особенности, отличающие ее политические формы, не могут служить основанием для пересмотра ее места и роли в утверждении социалистического строя.

Могут спросить: не падает ли революционное значение самого акта перехода государственной власти от одного класса к другому в условиях современного развитого буржуазного общества, в условиях, когда в борьбу за демократические и социальные преобразования втягивается большинство населения? Не могут ли все основы социалистической организации общества при нынешнем соотношении классовых сил быть созданы еще до взятия власти рабочим классом? И тогда действенная идейно-политическая поддержка социализма народным большинством тоже может сложиться, так сказать, заранее.

Если мы построим рассуждение таким образом, то в соответствии с его логикой приход рабочего класса к власти становится всего лишь завершающим и по существу чуть ли не формальным шагом на пути революции. Он не предполагает никакого качественного скачка, а является лишь внешним подтверждением — путем всеобщего голосования — уже свершившихся революционных сдвигов.

В таком случае, на наш взгляд, мы допустим ошибку, суть которой сводится к многоплановой недооценке роли государственной власти как орудия классовой борьбы, а в конечном счете по существу и к игнорированию классового характера государства. С одной стороны, недооценивается значение, которое для буржуазии имеет обладание государственной властью. Дело представляется так, будто буржуазный государственный аппарат есть малозначительная, несущественная величина, с которой революционные силы могут не очень считаться в своей политической борьбе, и будто реальная роль буржуазных органов власти определяется не столько их классовой природой, сколько итогами выборов, определяющими их конкретный состав. С другой стороны, недооценивается значение государственной власти как органа революции, в результате чего складывается утопическая картина коренного переустройства общества без активного участия государства.

Поскольку все это выглядит именно утопией, постольку и следующий отсюда вывод о возможности обойтись без диктатуры пролетариата оказывается в противоречии с научно обобщенными в марксистско-ленинской теории объективными законами и требованиями революционного перехода от капитализма к социализму.

И наконец, о «догматическом подходе» к идее о диктатуре пролетариата. Творческое отношение к научной теории есть закон для марксистов-ленинцев. Поэтому в теоретической работе братских партий идея диктатуры пролетариата развивается с учетом всех новых явлений общественной жизни. Это вовсе не бездумное повторение формул Маркса и Ленина и не призывы к слепому подражанию конкретным историческим образцам диктатуры рабочего класса. В программных документах многих национальных отрядов международного коммунистического движения при разработке вопроса о диктатуре пролетариата делаются необходимые выводы из перемен в исторической обстановке, в соотношении классовых сил. Развивается, например, плодотворная мысль о том, что с укреплением позиций рабочего класса и его союзников возникает тенденция к изменению относительной роли каждой функции диктатуры пролетариата. На первый план выдвигается ее созидательно-организаторская функция, тогда как функция насильственного подавления сопротивляющейся буржуазии может при благоприятных условиях иметь значение меньшее, чем прежде, именно в силу далеко зашедшей дискредитации капиталистического строя и его господствующего класса. Понятно, что такую тенденцию коммунисты учитывают, но не абсолютизируют. Как это было уже показано ранее, они отдают себе отчет в том, что конкретное развитие классовой и политической борьбы в любой момент может потребовать от пролетарского авангарда, от трудящихся, демократических масс обращения к самым жестким (в том числе вооруженным) формам и методам защиты своих прав и интересов, своих завоеваний.

Буржуазия и ее реформистские прислужники делают все от них зависящее, чтобы идеологически разоружить и стратегически дезориентировать революционные силы рабочего класса. В последние годы эти их усилия концентрируются, в частности, на попытках лишить пролетариат столь важного идейно-политического оружия, каким является марксистско-ленинская концепция диктатуры пролетариата. Но тем самым наши враги сами лишены раз подчеркивают непреходящее значение этой концепции в современной классовой борьбе.

Ленинское учение о диктатуре пролетариата, ее практической роли в укреплении первого в истории социалистического государства было и остается надежным ориентиром в разработке коренных вопросов стратегии и программных установок революционного движения, в его борьбе за переход от капитализма к социализму.

РОЛЬ ПАРТИИ

Не только наш современник, но и объективный историк далекого будущего, размышляя о диалектике общественных событий первой четверти XX века, несомненно, поставит в один ряд два крупнейших социальных явления, навсегда вошедших в общественное бытие и сознание современной эпохи: создание марксистско-ленинской партии и осуществление пролетарской революции.

Действительно, именно в начале XX века, когда практически во всех развитых капиталистических странах существовали социал-демократические партии, именовавшие себя марксистскими, когда функционировал II Интернационал, образованный при деятельном участии Ф. Энгельса и объединявший политические организации рабочего класса, провозгласившие своей целью уничтожение всех форм эксплуатации, — именно в это время в рядах социал-демократов вспыхнула острая борьба вокруг создания марксистской партии нового типа. Эту борьбу довели до победного конца Ленин, его единомышленники — российские революционеры-марксисты, сплотившиеся в единую политическую организацию — партию большевиков, которую оппортунистические лидеры II Интернационала объявили своим смертным врагом.

Исторический смысл ленинской деятельности по созданию партии нового типа не был понят очень многими видными в то время деятелями международного рабочего движения, снисходительно рассматривавшими ее как «детскую болезнь» молодой, еще неопытной российской социал-демократии¹, как проявление в политике «чисто русских» страстей. Не понимал этого и лидеры меньшевистского крыла российской социал-демократии, склонные клеветнически относить неутомимую, бескомпромиссную борьбу Ленина за построение подлинно революционной, марксистской партии, централизованной организации профессионалов-революционеров чуть ли не на счет его сугубо личных «властолюбивых» стремлений. Охотно рассуждая о путях и перспективах развития

¹ Так, например, когда вскоре после II съезда РСДРП большевик Лядов по поручению Ленина обратился к главному редактору газеты «Vorwärts» (центральный орган германской социал-демократии) с предложением напечатать материал, рассказывающий о положении дел в РСДРП, о борьбе в ней двух направлений, тот высокомерно заявил: «...наша газета не может уделять много места иностранному движению, в особенности русскому, которое еще так молодо и так мало может дать зрелому немецкому движению» (Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков международному социалистическому конгрессу в 1904 г. М., 1963, с. 8).

русской революции, они не видели — или не хотели видеть — глубокой истины в страстном заявлении-призыве Ленина, раздавшемся в самом начале века: «...дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»¹ Такая организация была создана и окрепла в нашей стране. Эта партия имела налицо три, по определению Ленина, необходимых условия для выставления последовательной социалистической программы: ясную идею о конечной цели, правильное понимание того пути, который ведет к этой цели, точное представление о действительном положении дел в данный момент и ближайших задачах этого момента². И именно в России в октябре 1917 года произошла первая победоносная пролетарская революция, возникло и закрепило свои завоевания первое в мире социалистическое государство, руководимое партией большевиков во главе с В. И. Лениным.

Что это — случайное совпадение во времени двух процессов, двух социально-политических явлений? Нет, это такое «совпадение», которого сознательно и целеустремленно добивались Ленин, большевики и без которого в России не могла бы победить пролетарская революция.

В любых социальных революциях прошлого, особенно в буржуазно-демократических революциях XVIII—XIX веков, действовали политические партии, оказывая, безусловно, то или иное влияние на их возникновение и исход. Но никогда ни в одной из этих революций существование и действие той или иной партии не было в такой мере предварительным, необходимым и важнейшим условием их победы. Таким условием (разумеется, в ряду других) является для победы пролетариата существование и деятельность коммунистической партии — главного инструмента осуществления социалистической революции. «У пролетариата, — писал с полной убежденностью В. И. Ленин в 1904 году, имея в виду как грядущие революции XX века, так и опыт пролетарских боев в прошлом, — нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации»³. Возвращаясь к этому вопросу позже, Ленин с новой силой подчеркивал, что самым глубоким, постоянным свойством пролетарской революции и условием ее побед «являлась и остается организация пролетарских масс, организация трудящихся». В этой организации — «самый глубокий источник ее побед»⁴.

Ленинские мысли о роли партии в революции были подтверждены уроками не только победоносных революций, но и революций, потерпевших поражение. Вот мнение вождя венгерского революционного пролетариата Бела Куна. Он говорил, что причиной победы Октября было существование «централизованной,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 127.

² См. там же, с. 397.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 403.

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 74.

дисциплинированной, бесконечно самоотверженной рабочей партии в лице Российской Коммунистической партии, отсутствие такой партии в Венгрии... привело к крушению венгерской пролетарской революции, несмотря на многочисленные самоотверженные подвиги, несмотря на порыв венгерского пролетариата и беднейшего крестьянства»¹. Точно так же (мы это уже отмечали) реформистское перерождение крупнейшей в прошлом марксистской партии — германской социал-демократии явилось основной причиной поражения Ноябрьской революции в 1918 году.

Ныне в сокровищницу марксистско-ленинской мысли прочно вошло положение, что одной из важнейших закономерностей революционного движения является руководящая роль коммунистической партии. Ленинские слова, произнесенные накануне Октябрьского восстания, о том, что коммунистическая партия олицетворяет в себе «ум, честь и совесть нашей эпохи», звучат и сегодня справедливо, современно и остро. За ними — исторические свершения реального социализма, завоевания международного рабочего класса в странах капитала; за ними — самоотверженная борьба за национальное и социальное освобождение трудящихся; за ними — забота о мире и безопасности всех народов; за ними — грядущая победа демократии и социализма во всем мире.

В данной главе на опыте борьбы российского пролетариата мы постараемся раскрыть лишь один из важнейших аспектов этой темы: роль партии в революции. Несомненно (и читатель сам убедился в этом), данная проблема присутствовала (и не могла не присутствовать) в той или иной форме при разборе предшествующих тем, положенных в основу первых глав книги, однако есть необходимость, подводя итоги опыта трех российских революций в свете современности, остановиться на этом специально. Во-первых, потому, что ленинское учение о роли партии в революции, опыт его воплощения в жизнь как бы аккумулируют в себе многие существеннейшие особенности и ленинизма вообще, и уроков трех революций в России в частности. Во-вторых, потому, что именно вопрос о роли партии в современных революционных движениях находится на острие идейно-теоретической и политической борьбы.

Рассмотрим в связи с этим три узловые проблемы: во-первых, сущность партии нового типа и, главное, то, как эта сущность проявляется в революции; во-вторых, опыт и международное значение взаимоотношения большевиков с другими партиями, участвовавшими в русских революциях, и вопрос о едином фронте в этих революциях; в-третьих, основные черты и слагаемые ленинского искусства партийного руководства революцией.

¹ Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала, № 9, 18 ноября 1922 г., с. 13.

Главные требования к партии революции

Деятельность Ленина по созданию марксистской партии нового типа неотделима, как мы уже отмечали, от острой борьбы с оппортунистами в российском и международном социал-демократическом движении, где на рубеже XIX—XX веков получили широкое распространение реформистские идейные и организационные принципы. Без анализа особенностей данной борьбы невозможно понять существо и результаты позитивной деятельности Ленина, которая привела к возникновению и укреплению первой пролетарской партии нового типа, партии большевиков, ставшей ядром и базой для развития международного коммунистического движения — самой влиятельной силы современности. Это объясняет тот факт, что борьба двух направлений в рабочем движении — революционного и реформистского — составляет неизменный исторический фон любых марксистских исследований, посвященных строительству партии нового типа, ее учет и анализ являются, на наш взгляд, одним из важнейших условий плодотворности научных изысканий в области историко-партийной науки.

Однако в некоторых научных работах данный принцип проводится иногда таким образом, что у читателя может создаться впечатление, что главной (и чуть ли не единственной) причиной образования первой в мире пролетарской партии нового типа явилось усиление оппортунизма в русской и международной социал-демократии. Такой подход упрощает суть дела. В действительности необходимость создания партии нового типа вытекала из объективных особенностей и задач развития самого рабочего движения, тесно связанного со всеми глубинными процессами в мировой экономике и политике, свидетельствовавшими о вступлении капитализма в высшую и последнюю стадию — империализм, который вплотную подвел человечество к социалистической революции.

Возникновение пролетарской партии нового типа в России, ставшей в начале XX века узловым пунктом противоречий мирового империализма, представляло, следовательно, в общесоциологическом плане закономерную историческую реакцию рабочего класса, его ответ на задачи и потребности новой эпохи.

Исторически дело сложилось так, что в России в отличие от Западной Европы, где уже существовали социал-демократические партии, процессы формирования политической организации рабочего класса вообще и пролетарской партии нового типа совпали во времени. Это, с одной стороны, усложняло деятельность революционеров-марксистов, ибо в России сравнительно молодой пролетариат объективно оказался в начале века перед задачей, которая, согласно определению Ленина, явилась наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни

было другой страны. Но, с другой стороны, данная ситуация порождала, по мнению Ленина, и определенные существенные преимущества. Российское рабочее движение имело не только ценные традиции борьбы блестящей плеяды русских революционеров — предшественников социал-демократов, но и богатейший опыт развития всего международного социал-демократического движения. Разумеется, задача претворения этого опыта в жизнь была нелегкой. «...Для такого претворения, — подчеркивал Ленин, — недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо умение критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи»¹.

Большевики под руководством Ленина сумели воплотить в практику российского рабочего движения все ценное из опыта других стран и в то же время учли ошибки, допущенные западноевропейскими социал-демократами. И этим, в частности, объясняется тот факт, что, хотя ленинское учение о партии нового типа впервые воплотилось в жизнь в условиях России, оно сразу же, с момента возникновения, приобрело мировое значение, стало выдающимся вкладом в теорию и практику марксизма. Это искажают буржуазные историки и социологи, пытающиеся дать свое «прочтение» смысла и значения ленинского учения о партии нового типа в развитии марксизма. Так, уже упоминавшийся буржуазный автор Ф. Фейто пишет, что именно стремление Ленина создать в условиях России партию пролетарского авангарда обозначило «его отход от марксизма к тому, что станет ленинизмом... По мысли Ленина, партия не может быть «собранием отдельных групп», она должна быть единым целым, формально организованным по модели армии. Она должна быть армией, ведущей классовую борьбу, как ведут войну... Именно в этой концепции партии — армии, хорошо оснащенной и подготовленной для решающей битвы, проявляются, — утверждает автор, — одновременно новый, современный характер мысли Ленина и ее «русицизм» (поскольку враг, против которого надлежало бороться, — военный, политический и бюрократический аппарат царизма — был специфически русским)»².

Подобные оценки не имеют ничего общего с действительным содержанием ленинского учения о партии. В этом учении глубоко анализировались и обобщались «и завоевания мирной эпохи и опыт начавшейся эпохи революций»³. Именно последнего не сумели учесть старые, социал-демократические партии II Ин-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 24—25.

² См. Lenin. Paris, 1972, p. 248—249.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 304.

тернационала. Их официальные лидеры не только не смогли перестроить свои партии в соответствии с потребностями революционной эпохи, но и в своем абсолютном большинстве не поняли ее содержания. Они, как известно, исходили из якобы возможного «врастания», «трансформации» капитализма в социализм или «постепенного введения» социализма. Отсюда в свою очередь возникало представление о задачах и характере партии: для наблюдения за эволюцией капиталистического общества, даже для содействия ей и не нужно ничего иного, кроме организации, выступающей за реформы. Отсюда и печально знаменитое заявление Э. Бернштейна о том, что социал-демократия должна «избавиться от устарелой фразеологии» и стараться «казаться тем, что она есть в действительности, т. е. демократически-социалистической партией реформ»¹. С этим представлением по существу связана и игра в слова у К. Каутского, которому нужна «революционная партия, но не партия, устраивающая революцию»².

Именно эта логика, логика развития оппортунизма, который долгие годы терпели в своей среде партии II Интернационала, и привела их постепенно к реформистскому перерождению. «Типом социалистических партий эпохи II Интернационала, — писал Ленин, — была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода...»³. На той же реформистской почве стоят сегодня, как мы уже разбирали, правые лидеры международной социал-демократии.

Ленинская идея пролетарской партии нового типа исходит из диаметрально противоположных взглядов на характер и перспективы развития общества, из представления о закономерности революционного перехода от капитализма к социализму, который в эпоху империализма становится не просто возможным, но и повелительно необходимым. Не случайно В. И. Ленин, по воспоминаниям М. Горького, на вопрос рабочего-меньшевика о том, чем же отличаются большевистское и меньшевистское направления в российской социал-демократии, ответил просто и предельно четко: «...Ваши товарищи желают заседать в парламенте, а мы убеждены, что рабочий класс должен готовиться к бою»⁴. И эта оценка полностью приложима для определения линии принципиального размежевания в целом между марксистско-ленинским и реформистским, социал-демократическим направлениями в международном рабочем движении вплоть до наших дней.

Пролетарская партия нового типа и создавалась Лениным, большевиками не для того, чтобы заседать в буржуазном парламенте, а для того, чтобы подготовить и поднять массы (используя, безусловно, в определенных условиях борьбу в парламенте)

¹ Бернштейн Э. Социальные проблемы. М., 1901, с. 272.

² Каутский К. Путь к власти. М., 1959, с. 65.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 114.

⁴ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 249.

на демократическую, а затем и на социалистическую революцию, чтобы свергнуть экономическую и политическую власть капитала, сломать буржуазную государственную машину, установить диктатуру пролетариата, построить бесклассовое коммунистическое общество¹.

Отсюда *революционность* выступает как главное требование к партии нового типа, ее первая, наиболее яркая отличительная черта, определяющая по сути дела и все остальные ее важнейшие черты. Перефразируя известные слова писателя, можно было бы сказать: ленинская партия была рождена для революции, как птица для полета. Все в ней было подчинено, все соответствовало этой великой исторической цели.

Может возникнуть вопрос: а что вкладывается в само понятие «революционность партии»? Ведь известно, что этим словом любили пощеголять и деятели II Интернационала; оно в ходу и у их современных идейных наследников — правых ревизионистов, не говоря уже о левацких деятелях, как прежних, так и нынешних. Известно и то — и марксисты-ленинцы не отрицают этого, — что в современную эпоху способность к революционным действиям сохраняют, а порой активно проявляют другие, не только коммунистические партии и организации. Об этом свидетельствуют, в частности, социально-политические битвы в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Все это требует уточнения и более подробного раскрытия сущности характера революционности как главного качества марксистско-ленинской партии, а вместе с тем и тесно связанных с ним других важнейших требований, предъявляемых к партии революции.

По нашему глубокому убеждению, сделать это можно, лишь опираясь на наиболее общее (т. е. раскрывающее сущность данного явления) ленинское определение марксистской партии как политического авангарда революционного пролетариата. Его мы находим, в частности, в следующих словах В. И. Ленина. *«Социал-демократия, — писал Ленин в «Искре» в 1900 году, разъясняя насущные проблемы революционного движения в России, — есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности»*².

В данном определении выделено то исходное и в этом смысле главное в марксистско-ленинском понимании сущности пролетар-

¹ «Большевики были первыми и единственными, — отмечал, например, Т. Живков, — кто дал правильный ответ на новые выдвинутые революционной практикой мирового пролетариата вопросы и создал революционную, марксистскую партию, отвечающую велениям новой эпохи» (Проблемы мира и социализма, 1973, № 9, с. 7).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 373 (курсив наш).

ской партии, без чего нельзя раскрыть ее важнейшие отличительные черты как партии революции.

И не случайно с момента начала борьбы за создание марксистской партии нового типа именно это ленинское положение является объектом яростных атак со стороны наших идейных противников. Мы уже касались этого вопроса в главе четвертой, поэтому в данном разделе он анализируется лишь в связи с ролью партии в революции. Напомним лишь, что именно в наиболее ответственный период борьбы за создание в России революционной пролетарской партии в центре дискуссий в российском социал-демократическом и рабочем движении оказалась проблема соотношения стихийного и сознательного в рабочем движении. В борьбе с «экономизмом», русской разновидностью международного правового оппортунизма, Ленин еще в работе «Что делать?» показал, что, во-первых, социалистическое сознание не возникает непосредственно из стихийного рабочего движения, оно вносится в него революционной партией, овладевшей марксизмом; во-вторых, только озаренная светом идей научного социализма, классовая борьба пролетариата сможет привести его к освобождению. Он указал и на то, что не только правый, но и «левый» оппортунизм (в работе «Что делать?» Ленин рассматривал такую его конкретную разновидность, как терроризм), его кажущийся антипод, имеет своим корнем также именно преклонение перед стихийностью. Ленин установил, что между ними существует, как это ни парадоксально на первый взгляд, необходимая внутренняя связь, ибо и правый и «левый» оппортунизм представляют собой лишь разные формы отлынивания от постоянной обязанности революционеров — воспитания в массах политической активности, внесения в классовую борьбу пролетариата социалистического сознания.

И сегодня против ленинской концепции соединения научного социализма с рабочим движением вновь выступают ревизионисты. Так, Р. Гароди в своей статье-пасквиле на коммунистическое движение и страны социалистического содружества заявлял (в который уже раз!), что ленинская концепция отвечала лишь историческим нуждам России начала XX столетия, когда в стране царили полицейский режим, политическая неграмотность и отсталость масс, а рабочий класс составлял меньшинство населения¹. В условиях же Франции, демагогически вещал он несколько ранее, «где массы не безграмотны, а, напротив, грамотны и проникнуты длительной революционно-демократической традицией, ставить «ударение» на «внесении теории извне» — значит идти к централистской, авторитарной концепции и в конечном счете к бюрократическому централизму»². Одним словом, писал Гароди

¹ Le Monde, 7. IX. 1974.

² Garaudy R. Tout la verité. Paris, 1970.

Эти же идеи Гароди пропагандировал и в уже упоминавшейся статье, опубликованной летом 1976 года, где он квалифицировал руководящую

в уже упоминавшейся книжке «Альтернатива», необходимо «покончить» с ленинской «концепцией соотношения между «стихийностью» и «сознательностью», с формами организации, которые из нее вытекают...»¹.

Можно было бы только поражаться столь странному теоретическому прочтению этим бывшим «марксистом» и экс-коммунистом ленинского положения о необходимости вынесения научного социализма, классового социалистического сознания (а не грамоты или элементов культуры вообще, как, очевидно, полагает Гароди) в стихийное рабочее движение, если бы за этим «прочтением» не стояла вполне определенная политическая деятельность Гароди — раскольник и фракционер, исключенного из ФКП. Действительно, когда мы говорим о ленинской концепции необходимости соединения научного социализма с рабочим движением, то речь идет отнюдь не о степени общей грамотности населения той или иной страны, от которой, мол, зависит, делать ли «ударение» на внесении теории социализма в рабочее движение или нет; речь идет о формуле, которая в наиболее общем виде выражает саму сущность марксистско-ленинской партии. Так что за призывом отбросить эту формулу скрывается лишь попытка теоретического оправдания или обоснования раскольнической, антипартийной деятельности Гароди, отрицание марксистско-ленинского учения о партии нового типа.

Следует заметить, что еще до того, как Гароди выступил с этими идеями, их уже активно пропагандировали «левые» студенты Сорбонны, в частности анархист Д. Кон-Бендит, пытавшийся отрицать положение о необходимости привнесения партией социалистического сознания в рабочее движение на том основании, что оно якобы противоречит положению Маркса о том, что освобождение рабочих может быть делом рук только самих рабочих, и ведет к «бюрократизации» революционного движения². Как видим, опять, как и в России в начале века, правые и «левые» сходятся в главном — в отрицании роли партии-авангарда, партии научного социализма.

Разумеется, когда марксисты-ленинцы подчеркивают, что соединение научного социализма с рабочим движением — наиболее общая черта, раскрывающая сущность любой коммунистической партии, они далеки от утверждения, что конкретные формы такого соединения не зависят от условий той или иной страны. Развитие революционного движения (да и сама революция) происходит не в виде единичного акта, а в виде процесса, когда более

роль партии как «подмену реальной власти всего трудового народа... фактическим руководством группы лидеров, выдаваемых за посетителей истины и хозяев аппарата, привносящего «извне» и «сверху» политическое сознание в массы» (Le Monde, 9. VII. 1976).

¹ Garaudy R. L'Alternative, p. 215.

² Cohn-Bendit D. Le Gauchisme remede la maladie sechile du communisme. Paris, 1968, p. 234.

или менее сильный взрыв или подъем быстро сменяются более или менее сильным затишьем¹. Эти периоды «взрывов» и «затиший» в разных странах протекают далеко не всегда одновременно. В зависимости от специфики периода и условий страны вопрос о введении социалистического сознания в массы ставится по-разному. Как отмечал Ленин, «...в каждой стране это соединение социализма с рабочим движением вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий места и времени»².

Более того, в связи с тем что экономические, политические и культурные условия жизни и борьбы масс в длительном процессе вызревания социалистической революции в той или иной стране изменяются, а в революционную борьбу включаются все новые группы, слои и поколения трудящихся, задача соединения научного социализма с рабочим движением, с социальной активностью всех трудящихся постоянно сохраняет свою актуальность. Такое соединение, следовательно, также нельзя рассматривать как единичный, одноразовый акт. Напротив, это непрерывный процесс, который не заканчивается вместе с возникновением компартии. Он начинается в условиях капитализма и продолжает развиваться (разумеется, в своеобразной форме, наполняясь и качественно новым содержанием) после победы социалистической революции. И это служит еще одним доказательством того, что вышеприведенное ленинское определение коммунистической партии раскрывает действительно важнейшую, общую, существенную особенность *любой* партии нового типа.

Из ленинского определения коммунистической партии как соединения рабочего движения с научным социализмом вытекает ряд характерных черт, отличающих ее от партий II Интернационала, от нынешних реформистских партий. В чем их сущность?

Ленинская партия революции не является партией, включающей в свой состав всех желающих, независимо от их идейных убеждений, классовых интересов и целей. И это понятно. Для реформистской партии, ожидающей «врастания» капитализма в социализм или «конвергенции» двух систем, совершенно не нужна единая боеспособная организация, а достаточно объединения различных социальных и политических сил, в которое бы, как утверждают оппортунисты, входили марксисты и немарксисты, коммунисты и социал-демократы, католики и протестанты. Напротив, вести массы на бой против эксплуататорского строя, на страже которого стоит гигантский разветвленный, централизованный аппарат насилия, просто немыслимо без закаленного, профессионально подготовленного, беззаветно преданного делу революции авангарда. Отсюда ленинское требование к партии революции состоит в том, чтобы она была высшей формой организации рабочего класса, сознательным и организованным его авангардом,

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 177.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 373.

Такой подход к вопросу о членстве в партии объяснялся отнюдь не только нелегальными условиями, в которых создавалась и вела борьбу большевистская партия. Не менее (если не более) важно повышение требовательности к членам партии и в обстановке, когда партия действует легально, находится на подъеме или становится правящей. В таких условиях, как не раз подчеркивал Ленин, к партии стремятся примазаться различного рода мелкобуржуазные элементы, карьеристы, и надо, чтобы партия сумела оградить себя от проникновения в ее ряды чуждых сил, способных ослабить ее революционный характер, имела действенные средства для борьбы с враждебными тенденциями, носителями которых являлись эти элементы. Именно поэтому и сегодня существо ленинских требований к членству в партии сохраняет свою актуальность и силу. И сегодня членом партии, способной подготовить и возглавить победоносную социалистическую революцию, может быть лишь тот, кто активно и сознательно борется за идеалы социализма.

В связи с этим необходимо напомнить о политическом значении спора на II съезде РСДРП по вопросу о формулировке первого параграфа Устава партии. В меньшевистской формулировке о необязательности личного участия в работе одной из организаций партии, которая, кстати, была характерна для западной социал-демократии, Ленин распознал опасность размывания и даже распада партии в трудных условиях борьбы за революционное завоевание власти. Ленинская же формулировка, требовавшая личного участия каждого члена партии в одной из ее организаций, преграждала доступ в революционную партию рабочего класса неустойчивым, колеблющимся мелкобуржуазным элементам, вносила организованность и дисциплину в партийные ряды¹. Более того, за этим спором скрывалось различное понимание соотношения таких фундаментальных понятий марксизма, как «класс и партия», «партия и организация», по которым не прекращаются дискуссии и по сей день.

Ленин поставил знак равенства между понятиями «партия» и «организация», видя в этом один из важнейших признаков партии пролетарской революции. Оппортунисты отрицали это, апеллируя к тому, что надо, мол, добиваться, чтобы партия в конечном счете сливалась со всем рабочим классом, без чего немислима победа революции. Но, во-первых, на практике такое слияние в условиях

¹ В свое время Г. В. Плеханов хорошо выступал в защиту этого ленинского принципа. «Рабочие, желающие вступить в партию,— говорил он на II съезде РСДРП,— не боятся войти в организацию. Им не страшна дисциплина. Побоятся войти в нее многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалять их от себя. Проект Ленина может служить оплотом против их вторжений в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма» (Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы. М., 1959, с. 272).

капитализма невозможно, во-вторых, ориентация на слияние ведет к стиранию граней между передовой и отсталой частями класса, которые всегда существуют. Так что на деле теория «партии — класса» означает отрицание необходимости авангардной роли партии в революции, которая в таком случае должна неизбежно равняться на отстающих. Поскольку сознательно на социалистическую революцию всегда сначала поднимается лишь передовая часть рабочих, то эта теория по существу обрекает рабочий класс на бесконечное ожидание того, когда весь рабочий класс или его абсолютное большинство осознает необходимость революции.

Всем этим рассуждениям Ленин противопоставил требование всемерного повышения роли партии в революционном рабочем движении. «Мы, — писал он, — партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии»¹.

История трех российских революций, последующие классовые битвы пролетариата полностью подтвердили ленинскую прозорливость. Оправдались его слова, что сила партии не только и не столько в количестве ее членов, сколько в их зрелости, убежденности, умении и готовности решительно действовать. Рабочему классу нужна, конечно, влиятельная коммунистическая партия, объединяющая в своих рядах всех лучших представителей трудящихся классов. Однако массовость партии — это не самоцель, количественная сторона дела, безусловно, важна, но увеличение числа членов партии не может осуществляться за счет снижения партийной требовательности, приоритет и в этом случае принадлежит качественным факторам роста. «Возможно, что и маленькая партия... — писал Ленин, — хорошо изучивши ход политического развития и ознакомившись с жизнью и привычками беспартийных масс, вызовет в благоприятный момент революционное движение...»²

В то же время Ленин всегда выступал против тех, кто рассуждениями о революционной роли партии-авангарда прикрывал свое неумение завоевывать широкие массы на сторону революционно-социалистических идей. «Тот, кто не понимает, — говорил Ленин итальянским «левым коммунистам» на III конгрессе Коминтерна, — что в Европе, — где почти все пролетариат организованы, — мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения...»³

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 245.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 32.

³ Там же, с. 25—26.

Этим положением и ныне руководствуются марксистско-ленинские партии капиталистической Европы, неуклонно расширяющие свое влияние на трудящихся, и прежде всего на рабочий класс. «Перед нашей партией, — указывалось в Политической резолюции X съезда Компартии Греции, — стоит задача завоевания большинства рабочего класса и серьезного усиления его влияния среди всех масс трудящихся. Выполнение этой задачи является предпосылкой создания антиимпериалистического, антимонополистического, демократического фронта. Без такого усиления влияния рабочего класса, без соответствующего развития его организованных сил наша партия не может надеяться на создание подлинного фронта борьбы за демократию народа»¹. А вот как рассматривается та же проблема в Политической резолюции IX съезда Португальской компартии: «Способность к организации, действиям, мобилизации, политическая и техническая подготовленность, опыт, беспредельная преданность народу и родине, глубокая и тесная связь с рабочим классом и народными массами делают ПКП необходимой и незаменимой силой в решении важных национальных проблем и в построении демократического общества в Португалии»². И далее: «Если укрепление ПКП — это главным образом дело и задача коммунистов, то партии необходима активная поддержка рабочего класса, народных масс, демократов и патриотов Португалии»³.

Хорошо понимая, какую опасность для капиталистического строя представляет рост влияния компартий, остающихся верными революционным принципам марксизма-ленинизма, буржуазия прибегает к изощренным приемам идеологической борьбы. Она пытается внушить коммунистам, что их ряды расширятся, авторитет увеличится, если, мол, они признают «ценности» буржуазного общества, станут на критические позиции по отношению к реальному социализму, отрекутся от пролетарского интернационализма.

Отвергая эти попытки классового противника, французские коммунисты подчеркнули на XXIV съезде своей партии, что «классовая борьба идет во всемирном масштабе. Первостепенную роль в ней играют социалистические страны... Забыть это, хотеть изолировать нашу борьбу от других сил, борющихся против капитализма, за социализм, было бы равносильно самоубийству»⁴. «Само существование Советского Союза, — указывалось на XXV съезде Компартии Канады, — усиливает коммунистическое движение, служит главным оплотом всеобщего мира и создает необходимые условия для благоприятного воздействия на формы борьбы в ин-

¹ X съезд Коммунистической партии Греции, с. 127—128.

² IX съезд Португальской коммунистической партии, с. 295.

³ Там же, с. 318.

⁴ L'Humanité, 4. II. 1982.

тересах трудящихся и дела социализма в капиталистическом мире»¹.

В. И. Ленин не раз показывал, что проблема в конечном счете не в том, маленькая или большая партия, а в том, что есть партии боееспособные и небоеспособные, умеющие и неумеющие поднять массы на революцию. Известно, что в первую мировую войну на Западе было немало пухлых социал-демократических партий, однако, скатившись на шовинистические позиции, они проявили полную неспособность возглавить революционную борьбу. В 1913 году Социал-демократическая партия Германии, например, насчитывала около 1 млн. членов. Оппортунистический характер этой партии в полной мере раскрылся в ходе Ноябрьской революции 1918 года, когда правые лидеры СДПГ вступили в союз с империалистическими и милитаристскими силами. Раскол рабочего класса, они обрекли его на поражение. Печально знаменитыми стали слова председателя правления СДПГ Эберта, сказанные 9 ноября 1918 года: «... я не желаю ее (революцию.— К. З.), более того, я ненавижу ее, как смертный грех»².

Большевики, бывшие в России небольшой по численности партией, сумели поднять массы на революцию и обеспечить ее победу. Вместе с тем именно в ходе развития революции партия, сплавившая вокруг себя огромные массы трудящихся, быстро вырастала и сама. «Весной 1905 года,— писал Ленин,— наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией миллионов пролетариата»³. О том, как росло влияние большевиков, говорят следующие факты. Когда возникал большевизм, на нелегальном съезде в Брюсселе и Лондоне в 1903 году участвовало десятка четыре революционеров. В 1912—1913 годах, когда возникла легальная большевистская «Правда», за ней стояли десятки и сотни тысяч рабочих, поддерживавшие ее денежными сборами. За короткое время между двумя революциями 1917 года, с Февраля по Октябрь, партия увеличилась в 15 раз — с 24 тыс. до 350 тыс. человек. Накануне вооруженного восстания в октябре В. И. Ленин имел все основания сказать: «За нами большинство класса... за нами большинство народа...»⁴.

Свой авторитет, влияние в российском освободительном движении ленинская партия заслужила прежде всего авангардной ролью, самоотверженной работой в пролетарской среде. Привлекая в свои ряды все лучшее и честное, что есть во всех классах и слоях трудящихся, партия постоянно заботилась о *рабочем пополнении*. Известно, что еще в период деятельности петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и ранее — во время работы в марксистских кружках столицы — Ленин уделял первостепенное внимание привлечению рабочих.

¹ Canadian Tribune, 22. II. 1982.

² Baden M. von. Erinnerungen und Dokumente. Leipzig, 1927, S. 600.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 145.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 244.

Как признавал известный деятель меньшевизма Ф. Дан, «впоследствии почти все наиболее выдающиеся рабочие социал-демократы этого «первого призыва», дожившие до революции 1905 и 1917 гг., оказались в рядах большевиков...»¹. За сравнительно короткий период в ленинских кружках Петербурга было воспитано целое поколение передовых рабочих-революционеров, сыгравших впоследствии выдающуюся роль в создании и укреплении большевистской партии, в развитии революционного движения: И. В. Бабушкин, П. С. Грибакин, Б. И. Зиновьев, М. И. Калинин, В. А. Князев, Н. Г. Полетаев, В. А. Шелгунов, И. И. Яковлев и др. Ленин дал характеристику роли и значения в истории нашей партии первых рабочих-марксистов в статье-некрологе по поводу гибели И. В. Бабушкина: «Это — люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самостоятельности...»

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации»².

Борьба большевиков за укрепление рядов партии дала положительнейшие плоды. К Великому Октябрю $\frac{3}{5}$ членов партии большевиков были рабочими.

Последовательная борьба В. И. Ленина против организационного разброда, за то, чтобы отделить «входящих» в партию от «примыкающих»³, «болтающих от работающих»⁴, чтобы превратить партию в авангардную, руководящую силу в революции, явилась ударом не только по российскому, но и по международному оппортунизму, оказала огромное воздействие на коммунистическое движение во всем мире. Так, после II конгресса Коминтерна (1920 год) Высший партийный совет БКП (т. с.) обсудил организационные вопросы и в числе других мер наметил пути к созданию коммунистических ячеек на фабриках, в мастерских и т. п. Хотя БКП (т. с.) продолжала строиться по территориальному принципу, коммунистические ячейки были шагом вперед в совершенствовании ее организационной структуры, этапом на пути к ее переустройству по производственному признаку, усилению ее работы среди пролетариата⁵. Революционная практика борьбы масс, в частности в послевоенное время, в период народно-демократических революций, также подтвердила правильность ленинской линии. Там, где это ленинское требование

¹ Дан Ф. И. Происхождение большевизма, с. 240.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 82.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 244—245.

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 289.

⁵ См. об этом: Октябрь и болгарские интернационалисты, с. 66.

к коммунистической партии соблюдалось, там, где удавалось последовательно проводить его в жизнь, там социалистические революции закончились в более сжатые сроки. «В одних странах,— отмечал в этой связи член Политбюро ЦК ВСРП Д. Немеш,— пролетариат и его партия, а также революционный союз рабочего класса и основных масс крестьянства уже к моменту освобождения завоевали такой перевес в политической жизни, что их руководящую роль никто не мог оспаривать. В других же пролетариату и его партиям, ставшим участниками осуществления власти, пришлось вести более трудную борьбу, чтобы, завоевав руководящую роль в управлении страной, усилить ее и защитить от нападок, отеснить от власти силы, ставшие контрреволюционными. Вследствие таких отличий дальнейшее развитие антифашистской народно-демократической революции, перерастание ее в революцию социалистическую в некоторых странах произошло быстро, буквально за несколько недель или месяцев, а в других, например в Венгрии, происходило в течение двух-трех лет»¹.

Умение работать в массах рабочего класса, активно за него бороться, откровенно с ним разговаривать — непременное условие успеха марксистско-ленинских партий стран социалистического содружества. В ряде этих стран в данном отношении были допущены промахи и ошибки. Они коснулись и решения экономических задач, и руководства государственным аппаратом. Не всегда учитывались исторические и другие особенности стран, традиции народов. Это вызывало ослабление прочных уз партии с рабочим классом, недовольство со стороны определенной части людей, чем незамедлительно пользовались классовые враги и пытались, как показывает опыт Венгрии, Чехословакии, Польши, поднять массы против социалистического строя.

«Одной из серьезных ошибок, особенно после Февраля 1948 г.,— отмечал Г. Гусак,— было то, что партия позволила проникнуть в свои ряды людям политически неустойчивым, карьеристам всех мастей, которые, вступая в ряды КПЧ, искали личную выгоду. В партию попало много людей со взглядами, чуждыми марксизму-ленинизму. Более того, под влиянием иллюзий о легком пути к социализму была ослаблена идейно-воспитательная работа в самой партии и вне ее»². По словам Я. Кадара, весь опыт революционной борьбы и социалистического строительства требует и всегда будет требовать от партии коммунистов «избегать догматизма, сектантства, псевдолевой фразы, следить за тем, чтобы не ослабли, а тем более не обрывались связи между партией и массами...»³.

¹ См. Проблемы мира и социализма, 1975, № 1, с. 25.

² Гусак Г. Указ. соч., с. 129.

³ Кадар Я. Избранные статьи и речи (Февраль 1976 г. — июнь 1979 г.). М., 1980, с. 106.

Мы рассмотрели один из основополагающих практических вопросов, связанных с сущностью партии нового типа — партии революции. Еще одна важнейшая особенность ее состоит в том, что партия не может быть революционной, если ее деятельность не строится на **научной основе**, не опирается на марксистско-ленинскую науку. Коммунистическая партия была и остается единственной политической партией, которая стоит на строго определенной идейно-теоретической платформе, признание которой обязательно для членов партии. И это не какое-либо формальное требование или показатель «нетерпимости коммунистов к свободомыслию», их «идеологического догматизма» и т. д., как об этом пишут наши противники. Особое отношение к научной теории, к идеологии неразрывно связано с революционным характером марксистско-ленинской партии.

Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, коммунистические партии освещают народам путь к коммунистическому будущему. «Главное состоит в том, — подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, — что коммунисты, вооруженные учением марксизма-ленинизма, глубже всех и правильнее всех видят суть и перспективу происходящих в мире процессов, делают из этого верные выводы для своей борьбы за интересы рабочего класса, трудящихся своих стран, за демократию, мир и социализм»¹.

«Без революционной теории не может быть и революционного движения»², — утверждал Ленин еще в 1902 году. Практика всех социальных движений XX века подтвердила эту мысль. И не случайно, что пренебрежение к теории, идеологии, мировоззренческий эклектизм издавна являются отличительными чертами социал-демократических партий. Не случайно и то, что атаки современных ревизионистов на коммунистические партии всегда связаны с попытками «размягчить» их идейно-теоретический фундамент, с призывами отказаться от философии марксизма и ее монистического характера. Известно, например, что некоторые идеологи оппортунизма под предлогом борьбы с догматизмом выдвигают тезис, что у партии не должно быть «официальной» философии, провозглашают различные «варианты» теории социализма, стремясь при этом изъять из марксизма-ленинизма одни положения и «дополнить» его другими, поменять его «общесоциалистической» или «рабочей» идеологией.

В. И. Ленин учил коммунистов владеть событиями и не допускать того, чтобы события владели ими. И для этого у коммунистов есть могучее оружие — марксистско-ленинская теория.

«...Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»³, — писал В. И. Ленин. Он разгромил «хвостизм» старой социал-демократии, безжалостно разоблачал тех, кто «без пренебрежительной гримасы не могут произно-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 18.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 24.

³ Там же, с. 25.

сильное слово: «теоретик»... обнаруживают на деле непонимание самых настоятельных наших *практических* задач»¹. В то же время Ленин предъявлял высокие требования к членам партии, призванным разрабатывать марксистскую науку и нести ее в массы. «...«Идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога,— писал он,— когда идет *впереди* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются»².

Сказанное В. И. Лениным, разумеется, не означало, что его концепция партии, вооруженной передовой теорией и указывающей путь стихийному рабочему движению, каким-то образом умаляет роль и значение последнего, ибо по общему правилу, которое в данном случае не знает исключения, без стихийного подъема масс невозможна революция. В. И. Ленин подчеркивал, что «стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости...»³. Так что попытки представить марксистов-ленинцев в качестве «врагов» всякого стихийного протеста масс, выходящего за рамки контролируемого коммунистами движения, стремящихся «заорганизовать» снизу доверху революцию, запрограммировать всякую инициативу масс, просто-напросто абсурдны. Такого рода попытки, если они возникали в рядах некоторых молодых компартий, Ленин всегда клеймил как проявление сектантской узости, несовместимой с марксизмом (о чем свидетельствуют, в частности, его выступления на конгрессах Коминтерна, на которых рассматривалась деятельность той или иной партии).

В. И. Ленин, отдавая безусловное первенство сознательному элементу в рабочем движении (без чего немислима победа социалистической революции) перед стихийным, никогда не противопоставлял их метафизически друг другу, не разрывал их. И не только потому, говорил Ленин, что ««стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности»⁴, которую, следовательно, надо поднимать до уровня всесторонне развитой политической классовой борьбы.

В этой связи представляется исторически неточным толкование этого вопроса, которое, например, дает югославский автор М. Маркович в своей статье «Ленин и партия». Правильно выступая против попыток разорвать и противопоставить взгляды Маркса и Ленина по вопросу о партии и справедливо подчеркивая диалектическую взаимосвязь между категориями «стихийность» и «сознательность» в ленинской концепции, он в то же время ошибочно заявляет, что в положении о том, что теория

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 105.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 363.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 217.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 29—30.

социализма не возникает непосредственно из стихийного рабочего движения, а привносится в него извне, выдвинутом и всесторонне обоснованном В. И. Лениным в работе «Что делать?», скрывается некоторая односторонность, крайность, являющаяся «выражением обостренной идейной борьбы в определенный исторический момент с экономическими крайностями абсолютизации спонтанности и стихийности рабочего движения». Лишь на II съезде РСДРП, полагает автор, «Ленин исправляется» и впоследствии заявляет, что рабочий класс «инстинктивно, стихийно социал-демократичен»¹. Однако если мы раскроем «Что делать?», то прочитаем, в частности, следующее положение: «Часто говорят: рабочий класс *стихийно* влечется к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, *если* только эта теория сама не пасует перед стихийностью, *если* только она подчиняет себе стихийность... Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему»². Так что из того бесспорного факта, что в работе «Что делать?» делался упор на разоблачение «экономизма», умалявшего роль сознательного элемента в рабочем движении, никак не следует, что Ленин отрицал значение «спонтанного» движения масс или тем более их исторически инициативных действий.

Саму политическую организацию нового типа — вождя российского освободительного движения Ленин мыслил как «революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением»³. В. И. Ленин призывал коммунистов внимательно изучать и обобщать содержание стихийной борьбы пролетариата, ибо в ее ходе творческая инициатива многомиллионных масс постоянно рождает новые формы, методы и средства борьбы, новые органы и политические институты, выражающие и защищающие их требования.

История революционного движения, особенно непосредственно после Октября 1917 года, знает немало примеров, когда стихийный и подлинно массовый подъем пролетарского движения не привел к революции (или закончился ее поражением) из-за того, что рабочая партия не смогла внести в него ясного сознания цели борьбы и путей ее достижения, не смогла возглавить ее. Так, Луиджи Лонго, вспоминая крупные битвы пролетарских масс в Италии непосредственно после первой мировой империалистической войны, которые потрясли страну и привели в 1920 году к захвату предприятий, и ставя вопрос о том, почему они не вылились в мощное движение за революционное завоевание власти,

¹ См. Социалистическая мысль и практика, 1974, № 1, с. 29—30.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 41. Примечание.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 374.

писал: «Революционное движение рабочего класса носило очень широкий, боевой и массовый характер. Однако оно было непрочным в своей основе, поскольку не имело боевой революционной партии.

На необходимость создания такой партии, способной повести рабочие и народные массы на завоевание власти, указывали всем народам Октябрьская революция и лично Ленин. Именно поэтому сразу же после войны вся дискуссия, вся политическая борьба сосредоточиваются вокруг этой проблемы. Особенно это проявилось в Италии, где разрыв между революционными настроениями масс и способностью их лидеров к руководству в борьбе за захват власти был значительно больше, чем в других странах. Именно это привело революционные выступления послевоенного периода к поражению»¹. Возвращаясь еще раз к этому вопросу, Лонго подчеркивал: «Таким образом, мощный боевой потенциал движения за занятие предприятий, а также печальный конец этого движения еще раз и со всей настоятельностью показали неотложную необходимость создания новой революционной организации пролетариата, то есть новой партии.

Такова оценка, которую мы тогда давали. Впрочем, и сегодня она кажется мне справедливой. Вставала проблема организации масс на революционную борьбу, проблема создания партии нового типа, партии, как писал Грамши, «однородной, монолитной, имеющей свою теорию, свою тактику, партии, поддерживающей жесткую и суровую дисциплину»².

С другой стороны, спад в силу ряда причин, на которые мы не раз указывали, массового стихийного движения (или его отсутствие) в целом ряде стран после первой мировой войны, несмотря на самоотверженную деятельность многих коммунистических партий, героизм их вождей, затормозил развитие мирового революционного процесса, снял на время с повестки дня задачу непосредственного штурма власти капитала. И напротив, умелое соединение компартиями ряда европейских стран после второй мировой войны широчайшего антифашистского движения масс с сознательной борьбой пролетариата за социализм в огромной мере способствовало победе социалистических революций. Тем самым коммунисты этих стран сумели творчески использовать стратегию и тактику большевиков-ленинцев, которые, подняв в октябре 1917 года пролетариат России на социалистическую революцию, мастерски опирались при этом на стихийное массовое антивоенное движение в стране, на стихийную, разраставшуюся в настоящее восстание борьбу крестьян за землю, на мощный протест многочисленных наций и народностей, входивших в состав России, против национального гнета.

¹ Лонго Луиджи — Карло Салинари. Между реакцией и революцией. М., 1974, с. 9—10.

² Там же, с. 81.

Таким образом, диалектическое противоречие между стихийностью и сознательностью как между двумя различными и в то же время взаимосвязанными, постоянно проявляющимися факторами или сторонами рабочего движения Ленин разрешает следующим образом: «Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии»¹.

Эти ленинские идеи — ключ к пониманию многих особенностей развития современного рабочего движения в капиталистических странах. Само собой разумеется, что характер стихийных выступлений масс может быть различным по объективному содержанию и формам проявления. Также естественно, что по мере прогресса общества он изменяется и развивается. Многие авторы подчеркивают в связи с этим, что в современных условиях стихийные выступления трудящихся часто приобретают ярко выраженную антикапиталистическую направленность. При этом в качестве примера приводятся выступления 1968 года во Франции и в Италии. Но вряд ли, на наш взгляд, эти безусловно верные наблюдения могут служить основанием для внесения каких-либо существенных коррективов в ленинский тезис о том, что стихийное движение неизбежно подчиняется буржуазной идеологии и не выходит в конечном счете за рамки капитализма. Мы думаем, что данное положение распространяется не только на стихийные движения рабочих того рода, о которых речь шла в работе «Что делать?», в полемике с русскими «экономистами». И во времена Ленина, а не только в наши дни происходили стихийные выступления масс, объективно несущие более или менее ярко выраженный антикапиталистический характер. Так, например, уже в первые дни и недели после буржуазно-демократической революции 1917 года рабочие России осуществили, как уже отмечалось, важный почин, активно поддержанный большевиками, по созданию фабрично-заводских комитетов, которые по существу брали на себя управление предприятиями. И хотя многие фабзавкомы находились вначале под влиянием меньшевиков и эсеров, совершенно очевиден объективно антикапиталистический характер самого этого движения, стихийно родившегося снизу, в самой гуще рабочих масс. Очевидно, что широкое движение, развернувшееся по всей Италии в 1920 году по захвату рабочими предприятий, также носило объективно не менее антикапиталистический характер, чем выступления в Италии в 1968 году. Однако, поскольку данное движение не было увязано с перспективой завоевания власти, не было руководимо революционной партией, оно так и не вышло за рамки капитализма. В конечном счете оно было подчинено буржуазно-реформистским целям и закончилось весьма печально.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 52.

Этот факт свидетельствует, в частности, и о том, что стихийные выступления трудящихся любого рода, если партия не вносит в них ясного сознания классовых задач, не представляют фатальной угрозы основам капитализма. Более того, они могут быть использованы буржуазией в своих целях. Нельзя забывать, что господствующие силы не раз укрепляли свое положение именно благодаря тому, что им удавалось использовать стихийное недовольство. Именно поэтому коммунисты капиталистических стран внимательно следят за развитием стихийных движений масс, стремясь чутко улавливать их настроения, чтобы не быть застигнутыми врасплох развитием событий, как это иногда случается.

В. И. Ленин, руководимая им партия большевиков на деле блестяще показали, какое огромное влияние оказывает на развитие революции передовая научная теория, умело соединяемая со стихийно растущей борьбой масс против власти капитала, какую роль играет она в разработке правильной стратегии и тактики революции, в борьбе за ее практическое осуществление. В самом деле, вряд ли был бы возможен успех большевиков, победа революции в России, если бы Ленин, опираясь на творческий анализ новых явлений в развитии капитализма, не обосновал теоретически возможность перерастания в современную эпоху буржуазно-демократической революции в социалистическую, не проанализировал расстановку классовых сил на обоих этапах революции, роль рабочего класса и его союзников, не обосновал возможность победы социалистической революции первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, стране и перспективы строительства социализма, развития мирового революционного процесса. Благодаря этому КПСС сумела провести массы сквозь все испытания трех российских революций, обеспечить победу Октября и далее успешно вести свой народ там, где, по словам В. И. Ленина, не было «ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!»¹.

В. И. Ленин не раз повторял слова Ф. Энгельса о том, что «социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали»². И марксисты-ленинцы верны этому завету. Для них неприемлемы пренебрежительное отношение к теории, являющейся универсальным учением, игнорирование предшествующего теоретического и практического революционного опыта, стремление все «начинать с чистого листа». КПСС показала образец бережного отношения к достижениям марксистской теоретической мысли и ее решительной защиты от ревизионизма. Вместе с тем коммунистам чужд и догматизм, в который впали лидеры западной социал-демократии, кичившиеся знанием марксизма, а на деле оказавшиеся «не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 416.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 27.

диалектиками» и продолжавшие в изменившихся обстоятельствах «твердить простые, заученные, на первый взгляд бесспорные истины...»¹.

Революционная теория коммунистов развивается вместе с объективным развитием мира. В Отчетном докладе XXVI съезду партии отмечалось: «Марксистско-ленинская партия не может выполнять свою роль, если она не уделяет должного внимания осмыслению всего происходящего, обобщению новых явлений жизни, **творческому развитию марксистско-ленинской теории**»².

Возрастание роли ленинского учения о теоретической вооруженности партии нового типа обусловлено объективными факторами. Среди них можно назвать образование могучего социалистического содружества и качественные изменения в социализме, характеризующие новый уровень его зрелости; связанное с этим изменение соотношения сил в мире и постепенное формирование принципиально новой международной ситуации; рост взаимодействия трех мировых революционных потоков; научно-техническая революция, которая дала дополнительную пищу для старой иллюзии о якобы возможном «врастании» капитализма в социализм, конвергенции, а также о разрешении всех социальных проблем без революционных преобразований; усложнение под ее же воздействием социальной структуры общества, чем пользуются буржуазные идеологи и ревизионисты, стремясь запутать вопрос о роли рабочего класса; небывалое многообразие форм революционной борьбы, особенно в связи с подъемом национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Это лишь некоторые наиболее важные явления, требующие глубокого теоретического марксистско-ленинского анализа, без которого немислимы выработка правильной партийной политики, успешное руководство революцией со стороны партии.

Для коммунистов теория никогда не была «наукой ради науки». С одной стороны, развиваясь на основе обобщения революционной практики, она сама служит этой практике и проверяется ею. С другой стороны, являясь научным мировоззрением рабочего класса, марксистско-ленинская теория вносится партией в рабочие массы с помощью пропаганды и конкретных революционных лозунгов. Не делая этого, партия неминуемо скатилась бы к социал-реформизму.

В самом начале XX века, бросая ретроспективный взгляд на историю мирового рабочего движения, Ленин писал: «Во всех странах был такой период, когда рабочее движение и социализм существовали отдельно друг от друга и шли особой дорогой, — и во всех странах такая оторванность приводила к слабости социализма и рабочего движения; во всех странах только соединение

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 88.

² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 77.

социализма с рабочим движением создавало прочную основу и для того и для другого»¹.

Практика последующих революционных боев XX века вплоть до современности показала, что такая характеристика значения взаимосвязи между научным социализмом и рабочим движением полностью сохраняет свою силу не только при оценке истории, но также и настоящего, и будущего международного рабочего движения, эта взаимосвязь служит гарантией его революционной направленности и практических успехов.

Указанные выше отличительные черты марксистско-ленинской партии весьма важны, но они не исчерпывают всех требований, предъявляемых к партии революции. И, в частности, потому, что они еще не раскрывают особенностей *организационного строения* партии нового типа, ярко характеризующих ее сущность. Марксистско-ленинская партия представляет собой прочный союз единомышленников-коммунистов, строящийся на основе демократического централизма, единства действий, сознательной строжайшей дисциплины. Эта черта, с одной стороны, определяется, как и все иные, о чем мы уже говорили, революционными целями, которые ставит перед собой марксистско-ленинская партия, но, с другой стороны, сама является непременным условием и предпосылкой реализации этих целей.

Рабочее движение на протяжении своей истории испытало разные формы организации, стремясь обеспечить единство действий, необходимое в классовой борьбе с буржуазией. Однако принципом построения партии нового типа, который наиболее соответствует как задачам и условиям революционной борьбы при капитализме, принимающей различные формы, так и задачам и условиям борьбы за закрепление победы революции после взятия власти, созидательной деятельности по строительству нового общества, является демократический централизм. Этот принцип был выдвинут К. Марксом и Ф. Энгельсом и получил всестороннюю разработку в трудах В. И. Ленина. Значение ленинского принципа демократического централизма подчеркивается в современных программах и уставах абсолютного большинства коммунистических и рабочих партий как капиталистических, так и социалистических стран.

Реформисты нападают на принцип демократического централизма. Например, лидер шведских социал-демократов У. Пальме, выражая надежду на отход коммунистических партий Европы от принципов марксизма-ленинизма, одним из элементов этого отхода считает отказ от демократического централизма, который, по его мнению, «есть не что иное, как выработанная элитой концепция политики»². Правый оппортунизм критикует марксистско-ленинские партии за централизацию, бюрократизм, «левый»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 373.

² L'Espresso, 27. VII. 1976.

оппортунизм, наоборот, за излишнюю демократизацию. Как та, так и другая критика не имеют под собой никакой почвы. Демократический централизм — принцип, в котором демократия и централизм являются нераздельными сторонами единого целого. И это наглядно показали уроки истории; это подтверждает и современность. Для иллюстрации сошлемся на такие факты.

После победы Февральской революции в России, завоевания буржуазно-демократических свобод наблюдался, как известно, исключительно быстрый рост численности и влияния партии большевиков. Это убедительнейшим образом опровергало и опровергает утверждение о том, что ленинские организационные принципы строения партии, принципы демократического централизма являлись лишь отражением и приспособлением партии большевиков к условиям царской России, к подпольной деятельности при отсутствии демократических свобод. Ленинские принципы организации партии оправдали себя и в условиях легальной и нелегальной деятельности, тем более что условия эти не раз менялись или выступали в своеобразном сочетании.

Конечно, когда партия большевиков действовала как полностью нелегальная организация, это накладывало свой отпечаток на конкретные формы проявления принципов демократического централизма, ограничивая в известной мере внутрипартийную демократию, делая упор на централизацию. Да было бы нелепо или просто провокационно требовать чего-либо иного, учитывая обстановку. Например, после поражения первой русской революции, в годы реакции партия рабочего класса подверглась жестоким репрессиям. За это время большевистская организация Петербурга перенесла 15 массовых арестов руководящих партийных работников. Столичный комитет полностью арестовывался 6 раз, Московский комитет и Московский окружной комитет — 11 раз. Тяжелые удары реакция нанесла партийным организациям Урала, Сибири, Дальнего Востока, Донбасса, однако большевистские организации выстояли, проявив необычайную жизнеспособность. И сегодня многие коммунистические и рабочие партии действуют в тяжелейших условиях, подвергаются жестоким репрессиям.

Мы уже писали о расправах, которые чинит фашистская хунта над коммунистами Чили. Приведем еще несколько примеров. Так, постоянным жестоким преследованиям подвергается Южно-Африканская коммунистическая партия. За последние 20 лет было почти полностью уничтожено несколько составов ее Центрального Комитета. И сейчас многие деятели этой партии, самоотверженные борцы за свободу и счастье своего народа, томятся в тюрьмах, подвергаются бесчеловечным пыткам.

Как известно, после событий 30 сентября 1965 года была разгромлена Компартия Индонезии, казнены почти все ее руководители. Преследования индонезийских коммунистов продолжают и до настоящего времени. В тюрьмах томятся многие члены КПИ.

В июне 1971 года жестокая расправа была учинена над руководителями Суданской компартии. Генеральный секретарь ЦК СКП Махджуб, члены Политбюро ЦК Аш-Шафия и Гаранг казнены. В Гватемале были зверски убиты два Генеральных секретаря Компартии Гватемалы — Б. Монсон (ноябрь 1972 года) и У. Альварардо (декабрь 1974 года). Широким репрессиям подвергается Компартия Уругвая. В тюремных стенах томятся сотни парагвайских патриотов. Перечень фактов подобного рода можно, к сожалению, продолжить.

Подчеркнем еще один характерный момент: и в условиях нелегальной деятельности Ленин, большевики стремились к максимально возможному соблюдению и развитию внутрипартийной демократии. Несмотря на жесточайшие преследования царизма, русские революционеры-марксисты, большевики в период с 1898 по 1907 год созвали пять съездов партии, с 1905 по 1912 год — шесть всероссийских партийных конференций. В 1917 году, вернувшись из эмиграции, Ленин сразу же собрал совещание большевиков, затем большевиков и меньшевиков, Апрельскую партийную конференцию, готовил VI съезд партии, который разработал курс на вооруженное восстание. Так что именно строгое соблюдение ленинского принципа демократического централизма помогло партии большевиков не только выжить в условиях преследований и репрессий, но и превратиться в сильнейшую массовую партию. Так было в России. Примерно сходная ситуация сложилась в Португалии. После фашистского переворота 1926 года все политические организации, за исключением компартии (и этому не устают поражаться буржуазные обозреватели), фактически прекратили свое существование, так как партии самораспустились или были разгромлены. Только ПКП, руководствуясь принципами демократического централизма, после 48 лет пребывания в подполье, несмотря на жесточайшие репрессии (члены ЦК, избранного VII съездом, провели в общей сложности за тюремной решеткой и концлагерях 308 лет), сумела выстоять и выступить после событий 25 апреля 1974 года как громадная политическая сила. Ныне компартия превратилась в важную национальную партию, она непрерывно растет, укрепляя свои связи с массами. Таким образом, и в Португалии, как и в России, принцип демократического централизма, положенный в основу построения партии, как нельзя лучше оправдал себя.

Не менее важен вопрос о единстве рядов партии. Наши идейные противники правильно видят в нем одно из условий существования и жизнедеятельности партии, а поэтому не жалеют усилий, чтобы расколоть компартии, сделать их аморфными, растворить в различного рода избирательных блоках. В. И. Ленин считал, что особое значение единство внутри партии, необходимое на всех этапах ее развития, приобретает в период активной классовой борьбы, революции.

Многие революции кончились поражением потому, что не было единства в революционном авангарде. Если большевикам удалось добиться победы, то только потому, что партия боролась за единство своих рядов раньше, еще до революции, и совершенно бескомпромиссно — в ходе самой революции. Анализируя ситуацию, сложившуюся в России в 1917 году, и опыт Октября, Ленин писал: «Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, *нельзя* победить в пролетарской революции, *нельзя* отстоять ее. Это очевидно принципиально»¹. И далее он отмечал, что в период самой напряженной, ожесточенной борьбы за победу революции «малейшие колебания внутри партии способны *погубить все*, сорвать революцию, вырвать власть из рук пролетариата, ибо эта власть еще не прочна, ибо натиск на нее слишком еще силен. Если колеблющиеся вожди отходят прочь в *такое* время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию»².

Ленин, как известно, подчеркивал, что большим преимуществом большевиков было то, что накануне Октября они не были связаны никакими соглашениями с оппортунистическими партиями. На основании этого Ленина порой пытаются изобразить человеком, который вечно с кем-то воевал, даже если не было в том нужды, и вне и внутри партии. Это или совершенно неправильное представление, или умышленное искажение действительности. В. И. Ленин отрицательно относился к расколам в партии. Он подчеркивал, что влияние партии из-за них ослабляется. Но он всегда считал, что если внутри партии существует «пятая колонна», то это еще хуже.

Принципиальными для партии нового типа всегда были вопросы: единство с кем, на какой основе, для чего. «Единство — великое дело и великий лозунг! Но рабочему делу нужно *единство марксистов*, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма»³.

Ленин считал, что нельзя загонять противоречия внутрь партии. Он говорил, что маленькую царапину надо быстро лечить, иначе она превратится в большую, трудноизлечимую рану. Поэтому он со всей решительностью боролся с примиренческими настроениями к оппортунизму.

Творчески руководствуясь ленинскими указаниями, опытом большевиков, коммунистические и рабочие партии ряда стран народной демократии сумели в 40-е годы осуществить единство своих рядов, что способствовало успеху революционных преобразований. И ныне марксисты-ленинцы в странах капитала хорошо помнят данный урок Октября и всемерно стремятся к укреплению своих рядов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 416.

² Там же, с. 417.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 79.

Итак, организованность на основе принципа демократического централизма, единство действий — таковы важные качества, отличающие марксистско-ленинскую партию революции, партию нашей эпохи.

Последовательный интернационализм — еще одна черта пролетарской партии нового типа, неразрывно связанная с ее революционными задачами и целями. Развернутая характеристика этой черты будет дана в заключительной главе работы.

Ленинское учение о партии, одержавшее 80 лет назад, на II съезде РСДРП, решающую победу, проверенное в огне трех российских революций и в мирном социалистическом строительстве, стало достоянием мирового пролетариата. Опыт всех последующих революций XX века, как победоносных, так и потерпевших поражение, подтвердил положение о том, что руководство социалистической революцией со стороны марксистско-ленинской партии — обязательное условие ее успеха, общая закономерность развития современного мирового освободительного движения. Конечно, как и каждая закономерность, она находит своеобразное выражение в конкретных условиях различных стран по мере прогресса мирового революционного движения, а это развивает и наши представления о марксистско-ленинской партии современной эпохи. Однако в основе остается то, что было заложено Лениным. Это заставляет коммунистов всего мира и сегодня обращаться не только к общим теоретическим положениям ленинского учения о партии нового типа, но и к творческому анализу конкретного опыта КПСС по руководству революцией.

Отношение к сотрудничеству с другими партиями и вопрос о едином фронте

Сложные, насыщенные духом острой борьбы взаимоотношения различных политических партий, временные и долгосрочные союзы, заключаемые между ними, — неприменная, отличительная черта всех демократических и социалистических революций, одно из существеннейших выражений классовых битв в современном мире. В. И. Ленин отмечал, что нельзя понять развитие русской революции, не изучив того, «каковы были главные партии, интересы каких классов они защищали, каковы были взаимоотношения всех этих партий»¹. При этом, отмечал Ленин, нужно иметь в виду не какие угодно политические образования, именующие себя партиями, а прежде всего говорить о типах партий (соответствующих в конечном счете всем основным классам общества), «во-1-х, потому, что за всеми мелкими делениями невозможно угнаться, да и не важны они... во-2-х, ошибочно было бы считаться только с формально выступив-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 58.

шими партиями, опуская вполне наметившиеся политические течения», ибо «достаточно какого-либо малейшего изменения политической атмосферы, и эти течения в несколько недель примут форму партий»¹.

Глубокий анализ существа различных типов партий, сформировавшихся в России в начале века и действовавших в период трех российских революций, данный Лениным, лег в основу большевистской стратегии и тактики борьбы. Он помог партии большевиков определить свое отношение к другим партиям, выработать и проверить на практике основные принципы сотрудничества революционных и демократических сил в процессе борьбы за создание единого фронта. Правильность этого опыта ленинской партии была подтверждена последующими революциями.

Всестороннее раскрытие исторического опыта стратегии и тактики большевиков в отношении других партий вообще и уроки их борьбы за создание единого блока всех левых партий и организаций в особенности имеют огромное значение и в наши дни. Конечно, последний вопрос выходит за рамки чисто межпартийных отношений, ибо само соглашение левых и демократических партий может быть успешным, коль скоро оно провозглашается, лишь в том случае, если опирается на более широкие классовые союзы, имеет глубокие корни в «низах», в гуще самих масс. Об этом мы уже писали подробно, особенно в главе о движущих силах революции. В данном разделе речь пойдет по преимуществу о проблемах и принципах взаимоотношений коммунистической и других политических партий в процессе борьбы за создание единого фронта, о роли компартии в этом, исходя прежде всего из опыта трех революций в России.

И дело не только в том, что большинство коммунистических партий капиталистических стран считают важнейшей частью своей стратегии и тактики курс на тесное сотрудничество партий и организаций рабочего класса, других трудящихся, на создание единых фронтов антимонополистических или антиимпериалистических сил. Дело также и в том, что за последние годы антикоммунисты предпринимают большие усилия для гальванизации пущенного еще оппортунистами II Интернационала и русскими меньшевиками в оборот утверждения, будто Ленин и его сторонники всегда выступали против единства действий с другими силами в борьбе за демократию и социализм, а социалистическая революция в России была не более чем «большевистским путем», делом «группы заговорщиков», не желавших сотрудничать с другими политическими партиями и течениями. Так, например, профессор королевского колледжа Кембриджского университета Дж. Дани пишет, будто Октябрьская революция была лишь «путем незначительной группы интеллектуалов»². Западногерман-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 22. Примечание.

² Dunn J. Op. cit., p. 46.

ские социал-реформистские идеологи П. Люббе и Х. Абош именуют Октябрьскую революцию не иначе как «большевистским путем»¹. Их соотечественник буржуазный историк Г. Раух рассматривает Октябрь как «комбинацию между запланированным и организованным заговором и неопределенным, но зато легко управляемым массовым течением»². А для английского историка, сотрудника Бирмингемского университета Дж. Уэствуда Октябрьская революция — «чисто случайное явление, якобы обусловленное «искусным манипулированием» большевистской партии»³. Высказываются и утверждения, что поскольку в Советской России к власти пришла и в конечном счете осталась одна партия — большевиков, то это, мол, свидетельствует о том, что марксисты-ленинцы допускают в принципе лишь однопартийную систему при социализме, а если где и отступают от этого правила, то по чисто конъюнктурным, временным, тактическим соображениям⁴.

В современных условиях все эти измышления направлены на то, чтобы не допустить или нарушить союз левых партий там, где он формируется, изолировать марксистско-ленинские партии, отпугнуть от революционного пролетариата его естественных союзников.

Все это актуализирует разбор вопросов, касающихся данной темы.

Рассмотрим в связи с этим три узловые проблемы. Во-первых, кто был сторонником, а кто противником единства действий в период подготовки и проведения буржуазно-демократической революции. Во-вторых, были ли большевики против сотрудничества с другими партиями в период взятия власти пролетариатом и строительства нового общества. В-третьих, каковы причины исчезновения с российской политической арены иных партий, кроме большевистской.

Прежде всего заметим, что в периоды борьбы за свержение царского самодержавия и осуществление буржуазно-демократической революции, подготовки и победы Великого Октября, защиты и закрепления социалистических завоеваний в России в разное время имелось немало партий, выступавших от имени рабочего класса и крестьянства. Это были большевики, меньшевики, национальные социал-демократические партии (латышские социал-демократы, еврейский социал-демократический рабочий союз Бунд, Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), социалисты-революционеры (эсеры), трудовики, интернационали-

¹ Lübbe P. Kommunismus und Sozialdemokratie; Vorwärts, 12. X. 1978.

² Rauch G. Zarenreich und Sowjetstaat im Spiegel der Geschichte. Göttingen, 1980, S. 158.

³ Westwood J. N. Op. cit., p. 23—24.

⁴ См. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 4, с. 692—699.

сты и др.)¹. Все это были в партийно-политическом плане «левые силы». Такая «нестрота» партий не была случайной. Как отмечал Ленин, в такой преимущественно мелкобуржуазной и крестьянской стране, как Россия, совершенно неизбежно образование идейно шатких и политически неустойчивых крупных мелкобуржуазных партий². Могли ли большевики игнорировать различные мелкобуржуазные, в том числе крестьянские, партии? Нет, не могли, так как за этими партиями шла немалая часть рабочего класса, революционных и оппозиционных царскому самодержавию сил. Поэтому Ленин, большевики во имя создания единого революционного фронта считали целесообразным соглашения с данными партиями по самым различным конкретным вопросам революционной и демократической борьбы. Больше того, в случае необходимости большевики вступали в интересы развития рабочего движения в союзы и с другими политическими партиями и организациями, которые сохраняли демократические потенции, хотя их нельзя было причислить к лагерю левых демократических сил. Известно, например, что исторически первым крупным политическим соглашением складывающейся марксистской партии с другой политической партией была совместная деятельность ленинской группы российских социал-демократов и «легальных марксистов», возглавляемых П. Струве, против народничества в 1895 году. В работе «Что делать?», отвечая на вопрос, не было ли ошибкой заключение союза революционных социал-демократов с буржуазными демократами, какими в сущности были тогда струвисты, Ленин писал: «Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)»³.

И впоследствии ленинская партия внимательно следила за возможностями использования союзов с буржуазно-демократическими партиями в интересах развития революции. Так, в проекте резолюции IV (Объединительного) съезда РСДРП об отношении к буржуазным партиям большевики подчеркивали, что главной задачей рабочего класса в переживаемый момент демократической революции является доведение ее до конца и поэтому социал-демократия, «определяя свое отношение к другим партиям, должна

¹ В 1907 году, последнем году первой русской революции, эти партии, вместе взятые, насчитывали примерно 200 тыс. членов, в том числе: большевистская — 46 тыс., меньшевистская — 38 тыс., СДКПил — 25 тыс., Бунд — 25 тыс., латышские социал-демократы — 13 тыс., эсеры — 45 тыс.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 24.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 16.

в особенности принимать во внимание, насколько та или иная партия способна активно содействовать этой цели»¹.

Разумеется, наибольшее внимание большевики уделяли взаимоотношениям с самыми крупными левыми политическими партиями — меньшевиками² и эсерами. При этом, как мы увидим, особенно активизировалась деятельность большевиков по достижению единства действий в периоды революционных кризисов и взрывов с той прежде всего целью, чтобы втянуть в революцию все более и более широкие массы. Как известно, Ленин еще в период первой революции в России употреблял понятие «левый блок»³.

Настойчивая борьба большевиков за создание «левого блока» в годы первой революции дала свои плоды. В сентябре 1905 года в России на почве бойкота булыгинской думы⁴ возник уже довольно широкий единый фронт революционных и части оппозиционных сил, включая почти всю социал-демократию России, эсеров и левое крыло буржуазного либерализма в лице «Союза союзов». Лишь руководство меньшевиков отказалось от единства действий, но, несмотря на это, рядовые меньшевики-практики нередко действовали в этом вопросе вместе с большевиками. Активный бойкот булыгинской думы, подкрепленный затем Всероссийской октябрьской политической стачкой, блестяще оправдал себя: правительство было вынуждено навсегда отказаться от ее созыва.

В период назревания вооруженного восстания левые партии и организации совместно выпускали революционные манифесты и воззвания к народу, рабочему классу, крестьянству, солдатам и матросам. Так, вместе с большевиками документы о всеобщей политической стачке и восстании в Москве в декабре 1905 года под давлением масс, несмотря на колебания и непоследовательность, подписали также меньшевики и эсеры, и Ленин рассматривал это как важнейший фактор боевого сплочения демократических низов независимо от партийной принадлежности, расширения круга борцов за свободу. Левые силы сообща работали в массовых беспар-

¹ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1934, с. 514.

² Напомним, что хотя разделение российских социал-демократов на партии большевиков и меньшевиков возникло фактически еще в 1903 году, но окончательный организационный раскол произошел в 1912 году. В. И. Ленин в связи с этим отмечал: «С меньшевиками мы в 1903—1912 годах бывали по несколько лет формально в единой с.-д. партии, *никогда не прекращая идейной и политической борьбы с ними, как с проводниками буржуазного влияния на пролетариат и оппортунистами*» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 56).

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 358.

⁴ Как известно, булыгинская дума проектировалась как представительный законосовещательный орган для буржуазно-помещичьих и других имущих слоев. При этом городской пролетариат, деревенская беднота, батраки, женщины, военнослужащие, учащиеся, т. е. подавляющая часть населения России, избирательных прав были лишены.

тийных организациях: Советах рабочих депутатов¹, профессиональных союзах рабочих, частично во всероссийских учительских союзах. Единство рабочего движения снизу, развивавшееся в процессе такого сотрудничества, создавало основу и для более прочных межпартийных соглашений.

Одно из своих отражений эта тенденция нашла в объединении большевиков и меньшевиков. Таммерфорская партийная конференция, состоявшаяся 12—17 декабря 1905 года, высказалась за немедленное единовременное слияние двух частей партии, что и произошло несколько дней спустя, когда слились Центральный Комитет большевиков и Организационная комиссия меньшевиков и был создан Объединенный ЦК РСДРП. На IV (Объединительном) съезде (апрель 1906 года) произошло объединение РСДРП с СДКПнП и были выработаны условия объединения с Латышской социал-демократической рабочей партией. Несколько месяцев спустя в РСДРП вошел также Бунд. Как отмечал Ленин, «Российская социал-демократическая рабочая партия стала наконец действительно всероссийской и единой»². Однако из-за позиции оппортунистов-меньшевиков данное объединение оказалось практически формальным.

После поражения первой русской революции, в годы столыпинской реакции, когда большевистская партия проводила линию на соби́рание сил нелегальных организаций, на укрепление связей с массами, Ленин выступал за создание единого фронта снизу, против раскола партии, который был на руку реакции. Чтобы укрепить нелегальную партию, большевики полагали целесообразным использовать поддержку меньшевиков-партийцев в России и за границей. Неприми́римые к любым проявлениям ликвидаторства и отзовизма, они стремились к объединению партийных элементов из числа меньшевиков-партийцев, а также ликвидаторов и отзовистов, становящихся на партийные позиции. Ленин добивался союза с рабочими, шедшими за впередовцами³ и троцкистской венской «Правдой». Меньшевики-партийцы Москвы и Петербурга протестовали против раскольнической политики ликвидаторов и активно участвовали в работе нелегальных организаций. В Киеве, Харькове, Екатеринославе, Баку, Тифлисе, Уфе, а затем в Саратове, Нижнем Новгороде, в других местах страны они по своим взглядам значительно приблизились к большевикам и совместно с ними вели практическую работу; многие из них позднее вступили в большевистскую партию. В партию вернулись и активно работали в ее рядах одно время примыкавшие к группе «Вперед»

¹ Так, например, в Петербургский Совет рабочих депутатов, который возник 13 октября 1905 года, вошли представители петербургских организаций и центральных комитетов партий большевиков, меньшевиков и эсеров. Кроме того, в Совете был представитель Бунда.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 394.

³ Название группы отзовистов, группировавшихся вокруг издававшейся ими газеты «Вперед».

А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, Д. З. Мануйльский, М. Н. Покровский и многие другие.

Примером борьбы Ленина за единство сил явился январский Пленум ЦК РСДРП 1910 года, проведенный в Париже. На этом Пленуме большевики были в меньшинстве, и раздавались голоса в пользу неучастия большевиков в его работе. Однако ради сплочения всех партийных элементов, в целях борьбы с ликвидаторством и отзовизмом Ленин считал возможным присутствие большевиков на нем. Тактика Ленина была правильной. Он и его сторонники после напряженной борьбы добились главного: в написанном Лениным и принятом за основу проекте резолюции говорилось, что Пленум считает ликвидаторство и отзовизм проявлением буржуазного влияния на пролетариат. Решения и итоги январского Пленума в конечном счете были компромиссом. Но Ленин, твердо отстаивая партийную линию, пошел на этот компромисс. Впоследствии он пояснял, что большевики шли на частные уступки, «раз уступки не вели к отрицанию этой линии, раз уступки служили мостками для привлечения людей от ликвидаторства и от отзовизма к партии»¹.

И в последующие годы Ленин не отказывался от мысли объединения всех революционных сил, особенно «снизу»². Все это давало свои результаты. В борьбу с самодержавием, крепостниками-помещиками и капиталистами вместе с большевиками включались рядовые меньшевики, эсеры, главным образом рабочие, бедные крестьяне и солдаты. Создавался и укреплялся единый общедемократический фронт против царизма. Он и завершился в феврале 1917 года победой многолетнюю упорную борьбу народов России за освобождение от чудовищного гнета.

Безусловно, создавая общий фронт борьбы против самодержавия, за последовательную демократию, Ленин, партия большевиков всегда руководствовались классовыми принципами. Временные соглашения, которые заключались по практическим вопросам, были гласными, ни в какой степени не ущемляли партийной самостоятельности и не исключали принципиальной идейной борьбы с оппортунизмом, в каких бы формах и рамках он ни выражался. «Врозь идти, вместе бить» — таков был один из важнейших ленинских принципов левоблокнистской тактики.

Первое и главное требование, выдвинутое Лениным перед партией пролетариата в общедемократическом движении, состояло в том, чтобы она сохраняла свою классовую самостоятельность, имела собственное политическое «лицо» и строго руководствовалась марксистскими принципами. Порой большевикам (как и совре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 286.

² Так, в декабре 1916 года большевистская газета Петроградского комитета «Пролетарский голос» поставила вопрос о «согласованности действий между различными революционными организациями рабочих» (Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. Сб. материалов и документов. Л., 1939, с. 180).

менным марксистам-ленинцам) приходилось слышать, что такой строго и открыто принципиальный подход к взаимоотношениям со своими политическими союзниками не способствует укреплению единства между ними, может отпугнуть колеблющиеся элементы, а потому, мол, не следует подчеркивать эту сторону дела. Однако, когда речь идет о союзах, нельзя, как учит ленинизм, вводить в заблуждение классовых союзников. Коммунисты должны всегда подчеркивать классовую сущность своей политики. В ответ на разговоры, что такое указание ослабит всех борцов за политическую свободу в данное время, Ленин всегда говорил: нет, такое указание усилит всех борцов за политическую свободу, потому что сильны только те, кто опирается на сознанные реальные интересы известных классов, и всякое затушевывание этих классовых интересов, играющих доминирующую роль в современном обществе, только ослабит борцов¹. В тех же случаях, учил Ленин, когда союз, заключенный с другими партиями по тем или иным вопросам, начинает ущемлять партийную самостоятельность революционного пролетариата, ограничивать возможности его борьбы за коренные цели рабочего движения, он теряет право на существование, может и должен быть видоизменен или расторгнут.

Иначе говоря, сотрудничая с союзниками, большевики были решительными противниками единства «любой ценой», союза без всяких условий; они отвергали односторонние уступки, не делали предметом соглашения свою идеологию, «не прекращали и не ослабляли никогда идейно-политической борьбы...»². Большевистский принцип сохранения политической и идеологической самостоятельности партии вызывает ожесточенные нападки со стороны буржуазии. В последнее время эти нападки значительно усилились. Большая пресса монополий то и дело выступает с заявлениями, в которых забота коммунистов о четкости собственной массово-политической линии изображается как доказательство их «коварства»³. Как будто другие, в том числе буржуазные, партии проводят или готовы проводить не свою, а чужую классовую политику! Враждебные нам идеологи и политики в особенности нападают на то, что коммунистический принцип партийной самостоятельности находится, дескать, в непримиримом противоречии с их участием в политических союзах, в межпартийных соглашениях, способствующих объединению позиций и действий левых, демократических сил; что настаивать на этом принципе — значит «осуждать союзы с другими политическими силами»⁴. Смысл подобных утверждений ясно раскрывает рупор английского монополистического капитала журнал «Экономист», поясняющий, что буржуазные политики «решительно выступают против идеи по-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 453.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 56.

³ См., например, Frankfurter Rundschau, 23. IX. 1975; The New York Times, 28. XI. 1975.

⁴ The Times, 19. IX. 1975.

ощрения участия коммунистов в демократических коалициях до тех пор, пока они не докажут свой переход на позиции политики западного типа»¹. Именно верность большевиков своим идеям всегда помогала им успешно бороться за единый фронт и «сверху», и, что особенно важно, «снизу» — в ходе совместных действий трудящихся на предприятиях, в уличных демонстрациях и сражениях, всюду, где шла непосредственная борьба за демократию и социализм.

Как видим, Ленин и большевики предпринимали (и не безрезультатно) все меры к объединению действий демократических революционных сил. А как вели себя в это время другие партии и организации? Покажем это на примере меньшевиков и эсеров. Будучи вынуждены под нажимом «снизу» идти на объединение с большевиками, они постоянно нарушали взятые на себя обязательства, клеветали на большевиков, делали все возможное, чтобы использовать временные соглашения для укрепления своих позиций за счет большевиков. Характерным в этом отношении является, например, признание одного из лидеров меньшевиков — Ф. Дана. По свидетельству А. В. Луначарского, он после IV (Объединительного) съезда РСДРП говорил: «С большевиками теперь покончено, они побарахтаются еще несколько месяцев и совсем расплывутся в партии»². Вот, оказывается, какие цели преследовали меньшевики, идя на объединительный съезд с большевиками. Их волновали не судьбы рабочего класса, революции, они стремились ослабить силы большевиков.

Откровенно писал о целях правых эсеров в связи со второй буржуазно-демократической революцией и Керенский: «Мы считаем, что стихийное революционное движение недопустимо во время войны. И поэтому мы ставили себе задачей поддержку умеренных и даже консервативных групп, партий, организаций, которые должны были катастрофу стихийного взрыва предотвратить в порядке дворцового переворота»³. О тех же стремлениях «путем дворцового переворота... спасти Россию от революции»⁴ писал и русский буржуазный историк П. Мельгунов, примыкавший к партии народных социалистов. По его словам, и после свержения царизма не только буржуазные партии, но и эсеры и меньшевики старались ограничить революцию верхушечными переменами. «Концепция революционного правительства была им чужда»⁵, — признает Мельгунов. Конечно, для дворцового переворота не надо было объединяться с большевиками. Да это и невозможно было, потому что большевики ставили перед собой, как известно, совершенно другую цель.

¹ См. *The Economist*, January 3, 1976.

² Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 40.

³ Дни (Париж), 1932, 22 мая.

⁴ Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931, с. 141.

⁵ Мельгунов С. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, с. 105.

Думается, что из сказанного ясно, кто был истинным сторонником объединения левых сил, а кто его противником.

Теперь постараемся осветить вторую проблему — были ли большевики против сотрудничества с другими партиями в период взятия власти пролетариатом и укрепления ее, как это утверждали противники Ленина и большевиков. Так, в своих изданных спустя много лет после революции мемуарах начальник контрразведки Петроградского военного округа при Временном правительстве полковник Б. Никитин высказывался в том смысле, будто Ленин «настаивал на узкозаговорщическом характере всей работы... отвергал временные совместные действия с другими классами и группами, революционно настроенными»¹.

Вновь обратимся к конкретным историческим фактам. И в период борьбы за осуществление социалистической революции, и непосредственно после ее победы большевики, помня уроки первой русской революции, одной из причин поражения которой была раздробленность движущих классовых и политических сил (Ленин говорил, что перед революцией 1905—1907 годов РСДРП из-за раскола «потеряла добрую половину своего влияния»²), прилагали усилия для объединения всех левых сил и в этих целях не раз обращались с конкретными предложениями о сотрудничестве к меньшевикам и эсерам.

Однако эти партии отказывались от многопартийного сотрудничества, в том числе и на II Всероссийском съезде Советов, провозгласившем победу пролетарской революции. Большевики пошли даже на то, чтобы этот съезд, где они располагали абсолютным большинством, открыл меньшевик Дан, который до последнего момента пытался сорвать его³. Партия меньшевиков стояла перед выбором: либо признать факт свержения Временного правительства, переход власти к революционным органам и тем поддержать действия масс, пойти на сотрудничество с большевиками для осуществления демократических и социалистических преобразований, либо отвергнуть революцию как не соответствующую их схеме длительного созревания предпосылок социализма в условиях буржуазной демократии, пойти на классовый союз с буржуазией. Меньшевики избрали второй путь.

На съезде лидер меньшевиков-интернационалистов Мартов призывал к мирному решению кризиса «для создания власти, которая была бы признана всей демократией». При поддержке левых эсеров, социал-демократов-интернационалистов и фронтовой группы он предложил «избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями, чтобы до-

¹ Никитин Б. Роковые годы. Париж, 1937, с. 224.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 146.

³ См. об этом: Дан Ф. И. Происхождение большевизма, с. 453; Дан Ф. И. К истории последних дней Временного правительства. — Летопись революции, кн. 1. Берлин, 1923, с. 175.

стигнуть прекращения начавшегося столкновения»¹. А. В. Луначарский от имени большевиков ответил, что они не возражают против этого предложения. Твердо веря в силы победившей революции, большевики в интересах сотрудничества с левыми течениями соглашательских партий пошли и на этот компромисс.

Однако последующие выступления меньшевиков и эсеров показали, что их предложения были направлены на сдачу съездом позиций, завоеванных революционным народом, отказ от инспровержения буржуазной власти. Меньшевики вместе с правыми эсерами потребовали от большевистской партии отречься от власти Советов, устранить из правительства «персонального виновника Октябрьского переворота» В. И. Ленина и назначить главой правительства одного из лидеров правых эсеров. Это фактически означало поворот назад, к диктатуре буржуазии. ЦК большевиков категорически отклонил эти домогательства, твердо заявив, что он не намерен создавать правительство, защищающее интересы капиталистов. Оказавшись в меньшинстве, представители меньшевиков и правых эсеров (около 50 человек из 649) покинули съезд, рассчитывая, что их уход вызовет раскол и сделает решения съезда неправомочными.

Но этого не произошло. Вместе с большевиками на съезде остались левые эсеры, а также небольшая группа новожизненцев². Отражая волю крестьянских и солдатских масс, левые эсеры признали Советскую власть, не поддерживали правых эсеров и меньшевиков в их стремлении устранить от власти большевиков, выступили за более радикальное решение аграрного вопроса по сравнению с другими соглашательскими партиями.

Левые эсеры получили от большевиков приглашение войти в правительство, хотя партия Ленина полностью отдавала отчет в том, что это временные и колеблющиеся союзники. Этот факт вскоре подтвердился. Левые эсеры отказались принять предложение большевиков и ограничились тем, что вошли в состав ВЦИК, избранного съездом. Но большевики продолжали выступать за блок с партией левых эсеров, и последние, убедившись в прочности Советской власти, делегировали в декабре 1917 года семь своих представителей в состав Совнаркома. Они заняли посты наркомов юстиции, почт и телеграфов, земледелия, Государственного комиссариата дворцов республики, комиссара Наркомата местного самоуправления, наркомов без портфелей. Зная о непрекращающихся колебаниях эсеров, Совнарком принял постановление, обязывавшее всех комиссаров проводить общую политику Советского правительства. Сотрудничество большевиков и левых эсеров не являлось, следовательно, «легендой», «мифом», как об этом гово-

¹ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. (1928 год), с. 33, 34; См. *Минц Н. И.* История Великого Октября, т. 2, с. 1103.

² Часть меньшевиков, объединившихся вокруг газеты Новая жизнь, издававшейся ими в 1917 году.

рил один из лидеров французской ЮДР, А. Пейрефит¹. Оно было в своей основе деловым и плодотворным, о чем свидетельствуют хотя бы протоколы заседаний ВЦИК и Совнаркома того времени. Заключенный правительственный блок с левыми эсерами сыграл существенную роль, определившую, в частности, как мы увидим далее, политическую судьбу Учредительного собрания.

Большевики не отстраняли категорически от власти и меньшевиков, правых эсеров. Даже после их ухода со II съезда Советов большевики оставляли двери открытыми. В резолюции ЦК партии от 2 ноября 1917 года, написанной В. И. Лениным, говорилось, что, «не исключая никого со II Всероссийского съезда Советов, он (т. е. ЦК. — К. З.) и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти»².

И эта позиция большевиков не была навеяна какими-то конъюнктурными соображениями, требованиями текущего момента и т. д. Она представляла последовательное развитие и творческое применение на практике взглядов, в основе своей выработанных еще в период первой русской революции. Известно, например, что большевики не только не исключали возможности, но, наоборот, считали желательным и необходимым после победы демократической революции сотрудничать в органах Советской власти вместе с другими революционными силами. Выдвинутая еще в 1905 году ленинская концепция Советов как органов власти исходила из того, что Советы могут включать в себя представителей самых различных революционно-социалистических и революционно-демократических партий. Об этом свидетельствуют ясные высказывания Ленина. Так, в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» В. И. Ленин писал: «...Совет рабочих депутатов должен *стремиться* к тому, чтобы включить в свой состав депутатов от *всех* рабочих, служащих, прислуги, батраков и т. д., *всех*, кто только хочет и может бороться сообща за улучшение жизни всего трудящегося народа, *всех*, кто обладает только элементарной политической честностью, всех, кроме черносотенцев... Совет должен выбрать сильное ядро временного революционного правительства и пополнить его представителями всех революционных партий и всех революционных (но, конечно, только революционных, а не либеральных) демократов. Мы не боимся такой широты и разнообразности состава, а желаем ее...»³

Именно поэтому не кажется удивительным, что, творчески применяя эти идеи в новой обстановке, большевики искренне стремились к сотрудничеству со всеми политическими партиями, лояльно относящимися к Советской власти, несмотря на то что позиции

¹ L'Humanité, 14. IX. 1972.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 45.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 62—63, 66.

этих партий и расходились с большевиками по тем или иным важным вопросам.

Больше того, меньшевикам (как и другим оппозиционерам) даже после их категорического отказа от сотрудничества с большевиками Советская власть предоставила широкие возможности для деятельности. Легально работали их центральные и местные партийные комитеты, выходили газеты, проводились конференции, собрания; мелкобуржуазные партии принимали участие в выборах во все органы Советской власти, вели дискуссии на митингах, собраниях, в печати, на съездах Советов и т. д. Так, в состав ВЦИК, избранного II Всероссийским съездом Советов (октябрь 1917 года), входили 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов и др. В состав ВЦИК, избранного III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 года, входили 160 большевиков, 125 левых эсеров, 14 правых эсеров и максималистов, 2 меньшевика-оборонца и др. Напомним также, что руководитель меньшевиков Мартов был депутатом Московского Совета и работал в нем вплоть до своего отъезда за границу, который был ему разрешен постановлением Пленума ЦК РКП(б) от 16 июля 1920 года. ЦК большевистской партии в 1920—1921 годах рассматривал просьбы и некоторых других меньшевиков, эсеров, анархистов о выезде их за границу. Вспоминая тот период, меньшевик Дан писал: «В Москве у ЦК (меньшевиков. — К. З.) было официальное помещение с клубом при нем... Мы... выступали от имени партии на съездах, собраниях, митингах...»¹ Что же касается характера дискуссий, то цитата из меньшевистской газеты «Новый луч» от 24 марта 1918 года убедит даже тех, кто до сих пор ведет разговоры о «недопущении» большевиками оппозиционной критики. Вот что говорилось в статье этой газеты, подписанной меньшевиком Шварцем: «Нужно вернуться к капиталистической организации производства. Нужно отказаться от того, чтобы рабочие комитеты и профессиональные союзы управляли промышленными предприятиями. Владельцы предприятий должны вновь стать хозяевами фабрик и заводов».

Следует отметить, что некоторые партии и союзы в послеоктябрьский период на своих съездах и конференциях в различное время вынесли решение войти в партию большевиков — РКП(б) и были приняты ею. Это относится к максималистам, интернационалистам, революционным коммунистам, украинским левым эсерам — боротьбистам, бундовцам, Еврейской коммунистической партии («Поалей-Цион») ². Причем принятие в партию этих политических организаций осуществлялось с полным товарищеским уважением к их членам. Об этом дает представление, например, следующая выдержка из документа ЦК РКП(б), составленного

¹ Дан Ф. Два года скитаний (1919—1921). Берлин, 1922, с. 58.

² См. Правда, 1919, 30 декабря; 1920, 27 мая. Известия, 1920, 21, 24, 25 января; 1923, 3 января.

в связи с решением съезда интернационалистов (РСРПИ) об их слиянии с партией большевиков: «Приветствуя это постановление, Центральный Комитет предлагает всем местным организациям Российской Коммунистической партии немедленно принять в свой состав членов местных организаций партии интернационалистов и приложить все старания к тому, чтобы в дружной организационной работе возможно скорее изжить ту отчужденность, а иногда и некоторую враждебность, которые естественно сложились в результате отдельного организационного существования.

Принятие членов бывшей партии интернационалистов в состав местных организаций Р. К. П. должно производиться автоматическим путем простого обмена прежних членских билетов на членские книжки нашей партии.

Учитывая то обстоятельство, что входившие в состав партии интернационалистов рабочие в своей борьбе в течение последнего, тяжелого для пролетариата и крестьянства России года шли рядом рука об руку с рабочими-коммунистами и что принадлежность их не к нашей партии вызывалась иногда причинами местного характера, Центральный Комитет находит возможным, как общее правило, засчитывать вновь вступающим в нашу партию бывшим интернационалистам их прежний партийный стаж и считать их членами Российской Коммунистической партии с того времени, когда они вступили в партию интернационалистов.

По отношению же к единичным членам, когда это будет диктоваться необходимостью, допускаются изъятия из указанного выше общего правила о зачете, и они, по постановлению местных комитетов нашей партии, могут считаться членами партии лишь с 20 сего декабря.

Это ограничение, впрочем, ни в коем случае не должно толковаться распространительно, не должно служить средством ограничить в партийных правах руководителей местных организаций интернационалистов, которые, естественно, чаще рядовых своих товарищей по партии сталкивались с нашими организациями. Во избежание вольных и невольных ошибок в этом отношении каждое постановление местного комитета о незачислении бывшему интернационалисту его прежнего партийного стажа должно немедленно представляться на утверждение Центрального Комитета»¹.

В свете рассматриваемых проблем нельзя пройти мимо одной фальсификации наших врагов — попытки «доказать» неояльное, враждебное отношение большевиков ко всем другим политическим партиям посредством ложного истолкования истории с созывом и роспуском Учредительного собрания, а затем использовать это «доказательство» для подкрепления более общего анти-

¹ Правда, 1919, 30 декабря.

коммунистического тезиса о том, что Октябрьский переворот произошел «вопреки воле» большинства народа¹.

Так как последний вопрос выходит за рамки темы данного раздела, мы будем касаться его лишь в той мере, в какой он используется нашими противниками для искажения правды об отношении большевиков к сотрудничеству с другими политическими партиями в процессе борьбы за создание единого фронта.

Начнем с того, что утверждение о каком-то «захвате власти» большевиками в тот момент вообще не выдерживает критики. Зачем большевикам было «захватывать власть» в начале 1918 года, когда она уже была завоевана рабочими в октябре 1917 года? Власть принадлежала Советскому правительству, образованному в дни революции II Всероссийским съездом Советов, делегаты которого были законно избраны массами. А на этом съезде, как известно, большевики располагали 390 мандатами. Эсеры, преимущественно левых, на съезде было 160. Левые эсеры, как мы отмечали, поддерживали переход власти к Советам, вошли в сформированный съездом Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, а позже — в правительство. Среди избранных на съезд делегатов большевики и левые эсеры имели подавляющее большинство (около 80 проц.).

Что же касается Учредительного собрания, созданного уже после Октября, то в нем крупнейшими фракциями также оказались эсеровская (370 мест) и большевистская (175 мест, или 25 проц. голосов в целом по России). При этом, как отмечал Ленин, конкретный анализ показал, что за большевиков проголосовало подавляющее большинство рабочих и почти половина армии. И это само по себе лишний раз подтверждает, что в условиях тогдашней России открыто буржуазные партии лишились поддержки народа (кадеты получили лишь 17 мест, за партии помещиков и буржуазии в целом голосовало 13 проц. избирателей). Признавая, что в условиях нараставшей революции кадеты лишились всякой поддержки народных масс, видный деятель кадетской партии В. Маклаков откровенно писал, что «вне парламента, вне конституционного строя они все теряли, как это показал 1917 год»². Практически утратили политический вес в рядах городского пролетариата и соглашатели-оппортунисты (было избрано только 15 меньшевиков). Признавая политическое банкротство меньшевистской партии, А. Потресов писал после выборов в Учредительное собрание: «...этой партии сейчас нет у рампы исто-

¹ Так, внося свою лепту в разжигание антикоммунистической истерии в ходе политической кампании, предшествовавшей парламентским выборам 1973 года во Франции, упоминавшийся выше П. Пейрефит заявлял, фальсифицируя историю выборов в Учредительное собрание в России, что за большевиков на выборах голосовало менее 25 проц. избирателей и что, несмотря на это, они захватили власть (*L'Humanité*, 21. X. 1972).

² *Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России. — Иллюстрированная Россия (Париж), № 44 (598), 1936, 24 октября, с. 4.*

рии. Она уничтожена как политическая величина. Она сведена все равно что на нет, разжалована ходом вещей...»¹

В дооктябрьский период большевики предвидели, что выборы в Учредительное собрание дадут такие результаты, которые в целом явятся ударом по буржуазии, по Временному правительству, по правым оппортунистам. Но это предчувствовали и соглашатели. Поэтому большевики последовательно вели борьбу за скорейшие выборы и созыв Учредительного собрания, тогда как буржуазия в союзе с соглашателями всячески их оттягивала. До Октября удалось добиться лишь составления списков кандидатов и назначения срока выборов. По этим спискам в ноябре 1917 года было проведено голосование, которое не могло еще полностью отразить главные перемены, происшедшие в стране. Прежде всего новое соотношение сил не отражали сами избирательные списки, так как они составлялись до революции, когда у власти стояли буржуазия и соглашатели. Далее, в то время как наряду с большевиками политические симпатии деревни и армии (с ее крестьянским большинством) все больше завоевывали левые эсеры², голоса доставались партии эсеров в целом, партии, руководство в которой принадлежало правым. Более того, начиная от Всероссийской комиссии по делам о выборах и кончая избирательными комитетами на местах, организационно-технический аппарат подготовки и проведения выборов в значительной части контролировался правыми эсерами. В итоге среди 370 эсеровских депутатов левых депутатов оказалось всего 40 человек.

Те, кто хорошо знаком с подобными гримасами избирательного механизма в условиях современной буржуазной демократии (или даже в ходе развивающейся, но еще не доведенной до конца революции), найдут здесь новый пример того, что число голосов, собранных на выборах, не всегда служит точным измерителем реальной политической силы партии, показателем воли народа. А. Куньял, разоблачая спекуляцию западной печати вокруг итогов выборов в Учредительное собрание 25 апреля 1975 года (на которых компартия оказалась третьей партией по числу голосов), говорил: «Было бы ошибкой считать, что итоги голосования — единственный показатель мощи и влияния политических партий. Голосование не в полной мере отражает силу компартии, ее влияние, способность мобилизовать массы, ее роль в португальской революции»³. «Чтобы понять значение последних выборов, — отмечал он также, — необходимо иметь в виду, что в Португалии еще не существует сложившийся демократический режим. Мы переживаем время революционного процесса, его становления... ПКП,

¹ Грядущий День, 1917, 7 декабря (цит. по: Потресов А. И. Посмертный сборник произведений, с. 267).

² Это, в частности, подтверждали результаты выборов в Учредительное собрание по тем округам, где левые эсеры баллотировались по самостоятельным спискам.

³ Правда, 1975, 28 апреля.

несмотря на широчайшую и ожесточенную антикоммунистическую кампанию, несмотря на внутреннее и внешнее давление на избирателей, несмотря на насильственные акты против активистов компартий, получила более 700 тысяч голосов. Доля голосовавших за партию в промышленных центрах и районах, где большинство населения составляют сельскохозяйственные рабочие, достигает 30, 40, 50 и более процентов. Этот факт свидетельствует о том, что у ПКП имеются глубокие корни среди трудящихся классов, в широких народных массах»¹. На выборах в Ассамблею республики — высший законодательный орган Португалии, — состоявшихся ровно через год, ПКП получила 783 тыс. голосов, проведя 40 депутатов, на 10 больше, чем в Учредительное собрание. Но и эти выборы проходили в условиях, когда в некоторых районах страны не были гарантированы демократические права трудящихся, а различные партии и организации развернули яростную антикоммунистическую кампанию.

А как обстояло дело в России?

Контрреволюционная часть российской «учредилки» с ее косяком в лице правых эсеров пыталась использовать свое большинство голосов для того, чтобы надругаться над волей большинства народа. Только так можно расценивать непризнание Учредительным собранием избранной народом власти Советов и только такой смысл имел отказ контрреволюции, облеченной в парламентские одежды, принять подлинно народную социально-экономическую и политическую программу, представленную в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

Все приведенные выше факты убедительно показывают, что большевики были активными сторонниками единых действий с другими партиями и в ходе Октября, и после него. Тогда почему же им не удалось создать единый блок? Почему они оказались в конечном счете единственной правительственной партией? Вина за это всецело ложилась на меньшевиков и эсеров. Они практически отвергли предложение о совместных действиях, отказались от многопартийного сотрудничества и в органах власти в период между Февралем и Октябрем 1917 года, на которое при определенных условиях готовы были пойти большевики. Так, например, меньшевик Суханов признает в своих воспоминаниях, что, «вопреки своим крикам о демократизме, вопреки всей существующей парламентской буржуазной практике, меньшевики и эсеры не только не пускали в президиум (речь идет о президиуме Петроградского исполкома в период преобладания там меньшевиков и эсеров. — *К. З.*) никого из оппозиции, но и в крайне грубой форме отвергали покушения на «однородность» своей власти в Совете»². Что касается эсера Керенского, то в период корниловщины, в разгром которой решающий вклад внесли большевики, он заяв-

¹ Правда, 1975, 14 мая.

² Суханов Ник. Записки о революции, кн. 6, с. 25.

лял, что «если хоть один большевик войдет в правительство, то все пропало, работа станет невозможной»¹.

Более того, в этот период сложился единый антибольшевистский фронт Временного правительства Керенского с эсеров-меньшевистскими лидерами, которые «скатились на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы»². Они дали согласие на вызов контрреволюционных войск с фронта в начале июля 1917 года и тем самым взяли на себя ответственность за расстрел мирной демонстрации в Петрограде. Все последующие события подтверждали предательскую роль меньшевиков и эсеров. Поэтому не случайно, что, уйдя со II съезда Советов, они направились в Городскую думу, где вместе с кадетами начали организовывать антисоветский центр — контрреволюционный орган, именовавшийся «Комитетом спасения родины и революции», а затем вместе с буржуазией при поддержке империалистов других стран (через американское, английское и другие посольства) устроили кровавый заговор против революции, чтобы задушить ее. Позорно закончили свой путь и левые эсеры. В июле 1918 года, недовольные Брестским договором, они подняли вооруженный мятеж против Советской власти и этим сами исключили себя и из правительства, и из Советов.

Естественно, что такая политика меньшевиков и эсеров не могла не подорвать в массах доверия к ним. Не случайно, например, что только с августа по ноябрь 1917 года состав партии меньшевиков, по официальным данным, сократился на 50 тыс. человек³. Если в марте 1917 года тираж меньшевистской «Рабочей газеты» достигал 100 тыс., то в сентябре он упал до 10—15 тыс. Тот же Н. Суханов был вынужден признать, что меньшевики и эсеры, составлявшие большинство на I съезде Советов, превратились в «ничтожную величину», что они «устроили заговор против полномочных выразителей воли демократии, устроили потому, что оказались в меньшинстве...»⁴.

Падение доверия к соглашательским партиям становилось очевидным по мере роста борьбы масс, ибо закон революции состоит в том, что, чем активнее и основательнее вовлекаются массы в революционную борьбу, тем слабее и беспомощнее становятся эти партии.

Об этом наглядно свидетельствуют и выборы в Советы в канун и после победы Октября. Мы называли состав делегатов II Всероссийского съезда Советов. На III Всероссийском съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоявшемся в январе 1918 года, среди 708 делегатов были 441 большевик, 22 меньшевика, 112 левых эсеров и 35 правых эсеров, а на VI Всероссийском съезде Советов (6—9 ноября 1918 года) из 1276 делегатов

¹ Архив русской революции, т. 1. Берлин, 1922, с. 171.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 46.

³ См. Рабочая газета, 1917, 27 августа; Новый луч, 1917, 10 декабря.

⁴ Суханов Ник. Записки о революции, кн. 7, с. 180—181, 288.

было 1240 большевиков, 2 меньшевика, 8 левых эсеров и ни одного правого эсера¹.

Как с горечью констатировали в начале 20-х годов идеологи партии эсеров, «исключительно потому, что партия с.-р. не оказалась достаточно сплоченной и решительной, чтобы возглавить во второй половине 1917 г. все еще нарастающую революцию... исключительно поэтому революционная волна перекатилась через ее голову...»². И как эпитафия меньшевистской партии звучат слова А. Потресова: «Мы живем в эпоху революции, в эпоху величайших потрясений и величайшего действия. И горе поэтому той партии, которая окажется за бортом революционного действия, на задворках истории. Она надолго вычеркнет себя из списка живых»³. Что касается меньшевистской партии, то она, как и партия эсеров, сама навсегда вычеркнула себя из этого списка.

Таким образом, опыт российских революций, борьбы Ленина и руководимой им партии большевиков показал, что гарантией осуществления воли народа является отнюдь не деятельность оппозиционных или тем более враждебных социализму партий, а наличие в структуре революционной власти силы, способной на деле проводить в жизнь интересы рабочего класса, всех эксплуатируемых трудящихся. И сила эта — коммунистическая партия. Опыт революционной России показал также, что даже в том случае, если логика борьбы приводит к власти одну — коммунистическую — партию, возможно, а в определенных условиях и необходимо привлечение ею к управлению страной (в том числе и на правительственном уровне) других левых партий, стоящих на платформе социализма. Но этот же опыт показывает, что та же логика борьбы напрочь и навсегда уносит с политической арены партии, которые, порывая с интересами трудящихся масс, вступают в борьбу с их революционной властью. Иначе говоря, опыт российских революций учит, что коренным интересам социализма не противоречит множественность партий как таковая. Но с интересами революционно-социалистического пролетариата несовместимо поощрение или даже пассивное отношение к деятельности партий, выступающих с позиций, враждебных социализму.

¹ См. Канев С. П. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974 (приложение, таблица 3).

Небезынтересны в этой связи слова левозэсерского лидера М. Спиридоновой: «...эсеры и меньшевики были разбиты наголову не... репрессиями... а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губернские и уездные советы собирались стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, была свободная борьба мнений, спор партий, и результаты выборов обнаруживали всюду полное презрение масс к соглашательским партиям... Они погасли в пустоте» (цит. по: Коммунистическая партия — ум, честь и совесть нашей эпохи. М., 1969, с. 27). Эти слова сказаны Спиридоновой о правых эсерах и меньшевиках, но их можно полностью применить и к левым эсерам.

² Революционная Россия (Париж), 1921, № 3, с. 11.

³ Потресов А. И. Посмертный сборник произведений, с. 254.

Социалистическая революция — это не игра «свободных политических сил» по ложным правилам формальной демократии, это — процесс, сознательно направляемый политическим авангардом рабочего класса, процесс неуклонного проведения в жизнь коренных требований масс при помощи диктатуры пролетариата, преодолевающей сопротивление враждебных социализму сил, сознательно опирающейся на самые широкие, в том числе и некоммунистические, нереволуционные, силы. Причем независимо от того, утвердилась ли при социализме однопартийная или многопартийная система, ошибочно и опасно представление, как отмечал Ленин, «будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров». «Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности, — говорил он, — ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи»¹.

Ленинские идеи о принципах и формах взаимоотношений с другими политическими партиями и силами в процессе борьбы за создание единого фронта и в период его функционирования прочно вошли в сокровищницу стратегии и тактики борьбы коммунистических и рабочих партий. Еще при жизни Ленина Исполком Коминтерна рекомендовал взять партиям на вооружение эти идеи, что и было сделано. Ими руководствовались в своей демократической, революционной и антифашистской борьбе коммунисты Испании, Италии, Франции и других стран еще до второй мировой войны. Обобщая этот опыт, новые условия борьбы, VII конгресс Коминтерна развил дальше ленинские мысли об объединении всех демократических и революционных сил, партий и организаций на антиимпериалистической платформе в виде идеи *Народного фронта*.

Известно, что большого успеха в организации такого фронта как действенного орудия антифашистской политики добились коммунисты Франции, предложив в октябре 1934 года всем демократическим партиям совместную программу осуществления политики, которая, как говорил М. Торез, способна «преобразовать демократию и восстановить ее в правах»². ФКП, так же как и в свое время большевики, опираясь на складывающееся «снизу» единство рабочего класса и других трудящихся масс, буквально вынудила своей последовательной, принципиальной политикой лидеров социалистов и радикалов подписать пакт о единстве действий. Парламентские выборы, состоявшиеся 26 апреля — 3 мая 1936 года, принесли победу партиям Народного фронта, получившего абсолютное большинство голосов избирателей и депутатских мест в парламенте. Особый успех выпал на долю ФКП, добившейся почти удвоения голосов избирателей (с 790 тыс. в 1932 году до 1,5 млн. в 1936 году), что перекрыло потери двух других

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 23.

² Торез М. Сын народа. М., 1960, с. 86.

крупных левых партий — социалистической и радикальной¹. Эта победа преградила дорогу фашизму во Францию. К сожалению, позиция правых лидеров социалистов и радикалов привела впоследствии к распаду Народного фронта, а затем и к национальному краху в годы гитлеровской агрессии.

В свете сегодняшних дискуссий, ведущихся в международном рабочем движении, в частности во Франции, важно отметить и такой факт, что именно в период после заключения пакта о единстве действий, и особенно после создания Народного фронта, наблюдается наиболее бурный рост влияния и численности ФКП, сыгравшей решающую роль в борьбе за Народный фронт. Так, с 1934 по 1937 год численность ФКП возросла почти в 11 раз (с 30 тыс. до 314 тыс.). Но вопреки лживым и демагогическим заявлениям правых лидеров социалистов это не вело к ослаблению или к угрозе существованию других левых партий. Напротив, численность социалистов (СФИО) в этот период также очень быстро (для этой партии) росла, хотя и медленнее, чем коммунистов. С 1934 по 1937 года число членов СФИО выросло более чем в 2,5 раза (со 110 тыс. до 285 тыс.). Это был период самого бурного роста СФИО, что лишний раз подтверждает, в частности, то, что коммунисты не ориентируются на подрыв социалистической партии, а всегда честно и лояльно сотрудничают с другими партиями в рамках единого блока².

Огромный вклад в развитие ленинской концепции единства всех антиимпериалистических, демократических сил, партий и организаций и создание на этой основе Народного фронта внесла революционная практика масс в годы борьбы с фашистскими агрессорами и в послевоенное время. Как мы уже отмечали ранее, богатый опыт в этом отношении накоплен в странах, которые остались в рамках капиталистической системы (Франция, Италия и др.). Но особенное значение имеет опыт стран народной демократии, вступивших в послевоенное время на путь социализма. Роль народных фронтов, практически созданных в каждой из них, в установлении народно-демократической власти была исключительно велика. Особую актуальность этот опыт приобретает сегодня потому, что в большинстве стран народной демократии единый народный фронт, объединявший различные политические партии, служил важнейшим инструментом последовательного осуществления сначала общедемократической, а затем и социалистической программы социально-экономических и политических преобразований.

В зависимости от конкретных условий каждой страны, реального соотношения классовых сил, силы и влияния марксистско-

¹ См. об этом подробнее: *Салычев С. С.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921—1940 гг. М., 1973, с. 41, 312, и др.

² Заметим, кстати, что сокращение численности французских социалистов началось сразу после ликвидации (в 1938 году) Народного фронта.

ленинской партии, других партий, входивших в Народный фронт, общие закономерности его функционирования и развития взаимоотношений составляющих его политических партий и организаций проявлялись своеобразно.

В Болгарии, как известно, в результате Сентябрьского вооруженного восстания 1944 года, возглавляемого коммунистами, была установлена диктатура пролетариата, революция с самого начала приняла социалистический характер. Это предопределяло ведущую роль коммунистической партии в дальнейшем развитии революционного процесса. Тем не менее именно эта партия выступила в свое время инициатором создания единого Отечественного фронта (ОФ) с другими партиями и всегда последовательно боролась за его укрепление, разоблачая и изолируя деятельность враждебных народу сил. Выступая на I конгрессе Отечественного фронта (март 1945 года), Г. Димитров говорил: «Перед конгрессом стоят очень ответственные задачи. Но важнейшей из них, задачей всех задач, является, несомненно, всестороннее укрепление самого Отечественного фронта, как длительного боевого союза всех демократических, прогрессивных сил страны, как живого воплощения антифашистского, патриотического единства болгарского народа»¹.

Уже выборы в Народное собрание в ноябре 1945 года показали силу и роль Отечественного фронта: за кандидатов ОФ, возглавляемого коммунистами, высказалось 88,18 проц. голосовавших. То же произошло и на выборах в Великое народное собрание, проходивших 27 октября 1946 года. Партии, входившие в Отечественный фронт, выступали единым блоком, хотя голосование проводилось за каждую из них в отдельности. Фронт получил 366 мандатов, в том числе коммунисты — 275, земледельцы — 69, социал-демократы — 9, Народный союз «Звено» — 8, радикалы — 4 и беспартийные — 1. Оппозиция получила всего 99 мандатов.

В результате этой победы, закрепившей развитие Болгарии по социалистическому пути, было сформировано многопартийное правительство Отечественного фронта во главе с Г. Димитровым. В него вошли 10 коммунистов, 5 представителей БЗНС, 2 социал-демократа, 2 члена Народного союза «Звено» и 1 беспартийный.

И сегодня Отечественный фронт, опирающийся на союз двух партий — БКП и БЗНС (крестьянской партии, твердо стоящей на позициях социализма), играет важную роль в общественно-политической жизни страны. В то же время логикой борьбы, волей масс все оппозиционные социализму политические партии были изолированы, потеряли влияние и бесславно исчезли. В этой связи член Политбюро, секретарь ЦК БКП А. Лилев отмечал: «В капиталистическом обществе наличие угнетенного класса является жизненным условием существования господствующего класса, и

¹ Димитров Г. Избранные произведения, т. II, с. 45.

в самом социальном положении угнетенных классов заложен корень протеста против правящих ими угнетателей. Независимо от того, признает ли буржуазия право угнетенных классов на протест или отвергает его, она не в состоянии ликвидировать условия, которые порождают их оппозицию.

В социалистическом обществе оппозиция не является объективно необходимым элементом демократии. Как известно, в нашем социалистическом развитии был период существования политической оппозиции, которая позднее вследствие готовившегося ею контрреволюционного заговора была политически ликвидирована... Главное состоит в том, что с ликвидацией социального антагонизма в обществе исчезают и социальные основания для существования оппозиции. Социальная база демократии при социализме совершенно иная. Разгромленный политически, вытесненный экономически, класс буржуазии перестает существовать, и обособление его остатков в самостоятельные политические партии было бы необъяснимым. Социалистический демократизм исключает буржуазную оппозицию, ибо его историческая миссия не в том, чтобы обеспечить благоприятные условия для борьбы за политическую власть, а в том, чтобы сплотить силы всех трудящихся, всего народа в деле строительства нового общества. Выполнить эту миссию нельзя без ликвидации буржуазии как класса.

Что же касается рабочего класса, то исторические цели социализма требуют полной консолидации, а не разделения его на враждующие, оппозиционные партии или фракции. Это относится и к другим социальным слоям и классам»¹.

Свои особенности имела борьба венгерских коммунистов за единство действий с другими партиями. В Венгерский национальный фронт независимости, созданный 2 декабря 1944 года, наряду с Компартией вошли Партия мелких сельских хозяев (ПМСХ), Социал-демократическая партия (СДП), Национально-крестьянская партия (НКП), Гражданская демократическая партия (ГДП) и профсоюзы. На первых этапах деятельности фронта компартия еще не занимала в политической жизни достаточно сильных позиций, что, кстати говоря, осложняло борьбу за создание единого фронта, ослабляло единство левых сил, объективно поощряло развитие контрреволюционных тенденций в руководстве самой крупной левой некоммунистической партии — ПМСХ. Это привело к временному успеху реакции на парламентских выборах 1945 года.

Последовательная борьба коммунистов за укрепление на принципиальной, революционной основе союза всех левых партий в рамках Венгерского национального фронта независимости (ВНФН), за изоляцию и разгром контрреволюционных и соглашательских элементов сравнительно скоро дала свои плоды. Уже на парламентских выборах 1947 года левые силы одержали убе-

¹ Современни проблеми на социалистическата демокрация и перспективи на нейного развитие. София, 1975, с. 22—23.

дительную победу. Партии ВНФН получили 60,9 проц. голосов и 271 мандат (в том числе коммунисты — 100 мандатов), а оппозиционные партии — 140 мандатов. Главой нового правительства, принявшего предложенную коммунистами программу социалистического развития страны, стал лидер левого крыла ПМСХ, компартия получила 5 постов, ПМСХ — 3, СДП — 4, НКП — 2¹.

Вскоре из партий Национального фронта были удалены реакционные деятели и их руководство постепенно переходило в руки людей, встававших на позиции социализма. Были распущены откровенно контрреволюционные партии. В июле 1948 года на объединительном съезде ВКП и СДП произошло создание на марксистско-ленинской основе единой партии рабочего класса — Венгерской партии трудящихся². Так закончился в Венгрии важнейший этап борьбы коммунистов за победу Национального фронта, за превращение его в орудие последовательно демократических и социалистических преобразований.

Важные отличительные черты имели взаимоотношения коммунистических и других партий в процессе складывания под решающим воздействием коммунистов единых народных фронтов в Польше, Чехословакии, в некоторых других странах, вставших на путь социализма. Причем в целом ряде из них, как мы уже отмечали, и по сей день тесно сотрудничают коммунистические и рабочие партии с другими политическими партиями, стоящими на социалистической платформе и вносящими важный вклад в строительство социализма. Этот факт полностью игнорируется или искажается буржуазными идеологами, стремящимися оторвать от союза с коммунистами другие демократические силы. Например, известный французский идеолог антикоммунизма Ж.-Ф. Ревель, перевирая широко известные факты, утверждал в книге «Соблазн тоталитаризма», что «временные уступки коммунистов предвыборным блокам — впрочем, уступки на словах — никогда не затрагивают ни методов коммунизма (победа которого, как он возвещает, положит-де конец союзникам по блокам и самим выборам. — К. З.), ни его практики»³.

Опыт народно-демократических революций подтвердил общезначимость выработанных и испробованных большевиками основных принципов взаимоотношений марксистско-ленинской партии с другими левыми партиями и организациями в процессе создания единого фронта. В то же время он внес много нового по этому вопросу в теорию и практику марксизма-ленинизма и показал, в частности, возрастающую роль единых фронтов во главе с компартией в процессе подвода масс к социалистической революции и ее осуществления.

¹ См. Ягодовский Л. С. Народный фронт в европейских странах социализма. М., 1968, с. 57—58, 182.

² См. там же, с. 58.

³ Revel J. F. La tentation totalitaire. Paris, 1976, p. 52.

В современных условиях, как подчеркивается в документах братских партий капиталистических стран, первостепенное значение приобретает борьба за создание широкого союза партий, объединяющих все демократические силы страны и способных ограничить, подорвать власть монополий, установить антимонополистическую демократию и тем самым открыть путь к социализму. В этой связи огромную роль играет и соответствующая политика марксистско-ленинских партий в отношении других левых политических партий.

Коммунистические партии стран капитала все решительнее выступают с конкретными предложениями и инициативами создания единых фронтов, широких антимонополистических коалиций, добиваются успехов в этом деле.

Как отмечалось в Политической резолюции IX съезда Португальской компартии, «взаимопонимание и совместные действия демократов, в частности социалистов и коммунистов, непосредственно в политическом и партийном плане остаются самым важным условием возможности конкретизации демократической альтернативы. Португальская компартия последовательно придерживается политики единства с другими демократическими и политическими группировками»¹. «Наш путь борьбы, — подчеркивалось на XXIV съезде Французской компартии, — является также путем союза левых сил, соглашений между нашей партией и социалистической партией... Мы высказываемся за соглашения, сохраняющие автономность действий каждой из наших двух партий, соответствующие реальному уровню народного движения, подтверждающие то, что нас объединяет, без затушевывания разногласий, способствующие союзу и борьбе»².

Естественно, что в развитых капиталистических странах особое значение для создания единого фронта имеет установление единства действий между коммунистами, с одной стороны, и социалистами и социал-демократами, сохраняющими еще сильные позиции в рабочем движении, — с другой. То обстоятельство, что во многих из этих стран за социал-демократами идет значительная часть рабочего класса, объясняется многими причинами. В некоторых из них социал-демократы уже десятилетиями находятся у власти, и им удалось поставить себе в заслугу определенное повышение жизненного уровня, которого добились трудящиеся в послевоенные годы. Нельзя отрицать того факта, что возглавляемые ими правительства проводили более гибкую, чем буржуазные лидеры, социальную политику. Можно указать и на другие причины влияния социал-демократии: глубоко укоренившиеся традиции реформизма в рабочем движении ряда капиталистических стран (особенно Западной Европы), политический опыт ее лидеров, контроль над значительной частью средств массовой информации и т. д. Кроме того, почти всюду крупным социал-де-

¹ IX съезд Португальской коммунистической партии, с. 291.

² L'Humanité, 4. II. 1982.

мократическим партиям противостоят буржуазные, откровенно реакционные партии. В этих условиях многие трудящиеся видят в поддержке социал-демократии единственный способ не допустить крайнюю реакцию к власти.

Обострение классовой борьбы, общее полевенение масс, рост антимонополистических настроений создают для сотрудничества рабочих партий различных идеологических ориентаций сейчас более благоприятные условия; в рядах социал-демократии усиливается тяга к единству, что находит отражение в позиции руководства некоторых социалистических и социал-демократических партий. Немаловажную роль играет и то обстоятельство, что ныне сблизились взгляды коммунистов и социал-демократов по вопросам войны и мира, резкие расхождения по которым закрепили в свое время (в 1914 году) раскол в международном рабочем движении; многие социал-демократические партии, в том числе стоящие у власти, выступают за политику международной разрядки.

Представители 29 коммунистических и рабочих партий Европы, участвовавших в Берлинской конференции, приветствовали успехи в развитии сотрудничества коммунистических и социалистических или социал-демократических партий, достигнутые в ряде стран и в международном плане. В Документе конференции отмечалось, что «коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся требуют преодоления преград, стоящих на пути сотрудничества и осложняющих борьбу трудящихся масс против монополистического капитала, против реакционных и консервативных сил». В то же время участники конференции подтвердили, что «они отвергают любую политику и мировоззрение, означающие по существу подчинение рабочего класса капиталистической системе. Они подчеркивают свою волю последовательно выступать за укрепление своих партий и расширение их связей с рабочим классом, со всеми трудящимися. Одновременно они вновь подчеркивают готовность внести свой вклад в равноправное сотрудничество со всеми демократическими силами и особенно с социалистическими и социал-демократическими партиями, в борьбе за мир, демократию и прогресс общества»¹.

Широкие возможности и перспективы для развития и укрепления единства всех антиимпериалистических и демократических сил имеются в зоне национально-освободительного движения, в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В значительной части зоны афро-азиатских стран особое значение имеет укрепление сотрудничества, в том числе и на правительственном уровне, между коммунистами и революционно-демократическими партиями и группировками.

Победа на выборах 1970 года и трехлетняя деятельность правительства Народного единства в Чили, о чем подробно шла речь

¹ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе, с. 32.

выше, убедительно показали, какие огромные позитивные возможности заложены в политике единства действий революционных и демократических партий на Латиноамериканском континенте. С другой стороны, горький опыт временного поражения правительства С. Альенде с особой силой и драматической остротой подчеркнул ту ленинскую мысль, что недостаток единства в лагере левых сил, примиренческое отношение к различного рода право- и левооппортунистическим шатаниям могут сыграть роковую, трудноисправимую роль в развитии революции.

Коммунисты Латинской Америки, как и других континентов, извлекая уроки из успеха кубинской социалистической революции, из позитивного и негативного опыта чилийских событий, ведут напряженную борьбу за сплочение с другими демократическими партиями. В разные периоды времени за последние годы добивались и добиваются серьезных успехов в осуществлении политики единства действий коммунисты Перу, Аргентины, Уругвая и других стран.

«Стратегическая линия нашей партии,— отмечалось в Политической резолюции X съезда Компартии Эквадора,— направлена на объединение всех антимпериалистических, демократических и патриотических сил во имя национально-освободительной революции...»¹ «...При любом пути, идти по которому нас принудят обстоятельства,— подчеркивалось на VIII чрезвычайном съезде Перуанской компартии,— основная альтернатива на ближайшие годы будет заключаться в единстве нашего народа — неодолимой силе, состоящей из народных организаций рабочих, крестьян, различных секторов средних слоев и средних производителей, а также левых политических организаций, не исключая в перспективе присоединения к этому единству других прогрессивных, демократических и подлинно патриотических сил»².

Таким образом, революционная практика масс подтвердила и подтверждает международное значение ленинского учения о ведущей роли партии в создании широкого единого фронта борцов за демократию и социализм, о законах его функционирования и развития, о принципах и нормах взаимоотношений в его рамках различных левых партий. Это учение, впервые успешно выдержавшее все испытания в острейших классовых столкновениях в ходе трех революций в России, конкретная деятельность ленинской партии по его претворению в жизнь и сегодня верно служат великому делу пролетариата, всех борцов за социалистическое преобразование общества.

¹ El Pueblo, 18—24. XI. 1981.

² Unidad, 5. II. 1982.

На исходе первого года Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин говорил: «...мы имеем окрики со всех сторон, что творим массу ошибок. Да, но рабочие сами творят социализм, и каких бы мы ошибок ни наделали — на этой практике мы учимся и готовим почву для безошибочного *искусства делать революцию*»¹.

«Искусство» и «революция» — эти понятия, соединенные в вышеприведенном ленинском высказывании, не случайная обмолвка, не случайное словосочетание. Известно, что на протяжении всей своей деятельности, особенно накануне Октябрьской революции, Ленин специально и в полемической и в позитивной форме разрабатывал вопрос об отношении к революции как к искусству.

Мы стремились в предыдущих главах раскрыть по преимуществу сущность ленинской *науки революции* в связи с российским опытом, с его международным значением. Но не меньшей заслугой ленинизма, конкретной деятельности партии большевиков в трех российских революциях было выявление той роли, которую играет в деятельности любой марксистско-ленинской партии революционное мастерство, умение на основе науки практически делать революции. Без этого никакое, даже самое ортодоксальное и совершенное знание законов революции не может привести пролетариат к победе.

Поэтому мы хотели бы, опираясь на фактический исторический материал, в основном уже приведенный в книге, показать, прежде всего в теоретическом аспекте, некоторые существенные черты, признаки, особенности ленинского искусства руководства революцией, не претендуя, безусловно, на что-то завершенное.

Это необходимо сделать не только в силу того, что в обширной литературе, посвященной проблемам революции и революционного опыта, этой стороне дела не уделяется порой должного внимания, но и потому, что нашими недругами создана целая «концепция», по которой величие Ленина-революционера (признаваемое по-своему даже его злейшими врагами) состояло будто бы лишь в том, что он был просто выдающимся революционным прагматиком, сосредоточившим весь свой интеллект, волю и эмоции на разработке, так сказать, прикладной, сугубо практической стороны марксизма. Так, в книге буржуазного историка Р. Килрой-Силка можно прочесть следующие типичные для определенного вида антикоммунистической литературы рассуждения: «Ленин, как говорил о нем Аксельрод, «был занят революцией 24 часа в день... не имел других помыслов, кроме помыслов о революции, и... даже когда засыпал, видел сны только о революции».

Всю свою сознательную жизнь Ленин активно готовился к ре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 68—69 (курсив наш. — К. З.).

волюции»¹. В этом смысле *марксистская наука о революции и ленинское искусство* делать революцию якобы предстают как две области если и не противоположные друг другу, то во всяком случае существующие в общем независимо друг от друга.

Следует сразу сказать, что такое толкование, коль скоро оно возникает, исходит прежде всего из явного непонимания творческого, оригинального вклада Ленина и руководимой им партии большевиков в марксистскую науку о революции, игнорирует выдающиеся ленинские открытия новых закономерностей и особенностей развития мирового революционного процесса в эпоху империализма и перехода от капитализма к социализму. «Марксизм, — писал Ленин, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»².

Из этого известного высказывания Ленина ясно видно, что его отношение к революции как искусству, упор, сделанный им на значении революционного мастерства, т. е. практического умения партии делать революцию, будучи прямо направлен против ревизионистских и догматических интерпретаций марксизма в духе социального фатализма и экономического детерминизма, не имеет ничего общего с субъективизмом, волюнтаризмом или бланкизмом (в чем обвиняли Ленина и большевистскую партию русские и зарубежные оппортунисты). Ибо констатация решающего при определенных условиях значения данного субъективного фактора революции делается на базе столь же решительного признания исходной и в конечном счете решающей роли совокупности объективных (в том числе и экономических) условий и тенденций общественного развития для начала и победы революции. Об этом применительно к конкретным проблемам революции постоянно шла речь в книге, так что здесь нет необходимости раскрывать эту мысль.

Отметим лишь, что акцент, сделанный Лениным на необходимости овладения каждой марксистской партией «искусством делать революцию», не может быть, следовательно, понят вне открытия им новых возможностей ускорения революционного процесса, связанных с возросшей ролью субъективного фактора (и в первую очередь деятельности революционной партии) в условиях, когда капитализм в целом как система созрел для смены его социализмом. Это открытие представляло новую ступень в развитии не только стратегии и тактики рабочего движения, но и философии марксизма.

¹ *Kilroy-Silk R. Socialism Since Marx.* London, 1972, p. 113.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 23.

Иначе говоря, ленинское учение об *искусстве* руководства революцией со стороны партии и исторически, и логически лежит в рамках и русле марксистской науки революции, представляет ее дальнейшее творческое развитие и конкретизацию. А потому, раскрывая некоторые существенные черты, признаки ленинского «искусства делать революцию», нельзя не указать прежде всего на то, что важнейшее исходное условие успешного руководства партии этим процессом — глубокое и заблаговременное теоретическое изучение и строго научная оценка всех экономических, социально-политических классовых сил, процессов, явлений в обществе накануне революции. «...Революция, — говорил Ленин, — мудрая, трудная и сложная наука...»¹ И большевики сумели овладеть ею. В предыдущих разделах книги было раскрыто содержание этой стороны деятельности большевиков, показано, какое огромное значение для победы революции в нашей стране имела проделанная партией работа по научно-теоретическому осмыслению с позиций творческого марксизма сложной российской и международной действительности, выявление основных закономерностей и особенностей классовой борьбы в эпоху империализма, на основе которых разрабатывались стратегия и тактика большевиков. Не вызывает сомнения, что и сегодня творческое овладение наукой революции — неперемненное условие и предпосылка успеха марксистско-ленинской партии в руководстве революцией. Но одного этого, как учат уроки трех российских революций, еще недостаточно для победы пролетариата.

Дело в том (и здесь мы уже подходим к ленинскому пониманию революции как искусства в собственном смысле слова в отличие от революции как науки), что революция (как и любой социально-исторический процесс) представляет, согласно учению Маркса — Энгельса, результат творческой, материально-преобразующей, т. е. практической, деятельности людей. Основные направления этой деятельности определяются объективными законами общественного развития, которые могут быть познаны и познаются в марксизме-ленинизме, но законы эти, как таковые, так сказать, в «чистом» виде существуют лишь в голове теоретика, идеолога. На практике они пробивают себе дорогу как равнодействующие множества сталкивающихся, противоречивых устремлений и действий масс, классов, партий и отдельных личностей, проявляются и реализуются через различного рода «случайности» и «отклонения», играющие — особенно в исторически ограниченные отрезки времени — немаловажную роль. И этого-то как раз никак не могли уразуметь различного рода оппортунисты. «Творить мировую историю, — писал в этой связи К. Маркс, — было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 419.

«случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей»...»¹

Применительно к вопросу о революции это, в частности, означает, что партия в процессе реальной, практической борьбы за ее развитие и победу неизбежно сталкивается с такими «случайностями» (например, в виде возникающих время от времени стихийных движений масс), которые (во всяком случае в их конкретном проявлении) заранее предвидеть невозможно, а следовательно, невозможно и теоретически заблаговременно определить позицию партии по отношению к ним.

А это значит, что партия должна быть готова к исключительно быстрому принятию решения в чрезвычайно сложной ситуации, чтобы не упустить благоприятный, возможно, неповторимый для развития революции момент. Случается, как это было в России в Октябре 1917 года, что вчера было брать власть рано, а завтра будет поздно. Известны на этот счет глубоко поучительные слова Ленина из его последнего перед Октябрьским восстанием письма членам ЦК: «Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!! ...История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все»². Заметим, что страстность и категоричность ленинских слов происходила не из какого-то «революционного нетерпения» и не из «мистического наития», а прежде всего из трезвого и четкого анализа политической ситуации, точного учета соотношения всех, в том числе военных, сил накануне восстания. Придавая большое значение выбору момента для начала решительного штурма власти, вдумчиво, без излишней торопливости определяя его, Ленин указывал, что в революциях нельзя все заранее запрограммировать, заранее установить все сроки, что события могут застать врасплох, и тогда может оказаться, например, что медлить с восстанием нельзя. Мы не знаем и не можем знать, учил Ленин, какая искра возбудит пожар, а потому должны быть готовы всегда³.

Отсюда и ленинское требование не допускать отставания от темпа массового движения, не отрываться от резко колеблющихся в такие переломные периоды настроений масс и т. д. Именно в таких случаях в революции и выступает на первый план не только сфера логического, рационального (как в науке), но и сфера чувственного, эмоционального (как в искусстве). Речь идет прежде

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435, 436.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 83.

всего о том, что Ленин определял как классовый инстинкт масс, подсказывающий верный выход из ситуации, как революционное мужество и интуицию, смелость и самоотверженность, волю к победе и т. д. Ту же эмоционально-чувственную сторону социалистической революции подчеркивал Ленин, когда определял ее как «праздник трудящихся»¹.

В этом смысле во всякой революции надо учитывать, следовательно, по крайней мере два фактора. Во-первых, она представляет собой политический и социальный взрыв, протекающий при определенных объективных условиях и по определенным законам. Во-вторых, основным двигателем революции являются широчайшие массы, которые выступают на подмостках истории одновременно и как авторы-творцы, и как актеры — импровизаторы революционной драмы. И поэтому овладение партией искусством революции, представляющей творческий акт, есть необходимое условие ее успеха.

Исходя из марксистской концепции революции как единства необходимого и случайного и творчески развивая ее, Ленин со всей силой подчеркнул, далее, что попытка наперед непогрешимо, с полной точностью учесть все шансы классовой борьбы была бы шарлатанством или безнадежным педантизмом, что невозможно аптекарскими весами взвесить то, как уравниваются растущие и переплетающиеся новые контрреволюционные и новые революционные силы, постоянно включающиеся в борьбу. «Это, — писал Ленин, обобщая важнейшие события первой русской революции, — вскрыет до конца *только опыт*. Революция в узком смысле, это — острая борьба, и только в самой борьбе, в исходе ее проявляется и вполне познается действительная сила всех интересов, всех стремлений, всех задатков.

Задача передового класса в революции — познать верно *направление* борьбы и исчерпать *все* возможности, *все* шансы победы. Такой класс должен *первым* встать на непосредственно-революционный путь и *последним* его покинуть для других, более «будничных», более «обходных» путей»².

Из сказанного вытекает несколько важных выводов, без которых невозможно понимание ленинской концепции искусства руководства революцией, которым призвана овладеть коммунистическая партия.

¹ В этом, кстати говоря, мы находим объяснение того, почему для характеристики столь, казалось бы, далекой от художественного творчества области человеческой деятельности, как революционная борьба пролетариата, Маркс, Энгельс, Ленин применяли термин «искусство». Между этими двумя сферами человеческой деятельности они увидели определенное, но, разумеется, не буквальное сходство (очевидно, поэтому Ленин иногда, употребляя в сочетании с понятием «революция» и таким ее моментом, как восстание, слово «искусство», закавычивает последнее). Выявление этого сходства помогает увидеть не только тождество, но и очевидное различие между наукой и искусством революции.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 152.

Во-первых, универсальность, или общезначимость, основных законов революции не отменяет того факта, что взятая в целом конкретная революция в данной стране в исторически конкретной обстановке является в то же время явлением уникальным, неповторимым, как, впрочем, неповторим (в этом смысле) любой социально-исторический процесс или ситуация. Это значит, что никакая наука не может дать рецепта для осуществления революции, одинаково годного на все случаи жизни, для всех стран и народов¹. Из этого, во-вторых, следует, что главное, генеральное направление общественного развития — революционный переход от капитализма к социализму — имеет характер однозначной социальной связи лишь на исторически достаточно продолжительных отрезках времени, а в более локальных временных рамках оно пробивает себе дорогу через ряд попыток, через «испробование» различных, как говорил Ленин, «возможностей», различных «шансов победы», открывающихся лишь в ходе реальной, практической революционной борьбы. Следовательно, партия, овладевающая искусством руководства революцией, учит ленинизм, тщательно взвешивая, заранее анализируя возможные конкретные пути к победе, заранее готовясь к завоеванию власти, к «последнему и решительному бою», должна также заранее знать, что даже при всем этом всегда остается и некоторая неопределенность, познающаяся лишь в ходе борьбы, лишь после того как «ввяжешься в бой», и к этому партия тоже должна быть подготовлена. О том, что такой подход лежит полностью в русле научного социализма, философии марксизма, говорит хотя бы следующее высказывание Ф. Энгельса, на которое, в частности, опирался Ленин при разработке вышеизложенных идей: «Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день»².

Именно поэтому в ленинских произведениях, особенно периода перерастания российской буржуазно-демократической революции

¹ А. Куньял, обобщая опыт революционной борьбы в Португалии, говорил на Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы: «Есть люди, которые считают, что революционные силы, особенно ПКП, придали революции ритм, несовместимый с реальным соотношением сил. Но истина такова, что в Португалии уже давно был бы реставрирован фашизм, не имей революционные силы Португалии смелости нанести монополистическому капиталу и крупному землевладению тяжелого удара, не перейди рабочий класс к эффективному контролю над жизнью на многочисленных предприятиях важнейших отраслей экономики...»

Революцию не копируют. Готовых моделей революции нет. Поэтому революцию нельзя повторить. И в западноевропейских странах нельзя найти правильного пути, механически копируя уже осуществленные социалистические революции. По этой же причине не существует ни общего рецепта, ни единого для всех западноевропейских стран пути к социализму. Его никогда и не будет.

Каждая революция, благодаря творческим способностям народных масс и их авангарда, дает новый и более оригинальный опыт, чем это могли бы предугадать наилучшие предсказания» (Avante!, 8. VII. 1976).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 100.

в социалистическую, так много внимания уделено выявлению и разбору различных возможностей развития и углубления революции, открываемых в ходе борьбы масс (в том числе, как это ни кажется странным узколобым «реалистам», и таких, которые практически не имеют сколько-нибудь весомых шансов на осуществление¹). И делается это прежде всего с той целью, чтобы события не застали партию врасплох, чтобы быть готовым к неожиданным, крутым поворотам в развитии политической ситуации, столь частым в революционное время, чтобы партия овладевала не только сферой необходимого в революции (раскрываемого в марксистской науке), но и сферой возможного, вероятного, случайного, без чего нелегко проведение революции.

Характерна в этом отношении логика ленинского мышления, ярко выраженная, например, в статье «О компромиссах», написанной в первых числах сентября 1917 года. Как известно, предлагая в ней меньшевикам и эсерам компромисс во имя «крайне редкой в истории» возможности мирного развития революции, Ленин ставит вопрос: «Может быть это *уже* невозможно?» И отвечает: «Может быть. Но если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее»².

Эта логика ленинского, подлинно творческого и революционно-го мышления была совершенно чужда — и не случайно — российским и зарубежным оппортунистам. Такой подход для реформизма, трусливого оппортунизма абсолютно неприемлем, в частности, и потому, что Ленин смело вводил в стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата такое, например, понятие, как решимость пойти на определенный риск, без чего можно, конечно, красиво разглагольствовать о «решительной борьбе», «революциях», но невозможно овладеть «искусством делать революцию».

Еще в период первой русской революции Ленин писал по этому поводу: «Ни одна социалистическая партия в мире не могла вырвать массы из-под влияния базирующихся на обывательской психике либеральных или радикальных буржуазных партий без некоторого толчка, без некоторого сопротивления, без риска *первого* опыта...»³

И в период второй революции в России, выступая, как отмечалось в предыдущем разделе, в целях развития и углубления революции за создание возможно более широкого единого блока

¹ Вспомним, например, упоминавшийся выше разбор Лениным абстрактной возможности легальной победы социалистической революции (с использованием не Советов, а Учредительного собрания) в России в 1917 году (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 259).

Для иных буржуазных «исследователей», оппортунистов и догматиков эта особенность ленинского мышления служит нередко поводом для «открытия» у него «противоречий» во взглядах на пути развития революции в России.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 135.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 281.

левых партий и организаций, большевики никогда не прятались за спины союзников, были готовы в любой момент, если это потребует обстановка, проявить решающую инициативу, пойти на риск, взять на себя главную ответственность за судьбы революции и страны. Напомним, что еще на I съезде Советов (июнь 1917 года) в ответ на утверждение меньшевика Церетели, будто в России нет партии, готовой взять на себя полноту государственной власти, В. И. Ленин твердо заявил: «...«есть!.. Наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»»¹. И далее он заявлял, что «политическая партия вообще — а партия передового класса в особенности — не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким полем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть»².

Напомним, далее, что в дни корниловского мятежа именно партия большевиков смело и решительно возглавила борьбу за его разгром, проявив себя как зрелый руководитель масс, блестяще владеющий не только искусством агитации и пропаганды, но и умением в исключительно сложной и опасной ситуации практически обеспечить успех массовой борьбы.

Возвращаясь к этому вопросу позже, имея за плечами опыт руководства первой победоносной пролетарской революцией, Ленин писал в мае 1919 года по поводу запугивания Каутским революционеров опасностью участия в гражданской войне: «...чего же стоят «революционеры», которые пугают начавшуюся революцию тем, что она может потерпеть поражение? Не бывало, нет, не будет и не может быть таких революций, которые не рисковали бы поражением»³. На то же указывал и Ф. Энгельс, когда писал, что «в революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы... Бесспорно, во всякой борьбе тот, кто поднимает перчатку, рискует быть побежденным, но разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча?»⁴.

В свете революционных завоеваний XX века, а также горьких неудач, временно постигавших и постигающих отдельные отряды рабочего движения, эти слова звучат, как никогда, остро, современно. Известно, что в февральские дни 1948 года чехословацкие коммунисты, стремясь защитить завоевания первого этапа революции от происков реакции и добиться перехода к непосредственно социалистическим преобразованиям, пошли на риск фронтального столкновения с буржуазией и одержали победу.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 267.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 290—291.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 366.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 80—81.

И сегодня решимость пойти «на риск первого опыта», который может открыть новые направления борьбы за победу, риск, разумеется взвешенный и подкрепленный силой партийной организации, конкретной мобилизацией масс, обеспечивает успех в руководстве революцией. Характерен в этом отношении один из важных эпизодов в развитии демократической революции в Португалии в сентябре 1974 года. Как известно, в конце сентября реакция, заручившись поддержкой президента Спинолы, рассчитывала нанести решающий удар по демократам и революционерам, прежде всего по компартии. Положение приняло весьма сложный, опасный характер особенно тогда, когда стало известно, что Спинола (в ночь на 28 сентября) фактически арестовал премьер-министра, командующего Оперативным континентальным командованием (ОКК), начальника генерального штаба и командующего одним из родов войск. В этой ситуации именно Коммунистическая партия взяла на себя инициативу в подавлении контрреволюции, а вместе с ней и «риск первого опыта», первого наиболее острого столкновения с реакцией после апрельского демократического переворота и одержала важную победу. Член Политической комиссии ЦК ПКП Антониу Диаш Лоуренсу так писал об этом эпизоде: «Перед партией встал вопрос: что делать? Организовать контрманифестацию там же, перед президентским дворцом Белем, т. е. пойти на прямую схватку с фашистами, или же предотвратить задуманный ими «марш на Лиссабон», подавив его в самом зародыше? Мы выбрали последнее. Трудящиеся организовали пикеты на дорогах, ведущих в столицу. Они осматривали машины и конфисковывали оружие, которое фашисты хотели тайно доставить в столицу. Необходимый контроль был организован работниками железнодорожного и автомобильного транспорта. Профсоюз железнодорожников принял решение не соглашаться ни на какие просьбы или распоряжения о формировании специальных составов. Некоторые профсоюзы проводили свои «общие собрания» и «пикники» на перекрестках улиц и дорог. Строились баррикады. Вместе с трудящимися в те решающие часы были и воинские части Оперативного континентального командования (ОКК) — боевого отряда «Движения вооруженных сил»¹.

Отмеченная выше особенность искусства руководства революцией, если взглянуть на нее шире, утверждает большую роль при осуществлении революции смелого творческого поиска наиболее правильного, оптимального решения проблем, возникающих в ходе классовой борьбы. Это, как показал опыт революций в России, имеет огромное значение не только в период их подготовки и проведения, но и на этапе закрепления политической победы пролетариата. Достаточно напомнить здесь такую смелую, несомненно рискованную, но полностью оправдавшую себя

¹ Проблемы мира и социализма, 1974, № 12, с. 58.

акцию, о которой уже отчасти шла речь,— заключение Брестского мира.

Значение таких смелых, творческих действий Ленина и руководимой им партии по-своему признают и отмечают и буржуазные исследователи. Еще в 1917 году, говорится, например, в книге преподавателя истории Калифорнийского университета П. Кенеза «Гражданская война в Южной России», Ленин и его сторонники проявили себя «крайне талантливыми революционерами», умеющими «извлекать пользу из расширявшейся анархии»¹. Большевицское, ленинское руководство в годы гражданской войны Кенез оценивает как «энергичное и гибкое»².

Из сказанного следует, таким образом, что революция — это не только исторический процесс, протекающий по основным законам, общим в своей сути для всех стран и народов, находящихся на однотипной стадии развития. Она представляет такое напряженное столкновение противоборствующих сил, которое захватывает его участников целиком, со всеми их чувствами и эмоциями, превращая, следовательно, последние тоже в составную часть и в фактор революции (тем более, если речь идет об исторически крупных личностях, вождах, организаторах, активных функционерах партии). Ибо и они в определенных случаях могут оказаться той «случайностью», которая нередко играет роль «последней капли», роль последнего — и в этом смысле решающего — усилия, брошенного на «чашу весов» революции. Именно из такого представления о революции вытекает и марксистско-ленинское требование развивать у каждого члена партии инициативу, активность, сознание значимости усилий каждого для победы революции.

Об этом хорошо сказала на V конгрессе Коминтерна Клара Цеткин: «Массы и партия составляют нераздельное целое в качестве действенного субъективного фактора революции. Мы должны пропитать каждого члена партии, каждого отдельного пролетария сознанием того, что если он со всей своей волей и действиями является лишь единой каплей в море целого, то он может оказаться той последней каплей, которая переполнит чашу массовой революционной воли к борьбе»³.

Ленин и большевики придавали большое значение тщательному изучению и учету состояния и эволюции социальной психологии, в частности настроений масс, что составляет еще одну важнейшую черту или особенность искусства руководства революцией, к раскрытию которой мы переходим.

В. И. Ленин учил, что для овладения «безошибочным искусством делать революцию» необходимо знать и учитывать психологию масс (причем не только передовой части), их настрое-

¹ Kenez P. Op. cit., p. 133.

² Ibid., p. 134.

³ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, ч. I. М. — Л., 1925, с. 325.

ния, а также — что особенно важно — способность партии видеть глубинные (а не на поверхности лежащие) тенденции развития этих настроений, не пассивно приспосабливаться к ним, а уметь воздействовать на их эволюцию в нужном направлении¹. Последним обстоятельством ленинский подход решительно отличается от взглядов, проповедовавшихся в партии накануне Октября Каменевым и Зиновьевым, которые для обоснования своей капитулянтской позиции тоже как будто апеллировали к «настроениям» масс. По этому поводу Ленин писал, что «они марксистский критерий движения подменяют интеллигентским-импрессионистским, на место политического учета развития классовой борьбы и хода событий во всей стране в целом, в международной обстановке в целом ставят субъективные впечатления о настроении; о том, что твердая линия партии, ее непреклонная решимость *тоже* есть *фактор* настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты, об этом, конечно, «кстати» забывают»².

В. И. Ленин рассматривал социально-психологическое состояние масс, особенно рабочих, накануне революции как один из важнейших факторов, способных повлиять на ее исход; нередко настроения масс, их роль в победе революции, в захвате власти он рассматривает наравне с такими социально-политическими величинами, как позиция армии, провинции, деревни³.

О том значении, которое Ленин придавал этому фактору, говорят его характерные рассуждения в работе «Письмо к товарищам». Так, анализируя историю развития российской революции после Февраля 1917 года и отмечая сильное «стихийное возбуждение» трудящихся во время массовых выступлений 20—21 апреля (которое партия тогда, по мнению Ленина, не улавливала), 9 июня и 3 июля (тогда партия сдерживала массы и оформляла эти выступления в мирную демонстрацию), Ленин писал: «Для восстания нужно не это, а сознательная, твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца, это — с одной стороны. А с другой стороны, нужно сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые *чувствуют*, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что «повлиять» никак не повлияешь, что голодные «разнесут все, разможат все даже по-

¹ Уже в ходе первой русской революции партия большевиков сумела добиться в этом отношении больших успехов, о чем по-своему свидетельствует отрывок из одного доклада департамента полиции о положении в РСДРП. В нем говорилось: «Из всех революционных организаций, существующих в России и за границей, единственная, которая не отстала от современного подъема в рабочих движениях, которая успела достаточно сплотиться и зафиксировать свои лозунги и связи, и теоретически и практически не отстать от всеобщего оживления, — это большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии» (Пролетарская революция. 1923, № 2, с. 441).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 411—412.

³ См. там же, с. 244.

анархически», *если* не сумеют руководить ими в решительном бое большевики.

Именно к этому сочетанию наученной опытом сосредоточенности сознательных и близкого к отчаянию настроения ненависти к локаутчикам и капиталистам у широчайших масс развитие революции привело на деле *и рабочих и крестьянство*¹.

Следует подчеркнуть, что не существует каких-то особых «приборов», улавливающих состояние и эволюцию настроений масс. Сделать это можно только одним способом — тесно соприкасаться с массами, быть в их гуще, бороться вместе с ними и за них. Именно поэтому накануне Октябрьской революции Ленин страстно призывал партию: «...мы должны всю нашу фракцию *двинуть на заводы и в казармы*: там ее место, там первая жизнь, там источник спасения революции... Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Советским, либо восстание. С середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, *мы правильно учтем момент для начала восстания*»².

Умение партии чутко улавливать глубинные настроения и чувства масс, способность предвидеть их эволюцию и активно влиять на нее лежат, кстати говоря, в основе ленинской уверенности накануне Октября в том, что большевики имеют необходимую для захвата и удержания государственной власти поддержку народного большинства.

Известно, что в канун Октябрьского восстания В. И. Ленин подверг уничтожающей критике взгляды тех горе-политиков, которые, «не считаясь ни капли с реальной обстановкой революции», отказывались признать образование революционного большинства, пока им не будут даны «наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровнохонько половину голосов плюс один голос». И далее он подчеркивал: «Таких гарантий история никогда и ни в одной революции не представляла и представить абсолютно не в состоянии»³.

В ленинском понимании большинство народа — это понятие прежде всего политическое, а не арифметическое. Большевики, не отказываясь в случае необходимости от самого активного участия в избирательных кампаниях, тщательно анализируя и принимая во внимание результаты голосований на выборах, в то же время учитывали, что никакой, даже самой активной избирательной кампанией нельзя обеспечить того надежного, стойкого революционного большинства, которое образуется при переходе рабочего класса к наступательным действиям в борьбе за власть. И эта истина немедленно подтвердилась, как только

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 413.

² Там же, с. 247.

³ Там же, с. 399.

VI съезд партии взял курс на вооруженное восстание. Решение съезда многократно увеличило эффективность революционной агитации, резко подняло число сторонников большевиков в народе, умножило их собственные ряды¹.

Родившееся таким образом революционное большинство было необходимо для успеха Октябрьского переворота. Оно сразу обеспечило новой власти надежную опору и выявило ее глубоко демократический, подлинно народный характер. Но оно тем более было необходимо для того, чтобы революционное государство могло удержаться в условиях, когда его классовые враги с удвоенной энергией развернули борьбу против рабоче-крестьянской власти.

Обобщая впоследствии, в декабре 1917 года, в связи с выборами в Учредительное собрание коренные вопросы пролетарской революции, Ленин с полным основанием писал: «Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, «учат» народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат должен сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже, на этой основе «последовательной» (иные говорят: «чистой») демократии, организовать социализм.

А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции: пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать *себе* государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся»². Так и поступил российский пролетариат в 1917 году. Поэтому, как мы видели, и к вопросу об Учредительном собрании он отнесся исходя не из формально-юридических норм буржуазного парламентаризма, а из действительных классовых интересов трудящихся.

Чтобы отнестись к революции как к искусству, учит далее ленинизм, необходимо, опираясь на все вышесказанное, выдвинуть правильные политические лозунги. Каждый из них, с одной стороны, должен, как отмечал Ленин, выводиться из всей совокупности особенностей определенного политического положения, а поскольку оно очень быстро меняется в революционное время, то, значит, надо быть готовым и к изменению реального содержания лозунгов, и к их временному снятию (как было в России с лозунгом «Вся власть Советам!»), и к их замене новыми. С другой стороны, эти лозунги должны быть понятны массам и звать их на борьбу. Классическим примером овладения большевиками и этой стороной революционного искусства здесь могут служить главные

¹ Ко дню Октябрьского восстания в партии насчитывалось 350 тыс. членов, из них 100 тыс. вступили в нее после VI съезда.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 11—12.

лозунги Октября: «Мир — народам!», «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!» В этих лозунгах ясно выражалась установка партии на революционный выход из войны, что было решающим звеном в цепи политических вопросов. Вместе с тем в них были воплощены не только общие интересы народа, но и специфические интересы рабочего класса и его главного союзника — крестьянства.

Следует обратить внимание и на то, что искусство руководства революцией, в данном случае искусство революционной агитации и пропаганды, состоит не только в том, чтобы выдвинуть правильный лозунг и добиваться его осуществления, но и в том, чтобы массы видели, признали партию, которая способна эти лозунги воплотить в жизнь.

Более того, одинаково важно как не допустить перехватывания лозунгов врагом или даже «неверным другом» (что случается и сегодня), так и смело заимствовать у других партий лозунги, за которыми идут массы и которые отвечают их интересам. В период Октября большевики, как мы уже отмечали, реализуя на практике идею союза с крестьянством, в основу закона о земле положили разработанную эсерами программу. Они сделали это, потому что большинство крестьянства шло на революцию ради этой программы, потому что гораздо важнее, как говорил Ленин, вопрос о том, из рук какой партии крестьянство получит землю, чем вопрос об авторстве аграрной программы.

Таким образом, одной из важных сторон революционного искусства, значение которой особенно возрастает непосредственно в период революции, является искусство агитации и пропаганды, умение дать правильный, мобилизующий массы лозунг, и этим видом искусства хорошо овладели большевики. Но и этим не исчерпывается искусство делать революцию, руководить ею.

Содержание последних (перед восстанием) статей и писем Ленина (в частности, его острая критика части руководства партии) ярко показывает, что, пожалуй, самое трудное в момент назревшего революционного взрыва — переход от науки и политических лозунгов к непосредственным действиям по завоеванию власти, иначе говоря, переход от слов к делу. В связи с этим важно подчеркнуть, что искусство революции состоит не просто в том, что принимается правильное решение в чутко уловленный момент и выдвигается соответствующий лозунг, но и в том, как оно практически подготавливается и проводится в жизнь. Организованное обеспечение успеха — вот альфа и омега искусства руководства революцией. Образец этого опять же дает деятельность В. И. Ленина, партия большевиков. Уже в середине сентября 1917 года Ленин в письме ЦК РСДРП(б) настойчиво подчеркивал: «...чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы... не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на са-

мые важные пункты, окружить Александрию, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*¹.

В этом отношении искусство революции, казалось бы, имеет много схожего с военным искусством. Однако следует иметь в виду, что это сходство ограничивается лишь тем, что в ходе революции в случае вооруженной борьбы также действует революционное войско. Условия же творчества полководца и революционера передко принципиальным образом различаются. Полководец имеет дело с организованной массой войск, выполняющих его приказы, что создает предпосылки для проявления его искусства ведения боя. Напротив, революционер имеет дело с политической армией революции, ее участники действуют не столько в силу приказа, сколько под влиянием моральных обязательств перед товарищами, вследствие и в меру осознания своих собственных интересов, под воздействием классового инстинкта, ненависти к врагу, в силу идейного влияния авангарда, увлеченности его энергией и примером самоотверженной борьбы, преданности делу народа.

Союзниками рабочего класса выступают в революции слои, которые также участвуют в революционном деле по доброй воле, и их невозможно использовать по своему усмотрению, как это делает полководец с резервами. По этим причинам революционер не может свободно маневрировать политической армией революции, руководствуясь подобно военачальнику лишь целесообразностью боя.

Немаловажное значение имеет и то, что «революционная война,— как говорил Ленин,— отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага...»².

И еще одно отличие: стихийные действия войска мешают проявиться искусству полководца, инициатива подразделений здесь строго ограничена рамками поставленной боевой задачи. Напротив, самостоятельность масс, их почин, творчество в нахождении и применении новых форм борьбы, могучий рост стихийного дви-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 247.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 33—34.

жения — таков исторический фон, на котором, собственно говоря, и раскрывается искусство революционера, его политической партии. Талант такой партии и ее вождей проявляется в умении встать во главе масс, увлечь их на решение задачи и всемерно содействовать развитию их революционной инициативы и, когда нужно, сдерживать революционный порыв, чтобы не поддаться на провокации врага, чтобы дожидаться момента, когда «плод» вполне созреет и можно будет, как это случилось в России, решительным ударом свергнуть правительство, взять власть в свои руки.

Все сказанное выше вплотную подводит нас еще к одному в известном смысле итоговому выводу из марксистско-ленинской концепции революции как творческого акта борющихся под руководством партии трудящихся. Речь идет о решающей роли собственного опыта масс для овладения «искусством делать революцию». Разве не потому партия большевиков смогла с таким успехом провести Октябрьскую революцию, что до этого она прошла богатейшую школу еще двух российских революций?

Действительно, нельзя научиться плавать, не бросившись в воду. Точно так же нельзя научиться искусству революции, не ввязавшись в бой. Лучшая школа овладения искусством революции, которую ничем нельзя заменить, — это приобретение собственного опыта борьбы в ходе самой революции, тем более потому, как мы уже отмечали, что именно в ходе борьбы творчество масс рождает такие формы, методы, инструменты борьбы, без которых немыслима победа, но которые трудно (если вообще возможно) предсказать чисто теоретически. Напротив, они сами становятся важнейшим стимулом развития марксистско-ленинской науки революции. Известна, например, ленинская оценка значения революционного опыта парижских коммунаров для развития стратегии и тактики рабочего движения и в целом теории марксизма, опыта, который заставил Маркса и Энгельса сделать, как писал Ленин, «существенную поправку к «Коммунистическому Манифесту»»¹. Речь, как известно, идет о сделанном ими выводе о необходимости слома буржуазной военно-бюрократической государственной машины и о том, что она должна быть заменена государством *типа* Парижской коммуны. О последнем выводе Ленин писал так: «Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы... организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии»»². И опыт дал нужный ответ. То же самое можно сказать и о таком важнейшем для победы Октябрьской революции инструменте, как Советы: их, как известно, никто не выдумывал и не мог предсказать заранее, они были рождены непосредственно

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 37.

² Там же, с. 40.

в процессе революционного творчества масс еще в годы первой русской революции.

В свете учения о решающей роли собственного опыта масс для овладения «искусством делать революцию» становятся ясными и истоки того исторического оптимизма, с которым классики марксизма-ленинизма относились к тем временным поражениям, которые терпел пролетариат в исторических схватках с буржуазией.

Хорошо известна ленинская оценка революции 1905—1907 годов как «генеральной репетиции» 1917 года. Эта оценка особенно знаменательна в связи с рассматриваемой темой. Партия рабочего класса не только может, но и должна отнестись даже к временному поражению в революции как к репетиции своей грядущей победы — именно понимание этого было совершенно чуждо как «героям» революционной фразы, так и оппортунистам! Заметим, что Ленин говорит о «генеральной репетиции», т. е. исключаящей какие-либо послабления в требованиях ко всем участникам революционной драмы.

Весьма показателен главный вывод, сделанный В. И. Лениным из уроков революции 1905—1907 годов в полемике с оппортунистами и маловеерами. Стоит напомнить его. «Не надо было браться за оружие» — так рассуждал Г. В. Плеханов. То была доктринерская логика: неуспех революции изображался как доказательство ее заведомой обреченности, а участие в ней — как абсолютное зло. Подход В. И. Ленина был принципиально иным. Он считал, что пролетариат должен был взяться за оружие, но сделал это недостаточно смело, умело и энергично. Иными словами, к числу причин неуспеха, выявленного в результате «генеральной репетиции», Ленин относил тот факт, что рабочему классу и его авангарду не хватило умения победить в революции, что массы еще не вполне овладели революционным искусством. Но именно потому, что иного пути к овладению этим искусством кроме как через непосредственное участие в революционной борьбе нет, Ленин всегда решительно осуждал морализирование задним числом, вроде меньшевистского «легко было предвидеть... не надо было браться...»¹. «Маркс,— писал Ленин (и это можно полностью отнести и к самому Ленину),— умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе»². Именно так отнеслись Маркс и Энгельс к героической попытке парижских коммунаров, «штурмовавших небо»; именно так относились Ленин и большевики к таким, например, событиям, как массовая манифестация 9 января 1905 года (в которой они видели безнадежное дело с точки зрения непосредственных ее целей, но приняли в ней участие, чтобы быть вместе с массами), июльское выступление трудящихся Петрограда в 1917 году.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 379.

² Там же.

Опыт трех российских революций учит, что извлечение правильных уроков из поражений служит важнейшей гарантией будущих побед. Характерны в этом отношении слова из выступления П. Тольятти (Эрколи) на VII конгрессе Коминтерна: «Мне хотелось бы сказать нашим испанским товарищам: мы аплодировали вам потому, что мы знаем, что ваши бойцы мужественно боролись на баррикадах. Но может быть, вы оказали бы лучшую услугу всем партиям Коминтерна и нашему конгрессу, вы, которые недавно стояли в огне гражданской войны, если бы вы подвергли суровой критике поведение ваших организаций в дни уличных боев. Вы, может быть, тогда пришли бы к выводу, что ваши организации не были на высоте учения Маркса и Ленина о восстании, не поняв, что речь идет не только о том, чтобы умереть героями на баррикадах, но и о том, чтобы в целом руководить борьбой масс, никогда не упускать инициативы и вырвать руководство из рук колеблющихся элементов, которые умеют только капитулировать при первых же трудностях. Если бы вы подвергли суровой критике ваши действия во время боев, вы во многом помогли бы товарищам других стран понять, как велики трудности превращения империалистической войны в войну гражданскую против буржуазии, как велики трудности выполнения задач, которые стоят перед коммунистической партией во время гражданской войны»¹.

Ленин призывал перенести центр тяжести «не столько на описание того, что мы пережили, сколько на те указания опыта, которые мы получаем и должны получать для нашей непосредственной практической деятельности»². Этим положением руководствуются братские партии. Так, например, болгарские коммунисты обстоятельно изучили причины поражения Сентябрьского восстания в 1923 году. «Были,— как отмечает член Политбюро ЦК БКП Ц. Драгойчева,— в частности, проанализированы и слабости военной работы — недостаточность усилий по привлечению армии на сторону восставшего народа; переоценка значения народного состава солдатских масс и строившийся на этом расчет, что они быстро перейдут на сторону восставших; не везде главный удар повстанческих отрядов был направлен на овладение казармами и т. д.

...Отрицательно сказалось на развитии событий и то, что некоторые отряды ограничивались оборонительными действиями, а оборона, как учит В. И. Ленин,— смерть восстания. Не было налажено необходимое взаимодействие между соседними революционными округами, отсутствовало партизанское движение, которое расстраивало бы тыл противника. Само восстание началось не одновременно во всей стране, что позволило фашистам один за

¹ Эрколи. О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны, с. 104.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 342.

другим разгромить повстанческие очаги»¹. Урок восстания 1923 года не прошел, как известно, даром, он помог БКП в сентябре 1944 года в проведении победоносного восстания.

И стратегически, и тактически для успеха деятельности марксистско-ленинской партии правильнее быть вместе с массами, когда сама жизнь побуждает их подняться на революционную борьбу (пусть и кажущуюся партии безнадежной в данный конкретно-исторический момент), чем, стоя в стороне от нее, давать хорошие советы, даже если эти советы впоследствии и подтверждаются. И ошибкой было бы тормозить искусственно, сдерживать открытые выступления масс, их инициативу, дожидаясь стечения каких-то «особо благоприятных», «безукоризненно надежных» шансов (речь, разумеется, идет об отношении к подлинно *массовой* борьбе, а не об авантюристических действиях мелких групп, выдающих себя за «архиреволюционные»). Этот ленинский вывод полностью сохраняет свою силу и актуальность в наши дни.

Практика показывает, что в тех случаях, когда массы и особенно партия не имеют достаточного собственного опыта участия в прямых, открытых боях с буржуазией, ее поражает опасная болезнь бездеятельности, пассивности, которую не может в этом случае преодолеть ни многочисленность партии, ни ее прошлые заслуги перед рабочим движением, ни хорошо поставленная чисто пропагандистская, просветительская работа и т. д. Характерные, негативные уроки дают в этом смысле, как известно, некоторые эпизоды из истории германского рабочего движения.

Глубокое суждение об этом высказала А. М. Коллонтай, разъясняя основные, внутренние причины молчания и бездеятельности рабочих масс Германии в исторические июльско-августовские дни 1914 года. «Чтобы рабочие массы, — писала она, — сумели не только разобраться в совершающихся политических событиях, но и активно на них реагировать, не дожидаясь пароля форштанда, для этого требуется привычка пролетариата к открытым выступлениям, вера в собственные силы, требуется то, что зовется «революционным опытом». Но именно этого опыта избегали в Германии. Партия уподоблялась педагогам старого закала: с одной стороны, развивала классовое мышление, но, с другой — всячески сдерживала, тормозила проявление революционной воли, массовой активности. Рабочих учили «в теории» признавать и познавать пользу и значение революционной борьбы, их головы обогащали историческими примерами, фактами... Но дать рабочим простор померяться силами с классовыми врагами, закалить свой дух, свою волю перипетиями, жертвами массовых выступлений, революционных схваток — этого «благоразумные» вожди-опекатели допускать не желали»².

Следует подчеркнуть, что ленинское отношение к собственному практическому опыту борьбы масс и партии как к решающему

¹ Проблемы мира и социализма, 1974, № 12, с. 41.

² Коллонтай А. М. Указ. соч., с. 155.

условию овладения искусством руководства революцией не имеет ничего общего с идеализацией этого опыта. Напротив, как неоднократно подчеркивал Ленин, умение партии признавать и извлекать уроки из сделанных ею ошибок — это один из важных показателей ее зрелости, степени овладения искусством руководства революцией. Известно, что сам Ленин не раз признавал и критиковал те или иные ошибки, допущенные партией, например, в связи с бойкотом виттевской думы (1906 год) или с отношением к участию в так называемом Демократическом совещании (сентябрь 1917 года). «Чем больше вдумываешься,— писал он,— в значение так называемого Демократического совещания, чем внимательнее всматриваешься в него со стороны,— а со стороны, говорят, виднее, тем тверже становится убеждение, что наша партия сделала ошибку, участвуя в нем. Надо было его бойкотировать. Скажут, пожалуй, какая польза разбирать такой вопрос. Прошлого не воротить. Но это возражение против тактики вчерашнего дня было бы явно несостоятельно. Мы всегда осуждали и как марксисты обязаны осуждать тактику живущего «со дня на день». Нам недостаточно минутных успехов. Нам недостаточно и вообще расчетов на минуту или на день. Мы должны постоянно проверять себя, *изучая* цепь политических событий в их целом, их причинной связи, их результатах. Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра»¹.

Следует учесть и такой момент, что в принципе возможности учиться искусству революции на собственном опыте тоже не безграничны и не исчерпываются полностью им. Прежде всего потому, что революция в конкретной стране — явление уникальное и в том смысле, что ее неоднократное повторение в течение жизни данного поколения (как случилось в России) — это скорее исключение, чем правило. И кроме того, вовсе не обязательно, что успеху революции должна предшествовать «репетиция», которая закончится неудачей. Но как быть, если сегодняшнее поколение не имеет опыта участия в революции? Какие существуют еще возможности для того, чтобы учиться искусству революции?

Конечно, для каждой партии богатейшей школой является ее непосредственный опыт в предреволюционный период. Но этот опыт, во-первых, не всегда учит «искусству делать революцию». К навыкам политической деятельности, приобретенным в условиях эволюционного развития, необходимо в период революции отнестись и творчески, и критически. Нередко политикам и партиям приходится во время революционной грозы переучиваться. Во-вторых, даже политический опыт, приобретенный массами в период революционной ситуации, не всегда достаточен, тем более если она не вылилась в революцию. Следует также иметь в виду, что даже в условиях, когда революционный класс благодаря креп-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 257.

кой организации способен реализовать возможность перехода от революционной ситуации к революции, пужный момент может быть упущен вследствие выжидательной позиции, позиции, особенно опасной в периоды назревающего штурма власти, неправильного решения руководства партии, способного в этом случае погубить революцию. И тем самым будет закрыт путь для приобретения массами необходимого опыта. В-третьих, было бы просто неразумно откладывать овладение какими-то первыми навыками искусства руководства революцией до тех пор, пока не разразится революция в собственной стране.

Величайшее богатство коммунистов — интернациональный опыт искусства руководства революционным движением, накопленный рабочим классом разных стран в ходе революций. В период трех российских революций партия большевиков была прекрасно осведомлена о революционной борьбе пролетариата других стран. Своеобразие России состояло в том, что единственной пролетарской революцией, на уроках которой могли учиться большевики в начале века, была Парижская коммуна, да и та не была победоносной. Но пожалуй, никто другой не сопоставлял столь детально уроки Коммуны с условиями своей страны, как Ленин. Вслед за Марксом и Энгельсом В. И. Ленин на основе опыта парижских коммунаров, опыта трех российских революций, и особенно Октябрьской революции, опыта пролетарских революций в других странах в эпоху империализма создавал и развивал подлинную науку об искусстве руководства революцией.

Характерно, что Ленин отнюдь не противопоставлял национальный опыт международному, а рассматривал их в неразрывном единстве. В дни поражения революции 1905—1907 годов Ленин писал: «Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее...»¹ Однако отнюдь не случайно летом 1917 года Ленин тщательнейшим образом рассматривает уроки Парижской коммуны в связи с нарастанием в России социалистической революции. Он показал, что российский пролетариат должен учиться на уроках не только собственной революции 1905—1907 годов, но и Парижской коммуны, чтобы избежать ее ошибок, выработать умение применить ее опыт к решению назревших задач с учетом специфики страны.

Проблему преемственности революционных традиций Ленин ставил и решал как важнейшую идейно-политическую задачу подготовки пролетарского авангарда, рабочего класса, широчайших масс к новым испытаниям. Он с горечью говорил, например, что реакция в Германии удалось вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848 года. В бережном сохранении и развитии революционных традиций Ле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 26.

нии видел одно из важнейших слагаемых искусства руководства революцией¹.

Таким образом, «переплавка» научных теоретических обобщений сложной социальной действительности в практически-политические лозунги, выдвигающиеся с учетом социальной психологии масс, умение от этих созвучных настроениям масс и вдохновляющих их на борьбу лозунгов перейти к тщательно подготовленным с организационной и технической точки зрения прямым политическим действиям по завоеванию власти, способность чутко и верно среагировать на различного рода «случайности» и «отклонения», неизбежно возникающие в ходе революции, готовность к полной самоотдаче в процессе революционного творчества, сохранение и умножение революционных традиций, изучение всего богатства интернационального опыта революционного движения и творческое применение его на практике и т. д. — все это и составляет основные слагаемые ленинского искусства руководства революцией. Оно было выработано, освоено и выстрадано партией в ходе трех величайших битв XX века, происходивших в России, проверено самым строгим судьей — первой в мире победоносной пролетарской революцией, прорвавшей цепь мирового империализма, указавшей всем народам основное направление их борьбы и некоторые существенные особенности их собственного недалекого будущего.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 24, 419, 454; т. 17, с. 27—34, 37—51, 370—390; т. 19, с. 416—424.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс показали, что капитал разрушает национальные границы, является силой международной, космополитической. Он создает единый мировой рынок, и «на смену старой местной и национальной замкнутости... приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга»¹. Сегодня, почти полтора века спустя, никто не может отрицать, что основоположники марксизма с высочайшей научной точностью определили эту генеральную тенденцию в развитии капиталистической системы. Ленинская теория империализма раскрыла специфические и принципиально важные проявления данной тенденции в условиях господства монополистического капитала. Исходя из анализа процесса интернационализации в эпоху империализма, В. И. Ленин определил цели и характер борьбы рабочего класса в новых условиях, что нашло отражение уже в первой Программе нашей партии, принятой на II съезде РСДРП. Она началась словами: «Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным»².

К мысли об интенсивном развитии и упрочении мировых связей, их непосредственном влиянии на революционно-социалистическую борьбу пролетариата Ленин возвращался не раз. Он, в частности, указывал: «Капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их».

Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты»³.

Ленинские слова звучат особенно актуально в современном мире, о котором справедливо говорят, что он «сократился», «уменьшился», стал «тесным миром». При этом имеют в виду небывало возросшую степень взаимозависимости всех событий и процессов, наполняющих общественную жизнь человечества. Дей-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428.

² Программы и Уставы КПСС. М., 1969, с. 19.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 43.

ствительно, интернационализация всех сфер этой жизни достигла сегодня уровня несравненно более высокого, чем когда-либо в прошлом. Поэтому любая капиталистическая страна, т. е. любая национальная арена революционной борьбы, как никогда, глубоко и прочно включена в систему региональных и мировых связей — экономических, политических, военных.

Понятно, что, чем «теснее» мир, тем выше значение международных факторов, воздействующих на возможности и перспективы революции. Сказав это, мы затронули тему, вызывающую острые идеологические столкновения. О современном значении международных факторов идут напряженные споры. Они идут и в рабочем движении, причем не в виде отвлеченных дискуссий, а в непосредственной связи с злободневными политическими проблемами. Одну из таких проблем ставит перед рабочим классом постоянная необходимость определения своих международных позиций и выбора союзников за пределами собственной страны. Иными словами, это проблема интернационализма. Остроту ей придает буквально каждое событие, захватывающее внимание мира, будь то очередное совещание государств, подписавших хельсинкский Заключительный акт, или решение НАТО, грозящее превратить Западную Европу в базу «першингов» и «крылатых ракет», будь то гражданская война в Сальвадоре или общественные перемены в Афганистане, взрывообразный подъем антивоенного движения в капиталистических странах или кризис в Польше. Тем важнее, думается, рассмотреть применительно к современности ленинскую концепцию интернационализма, опыт ее применения в российском и мировом революционном движении.

«Интернационализмом не кланется в наши дни только ленивый»¹, — заметил в апреле 1917 года В. И. Ленин, подчеркнув тем самым, что интернационализм превращается в пустой звук, если не выражает последовательно классовую политику пролетариата и его союзников в ключевых вопросах мирового развития, международной жизни. С учетом этого мы и попытаемся осветить некоторые важные аспекты современной борьбы за укрепление международной солидарности сил мира, всех сил мирового революционного процесса.

Интернационалистский подход к проблеме мира

Начнем с вопроса о войне и мире. Во-первых, потому, что, как было сказано в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС, нет «вопроса более существенного, более важного, чем сохранение мира...»². Во-вторых, потому, что возможности и перспективы перехода народов к социализму можно правильно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 169.

² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 5.

осмыслить, объективно оценить лишь в тесной связи с проблемами укрепления мира, которые в свою очередь не поддаются решению вне связи с соотношением классовых сил на мировой арене, с глобальным противоборством социализма и капитализма, революции и контрреволюции. В-третьих, потому, что в XX веке с выбора позиций именно в этом вопросе и началось в рабочем движении размежевание по проблемам пролетарского интернационализма.

Конечно, одного того обстоятельства, что проблема войны и мира существовала в прошлом и существует сейчас, отнюдь не достаточно, чтобы искать для нее решения по методу аналогий. Каждый раз эта проблема возникает по-иному, в зависимости от сложного взаимодействия экономических, социально-политических, общественно-психологических и многих других факторов. Международный рабочий класс постоянно уточняет свою концепцию мира, приводит свои взгляды и позиции в соответствие с конкретными требованиями времени. Сегодня весьма важно учитывать, какой истребительной мощью обладают накопленные запасы оружия, каким бременем на плечах народов лежит непрекращающаяся гонка вооружений, какие опасности она несет самой жизни человечества. Ни по количественным, ни по качественным параметрам нынешние арсеналы просто несравнимы с прошлыми.

По-своему беспрецедентной является и расстановка международных сил, включающая в себя, в частности, военно-политические противостояния США и СССР, блока НАТО и Организации Варшавского Договора. Приблизительное военное равновесие сочетается здесь с диаметральной противоположностью политических курсов. Советский Союз, другие страны социалистического содружества делают все возможное, чтобы положить конец гонке вооружений, сохранить разрядку, дать новые импульсы ее развитию. Представители воинствующих кругов НАТО, прежде всего Соединенных Штатов, напротив, громогласно объявляют добродетелью ужесточение курса в отношении СССР и его союзников, прибегают к различным формам вмешательства в дела социалистических государств, пускают в ход направленные против них «санкции».

В свое время Ленин настаивал на том, чтобы сознательный авангард рабочих, всемерно поддерживая и развивая требования масс, умел бы, однако, выдвигать и собственные лозунги, вытекающие из научного анализа обстановки¹. И это заставляет нас вернуться к страницам истории, внимательно приглядеться к тому, как формировались, чем определялись собственные позиции Ленина в вопросе о войне и мире.

Почему в канун первой мировой войны интернационалист Ленин не желал иметь ничего общего с лидерами II Интернационала,

¹ См., например, *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 26, с. 303.

с российскими меньшевиками? Потому что они искали идейные лазейки, открывающие возможность уклониться от противодействия надвигающейся войне, столкнувшись с классовым противником на почве защиты отечества. Оппортунисты не оставались слепыми к созданной империализмом угрозе мировой войны, подписывали антивоенные манифесты, выступали с протестами перед правительствами. Но когда грянула война, они скатились на позиции социал-шовинизма и открыто занялись поисками «теоретических аргументов» в оправдание империалистической бойни и взаимного уничтожения пролетариев воюющих стран. При этом оппортунисты не остановились перед кощунственным обращением... к Марксу и Энгельсу. Собственные характеристики империалистической войны как «оборонительной», «народной» они пытались подкрепить ссылками на высказывания основоположников марксизма, заведомо относившиеся к войнам другой эпохи, в частности к франко-прусской войне 1870—1871 годов, войне, тесно связанной с судьбой Парижской коммуны.

Почему интернационалист Ленин выступил с лозунгом «поражения своего правительства», когда мировая война началась? Потому что это была империалистическая война, которую буржуазия каждой участвующей в ней страны вела не в национальных, а в собственных, узкоклассовых, враждебных пролетариату интересах. Почему после Октября интернационалист Ленин стал «оборонцем», сторонником защиты отечества? Потому что речь шла теперь о защите классового государства рабочих и крестьян.

Как видим, ленинская линия сообразовывалась с реальными условиями международной жизни. Но считаться с особенностями обстановки можно по-разному. Со ссылкой на требования времени спешили обновить свою «философию мира» и представители правого крыла рабочего движения. Взять, скажем, оказавшегося среди них Г. В. Плеханова, который в 1915 году заявил, что «с переменой обстоятельств меняется и наша тактика», и сделал отсюда вывод: если социалисты «стояли до войны за сохранение мира, это не должно значить, чтобы они не могли теперь... принять участия в войне»¹. Курс лидеров II Интернационала превратился на деле в прямое пособничество буржуазии, добивавшейся укрепления своих позиций на путях милитаризма и войны. Ленинский курс на превращение войны империалистической в войну гражданскую сыграл огромную роль в разворачивании революционного процесса в России, который, кстати, впервые наглядно продемонстрировал неразрывную связь борьбы за мир с борьбой за социалистическое переустройство общества, последовательного интернационализма с антивоенным движением.

В. И. Ленин считал очень важным, особенно во время первой мировой войны, чтобы интернационалистская позиция рабочего класса России, его большевистской партии стала широко извест-

¹ Плеханов Г. В. Интернационализм и защита отечества. Пг., 1917, с. 6.

ной в международном рабочем движении. Весной 1916 года В. И. Ленин писал Русскому бюро ЦК и Петербургскому комитету РСДРП: «Интернационалистское поведение русских рабочих, нашей партии, несмотря на всю бездну лжи, распространяемой Мартовым и др. друзьями Чхеидзе за границей, становится известно в Европе все шире.

Значение борьбы против войны в Питере очень велико»¹.

Интернационализм большевиков всегда сочетался с подлинным патриотизмом. Вопрос этот не прост. Партия успешно решала его в теории и на практике, широко разъясняя свою позицию массам. Ленин глубоко развил марксистское положение о пролетарском, социалистическом понимании отечества. Он писал, что защита отечества в пролетарском понимании есть борьба «всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины...»². Наши критики пытаются доказать, что слова большевиков расходятся с их делами. Они говорят, что ленинская партия на весь мир критиковала свое отечество, а в годы первой мировой войны ее депутаты в Государственной думе выступили за поражение своей страны. В период Брестского мира «левые коммунисты» обвиняли Ленина в уступках немцам, в антипатриотизме. Это действовало на простого обывателя, да и не только на него. Мы знаем, что даже некоторые преданные делу революции коммунисты в период Брестского мира не понимали ленинской политики. Жизнь убедительно доказала, что большевистская партия, организуя массы на социальное освобождение, спасла Россию от национального позора превращения в полуколонию, создала условия для освобождения и расцвета всех наций СССР. Партия проявила себя как последовательно патриотическая сила.

Почему же при общем, казалось бы, внимании к специфике переживаемой в то время ситуации политика Ленина, с одной стороны, и политика правой социал-демократии — с другой, оказались полярно противоположными по смыслу, по результатам? Потому что оппортунистические лидеры рабочего движения замечали сдвиги лишь в межгосударственных отношениях, лишь во внешних структурах международной жизни. У Ленина же, как мы только что показали, на первом плане — классовый критерий, классовый подход, классовый угол зрения. Теория и практика ленинизма научили передовых представителей международного пролетариата видеть в проблеме войны и мира главное — ее классовое содержание. Научили их пониманию, что международная арена есть прежде всего поле столкновения, противоборства классовых интересов. Причем особенность нашего времени состоит в возрастающей поляризации представленных здесь классовых сил.

¹ Ленинский сборник XXXVIII, с. 181.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 108.

Начало этому процессу положила Октябрьская революция, которая расколола мир на две противоположные социальные системы. Она, отмечал Ленин, привела к такому положению, при котором «...все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта», а именно вокруг борьбы всемирной буржуазии против Советского государства и его естественных союзников, каковыми являются «движения передовых рабочих всех стран... все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей»¹.

Когда Ленин писал эти слова, социализм делал лишь первые шаги в одной стране. Ныне сложилась обширная международная семья социалистических государств, и все события мировой политики тем более оказываются в русле противоборства социализма и капитализма. Развитие этого интернационализированного конфликта труда и капитала, борьба и изменение соотношения втянутых в него сил определяют содержание и направленность основных тенденций современной международной жизни.

В. И. Ленин показал, что империализм придал капиталистической интернационализации качественно новые черты, связанные с внутренне присущим ему стремлением к экономическому и политическому разделу и переделу мира. Реальности несоциалистической части мира и в наши дни свидетельствуют, что выявленные в ленинском анализе содержание, направления и каналы империалистической экспансии сохраняются как суть и основа интернационализации в рамках современного капитализма. Вместе с тем жизнь внесла ряд существенных перемен в формы проявления этого процесса, в соотношение различных элементов, из которых он складывается.

Процесс интернационализации экономики капиталистического мира развивается ныне в многообразных формах. Это крупные региональные интеграционные комплексы типа Европейского экономического сообщества. Это небывалое по своим масштабам развитие международных корпораций. Это и углубление межнациональных хозяйственных связей на основе дву- и многосторонних соглашений, регулирующих взаимные торговые, финансовые, общеэкономические отношения. Таким образом, складывается единый комплекс интернациональных экономических взаимосвязей всего капиталистического мира.

Особую роль в этом процессе сыграла быстро возрастающая, особенно в послевоенные годы, концентрация финансово-производственных ресурсов в руках международных монополий. Опутав щупальцами десятки стран мира, они увеличивают свои прямые инвестиции в два-три раза быстрее, чем в национальных рамках большинства капиталистических государств. Общий ежегодный объем производства зарубежных предприятий 100 крупнейших промышленных монополий составляет ныне сумму около 500 млрд.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 163.

долларов. Это намного больше, чем весь экспорт стран капиталистического мира. Международные монополии обладают способностью в короткий срок мобилизовать 250—300 млрд. долларов свободных средств, что вдвое превышает валютные резервы капиталистического мира. Некоторые буржуазные исследователи высказывают мнение, что к середине следующего десятилетия на 300 крупнейших монополистических групп будет приходиться около $\frac{3}{4}$ промышленного производства капиталистического мира. Еще меньшим станет число центров принятия решения¹.

Огромная роль международных монополий в экономике мирового капитализма является характерным для нашего времени выражением таких коренных черт империализма, как монополизация производства, экономический раздел мира объединениями капиталистов, экспорт капитала. Ленин указывал на эти отличительные признаки империализма в сравнительно ранний период их формирования. Однако его анализ содержит принципиальные оценки и выводы, которые и сейчас полностью сохраняют значение. Он, в частности, позволяет понять тот чрезвычайно существенный момент, что монополии, именуемые транснациональными корпорациями, являющиеся международными лишь с точки зрения сферы их деятельности, простирающейся на несколько стран. Но за редкими и не меняющими сути дела исключениями они отнюдь не стали многонациональными, международными, если иметь в виду состав контролирующего их капитала. По национальной принадлежности это капитал одной страны, во многих случаях — Соединенных Штатов. Поэтому, хотя транснациональные корпорации значительно способствовали и способствуют интернационализации капиталистической экономики, углублению происходящих в ней интеграционных процессов, их деятельность одновременно означает и растущее подчинение этой экономики контролю основных центров империализма.

В свое время Ленин вел решительную борьбу против представлений об империализме как о политике («предпочитаемой» финансовым капиталом, по словам Каутского), а не как о ступени, стадии в развитии хозяйственной системы капитализма. Ленин неустанно подчеркивал, что главным, основным в империализме является его экономическая сущность, связанная с образованием и господством монополий². Политические характеристики империализма, очень важные сами по себе, остаются, однако, вторичными, производными по отношению к коренным особенностям его экономики. В наши дни научная глубина такого единственно правильного с марксистской точки зрения подхода к делу подтверждается особенно убедительно. Не политика, приспосабливающаяся к условиям времени и вынужденная идти на уступки революционным, освободительным силам, изыскивать для себя

¹ См. Проблемы мира и социализма, 1978, № 9, с. 52.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 406—420.

смягченные формы и гибкие методы, а именно экономика, представленная интеграционными процессами, расширением могущества межнациональных корпораций, неоколониализмом, — вот что все рельефнее выступает на первый план в качестве основного двигателя и главного рычага международной империалистической экспансии.

Вместе с тем все это, разумеется, вовсе не перечеркивает значения политики как сферы, в которой государственно-монополистический капитализм активно развивает, насаждает интернациональные формы защиты своих интересов, укрепления своего господства.

На протяжении последних десятилетий империалисты активно занимались созданием сети политических блоков, в которые оказались втянутыми более сорока стран Северной и Южной Америки, Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Австралия, Новая Зеландия. При этом четыре из пяти таких альянсов — НАТО, СЕНТО, СЕАТО и АНЗЮС — явились альянсами не только политического (как Организация американских государств), но и военного характера. Подобно ЕЭС в экономике НАТО стал наиболее выразительным примером международного объединения сил империализма в политике.

Известны попытки доказать, будто НАТО — блок, не имеющий агрессивного характера. Даже некоторые деятели, связанные с рабочим движением, как бы ставят порою в один ряд НАТО и Варшавский Договор. Но не видеть разницы между Варшавским Договором и НАТО может только тот, кто игнорирует связь НАТО, как и других блоков, организованных силами империализма, с его экспансионистской политикой, вытекающей из экономической сущности. Если НАТО, как порою говорят, — это «зонт», то предназначен ли он для того, чтобы «укрыть» народы от мнимой опасности с Востока? Нет, он «укрывает» империалистическую экспансию. А о его характере говорит тот факт, что за послевоенные годы страны, входящие в НАТО, совершили свыше ста агрессивных акций¹. В дополнение к блокам, сформированным на основе многосторонних соглашений, империалисты приложили немало усилий для создания системы двусторонних военно-политических союзов, закрепивших зависимость значительного числа развивающихся стран от ведущих капиталистических держав, главным образом США.

Происшедший в 70-х годах сдвиг от «холодной войны» к разрядке напряженности и такие связанные с этим прогрессивные изменения, как упрочение позиций реального социализма, подъем национально-освободительного движения, рост влияния компартий в странах капитала, — все это вызвало яростное сопротивление империалистической реакции. Она усмотрела в этих сдвигах угрозу своим агрессивным замыслам, планам усиления эксплуатации на-

¹ См. Новое время, 1979, № 14, с. 25.

родов, «правам» на вмешательство во внутренние дела суверенных государств.

С целью помешать устремлениям народных масс к социальному прогрессу и независимости империализм, и прежде всего империализм США, его военно-промышленный комплекс, встал на путь подрыва разрядки и обострения международной обстановки. На стыке 70—80-х годов обнаружился поворот политики Вашингтона к «холодной войне». В США была провозглашена новая военная программа, предусматривающая резкое увеличение гонки вооружений. В 1980/81 году американское правительство запланировало ассигновать на милитаристские цели свыше 170 млрд. долларов, или более 25 проц. всего бюджета страны. А в 1985 году на эти цели предусматривается израсходовать еще более крупную сумму — четверть триллиона долларов¹. Используя обветшалые антисоветские мифы о «руке Москвы», прибегая к самой низкопробной лжи и клевете в адрес советской внешней политики, ее подлинных целей, империалистические круги попытались беззастенчиво извратить смысл солидарности Советского Союза с борющимися народами Анголы, Эфиопии, Афганистана, других стран, приписать Советскому Союзу органически чуждые, противоестественные для социализма «экспансионистские» намерения.

На антисоветской, антисоциалистической основе правящие круги США стремятся объединить все силы международной реакции, милитаризма и агрессии, выступающие против разрядки, пустить в ход средства запугивания и «выкручивания рук», чтобы превратить в соучастников своих антисоветских акций другие государства мира, в первую очередь партнеров по НАТО и экономически зависимые от империализма развивающиеся страны. Они попытались также подорвать дружеские отношения между социалистическими и освободившимися странами, отколоть национально-освободительные и революционно-демократические движения от их наиболее верного и надежного союзника — Советского Союза, всего социалистического содружества и тем самым ослабить и выхолостить революционный потенциал этих движений и в конечном счете подавить их. Под эгидой США с конца 1980 года развернулась широкая антикоммунистическая кампания против Польши, направленная на то, чтобы обострить ситуацию в этой стране, стимулировать в ней силы, враждебные социализму, и таким путем повернуть вспять процесс социалистического строительства, ослабить интернационалистские связи ПНР с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

Было ли неожиданностью такое крутое отступление империализма от начавших набирать силу принципов разрядки международной напряженности?

Конечно, нет. Инынешняя политика империализма — логичное продолжение той внешнеполитической стратегии империализма,

¹ Newsweek, January 19, 1981, p. 30.

которая, начиная с интервенции против молодой Советской республики, на протяжении десятилетий неизменно строится вокруг попыток, надежд, планов военным путем разрешить конфликт противоположных социальных систем. Как подчеркивают марксисты-ленинцы, в основе всех акций империализма, предпринятых им на рубеже 70—80-х годов, лежат его упорное нежелание признать новые реальности в мире, попытки изменить в свою пользу сложившееся на мировой арене примерное равновесие сил, остановить ход истории.

Рост агрессивности империализма, конечно, омрачает перспективы мира в 80-х годах. Но с полным основанием можно также сказать, что никогда в прошлом человеческое общество не располагало таким потенциалом для устранения опасности войны, какой у него есть в наше время. Такова одна из характерных диалектических черт развития международных отношений в современную эпоху.

С первых лет существования Советской власти Ленин учил коммунистов понимать эту диалектику, учитывать ее в сложной, многотрудной борьбе за мир, за перестройку международных отношений на основах мирного сосуществования, не предаваться иллюзиям, но и не опускать руки перед лицом неминуемых попыток империалистов развязать войну. «Мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу»¹ — эти знаменитые ленинские слова остаются и ныне важнейшим политическим напутствием всем участникам мирового антивоенного фронта. Они предостерегают от пассивности, от возникающих в некоторых общественных кругах ощущений беззащитности, беспомощности перед лицом могучих сил, вовлеченных в мировую политику на межгосударственном уровне. Это предостережение тем более актуально, что в минувшее десятилетие среди части сторонников мира, в том числе и представляющих в некоторых капиталистических странах рабочее движение, получили распространение неверные, демобилизующие массы взгляды на возможности и перспективы укрепления мира. В чем это конкретно проявилось?

В 70-х годах, в условиях успехов разрядки, ленинская концепция мирного сосуществования двух систем завоевала популярность на всей планете: впервые в истории появилась реальная возможность перестроить всю систему международных отношений на началах, исключающих насилие, диктат, а главное — войну. Однако в определенных общественных кругах капиталистических стран эта возможность иной раз преподносилась и толковалась как некое благодушное пожелание мира, а не как объективная потребность разворачивания настойчивой, упорной борьбы против развязываемых империализмом сил войны. Между тем ленинская идея мирного сосуществования явилась результатом

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 88.

обобщения именно революционной практики, развитием именно революционной науки. Ленин показал, что сосуществование государств с различным общественным строем — объективная закономерность, которая, однако, проявляется в форме тенденции к упрочению мира не автоматически, а в зависимости от того, какой противовес социализм, международное пролетарское и демократическое движение смогут создать империализму и его агрессивной политике. Буржуазные правительства, писал он, способны согласиться на мир, «сколько-нибудь удовлетворяющий демократию и рабочий класс», только пройдя «обучение» рядом революций¹. Именно потому, что империализм прошел такое «обучение» и в результате силы социализма окрепли, стал возможен процесс перестройки системы международных отношений на основе принципов мирного сосуществования.

Рассмотрим теперь, каково соотношение между реализацией идеи мирного сосуществования и теми неизбежными сдвигами, которые несет с собой дальнейшее развитие классовой борьбы. Не заключено ли здесь непримиримое противоречие, которое может решиться либо ослаблением и свертыванием революционного движения, либо отказом от перестройки международных отношений на принципах мирного сосуществования (во имя активизации борьбы против империализма и власти монополий)?

Есть немало идеологов и политиков, стоящих на полярно противоположных позициях, но тем не менее одинаково настаивающих на том, что, мол, мирное сосуществование и революционная борьба несовместимы. В чем состоят взгляды тех, кто разделяет это мнение, и почему эти взгляды несостоятельны?

Традиционной для идеологов империализма стала точка зрения, в соответствии с которой мирное сосуществование трактуется как своего рода раздел мира и выдача гарантий на сохранение капитализма. Таково исходное положение, из которого вытекает линия рассуждений, состоящая в том, что-де подлинным подтверждением жизнеспособности и эффективности мирного сосуществования может быть только политическое отступление левых сил внутри капиталистических стран и свертывание прогрессивных, антиимпериалистических движений в зоне национально-освободительной борьбы. Всякое обострение классовой борьбы в современном буржуазном обществе, всякий сдвиг в пользу демократических, прогрессивных сил, вообще любые признаки нарастания кризисной ситуации в национальной жизни той или иной капиталистической страны — все это должно якобы рассматриваться как прямое нарушение межгосударственных договоренностей.

Порочность этой схемы не в том, что она устанавливает связь между мирным сосуществованием и революционным движением — такая связь действительно существует, — а в том, что она утверждает, будто классовая и политическая борьба в несоциалисти-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 303.

ческих странах организуется и направляется извне. Это означает, что в условиях обострения международного положения буржуазные идеологи пытаются пустить в ход новый вариант концепции «экспорта революции» с помощью выдумки о запланированной синхронизации мирных инициатив социализма с подъемом антиимпериалистической борьбы. Отметая эту нелепую выдумку, нельзя не видеть, что она определенным образом затрагивает более широкую и реально существующую проблему соотношения между внешней политикой, проводимой странами социализма, и их принципиальными позициями солидарности с революционными силами в странах капитала и зоне национально-освободительной борьбы.

Буржуазная идеология выработала две основные версии в трактовке этой проблемы. Одну из них мы назвали. Это концепция, изображающая социалистическую внешнюю политику как орудие «экспорта революции». Другая выглядит как бы зеркальным ее отражением и сводится к тезису о том, что государства социализма и руководящие ими коммунистические и рабочие партии, добиваясь улучшения международного климата, теряют интерес к успехам революционных движений и не проявляют прежней готовности активно их поддерживать. Ясно, что первая из этих концепций имеет целью дискредитировать разрядку. Вторая же рассчитана на то, чтобы внести раскол в революционные силы мира, посеять недоверие рабочего класса капиталистических стран к национально-освободительному движению к государствам социалистического содружества. Обе эти концепции родственны, даже едины по классовой сущности. Но каждая из них по-своему опровергает другую, и поэтому их одновременное присутствие в современных идейно-политических схемах буржуазии лишний раз подчеркивает несостоятельность исходной посылки, на которой обе они держатся, а именно представления о несовместимости политики мирного сосуществования с революционной борьбой.

Таковы в общих чертах позиции тех, кто защищает интересы буржуазии и стремится целиком подчинить им анализ и оценки изменений, происходящих на мировой арене, их связей с внутренними классово-политическими сдвигами в мире капитала.

Приходится вместе с тем констатировать, что соотношение между политикой мирного сосуществования и революционной борьбой рабочего класса, освободительных сил не всегда, на наш взгляд, верно оценивается и некоторыми участниками антиимпериалистического движения. Высказываются, например, мнения, что отход в 70-х годах капиталистических стран от политики «холодной войны» свидетельствовал о принципиальном сдвиге в политике империализма, о его якобы возрастающей общей уступчивости. В связи с этим раздавались даже голоса о «возможности» построения социализма... под «крышей НАТО». Ясно, что такие взгляды перекликаются с охарактеризованными выше концепциями самой буржуазии, в которых спад международной напряжен-

ности рассматривается как средство ослабления напряженности социальной.

Несостоятельность противопоставления интересов мира и революции выясняется обращением как к опыту истории, так и к сегодняшним реальностям.

Кто, например, возьмется утверждать, что Октябрьский прорыв в социализм заключал в себе какое-нибудь противоречие между этими интересами? Недаром Ленин буквально одной фразой подчеркивал двоякий смысл поворота, вызванного победой Октября, в ходе мировой истории: с одной стороны, от войны к миру, а с другой — от схваток между империалистами к победоносным битвам эксплуатируемых классов и народов против буржуазии, империалистического гнета¹.

Точно так же сегодняшняя действительность не дает никаких оснований для одномерных суждений, приписывающих внешней политике социалистического содружества пренебрежение интересами мира (когда эти оценки идут справа) или забвение интересов революционного движения (когда забирают сверх всякой меры «влево»). Достаточно непредвзятого взгляда на развертывающуюся картину международной жизни, чтобы обнаружить простую, хотя, может быть, и не всех устраивающую истину: внешняя политика Советского Союза и спаянных с ним братским единством других социалистических государств построена на постоянном сочетании и взаимодействии активного миролюбия и революционного интернационализма.

Подтверждая неуклонное стремление социалистического государства к миру, коммунисты в то же время не намерены позволить, чтобы их «задушили насмерть во имя мира»². Ныне заключенная в этих ленинских словах мысль сохраняет все свое значение как один из руководящих принципов международной политики социалистического содружества. Оно единодушно и категорически выступает против того, чтобы под предлогом сохранения мира народам отказывали в праве вести борьбу за национальную свободу, чтобы их лишали возможности самостоятельно выбирать для себя путь социального развития, чтобы множились чилийские трагедии, а революционные силы мира стояли бы от всего этого в стороне.

Коммунисты, все прогрессивные силы решительно разоблачают попытки политиков и идеологов империализма выдать за «действие международному терроризму» солидарность социалистических государств с борьбой народов за свободу, за революционную преобразование общества. На языке американской администрации, сказал в выступлении на XXVI съезде КПСС Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл, «любая борьба за национальное освобождение, за социализм, любые народные движе-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 78.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 152.

ния и борьба против империализма и реакционных военно-фашистских диктатур именуются «международным терроризмом»¹. Генеральный секретарь ЦК Сирийской компартии Х. Багдаш подчеркнул: «Клеветнические измышления, будто национально-освободительные движения — это «акты международного терроризма», за которыми скрывается «рука Москвы», не обманут ни один народ, не смогут остановить ход истории»².

Наши идеологические противники стремятся исказить реальную картину международной жизни, создать миф о «советской военной угрозе», переложить ответственность за происходящий с конца 70-х годов рост напряженности в мире на СССР и другие братские социалистические страны и под этим предлогом сколотить глобальный антисоветский, антикоммунистический альянс. Подобная тактика — «свалить с больной головы на здоровую» — не нова. К ней постоянно прибегали империалистические круги (а ныне это делается ими особенно изощренно и цинично), заинтересованные в гонке вооружений, в том, чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, скрыть от народов свои истинные цели. Но проблема не только в этом. Среди сторонников мира в капиталистических странах есть люди, которые склонны считать, что за нагнетание напряженности в равной мере ответственны «обе стороны». (Такая концепция охотно и умело поддерживается буржуазной пропагандой.) Что же, заблуждения возможны. Даже будучи искренним приверженцем мира, нетрудно, предупреждал Ленин, «потеряться в дебрях и в лабиринте дипломатических ухищрений, — в лабиринте, иногда даже искусственно создаваемом и запутываемом людьми, классами, партиями и группами, любящими или вынужденными в мутной воде ловить рыбу»³. Подобное возможно именно тогда, когда упускают из виду, что всякая государственная политика — и внутренняя, и внешняя — имеет корни в экономических интересах господствующих классов, когда предают забвению «положения, которые являются основой всего мирозерцания марксистов...»⁴.

Тот, кто не забывает об этом, кто судит о политике не на основе измышлений буржуазной пропаганды, не на основе отдельных умело подаваемых ею фактов, а на базе глубокого анализа тенденций, определяющих развитие и политику государств с различным общественным строем, тот не даст себя обмануть. И не даст себя убедить, будто ответственность за перебои в разрядке, за ухудшение мировой политической обстановки должна быть «поровну» разделена между державами и блоками, представляющими противоположные системы. Марксист-ленинец хорошо знает, что тяга империализма к вооруженной экспансии, милитаризму закономерна, она, как это показано в ленинском учении об импе-

¹ Приветствия XXVI съезду КПСС, с. 230.

² Там же, с. 226.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 328.

⁴ Там же, с. 327.

реализме, рождается в недрах капиталистического общества в условиях господства монополий. И если социализму мирная политика присуща органически, то капитализму, всегда таящему в себе опасность войны, мир ныне навязывается социалистическими, революционными и демократическими силами. Нелепо поэтому судить о политике обеих сторон, прикладывая к ней лишь мерки международного права и чуть ли не дипломатического протокола.

Но дело не только в этом. Важно подчеркнуть и другое: пропихивая в рабочее движение, указанные взгляды дезориентируют его, затемняют классовое сознание трудящихся, ослабляют их борьбу за мир.

Научный социализм предполагает единство теории и практики. А это среди прочего требует умения быть реалистами в делах текущей политики. Коммунисты сознают, что с существованием военно-политических блоков приходится так или иначе считаться, что помимо и вне этих блоков не могут в современных условиях решаться многие узловые международные вопросы, проблемы разоружения, судьбы разрядки. Но тот же реализм позволяет видеть и принципиально различную роль, которую в рамках «политики блоков» играют империализм и социализм, США и СССР, буржуазный национализм и интернационализм, диалектика национальных и интернациональных отношений.

Для коммунистов, всех трудовых масс планеты очевидно, что надежное обеспечение мира, разрядки может стать лишь результатом упорной политической борьбы, неустанных усилий всей миролюбивой общественности по обузданию и изоляции вопиющих кругов империализма. Страны социалистического содружества, марксистско-ленинские партии, прогрессивные силы мира дают достойный отпор попыткам империализма вернуть человечество к временам «холодной войны».

XXVI съезд КПСС вновь подчеркнул решимость СССР в единстве с братскими социалистическими государствами отстоять разрядку как доминирующую тенденцию международной жизни. Это не просто декларация о намерениях. Это и выдвинутые съездом конкретные инициативы, открывающие широкие возможности решения наиболее волнующих мир проблем.

XXVI съезд нашей партии поставил в число первоочередных целей развертывание многогранной деятельности в интересах радикального оздоровления международной обстановки, углубления отношений доверия между государствами различных социальных систем, ослабления и последующего прекращения гонки вооружений. Расширить зоны действия мер, предупреждающих возникновение очагов военной напряженности, продолжить переговоры об ограничении и сокращении стратегических вооружений с США с сохранением всего того положительного, что уже было достигнуто в этой области, установить мораторий на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран

НАТО и СССР, созвать специальное заседание Совета Безопасности ООН с участием высших руководителей государств-членов Совета, чтобы поискать ключи к оздоровлению международной обстановки, недопущению войны,— таковы конкретные задачи, внесенные съездом в повестку дня мировой политики. «Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств,— говорилось в Отчетном докладе съезду,— а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день»¹.

Внешнеполитические идеи, инициативы и предложения XXVI съезда КПСС представляют собой органическое продолжение Программы мира, выдвинутой XXIV и развитой XXV съездом КПСС, новый этап в развитии международной стратегии нашей партии и Советского государства. Это ленинская стратегия, сочетающая в себе заботу о мире и безопасности всех народов с курсом на активное содействие социальному прогрессу человечества, последовательное миролюбие с твердым отпором агрессии, активную защиту мира с поддержкой борьбы народов за демократию и социализм.

Таким образом, если империализм вступил в 80-е годы с программами усиления гонки вооружений, с угрозами и экспансионистскими намерениями, то социализм предлагает народам на предстоящее десятилетие целую систему конкретных мероприятий по упрочению мира, стимулированию процесса разрядки, разоружению. Если империалисты вновь прибегают к «политике большой дубинки» в отношениях с национально-освободительными революционными движениями, предпринимают авантюристические шаги с целью свержения прогрессивных режимов, ликвидации завоеваний народов, строящих новый общественный строй, то Советский Союз и другие страны социалистического содружества делают все возможное для содействия борьбе народов за национальное освобождение и социальный прогресс, стремятся обеспечить благоприятные условия для беспрепятственного проведения социально-политических преобразований в развивающихся странах, для строительства социализма и коммунизма.

Исходя из этого, марксистско-ленинские партии разрабатывают политическую стратегию, учитывая конкретный, но обязательно классовый, интернационалистский подход к тем или иным событиям и в полном соответствии с научной методологией исторического анализа связей между миром и революцией. Замечательные образцы такого подхода оставлены Лениным, который умел и осветить путь к победе социалистической революции в условиях полыхавшей войны, и показать, что в иной обстановке, созданной торжеством Октября, мир становится верным союзником революционных, демократических сил. Сегодня ленинизм остается поистине сокровищницей идей, указывающих единственно верное

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.

сочетание революционной борьбы с борьбой за мир, направляющих эту борьбу к достижению двуединой цели — «избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн»¹.

Как же на основе интернационалистского подхода решаются ключевые вопросы, относящиеся к сложнейшей проблематике, рождаемой диалектическими взаимосвязями мира и революции?

Первое. Марксисты-ленинцы рассматривают проблему мира как проблему, решаемую в ходе классовой, революционной борьбы. Настаивая на реальном обеспечении национальной независимости, а следовательно, и свободы социального выбора для каждой страны, каждого народа, марксисты-ленинцы определяют тем самым свое понимание разрядки как процесса, никоим образом не сковывающего динамику мирового революционного развития.

Второе. Марксисты-ленинцы исходят из того, что нормализация международной политической обстановки — это проблема, которая решается не только непосредственно в сфере отношений между государствами противоположных общественных систем, но и в классовой, антимонополистической, антиимпериалистической борьбе в странах капитала, в зоне национально-освободительных движений.

Третье. Борьба за мир рассматривается коммунистическими и рабочими партиями как неотъемлемая часть революционной стратегии рабочего класса. В противоположность буржуазным идеологам, оппортунистам справа и «слева», которые так или иначе представляют разрядку в виде антитезы революционного движения, коммунисты видят в борьбе за мирную перестройку международных отношений фактор, благоприятствующий укреплению политических позиций рабочего класса, всех демократических, антиимпериалистических сил в национальном и интернациональном масштабах.

Партии революционного рабочего движения, считая для себя обязательным твердо стоять на позициях, вытекающих из научного, классового понимания проблем мировой политики, не отказываются от сотрудничества с представителями других социальных слоев и политических сил в общих интересах оздоровления международной жизни. Они хорошо понимают, например, что для дела мира совсем не плохо, когда в обстановке возросших международных сложностей высшие государственные деятели некоторых стран капитала присоединяются к руководителям социалистических стран в признании необходимости, возможности и полезности разрядки. Ленин, руководя пролетарским государством, постоянно обращал внимание на то, что революционная партия, облеченная государственной властью, должна уметь устанавливать и развивать контакты с пацифистски настроенным крылом буржуазии. Вождь большевиков, которого его противники столько раз причисляли к «неисправимым сектантам», вел непримиримую

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 148.

борьбу с сектантскими представлениями горе-революционеров, не желавших признавать, что в буржуазном мире у социалистического государства могут найтись партнеры и для соглашений, и для сотрудничества.

Страны социализма, марксистско-ленинские партии стремятся максимально использовать все возможности для упрочения мира. В противоположность империализму, который сулит человечеству на 80-е годы возвращение к мрачным временам «холодной войны», они своей миролюбивой политикой открывают перед народами светлые перспективы укрепления мира, дальнейшего продвижения по пути социального прогресса. Решимость, с которой проводится эта политика, целеустремленность и последовательность антивоенных акций социалистического содружества вселяют оптимизм, укрепляют надежды народов на то, что вопреки активизации сил войны мир на земле может быть сохранен и упрочен.

К разработке концепции мира, политики мира коммунисты относятся с исключительной ответственностью. Они считают своей интернациональной обязанностью правильно ориентировать массовое антивоенное движение (а оно в наше время развернулось как никогда), разъяснять его участникам, что ход международной жизни подчиняется не «логике блоков», а логике классовых интересов и противоречий. «Философии мира», которая распределяет общественные и политические движения в зависимости от их отношения к державам и блокам и тем самым толкает к разобщению миролюбивых сил, они противопоставляют классовый анализ мирового развития с его выводами, указывающими путь интернационального сплочения этих сил независимо от их партийности, идеологии, национальной принадлежности и т. п.

Такой анализ с предельной четкостью выясняет, что военная угроза исходит ныне, как исходила и в предыдущие две мировые войны, от империализма и что основной силой международного фронта защиты мира ныне является социализм. Интернациональная солидарность в борьбе за мир может быть действенной лишь в том случае, если она строится на понимании этих двух истин. А действенной она должна быть обязательно, ибо классовый по сути вопрос о войне и мире стоит сегодня перед человечеством как вопрос жизни и смерти.

Интернациональное и национальное в борьбе за социальный прогресс

В. И. Ленин подчеркивал, что, «чем сильнее развивается революция, тем сильнее сплачивается буржуазия»¹. Эта формулировка Ленина имеет особенно большое значение сегодня. Мы отчетливо видим, как по мере роста социализма, укрепления социалистических стран и антиимпериалистических движений международный империализм все теснее консо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 118.

лидируется в борьбе против социализма и революционных движений. Эта борьба ведется в экономической, социальной, политической, военной, идеологической, культурной сферах. Империалистическую политику следует рассматривать именно как взаимосвязанную, глобальную стратегию, касающуюся самых различных сторон жизни общества.

Вместе с тем в наше время раздвигаются и социальные, и политические границы интернационального единства, сотрудничества революционных, демократических сил, причем возможности дальнейшего расширения состава этих сил еще далеко не исчерпаны. Очевидная причина, толкающая социально и политически неоднородные массы к такому сотрудничеству, состоит в наличии у них общего врага. Империализм как бы сам выступает организатором интернациональной солидарности противостоящих ему сил. Это обстоятельство очень важно. Но, учитывая его, нельзя, на наш взгляд, забывать и о другом. Если то или иное политическое движение, национальное или интернациональное, лишено классовой определенности, оно неизбежно окажется малодейственным и скорее всего недолговечным. Следовательно, задача укрепления и развития интернациональной солидарности, особенно в связи с тем, что под ее знамена становятся все более широкие народные силы, заключает в себе необходимость самого активного внесения в нее направляющего классового начала. На практике эта задача решается тем, что ведущую роль в объединенных рядах борцов против империализма, в создании союзов играет интернационально сплоченный рабочий класс, проникнутое духом интернационализма международное коммунистическое движение. А отсюда следует, что коммунисты, которые представляют авангард ведущего класса нашей эпохи, укрепляя свое интернациональное единство, тем самым создают необходимые условия и для прочих союзов со всеми партиями и движениями, готовыми участвовать в совместных действиях против империализма, против создаваемой им военной опасности, против его посягательств на суверенитет народов, на демократию, против империалистической политики в целом.

В свое время известный австромарксист Отто Бауэр, почувствовав, что нарастание революционных тенденций в развитии классовой борьбы подрывает позиции оппортунистического крыла социал-демократии, провозгласил: «Нас не удовлетворяет старый интернационализм!»¹ Как на это откликнулся Ленин? Он подчеркнул следующее: когда интернационализм рабочего класса, основанный на идеях и принципах Маркса и Энгельса, объявляют устаревшим и пытаются заменить некой иной, новой концепцией, то это в действительности оказывается не более чем проявлением уточненного национализма². Думается, что в этой полемике, от-

¹ *Bauer O. Die Nationalitätenfrage und die Socialdemokratie. Wien, 1907; S. 455.*

² *См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 386—387.*

носящейся почти к началу века, есть теоретико-методологическое содержание, не потерявшее значения и сегодня.

Поучителем и следующий исторический пример.

После Октябрьской революции К. Каутский поставил перед собой задачу — проложить особый, «средний» путь между интернационализмом коммунистов, передовых рабочих, всецело солидаризировавшихся с первым в мире социалистическим государством, и антисоветизмом социал-реформистов, открыто взявших сторону буржуазии.

Оставался ли он сторонником социализма? Да, по с совершенно ненаучной, антимарксистской оговоркой, что социализм должен явиться на «свет божий» сразу же в пленительном облике всеобщей сытости, культурности и легальности. Социалистический пример России его не устраивал. Однако, как подобает «центристу», он не отвергал его значения вообще, в целом, навсегда. Он даже занялся разработкой концепции, согласно которой революционные дела российского пролетариата могли бы, мол, заслужить и положительную оценку, но лишь в случае, если весь мировой процесс перехода к социализму будет «облагорожен» общеевропейской революцией. Такая революция, твердил Каутский, могла бы способствовать «устранению помех», возникших в России на пути «осуществления социалистического производства», она сделала бы нечувствительными «тяжести» и «потери», с которыми оказались сопряжены первые шаги социализма¹.

Взятые сами по себе, т. е. в качестве теоретических абстракций, эти рассуждения можно было бы воспринимать как вполне оправданные и разумные. Понятно, что для революционной России помощь от революционной Европы была бы очень кстати. Но дело-то в том, что Каутский писал все это не «просто так», а попрекая российский пролетариат, большевиков за то, что они пошли на революцию, не дождавшись ее победы в Западной Европе. За это он готов был вообще отлучить их от «подлинного социализма» и охотно влил свой голос в хор буржуазии и реформистов, сокрушавшихся по поводу насилия и разрухи, мук и страданий, сопровождавших рождение нового общества.

Ленин подверг уничтожающей критике эту «революционность» и этот «интернационализм» по-центристски, т. е. с оглядкой на власть имущих, на насаждаемые ими настроения и взгляды. Правые социал-демократы, писал Ленин, грубо и цинично становятся на сторону буржуазии. «Центристы» делают «то же самое, колеблясь, шатаясь, трусливо озираясь на тех, кто силен в данную минуту»².

Все это не случайно всплывает сегодня в памяти. Тени Каутского и прочих «центристов» то и дело появляются в политических кругах, связанных с рабочим движением. Возрождаются те же знакомые схемы, нынешние сторонники которых, во-первых, тре-

¹ *Kautsky K. Die Diktatur des Proletariats*, S. 28.

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 37, с. 303.

буют, чтобы существующий социализм был «улучшен», а во-вторых, заявляют, что социалистические преобразования пойдут, мол, более успешно, если с капитализмом будет покончено не там, где он относительно слаб, а там, где он особенно силен. Разберемся в сути этих тезисов.

Для буржуазии социализм неприемлем в принципе — и какой есть, и тем более «улучшенный», если речь действительно идет об обществе, которое отвечает таким основополагающим критериям, как обобществление основных средств производства и сосредоточение власти в руках трудящихся при ведущей роли рабочего класса. Для международного рабочего класса, наоборот, реальное существование социализма, каждое его завоевание представляют собой ценность высшего порядка. Такое восприятие социализма в его живой плоти и крови подсказывает людям труда по меньшей мере их социальный инстинкт, классовое чутье. Что же касается политического авангарда рабочего движения, то он руководствуется и осознанными классовыми интересами. А это предполагает понимание и того, что страны победившего социализма являются для революционных трудящихся масс незаменимым международным союзником, и того, что нелегкая борьба пролетариата капиталистического мира за новый общественный строй была бы еще труднее без их существования, без их опыта.

Конечно, ни в странах социалистического содружества, ни в рядах марксистско-ленинских партий, действующих за их пределами, никто не предается нелепым представлениям, будто реальный социализм является одновременно и социализмом идеальным, воплощением всех совершенств.

Но что отсюда следует? Что реальное социалистическое общество, не совпадающее с идеальным образом социализма, вообще должно быть «отменено», «закрыто»? Или что с его признанием и поддержкой надо повременить, пока оно не будет в точности соответствовать идеалу? В рядах революционного рабочего класса сама постановка таких вопросов не может не казаться нелепой. Ибо, как мы уже отмечали в иной связи, становление общественного социалистического строя, его совершенствование и приближение к идеалу (каковым, кстати, является коммунизм) — процесс длительный, полный проблем и трудностей. На позиции интернациональной поддержки этого процесса, посильного содействия его полнокровному и успешному развертыванию передовые рабочие мира прочно стоят с первых дней Октябрьской революции. Они, между прочим, сразу увидели, что дорога социализма не розами усыпана. Но, говорил в этой связи Ленин, «если мы делаем ошибки, промахи, если на нашем пути встречаются трения, то не это важно для них, им важен наш пример, вот что их объединяет; они говорят: мы пойдем вместе и победим, несмотря ни на что»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 278.

Противники ленинизма постоянно утверждают, будто, подчеркивая значение реального опыта свершившихся революций, он тем самым «навязывает» международному рабочему классу некий шаблон борьбы за социализм, единую «модель» социалистического строительства. Это, мол, была позиция самого Ленина, такой всегда была и остается-де позиция Москвы. Предоставим, однако, слово фактам.

Год 1919. События обернулись так, что части Красной Армии, двинувшиеся на помощь Венгерской революции, не смогли пробиться за пределы Галиции и Буковины. Но что они несли венгерским революционерам? «Советскую модель»? Вот основная часть текста радиотелеграммы, отправленной Лениным в Будапешт руководителю революции Бела Куну: «Совершенно несомненно, что голое подражание нашей русской тактике во всех подробностях при своеобразных условиях венгерской революции было бы ошибкой. От этой ошибки я должен предостеречь...»¹

Год 1937. Идет гражданская война в Испании. Выполняя свой интернациональный долг, советские коммунисты решительно становятся на сторону республиканцев, оказывают им посильную помощь. Для чего? Для того, чтобы «экспортировать» в Испанию «советскую модель»? Откроем книгу бывшего Генерального секретаря Компартии Испании С. Каррильо и прочитаем воспроизводимое в ней письмо, полученное тогда испанскими товарищами из Москвы, от советских руководителей. В письме есть оценки, соображения, советы, высказываемые без тени категоричности, предлагаемые лишь в качестве материала для раздумий. А вот основная мысль письма: «Испанская революция прокладывает пути, во многих отношениях отличные от путей, пройденных Россией. Это определяет различие предпосылок общественного, исторического и географического порядка, международного положения... Очень вероятно, что в Испании парламентский путь окажется более эффективным способом революционного развития, чем это было в России»².

Год 1946. На революционную дорогу, ведущую к социалистическим преобразованиям, вступили народы стран Центральной и Юго-Восточной Европы. СССР оказывает им всемерную поддержку. Чтобы и здесь утвердить «советскую модель»? Вот как излагал руководитель чехословацких коммунистов К. Готвальд существовавшее тогда на этот счет «мнение Москвы»: «Доказано на практике то, что теоретически предвидели классики марксизма, то есть что существует и иной путь к социализму, нежели через советский государственный строй»³.

Год 1981. В строительстве социализма накоплен уже большой международный опыт. Что же видит или хочет видеть в нем

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 217.

² Carrillo S. «Eurocomunismo» y Estado. Barcelona, 1977, p. 157.

³ Gottwald K. Spisy, t. XIII. Praha, 1957, s. 230—231; см. также Rudé Právo, 26. IX. 1946.

Москва — интернациональное распространение «советской модели»? Читаем в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии: процесс сближения социалистических государств «не стирает национальной специфики, исторических особенностей стран социализма. В разнообразии форм их общественной жизни, организации экономики следует видеть то, что есть в действительности: богатство путей и методов утверждения социалистического образа жизни»¹.

С «моделью», видимо, все ясно. Есть здесь, однако, другой аспект дела, связанный с тем, что многие революционеры, задумываясь о социалистическом будущем своих стран, подчеркивают намерение обойтись без деформаций, имевших место в истории становления социализма. Марксисты-ленинцы относятся к этому с пониманием, ибо, говоря словами Ленина, никому нельзя отказать в возможности «исполнить скромное желание — сделать Советскую власть лучше, чем у нас»².

Однако у иных теоретиков подобное желание выглядит не так уж скромно. Они просто перечеркивают опыт реального социализма, объявляют его исчерпанным, обещают подойти к строительству социализма совсем по-новому. Чтобы понять, чего стоит вся их аргументация, достаточно заняться одним присутствующим в ней и упомянутым нами выше тезисом — о необходимости «обновить» процесс всемирного перехода от капитализма к социализму, развернув его теперь в основных цитаделях капитализма. Казалось бы, тут и спорить не о чем. Кто же среди людей, преданных идее социализма, станет возражать против падения власти капитала в его главных мировых опорных пунктах, против социалистического преобразования общества в наиболее развитых странах капитализма? Но ведь не в этом дело.

Дело в том, что общественное, революционное развитие подчиняется объективным законам, что социалистический прорыв цен империалистического господства оказывается возможным лишь там, где образуется ее слабое звено. Острота внутренних противоречий в сочетании с определенным соотношением международных сил может в какой-то момент сделать таким «слабым звеном» любую высокоразвитую капиталистическую страну. В революционном движении всегда считалось необходимым и предвидеть такую возможность, и использовать ее, когда она возникнет. Но иметь эту возможность в виду, готовиться к ее использованию — одно, а ориентироваться на то, что «свет социализма вспыхнет только на Западе», — совсем другое. Это опять-таки вызывает перед глазами образ богатого инженера, «который, сверившись с дорожным расписанием, терпеливо ожидает прибытия в назначенный срок на станцию «Социальная революция»».

Буржуазные идеологи видят большой смысл в том, чтобы раз-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 10.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 162.

рабатывать и разносить по свету проекты «облагораживания» мирового революционного процесса. Ведь в основе подобных проектов лежит идея отмежевания от реального социализма и вытекающая из нее рекомендация трудящимся вести борьбу с империализмом один на один, без опоры на своих естественных международных союзников. Марксисты-ленинцы хорошо знают, что для революционного рабочего движения поддаться подобной иллюзии означало бы одно из двух: либо обречь себя на поражение и напрасные жертвы, либо оставить от своей борьбы только вывеску и свести свою политическую активность к поискам компромиссов с буржуазией, что и делает социал-демократия. Третьего не дано. Такова уж логика, неумолимо действующая в мире, все развитие которого несет на себе печать противоборства двух социальных систем. В этом мире любое ослабление интернациональной солидарности с социализмом так или иначе оборачивается укреплением позиций буржуазии.

Большевики всегда гордились тем, что они решают свои задачи с учетом интернациональных проблем мирового коммунистического и рабочего движения. В. И. Ленин учил, что партия, обособившаяся от мирового революционного движения и не использующая накопленный им опыт, не может иметь успеха в революции и строительстве социализма, что немыслимо решить национальные задачи в отрыве от задач интернациональных.

Это ленинское указание тем более актуально сегодня, что в результате процессов интернационализации складываются особого рода цепи империалистических международных связей, которые в буквальном смысле становятся оковами для революционных и освободительных движений отдельных стран. События, связанные с чилийской революцией, очень наглядно показывают опасность, которую таит для революционного движения включенность страны в систему мировых капиталистических связей, особенно экономическая зависимость. Политика экономической блокады и «дестабилизации», которую проводил империализм, опиралась, как подчеркивают чилийские коммунисты, на точное знание структуры экономики и ее ограниченных в силу традиционной зависимости возможностей. Когда тогдашний президент США Никсон сказал, что надо заставить завить чилийскую экономику, он не преувеличивал возможности империализма. С 1955 по 1970 год 37 проц. импорта страны приходилось на США, причем этот показатель доходил примерно до 50 проц. в сфере поставок капиталоемкого оборудования. Надо иметь при этом в виду и качественный характер импорта, принять во внимание, что товары, составлявшие предмет импорта, были во многих случаях трудно заменимы. Оборудование для предприятий медно-рудной промышленности более чем на 90 проц. импортировалось из США, 87 проц. импорта запасных частей для нефтяной промышленности также приходилось на США. Таким образом, США держали в своих руках ключи от главных кладовых страны. Остро ощуща-

лась зависимость и в области финансов. Практически все краткосрочные финансовые операции Чили были подчинены крупным американским банковским учреждениям. Долгосрочные кредиты здесь также получали в основном от США или международных кредитно-финансовых организаций, где эта страна пользуется особенно значительным, а во многих случаях и решающим влиянием¹.

Продуманные, спланированные акции государственных органов главных стран империализма слились с действиями экономических организаций и предпринимателей, вытекавшими как бы из самой логики функционирования капиталистической системы и психологии предпринимательства. Именно в этом смысле, а также имея в виду те факты, когда международные банки и другие организации не признавали, считая незаконными, операции, которые были связаны с вычетами из компенсаций монополиям за национализированное имущество, можно говорить о сознательном противодействии империализма революционному процессу в Чили.

Революционным силам любой страны необходимо считаться с тем, что всякий их крупный успех неизбежно вызовет подобную реакцию со стороны политического репрессивного аппарата империализма, равно как и со стороны международной хозяйственной системы, контролируемой монополиями. Но может быть, такая опасность грозит лишь относительно слаборазвитым и зависимым странам?

Итальянский журнал «Эуропео» в статье «Кто финансирует паралич?», посвященной забастовке владельцев автоцистерн, занимающихся перевозкой горючего, с тревогой писал: «Может ли случиться у нас в стране, чтобы забастовка профессиональной категории, насчитывающей всего несколько тысяч человек, такой, как владельцы автоцистерн, поставила на колени экономику, правительство, сами демократические институты? Может ли произойти у нас то, что произошло в Чили в трагическое лето 1973 года, когда там началась забастовка владельцев грузовиков?» И ответ был неутешительным. Дело в том, что после этой итальянской забастовки выяснилось: какие-то люди пытались уговорить владельцев автоцистерн, занимающихся перевозкой горючего и топлива, бастовать, обещая при этом возместить все убытки, если они примут обязательство продолжать забастовку (или, вернее, «прекращение работы», поскольку речь идет о предпринимателях) до победного конца. «Мы подтверждаем, что нам сделали подобное предложение. Оно исходило от лиц, не принадлежащих к числу владельцев автоцистерн, от лиц, которых мы не знаем, — сказал Филиппо Пичч, национальный секретарь федерации владельцев транспортных средств (ФИТА), входящей в национальную

¹ См. 1000 дней революции. Руководители КПЧ об уроках событий в Чили, с. 147.

конфедерацию ремесленников и насчитывающей около 28 тыс. владельцев транспортных средств. — Но мы не можем ничего доказать»¹. Здесь обнаруживается буквальное повторение тех методов, которые применялись в Чили. И все это в условиях, когда дело не дошло не только до глубоких социально-экономических преобразований, не только до действительно народной власти, а даже до вхождения коммунистов в коалиционное, состоящее из представителей разных политических течений, правительство!

Марксистско-ленинские партии полностью сознают и подчеркивают лежащую на них высокую ответственность за судьбы возглавляемого ими революционного движения. Эта ответственность требует от них, во-первых, трезвой оценки обстановки, соотношения сил, могущих повлиять на исход революционного обострения классовой борьбы; во-вторых, понимания, что обращение к решительным действиям с целью свержения власти капитала никогда не свободно от риска поражения и неизменно требует мужества, смелости; в-третьих, учета возможных международных последствий, и в частности того, что революция может вызвать вооруженную внешнюю интервенцию империализма.

Понятно, что во всех случаях приходится считаться с исключительно высоким уровнем интернационализации общественной жизни. Мы показали это на примере экономики. А что касается угрозы военного конфликта, который может развязать империалистическая интервенция, то нельзя сбрасывать со счетов потенциальную опасность его перерастания в широкое международное военное столкновение, не исключающее использования всех современных средств массового уничтожения.

Таковы реальности нынешнего времени. Закрывать на них глаза значило бы предаваться иллюзиям, пренебрегать степенью и характером их влияния на возможности и перспективы революционной борьбы.

Буржуазная и реформистская идеологии усиленно навязывают различные варианты своего решения данной проблемы, которые в конечном счете постоянно сводятся к утверждению, будто сложившаяся в современном мире система международных взаимозависимостей приобрела объективно «запретительный» для революции характер. Вывод этот обычно основывается на абсолютизации отдельных сторон сложного комплекса явлений и процессов, составляющих интернационализацию общественных проблем и связей. Например, факт принадлежности национальной экономики к мировой системе капиталистического хозяйства трактуется в том духе, что, мол, эта экономика вообще обречена на развал в случае изменения ее социальной основы. Подобным же образом вполне реалистическому предположению, что всякий революционный взрыв в национальных границах вызовет политическую реакцию на мировой арене, произвольно приписывается тот смысл,

¹ Europeo, 4. III. 1977.

что-де революция прямо и неизбежно подрывает международную стабильность, ведет к мировому термоядерному пожару.

Наряду с такого рода крайними взглядами, почти неприкрыто выражающими классовый страх буржуазии перед наступлением революционных сил, выдвигаются концепции, в которых вопрос ставится не столь резко и однозначно, но все же отдается солидная дань тезису об ограничении возможностей революции ввиду «уплотнения» современных мировых взаимозависимостей. Кое-кто в рядах международного рабочего движения проявляет иной раз склонность преувеличивать прочность оков, о которых шла речь.

Попробуем разобраться, действительно ли современные интернациональные связи могут рассматриваться лишь однозначно, как непреодолимое препятствие на пути развития революционной борьбы, и насколько все это обоснованно.

Обратимся к сфере экономики. Как мы видели на примере, связанном с Чили, хозяйственная система мирового капитализма со всеми ее огромными ресурсами и потенциями в критический момент готова вступить и действительно вступает в борьбу с революционными силами, угрожающими позициям и интересам буржуазии. Однако тот же международный капитал объективно революционизирует национальную обстановку своим присутствием, эксплуатацией, гнетом, которым он подвергает народы. В Чили форсированная империалистами дестабилизация национальной экономики посредством насильственного расстройтва ее связей с мировым рынком сыграла большую роль в поражении революции. Но сам подъем революционной борьбы в этой стране не в последнюю очередь был вызван тем обострением социальных противоречий, которому способствовало подчинение чилийской экономики иностранным монополиям, ее односторонняя ориентация на поставки сырья и обеспечение прибылей международному капиталу.

Практически вся Латинская Америка стала в наши дни ареной ожесточенного противоборства сил угнетения и сил национального освобождения, сил прогресса и сил реакции. В ряде стран континента приобретает все большие масштабы демократическое, антиимпериалистическое движение. В революционный процесс включаются новые социальные слои. Развертываются бои пролетариата, усиливается борьба широких народных масс за экономическую независимость и суверенитет, за прогрессивные преобразования. Под воздействием объективных и субъективных факторов в правящих кругах некоторых государств происходит переосмысление традиционной ориентации на США. Ныне уже не поодиночке, а все чаще широким фронтом латиноамериканские страны демонстрируют стремление к упрочению политической самостоятельности и экономической независимости. Одним из эффективных средств, способствующих достижению этой цели, стал переход под государственный контроль важнейших хозяйственных отраслей. Как показало решительное отклонение Организацией американ-

ских государств летом 1979 года, в разгар революции в Никарагуа, американской резолюции, позволяющей ввести в эту страну так называемые межамериканские экспедиционные силы, даже в ОАГ ныне складывается неблагоприятное для империализма США соотношение сил.

Если учесть наличие противоречий в самом империалистическом мире, в частности образование трех полюсов в его экономике — США, ЕЭС, Японии, противоречий, которые всячески пытаются сгладить разного рода соглашениями и регулированием, но которые на деле непреодолимы; если учесть, что, чем уже международная монополистическая верхушка, тем шире основание пирамиды, над которой она возвышается, — шире состав противостоящих международному империалистическому господству сил; если принять во внимание, что международные корпорации усилили и международную солидарность рабочих, занятых на предприятиях этих корпораций, или, можно сказать, новые направления в развитии солидарности, в забастовочном движении — поддержку рабочими одной страны бастующих рабочих предприятий той же монополии в другой стране и т. п., то станет ясно: и здесь мы наблюдаем, как и в пределах одной страны, диалектическую противоречивость воздействия современных экономических процессов на революционные силы.

Таким образом, буржуазная интернационализация экономики и политики не может рассматриваться односторонне, лишь в том плане, что она создает дополнительные преграды на пути борьбы за социализм в отдельных странах. На наш взгляд, буржуазная интернационализация экономики находится в стадии, когда она способствует сохранению и упрочению позиций капитала в той же мере, как и подрывает их. В тенденции, в конечном итоге экономическое обобществление работает, как известно, на социализм. Одновременно оно уже теперь углубляет социально-экономические и политические противоречия, способствуя тем самым расширению и упрочению национальной базы революционного движения.

Особая часть проблемы связана, разумеется, с ситуацией, которая возникает не в период подъема революционного движения, а после того, как оно добивается успехов, непосредственно приводящих к существенным или коренным переменам в классовой природе власти. Здесь встает вопрос о возможностях закрепления победы, одержанной на демократическом, а затем и на социалистическом этапах революции в условиях, когда страна опутана теснейшими экономическими и политическими цепями, привязывающими ее к мировому капитализму.

Разбирая этот вопрос, мы подчеркивали ранее, что для создания гарантий необратимости революционных завоеваний ключевое значение имеет способность власти трудящихся обеспечить коренную экономическую заинтересованность подавляющего боль-

шинства народа в ее сохранении и упрочении. В Чили это условие не было обеспечено, что и явилось одной из причин поражения революции. Как отмечают сами чилийские коммунисты, правительство Народного единства не смогло провести в жизнь экономические меры, необходимые для сплочения на его стороне всей трудовой и мелкобуржуазной массы населения. Контрреволюция использовала отсутствие у народной власти действенной программы экономической политики и эффективного экономического механизма, направленных на организацию сопротивления империалистической стратегии «дестабилизации».

В общем плане, следовательно, неизбежность трудностей, которые могут обрушиться на национальную экономику в результате расстройств ее внешних связей и всякого рода диверсий империализма, является основанием не для отказа от революции или ограничения ее целей, а для всесторонней подготовки экономической программы ее «второго дня» с учетом внешних факторов.

В этом случае экономические связи и взаимозависимости мирового капитализма опять-таки не могут рассматриваться односторонне, как контрреволюционный фактор. Буржуазия прибегает к разрыву этих связей с революционной страной, организует ее международную блокаду, но тем самым пускает в ход оружие, которое оборачивается против нее самой. Расстройство сложившихся интернациональных коммерческих и производственных связей в конце концов бьет и по интересам международного капитала. Мировой исторический опыт подтверждает, что экономическая блокада может быть лишь тактическим, относительно кратковременным маневром контрреволюции, но не годится в качестве ее долговременной, стратегической линии. Вспомним, что империализм, уповавший на удушение Советской власти посредством ее международной экономической изоляции, вынужден был отказаться от этого уже в начале 20-х годов. Ленин отмечал тогда: «Насчет блокады опыт показал, что неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует»¹.

Словом, опасности для только что установленной революционной власти, возникающие в результате нарушения международных связей национальной экономики, не абсолютны: возможности контрреволюции использовать в своих интересах «включенность» данной страны в интернациональный механизм капиталистической экономики ограничены объективно и поддаются дополнительному сокращению с помощью осуществления продуманной, соответствующим образом подготовленной и разработанной хозяйственной политики, способной обеспечить новому режиму поддержку большинства народа.

Внешнеполитический аспект проблемы связан прежде всего с опасностью военно-карательных акций империализма против

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 301.

революционной страны. Как указывалось выше, не может быть, разумеется, никаких гарантий, что международная реакция воздержится от вооруженной интервенции и что в случае такого агрессивного вторжения силы революции смогут его отразить. Но неверно было бы и обратное утверждение, т. е. что ответ империализма и на революцию непременно должен принять форму открытой вооруженной агрессии.

Мировой революционный опыт показывает, что империалисты далеко не всегда отваживались на попытки прямого подавления восставшего народа извне. Конечно, фактами остаются военное нашествие 14 держав на рожденную Октябрем Страну Советов, расправа империалистических карателей с Советской республикой в Венгрии в 1919 году, агрессия США против социалистического Вьетнама, серия организованных и поддерживаемых извне военных вторжений на революционную Кубу и др. Но список подобных акций империализма в целом гораздо короче, чем перечень стран, где победили социалистические революции, тем более если иметь в виду революции, потерпевшие поражение. Во всех случаях главным действующим лицом контрреволюции были силы местной буржуазии, национальной реакции, хотя, разумеется, они и опирались на симпатии и содействие международного империализма. Это верно, в частности, и по отношению к Чили, где фашистский путч, инспирированный и руководимый Соединенными Штатами, был все-таки осуществлен чилийскими военными заговорщиками. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что при оценке военно-политической угрозы для побеждающей революции преимущественное значение имеют внутринациональные, а не международные источники этой опасности.

В целом, следовательно, вполне обоснованно может быть сделан вывод, что цепи мировых связей, которые сегодня плотно опутывают общество любой капиталистической страны, нельзя рассматривать лишь как тяжелые вериги, тянущие революционное движение вниз, сковывающие его энергию и возможности. Многие аспекты интернационализации общественной жизни мира, в том числе некоторые важнейшие, и прежде всего укрепление международных позиций социализма, являются для этих движений источником новых сил и новых возможностей.

Но у этой проблемы есть другой аспект. Поскольку имеются, как мы видим, мощные факторы позитивного характера, то не означает ли это, что они становятся основными двигателями революции, оттесняют, так сказать, на второй план собственно национальные условия демократической, классовой борьбы? В более широком плане это вопрос о том, какие факторы в стратегий борьбы против капиталистической системы оказываются решающими.

Характеризуя в главе первой открытый Лениным закон неравномерности развития капитализма, мы уже, собственно, ответили на этот вопрос: в развитии борьбы за социализм националь-

ным условиям принадлежит первостепенная роль, что, разумеется, ни в коей мере не умаляет значения международных факторов революционного процесса. Марксизм-ленинизм выступает против прямолинейных антидиалектических представлений, будто возрастающая интернационализация жизни на нашей планете равносильна отеснению, подавлению национальных моментов в жизни современных обществ. Диалектическая сложность мирового развития в нашу эпоху, в частности, в том и состоит, что, приобретая все более ощутимое интернациональное содержание, оно одновременно выпячивает определенные черты национальной специфики. Другими словами, значение интернациональных факторов общественной практики растет не за счет приглушения факторов национальных, а параллельно и в переплетении, даже в своеобразной гонке с ними. В рамках мирового капитализма интернационализация сталкивается и не может не сталкиваться с сильно действующей контртенденцией, которая состоит не в стирании и не в устранении межнациональных различий, а в их усилении. Одного этого достаточно, чтобы не впадать, подобно многим буржуазным социологам, в недоумение по поводу того, что они называют взрывом национализма.

С позиций нашей революционной науки это вполне закономерное явление. Оно имеет свои объективные корни. И если бы мы вдруг взялись отрицать значение национального начала в мировом развитии, в строительстве социализма и коммунизма, в революционной борьбе, то мы бы сошли с научной почвы. Наоборот, значение этого начала растет точно так же, как и значение начала интернационального. А потому усложняется взаимосвязь обоих этих начал, многообразнее становятся формы их взаимовлияния, механизмы взаимодействия. В этой связи подчеркнем следующее.

Враждебная идеология часто приписывает марксистам-ленинцам стремление подгонять стратегию революционной борьбы под один шаблон, унифицировать ее во всемирном масштабе, без всякого учета особенностей национальной обстановки в каждой конкретной стране. Те, кто выступает с подобными утверждениями, очевидно, никогда не давали себе труда задуматься, какая принципиальная идея заключена в ленинском учении о неравномерности развития капитализма, о соответствующей неравномерности революционного процесса. Ведь главное здесь как раз и состоит в ориентации национальных отрядов мирового революционного движения на их самостоятельность, на развертывание их собственной инициативы, на то, чтобы овладеть теорией и опытом, которые в обстановке, всегда отличающейся местным своеобразием, позволяют схватывать и не упускать тот момент, когда кризисное расхождение экономики и политики открывает возможности прорыва еще одного национального звена в цепи мирового капитализма. Идея неравномерности революционного процесса — это и отражение объективной реальности, и самое

прочное обоснование принципа самостоятельности каждой коммунистической партии в борьбе за дело рабочего класса, социализма.

Существует, как известно, мнение, что, мол, преимущественное значение для революционной борьбы национальных факторов по сравнению с международными неизбежно ведет к ослаблению, а не к укреплению интернациональных контактов, связей, сотрудничества участников этой борьбы. В такого рода рассуждения особенно охотно пускаются буржуазные, реформистские идеологи, стараясь доказать, что партиям, составляющим международное коммунистическое движение, следует-де добиваться, чтобы оно строилось на принципах «плюрализма», «полной независимости». Да и в самом мировом движении коммунистов имеется хождение взгляды, сторонники которых делают повышенный акцент на «суверенитете», «неограниченной свободе» каждой партии. Какие это вызывает соображения?

С одной стороны, происходит вроде бы то, что в обиходе называется «ломиться в открытую дверь». Ведь, как мы видели, и теория и практика марксистско-ленинских партий всегда строились не просто на допущении и признании, а на обязательности самостоятельной, инициативной деятельности каждой из них. Но с другой стороны, как иной раз можно видеть, слишком ревностная защита никем не ущемляемого «суверенитета» партий явно ведет к их разобщению, обособлению, самоизоляции.

Тот же креп можно заметить в выдвигаемых порой концепциях, которые предлагают революционному движению в капиталистических странах ориентироваться на изменения национальной государственной политики своих стран в сторону ее «выключения» из системы международных экономических и политических связей и отношений, некоего «равного удаления» от основных классовых полюсов мирового общества.

На наш взгляд, независимо от субъективных намерений тех, кто предается подобным рассуждениям, в них прежде всего игнорируются некоторые объективные реальности.

Ныне, когда на трех континентах сложилась обширная международная семья социалистических государств, все события мировой политики тем более оказываются лежащими в русле мирового противоборства общественных систем социализма и капитализма. Никакие социально-политические процессы, сдвиги, происходящие в национальных границах отдельных стран, никакие общественные движения, идеологические течения объективно не могут не испытывать на себе воздействия данного интернационализированного классового конфликта. Это не значит, разумеется, что во всех случаях имеет место четкий и сознательный выбор, прямое и непосредственное присоединение к одной или другой стороне. Напротив, политическая жизнь, как известно, изобилует позициями и формулами, выражающими попытки их сторонников остаться нейтральными по отношению к основ-

ному антагонизму эпохи, найти для себя «особый путь» вне русла его мирового развития, отгородиться от него «национальной самобытностью». Подобные взгляды нередко даже делают политическую погоду в отдельных странах, но мировой политический климат определяется все-таки не ими, а противоборством двух социальных систем.

Допустимо ли, чтобы политические представители революционного рабочего класса той или иной страны ориентировались на независимость в смысле сохранения дистанции от центрального мирового классового конфликта эпохи? Для марксистов-ленинцев здесь вообще нет вопроса о выборе позиции. Этот выбор продиктован объективными условиями, самой жизнью, ибо остаться в стороне невозможно, а взять курс на ослабление единства и сотрудничества с классово родственными силами на мировой арене — значит пойти навстречу силам классово враждебным.

В самом широком плане, т. е. с учетом всего комплекса интернациональных связей межгосударственного и межпартийного характера, ставка на национальное обособление есть в наше время иллюзия. Международные контакты, отношения взаимной поддержки, сотрудничества, делового партнерства — от этого не уйти в век глубокой интернационализации мировой общественной жизни. Весь вопрос только в том, какое классовое содержание приобретают подобные международные связи каждой партии, страны.

Когда марксисты-ленинцы подчеркивают значение принципа пролетарского интернационализма, они имеют в виду прежде всего эту объективную обусловленность классового характера любых международных связей, а следовательно, и необходимость четкого определения собственной позиции в их общей системе. Вот как, излагая взгляды коммунистов Канады, выражает эту мысль У. Каштан: «В условиях, когда космополитизация капитала ведет к интернационализации классовой борьбы, когда последствия мирового кризиса капитализма принимают планетарный характер, когда внешнеполитические авантюры правительств тех или иных империалистических государств угрожают катастрофой глобального масштаба, в этих условиях становится все более очевидной историческая значимость международной солидарности трудящихся»¹.

Конечно, на практике каждый шаг, направленный к укреплению интернациональной солидарности трудящихся, единства коммунистических партий, равно как и любое выступление, наносящее ущерб этой солидарности и этому единству, возникает как результат политических решений, принимаемых с учетом реальной расстановки классовых сил на международной арене, т. е. в конечном счете соотношения социально-экономических интересов. Вот почему марксисты-ленинцы подчеркивают, что ни-

¹ Коммунистическое движение. Проблемы теории и практики, с. 388.

какие политические и удобные по условиям конъюнктуры заявления и акции той или иной партии революционного рабочего класса не могут быть оправданы, если они нарушают принцип пролетарской солидарности и тем самым объективно дают выигрыш классовому противнику.

Вопрос о роли классовых интересов в формировании политики международной солидарности трудящихся, революционных сил — вопрос ключевой. На это необходимо обратить внимание, потому что дело порой представляется так, будто эта солидарность является только или преимущественно следствием общности политических интересов.

Рассуждают таким образом: политическое единство национальных отрядов революционного, освободительного, антиимпериалистического движения диктуется необходимостью объединения сил, имеющих перед собой общего врага, стоящих перед лицом общих проблем, т. е. интернациональное сплочение монополистической буржуазии требует такого же интернационального единства демократических сил. Угрозы, исходящие от объединенной международной реакции, наиболее агрессивных, колониалистских сил империализма, вызывают необходимость противопоставить им в мировом масштабе солидарный фронт борьбы за мир, демократию, национальную свободу. Здесь, так сказать, формообразующим элементом интернациональной солидарности выступает наличие общего врага, который сам предстает как сила интернациональная.

Сама по себе такая постановка вопроса, естественно, не может вызвать никаких возражений. Она принята в марксистско-ленинской теории. Но ленинский подход к делу этим не ограничивался. Поясняя, в чем состоят объективные основы интернационалистических позиций рабочего класса, Ленин на первое место ставил тот факт, что «экономическое положение его (*Le salariat**) не национально, а интернационально...», и лишь затем отмечал, что «его классовый враг интернационален...»¹. А это очень важно. Ибо выводы, следующие из одного только наличия общего врага и не учитывающие главного момента — общности экономического положения и экономических интересов, при определенных условиях могут оказаться лишь ограниченно верными либо вовсе неверными.

Последнее именно и случилось, на наш взгляд, с концепцией «нового интернационализма». Ее авторы и сторонники предлагают заменить классово однородную солидарность широким фронтом интернационального сотрудничества с пестрым составом социальных и политических сил, готовых к совместным действиям против империализма и наиболее опасных проявлений его экспансии.

Не может быть, конечно, спора — такая широкая антиимпе-

* Система наемного труда.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 324.

реалистическая коалиция отвечает демократическим устремлениям масс, задачам и целям политической борьбы рабочего класса, трудящихся. Более того, она давно стала реальностью, например в виде всемирного антивоенного движения. Жизнь уже доказала ее огромное значение и для оздоровления международного политического климата, и для укрепления позиций и влияния демократических, левых сил в отдельных странах. Главный связующий фактор для широкого интернационального сотрудничества — общий враг, империализм. Как при таком положении может быть решена проблема жизнеспособности, прочности этого антиимпериалистического союза, его конечной социальной ориентации в мире, расколотом борьбой двух систем? А когда речь идет о внутренне социально разнородных движениях, такая проблема всегда встает с большой остротой.

Мы уже разбирали ее применительно к условиям, задачам и возможным перспективам формирования широких антимонополистических коалиций на национальной общественно-политической арене стран капитала. Тогда, как помнит читатель, было обращено внимание на то, что стратегия марксистов-ленинцев учитывает неизбежность перегруппировки сил в составе таких коалиций по мере развития и углубления революционной борьбы. Было подчеркнуто и то, что в движении против общего врага — горстки господствующих монополий — организующая и направляющая роль может объективно принадлежать только рабочему классу, который один лишь в этом движении в силу своих коренных экономических интересов способен быть до конца последовательным в борьбе за радикальные перемены в обществе. Теперь мы можем сказать, что такое положение выражает закономерность интернационального характера. И не только в том смысле, что оно так или иначе воспроизводится, повторяется в своих основных чертах в разных национальных условиях, но и в том, что оно определяет формирование и развитие мирового фронта антиимпериалистической солидарности.

Действительно, если взять, например, борьбу за мир, то можно сказать, что в составе ее участников представлены все классы и социальные слои, существующие в современном мировом обществе, вплоть до представителей крупной буржуазии, даже феодалов. Все они объединены осознанием общей опасности — мировой войны. Однако степень их единства несколько падает, когда от движения требуется уточнение его позиций и более четкое признание, что этим общим врагом является империализм. Но дело не останавливается и на этом, ибо борьба против военно-агрессивной политики империализма в своем последовательном развитии требует ориентации на устранение самих экономических корней этой политики, т. е. социальных основ экспансии и милитаризма в природе капиталистического общества в условиях господства монополий. Кто же из классовых участников антивоенного движения способен придать ему такую ориентацию, а

значит, и необходимую последовательность? Кто из них способен направлять борьбу за мир в русло эффективных, материально обеспеченных благодаря социалистическому содружеству действий и не допускать ее превращения в солидарность благонамеренных пацифистов, уповающих лишь на привлекательность своих представлений о разумном и добром? Ясно, что на эту роль годится только класс, который включен в борьбу за мир не одними политическими, но и экономическими интересами. А это в первую очередь рабочий класс.

За последнее время заметно усилилась деятельность коммунистов, направленная на развитие регионального сотрудничества. Она базируется на классовых принципах и активно благоприятствует борьбе за экономические и политические цели, во многом общие для стран того или иного региона. Однако в этой деятельности есть ряд моментов, в той или иной степени вытекающих из понятия «новый интернационализм», на которых нельзя не остановиться. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что нельзя региональную солидарность отрывать от международной пролетарской солидарности, а тем более противопоставлять ей. Это, безусловно, ослабляет международное коммунистическое движение, чего и добиваются наши идеологические противники. Далее, не соответствуют этим традициям, на наш взгляд, высказывания кое-кого в рядах международного рабочего движения о том, что они склонны отдать предпочтение в международном сотрудничестве не коммунистическим, а социалистическим, социал-демократическим и иным левым партиям, которые в настоящий момент пользуются большим влиянием в народе, чем коммунисты. Конечно, стремление к единству действий с социалистами и прогрессивными движениями на региональной или даже мировой арене естественно, ибо вообще силы освободительного движения в целом шире, численно больше, чем ряды коммунистов и их сторонников, и не искать с ними контакта было бы ошибкой. Но при этом, видимо, не следует забывать, что союз с этими партиями и движениями имеет определенные пределы. Совместно поддерживаемые и проводимые экономические и политические мероприятия на определенном этапе неминуемо упрутся в решение таких вопросов, которые потребуют от реформистских партий изменения своих позиций, а к этому, как показал опыт, реформисты отнюдь не склонны. Только коммунисты остаются до конца верными и последовательными борцами за классовые экономические и политические цели. Тем более неправилен и несправедлив проглядывающий в упомянутых высказываниях высокомерный подход к революционным отрядам, нередко работающим в более трудных условиях, а потому не имеющим пока достаточного влияния в массах. В традициях коммунистического движения всегда была и есть дружеская взаимная поддержка и помощь одних партий другим, их тесные контакты на равноправной основе.

«Новый интернационализм», призванный, по мысли его авторов, заменить интернационализм пролетарский, на деле может, по нашему мнению, оказаться основой не для расширения международной солидарности, не для повышения ее действенности, а, наоборот, для шатаний и в конечном счете ослабления монолитности мирового антиимпериалистического фронта. Поэтому верность марксистско-ленинских партий принципам пролетарского интернационализма есть для них не политическая догма, а результат научного понимания его глубинной экономической основы, его ведущей роли в мировом объединении освободительных, демократических, антиимпериалистических сил. Эта позиция четко выражена, например, А. Куньялом, который пишет: «В основе пролетарского интернационализма, взаимной поддержки и солидарности трудящихся всех стран лежит непримиримый антагонизм интересов пролетариата и буржуазии в каждой стране, общность интересов и целей трудящихся всех стран. В свою очередь единство и солидарность трудящихся, революционным выражением которых является единство международного коммунистического движения, — это главная и определяющая сила антиимпериалистической солидарности и единства, а также системы союзов с другими общественными и политическими кругами»¹.

Мы уже обращали внимание на то, что с расколом мира на две системы произошел принципиальный сдвиг в обогащении форм и возможностей пролетарского интернационализма, международного взаимодействия революционных, освободительных движений. Остановиться подробнее именно на этой форме солидарности необходимо и потому, что с ней связаны кардинальной важности перемены, вносящие новые элементы в политическую стратегию классового интернационализма, которой революционный пролетариат следует со времени создания Марксом и Энгельсом Международного Товарищества Рабочих.

Речь идет прежде всего о благоприятном для революционного движения изменении баланса мировых сил, что постоянно проявляется и ощущается в общеполитическом плане как позитивное воздействие на мировую обстановку самого факта существования Советского Союза, других стран социалистического содружества и их международной политики. Ясно вместе с тем, что сила и эффективность этого воздействия в огромной степени определяются наличием у них прочной основы в сфере экономики, неуклонным прогрессом хозяйственной системы социализма.

Вместе с тем развитие социалистического сектора в мировой экономике открыло перед революционным движением возможность использовать в своей борьбе новые по классовому содержанию международные экономические связи. Такая возможность реализуется в двух основных направлениях.

¹ Проблемы мира и социализма, 1977, № 12, с. 16.

Первое направление определяется тем, что экономика социализма является источником материально-технических средств и ресурсов, значение которых для революционной борьбы особенно возрастает в современных условиях, когда империализм, реакция, эксплуататорские классы располагают и огромным экономическим потенциалом, и богатейшим арсеналом оружия. Второе направление связано с тем, что экономика социализма позволяет внести качественные изменения в структуру внешних хозяйственных связей отдельных стран, изменить или ослабить характер их односторонней ориентации на капиталистические рынки и производственные комплексы международных монополий.

Марксистско-ленинские партии полностью учитывают эти новые положительные реальности международных условий, в которых разворачивается революционная борьба. Они подчеркивают вытекающую отсюда необходимость всемерного укрепления единства и сотрудничества со странами мирового социалистического содружества. На это их ориентирует и практический опыт, смысл, суть которого раскрывается, например, следующими словами Ф. Кастро: «Без постоянной, решительной и щедрой помощи советского народа наша родина не смогла бы выстоять в схватке с империализмом. Советская страна стала покупать наш сахар, когда Соединенные Штаты подло лишили нас своего рынка; советский народ стал поставлять нам сырье и топливо, которые мы не могли приобрести ни в какой другой стране; советский народ бесплатно предоставил нам оружие, которым мы сражались против наемников на Плайя-Хирон и которым мы оснастили наши Революционные Вооруженные Силы, чтобы заставить Соединенные Штаты дорогой ценой заплатить за любую прямую агрессию; советский народ оказал нам неоценимую экономическую помощь в тяжелые годы экономической блокады... Другие социалистические страны в меру своих возможностей также оказывали нам помощь наряду с советским народом»¹. Опираясь на многие исторические факты, Ф. Кастро делает широкое обобщение: «Мы безгранично доверяем Родине Ленина, потому что на протяжении более чем полувека после победы Революции она демонстрирует верность принципам и проводит последовательную международную политику. Она доказала это не только на Кубе, но и во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в португальских колониях, боровшихся за свою независимость, в Чили, на Кипре, в Йемене, Анголе и повсюду в мире, где национально-освободительное движение ведет борьбу против колониализма и империализма, доказала точно так же, как когда-то блестяще это сделала по отношению к героическому испанскому народу. Это неоспоримая правда, не допускающая никаких исключений, и никогда не будут иметь успеха любые клеветнические попытки отрицать объективные факты истории»².

¹ I съезд Коммунистической партии Кубы, с. 51—52.

² Там же, с. 52.

Слова Ф. Кастро можно было бы дополнить многими заявлениями других руководящих деятелей как коммунистических и рабочих партий, так и национально-освободительных движений.

Понятно, что учитывать возможность опереться на прямую экономическую, материально-техническую помощь социализма — это одно дело, а целиком полагаться на нее — совсем другое. Марксистско-ленинские партии понимают, что ресурсы, которые социалистическая экономика способна выделить на поддержку революционных, освободительных движений, не безграничны. К тому же в конкретных случаях масштаб и характер такой помощи лимитируются многими политическими обстоятельствами. Однако, как мы отметили, существует и иное поле для развертывания сотрудничества с мировой социалистической экономикой в национальных интересах народов и в интересах революционных сил как капиталистических, так и освободившихся стран. Это борьба за диверсификацию внешних хозяйственных связей, за расширение удельного веса в них экономических отношений с государствами социалистического содружества. Вот почему коммунисты капиталистических стран при разработке своих экономических программ и требований уделяют всевозрастающее внимание этой возможности и необходимости.

Всесторонний учет воздействия экономики на формирование международной классовой солидарности трудящихся позволяет лучше осознать сущность пролетарского интернационализма. Но разумеется, в полной мере использовать объективно заложенную в нем силу можно лишь при последовательном осуществлении соответствующего политического курса всеми заинтересованными сторонами. Поэтому марксистско-ленинские партии видят в укреплении интернационалистских связей и сотрудничестве важнейшее звено своей политической стратегии.

Наконец, обратимся к проблеме национальной свободы.

Представители революционного рабочего класса всегда считали своей бесспорной обязанностью признавать и отстаивать право наций на самоопределение. Ленину принадлежит огромная заслуга в том, что он раскрыл реальное содержание этой обязанности, представил ее как определенную линию действий, соответствующую расстановке и борьбе классовых сил на мировой арене.

Ленин показал, что, создав систему «прогрессирующего угнетения наций всего мира горсткой «великих» держав»¹, империализм вызвал к жизни ситуацию, в которой основное классовое противоречие капиталистической формации тесно переплетается с не менее глубоким и острым противоречием международного порядка. В один ряд с главным противником монополистического капитала — рабочим классом он поставил народы, лишённые

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 328.

национальной свободы. Следовательно, революционная смена капитализма социализмом не может быть результатом социально «чистого» единоборства буржуазии и пролетариата; весомый вклад в этот всемирный процесс непременно должны внести и национально-освободительные движения угнетенных народов¹.

Отсюда вытекают и практические задачи, отвечающие сущности пролетарского интернационализма. Ленин конкретизировал их, подчеркивая, что недостаточно объявить себя приверженцем принципа национального самоопределения; необходимо еще, во-первых, постоянно разъяснять, что путь к подлинной свободе, государственной независимости и равноправию наций связан с борьбой за социализм, и, «во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях... и в колониях»².

Ленинский, или, иными словами, пролетарский, классовый, подход к национальному самоопределению народов диаметрально расходился с господствовавшими идеями и установками буржуазии, ее общей классовой линией, направленной на защиту колониальных порядков, режимов национального угнетения. Однако рядом с этим открытым столкновением идеологий и политических курсов, отражавших коренной, с обеих сторон осознанный антагонизм классовых интересов, после начала первой мировой войны и особенно после Октябрьской революции расцвела активность сторонников «третьей позиции». Весьма усердствовали они, в частности, на реформистском фланге рабочего движения, в рядах II и центристского 2^{1/2} Интернационалов. От империалистической буржуазии они вроде бы отмежевывались тем, что признавали равноправие наций, право народов на национальное самоопределение. Но одновременно они всячески отгораживались и от революционных идей ленинизма. Они настаивали на том, что, мол, борьба закабаленных империализмом народов — исключительно их собственное дело, которому можно сочувствовать, однако нельзя практически помочь.

Ленин назвал это «извращениями понятия и политики интернационализма»³. Для реформистских деятелей, писал он, словесно признаваемый ими принцип национального самоопределения стал «лживой вывеской»⁴. Под такой вывеской они чувствовали себя очень уютно. С одной стороны, можно было красоваться в позе интернационалистов, а с другой — ничем не рисковать, пребывать в сторонке от битв, разворачивавшихся в колониальных империях.

В нынешних условиях проблема национальной свободы стоит во многих отношениях иначе, чем прежде. Но закономерно со-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 327; т. 44, с. 38.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 165.

³ Там же, с. 166.

⁴ См. там же, с. 165.

храняются два основных международных подхода к пей. Есть классовый подход буржуазии, целиком подчиненный одной цели — любыми средствами удержать развивающиеся страны в орбите капиталистической эксплуатации, под контролем империализма. И есть подход рабочего класса, социализма, которые, выражаясь ленинскими словами, считают и «своим долгом, и *своим интересом*»¹ оказывать народам бывших колоний и полукolonий всемерную помощь, содействовать тому, чтобы они располагали действительной свободой в определении своих национальных и социальных судеб.

Однако тут на сцене опять-таки появляются радетели мнимой золотой середины. Да, они осуждают империализм, который топчет национальные права, государственный суверенитет и интересы народов. Но обрушиваются и на социализм, который, видите ли, не успокаивается на выражениях сочувствия силам национального освобождения и оказывает им практическую помощь, а главное, в «недозволенных», с точки зрения сторонников «третьей позиции», формах.

В революционной политике выбор формы, конечно, имеет немалое значение. Только определяется он не догматическими предписаниями. Что касается союза сил социализма и национально-освободительного движения, то он, естественно, принимает различные формы, в частности, как писал Ленин, «сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей»². Для марксистско-ленинских партий, для государств социалистического содружества выполнение их интернациональной обязанности, оказание действенной помощи национально-освободительным, революционным силам — не простое дело. Оно сопряжено и с материальными нагрузками, и с жертвами, и с необходимостью принимать порой трудные политические решения. Словом, это напряженный, сложный участок мировой классовой борьбы.

Буржуазия хорошо осознает свои классовые интересы и печется о них гораздо больше, чем о какой бы то ни было форме. Для удушения национальной свободы народов империализм использует широкий набор традиционных и новейших средств. Здесь ему годятся и «силы быстрого развертывания», и банды наемников, и займы, предоставляемые с категорическим условием открыть двери перед транснациональными корпорациями. Годится доктрина «борьбы с международным терроризмом». Годится и лозунг... национального самоопределения. Да, именно так. История кое-чему научила и монополистическую буржуазию. Она готова выставить себя и поборницей национальных прав народов, когда это может сойти за аргумент в противодействии освободительному движе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 120.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 163.

нию, в попытках оторвать его от мощного международного союзника — социализма.

В таких условиях подлинная забота о национальной свободе, независимости, суверенитете народов может означать только одно — всемерную поддержку их борьбы, защиту против военных, политических и экономических покушений со стороны империализма. Сплошь и рядом случается так, что освободительным движениям не хватает собственных сил, чтобы противостоять империалистическому натиску. Чего бы стоил интернационализм, не признающий необходимости прийти к ним на помощь? Содействовал бы он утверждению их национальных прав? Служил бы он укреплению международного фронта антиимпериалистической солидарности?

Закрывая глаза на суровые реальности мира, мечтая о способе осуществления принципа национального самоопределения, сторонники подновленной применительно к современности «третьей позиции» доводят этот принцип до абсурдного требования заключить освободительное движение в вакуум, оградить его от влияний и воздействий мирового классового противоборства. Это иллюзия. Но она может увлечь, сбить с толку какую-то часть рабочего, демократического, освободительного движений. Перед лицом такой опасности марксисты-ленинцы не позволяют себе оставаться равнодушными. Они действуют в соответствии с заветами Ленина, который в свое время поставил борьбу именно с такого рода опасностью в ряд важнейших задач революционного рабочего класса, его политики интернациональной солидарности с народами, стремящимися вырваться из империалистической кабалы¹.

Много сил посвятил Ленин тому, чтобы был выполнен завет основоположников марксизма, считавших, что рабочий класс должен иметь собственную внешнюю политику. Такую политику непосредственно под ленинским руководством выработал пролетариат, вставший у власти в России. Ведомое коммунистами-ленинцами революционное рабочее движение в других странах также научилось прочерчивать свою классовую линию в международных делах. Сегодня можно с полным основанием говорить, что внешняя политика рабочего класса имеет богатую историю, большие завоевания.

Какими бы ни были методы и средства ее осуществления, эта политика отличается большой действенностью. Даже самые мало-заметные ее акции не пропадают даром, не проходят бесследно. Почему? Потому, что они всегда дают почувствовать великую всемирную силу пролетарского интернационализма. Как говорил Ленин, «дело не в числе, а в правильном выражении идей и политики действительно революционного пролетариата. Суть не в «провозглашении» интернационализма, а в том, чтобы уметь быть, даже в самые трудные времена, интернационалистом на деле...»².

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 177.

Для исторического момента, переживаемого нами сегодня, эти слова звучат в высшей степени актуально. Острота ключевых проблем времени властно требует укрепления интернациональной солидарности всех сил, движимых интересами мира, социального прогресса, национальной свободы. Эти силы небывало выросли. К ним тянутся, с ними смыкаются все новые социальные группы, целые народы. Их сознанием все прочнее владеет мысль о необходимости международного единства действий. Марксисты-ленинцы видят в этом новые возможности для умножения мощи и действительности испытанного союза социализма, революционного рабочего класса, национально-освободительного движения. Только объединение всех этих сил может обеспечить мир и прогресс человечеству. Другого пути нет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Завершая работу, посвященную современному значению опыта трех революций в России, роли партии большевиков и ее вождя В. И. Ленина в этих величайших битвах первой четверти XX века, в победе Октябрьской социалистической революции, невольно обнаруживаешь, как много богатейших, поучительных исторических событий и фактов осталось за пределами исследования. Здесь сказываются прежде всего подлинная неисчерпаемость избранной темы и, безусловно, ограниченные возможности раскрыть ее достаточно всесторонне в индивидуальной работе.

Но как бы автор ни осознавал эти ограниченные возможности, он, заканчивая свой труд, естественно, ставил перед собой вопрос: удалось ли сказать то, быть может, самое главное, без чего историко-теоретическое исследование уроков трех российских революций в связи с современностью нельзя считать, хотя бы в основном, логически завершенным? Этот вопрос с тем большим основанием возникал перед автором, ибо он отчетливо представлял, что данная книга — одна из попыток анализа значения конкретного опыта трех революций в России специально и преимущественно с точки зрения современной революционной практики.

Какие же выводы вытекают из анализа избранной темы?

Опыт трех российских революций явился живым воплощением основных закономерностей победоносной революционной борьбы рабочего класса за социалистическое преобразование общества. В свете всей послеоктябрьской истории революционного развития мира становится особенно очевидным тот факт, что революции в России были своего рода гигантским «испытательным полигоном» для всех революций XX века, для всех классовых битв пролетариата, других слоев трудящихся, битв, составляющих содержание всемирного перехода от капитализма к социализму.

Великий Октябрь коренным образом изменил социально-политическое лицо нашей планеты. Это вынуждены, хотя и неохотно, признавать и наши идейные противники. Приведем лишь некоторые примеры. Ленинизм и Октябрь, по словам итальянского буржуазного публициста П. Мелограни, «действительно зажгли души и способствовали распространению, расширению рядов тех, кто стремится к радикальному обновлению общества»¹. Октябрьская революция, отмечает английский историк Э. Карр, «явилась источником более глубоких и длительных откликов по всему миру, не-

¹ Corriere della sera, 7. XI. 1977.

желез любая другая революция современной эпохи»¹. «...Ни одно событие,— пишет американский «советолог» Г. Эллисон,— не оказало большего влияния на двадцатое столетие, чем русская революция»². «Во всем мире,— замечает французский социолог Р. Арон,— миллионы людей по-прежнему восхищаются прометеевым огнем 1917 года и героями большевизма»³.

Новый качественный сдвиг в мировой обстановке вызвало образование системы социалистических государств, а также крушение колониальных империй. В борьбу за лучшее будущее втянулись буквально все народы мира, как в цитаделях капитализма, так и в тех странах, которые еще недавно были лишь объектом политики монополий. Все это привнесло много нового в мировой революционный процесс, в общие условия классовой борьбы и в конкретную ее практику.

И тем не менее развитие этой борьбы подчиняется тем же закономерностям, которые впервые проявились в ходе трех революций в России. Почему? Прежде всего потому, что ныне в странах капитала, как это было и в России, революционная борьба своим острием направлена против империализма. Задачей этой борьбы остается освобождение трудящихся масс от гнета капитала, что было и задачей революционного пролетариата России. В качестве главной движущей силы революционной борьбы выступает, как и в российских революциях, рабочий класс, стоящий в центре эпохи. Это те основные объективные факторы, которые и делают закономерности развития трех российских революций одновременно и главными закономерностями революционной борьбы нашего века.

Необходимым условием практических успехов революционной партии является овладение ею этими закономерностями, умение использовать их на практике, революционное мастерство. А это в свою очередь означает, что опыт трех российских революций и в наше время сохраняет живую, практически осязаемую актуальность.

Разумеется, в процессе классовой борьбы в той или иной стране революционное творчество масс рождает и что-то неповторимое; новые революции всегда привносят в мировое революционное развитие свою специфику, свои особенные черты. Тем самым они обогащают мировой революционный опыт, а следовательно, и опыт трех революций в России, в которых впервые обрели плоть общемировые законы революции. Поэтому с точки зрения задачи успешного осуществления революционных преобразований важно уметь творчески применить общее, закономерное и строго учиты-

¹ Carr E. H. The Russian Revolution from Lenin to Stalin. 1917—1929. London, 1979, p. 191.

² Soviet Studies, July 1981, p. 448.

³ Aron R. Op. cit., p. 99.

вать специфику, своеобразие. Всякая ошибка, всякий перекося в этом деле неизбежно открывает дорогу субъективизму, национализму и прочим опасным для дела революции уклонам.

Отсюда понятно и большое значение идейно-политической борьбы за выработку правильных позиций в вопросах революционной теории, в том числе и в оценке современного значения опыта трех революций в России, опыта Октября. Необходимо вести борьбу против тех, кто, приписывая его значение, пытается тем самым столкнуть революционные силы на путь узколобого национализма, разобщить различные отряды революционеров, увести их в сторону от главного, магистрального пути мирового революционного движения, проложенного Великим Октябрем. В то же время надо быть по-ленински бескомпромиссным и в борьбе с догматиками — бездумными копиистами чужого опыта, с теми, кто, ссылаясь на свою якобы верность российским образцам, в действительности обедняет, выхолащивает их богатейшее творческое содержание. Ведь один из важнейших уроков российских революций как раз в том и состоит, что опора на предшествующий опыт вовсе не означает повторения известных общих формул и слепого подражания в методах борьбы. Напротив, эти уроки подтвердили, что революции не делаются по шаблону, что революционеры только в том случае добиваются своих целей, если они умело применяют общие закономерности к конкретной обстановке, строят стратегию и тактику в соответствии со строгим научным анализом новых явлений и тенденций общественной жизни.

История революционной борьбы учит: как пренебрежение накопленным опытом, игнорирование подтвержденных практикой закономерностей, нарочитое подчеркивание национальных и «региональных» особенностей, так и неумение видеть новое и специфическое, робость теоретической мысли приводят в конечном счете к одному результату — отсрочке назревших социальных перемен, отвечающих потребностям общественного прогресса.

Вот те некоторые, по-видимому самые главные, выводы общего порядка, которые вытекают из анализа российских революций в свете сегодняшней революционной практики.

Но история не стоит на месте. Впереди новые битвы, новые приливы освободительной классовой борьбы. А потому мы вправе и обязаны задуматься о будущем. И не может быть сомнения в том, что новые отряды революционеров, включающихся в борьбу, направят пытливую мысль на поиск исторических образцов, поучительных уроков прошлого, испытанного, проверенного опыта, который необходим тем, кто овладевает сложным «искусством делать революцию». А это неизбежно приведет к дальнейшему пристальному изучению истории трех революций в России и, несомненно, позволит заметить новые черты проявившихся в них закономерностей, значение которых пока не раскрыто. Сама практика будет давать все новый и новый материал для исследования меж-

дународного значения уроков трех российских революций, обнаруживая таким образом их жизненность и силу, их богатство и неисчерпаемость.

Автор надеялся, что и его книга явится скромным вкладом в исследование необъятной темы, содержание которой — освоение человечеством великого наследия теоретического гения Ленина и революционных подвигов рабочего класса, всех трудящихся России.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3

1

ИМПЕРИАЛИЗМ, РЕВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЭПОХА	12
Ленинизм и реформизм о роли эволюции и революции в общественном прогрессе	13
Победа революции в одной стране и мировой революционный процесс	46
Как и когда возникает революция	71

2

ДИАЛЕКТИКА ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ В РЕВОЛЮЦИИ	102
К вопросу о методе	103
На пути к экономическому освобождению	126
О роли насилия в социальных преобразованиях	149

3

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ	173
Непрерывность революции	175
Диалектика демократических и социалистических задач	205
Основные рычаги перерастания и процесс перегруппировки классовых сил	233

4

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ	261
Рабочий класс	263
Крестьянство	306
Другие слои и группы общества	332

5

ПУТИ И ФОРМЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ	357
Революционное насилие и диалектика форм борьбы	359
Мирный (невооруженный) путь	380
Немирный (вооруженный) путь	412

6

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОБЕДЫ	432
Гарантии от реставрации	436
Формы и методы упрочения политических завоеваний	462
Диктатура пролетариата	489

7

РОЛЬ ПАРТИИ	516
Главные требования к партии революции	519
Отношение к сотрудничеству с другими партиями и вопрос о едином фронте	543
Искусство руководства революцией	570

8

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ	592
Интернационалистский подход к проблеме мира	593
Интернациональное и национальное в борьбе за социальный прогресс	609
Послесловие	635

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ ЗАРОДОВ

ТРИ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И НАШЕ ВРЕМЯ

Издание третье,
переработанное и дополненное

Заведующий редакцией А. Л. ЛАРИОНОВ
Редактор Г. П. НОВИКОВА
Младший редактор А. П. ОВСЕПЯН
Оформление художника В. И. ХАРЛАМОВА
Художественный редактор А. М. ПАВЛОВ
Технический редактор Н. Ф. КУВРАКОВА
Корректор С. С. НОВИЦКАЯ
ИБ № 2340

Сдано в набор 21.01.83. Подписано в печать 11.04.83. А03451. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типогр. № 1. Обыкн. нов. гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 40. Учетно-издательских листов 45,88. Усл. кр.-отт. 40. Тираж 20 000 экз. Заказ № 770. Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

К. И. ЗАРОДКОВ
ТРИ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ
И НАШЕ ВРЕМЯ

